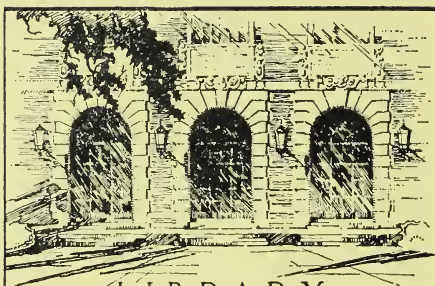

ИСТОРІЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ИСТОРІЯ
ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦІИ
ЛУИ БЛАНА.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
М. А. АНТОНОВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.
1871

Печатано въ типографіи Н. Неклюдова (Офицерская, домъ № 7—14).

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

(См. опечатки въ концѣ книги.)

СУЖДЕНІЕ ЖОРЖЪ ЗАНДЪ
ОБЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ
ЛУИ БЛАНА.

«Прослѣдить день за днемъ, часъ за часомъ эту бурю, среди которой человѣческая душа, содрогаясь отъ ужаса и святаго гнѣва, искала истины въ океанѣ слезъ и крови; пройти всю эту кровь, всѣ эти слезы; не смутиться передъ страшными привидѣніями, пройти подъ отвратительнымъ эшафотомъ, смотрѣть на головы, насаженныя на конецъ пикъ и носимыя надъ разъяренною толпою, встрѣтить фатальную колесницу, на которой жертвы безъ разбора навалены въ кучу; имѣть родныхъ унесенныхъ или убитыхъ этою грозою; почувствовать до мозга костей ту дрожь, которую предъидущее поколѣніе завѣщало нынѣшнему какъ отраженіе своихъ безсмертныхъ страданій: перевидѣть и перечувствовать все это и все-таки послѣ созерцанія подобныхъ потрясающихъ картинъ стать еще болѣе бодрымъ, болѣе убѣжденнымъ, болѣе спокойнымъ и болѣе гуманнымъ, — вотъ великая похвала, съ которою мое сердце можетъ обратиться къ тому, кто поставилъ эти картины передъ моими глазами.»

Эти строки мы писали въ 1847 г. Прошло 18 лѣтъ богатыхъ опытами страшными по очевидности съ тѣхъ поръ, какъ мы объявили о появленіи въ свѣтъ двухъ первыхъ томовъ этого важнаго и великолѣпнаго сочиненія, въ настоящее время уже оконченнаго, популяризованнаго иллюстрированнымъ изданіемъ, обсуждаемаго всѣми честными умами

и ставшаго въ первомъ ряду между историческими книгами, которыя произвелъ нашъ вѣкъ уже столь богатый подобными книгами.

Итакъ, перечитывая въ настоящее время 12 томовъ Луи Блана о французской революціи, мы въ десять разъ сильнѣе убѣждаемся въ томъ, чтó мы думали 18 лѣтъ назадъ. О многихъ ли фактахъ, о многихъ ли дѣлахъ, о многихъ ли сужденіяхъ мы можемъ сказать неизмѣнно тоже самое послѣ промежутка времени богатаго столькими опытами и разочарованіями? Политическій катаклизмъ повидимому разсѣялъ прогрессивные элементы, которые сгруппированы были обстоятельствами вокругъ общаго дѣла; но тамъ, гдѣ личность достойно представляла истинную идею, эти элементы нисколько не потеряли своей силы, разсѣяніе не коснулось нравственной области, удаленіе личностей только придало еще больше силы ихъ мысли, еще болѣе важности ихъ генію. Тѣ, которые были на аванпостахъ освободительнаго движенія, остались во главѣ своихъ колоннъ и въ ихъ рукахъ свѣточъ истины блещетъ еще болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ тогда, когда его носили во время бури. Тѣ, за которыми мы слѣдуемъ среди хаоса событій, далеко отъ насъ; они не стоятъ подлѣ насъ, чтобы освѣщать ихъ огнемъ нашу дорогу. Но ужели этотъ огонь погасъ, ужели они удалились отъ насъ? Нѣтъ, они поднялись выше и подобно спокойнымъ и могучимъ маякамъ посылаютъ на насъ лучи, которыхъ не въ состояніи задержать никакая человѣческая сила.

Что касается до меня, то я не раздѣляю безутѣшнаго отчаянія тѣхъ, которые, представляя себѣ прогрессъ въ извѣстныхъ формахъ, думаютъ, что онъ вдругъ сдѣлалъ поворотъ назадъ, и цѣною явныхъ непослѣдовательностей прокладываютъ себѣ другую дорогу и ищутъ спуска для себя черезъ новыя препятствія. Совершается ли прогрессъ посредствомъ злоупотребленія свободой или же посредствомъ лишенія ея, мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ онъ совершается и что теперь онъ уже не можетъ встрѣтить прочныхъ препятствій. Долгій мракъ протекшихъ вѣковъ еще посылаетъ намъ мрачныя облака, которыя усиливаются заволочь небо; но французская революція, страшное и величественное резюме всѣхъ прежнихъ усилій человѣчества, разодрала сверху до низу завѣсу храма и мы уже не увидимъ новаго продолжительнаго господства принциповъ такъ называвшагося божественнаго права.

Жребій этихъ принциповъ совершился. Просвѣтившись философскимъ свѣтомъ, человѣкъ дошелъ до болѣе возвышеннаго понятія о божественномъ. XVIII вѣкъ, бывшій атеистическимъ или деистическимъ освободилъ насъ отъ страха передъ абсолютнымъ страшнымъ Іеговою, утверж-

дающимъ на небесахъ всѣ повелѣнія, даваемыя относительно насъ земными королями. Съ тѣхъ поръ такъ называвшееся божественное право не имѣетъ значенія; но такъ какъ человѣкъ еще не можетъ обойтись безъ надежды на сверхъестественное вмѣшательство въ его судьбу, то многіе оставили понятіе о представителяхъ божественной воли по праву наслѣдства и стараются замѣнить его понятіемъ о представителяхъ Провидѣнія путемъ завоеванія или по праву искуснѣйшаго.

Право завоеванія неудовлетворительно, — это законъ случая, право сильнѣйшаго; оно можетъ нравиться только атеистамъ.

Право умственнаго превосходства нравится тѣмъ, которые не хотятъ допустить божество чуждое нашимъ маленькимъ вседневнымъ дѣламъ. Въ одномъ смыслѣ они дѣйствительно правы: тотъ, кто создалъ человѣка и вселенную, никогда не можетъ оставаться чуждымъ тому, что дѣлаютъ человѣкъ и вселенная; но многіе ли умы спокойны до того, чтобы понять, что божественные законы оставляютъ существа и предметы совершеннѣйшимъ законамъ управляющимъ ими? Впрочемъ слово «оставляютъ» здѣсь не идетъ. Сила, устанавливающая такіе законы, ввѣрила имъ существа и предметы и Богу нѣтъ надобности быть мудрымъ и предусмотрительнымъ по-нашему для того, чтобы представить уму типъ мудрости и предусмотрительности.

Однако можемъ ли мы исключить Провидѣніе изъ числа уважаемыхъ нами предметовъ и изъ нашихъ стремленій? Зачѣмъ исключать эту святую идею, если мы можемъ, понявши ее какъ слѣдуетъ, очистить ее отъ узкихъ капризовъ, которые приписывало ей невѣжественное прошедшее, и требовать законно его отеческаго вмѣшательства въ наши благородныя намѣренія, въ нашу героическую борьбу? И въ самомъ дѣлѣ, ужели Провидѣніе вызвало Цезаря, ужели оно простило его преступленія и покровительствовало его интригамъ, находя болѣе удобнымъ обратиться къ ловкости одного человѣка, чѣмъ просвѣщать невѣжественныя и страстныя массы? Это значило бы приписывать божественному дѣйствію много лѣности и фантазіи, и историческая литература вовсе не серьезно употребляетъ поэтическія выраженія, въ которыхъ говорится, что нѣкоторымъ людямъ принадлежитъ право дѣйствовать во имя боговъ.

Мы думаемъ, что Провидѣніе есть дѣйствіе Бога *въ* насъ самихъ, а не *на* насъ. На этомъ основаніи мы всѣ имѣемъ одинаковое право на его благодѣянія, на его откровенія и мы сами знаемъ все лучше и лучше законы этого дѣйствія, мы сами должны учить другъ друга, ни одному

изъ насъ не приписывая исключительнаго права направлять наши мнѣнія и нашу судьбу по своимъ честолюбивымъ прихотямъ.

Нигдѣ великіе результаты, которые народъ можетъ получить отъ иниціативы каждой личности, обильно просвѣщенной въ данный моментъ своего существованія свѣтомъ провиденціальнаго прогресса, не обнаруживались такъ ясно, какъ во время большой французской революціи. Иногда бывали волненія, возбужденныя вліяніемъ той или другой личности, но эти личности чувствовали потребность въ содѣйствіи всѣхъ, чтобы энергически сражаться за принципъ, и люди въ эти великіе часы исторіи почти могли сказать о себѣ: въ настоящее время Богъ занимается нами или по крайней мѣрѣ хранитъ насъ!

Но какое бы чувство мы ни вносили въ наши сужденія, религіозное или фаталистическое, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что это— великое зрѣлище и что оно заслуживаетъ быть понятымъ и оцѣненнымъ со стороны потомства, какъ одинъ изъ тѣхъ кризисовъ быстраго развитія, которые обозначаютъ собою высшія фазы исторіи человѣка на землѣ. Изучить и понять это громадное событіе значитъ почти усвоить и изучить философію: потому что на какую бы точку зрѣнія мы ни стали, во всякомъ случаѣ нужно признать, что это событіе породило насъ умственно, нравственно и физіологически; что только благодаря ему мы стали тѣмъ, что мы есть теперь, и что безъ него мы можетъ быть еще и теперь имѣли бы передъ собою неизвѣстность.

Но теперь не то. Революція создала логику въ мірѣ. Мы знаемъ теперь, почему общества существуютъ, къ какимъ цѣлямъ они стремятся и чего должны достигать. Мы знаемъ, какимъ образомъ они преобразовываются и почему грандіозныя усилія торжествуютъ или оказываются безплодными, смотря по тому, подавляетъ или уважаетъ страсть идею, смотря по тому, заставляетъ ли идея молчать или говорить человѣческое чувство. Все это есть въ революціи. Мы видимъ тутъ воли съ удивительной силой, громадныя ошибки, безпредѣльныя стремленія, плачевныя заблужденія. Это настоящая книга судебъ новыхъ временъ. Въ ней можно основательно изучить законъ человѣческой жизни, увидѣть, изъ какихъ элементовъ онъ слагается, какъ нужно понимать справедливость фиктивную и справедливость дѣйствительную, гдѣ находится граница, которую совѣсть не можетъ переходить безнаказанно; какія наказанія влечетъ за собою каждое преступное покушеніе, которое повидимому требуется политикой; какія чудеса можетъ совершить вѣра; до какихъ злодѣяній можетъ низойти фанатизмъ и какими прискорбными реакціями наказываются яростныя дѣйствія. Если ограни-

читься только изученіемъ личности, то кажется ничего не можетъ быть непослѣдовательнѣе человѣческой природы, и когда за основаніе какой-нибудь системы берется исторія этой личности, тогда представляется ужасною кажущаяся несправедливость столь прославляемаго историческаго Провидѣнія. Но когда предметомъ изслѣдованія бываютъ дѣйствія и коллективная судьба народа, тогда обнаруживается перстъ Божій, т. е. вѣчная логика, которая управляетъ всѣмъ, которая освобождаетъ или порабощаетъ, заставляетъ идти впередъ или назадъ, падать или подниматься общій прогрессъ, смотря по тому, очищено или помрачено чувство истины въ орудіяхъ этого прогресса. Только въ цѣломъ ряду страшныхъ событій можно открыть великіе законы права и долга и только изъ него съ торжественною очевидностью вытекаетъ связь между дѣйствіями и причинами, показывающая, что добро не происходитъ отъ зла и что никакое зло неспособно подавить дѣйствіе добра. Эта ужасающая путаница революціи, созерцаемая съ высоты философскаго ума и здравой совѣсти, становится ясною и убѣдительною какъ математическое доказательство.

Вотъ капитальная вещь, какую съумѣлъ сдѣлать изгнанникъ 1848 г. Онъ изучилъ эту кровавую и славную страницу, непонятную для тѣхъ, которые писали ее своею кровью, и долгое время остававшуюся неясною и для насъ, ихъ потомковъ. Онъ освѣтилъ ее блистательнымъ свѣтомъ великой морали, столь забываемой всегда въ извѣстныхъ политическихъ сферахъ. Онъ ничего не скрылъ, ничего не преувеличилъ, ничего не извинилъ даже въ его любимыхъ герояхъ. Онъ съ неслыханнымъ терпѣніемъ и непоколебимою добросовѣстностью искалъ смысла и значенія безчисленныхъ документовъ собранныхъ и перерытыхъ имъ въ теченіе 20 лѣтъ. При встрѣчѣ съ самыми разнорѣчивыми показаніями онъ горячо защищалъ дѣло людей оклеветанныхъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, и однакоже тамъ, гдѣ осуждаетъ мораль, и онъ осуждалъ ихъ. На мѣсто холоднаго безпристрастія, которое ничего не угадываетъ, потому что для него не особенно важно узнать истину, онъ поставилъ въ исторіи неуклонную справедливость, которая все принимаетъ въ разсчетъ и которая изо всѣхъ силъ провозглашаетъ вѣру, умъ и сердце.

Такимъ образомъ его книга есть памятникъ, который останется навсегда. Это есть дѣло таланта перваго разряда, которымъ располагаетъ великій характеръ. Въ немъ напрасно было бы искать слѣдовъ воображаемой личной системы. Дыханіе, оживляющее его, есть дыханіе философіи самой возвышенной, самой ясной, принятой всѣми лучшими ума-

ми настоящаго поколѣнія, самой здравой относительно прошедшаго и наиболѣе практичной относительно будущаго. Я не понимаю, гдѣ нѣкоторые критики увидѣли въ немъ доктрину узкаго соціализма, жертвующаго правомъ личности интересу всѣхъ, какъ-будто въ обществѣ логическомъ и раціональномъ подобная жертва не повлекла бы за собою смерть соціальнаго тѣла. Жанъ-Жакъ Руссо впалъ въ эту ошибку. Мы знаемъ, что это ошибка, и тѣмъ неменѣе мы стоимъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо противъ тѣхъ, которые въ свое время хотѣли пожертвовать тѣмъ, что онъ называлъ общественнымъ договоромъ, фантазіи и эгоизму личности. Легко видѣть, что Луи Бланъ ближе стоитъ къ Руссо, чѣмъ къ Вольтеру; но на какой бы страницѣ мы ни открыли его книгу, вездѣ увидимъ въ ней горячее исканіе истины выше той, которая была предметомъ споровъ XVIII вѣка и послѣдствія которой столь фатально тяготѣютъ надъ революціей. Это высшая истина, это согласіе двухъ доктринъ, это трудъ, завѣщанный намъ нашими отцами, это слово будущаго. Никто еще не можетъ сказать, въ какой именно формѣ будетъ разрѣшена эта великая проблема; но обвинять благородный и великій умъ въ томъ, будто онъ не призналъ и не провозгласилъ ея необходимости, это значитъ не понимать его и почти клеветать на него.

Конечно въ крайнихъ кризисахъ революціи бывали порывы энтузіазма, часы опасности, когда патріотическій героизмъ умѣлъ пожертвовать всѣмъ, даже правомъ личности идеалу свободы и страсти національности. Это были священные порывы, которые раздѣляетъ самъ историкъ, разсказывая объ нихъ и которые всѣ мы раздѣляемъ, читая удивительныя страницы внушенныя ему этимъ предметомъ; но заключать изъ этого, будто онъ мечтаетъ о состояніи порывовъ, лихорадки и страсти какъ о нормальномъ состояніи будущаго общества, это значитъ обвинять автора и читателя въ безуміи, а такія обвиненія не заслуживаютъ и отвѣта.

Показать, какими удивительными усиліями человѣческая совѣсть, бросивши слѣпое суевѣріе пассивнаго повиновенія, искала законъ своего освобожденія; слѣдить за нею безпристрастно въ ея удивительныхъ завоеваніяхъ и ея прискорбныхъ ошибкахъ; показать ее въ ея высшіе моменты, не стараясь оправдывать ужасовъ ея опьянѣній; понять и оцѣнить всякій героизмъ, но въ особенности уловить преобразованіе народнаго духа, смотрѣть на выдающихся людей только какъ на временное воплощеніе идей и страстей коллективнаго существа,—такова была цѣль знаменитаго историка. Можно сказать, что въ этомъ трудѣ — его сила и его вѣра возвышались изъ года въ годъ, отъ тома къ тому. Проник-

нутый волненіемъ, какое можетъ вызвать подобный предметъ, онъ однако ни на одно мгновеніе не позволилъ себѣ увлечься фанатизмомъ. Логикъ идеи остался человѣкомъ сердца и даже человѣкомъ нѣжныхъ инстинктовъ. Эта благородная фибра соотвѣтствуетъ стремленіямъ новаго духа. Революція уже довольно далеко отъ насъ, ея завоеванія довольно обезпечены, такъ что молодежи нашего времени нѣтъ уже надобности быть нетерпимою къ ея излишествамъ и нападать на ея жертвы. Молодежь уже вполнѣ готова воспользоваться суровыми уроками исторіи и судить прошедшее съ верховною справедливостью. Она любитъ и цѣнитъ писателя, который не далъ ей превзойти себя и душа котораго, оставаясь юною, находитъ въ чистотѣ своей вѣры и въ высотѣ своего ума столь рѣдкій секретъ соединять свѣжесть впечатлѣній съ зрѣлостью таланта.

Жоржъ Зандъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ 1868 ГОДА.

Въ письмѣ отъ 22 февраля 1866 г., адресованномъ въ газету «Temps», я говорилъ:

«Сила, которою обладаютъ могучія личности, почерпается ими изъ самихъ себя только весьма меньшею частью; большею же частью они почерпаютъ ее изъ окружающей ихъ среды: жизнь ихъ есть ничто иное какъ только сосредоточеніе коллективной жизни, въ которую они погружены.»

Ставши на эту точку зрѣнія, я и писалъ «Исторію революціи», и я прошу читателя постоянно имѣть это въ виду.

Я не принадлежу къ тѣмъ, которые жизнь народа ограничиваютъ жизнью личности.

Я не принадлежу къ тѣмъ, которые для того, чтобы выставить болѣе высокими нѣсколькихъ личностей, охотно согласились бы представить человѣчество болѣе малымъ.

Я знаю, что историческія личности, даже самыя знаменитыя, суть все-таки только эфемерные актеры въ драмѣ сочиненной обществомъ, къ которому они принадлежатъ.

Итакъ если я особенно ярко выставилъ на видъ въ революціонной драмѣ роль ея главныхъ актеровъ, начиная съ Робеспьерра, Сенъ-Жюста и Дантона, то при этомъ все-таки показывалось, что ихъ сила вытекала изъ народа и была болѣе или менѣе значительна смотря по тому, болѣе или менѣе полно они представляли его или болѣе или менѣе полно служили ему.

Сказавши это, я помѣщаю самое письмо, о которомъ говорилось выше:

Лондонъ.

ГОСПОДИНУ ГЕБРАРУ.

Милый другъ.

По поводу сочиненія Эдгара Кине «Révolution» завязалась весьма горячая полемика и вы просите меня высказать мое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Мнѣ кажется, что я прежде уже высказалъ и развилъ его въ сочиненіи, которое состоитъ изъ 12 томовъ и стоило мнѣ 18 лѣтъ изслѣдованій, изученія и размышленія. Но вы находите полезнымъ, чтобы я сказалъ по этому случаю нѣсколько словъ въ газетѣ, которой мы оба принадлежимъ. Извольте. Если нашъ другъ Неффтцеръ согласится, то вы можете напечатать это письмо. Я не только соглашаюсь на это, но буду этому очень радъ. Потому что я признаюсь, что мое мнѣніе не вполнѣ согласно съ тѣмъ, какое было высказано въ «Temps». Скажу болѣе: я не безъ болѣзненнаго чувства прочиталъ нападенія, направленныя нашимъ сотрудникомъ, Жюлемъ Ферри, противъ людей, на которыхъ я смотрю какъ на борцовъ истины и мучениковъ за правду.

Что же касается сочиненія, подавшаго поводъ къ горячей полемикѣ, о которой вы говорите, то я оплакиваю появленіе его въ свѣтъ. Проникнутый уваженіемъ къ характеру Эдгара Кине и удивленіемъ къ его таланту, я съ изумленіемъ спрашиваю, какимъ образомъ такой демократъ какъ онъ дошелъ до того, что оказалъ подобную услугу и доставилъ подобную радость контр-революціонной партіи. Онъ конечно писалъ то, что думалъ. Мнѣ хочется такъ думать и я съ уваженіемъ преклоняюсь предъ его искренностью; но его ошибка по моему мнѣнію тѣмъ болѣе прискорбна.

Не подумайте впрочемъ, чтобы употребленіе насильственныхъ средствъ, диктатуры, терроризма были вещами по моему вкусу: Боже меня сохрани!

Вы пишете мнѣ: «важнѣе всего то, чтобы воспользоваться прошедшимъ; чтобы снова не начинать того, что было уже пріобрѣтено.»

Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Хотите доказательство? Взгляните на первую страницу I тома моей «Исторіи революціи»; тамъ вы прочтете:

«Но вмѣсто того, чтобы ужасать насъ, эти печальныя воспоминанія должны успокоивать насъ. Если интеллектуальная сторона дѣла, которую еще предстоитъ совершить, досталась на нашу долю, то это потому, что люди революціи взяли на свою долю мрачную сторону его. Эта мягкость нравовъ, во имя которой мы, сердца малодушныя и неблагодарныя, допустили, чтобы ихъ статуи были закрыты, стала для

насъ легкою только благодаря имъ, только благодаря тому, что они вмѣсто насъ боролись съ препятствіями и устранили ихъ въ нашу пользу, только благодаря борьбѣ, отъ которой они избавили насъ, но въ которой погибли сами. Своими насиліями они приготовили для насъ спокойное положеніе. Они исчерпали ужасъ, исчерпали смертную казнь; терроръ, вслѣдствіе своего излишества, сдѣлался навсегда невозможнымъ.»

И если теперь отъ первой страницы вы перейдете къ послѣдней, то что вы тамъ прочитаете?

Что терроръ, спасая республику, изувѣчилъ ее;

Что среди произведенной имъ ночи, которую подозрѣніе населило очень скоро фантомами и во время которой нельзя было достаточно разглядѣть лицъ, онъ далъ ей возможность поражать и ея друзей и ея враговъ;

Что вслѣдствіе его отчасти потерялся для міра смыслъ чудеснѣйшаго, плодотворнѣйшаго и высочайшаго событія исторіи;

Что онъ далъ возможность съ успѣхомъ клеветать на свободу всѣмъ тѣмъ, въ комъ свобода возбуждаетъ ужасъ;

Что страшный характеръ употребленныхъ средствъ послужилъ къ тому, что скрылъ отъ близорукихъ умовъ удивительное величіе преслѣдовавшейся цѣли;

Что драмы публичной площади обманули вниманіе слабыхъ умовъ, ослѣпивши его, и что революція подвергалась опасности не имѣть успѣха, еслибы блескъ идей, принесенныхъ ею народамъ, не былъ до такой степени ярокъ, чтобы освѣтить даже ту тѣнь, которую распространяла вокругъ себя гильотина.

Вы видите, мой милый Гебраръ, что это вовсе не значитъ писать апологію терроризма.

Такимъ образомъ я не принадлежалъ бы къ числу тѣхъ, которыхъ глубоко опечалила книга Эдгара Кине, еслибы авторъ ея не извратилъ происхожденія и не перетолковалъ сущность того, что онъ осуждаетъ; еслибы онъ не приписалъ извращеннымъ идеямъ или низкимъ страстямъ того, что собственно было печальнымъ, но неизбѣжнымъ результатомъ безпримѣрно ужаснаго положенія; еслибы онъ, сдѣлавши изъ террора систему, не возложилъ на революціонеровъ самыхъ разумныхъ и самыхъ преданныхъ дѣлу отвѣтственности за ту фатальность, которой они подверглись, и за тѣ излишества, противъ которыхъ они боролись; еслибы онъ не слишкомъ охотно представлялъ мрачной трагедіей то, что было прежде всего удивительными родами; еслибы онъ не

отправился отъ ложной оцѣнки фактовъ, чтобы оскорблять память великихъ людей, совершившихъ столько великихъ дѣлъ; еслибы онъ тѣмъ же самымъ перомъ, которымъ онъ упрекалъ ихъ за то, что они не были религіозными тиранами, не превратилъ въ тирановъ этихъ героевъ общественнаго блага,. которые добровольно напередъ съ самоотверженіемъ, почти баснословнымъ, отдали свои сердца на неслыханную пытку, свои головы—палачу, свои тѣла—плахѣ и свои имена—злословію исторіи, писанной побѣдителями.

Нѣтъ, что бы ни говорилъ Кине, терроръ не былъ системой; онъ былъ, что совершенно иное дѣло, громаднымъ несчастіемъ, возникшимъ изъ чудовищныхъ опасностей.

Въ какое время и въ какой странѣ хищническія нападенія не вызывали яростнаго сопротивленія? Англичане народъ просвѣщенный, народъ свободный, народъ гуманный и мы тщеславимся, что живемъ въ вѣкѣ, который не имѣетъ жажды крови. И однакоже, что дѣлали англичане въ Индіи, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ владычеству угрожало возстаніе Сипаевъ? Волосы становятся дыбомъ при воспоминаніи объ этомъ. Вообразите себѣ, что несчастныхъ плѣнниковъ приводили передъ ихъ соотечественниковъ, которыхъ силою заставили придти смотрѣть, какъ этихъ плѣнниковъ привязывали къ duламъ пушекъ, изъ которыхъ потомъ стрѣляли, такъ что въ этихъ зрителей ударяли куски разорванныхъ тѣлъ ихъ соотечественниковъ и брызгала дождемъ кровь ихъ,—и все это для того, чтобы внушить туземцамъ спасительный страхъ! Революція не выдумала ничего подобнаго. А каковы были ужасы, зрѣлищемъ которыхъ была Ямайка, ужасы, которымъ многіе въ Англіи готовы были рукоплескать, только бы было доказано, что бѣлому населенію дѣйствительно угрожала опасность?

Такимъ образомъ въ наше время люди, принадлежащіе къ одной изъ самыхъ гуманныхъ націй на землѣ, къ націи, которая ненавидитъ диктатуру и все похожее на нее, примѣнили къ востоку и Ямайкѣ систему террора.

Но, возразите вы, отчего же я не говорю о рѣзнѣ въ Каунпорѣ, отчего не говорю о рѣзнѣ въ Моранъ-Беѣ, отчего я не подумаю о томъ, какъ велика была опасность въ этихъ случаяхъ и какой возмутительный характеръ имѣли здѣсь вызовы и начинанія? Это такъ. А французская революція развѣ покоилась на розахъ въ то время, когда ее охватило опьянѣніе? А развѣ ея ярость не объясняется никакимъ вызовомъ? Вспомните, что тогда было. Югъ Франціи находился въ возстаніи, Бретань и Нормандія бунтовали, Лозера была во власти роялистовъ, Тулонъ призы-

валъ англичанъ, Ліонъ вооружился противъ Парижа, Вандея была охвачена пламенемъ, австрійцы господствовали въ Конде, пруссаки въ Майнцѣ, герцогъ іоркскій въ Валансьеннѣ, внутренніе заговорщики были соучастниками внѣшнихъ враговъ, вообще на революцію съ бѣшенствомъ напали всевозможныя силы и всевозможныя преступленія: безчисленныя арміи, заговоры въ исповѣдальняхъ, обращеніе къ иностранцамъ, измѣна подъ знаменами, скупанія жизненныхъ припасовъ для увеличенія голода, фабрикація фальшивыхъ денегъ для произведенія страшной путаницы! И послѣ этого предполагаютъ, будто нѣсколько человѣкъ, имѣя передъ глазами подобную картину, въ одно прекрасное утро собрались вокругъ стола и сказали: «давайте выдумаемъ систему, давайте рѣзать головы»!

О, Шарль Нодье былъ правъ, когда онъ писалъ: «Я понялъ впослѣдствіи, что событія гораздо сильнѣе, чѣмъ характеры, и что если нѣкоторые люди на своемъ пути сломили народы, то это потому, что они были возбуждаемы силой не менѣе непреодолимой, чѣмъ та сила, которая разрываетъ вулканы и низвергаетъ водопады!»

Истина состоитъ въ томъ, какъ я уже гдѣ-то сказалъ прежде, что революція разорвала утробу свободы, которая родила ее, такъ же фатально, какъ дитя при своемъ появленіи на свѣтъ разрываетъ утробу своей матери.

Жюль Ферри упрекаетъ якобинцевъ въ томъ, что они не признавали революціонной самодѣятельности. Я ему укажу на одно изъ дѣйствій этой самодѣятельности. 12-го августа 1793 г. восемь тысячъ депутатовъ первоначальныхъ собраній пришли въ конвентъ и сказали: «теперь не время разсуждать; нужно дѣйствовать! Мы требуемъ, чтобы всѣ подозрительные были арестованы». На это Дантонъ вскричалъ: «депутаты первоначальныхъ собраній принимаютъ на себя у насъ иниціативу террора».

Итакъ терроръ не родился въ головѣ нѣсколькихъ личностей, онъ не былъ дѣломъ того или другаго изъ якобинцевъ; и я прибавлю, несмотря на слова Дантона, что онъ даже не возникъ по иниціативѣ первоначальныхъ собраній, потому что и они въ свою очередь повиновались законамъ обстоятельствъ, желѣзнымъ законамъ. Терроръ, приготовленный вѣками угнетенія, вызванный страшными нападеніями и возбужденный опасностями титанической борьбы, вытекалъ изъ внутренностей исторіи.

Итакъ, пусть скорбятъ о терроризмѣ, — это основательно; пусть не предполагаютъ, будто французскій солдатъ способенъ идти навстрѣчу врагу только изъ-за того, чтобы избавиться отъ эшафота, — это пре-

красно. Пусть не ставятъ въ честь палачу средствъ общественнаго спасенія, которыя на дѣлѣ были доставлены энтузіазмомъ къ истинѣ, боготвореніемъ справедливости и великодушной вѣрой въ возможность возрожденія міра,—все это отлично. Но когда мы, дѣти революціи, которыхъ она вскормила своимъ молокомъ и умъ которыхъ она сформировала, мы наслѣдники этой громадной области, которую она засѣяла въ нашъ счетъ и въ нашу пользу, принуждены выслушивать, какъ одинъ изъ нашихъ говоритъ намъ: «нѣтъ пропорціональности между жертвами и результатами»,—то приэтомъ просто есть отчего сойти съ ума!

И найдется ли между нашими идеями хоть одна, которую мы бы получили не отъ нея? Есть ли хоть одна проблема, которую она если не разрѣшила, то по крайней мѣрѣ не попробовала рѣшить? Ужели все были декретами проскрипцій тѣ одиннадцать тысячъ двѣсти десять декретовъ, которые свидѣтельствуютъ объ изумительной умственной дѣятельности конвента? И не есть ли это неблагодарность—забывать, до какой степени были трудолюбивы эти страшные трибуны, къ какому спокойствію они были способны среди кипѣвшаго міра и какъ много они трудились для того, чтобы расширить горизонты мысли въ тотъ самый моментъ, когда они чудесами своей энергіи спасли Францію, колебавшуюся между уничтоженіемъ и хаосомъ!

А диктатура? Диктатура, кровавою стороною которой былъ терроризмъ, была желаема, принята и примѣнена къ дѣлу во время революціи какъ временное и отчаянное средство національной защиты, а вовсе не какъ правительственная доктрина. Революціонная Франція, подвергшаяся нападенію цѣлой Европы, подкапываемая заговорами, мучимая страшными возстаніями, принужденная жить такъ-сказать среди смерти, должна была уступить необходимости увеличить во сто кратъ свою силу и свою энергію, сосредоточивши ихъ.

Отвергать, что это сосредоточеніе произвело тогда чудеса, значитъ отвергать солнечный свѣтъ. Начиная съ августа 1793 г. и въ теченіе четырехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ, исторія революціи была непрерывнымъ рядомъ чудесъ. Никогда не было и никогда не будетъ ничего подобнаго. Этой революціонной Франціи, у которой не было денегъ, не было хлѣба, не было желѣза, не было пороха, нужно было только пять мѣсяцевъ для того, чтобы разбить англичанъ и голландцевъ при Гондскоте, чтобы разстроить австрійцевъ при Ваттиньи, чтобы отразить пьемонтцевъ, чтобы остановить испанцевъ, чтобы возвратить Вейссенбургскія линіи, чтобы возвратить Ландау, чтобы обратно завоевать Эльзасъ, чтобы разстроить коалицію, чтобы подавить возстаніе Ліона, чтобы вырвать у анг-

личанъ Тулонъ и чтобы восторжествовать надъ Вандеей. Вотъ что сдѣлали энтузіазмъ и геній революціонной Франціи, которымъ служила та диктатура, которую Эдгаръ Кине обвиняетъ въ томъ преступленіи, что она была безполезна.

Я употребилъ выраженіе служила, потому что оно представляетъ отвѣтъ на другое мнѣніе Эдгара Кине столь странное, что оно едва понятно.

Что революціонная диктатура, какъ онъ говоритъ, приготовила народы къ тому, что они сдѣлались способными терпѣть тиранію, это было бы справедливо только тогда, еслибы эта диктатура возникла изъ грубаго обожанія силы и еслибы она не была просто рычагомъ, къ которому прибѣгъ великій народъ въ минуту эпическаго отчаянія; еслибы его существованіе въ разсматриваемую нами эпоху основывалось на томъ недостойномъ предположеніи, будто-бы иногда можетъ быть полезно, если одинъ человѣкъ или нѣсколько ихъ станутъ на мѣсто исчезнувшаго народа. Но во Франціи во время революціи не было ничего подобнаго. Напротивъ, никогда и ни въ какой странѣ идея диктатуры, какъ постоянной формы правленія, не была преслѣдуема съ большею ненавистью и не возбуждала болѣе недовѣрія; и если эта ненависть и это недовѣріе всегда съ удвоенною энергіей обращены были противъ мысли о военной диктатурѣ, то это было потому, что военная диктатура особеннымъ образомъ тѣсно связана съ культомъ грубой силы и наноситъ болѣе суровое оскорбленіе человѣческому достоинству. Изъ этого вытекали та ревность, съ какою гражданская власть старалась держать въ своихъ рукахъ генераловъ, и верховная власть конвента надъ арміями. Журданъ, стоявшій во главѣ 100 тысячъ обожавшихъ его солдатъ, по его собственному сознанію, всегда чувствовалъ смущеніе подъ взглядами Сенъ-Жюста. Заставить силу меча трепетать передъ силою ума,— это не значило воспитывать народы для рабства.

Говорятъ о 18 брюмера. Но оно сдѣлалось возможнымъ только послѣ воспитанія, даннаго народу побѣдителями термидора. Я думаю, что я сказалъ вещь абсолютно неоспоримую, сказавши: «Робеспьерръ сдѣлалъ бы невозможнымъ Наполеона».

Я назвалъ Робеспьерра. Когда онъ рѣшился прибѣгнуть къ террору,—который онъ, по мнѣнію Эдгара Кине, непонятнымъ образомъ извратившаго факты, хотѣлъ будто-бы систематизировать и сдѣлать постояннымъ; когда онъ въ страстныхъ выраженіяхъ высказывалъ свое негодованіе при видѣ того, какъ «терроръ вносится во всѣ состоянія и возводитъ въ преступленія—или неизлечимые предразсудки или вещи ни-

дифферентныя, чтобы вездѣ находить виновныхъ и сдѣлать революцію страшною для самого народа»; когда онъ въ мессидорѣ мѣсяцѣ развивалъ передъ якобинцами свою программу: «упорная война противъ всѣхъ контр-революціонеровъ конспираторовъ, но въ тоже время война противъ террористовъ угнетателей невинности»,—тогда что дѣлали террористы угнетатели невинности, которымъ онъ угрожалъ? что дѣлали эти Фуше, Вадье, Тальенъ? что дѣлали тѣ, у которыхъ Робеспьерръ младшій вырвалъ ихъ добычу въ Верхней Саонѣ; что дѣлали соучастники того Сенара, неистовства котораго въ Турѣ были такъ горячо порицаемы Кутономъ? что дѣлали поклонники того Шнейдера, тиранію котораго въ Страсбургѣ обличалъ Сенъ-Жюстъ? Они обвиняли Робеспьерра въ желаніи захватить диктатуру, — до такой степени они знали, какъ всеобще и глубоко отвращеніе къ диктатурѣ какъ къ постоянной формѣ правленія.

Это была самая дерзкая клевета. Изъ всѣхъ идей, торжество которыхъ несовмѣстимо съ идеей диктатуры, не было ни одной, которая не находила бы горячаго защитника въ человѣкѣ, котораго хотятъ представить тираномъ. Онъ открыто требовалъ свободы печати, свободы совѣсти, свободы вѣроисповѣданій; онъ не упускалъ ни одного случая для того, чтобы предостерегать умы отъ опасности военнаго деспотизма; съ этою цѣлью онъ въ концѣ 1791 и въ началѣ 1792 годовъ возставалъ противъ намѣренія объявить войну Европѣ, какъ того желали жирондисты, согласные въ этомъ пунктѣ съ конституціонистами и дворомъ; онъ предчувствовалъ 18-е брюмера какъ неизбѣжное слѣдствіе выигранныхъ сраженій или ослабленія революціонной силы, онъ предсказывалъ Наполеона: «упустите хоть на минуту бразды революціи и вы увидите, что военный деспотизмъ захватитъ ихъ и глава фракцій свергнетъ униженное національное представительство». И потомъ ему нужно было бы подкупать негодяевъ или разстрѣливать храбрецовъ; а были ли у него пушки для этого, были ли деньги? Вліяніе его слова въ связи съ его характеромъ имѣло въ себѣ нѣчто непреодолимое. Его порицали какъ тирана мнѣнія. Да, удивительное дѣло, противъ такого обвиненія долженъ былъ защищать и защитилъ его другъ Сенъ-Жюстъ въ своемъ докладѣ 9 термидора: «Его выставляютъ тираномъ мнѣнія... А какое исключительное право надъ мнѣніемъ имѣете вы, вы, которые видите преступленіе въ искусствѣ увлекать умы?.. Или вы принадлежите къ двору Филиппа, что объявляете войну краснорѣчію? Тиранъ мнѣнія! А кто же мѣшаетъ вамъ пріобрѣсти уваженіе отечества, вамъ, которые находите дурнымъ, что нѣкоторые пріобрѣ-

таютъ его?» Напрасныя усилія! Идея диктатуры, преобладающей какъ система, была дотого прямо противоположна генію революціи и въ этомъ отношеніи подозрительность была такъ велика, такъ сурова, что Робеспьерра нужно было считать погибшимъ съ того дня, когда онъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ царствуетъ даже своимъ словомъ. Тогда противъ него стали не только роялисты, горѣвшіе желаніемъ поразить въ его лицѣ революцію, не только террористы угнетатели невинности, которыхъ онъ имѣлъ мужество порицать, но и честные и искренніе республиканцы, каковы напр. Камбонъ и Лаканаль, которые впослѣдствіи оплакивали свою ошибку и высказывали свои сожалѣнія. Умертвили тирана, задушивши голосъ обвиняемаго, т. е. нарушивши право, котораго не признаютъ только одни тираны! Лекуантръ находилъ справедливымъ, чтобы Робеспьерра выслушали прежде чѣмъ казнить, но Малларме сказалъ ему потихоньку: «нѣтъ, онъ будетъ спасенъ, если заговоритъ».

Когда Эдгаръ Кине утверждаетъ, будто Робеспьерръ и Сенъ-Жюстъ сдѣлали принципомъ правленія то, что было вначалѣ только порывомъ гнѣва, будто они хотѣли измѣнить случайное положеніе въ положеніе постоянное, будто они хотѣли систематизировать опьянѣніе народа, и когда съ своей стороны Жюль Ферри усиливается найти связь между доктриною якобинцевъ и 18 брюмера, то я предполагаю, что ни Эдгаръ Кире ни Жюль Ферри не имѣли передъ глазами заключенія доклада Сенъ-Жюста при открытіи засѣданія 9 термидора, результатъ котораго онъ такъ мало предвидѣлъ: «Я предлагаю слѣдующій декретъ: «Національный конвентъ декретируетъ, что учрежденія, которыя будутъ безостановочно редижируемы, найдутъ средства для того, чтобы правительство, ничего не теряя изъ своей революціонной силы, не могло стремиться къ произволу, покровительствовать честолюбію и угнетать или узурпировать національное представительство».

Ужели это значило систематизировать опьянѣніе толпы, систематизировать диктатуру и провозгласить одобреніе государственныхъ переворотовъ?

Я сказалъ выше, что люди революціи считали себя находящимися какъ-бы въ чисто переходномъ положеніи. Можно ли сомнѣваться въ этомъ при видѣ того, какъ они среди самой сильной борьбы страстей трудились надъ составленіемъ системы гарантій и свободы? Конституція 1793 г., нетерпѣливо всѣми ожидаемая, выработанная съ равнымъ усердіемъ жирондистами и монтаньярами, была представлена на обсуж-

деніе тотчасъ послѣ побѣды послѣднихъ, была вотирована ими немедленно и принята парижскимъ населеніемъ среди самыхъ горячихъ порывовъ энтузіазма;—нужно ли было что-нибудь больше этого, чтобы доказать несомнѣнно, какъ горячо было даже у самыхъ рѣшительныхъ республиканцевъ желаніе регулировать положеніе, выйти изъ состоянія революціи воинствующей и перейти къ состоянію мирной свободы и избѣгнуть временнаго положенія террора и временнаго положенія революціонной диктатуры?

И конечно никто не скажетъ, чтобы конституція 1793 г., въ которой Робеспьерръ принималъ такое участіе и которая столь большою частью была обязана его вліянію, организовала диктатуру или давала террору средства утвердить навсегда свою мрачную власть. Свобода, безопасность, собственность, публичный долгъ, свобода вѣроисповѣданій, общественное ученіе, общественная помощь, неограниченная свобода прессы, право прошеній, право соединяться въ народныя общества: таковы были гарантіи, которыя 122 статья конституціи 1793 г. обезпечивала всѣмъ французамъ. Я снова повторяю мой вопросъ: ужели это значило класть основанія диктатуры? ужели это значило систематизировать терроръ?

Какъ бы то ни было, была ли революціонная диктатура временною или постоянною, важно было, чтобы она прекратилась возможно скорѣе, а что касается террора, то еслибы онъ дѣйствительно погибъ 9 термидора, я меньше затруднялся бы понять мнѣніе, высказанное Жюлемъ Ферри объ этомъ знаменитомъ днѣ. Но 9 термидора именно и не погибъ только терроръ. То, что Жюль Ферри украшаетъ названіемъ «пробужденія справедливости», было просто терроромъ продолжавшимся въ обратномъ смыслѣ и въ формѣ убійствъ. То, что онъ называетъ «пробужденіемъ милости», открыло собою систему кинжальныхъ ударовъ. Ужели Жюль Ферри не знаетъ, что наемники бѣлаго террора, не имѣя въ виду славной цѣли, не имѣя необходимости побѣждать отчаянное сопротивленіе, а единственно по излишку ненависти, изъ мести, для того, чтобы возвратить свои привилегіи, чтобы заразъ покончить съ революціей, убивали съ наслажденіемъ, убивали повсюду, убивали въ лѣсу и на улицѣ, убивали въ одномъ мѣстѣ изъ-за угла, а въ другихъ торжествующимъ образомъ, то душили съ маской на лицѣ, то дѣлали изъ убійства спектакль, при которомъ были свои галлереи и свой партеръ, въ нѣкоторыхъ городахъ наводили пушки противъ тюремъ, а въ другихъ сожигали заключенныхъ живыми, чтобы избавить себя отъ труда убивать ихъ? Ужели милость имѣла участіе

въ систематическомъ избіеніи республиканцевъ въ Ліонѣ, Э, Марсели, въ Тарасконѣ, гдѣ термидоріанцы имѣли свои сентябрскіе дни еще болѣе ужасные чѣмъ первые? Ужели справедливость много выиграла оттого, что царство убійцъ замѣнило революціонные трибуналы, процедура которыхъ дѣйствительно была страшно коротка, но въ которыхъ по крайней мѣрѣ палачъ являлся послѣ судьи? Странны были эти апостолы гуманности, которые торжествовали ея возвращеніе съ ножомъ въ рукахъ, запятнанныхъ кровью!

На это быть можетъ скажутъ, что бѣлый терроръ былъ вызванъ краснымъ терроромъ. А развѣ красный терроръ былъ событіемъ, которое не было вызвано ничѣмъ? Послушаемъ мадамъ Сталь, которую нельзя заподозрить въ якобинизмѣ: «Въ теченіе 14 лѣтъ исторіи Англіи, которая во многихъ отношеніяхъ походитъ на исторію Франціи, нѣтъ періода, который можно было бы сравнить съ 14 мѣсяцами террора. Что́ должно заключать изъ этого? Что ни одинъ народъ не былъ столь несчастенъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, какъ народъ французскій. Если негры Сенъ-Доминго совершили еще большія жестокости, то это потому, что они были угнетены еще болѣе.»

Значитъ ли это, что мы должны закрыть снисходительнымъ покровомъ фатальности излишества, насилія и подлости, которыя имѣли мѣсто во французской революціи? Вовсе нѣтъ. Общество не можетъ взволноваться во всей своей глубинѣ безъ того, чтобы часть содержащейся въ немъ грязи не выплыла на поверхность. Несомнѣнно, что общественная безопасность часто была оружіемъ, которымъ завладѣвали страсти, не имѣющія ничего общаго съ любовью къ отечеству и съ любовью къ истинѣ. Необходимость твердой и бодрственной политики становилась болѣе суровою и тяжелою отъ всего того, что привносили въ нее бурный характеръ, личная ненависть и жестокіе инстинкты нѣкоторыхъ людей. Мы должны позорить этихъ людей; но прежде всего нужно узнать, кто именно такіе люди. Не будемъ смѣшивать въ одномъ общемъ порицаніи добродѣтели и пороки, героическіе подвиги и злодѣянія, которые бурный потокъ несъ въ безпорядочномъ смѣшеніи. Первое условіе для того, чтобы быть свободнымъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть справедливымъ.

Здѣсь я слышу, какъ одинъ изъ нашихъ друзей восклицаетъ:

«Почему не устранить или по крайней мѣрѣ не поставить совсѣмъ на второй планъ эти личные вопросы? Инстинктивныя симпатіи и антипатіи играютъ слишкомъ большую роль, какъ только дѣло коснется собственныхъ именъ, и потому трудно соблюсти безпристрастіе. Самыя

несомнѣнныя подробности, самое полное знаніе фактовъ не положатъ конца этимъ разногласіямъ, потому что они имѣютъ свой источникъ гораздо больше въ чувствѣ, чѣмъ въ умѣ. Зачѣмъ же давать такъ много мѣста вопросамъ, которые почти неизбѣжно дѣлаютъ изъ исторіи панегирикъ или памфлетъ?.. Въ исторіи революціи вещи удивительнымъ образомъ господствуютъ надъ личностями: важность послѣднихъ, интересъ ихъ репутаціи совершенно блѣднѣютъ передъ дѣйствовавшимъ соціальнымъ интересомъ и передъ разрѣшавшимися вопросами; и если послѣдніе затемняются изъ-за того, что къ нимъ примѣшиваются вопросы о людяхъ, то нужно во что бы то ни стало отдѣлить отъ нихъ эти вопросы. Да и вообще важно ли знать доподлинно, сколько именно нужно приписать таланта, честности или вліянія той или другой личности? Въ этого рода вопросахъ нужно предоставить нѣкоторую часть инстинктивнымъ расположеніямъ и отвращеніямъ, которыя также имѣютъ свое основаніе и противъ которыхъ ничего не значатъ никакіе аргументы.»

Такъ выражался недавно нашъ сотрудникъ Шаллемель-Лакуръ въ весьма замѣчательной статьѣ, которая была напечатана въ «Temps» и которую я имѣю теперь передъ глазами.

Я прошу извиненія у моего остроумнаго и краснорѣчиваго собрата, но я не могу раздѣлять его мнѣнія ни съ точки зрѣнія исторіи, ни съ точки зрѣнія философіи, ни съ точки зрѣнія практической пользы.

И вопервыхъ, въ дѣлѣ исторіи личные вопросы неизбѣжны по той простой причинѣ, что исторія дѣлается руками человѣка. Прошедшее населено не тѣнями. Тамъ движется не смѣшанная толпа чистыхъ отвлеченностей. Тамъ идеи были воплощены въ тѣла. Вещи были произведеніями личностей. Отнимите личностей у исторіи и она исчезнетъ.

Такимъ образомъ вопросъ сводится на то, нужно ли устранять личные вопросы въ томъ смыслѣ, чтобы предоставлять случаю заботу рѣшать, былъ ли извѣстный историческій дѣятель хорошъ или дуренъ, служилъ ли онъ правому или неправому дѣлу, заслуживаетъ ли онъ одобренія или порицанія потомства.

Я допускаю, что есть симпатіи и антипатіи инстинктивныя и что онѣ имѣютъ свои основанія. Но когда дѣло касается прошедшаго, когда дѣло касается людей, которыхъ мы не видѣли, съ которыми не были знакомы, съ которыми никогда не имѣли никакихъ личныхъ сношеній, то я спрашиваю, па чемъ же можетъ основываться причина нашихъ симпатій и антипатій, будутъ ли онѣ инстинктивны или осмысленны, будутъ ли имѣть свой источникъ въ чувствѣ или въ умѣ? Не очевид-

но ли, что этой причиной можетъ быть не что другое какъ знаніе фактовъ? И если эти факты ложно представлены, если мы такимъ образомъ составили себѣ ложное понятіе о личностяхъ, привлекшее насъ къ нимъ или оттолкнувшее, то не будетъ ли существенной задачей исторіи возстановленіе фактовъ, такъ чтобы наши симпатіи и отвращенія, вмѣсто того чтобы основываться на лжи или ошибкѣ, основывались на истинѣ и правдѣ?

Что же касается тѣхъ расположеній и отвращеній, противъ которыхъ ничего не могутъ сдѣлать ни самыя несомнѣнныя подробности, ни самое полное знаніе фактовъ, ни самые рѣшительные аргументы, то они просто не стоютъ того, чтобы ими заниматься. Заблужденіе было бы поставлено уже слишкомъ выгодно, еслибы ему для того, чтобы побѣдоносно завладѣть исторіей, стоило только упорно стоять на своемъ. И ложь также была бы слишкомъ выгодно поставлена, еслибы истина должна была опускать руки передъ тѣми, которые разъ обманувшись рѣшительно не хотятъ, чтобы ихъ выводили изъ заблужденія.

Но важно ли знать доподлинно, какая именно доля таланта, честности и вліянія принадлежитъ той или другой исторической личности? Да, это очень важно, особенно когда эта личность была призвана играть значительную роль. И почему? Потому что личность можетъ играть большую роль въ исторіи только подъ тѣмъ условіемъ, если она есть то, что я желалъ бы назвать представительнымъ человѣкомъ. Сила, которою обладаютъ могучія личности, почерпается ими изъ самихъ себя только весьма меньшею частью; большею же частью они почерпаютъ ее изъ окружающей ихъ среды. Жизнь ихъ есть ничто иное, какъ только сосредоточеніе коллективной жизни, въ которую они погружены. Импульсъ, который они даютъ обществу, въ сущности не великъ въ сравненіи съ импульсомъ, который они получаютъ отъ него. Если такой смыслъ имѣютъ слова,—которымъ мимоходомъ сказать не достаетъ ясности,—что «вещи господствуютъ надъ личностями», то они вѣрны и вѣрно также то, что они особенно справедливы относительно французской революціи. Но относительно этого пункта не я конечно буду противорѣчить Шаллемель-Лакуру, потому что я самъ писалъ прежде: «Нѣкоторые люди, бывшіе великими во время революціи, были такими только благодаря ей и потому, что она создала ихъ по образу своему». Но что же! поэтому именно и важна точная оцѣнка ихъ личности! Нападая на нихъ или защищая ихъ, мы нападаемъ на идею или защищаемъ идею воплощенную въ нихъ или всю совокупность стремленій, которыя они представляли. Чтя или позоря ихъ память, мы чтимъ или позо-

римъ коллективную жизнь, сосредоточеніемъ которой была, какъ я сказалъ, ихъ частная жизнь. Благословляя или проклиная ихъ вліяніе, мы благословляемъ или клянемъ общее вліяніе, которому подчинялось ихъ вліяніе или лучше сказать для котораго оно служило энергическимъ обнаруженіемъ, живымъ резюме. Можно даже сказать, что во время революціи принципы создавали для себя тѣлесное воплощеніе. Вотъ почему вопросы о личностяхъ были тогда въ дѣйствительности вопросами о доктринахъ. Самыя страсти честныхъ революціонеровъ были, если можно такъ выразиться, идеями обнаруживавшимися гнѣвомъ.

Если еще существуетъ сомнѣніе относительно силы связи, существовавшей тогда между личностями и вещами, то слѣдуетъ перенестись мыслью къ 9 термидора, гдѣ дѣйствительно было пробужденіе, но только пробужденіе контр-революціи, но это было пробужденіе столь внезапное и столь полное. Робеспьерръ и революція такъ тѣсно были связаны между собою, что здѣсь паденіе человѣка было вмѣстѣ паденіемъ идей.

Итакъ какимъ же образомъ можно отдѣлять, особенно относительно французской революціи, личности отъ вещей?

Что касается до умовъ—я разумѣю здѣсь только умы мыслящіе, то кажется только, будто они несогласны между собою единственно относительно собственныхъ именъ, на самомъ же дѣлѣ они несогласны между собою относительно сущности идей, желаній, тенденцій, представляемыхъ этими именами. Когда дѣло идетъ о революціи, то совершенно безполезно вооружаться противъ важности личныхъ вопросовъ: эту важность они получаютъ отъ того, что они суть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросы о вещахъ. Не нужно думать, будто послѣдніе затемняются отъ примѣшиванія къ нимъ первыхъ. Это примѣшиваніе не есть дѣло произвольное и нисколько не зависитъ отъ насъ: оно дѣло исторіи. Напрасно было бы льстить себя надеждою положить конецъ разногласіямъ въ демократическомъ лагерѣ, скрывая отъ себя ихъ истинную причину. Не слѣдуетъ принимать за пунктъ соглашенія оптическую иллюзію. Но если наши отцы, принужденные мыслить среди шума битвъ, ошибочно считали несогласимыми воззрѣнія, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ свою долю истины и которыя, вовсе не противорѣча другъ другу, способны были дополнять одно другое, то мы должны постараться найти тотъ именно пунктъ, въ которомъ они гармонируютъ. Тогда мы перестанемъ спорить объ именахъ, потому что перестанемъ разногласить въ идеяхъ.

А до тѣхъ поръ постараемся быть справедливыми.

Будемъ отъ души оплакивать терроръ.

Будемъ энергически осуждать диктатуру въ принципѣ.

Будемъ стремиться къ презрѣнію культа силы.

Будемъ проклинать излишества и позорить преступленія.

Но не будемъ же представлять опьянѣніемъ народа, приведеннымъ въ систему нѣсколькими личностями, то, что̀ на дѣлѣ было фатальнымъ продуктомъ положенія страшно исключительнаго.

Не будемъ обвинять ихъ въ тираніи въ наказаніе за то, что они не были тиранами, основателями религій.

Не будемъ приписывать имъ намѣренія, какого у нихъ никогда не было, сдѣлать постояннымъ то, что въ сущности было переходнымъ.

Не будемъ говорить, что результаты не были пропорціональны жертвамъ, когда этими результатами были: умственныя пріобрѣтенія, сдѣлавшія насъ тѣмъ, что мы есть теперь и спасенная Франція.

Не будемъ обвинять какъ школу рабства ту революціонную диктатуру, которая соединялась съ самыми высокими усиліями героизма, годилась для развитія самыхъ мужественныхъ характеровъ, вовсе не уменьшила порывовъ народа, а увеличила ихъ и, возвышая политику до высоты неслыханной прежде, давала декреты, чтобы въ такой-то день было одержано сраженіе и въ такой-то часъ крѣпость взята приступомъ и притомъ съ гордою увѣренностью, что все это будетъ исполнено.

Наконецъ если революція намъ дорога, то мы должны остерегаться,—потому что и истина также требуетъ этого отъ насъ,—навязывать эти излишества, которыя нужно проклинать, и эти преступленія, которыя нужно позорить, тѣмъ людямъ, которые до конца стояли во главѣ революціи и ея судебъ, отъ нея одной получили власть, запечатлѣли ея печатью всѣ свои безсмертныя работы, всецѣло предались ея судьбѣ, торжествовали, когда она торжествовала, и имѣли славу умереть облеченными въ ея пораженіе.

Луи Бланъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ 1862 ГОДА.

Предлагаемая книга была въ теченіе 18 лѣтъ занятіемъ, наслажденіемъ и мукой моей жизни.

Подобно многимъ другимъ и я могъ бы, можетъ быть, пріобрѣсти расположеніе гораздо большаго числа людей, еслибы сталъ показывать, что я благоговѣю передъ тѣмъ, передъ чѣмъ благоговѣетъ свѣтъ, и презираю всѣхъ тѣхъ, кого онъ презираетъ. Я легко могъ бы нравиться, еслибы сталъ повторять тѣ банальныя удивленія и тѣ ходячія негодованія, которыя на языкѣ нѣкоторыхъ называются общественною совѣстью. Но моею мыслью управляетъ и моимъ словомъ руководитъ не ваша совѣсть и не-чья нибудь, а моя. Кто любитъ истину любовью достойною ея, для того что̀ можетъ значить противорѣчіе всего свѣта, если насчетъ даннаго пункта весь свѣтъ ошибается или лжетъ? Честный человѣкъ боится только себя самого.

Я былъ воспитанъ родителями роялистами. Отвращеніе къ революціи было первымъ чувствомъ, сильно меня взволновавшимъ.

Чтобы имѣть поводъ носить трауръ и предаться почитанію жертвъ революціи, мнѣ не нужно было ходить дальше моего семейства; потому что мой дѣдъ во время революціи былъ казненъ гильотиной и мой отецъ, подобно ему, также былъ бы казненъ, еслибы ему не удалось убѣжать изъ тюрьмы наканунѣ дня, въ который должно было происходить исполненіе приговора надъ нимъ.

Итакъ не безъ нѣкотораго труда я успѣлъ сдѣлать мою душу способною питать должное уваженіе къ великимъ дѣламъ революціи и ея великимъ людямъ. Между тѣмъ какъ порицаніе запятнавшихъ ее преступленій не требовало конечно отъ меня ни малѣйшаго усилія.

Мнѣ будетъ жаль, если кто-нибудь, читая эту книгу, не замѣтитъ въ ней тона искренняго голоса и біеній сердца жаждущаго правды.

ПЕРВАЯ ЗАМѢТКА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ.

Французская революція была великой битвой, въ которой принимали участіе всѣ интересы, всѣ идеи, всѣ страсти, какіе только могутъ мучить человѣческій умъ или волновать человѣческое сердце. Но такъ какъ эта битва въ сущности продолжается еще и теперь, то не нужно удивляться, что исторія ея была до сихъ поръ писана только съ точки зрѣнія войны, т. е. съ точки зрѣнія хитрости или ярости. Отсюда куча ошибокъ и лжи, которыя болѣе и болѣе устрашаютъ искренняго писателя, по мѣрѣ того какъ онъ спускается и погружается въ глубину этого страшнаго предмета.

Такимъ образомъ человѣкъ, имѣющій въ виду торжество партіи, долженствующей пережить всѣ остальныя, т. е. партіи истины, принимаясь писать исторію французской революціи, беретъ на себя трудъ не только разсказать факты, но вызвать передъ читателя, становящагося здѣсь судьею, свидѣтелей этихъ фактовъ, переспросить ихъ по-одиночкѣ, поставить на очную ставку, взвѣсить ихъ показанія, разъяснить ихъ противорѣчія, исправить ихъ воспоминанія.

Въ самомъ дѣлѣ предположите, что историкъ, не приводя своихъ авторитетовъ, не указывая своихъ источниковъ и не давая себѣ труда разобрать пункты сомнительные или нарочно затемняемые, просто прибавитъ еще одинъ свой разсказъ къ существующимъ уже многочисленнымъ разсказамъ о французской революціи, — что выйдетъ изъ этого? Онъ только увеличитъ для публики число противорѣчивыхъ изложеній, прибавитъ еще новую путаницу къ той, которая возникла отъ крайняго

различія въ точкахъ зрѣнія, и вмѣсто того, чтобы зажечь свѣточъ, онъ только расширитъ сферу мрака.

Поэтому я считалъ своею обязанностью освѣтить, по крайней мѣрѣ насколько то позволяла моя рамка, картину событій, которыя мнѣ предстояло излагать. Но для того, чтобы не прерывать хода разсказа и не мѣшать интересу его, я старался помѣщать въ концѣ важнѣйшихъ главъ относящіеся къ нимъ разборы. Или я сильно ошибаюсь или этотъ методъ, давая моей книгѣ совершенно новый характеръ, способенъ увеличить ея цѣну въ глазахъ тѣхъ, которые вносятъ въ изученіе прошедшаго серьезный умъ и искреннюю душу.

Оказалось, что британскій музей обладаетъ по предмету французской революціи двумя великолѣпными коллекціями и, что самое важное для историка, эти коллекціи расположены по порядку предметовъ. Нѣсколько примѣровъ взятыхъ наудачу дадутъ понятіе объ ихъ важности и богатствѣ.

Современныхъ разсказовъ, брошюръ за и противъ, рѣчей, докладовъ, памфлетовъ, сатиръ, пѣсенъ, статистикъ, портретовъ, протоколовъ, прокламацій, афишъ и пр. и пр. коллекціи содержатъ въ себѣ: объ одномъ только дѣлѣ объ ожерельѣ 3 громадныя связки, о парламентахъ 6, объ общихъ собраніяхъ сословій 75, о дворянствѣ 3, о духовенствѣ 86, о публичныхъ работахъ во время революціи 3, о земледѣліи во время революціи 2, о клубахъ 29, о гражданскихъ праздникахъ 9, о полиціи культовъ 62, о мѣрахъ и вѣсахъ 1, о наукахъ во время революціи 3, о національной гвардіи 3, о частяхъ (секціяхъ) Парижа 5, о воспитаніи 9, о философіи 16, о публичныхъ памятникахъ 3, объ эмигрантахъ 28, о колоніяхъ 45, о нищенствѣ и богадѣльняхъ 4, о тюрьмахъ 5, о Робеспьеррѣ 12, о Камиллѣ Демуленѣ 13, о Бриссо 5, о Мара 13, о Бабефѣ 10... и т. д.

Безполезно прибавлять, что каждому значительному событію революціи соотвѣтствуетъ масса документовъ пропорціональная его важности. Такъ напримѣръ собраніе документовъ относительно дѣлъ въ Авиньонѣ простирается отъ № 591 до № 599.

Любопытно замѣтить, что въ эту страшную эпоху французская веселость не измѣнила себѣ, такъ что на собраніе шутокъ приходится 64 связки!

Что касается собственно исторій, то коллекція ихъ простирается отъ № 1208 до № 1340. Также обильно и число газетъ: Actes des Apôtres, Thermomètre du jour, Mercure national, Sabbats jacobites, Semai-

nes civiques, Journal des amis, Journal du Diable, Chronique de Paris, Point du jour, Hérault national, Défenseur du Peuple, Ami des Patriotes, Journal d'économie politique, Semaine politique, Bouche de fer, Voix du peuple, Feuille du jour, Fouet national, Journal des Jacobins, Journal de la Montagne, Trompette du père Duchesne, Bulletin décadaire, Orateur plébeien, Nouvelliste universel, Spectateur, Observateur, Journal Pié и пр. и пр. Сколько матеріаловъ для справокъ, не считая столь извѣстныхъ листковъ Камилла Демулена, Прюдома, Мара, Фрерона!

Я останавливаюсь. Сказанное мною даетъ достаточное понятіе объ источникахъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи. Какъ я воспользовался ими, объ этомъ пусть судятъ мои читатели. И я конечно ничѣмъ не пренебрегъ для того, чтобы дать возможность тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ для того досугъ, повторить работу, такъ какъ я не требую, чтобы они слѣпо вѣровали моимъ положеніямъ, но чтобы повѣряли ихъ.

ВТОРАЯ ЗАМѢТКА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ.

Шатобріанъ въ своихъ «Замогильныхъ запискахъ» (т. III, с. 191) говоритъ:

«Въ исторіяхъ революціи забыли представить картину внѣшней Франціи подлѣ картины внутренней Франціи, забыли нарисовать эту большую колонію изгнанниковъ, измѣнявшую свои промыслы и свои труды вслѣдствіе иного климата и различія въ народныхъ нравахъ.»

Но что также забыли представить читателю въ исторіяхъ революцій,—это подробный разсказъ объ интригахъ, всякаго рода происках и внутреннихъ раздорахъ той внѣшней Франціи, о которой говоритъ Шатобріанъ.

Итакъ мы должны были пополнить двоякій пробѣлъ, и такъ какъ эта часть исторіи по самому свойству своему была секретна, такъ какъ она по необходимости должна была ограничиваться таинственными корреспонденціями и бумагами, тщательно скрываемыми отъ свѣта гласности, то мы уже отчаялись-было за недостаткомъ документовъ исполнить нашу задачу, но, продолжая наши поиски, мы имѣли счастье наткнуться на огромную массу рукописей, которыя всѣ относятся къ предмету нашихъ исканій.

Эти рукописи, принадлежащія британскому музею, который предоставилъ ихъ въ наше распоряженіе, суть бумаги Пюизе.

Это коллекція подлинныхъ писемъ и бумагъ, касающихся дѣлъ французскихъ роялистовъ съ 1793 по 1825 годъ.

Читатель пойметъ историческую важность этой коллекціи, когда мы скажемъ, что она содержитъ въ себѣ не менѣе 117 томовъ различнаго формата и различной величины.

Между подлинными документами и рукописями, содержащимися въ ней, мы укажемъ только на нѣкоторые, которые будутъ достаточны для того, чтобы показать цѣнность источниковъ, изъ которыхъ мы могли черпать свѣдѣнія:

Корреспонденція съ Людовикомъ XVIII, съ Monsieur (впослѣдствіи Карлъ X), принцемъ Конде, принцемъ Бурбономъ;

Корреспонденція съ роялистскими министрами, 1794—1824;

Инструкціи и официальныя депеши англійскихъ министровъ, 1775—1796;

Письма Виндгама и его секретаря Вудфорда, 1794—1809;

Письма Питта, Дундаса, Гускиссона, Персеваля и другихъ официальныхъ лицъ;

Корреспонденція роялистскихъ агентовъ, бывшихъ въ распоряженіи англійскаго правительства, 1794—1808;

Регистръ генеральнаго совѣта Бретани;

Корреспонденція генеральныхъ коммиссаровъ роялистскихъ въ Бретани, 1796—1798;

Письма генеральнаго совѣта Бретани и роялистскихъ офицеровъ къ королю, къ Monsieur, къ графу Пюизе, 1795—1797;

Корреспонденція генерала Гумберта съ Буагарди, 1795;

Корреспонденція генераловъ Жоржа Кадудаля и Мерсье, 1795—1798;

Корреспонденція главныхъ офицеровъ армій Пуату и Вандеи, 1795—1798;

Корреспонденція аббата Бернье, 1796—1798;

Корреспонденція графа Антрега;

Корреспонденція роялистскихъ агентовъ въ Нантѣ, 1795—1797;

Корреспонденція агентовъ, которые были употребляемы королемъ Франціи во Франціи и въ Швейцаріи, 1794—1797;

Донесенія и разсказы относительно Киберонскаго дѣла и пр. и пр.

Нужно ли говорить, до какой степени интимный характеръ этихъ документовъ увеличиваетъ ихъ философскій и историческій интересъ? Здѣсь можно схватить истину прямо на фактѣ; здѣсь можно видѣть тайныя намѣренія, позорныя язвы и игру скрытыхъ пружинъ; здѣсь мы застаемъ актеровъ человѣческой комедіи въ наготѣ ихъ страстей; здѣсь мы какъ-будто за кулисами исторіи.

Вотъ самое разительное доказательство цѣны, какую нужно прида-

вать подобнымъ матеріаламъ. Пюизе напечаталъ свои «Мемуары» въ 6-ти томахъ; но разсказъ о Киберонской экспедиціи, помѣщенный въ его печатныхъ мемуарахъ, совершенно отличается во многихъ существенныхъ пунктахъ отъ рукописныхъ отчетовъ, адресованныхъ или имъ или его адъютантомъ англійскому правительству. Изъ чего слѣдуетъ, что историки, взявшіе для себя въ руководство при разсказѣ о Киберонскомъ дѣлѣ печатные мемуары Пюизе,—а это они дѣлали всѣ,—имѣли руководителя рѣшившагося обманывать ихъ.

Читатель увидитъ, что во многихъ главахъ этой исторіи мы опирались на авторитетъ графа Вобана.

Но можно ли его книгу, изданную подъ заглавіемъ «Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vandée, par le comte de» ***, причислить къ разряду подлинныхъ источниковъ?

Пюизе въ своихъ печатныхъ мемуарахъ сомнѣвается, чтобы графъ Вобанъ, игравшій такую значительную роль въ Киберонской экспедиціи, былъ авторъ указанной книги, «хотя очевидно,—прибавляетъ онъ,—что часть ея могла быть составлена на основаніи замѣтокъ, найденныхъ въ его бумагахъ.»

Но мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ печатные мемуары Пюизе опровергаются въ этомъ пунктѣ рукописными документами того же Пюизе. Ученый библіофилъ Кераръ, не зная этихъ документовъ, приведши указанное мѣсто, высказалъ такое мнѣніе:

«Пюизе былъ весьма близокъ къ истинѣ. Вотъ что разсказываетъ объ этой книгѣ почтенный Монверанъ въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ еще не изданныхъ: «графъ Вобанъ, сильно скопрометированный въ вандейскихъ проискахъ, былъ подъ арестомъ. Во время своего заключенія онъ написалъ апологетическіе мемуары о войнѣ въ Вандеѣ. Съ его ли согласія или безъ этого согласія его рукопись была взята у него и представлена главѣ государства. Наполеонъ, отъ всего сердца желавшій умиротворенія Вандеи, увидѣлъ, что можно воспользоваться этими мемуарами, написанными однимъ изъ людей самыхъ преданныхъ дѣлу вандейцевъ, сдѣлавши однако въ нихъ измѣненія, которыхъ требовала политика. Графу Вобану предложено было освобожденіе подъ условіемъ, чтобы онъ уступилъ свою рукопись, и предложеніе было принято имъ. Мемуары графа Вобана были переданы Альфонсу Бошану, который издалъ ихъ сообразно съ полученными инструкціями и тѣмъ компрометировалъ имя Вобана между роялистами.»

Книга графа Вобана, изданная во время имперіи, была издана во второй разъ во время реставраціи, и потому трудно понять, чтобы че-

ловѣкъ въ положеніи графа Вобана, не говоря уже о его характерѣ, унизился до такой степени, что позволилъ бы явиться подъ его именемъ книгѣ, въ которой онъ представляется очевидцемъ того, чего онъ на дѣлѣ никогда не видалъ, говорящимъ то, чего онъ никогда не говорилъ, и оскорбляющимъ то, что онъ уважалъ. Между тѣмъ роялисты не пренебрегли ничѣмъ, чтобы утвердить это мнѣніе, сильно заинтересованные тѣмъ, чтобы набросить сомнѣніе на подлинность книги, въ которой выставлены самымъ безпощаднымъ образомъ жалкіе недостатки ихъ партіи и человѣкомъ, принадлежащимъ къ ней. Самъ Пюизе въ своихъ напечатанныхъ мемуарахъ показываетъ видъ, будто онъ вѣритъ тому, что графъ Вобанъ не есть настоящій авторъ этой книги.

Но оказывается, что здѣсь Пюизе извращалъ истину, которую онъ зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь; потому что мы нашли написанную его собственною рукою исторію изданія книги Вобана въ письмѣ его къ лорду Борингдону отъ 15 сентября 1811 года. Вотъ это письмо буквально (слова стоящія въ скобкахъ были зачеркнуты Пюизе въ его рукописи, а напечатанныя разставленнымъ шрифтомъ были прибавлены имъ):

«Такъ какъ въ сочиненіи графа Вобана содержатся насчетъ французскихъ принцевъ лично разсужденія и факты, которые я всегда старался приписывать (въ моихъ сочиненіяхъ) единственно ихъ жалкимъ совѣтникамъ и такъ какъ я имѣю слишкомъ много доказательствъ честности этого офицера, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ никогда не публиковалъ бы ихъ въ этой формѣ, еслибы не былъ принужденъ къ этому, то я прошу у васъ позволенія сообщить вамъ нѣсколько подробностей объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ это опубликованіе.

«По возвращеніи моемъ изъ Канады во время послѣдняго мира Бонапартъ, или разсчитывая, что, привлекши меня во Францію, онъ лишитъ французскихъ принцевъ человѣка, которому внутренніе роялисты никогда не переставали обнаруживать свое довѣріе, или же, судя обо мнѣ по массѣ придворныхъ Людовика XVIII, которыхъ онъ легко привлекъ на свою сторону, надѣялся найти во мнѣ рабское орудіе своей ненависти къ Англіи,—сдѣлалъ мнѣ черезъ Отто самыя соблазнительныя предложенія, чтобы (привлечь меня къ себѣ) убѣдить меня возвратиться во Францію. Мнѣ обѣщанъ былъ выборъ чиновъ и должностей въ арміи или въ администраціи или въ обѣихъ вмѣстѣ. Виндгамъ зналъ эти предложенія также какъ и мой отвѣтъ, который былъ (формальнымъ) честнымъ, но формальнымъ отказомъ.

«Между тѣмъ скоро возгорѣлась война. Мой другъ, графъ Вобанъ, котораго я потерялъ изъ виду уже шесть лѣтъ (и который былъ тогда

въ Россіи), воспользовался нѣкоторыми декретами, чтобы возвратить себѣ свои имущества; но по прибытіи во Францію онъ былъ арестованъ и бумаги его были захвачены. Между этими бумагами находился акуратный дневникъ написанный имъ чтобы отдать себѣ отчетъ о (всемъ) томъ, что онъ видѣлъ, дѣлалъ и думалъ съ начала революціи. Бонапартъ требовалъ напечатанія всего, что въ этомъ дневникѣ относилось къ французскимъ принцамъ и ко мнѣ. Вобанъ отказывался (и храбро упорствовалъ) относительно того, что касалось принцевъ, и упорствовалъ въ своемъ отказѣ до тѣхъ поръ, пока его бросили въ тюрьму (Тампль) и, поставивши передъ нимъ орудія пытки, предложили ему выбирать или свободу и возвращеніе его имуществъ или ординарный и экстраординарный допросъ и смерть. Онъ считалъ, что сдѣлалъ родъ сдѣлки (выгодной), добившись того, чтобы по крайней мѣрѣ на сочиненіи была выставлена только первая буква его фамиліи, что было ему дозволено тѣмъ легче, что такъ какъ онъ вездѣ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, то нѣтъ ни одной строчки, которая могла быть приписана кому-нибудь другому.

«Бонапартъ, чтобы доказать мнѣ, какъ я узналъ... [1]), что его намѣренія относительно меня не измѣнились, и что меня не будутъ упрекать за мое поведеніе въ Англіи, приказалъ, чтобы въ книгѣ было помѣщено много (извлеченій) мѣстъ изъ моихъ мемуаровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мои мнѣнія объ этой державѣ были согласны съ мнѣніями, высказанными графомъ Вобаномъ. Книга, такимъ образомъ составленная, была напечатана въ числѣ 10 тысячъ по-французски и въ весьма значительномъ числѣ на всѣхъ языкахъ континента. Экземпляры, попавшіе въ Англію, были скуплены у книгопродавцевъ по приказанію французскихъ принцевъ и сожжены. Томъ, который я имѣлъ честь поднесть вамъ, милордъ, и томъ, который находится также у генерала Аллегра, доставлены особеннымъ путемъ; о нихъ было сообщено только двумъ или тремъ лицамъ, потому что какъ бы ни были несправедливы относительно меня французскіе принцы, но я, хотя и не имѣю къ ихъ личностямъ той преданности, которой они не умѣли внушить мнѣ, питаю къ ихъ рангу, къ ихъ несчастіямъ и къ самому себѣ уваженіе, которое никто не можетъ отнять отъ меня.» [2])

Такъ какъ «ординарный и экстраординарный допросъ» не существо-

---

[1]) Здѣсь слово, которое нельзя разобрать. Л. Б.

[2]) Puisaye papers, vol III. (Рукописи британскаго музея.)

валъ во Франціи во время учрежденія имперіи, то весьма мало вѣроятно, чтобы для вынужденія отъ графа Вобана того, чего отъ него желали, передъ нимъ выставляли «орудія пытки». Очевидно, это подробность, выдуманная Пюизе для того, чтобы представить еще болѣе ненавистнымъ то принужденіе, которому подвергся его другъ, и чтобы объяснить ту слабость, съ какою онъ уступилъ.

Какъ бы то ни было, приведенное письмо доказываетъ, что графъ Вобанъ есть настоящій авторъ книги, подлинность которой многіе имѣютъ интересъ отрицать. Наполеонъ принудилъ графа публиковать то, что не было предназначено для публичности; кромѣ того онъ принудилъ его увеличить свое сочиненіе большимъ числомъ выдержекъ изъ мемуаровъ Пюизе; дальше этого принужденіе не простиралось. Итакъ книга Вобана должна быть причислена къ документамъ, относящимся къ области исторіи. И это документъ тѣмъ болѣе цѣнный, тѣмъ болѣе достойный вѣры, что онъ, по словамъ Пюизе, есть акуратный дневникъ, который писалъ Вобанъ для того, чтобы отдать самому себѣ отчетъ въ томъ, что онъ видѣлъ, дѣлалъ и думалъ послѣ начала революціи. Гдѣ же послѣ этого и найти истину, если не искать ее въ сочиненіяхъ подобнаго рода? Потому что наконецъ нельзя же предполагать, чтобы человѣкъ писалъ книгу только для того, чтобы обманывать самого себя!

Болѣе мы не будемъ говорить: сказаннаго уже, мы надѣемся, будетъ достаточно для того, чтобы показать читателю, что мы особенно старались опираться на источники и что наши положенія имѣютъ всѣ качества, которыя вызываютъ довѣріе публики и оправдываютъ его.

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія не имѣетъ ни начала ни конца. Факты, изъ которыхъ слагается ходъ развитія міра, представляютъ столько запутанности и имѣютъ между собою столько неяснаго сродства, что нѣтъ событія, относительно котораго можно было бы съ достовѣрностью указать его первую причину или его послѣдній исходъ. Начало и конецъ исторіи заключаются въ безконечномъ, т. е. въ неизвѣстномъ. Итакъ, возможно ли указать настоящую точку исхода этой французской революціи, которая вытекала изъ происходившихъ весьма давно умственныхъ движеній и которая повидимому въ своей собственной глубинѣ заключала уже все нужное для своего развитія? Поэтому я и не имѣю намѣренія обнять все, что предполагаетъ подобный предметъ и что соприкасается съ нимъ. Даже въ томъ видѣ, какъ я его понимаю и опредѣляю при моихъ недостаточныхъ средствахъ, онъ кажется мнѣ необъятнымъ. И какая это страшная, какая кровавая исторія!.. Но вмѣсто того, чтобы ужасать насъ, эти печальныя воспоминанія должны насъ успокоивать. Если интеллектуальная сторона дѣла, которую еще предстоитъ совершить, досталась на нашу долю, то это потому, что люди революціи взяли на свою долю мрачную сторону его. Эта мягкость нравовъ, во имя которой мы, сердца малодушныя и неблагодарныя, допустили, чтобы ихъ статуи были закрыты, стала для насъ легкою только благодаря имъ, только благодаря тому, что они вмѣсто насъ боролись съ препятствіями и устранили ихъ въ нашу пользу, только благодаря борьбѣ, отъ которой они избавили насъ, но въ которой погибли сами. Своими насиліями они

приготовили для насъ спокойное положеніе. Они исчерпали ужасъ, исчерпали смертную казнь; террорь, вслѣдствіе своего излишества, сдѣлался навсегда невозможнымъ.

Въ своемъ началѣ революція не представляла ничего мрачнаго. Это были прежде всего порывы радости, сопровождавшіе волненія въ публичныхъ мѣстахъ и привѣтствовавшіе новые законы. Но что такое это собраніе, образовавшееся среди бури? Люди, составлявшіе его, представляли всѣ силы и всѣ интересы человѣчества,—его огорченія, его скорби, его надежды. Чего они желали? Отмстить за человѣчество и передѣлать его. Однако, сколько передъ ними препятствій, сколько опасностей! Съ первыхъ же шаговъ они очутились среди измѣнъ и заговоровъ. Изъ глубины своихъ взволнованныхъ деревень, изъ глубины своихъ возставшихъ городовъ Франція посылаетъ имъ вмѣстѣ съ гимнами энтузіазма предостереженія и крики междоусобной войны. Европа, которую они устрашили, есть ничто иное, какъ большая лига, которая образовалась противъ нихъ и окружала ихъ своимъ движеніемъ. Но вмѣсто того, чтобы бояться бурь, они вызываютъ ихъ; хотятъ, чтобы онѣ были смертельны. Имѣя въ рукахъ жизнь короля, котораго они могутъ унизить даровавши ему прощеніе, они лучше желали бы опошлить его, чѣмъ казнить; но для того, чтобы отступленіе сдѣлалось для нихъ невозможнымъ, имъ нужны были необыкновенныя опасности, неумолимые враги и увѣренность, что они сами будутъ истреблены, если не станутъ истреблять. Вотъ почему они казнили короля, и казнили, презирая его. Тогда-то вспыхнулъ ихъ могучій энтузіазмъ. При заревѣ горящихъ замковъ, при звукахъ набата въ ратушахъ и барабановъ бьющихъ возстаніе, при звукахъ пушекъ непріятеля, который перешелъ границу и уже былъ близокъ, въ то время, какъ яростная толпа окружаетъ собраніе, потрясая пиками и крича у дверей,—они, спокойные и неудержимые, приготовляются раздавить все и совѣщаются среди рева народа. Ихъ секретъ для спасенія Франціи состоитъ въ томъ, чтобы считать ее великою и сказать ей это. Тогда старики пойдутъ на площади, чтобы воодушевлять идущихъ на бой; дѣти и женщины будутъ ухаживать за ранеными; работа націи будетъ состоять въ томъ, чтобы ковать сабли, лить пушки, оттачивать острія пикъ. Вся территорія сдѣлалась лагеремъ, отечество — солдатомъ; а противъ внутреннихъ враговъ были судьи съ каменнымъ сердцемъ и постоянно поднятый ножъ палача.

Такъ поступаютъ эти страшные люди; и предписывая побѣду декретомъ, они посылаютъ къ границѣ милліонъ республиканцевъ. Тот-

часъ же непріятель отброшенъ за наши горы и наши рѣки, Европа въ свою очередь подверглась нашествію, покрылась хаосомъ, наводнилась кровью и получила отпечатокъ новыхъ принциповъ. И то, что было выше генія римскихъ сенаторовъ, на то отважился, то совершилъ сенатъ революціи. Работая надъ тѣмъ, чтобы посредствомъ смѣлыхъ законовъ и высокой мудрости приготовить народамъ братскую будущность, онъ въ то же время издалека распоряжается своими четырнадцатью ожесточенными арміями, сдерживаетъ ихъ, управляетъ ими посредствомъ гражданскихъ коммиссаровъ, наблюдавшихъ за честолюбивыми; и самый гордый изъ генераловъ, если становился подозрительнымъ, получалъ въ своемъ лагерѣ и среди своихъ солдатъ приказаніе, всегда исполнявшееся, явиться передъ непоколебимый трибуналъ, просить прощенія у народа и умереть.

Между тѣмъ внутри Франція наполнилась похоронами. Составлялись списки проскрипціи, болѣе убійственные по своей обширности, чѣмъ списки Силлы. Многіе погибаютъ сегодня: никто не знаетъ, будетъ ли онъ живъ завтра; но въ эти дни столь героическіе, что героизма уже и не замѣчали, натура человѣческая возвысилась до необычайности и смерть потеряла устрашающее дѣйствіе. Въ темницахъ наполненныхъ подозрительными, при гильотинахъ, гдѣ являются и женщины, на улицахъ, на трибунѣ, мы видимъ подвиги и преступленія, невиданныя въ античныя времена. Между этими осужденными, которые, стоя на своихъ погребальныхъ колесницахъ, изливались въ краснорѣчивыхъ проклятіяхъ, были такіе, которые съ поднятымъ челомъ, съ глазами, устремленными къ небесамъ, поклонялись свободѣ, которая ихъ убивала.

И однакоже — удивительное дѣло! — надъ всѣмъ этимъ царствомъ безпорядка парила мысль. Два человѣка, сердца которыхъ были соединены фанатизмомъ ума, мрачный систематикъ и размѣренный философъ въ своей жизни, въ своей ненависти, въ своихъ намѣреніяхъ,—управляютъ всѣмъ; они приносятъ въ жертву разъяренному народу своихъ трибуновъ и даже своихъ приверженцевъ. Въ Римѣ тріумвиры обогащались награбленнымъ достояніемъ изгнанныхъ; здѣсь же изгоняющіе остаются бѣдными, и самый сильный между ними живетъ подъ кровлей ремесленника, которому онъ надѣется сдѣлаться зятемъ. Не говорите имъ, что и до нихъ дойдетъ чередъ: они это знаютъ; не угрожайте имъ анаѳемой будущихъ поколѣній: по безпримѣрному и невиданному самоотверженію они въ число принесенныхъ ими жертвъ включили и свои имена и готовы были, если нужно, подвергнуть ихъ вѣчному безславію. Недоступные страху, стоявшіе выше

раскаяній,—что они представляли въ свое оправданіе? Свою вѣру, свою глубокую политику и тотъ законъ природы, «который требуетъ, чтобы человѣкъ плакалъ при рожденіи». Но въ то время, когда они только-что утишили революцію, чтобы руководить ею, они пали побѣжденные, окровавленные и оскорбленные, они пали и унесли съ собою ту славу, ту скорбь, что смерть ихъ отдалила освобожденіе земли.

Какое зрѣлище! Какія поученія! Да, при воспоминаніи объ этой борьбѣ мыслей, которая имѣла послѣднею цѣлью счастіе людей, орудіемъ эшафотъ, мѣстомъ дѣйствія площади и свидѣтелемъ устрашенный свѣтъ; въ тотъ моментъ, когда я возбуждаю отъ ихъ общаго сна, чтобы поставить ихъ лицомъ къ лицу на краю пропасти, которая поглотитъ всѣхъ, господъ и слугъ, дворянъ, священниковъ, плебеевъ, жертвоприносителей и жертвы; въ тотъ моментъ, когда я вызываю передъ вами, и для суда надъ вами, дорогія или осужденныя тѣни, трагическіе фантомы, героевъ безпримѣрной эпопеи, — мнѣ трудно, признаюсь въ этомъ, справиться съ моимъ волненіемъ, и я чувствую, что мое сердце наполнено уваженіемъ и ужасомъ.

Прежде всего нужно искать причинъ, восходя такъ далеко, какъ только можно прослѣдить сцѣпленіе ихъ. Смѣшивать собственно взрывъ революціи съ ея началомъ значило бы не понимать ея и ея высокой важности. Потому что, не говоря уже о другомъ, отъ какихъ-нибудь вульгарныхъ случаевъ, отъ какихъ-то недавнихъ затрудненій не могли бы произойти событія, воспоминаніе о которыхъ живо еще и въ настоящее время. Эти событія соединили въ себѣ нѣсколько вѣковъ страданій, несчастій, благородныхъ усилій и бдительнаго гнѣва. Всѣ націи содѣйствовали произведенію этихъ событій; и будущность всѣхъ націй также находится въ зависимости отъ нихъ. И въ этомъ именно состоитъ слава этого великаго французскаго народа, что онъ цѣною своей собственной крови пролитой рѣками удовлетворилъ потребностямъ человѣческаго рода, скандализировалъ Европу чтобы спасти ее, защищалъ до послѣдней крайности, до смерти, дѣло всѣхъ народовъ противъ всѣхъ народовъ. Это было великодушное возстаніе, дѣйствительно единственное, въ которомъ черезъ рядъ вѣковъ и по неизбѣжному теченію всѣ возстанія прошлаго соединились и потерялись, какъ рѣки въ морѣ.

НАЧАЛО и ПРИЧИНЫ
РЕВОЛЮЦІИ.

ЦѢЛЬ И ПЛАНЪ.

Три великіе принципа господствуютъ въ мірѣ и въ исторіи: авторитетъ, индивидуализмъ, братство.

Для того чтобы узнать ихъ, чтобы слѣдить за ними черезъ рядъ столькихъ волненій и несчастій, происходившихъ отъ ихъ столкновенія, необходимо ясно обозначить ихъ характеръ и дать съ нихъ отпечатокъ.

Пусть извинятъ насъ здѣсь за сухость нѣсколькихъ необходимыхъ опредѣленій; трагедіи появятся очень скоро и будутъ слишкомъ трогательны.

Принципъ авторитета состоитъ въ томъ, что онъ основываетъ жизнь націй на вѣрованіяхъ слѣпо принимаемыхъ, на суевѣрномъ уваженіи преданія, на неравенствѣ, и посредствомъ правительства употребляетъ принужденіе.

Принципъ индивидуализма состоитъ въ томъ, что онъ беретъ человѣка внѣ общества и независимо отъ общества и дѣлаетъ его единственнымъ судьею его самого и всего, что его окружаетъ, даетъ ему преувеличенное чувство своихъ правъ, не указывая его обязанностей, предоставляетъ его собственнымъ его силамъ и вмѣсто всякаго правительства провозглашаетъ полный произволъ.

Принципъ братства состоитъ въ томъ, что онъ, считая солидарными членовъ великой семьи, стремится организовать общества, дѣло человѣка, по образцу тѣла человѣческаго, которое есть дѣло Божіе, и основываетъ правящую власть на убѣжденіи, на добровольномъ согласіи сердецъ.

Авторитетъ былъ примѣненъ къ дѣлу католичествомъ съ удивительнымъ блескомъ; онъ преобладалъ до Лютера.

Индивидуализмъ, провозглашенный Лютеромъ, развился съ непреодолимою силой и, освободившись отъ религіознаго элемента, восторжествовалъ во Франціи при посредствѣ публицистовъ учредительнаго собранія: онъ правитъ нашимъ временемъ; онъ есть душа вещей.

Братство, провозглашенное мыслителями партіи горы, исчезло тогда среди бури и въ настоящее время еще является намъ только въ дали идеала; но всѣ великія сердца призываютъ его, и уже оно занимаетъ и озаряетъ самыя высшія умственныя сферы.

Между этими тремя принципами первый порождаетъ угнетеніе посредствомъ подавленія личности; второй ведетъ къ угнетенію посредствомъ анархіи; одинъ только третій посредствомъ гармоніи производитъ свободу!

Свобода!—сказалъ Лютеръ; свобода!—повторяли хоромъ философы XVIII вѣка; и это же самое слово свобода и въ наше время написано на знамени цивилизаціи. Но приэтомъ было недоразумѣніе и ложь; и послѣ Лютера это недоразумѣніе и эта ложь наполняли исторію; развивался индивидуализмъ, а не свобода.

О! конечно, если разсматривать индивидуализмъ въ его исторической рамкѣ и сравнивать его съ тѣмъ, что предшествовало, а не съ тѣмъ, что должно слѣдовать, то онъ имѣетъ важность какъ обширный совершившійся прогрессъ. Дать свободный воздухъ и просторъ человѣческой мысли, столь долго стѣсняемой, возбудить гордость и отвагу; подчинить контролю всякаго ума всю совокупность преданій, вѣковъ, ихъ работъ, ихъ вѣрованій; поставить человѣка въ изолированное положеніе, полное безпокойствъ и опасностей, но иногда также полное величія, и предоставить ему лично рѣшать, среди громадной борьбы и при шумѣ всеобщаго пренія, проблему его счастія и его назначенія, это — дѣло величественное; а такое дѣло и совершилъ индивидуализмъ; поэтому объ немъ нужно говорить съ уваженіемъ и какъ о необходимомъ переходномъ состояніи. Но послѣ этого ограниченія намъ конечно будетъ позволено обратить на высшія области наши симпатіи и наши надежды. Человѣчество имѣло надобность въ свое время въ папѣ и въ Лютерѣ; но принципъ авторитета кончилъ свою карьеру, принципъ индивидуализма сдѣлалъ свое дѣло, и будущность не принадлежитъ очевидно ни папѣ ни Лютеру.

Послѣ этого необходимо понять, что въ томъ, что обыкновенно называютъ французской революціей, было въ дѣйствительности двѣ совер-

шенно отличныя революціи, хотя обѣ направленныя противъ стараго принципа авторитета.

Одна изъ нихъ совершилась въ пользу индивидуализма; она имѣетъ началомъ 89 годъ.

Къ другой же сдѣлана была только шумная попытка во имя братства; она пала 9 термидора.

Что революція 89 года только одна пустила корни въ событія,—это происходило оттого, что она не неожиданно завладѣла обществомъ; что она служила интересамъ класса ставшаго господствующимъ, буржуазіи; что она наконецъ явилась съ полной доктриной подъ тройной формой философіи, политики и промышленности.

Итакъ эта предварительная часть сочиненія естественно распадается на три книги.

Въ первой книгѣ излагается, какимъ рядомъ удивительныхъ битвъ, страстныхъ порывовъ, жертвъ, насилій введенъ былъ въ міръ индивидуализмъ и какъ онъ поражалъ съ одной стороны авторитетъ въ церкви, а съ другой стороны братство въ лицѣ Вальденсовъ, Гусситовъ, Анабаптистовъ, Моравскихъ братьевъ и всѣхъ мыслителей, вооружавшихся за дѣло евангелія.

Вторая книга излагаетъ побѣды, послѣдовательно одержанныя во Франціи среднимъ классомъ, преобладаніе котораго утверждено было индивидуализмомъ и представляетъ, такъ сказать, путешествіе французской буржуазіи по исторіи.

Въ третьей книгѣ мы попытаемся показать, какимъ образомъ въ XVIII вѣкѣ, несмотря на усилія Жанъ-Жака Руссо, Мабли и самого Неккера, индивидуализмъ сталъ принципомъ буржуазіи и восторжествовалъ въ философіи школою Вольтера, въ политикѣ школою Монтескье, въ промышленности школою Тюрго.

Такимъ образомъ протестантизмъ, буржуазія, XVIII вѣкъ, — вотъ три большія подраздѣленія предварительной части сочиненія. Послѣ изложенія ихъ мы будемъ присутствовать при драматическомъ и болѣзненномъ рожденіи революціи; а затѣмъ намъ останется только разсказывать ея жизнь.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРОТЕСТАНТИЗМЪ.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ПРОВОЗГЛАШЕНЪ ВЪ ХРИСТІАНСКОМЪ МІРѢ.

ГЛАВА I.

Іоаннъ Гусъ.

Зрѣлище, представленное Европѣ Констанцскимъ соборомъ: авторитетъ съ одной стороны, братство съ другой. — Революціонный смыслъ ересей. — Почему прежде всего требовалось равенство между міряниномъ и священникомъ.—Казнь Іоанна Гуса; величіе его дѣла. — Гусситы въ Богеміи во имя братства возстаютъ, сражаются, терпятъ пораженіе, какъ впослѣдствіи якобинцы во Франціи.—Время братства еще не пришло; мѣсто дѣйствія принадлежитъ индивидуализму.

Перенесемся мыслью къ 1414 году, въ округъ Швабіи, въ Констанцъ. Этотъ городъ, обыкновенно пустынный, вдругъ наполнился шумомъ, толпою и блескомъ. Взоры всей Европы были устремлены на этотъ маленькій уголокъ Германіи. Тамъ дѣйствительно готовилась драма внушительная, страшная и имѣвшая важность, какой и не подозрѣвали дѣйствующіе лица. Тамъ находились лицомъ къ лицу, для смертельной борьбы, два принципа, между которыми свѣтъ долженъ выбирать даже и въ настоящее время.

Принципъ авторитета имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ силы земли; на его сторонѣ были: императоръ, папа, 4 патріарха, 22 кардинала, 150 епископовъ, 1800 священниковъ, 272 доктора, шумное собраніе

князей, курфирстовъ, бароновъ, маркграфовъ, народъ, пріученный уважать обычай, тысячи солдатъ покорныхъ и дикихъ.

Принципъ братства олицетворялъ собою бѣдный священникъ Виѳлеемской капеллы, по имени Іоаннъ Гусъ, который былъ заключенъ въ темницѣ и котораго собирались судить.

Обстановка была торжественная. Католическая церковь выставила всѣ свои пышности передъ глазами умиленнаго народа. Никогда не курилось столько ѳиміама; никогда болѣе почтенные голоса не возносили къ небу важную пѣснь Veni, Sancte Spiritus. Крестъ господствовалъ надъ всѣмъ. Если ученіе о братствѣ, которое проповѣдалъ Христосъ, и было забыто или предано, то оно по крайней мѣрѣ жило въ своемъ символѣ. Негибнущій и почитаемый, этотъ знакъ спасъ отъ забвенія вещь, обозначаемую имъ; крестъ, всегда сохранявшій силу, обличалъ въ теченіе четырнадцати вѣковъ непослѣдовательность и преступность угнетателей, колѣнопреклонявшихся предъ нимъ.

Но правда ли, что церковь, короли и владыки земли оставили ученіе Того, котораго образъ повѣшенный на крестѣ они всѣ почитали? Какимъ образомъ нужно понимать это священное ученіе, какъ примѣнить его къ дѣлу, чтобы изъ него вытекло освобожденіе человѣческаго рода? Соборъ и Іоаннъ Гусъ нетолько имѣли объ этомъ предметѣ два противныя мнѣнія, но еще представляли собою два противоположныя преданія.

Первобытное равенство христіанъ нарушено; церковь приняла языческую іерархію; право избирать своихъ пастырей отнято у народовъ; епископы поселились во дворцахъ; папа возсѣлъ на тронѣ какъ цезарь; первосвященники провозгласили себя непогрѣшимыми и оказались запятнанными; священникъ посредствомъ безбрачія былъ изолированъ отъ остальныхъ людей, семействомъ была для него обширная каста, а отечествомъ Римъ; произошло искусное, но нечистое смѣшеніе христіанскаго спиритуализма, монашескаго аскетизма и языческаго идолопоклонства, говорившее сердцу человѣка, его воображенію, его чувствамъ, овладѣвавшее всѣмъ имъ; являются то придворные, утопающіе въ роскоши Ватикана, то пустынники, канонизованные за то, что бичевали себя въ тиши монастыря; исторія представляетъ силу католицизма, его гоненія, его чудесныя завоеванія; было достигнуто нравственное объединеніе міра, но въ тоже время мы видимъ чудовищныя безобразія Рима, его деспотизмъ опиравшійся на инквизиторовъ и палачей, его узурпаціи, его обманы, его богатство, осуждаемое воспоминаніемъ о бѣдности Христа, его борьбу противъ свѣтской власти, для того чтобы усвоить ее себѣ,

а не сдѣлать лучшею; затѣмъ его продолжительное сообщничество съ королями; наконецъ земля сдѣлалась христіанскою и тѣмъ неменѣе она покрыта рабами, бѣдными, угнетенными...: вотъ какую исторію продолжалъ, оживляя и совокупляя ее въ себѣ, этотъ славный Констанцскій соборъ, на которомъ подлѣ Бальтазара Коссы, одного изъ трехъ скандалезныхъ папъ того времени, засѣдалъ императоръ Сигизмундъ съ душею преданною горделивымъ заботамъ и съ руками запятнанными кровью.

Напротивъ Іоаннъ Гусъ напоминалъ здѣсь собою, что ученіе о братствѣ неразрушимо по своей сущности; что измѣненное церковью, оно было въ религіозномъ отношеніи сохраняемо въ ересяхъ; что даже среди самаго густаго мрака оно всегда находилось въ какомъ-нибудь уголку Европы, свѣтя гдѣ-нибудь въ сторонѣ, какъ вѣчная и сохраняющаяся въ запасѣ лампа; что для его уничтоженія напрасно созывались соборы, собирались арміи, проповѣдывались дикіе крестовые походы, употреблялись желѣзо и огонь. Іоаннъ Гусъ былъ продолжателемъ всѣхъ тѣхъ, которые въ теологической формѣ протестовали противъ злоупотребленія принципомъ авторитета и до того времени апеллировали отъ церкви къ евангелію, отъ папы ко Христу и отъ тираніи человѣка къ покровительству Бога. Іоаннъ Гусъ былъ продолжателемъ Петра Брюйеса, преданнаго сожженію, Альбигойцевъ изрубленныхъ, Вальденсовъ, которыхъ ожидала истребительная война, ліонца Вальдо [1]), который въ половинѣ XII вѣка продалъ свое имущество, вырученную сумму роздалъ бѣднымъ и сталъ жить апостольскою жизнью, англичанина Виклефа, трупъ котораго былъ вырытъ изъ земли, сожженъ и прахъ его брошенъ въ рѣку Лютерворсъ [2]). Іоаннъ Гусъ, словомъ, былъ продолжателемъ тѣхъ еретиковъ, которыхъ доминиканскій монахъ Рейнеръ, ихъ врагъ, описываетъ слѣдующими словами: «они благоприличны и скромны во всемъ. Они избѣгаютъ роскоши и суетности въ своемъ одѣяніи. Они не занимаются никакими житейскими дѣлами, потому что въ каждомъ дѣлѣ

---

[1]) Вальдо вовсе не былъ, какъ обыкновенно думаютъ, основателемъ секты Вальденсовъ. Она восходитъ гораздо дальше XII вѣка. См. объ этомъ предметѣ *Бозобръ*, Histoire du manichéisme, Préface, t. I, p. I.

По свидѣтельству Клода Сейселя, Вальденсы восходятъ даже ко временамъ апостольскимъ, Hist. des Albigeois et des Vaudois, Бенуа, t. II, p. 238. 1691.

[2]) О тождествѣ обѣихъ сектъ, Альбигойцевъ и Вальденсовъ, см. Бнажъ, Hist. de l'Eglise, t. II, p. 1417.

будто-бы совершаются ложь и обманы. Они часто причащаются... Они говорятъ мало и смиренно. Они повидимому доброй нравственности. Обыкновенно они блѣдны» [1]).

Не нужно удивляться тому, что до того времени возстанія совѣсти и вопли народа, движенія человѣческаго ума и содроганія земли, обреченной на трудъ, были только теологическими революціями. Послѣ Григорія VII Римъ находился на такой высотѣ, что виденъ былъ со всѣхъ сторонъ. Римъ покрывалъ своею тѣнью даже троны. Вспомнимъ, что Генрихъ VII, нѣмецкій императоръ, снявши свои царскія одежды и въ одной власяницѣ, со слезами на глазахъ и на колѣнахъ вымаливалъ прощеніе у разгнѣваннаго монаха. Папское имя «есть единственное имя въ мірѣ» [2]), говорилъ Гильдебрантъ, и заставилъ удивленныя націи вѣрить этому. Кромѣ того церковь завладѣла всѣмъ человѣкомъ. Она воспринимала его при его появленіи на свѣтъ, она управляла составленіемъ семействъ, она опредѣляла мораль, она принимала послѣднюю мысль умирающаго, она руководила поминовеніемъ усопшихъ, она стояла на порогѣ двухъ вѣчностей, изъ которыхъ она сдѣлала для вѣрующихъ предметъ надежды и страха. Итакъ она одна была и казалась отвѣтственною за состояніе міра.

Вотъ почему въ то время узурпація позорила названіемъ ереси все то, что въ наше время она осуждаетъ подъ именемъ революціи.

Въ своей знаменитой книгѣ [3]) Боссюэ говоритъ, что ересь не могла произвести цѣльной системы доктринъ и доказать свое преданіе. Но не прибѣгая даже къ столь ученымъ и столь умѣреннымъ опроверженіямъ Банажа и держась указаній самого Боссюэ, не видимъ ли мы, что принадлежали къ великому семейству, исходящему отъ Христа, всѣ секты, согласныя между собою въ слѣдующихъ пунктахъ: «Не нужно присяги, это—изобрѣтеніе тираніи; не нужно богатаго и гордаго пастыря, Христосъ жилъ въ бѣдности; нужно отнимать священный санъ у того, кто не имѣетъ добродѣтелей; всякій мірянинъ, живущій свято, имѣетъ право совершать причащеніе и сѣять на своемъ пути божественное слово?» Подобное ученіе мы находимъ въ исповѣданіи Альбигойцевъ на соборѣ Ломбецкомъ [4]), въ чисто евангельской жизни Вальденсовъ [5]), въ сочиненіяхъ Ви-

---

[1]) Ланфанъ, Hist. du concile de Constance, p. 268.

[2]) Quod unicum est nomen in mundo. Dictatus Gregorii papae VII.

[3]) Hist. des Variations, Liv. XI. Oeuvr. compl., édit. Didot.

[4]) Ibid., t. VI, p. 32.

[5]) Ibid., p. 42.

клефа, въ проповѣдяхъ Іоанна Гуса. Это есть экзальтированное, но глубокое и постоянно существовавшее ученіе, значеніе котораго покажетъ намъ исторія католическихъ учрежденій.

Католицизмъ при самомъ своемъ возникновеніи основалъ свою власть на коренномъ отдѣленіи духа отъ плоти. Тотчасъ же образовались два общества: одно духовное, показывавшее себя безбрачнымъ, представлявшее идею касты, называвшее себя хранителемъ небесныхъ полномочій; другое матеріальное и гражданское, размножавшееся посредствомъ брака, представлявшее идею семейства и обреченное на заботы о мірскихъ вещахъ. Итакъ съ одной стороны церковь, съ другой міръ.

Но не ожидайте поэтому, что церковь станетъ предписывать и поддерживать внѣ ея то, что она вводитъ въ практику и освящаетъ въ своей собственной средѣ. Нѣтъ, отдѣленіе будетъ полное, безусловное. Въ церкви будетъ преобладать право ума, а міръ она предоставитъ праву силы и случая: для папъ избраніе, для королей наслѣдственность.

Но, отдѣляясь отъ міра, церковь не думала жить съ нимъ въ отношеніяхъ равенства. Она отдѣлилась отъ него затѣмъ, чтобы владычествовать надъ нимъ и руководить имъ. Слава духу, анаѳема плоти! Таковъ былъ возгласъ, который заставлялъ королей падать къ ногамъ папъ и освящалъ господство религіознаго общества надъ обществомъ гражданскимъ.

Послѣ этого смыслъ ересей ясенъ, цѣль понятна. Большое неравенство, которое нужно было разрушить, было именно то, которое разрывало человѣчество на двѣ части и обнимало всю вселенную. Прежде чѣмъ сближать различныя званія и положенія, нужно было сблизить небо съ землею. Отчего же было не заняться возвышеніемъ подданнаго до уровня короля, раба до уровня господина, бѣднаго до уровня богатаго? Оттого, что въ пользу равенства нужно было сдѣлать предварительно другое усиліе болѣе нужное и настоятельное: нужно было возвысить мірянина до уровня священника.

Поэтому революція, приготовленная философами, продолжаемая политикой, имѣющая завершиться въ будущемъ посредствомъ соціализма, естественно должна была начаться теологіей.

Изъ этого видно, что вопросъ, о которомъ соборъ собирался препираться съ Іоанномъ Гусомъ, былъ вопросъ высокой важности. Но случилось такъ, что наканунѣ того, какъ церковь осудила въ лицѣ скромнаго священника раждавшійся геній новыхъ революцій, она издалека содѣйствовала освобожденію этого же генія отъ узъ тѣмъ, что про-

возгласила соборы властью высшею власти папъ. Этимъ она поражала монархическую идею и пролагала путь бурному правленію собраній.

И скоро послѣ этого былъ показанъ великій примѣръ. Іоаннъ XXIII, обвиненный въ продажности, кровосмѣшеніи и отравленіяхъ, былъ въ глазахъ всей Европы свергнутъ съ папскаго престола по словамъ евангелія, читаннымъ передъ соборомъ: нынѣ судъ міру; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ.

Какая вѣчно позорная непослѣдовательность! Соборъ нанесъ рѣшительный ударъ великой фикціи непогрѣшимости папъ; онъ провозгласилъ вслухъ всего христіанства, что папа, покрытый преступленіями, можетъ быть лишенъ сана; и этотъ же самый соборъ осудилъ Іоанна Гуса за то, что онъ сказалъ: «если тотъ, кто называется намѣстникомъ Іисуса Христа, подражаетъ жизни Іисуса Христа, то онъ дѣйствительно намѣстникъ его; но если онъ слѣдуетъ противоположнымъ путемъ, то онъ есть посланникъ антихриста».

Остановимся здѣсь на минуту. Въ настоящее время, послѣ столькихъ лѣтъ употребленныхъ на то, чтобы показывать истину безъ покрововъ, чтобы разрушать всякое обаяніе, чтобы устранять всякій символъ, мы не можемъ удержаться отъ печальнаго сравненія, вспоминая, какіе вопросы волновали и раздирали средніе вѣка. Для достиженія той единственной цѣли, чтобы возвратить вѣрующимъ право причащаться подъ двумя видами, поднимались царства; вся Германія была объята пожаромъ; стотысячныя арміи вели истребительную войну; многочисленное населеніе убѣгало изъ своихъ жилищъ съ евангеліемъ и мечомъ, измѣняло образъ жизни, жило подъ открытымъ небомъ, всегда дрожало, одѣтое желѣзомъ, въ подвижныхъ городахъ состоявшихъ изъ телегъ; совершался цѣлый рядъ страшныхъ убійствъ, баснословныхъ битвъ, потрясеній, и какъ-бы на память о столькихъ ужасахъ стояли деревни, покрытыя убѣленными костями, какъ послѣ пораженія Вара!.. Такова и должна была быть въ своемъ принципѣ и своихъ дѣйствіяхъ война, кровавое зерно которой заключалось въ процессѣ Іоанна Гуса.

Не удивляйтесь этому. По смыслу истиннаго христіанства причащаться значитъ совершать актъ равенства. Посредствомъ причащенія христіане соединяются въ Богѣ; они становятся братьями. Итакъ для того, чтобы символъ соотвѣтствовалъ идеѣ, нужно, чтобы этотъ актъ совершался одинаково всѣми, всѣми безъ исключенія. Священники, удерживая за собой исключительную привилегію причащаться подъ двумя видами, отдѣляли себя отъ остальныхъ вѣрующихъ; они самого Бога призывали во свидѣтели законности кастъ; они нарушали соціальное

единство въ его самой высшей формѣ, формѣ религіозной. Такимъ же образомъ и въ концѣ XVIII вѣка мы снова встрѣтимъ этотъ же освобождающій и неизбѣжный вопросъ, занимающій умы, охватывающій сердца; и сущность его не измѣнилась. Только его теологическая формула уступила мѣсто его формулѣ политической; и то, что выйдетъ изъ него, будетъ второй актъ французской революціи.

Іоаннъ Гусъ явился въ Констанцъ, положившись на охранительную грамату, данную императоромъ Сигизмундомъ; но эта охрана была низкимъ образомъ нарушена и лишеніе его свободы слишкомъ ясно показывало ему тайныя рѣшенія собора; итакъ приближался часъ, когда нужно было умереть. Но Іоаннъ Гусъ провидѣлъ черезъ туманъ будущности событія, которыя возвышали его душу надъ страхомъ смерти. «Гусь,—говорилъ онъ, намекая на свою фамилію,—есть птица скромная и не очень высоко летаетъ... Но явятся другія, которыя взмахомъ своихъ крыльевъ поднимутся выше западни враговъ».

Въ назначенный день Іоаннъ Гусъ явился передъ соборомъ; лицо узника было доброе, спокойное и гордое. Его можно было бы упрекнуть въ томъ, что онъ возбуждалъ въ Богеміи сцены насилія, по крайней мѣрѣ позволялъ ихъ; но великость опасности, укрѣпивъ его убѣжденіе и удвоивъ энергію его воли, смягчила и успокоила его сердце. Одинъ очевидецъ разсказываетъ о первомъ допросѣ слѣдующимъ образомъ: «какъ только прочитана была статья противъ него и едва только онъ открылъ ротъ, чтобы отвѣчать, какъ все это собраніе начало такъ кричать противъ него, что ему нельзя было сказать ни одного слова; безпорядокъ былъ такъ великъ и смятеніе дотого бурно, что можно было бы сказать, что это крикъ дикихъ звѣрей, а не людей...» [1]).

7 іюня, въ день, назначенный для втораго допроса, было солнечное затмѣніе и Констанцъ нѣсколько времени былъ погруженъ во тьму. На второмъ допросѣ, Іоанна Гуса осудили за то, что онъ принималъ 45 положеній Виклефа, которыя соборъ осудилъ въ своемъ осьмомъ засѣданіи и важнѣйшими изъ которыхъ были слѣдующія:

«Христосъ не присутствуетъ дѣйствительно, своимъ собственнымъ тѣломъ, въ таинствѣ евхаристіи.—Несогласно съ св. писаніемъ, что духовенство владѣетъ имуществами.—Не нужно нищенствующихъ монаховъ.—Церковь римская есть синагога сатаны и папа не есть бли-

[1]) Hist. des Martyrs, p. 56; ed. in-folio, Genève, 1619.

жайшій и непосредственный намѣстникъ Христа. — Глупо вѣрить индульгенціямъ. — Народъ можетъ, по своему произволу, исправлять своихъ учителей, когда они впадаютъ въ какое-нибудь преступленіе.»

Такимъ образомъ Виклефъ нападалъ на привилегію и на тѣ средства, которыми она пользовалась для своего поддержанія, обличалъ царство праздныхъ лѣнивцевъ, ссылался противъ скопленія богатства на авторитетъ писанія и провозгласилъ верховную власть народа.

Это ученіе, за исключеніемъ статьи о таинствѣ евхаристіи, было въ сущности ученіемъ Іоанна Гуса. Поэтому онъ мужественно отказался подписаться подъ осужденіемъ Виклефа, и до конца остался твердымъ въ своей вѣрѣ.

Между всѣми видами угнетенія и между всѣми родами возстаній существуетъ скрытая, но необходимая связь; она ясно обнаружилась и въ дѣлѣ Іоанна Гуса. Спрошенный о томъ, «ужели папа, епископъ или прелатъ, если они совершатъ смертный грѣхъ, перестаютъ быть папою, епископомъ и прелатомъ», Іоаннъ Гусъ рѣшительно утверждалъ истинность этого принципа, и, распространяя его на королей, напомнилъ слова Самуила къ Саулу: «такъ какъ ты отвергъ мое слово, то и я отвергнусь отъ тебя и ты не будешь больше царемъ». Въ это время— разсказываетъ историкъ Констанцскаго собора [1])—императоръ Сигизмундъ разговаривалъ у окна съ курфирстомъ и бургграфомъ Нюренбергскимъ. Кардиналъ Камбрейскій обратилъ его вниманіе на допросъ и потребовавши, чтобы Гусъ повторилъ свои слова передъ Сигизмундомъ, яростно закричалъ: «вамъ не довольно того, что вы унижаете священниковъ, не хотите ли вы еще унижать королей?» Сопоставленіе жестокое и при данныхъ обстоятельствахъ подлое; но оно имѣло глубокій смыслъ, болѣе глубокій, чѣмъ воображалъ это самъ кардиналъ Камбрейскій!

Іоаннъ Гусъ исполнилъ свой долгъ: ему оставалось только умереть. При приближеніи этого труднаго послѣдняго испытанія онъ смутился и не былъ чуждъ страха. Кромѣ того заключеніе его было сурово и болѣзненно подѣйствовало на него; онъ былъ боленъ; у него была кровавая рвота. Но тѣмъ неменѣе онъ остался непоколебимымъ. Напрасно его убѣждали покориться: онъ отвѣчалъ тономъ людей, которые знаютъ, что жизнь ихъ принадлежитъ ихъ дѣлу.

---

[1]) Ланфанъ, p. 330.

Его осудили. Тогда, обратившись къ императору Сигизмунду, онъ напомнилъ ему объ его охранной граматѣ; и когда остановилъ свой взглядъ на этомъ государѣ, измѣнившемъ своему слову, то послѣднiй не могъ вынести такого взгляда и внезапная краска покрыла его лицо.

Iоаннъ Гусъ обращался къ суду и защитѣ Христа, на что отцы собора отвѣчали только смѣхомъ. Ему надѣли на голову въ знакъ поруганiя митру изъ бумаги, на которой было написано слово ересiархъ; приэтомъ онъ сказалъ: «я счастливъ, что ношу этотъ позорный вѣнецъ въ память Iисуса, который носилъ терновый вѣнецъ». Затѣмъ онъ былъ подвергнутъ многимъ другимъ униженiямъ [1]). Наконецъ онъ былъ отданъ свѣтской власти и отведенъ на смерть. По отвратительной утонченности варварства отцы собора приказали, чтобы на дорогѣ къ его казни жгли его книги [2]), и чтобы такимъ образомъ прежде, чѣмъ попасть тѣломъ въ руки палачей, онъ увидѣлъ поруганiе своихъ мыслей. Прибывши на площадь, гдѣ былъ костеръ, онъ палъ на колѣни и воскликнулъ: «Боже! въ руцѣ твои предаю духъ мой». Въ толпѣ многiе съ удивленiемъ и жалостью говорили: «чѣмъ же преступенъ этотъ человѣкъ?» Онъ былъ привязанъ къ столбу лицомъ къ востоку; но такъ какъ нѣкоторые замѣтили, что онъ не достоинъ смотрѣть на востокъ, потому что онъ еретикъ, то его повернули лицомъ къ западу. Затѣмъ зажгли костеръ и высокiя мольбы мученика возносились въ пѣснопѣнiяхъ среди пламени. Прахъ его былъ брошенъ въ Рейнъ. Но онъ оставилъ послѣ себя мстителей, онъ оставилъ еретиковъ; и его трогательное предсказанiе должно было исполняться: «но явятся другiя птицы, которыя взмахомъ своихъ крыльевъ поднимутся выше западни враговъ».

Дѣло, которое представлялъ собою Iоаннъ Гусъ и за которое умеръ также Iеронимъ Пражскiй, его ученикъ, имѣло столько величiя, что вся Богемiя чувствовала себя пораженною. И тогда какъ Оттонъ Колонна, произведенный соборомъ въ папу, явился на улицахъ Констанца верхомъ на бѣлой лошади, которую вели за поводья императоръ и курфирстъ; тогда какъ Сигизмундъ, слѣдуя въ трiумфальномъ шествiи за верховнымъ первосвященникомъ, казалось признавалъ превосходство свя-

---

[1]) Hist. des Martyrs, p. 56.—См. описанiе этой возмутительной сцены у Теобальда: «Tandem omnibus vestibus sacerdotalibus exuto capitis quoque rasuram illi turpificare velle, etc. Bellum Hussiticum, p. 50.

[2]) Аббатъ Флери, Hist. ecclésiast., t. VI, liv. CI.—Ланфанъ, p. 164.

щенника надъ міряниномъ,—равенство мірянина со священникомъ было провозглашено въ Богеміи, возставшей съ оружіемъ въ рукахъ и съ крикомъ: Чашу народу! Тогда по призыву Жижки собралось 30 тысячъ воиновъ, которые, сдѣлавши своимъ лагеремъ и городомъ гору Таборъ, устроили семейную жизнь на полѣ сраженія; тогда началась борьба, въ которой горсть людей ударъ за ударомъ уничтожила всѣ арміи, высланныя Германіей.

И что особенно характеризовало начавшуюся войну гусситовъ,—это дѣйствительно неслыханное соединеніе идеальныхъ стремленій съ жестокостью. За опустошеніями монастырей, за отвратительными убійствами слѣдовали поэтическіе порывы. Предшествуемые деревянной чашей, символомъ ученія, которое они хотѣли сдѣлать непобѣдимымъ, суровые воины шли подлѣ своихъ священниковъ, которымъ нравилась апостольская простота и которые, подобно Іоанну Крестителю, крестили только чистою водою рѣкъ [1]. Послѣ экспедицій, во время которыхъ связанныхъ монаховъ держали на льду или водили по городамъ съ терновыми вѣнками на головахъ, послѣ сраженій, напоминавшихъ гомеровскія сраженія. Табориты возвращались въ свой лагерь на горѣ, садились за братскіе пиры [2], слушали поученія священниковъ и старались осуществить ту жизнь, полную мира, поэзіи и любви, которую надежда представляла имъ вдали.

Война продолжалась 16 лѣтъ и Жижка обнаружилъ въ ней варварскую экзальтацію, соединенную съ рѣдкой геніальной глубиной. Онъ былъ одноглазый: раненный стрѣлой [3], онъ потерялъ и послѣдній глазъ, но сдѣлался вслѣдствіе этого еще ужаснѣе. Эта вѣчная ночь, наступившая для него, только экзальтировала силы его сердца и среди мрака онъ продолжалъ убійства.

Послѣ его смерти Прокопій наслѣдовалъ его ненависть и его побѣды [4].

Но между Чехами кромѣ такихъ, которые говорили: «чтобы быть свободными, будемъ братьями», были еще и такіе, которые говорили только: «будемъ свободными»; кромѣ Таборитовъ были еще Каликстинцы (чашники), термидоріанцы того времени, будущіе измѣнники, ко-

---

[1]) Aeneae Sylvii, de Bohem. hist., cap. XXXV, p. 30.

[2]) Theobaldus, Bellum Hussiticum, p. 71. Rub. 20. Francofurti, MDCXXI.

[3]) Aeneae Sylvii, de Bohem. hist., cap. XLIV, p. 39.

[4]) О войнѣ Гусситовъ см. краснорѣчивый разсказъ, помѣщенный Жоржъ Зандомъ въ VIII и XIII томахъ Revue indépendante.

торые господствовали въ Прагѣ. Эти послѣдніе вступили въ сношенія съ Базельскимъ соборомъ, и 6 мая 1434 года, перерѣзали въ пользу общаго врага своихъ союзниковъ, своихъ спасителей, застигнутыхъ врасплохъ вслѣдствіе измѣны. То, что начала рѣзня, докончили сраженія, и Таборитовъ не стало.

Однако ихъ ученіе не погибло съ ними. Буйные ученики исчезли; но остались мирные ученики, остались Богемскіе братья, которые были тѣмъ же относительно Анабаптистовъ, чѣмъ были Вальденсы относительно Таборитовъ.

Но ни насиліе, ни мягкость не могли такъ скоро доставить перевѣса между людьми принципу братства. Индивидуализмъ подъ обманчивымъ и пышнымъ названіемъ, т. е. та фальшивая свобода, которая проходитъ мимо рабовъ бѣдности и невѣжества, не глядя на нихъ, — вотъ единственный прогрессъ, который достался тогда на долю обществъ. Прежде чѣмъ освобождать человѣка соціальнаго, нужно было освободить человѣка индивидуальнаго. Было изобрѣтено книгопечатаніе... и по выраженію Боссюэ міръ, наполненный горечью, произвелъ на свѣтъ Лютера.

ГЛАВА II.

Лютеръ.

Революція въ XVI вѣкѣ: она обнаружилась въ религіозной формѣ, потому что государство въ то время имѣло церковный характеръ.—Лютеръ—трибунъ мистикъ.—Онъ желаетъ свободнаго христіанина, но порабощеннаго человѣка; онъ возбуждаетъ возстанія совѣсти и осуждаетъ возстанія бѣдности.—Цѣлая сторона человѣческаго существа осталась внѣ движенія, возбужденнаго Лютеромъ.—Лютеръ передъ Карломъ V.—Подобно Гусситамъ Анабаптисты возстаютъ во имя братства, но подобно имъ же погибаютъ: Лютеръ радъ этому.—Успѣхи реформаціи.—Какими непредвидѣнными послѣдствіями она дала толчокъ новой промышленности.—Индивидуализмъ провозглашенъ.

Здѣсь начинается исторія болѣе потрясающая, болѣе трагическая, чѣмъ исторія народовъ, раздавленныхъ завоеваніями, или армій, сталкивавшихся для борьбы; это исторія мысли, мысли, вездѣ охваченной энтузіазмомъ, вездѣ раздраженной, желавшей борьбы, искавшей неожиданностей и готовой низвергнуть царство умовъ отъ одного конца Европы до другаго.

XVI вѣкъ былъ вѣкомъ возмутившагося ума; онъ приготовилъ разрушеніе всѣхъ старыхъ общественныхъ силъ, начавъ съ церкви: вотъ что его характеризуетъ. Въ самомъ дѣлѣ тогда поднялись неслыханные дотолѣ голоса, чтобы оспаривать у изумленнаго папы право торговать небомъ и адомъ. Въ Виттенбергѣ былъ ниспровергнутъ большой крестъ изъ краснаго дерева, который миссіонеры ставили въ церквахъ и вокругъ котораго они продавали по копейкамъ милосердіе ихъ Бога. Монахи бросали прочь власяницы и бичи, орудія ихъ долгаго самоумерщвленія, тогда какъ другіе изъ нихъ, оставя свои монастыри, спѣшили публично вступить въ бракъ и подвизаться въ любви. Въ первый разъ отлученія сдѣлались предметомъ громкаго всеобщаго смѣха. Разсказывали какъ сущую правду, что тогда-то въ такомъ-то мѣстѣ студенты, предводительствуемые докторами, дѣлали потѣшные огни изъ бумаги съ написанными на ней буллами. Кающіеся оставляли исповѣдальни. Дороги Германіи покрылись монахинями, ушедшими изъ монастырей. Простые міряне начали заниматься догматическими разсужденіями и стали проповѣдывать. Святые изъ камня и мрамора во многихъ мѣстахъ полетѣли на полъ, обезображенные толпою, которая негодовала на папистское идолопоклонство. Вездѣ вооружалось дворянство. Въ Европѣ раздавался сильный шумъ оружія, покрываемый революціонными возгласами. Римъ трепеталъ.

Но очевидно, что это была только одна сторона возстанія. Научить народы разсуждать о папѣ — это значило неизбѣжно возбуждать ихъ разсуждать о короляхъ. Кромѣ того церковь уже давно соединила государство съ своею судьбою. Римъ лежалъ въ основаніи всего: кто поражалъ его, тотъ поражалъ общую систему тогдашняго міра въ самое ея сердце.

И какъ все это совершилось, о томъ нельзя вспомнить безъ удивленія: до такой степени видна здѣсь рука Провидѣнія въ малѣйшихъ обстоятельствахъ!

Въ 1511 году неизвѣстный монахъ, называвшійся тогда братомъ Августинцемъ,—это былъ Лютеръ (Luther),—всползалъ на колѣнахъ по лѣстницѣ Пилата въ Римѣ [1]). Онъ хотѣлъ получить отъ папы какую-то индульгенцію. Вдругъ этому монаху показалось, что онъ слышитъ небесный голосъ: «праведный живъ будетъ вѣрою». Онъ тотчасъ же всталъ, какъ будто наставленный Богомъ, и возвратился назадъ въ силь-

---

[1]) Секендорфъ, Comment. de Lutheranismo, p. 56.

номъ волненіи, съ неопредѣленнымъ безпокойствомъ въ умѣ; и уже тогда могъ сказать: «я не знаю, откуда берутся у меня эти мысли.» Онѣ пришли къ нему отъ духа его вѣка. И вотъ почему первая мистическая формула ихъ скоро измѣнилась въ революціонный сигналъ, который, распространяясь изъ города въ городъ, зажегъ Европу.

Результатъ кажется еще болѣе поразительнымъ, если вспомнить, что Лютеръ, смѣлый въ своихъ порывахъ, имѣлъ робкую натуру; что этотъ трибунъ игралъ на лютнѣ, былъ мечтатель, поэтъ; что его грубая запальчивость, его гнѣвъ допускали переходъ къ тихой грусти, что онъ былъ подверженъ страннымъ сомнѣніямъ и разочарованіямъ ужасающей глубины; что тысячи противоположныхъ силъ старались завладѣть его душой утомленной, бурной и нѣжной, состоявшей изъ злости и любви. Кромѣ того, какова была его жизнь до сихъ поръ? Эта жизнь была раздѣлена между заботами нищенствующаго школьника и предразсудками монаха. Въ молодости онъ ходилъ изъ двора во дворъ съ протянутой рукой, получая милостыню за свое пѣніе. Впослѣдствіи, на пути изъ Мансфельда въ Эрфуртъ, когда его застигла гроза, онъ испугался, палъ лицомъ на землю и поклялся сдѣлаться монахомъ, посвятивъ себя такимъ образомъ Богу гнѣва, котораго онъ ощутилъ въ разверзшихся небесахъ. Свое вступленіе въ монастырь уединенный и мрачный, свои слабости, свои усилія избавиться отъ искушеній, свое суровое подвижничество, свои страхи и привидѣнія, являвшіяся въ его кельѣ съ вечерней темнотой,—все это онъ описалъ самъ въ выраженіяхъ страшной наивности.

Нужно замѣтить также, что побѣдоносный обличитель столькихъ католическихъ суевѣрій, предтеча раціонализма, Лютеръ былъ суевѣренъ до крайности и его вѣра была болѣе наивна, чѣмъ всякаго другаго изъ его современниковъ. Вѣдьмы, собиравшіяся на другой день Рождества на перекресткѣ четырехъ дорогъ и по заходѣ солнца имѣвшія тамъ свои мрачныя засѣданія; монахи, сопровождаемые по незнакомой имъ дорогѣ духомъ тьмы подъ видомъ вооруженнаго человѣка; голосъ изъ ада, раздававшійся среди полуночной тишины,—вотъ какими разсказами занималъ Лютеръ своихъ довольныхъ слушателей, вотъ какими вѣрованіями онъ питалъ свое больное воображеніе [1]). Но особенно былъ увѣренъ Лютеръ во власти демона и особенно боялся ея. Въ уединеніи тѣхъ безпокойныхъ ночей, во время которыхъ онъ приго-

---

[1]) Застольныя рѣчи, во французскомъ переводѣ Густава Брюне, ч. I.

товлялъ разрушеніе стараго міра, онъ часто видѣлъ вокругъ себя фантомы своего воображенія. Тогда ему являлся сатана; и онъ, дрожащій, угнетенный, но твердый въ вѣрѣ, вступалъ въ борьбу съ своимъ страшнымъ посѣтителемъ [1]).

Таковъ былъ Лютеръ впослѣдствіи. Но когда онъ отправился въ Римъ, то былъ тѣмъ, что изъ него сдѣлалъ монастырь; его лицо не имѣло еще тогда того цвѣтущаго вида и крѣпкой полноты, какіе мы видимъ на нѣкоторыхъ портретахъ Лютера; напротивъ оно свидѣтельствовало о долгихъ и горячихъ бдѣніяхъ; его глаза, которые впослѣдствіи сравнивались съ ястребиными, блистали зловѣщимъ блескомъ и онъ мучился мыслью, что у него, какъ разсказываетъ современный историкъ, можно было сосчитать всѣ кости; въ дѣлахъ совѣсти онъ былъ дитя церкви.

Но какое зрѣлище долженъ былъ представить ему священный городъ! Испорченность въ немъ стала общею, крайнею. Вездѣ святокупство, развратъ, которому нѣтъ имени [2]), богохульство, смрадъ убійства [3])... Лютеръ содрогнулся отъ негодованія и по возвращеніи въ Виттенбергъ началъ, спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1517 г., свое великое нападеніе.

Непонятная дерзость, еслибы возстаніе одного человѣка не было въ этомъ случаѣ возстаніемъ вѣка!

Потому что папство, хотя и глубоко потрясенное съ одной стороны ересями, а съ другой соборами Базельскимъ и Констанцскимъ, казалось еще полнымъ жизни. Римъ переполненъ былъ нечистотами; но для скрытія ихъ сколько было блеска! Папскій тронъ окружала группа великихъ людей. Тогдашній папа, Левъ X, былъ изъ фамиліи Медичи; и онъ внесъ въ свои верховныя дѣйствія грацію, великолѣпіе, счастливый геній своей фамиліи.

Но подъ этимъ блескомъ обитала смерть. Причина этого проста. Всякая сила продолжаетъ свое существованіе только подъ тѣмъ условіемъ, если она сохраняетъ спеціальность своихъ отправленій и оригинальность своего характера. Папа былъ возможенъ только какъ духовный глава человѣчества; и въ этомъ качествѣ, гдѣ онъ могъ найти свою естественную опору, если не въ вѣрѣ народовъ? Съ того времени, какъ папа, считая нужною для себя дру-

---

[1]) Ibid., p. 31.
[2]) Мерль д'Обинье, Hist. de la Réform., t. I, p. 73.
[3]) Ранке, Исторія папства, I, 80.

гую опору, по гордости своей сталъ искать ея въ геніи артистовъ и поэтовъ, въ бурной солдатской силѣ, въ богатствѣ и обладаніи большими областями,—съ этого времени онъ, упавшій съ высоты своего величественнаго уединенія въ толпу свѣтскихъ государей, пересталъ быть папой: онъ исчезъ для глазъ свѣта.

Можетъ быть Левъ X и не подумалъ бы обнародовать индульгенціи, отвѣтомъ на которые былъ, какъ извѣстно, первый крикъ Лютера, еслибы празднества, подарки, желаніе окончить базилику, начатую Юліемъ II, не расположили св. престолъ къ жадности, заставивъ прибѣгнуть его къ индульгенціямъ. Но Левъ былъ соблазненъ потребностью величія, «которая подобно огню блистаетъ настолько, насколько истребляетъ» [1]). Нужно было продавать кардинальскія шапки, продавались право исповѣди, епископства, даже спасеніе душъ. Церковь сдѣлалась рынкомъ, религія—системою налоговъ, папство—образцомъ фискальнаго правительства, христіанская вселенная — добычей.

Но это усвоеніе церковью мірскаго духа, столь живо описанное Эразмомъ въ его «Похвалѣ глупости» [2]), неизбѣжно привело ко многимъ результатамъ гибельнымъ для клира.

Вѣрованія ослабѣли, и поэтому духовная власть, господствовавшая въ средніе вѣка, поколебалась.

Толпа владѣтельныхъ князей и дворянъ, разоренныхъ войнами, видѣла въ возстаніи противъ Рима возможность къ пріобрѣтенію владѣній и ограбленію монастырей.

Буржуазія, которую открытіе Америки возбуждало къ промышленности, злилась, что ей нужно было дѣлиться плодами своего труда съ жадными и лѣнивыми монахами.

Наконецъ свѣтская власть папъ создала для нихъ политическій интересъ, который могъ находиться и часто дѣйствительно находился въ прямомъ противорѣчіи съ интересомъ религіознымъ.

Прибавьте къ этому, что народы, превращаясь изъ военныхъ, какими они были прежде, въ промышленные, начинали получать отвращеніе къ безплодпымъ диспутамъ; что схоластика, составлявшая умственную пищу среднихъ вѣковъ, оказывалась недостаточной; что изъ

---

[1]) «Quae instar ignis tantum fulget quantum consumit.» Паллавичини, Hist. conc. Trid., p. I, lib. I, cap. II.

[2]) Похвала глупости, по французскому переводу Панабля, I, 212.

Константинополя, взятаго турками, ушли и распространились по всему западному міру, какъ живые свѣточи, распространители античнаго духа; что если возрожденная литература служила Риму въ Римѣ, то только тѣмъ, что дѣлала его полуязыческимъ; что вездѣ въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Германіи, она произвела свое естественное дѣйствіе и приготовила освобожденіе разума; что филологическіе труды Рейхлина, сочиненія Эразма, астрономическія изслѣдованія возвѣщали начало новой свѣтской науки, предназначенной замѣнить теологію и наполнить пробѣлъ, который должно было оставить въ исторіи падающее папство.

Было ли когда-нибудь болѣе благопріятное стеченіе обстоятельствъ для обширной революціи? И однакоже при началѣ своего предпріятія Лютеръ медлилъ; ошибка его состояла въ невольной осторожности, и повременамъ онъ испытывалъ смертельное безпокойство..., до такой степени казалось труднымъ снять тяжесть, подъ которой до сихъ поръ сгибалась Европа! до такой степени страшна была эта великая фигура папы! [1])

Такимъ образомъ для того, чтобы возбудить Лютера, нужны были торговля индульгенціями и страшное множество другихъ соблазновъ. Онъ возсталъ въ негодованіи только тогда, когда увидѣлъ, что Германія преклонила колѣна передъ шкатулкой цѣлаго каравана обманщиковъ, посланныхъ Римомъ для продажи отпущенія грѣховъ.

Поэтому для Лютера приближался часъ крайнихъ рѣшеній. Совершенно напрасно онъ усиливался остановиться: онъ былъ увлеченъ движеніемъ вѣка. Самые горячіе приверженцы Рима сами же первые подвергали его опасностямъ. Они сами множествомъ возбужденій толкали впередъ еще нерѣшительнаго монаха, то льстя его гордости выраженіемъ своей тревоги, то дерзко вызывая его на диспуты и раздражая оскорбленіями [2]). Онъ то для того, чтобы защищаться, то для того, чтобы въ свою очередь дѣлать нападенія, изучалъ отцовъ церкви, углублялся въ св. писаніе, собиралъ матеріалы страшной учености и учился безстрашно погружаться въ церковное преданіе и его мрачныя глубины. Скоро онъ почувствовалъ нерасположеніе къ нему и пришелъ къ мысли не признавать другаго авторитета кромѣ евангелія и другаго учителя кромѣ Христа.

---

[1]) «Fateor, mi Erasme, etc.» Omn. oper. Lutheri, t. III, p. 173.

[2]) Слейданъ, Hist. de la Réformation, t. 1, p. 9.—«Plane ipsum edocuit (scriptum Prieriae) hanc infamiam evitari non posse, nisi oppugnata romani pontificis potestate.» Паллавичини, Hist. conc. Trid., pars I, lib. I, cap. VI.

Тогда ясно представился его уму революціонный смыслъ словъ, которыя въ Эрфуртѣ вышли изъ глубины его сердца и которыя онъ потомъ, какъ ему казалось, слышалъ на ступенькахъ лѣстницы Пилата въ Римѣ: если, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, праведникъ живъ будетъ вѣрою, то вѣра значитъ есть великое условіе спасенія. А если вѣра составляетъ все, а дѣла не значатъ ничего, то монахъ носящій власяницу стоитъ ниже міpянина имѣющаго вѣру.

Съ другой стороны не всякій желающій имѣетъ вѣру: ее даетъ или не даетъ самъ Богъ. Итакъ человѣкъ не свободенъ. Но если онъ не имѣетъ свободы дѣйствія, то церковь ничего и не должна предписывать ему. Если человѣкъ зависитъ только отъ Бога, то онъ не долженъ преклоняться ни передъ какимъ человѣческимъ лицомъ; и находясь вмѣстѣ въ одинаковой зависимости отъ Христа, послѣдній изъ вѣрующихъ и папа становятся равными: кчему же тогда папа?

Таковы были первоначальныя данныя протестантизма. И ужели нельзя уже изъ этого предвидѣть его послѣдствій? Этотъ папа, котораго нужно низвергнуть, есть духовный король, но все-таки король. Если онъ падетъ, то за нимъ послѣдуютъ и другіе. Потому что падетъ самый принципъ авторитета, если только его поразить въ его самой уважаемой формѣ, въ лицѣ самаго высшаго его представителя; и весь Лютеръ религіозный неизбѣжно вызывалъ Лютера политическаго.

Это было скоро понято въ Германіи. Лютеръ въ своихъ нападеніяхъ еще не шелъ дальше вопроса объ индульгенціяхъ; но уже вокругъ него распространилось необыкновенное безпокойство. Многіе предчувствовали ужасныя волненія, гражданскія войны [1]). Императоръ Максиміліанъ, жившій въ спокойныхъ сферахъ, не могъ избавиться отъ нѣкотораго безпокойства. Увѣдомленный имъ [2]) Левъ X началъ наконецъ безпокоиться; онъ видѣлъ ясно, что подобные споры не были простыми диспутами монаховъ, какъ онъ думалъ сначала.

И въ самомъ дѣлѣ для Лютера уже приближался моментъ, когда онъ съ большею основательностью, чѣмъ нѣкогда Атилла, могъ сказать о себѣ: «Звѣзда падаетъ, земля дрожитъ, я — молотъ вселенной».

Римъ скоро пришелъ умолять возмутившагося монаха. Мильтицъ имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Альтенбургѣ, въ домѣ Спалатина; онъ

---

[1]) Паллавичини, Hist. conc. Trid., pars I, lib. I, cap. VI.
[2]) Слейданъ, Hist. de la Réform., t. I, p. 11.

пробовалъ надъ нимъ силу лести [1]), осыпалъ его увѣреніями въ дружбѣ, умолялъ, плакалъ [2]).

Впослѣдствіи, когда огонь возженный имъ уже пылалъ въ его странѣ и въ Европѣ, Лютеръ, вспоминая объ этомъ свиданіи, писалъ: «еслибы архіепископъ майнцскій поступилъ со мною такъ же, какъ Мильтицъ, и еслибы папа, прежде чѣмъ осуждать меня своими буллами, тоже поступилъ бы такъ же, то́ дѣло не надѣлало бы такого большаго волненія... Теперь напрасно требуютъ совѣта, напрасно придумываютъ средства. Богъ возсталъ, и стоитъ, чтобы судить народы» [3]). Ничто лучше этого не показываетъ, до какой степени самъ Лютеръ мало понималъ сокровенную сущность своего дѣла. Нѣтъ; еслибы вначалѣ и было больше благоразумія, то это не предупредило бы волненія, потому что человѣческая свобода имѣетъ значеніе только въ дѣлахъ второстепенныхъ и управляетъ только случайностями. Относительно фактовъ, которые должны были взволновать половину міра, что̀ могло значить поведеніе нѣсколькихъ людей, ихъ благоразуміе или глупость? Каждый движетъ и соединяетъ по своему произволу песчинки на морскомъ берегу; но никто не можетъ ни ускорить ни замедлить наступленіе часа восходящаго прилива.

Между тѣмъ начался 1519 годъ и 12 января императоръ Максимиліанъ умеръ. Извѣстно, что императорская корона долго колебалась между Францискомъ I и Карломъ V, которые оба были невыгодны для Германіи и оба были опасны для Льва X. Она была предложена Фридриху Саксонскому; но онъ отказался отъ нея и отказавшись возложилъ ее на голову Карла V. Но этотъ благородный отказъ, который Паллавичини [4]) прославляетъ какъ вдохновеніе свыше, какъ блистательный знакъ покровительства Божія католической церкви, тѣмъ неменѣе послужилъ въ пользу реформаціи, потому что вслѣдствіе его Карлъ V поставилъ себя относительно покровителя Лютера въ положеніе моральной второстепенности и добровольной зависимости. Такимъ образомъ мы видимъ, что начиная съ этого момента удары, наносимые папскому престолу, слѣдуютъ непрерывно, революція ускоряется... И Вормскій сеймъ не остановилъ ея.

Странна и необыкновенна судьба властей, склоняющихся къ па-

---

[1]) «Ecce ubi unum pro papa stare inveni, tres pro te contra papam stabant». Omn. oper. Lutheri. t. I, praefatio.

[2]) Паллавичини, Hist. conc. Trid., pars I, p. 19.

[3]) Lutheri praefatio.

[4]) «Tam excelsa repudiatio etc.» Паллавичини, lib. I, cap. XXII.

денію! Самые яростные приверженцы Рима вызвали этотъ знаменитый диспутъ въ Лейпцигѣ, который произвелъ столько волненія въ Германіи [1]). Студенты изъ всѣхъ университетовъ толпами стремились въ Лейпцигъ и со страстнымъ любопытствомъ спѣшили на этотъ невиданный турниръ, на которомъ противники должны были обмѣниваться не пустыми ударами копій, а страшными идеями и непоправимыми словами. Лютеръ доведенъ былъ на немъ дотого, что сталъ оспаривать главенство римскаго епископа, отрицать, что оно основывается на божественномъ правѣ, отвергать церковное преданіе и принимать, по крайней мѣрѣ частью, революціонное наслѣдство констанцскаго мученика. Одержалъ ли онъ надъ своимъ противникомъ верхъ ученостью и краснорѣчіемъ, или нѣтъ, этотъ вопросъ, нѣкогда столь горячо обсуждавшійся, для насъ въ настоящее время не имѣетъ интереса. Для насъ важенъ только результатъ, а результатъ этотъ заключается въ свойствѣ трехъ слѣдующихъ декларацій, которыя разнеслись эхомъ по Германіи:

«Я признаю, что воинствующая церковь есть монархія; но ея глава не человѣкъ, а Христосъ [2]).

«Если, говоря о созданіи церкви, св. Августинъ и другіе отцы, всѣ, разумѣли подъ словомъ камень апостола Петра, то я одинъ буду противиться имъ всѣмъ [3]).

«Несомнѣнно, что между статьями Іоанна Гуса или Богемцевъ многія совершенно христіанскія и согласны съ евангеліемъ» [4]).

Итакъ нѣтъ больше верховнаго человѣческаго главенства, основаннаго на божественномъ правѣ; на мѣсто принципа авторитета поставлено индивидуальное чувство; а на мѣсто всякихъ преданій—одно преданіе возстаній совѣсти, несправедливо угнетенной.

За этими нововведеніями находилась революція и открывалась пропасть. Епископъ бранденбургскій до такой степени глубоко былъ взволнованъ ими, что, бросая въ огонь щепку, воскликнулъ: «ахъ, еслибы я могъ такъ же бросить въ огонь этого Мартина Лютера» [5])! Какъ защит-

---

[1]) См. въ I томѣ латинскихъ сочиненій Лютера отъ страницы 199, B, до стран. 244, B, главу подъ заглавіемъ: Disputatio Lipsiae habita, anno XIX, a notariis excerpta; и еще: Слейданъ, liv. I, p. 48 et 49; Паллавичини, pp. 20—24; Секендорфъ, начиная съ 72 страницы.

[2]) «Monarchiam Ecclesiae militantis...» Omn. oper. Lutheri, t. I, p. 200, A.

[3]) «Resistam eis ego unus.» Ibid., p. 207, B.

[4]) «Hoc certum est inter articulos Joh. Huss...» Ibid., p. 208, A.

[5]) Секендорфъ, Comment. de Lutheranismo, lib. I, p. 80.

никъ стараго міра, епископъ бранденбургскій имѣлъ основаніе приходить въ ужасъ: реформація издала свой военный крикъ.

Былъ ли это спасительный крикъ? Поразивши папу, думалъ ли Лютеръ приняться и за владыкъ земныхъ? Народъ страдалъ душою и тѣломъ, онъ былъ суевѣренъ и бѣденъ: нужно было разрушить двойное рабство! Но хотѣлъ ли Лютеръ браться за это? Нѣтъ; потому что въ этомъ революціонерѣ все-еще оставался монахъ. Въ сочиненіи, которое онъ издалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ диспута въ Лейпцигѣ и которое нѣкоторые обманутые его заглавіемъ принимали за хартію освобожденія человѣческаго рода, въ этомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «О свободѣ христіанской» Лютеръ утверждаетъ, что такъ какъ жизнь человѣка есть борьба между плотію и духомъ, то свобода христіанина должна быть вся духовною и внутреннею. «Какая польза душѣ, говоритъ онъ, отъ того, что тѣло здорово, что оно свободно и живо, что оно ѣстъ и пьетъ, что оно дѣйствуетъ по своему произволу: не достается ли все это на долю даже рабамъ преступленій? И съ другой стороны какимъ препятствіемъ для души можетъ быть нездоровье, заключеніе, голодъ или жажда или какое бы то ни было внѣшнее зло? ужели всему этому не подвержены самые благочестивые люди, самые свободные по чистотѣ совѣсти?» [1])

Такимъ образомъ Лютеръ принималъ участіе въ порабощеніи половины человѣка и готовъ былъ оставить внѣ своего возстанія всю матеріальную сторону человѣчества. Между ошибками этого мистическаго трибуна это была самая глубокая и самая фатальная.

Душа и тѣло соединены связью, не признавать которую было бы глупо и жестоко. Въ опозоренномъ тѣлѣ изнемогаетъ духъ; и если тѣло привыкло покоряться, то и душа рано или поздно унизится. Конечно есть люди, которые остаются свободными и въ темницѣ и сохраняютъ царское величіе подъ рубищемъ: такіе люди умирали не поколебавшись; но число подобныхъ людей съ могучимъ сердцемъ очень не велико; и героизмъ тѣмъ менѣе необходимъ, чѣмъ менѣе несовершенны общества. Почему человѣку путемъ непрерывнаго прогресса не достигнуть осуществленія въ своей средѣ того божественнаго закона гармоніи, который поддерживаетъ миръ міровъ, правильно носящихся въ безмолвіи небесъ? Тогда можетъ-быть прекратятся тѣ стоны бѣд-

[1]) «Quid enim prodesse queat animae etc.» De libertate Christiana. Omn. oper. Lutheri, t. I, p. 387, B.

ствующаго человѣчества, которые проходятъ черезъ всю исторію. Итакъ не нужно рабства, производимаго грѣхомъ; но также не нужно и рабства, производимаго бѣдностью. Не нужно, чтобы оскврнялась душа, но и страданія тѣла стоютъ того, чтобы объ нихъ позаботиться. Потому что человѣческая жизнь въ обоихъ ея проявленіяхъ одинаково достойна уваженія.

Вѣроятно, что Лютеръ, начиная, не понималъ опасной стороны своего предпріятія. Но когда онъ увидѣлъ все то, что могла пожрать и вмѣстить въ себѣ вырытая имъ пропасть; когда предчувствія его генія показали ему вдали, какъ всѣ эти прелаты, короли, принцы, все дворянство, держась за руки, увлекая другъ друга и составляя солидарную толпу, падаютъ наконецъ общимъ паденіемъ, тогда онъ въ ужасѣ отступилъ назадъ. Вотъ почему онъ поспѣшилъ отдѣлить душу отъ тѣла, указывалъ возставшимъ народамъ, чтобы они наносили удары только духовной тираніи, и требовалъ, чтобы тиранія свѣтская оставалась неприкосновенною. Одобряя возстанія, вызванныя благочестіемъ, онъ готовился осуждать возстанія, вызванныя голодомъ. Онъ надѣялся погубить священниковъ и спасти государей. Такимъ образомъ мы услышимъ, что и онъ станетъ говорить подобно Риму: «царство мое не отъ міра сего», когда болѣе смѣлые логики станутъ выводить заключенія изъ его доктринъ. Однакоже онъ могъ бы вспомнить, что посредствомъ этого фатальнаго изрѣченія, дурно понятаго и дурно истолкованнаго, Римъ сдѣлалъ терпѣливыми къ страданіямъ до отупѣнія осужденныхъ имъ еще на землѣ и освятилъ долго продолжавшееся позорное состояніе народовъ, безропотно покорявшихся безнаказаннымъ притѣснителямъ.

Но нельзя остановить мысли возставшей и двинувшейся. Требованіе свободы для христіанина неизбѣжно вело къ требованію свободы для человѣка. Лютеръ, хотѣлъ ли онъ этого или нѣтъ, прямо вызывалъ Мюнцера. Это замѣтилъ и Боссюэ. «Лютеръ, — съ горечью говорилъ знаменитый авторъ «Variations», — утверждая, что христіанинъ не подчиненъ никакому человѣку, питалъ духъ независимости въ народахъ и давалъ опасные виды ихъ вождямъ» [1]).

23 іюня 1520 года Лютеръ издалъ свое «Воззваніе къ германскому дворянству о реформаціи христіанства»; и эта сильная декламація отозвалась въ Германіи какъ громовой ударъ. Зачѣмъ медлить? Развѣ римская тиранія должна еще что-нибудь прибавить къ своимъ крайно-

[1]) Hist. des Variations, liv. II; Oeuvres complètes, t. V, p 536.

стямъ? Отчего дворяне не возстанутъ, чтобы освободить Германію, чтобы отмстить за нее? Говорятъ объ обществѣ церковномъ отличномъ отъ общества свѣтскаго; это ложь! Всѣ христіане—священники и нѣтъ монаха, епископа, кардинала, папы, который бы не былъ подчиненъ властямъ держащимъ мечъ. «Папа ѣстъ зерна, а намъ солома», говоритъ Лютеръ, обращаясь къ императору и какъ-бы резюмируя свой страшный памфлетъ.

Римъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ выходкамъ Лютера. Тѣмъ неменѣе сомнительно, чтобы Левъ X, предоставленный собственнымъ внушеніямъ, обратился къ строгимъ мѣрамъ. Умъ легкій, натура любезная и благородная, Левъ X способенъ былъ скорѣе полюбить нѣмецкаго монаха за его ученость, его краснорѣчіе и за блескъ его бурнаго генія. Но смѣющагося друга Рафаэля окружили священники съ умомъ серьезнымъ, мрачные и устрашонные логики. Они представили ему Германію объятою пожаромъ, церковь потрясенною, сознаніе народовъ взволнованнымъ неизвѣстными дотолѣ желаніями и указали ему на новый и гибельный толчокъ, данный ходу событій въ будущемъ; и 15 іюня 1520 года явилась знаменитая булла, дававшая Лютеру 60 дней на отреченіе отъ своихъ мнѣній, а по истеченіи этого срока поражавшая его анаѳемой. Она начиналась такими словами: «Возстани, Господи, и суди дѣло твое» [1]).

Въ теченіе этого времени увеличивалась сила Лютера, его популярность и смѣлость. Дворяне, Сильвестръ фонъ Шауэнбургъ и Францъ фонъ Сикингенъ, обѣщали ему свое покровительство [2]). И онъ, болѣе и болѣе одушевлявшійся борьбою, писалъ Спалатину: «смиреніе, какое я обнаруживалъ до сихъ поръ и напрасно, скоро кончится: оно только больше раздуло гордость враговъ евангелія» [3]). Тогда-то стали появляться одно за другимъ сочиненія, которыя расхватывала Германія, сочиненія, наполненныя возвышеннымъ гнѣвомъ и тривіальными выходками, сочиненія странныя, чудовищныя, но непреодолимыя; въ нихъ былъ виденъ мистикъ и шутникъ, памфлетистъ и пророкъ.

Болѣе трехъ вѣковъ прошло со времени Лютера. Но и теперь еще господство церкви выражается и поддерживается таинствами. Таинствами церковь сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до гроба. Едва онъ ро-

---

[1]) «Exsurge Domine et judica causam tuam.» Omn. oper. Lutheri, t. I, p. 423.

[2]) Секендорфъ, Comment. de Lutheranismo, lib. I, p. 111.

[3]) «Amplius inflari hostes Evangelii», у Секендорфа, p. 111.

дился, она призываетъ его во храмъ и дѣлаетъ его своимъ. Въ дѣтствѣ она напечатлѣваетъ на немъ свой знакъ. Въ зрѣломъ возрастѣ она объявляетъ его супругомъ и даетъ ему благословеніе сдѣлаться отцомъ. Когда онъ впадетъ въ преступленіе, она допрашиваетъ его, осуждаетъ или прощаетъ. При смерти она осѣняетъ его своею рукою, какъ-бы желая завладѣть его агоніей. Послѣ смерти она предаетъ его землѣ и даже за гробомъ сопутствуетъ ему въ вѣчно невѣдомыя страны. Эту-то удивительную силу и пытался подкопать Лютеръ въ своей книгѣ «о Вавилонскомъ плѣненіи церкви». Онъ оставилъ только три таинства: крещеніе, покаяніе, евхаристію; и силу таинствъ онъ полагалъ въ вѣрѣ христіанина, а не въ посредствѣ священника [1]).

Эта страшная книга еще не явилась, когда булла, поражавшая Лютера, достигла Германіи. И онъ, воспламененный гнѣвомъ, рѣшился удивить людей.

10 декабря 1520 года объявленія извѣщали молодежь въ Виттенбергѣ, что въ 9 часовъ утра подлѣ восточныхъ воротъ будетъ дано большое представленіе. Къ назначенному часу собралась громадная толпа. На указанномъ мѣстѣ возвышался костеръ: одинъ знаменитый профессоръ зажогъ его. Затѣмъ Лютеръ приблизившись сказалъ: «ты опечалилъ святаго Господня; пусть же тебя истребитъ вѣчный огонь!» И бросилъ въ пламя книгу декреталіевъ и буллу [2]).

Еще 1 декабря онъ издалъ свой протестъ въ знаменитомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Противъ проклятой буллы антихриста». «Я лучше желаю умереть тысячу разъ, чѣмъ отказаться хоть отъ одного слова въ осужденныхъ статьяхъ. И подобно тому какъ меня отлучаютъ отъ церкви, и я за ихъ святотатственную ересь отлучаю ихъ во имя святой истины Божіей. Христосъ, нашъ судія, увидитъ, какое изъ двухъ отлученій будетъ у него дѣйствительнѣе» [3]).

Папа отлученъ отъ церкви въ виду народовъ, и отлученъ сыномъ простаго рудокопа въ Мансфельдѣ! Вся Германія содрогнулась. Ученые города были потрясены возгласами множества здоровыхъ студентовъ. Читатели не могли дождаться его книгъ, которыя разносились бывшими

---

[1]) De Captivitate babylonica Ecclesiae. Omn. op. Luth., t. II, p. 265, A.

[2]) Exustionis antichristianarum decretalium acta. Ibid., p. 320, A.

[3]) «Christus judex viderit utra excommunicatio apud eum valeat». Ibid., p. 292, A.

монахами. Въ Нюренбергѣ, въ Страсбургѣ, въ Майнцѣ переходили изъ рукъ въ руки еще влажные листы, на которыхъ неизгладимо напечатлѣно было осужденіе Рима. По этому быстрому распространенію мыслей монаха, по этому грозному и столь внезапному освѣщенію Германіи можно было понять, что̀ новаго принесла людямъ печать. Лютеръ, по собственнымъ его словамъ, чувствовалъ, что его несетъ народный вѣтеръ [1]). Вся Германія наполнилась Лютеромъ. Правда, передъ нимъ могла возстать серьезная и раздраженная фигура Карла V; но онъ имѣлъ на своей сторонѣ осмотрительность этого императора, тогда еще молодаго и по робости расположеннаго къ благоразумію; онъ имѣлъ на своей сторонѣ безпорядки, введенные въ церкви, празднества, среди которыхъ Левъ X забывалъ свою подкапываемую власть, истощеніе прежнихъ формъ угнетенія и ту потребность перемѣнъ, которая составляетъ душу исторіи.

Движеніе въ Германіи было слишкомъ живо, чтобы оно не могло сообщиться Европѣ. Сѣверъ расположенъ былъ слѣдовать за Лютеромъ. Но суевѣрныя южныя страны съ безпокойствомъ спрашивали, куда приведутъ эти странныя новости и ужели въ этомъ дѣлѣ заинтересованъ былъ самъ Богъ. Были люди, которые понимали, что изъ глубины подобныхъ религіозныхъ нововведеній возникнетъ рано или поздо политическая революція, потому что они «питали духъ независимости въ народахъ и давали опасные виды ихъ вождямъ». Итакъ безпокойство было всеобщимъ. Былъ созванъ торжественный сеймъ въ Вормсѣ, открывшійся 6 января 1521 года. Взоры всѣхъ устремлены были на тронъ, на которомъ возсѣдалъ Карлъ V, уже важный, молчаливый и 20 лѣтъ уже умѣвшій скрывать свои тайныя мысли.

По рѣдкому стеченію обстоятельствъ Карлъ V царствовалъ въ Вѣнѣ, Неаполѣ, Сарагоссѣ, Вальядолидѣ и въ Брюсселѣ и его владычество простиралось за океанъ на американскій континентъ. Еслибы въ дѣлѣ между папою и Лютеромъ Карлъ V склонился на какую-нибудь сторону, то онъ казалось могъ бы склонить на эту сторону весь міръ: на что же онъ рѣшился?

Карлъ V не долго медлилъ. Сдѣлаться судьею Лютера — это было согласно съ его политикой и еще болѣе съ его гордостью. Онъ понималъ, что этимъ онъ покажетъ себя передъ Европой рѣшителемъ дѣлъ христіанства и верховнымъ покровителемъ папъ. Можетъ быть также

---

[1]) «Fovebat me aura ista popularis». Omnia opera Lutheri, t. I, praefatio.

его глубокая душа чувствовала естественное отвращеніе къ вульгарному насильственному образу дѣйствій: на той высотѣ, на какой онъ стоялъ, онъ могъ считать себя достаточно сильнымъ для того, чтобы обходиться безъ несправедливостей.

Послѣ 21 декабря 1520 года курфирстъ Фридрихъ приказалъ спросить у Лютера, какъ онъ поступитъ, если его позовутъ въ Вормсъ; Лютеръ отвѣчалъ, что онъ будетъ повиноваться, «поручая свое дѣло тому, кто спасъ трехъ отроковъ въ огненной печи» [1]). Однако онъ потребовалъ охранной граматы, и получилъ ее по ходатайству Фридриха. И могущественнѣйшій на землѣ монархъ того времени, Карлъ V, писалъ такое обращеніе къ безвѣстному нѣкогда монаху: «нашему почтенному, возлюбленному и благочестивому доктору Мартину Лютеру изъ ордена августинскаго» [2]).

2 апрѣля 521 года Лютеръ отправился изъ Виттенберга въ Вормсъ на телѣгѣ покрытой полотномъ, какія тогда употреблялись въ Германіи. При немъ находились, окружая его своей ободряющей дружбой, Амсдорфъ, Шурфъ и Свавенъ. Ему, простому монаху, предшествовалъ герольдъ съ имперскимъ орломъ [3]). Это путешествіе оставило глубокіе слѣды въ жизни реформатора. Во время его Лютеръ испыталъ живѣйшимъ образомъ болѣзненную экзальтацію, возбуждаемую величіемъ навѣрной опасности. Въ Эрфуртѣ имъ овладѣла грусть при видѣ монастыря, гдѣ онъ въ тайной борьбѣ сгубилъ цвѣтъ своихъ лучшихъ годовъ: вечеромъ онъ сѣлъ у подножія деревяннаго креста на камнѣ, покрывавшемъ любимый прахъ, и дотого погрузился въ свои мечты, что по наступленіи ночи не слыхалъ звона монастырскаго колокола, призывавшаго его къ покою. По его стопамъ казалось сбѣгались и толпились вокругъ него во всю дорогу печальные призраки. Въ одномъ мѣстѣ ему показали портретъ флорентинскаго мученика Савонаролы; въ другомъ ему напоминали трагическую исторію нарушенной охранной граматы Сигизмунда Іоанну Гусу [4]). Проходя по городу, онъ иногда слышалъ, какъ на улицахъ кричали объ осужденіи его книгъ. Но, несмотря на свою болѣзнь, онъ далъ себѣ слово идти до конца: «мы пойдемъ въ

---

[1]) «Deo commendaturum esse causam qui tres pueros in fornace ignis servaverit.» Omn. oper. Luth., lib. I, p. 148.

[2]) «Honorabili nostro dilecto, devoto doctori, Martino Luthero, augustiniani ordinis». Omn. op. Lutheri, t. II, p. 411, B.

[3]) Viti Warbeccii relatio, у Секендорфа, Com. de Lutheranis., t. I, lib. I, p. 153.

[4]) Слейданъ, Hist. de la Réformation, t. I, liv. III, p. 91.

Вормсъ, несмотря на врата адовы и на воздушныя силы» [1]. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Вормса показываютъ дерево, которое крестьянинъ собирался сажать въ то время, когда проходилъ Лютеръ. «Дай, сказалъ онъ крестьянину, я посажу его въ землю. И пусть мое ученіе растетъ также, какъ будутъ рости его вѣтви!» «Дерево разрослось,—восклицаетъ, вспоминая этотъ фактъ, одинъ новый писатель, рьяный католикъ;—а что сталось съ ученіемъ?» [2] Что сталось съ ученіемъ? оно въ свою очередь осуждено великими умами и наполовину погребено подъ развалинами, произведенными имъ же самимъ. Но изъ этихъ сваленныхъ въ кучу развалинъ, если наконецъ восторжествуетъ правда, болѣе дѣятельныя поколѣнія сдѣлаютъ зданія совершенно новыя и имѣющія безсмертную красоту.

Лютеръ прибылъ въ Вормсъ 16 апрѣля. Весь городъ сбѣжался толпою, чтобы видѣть это чудовище, говоритъ Паллавичини, «чудовище мудрости или нечестія» [3]. Онъ, полный волненія, но безстрашный, сходя съ своей телѣги, произнесъ: «за меня будетъ Богъ» [4]. Однако когда онъ остался наединѣ съ своими мыслями и подумалъ о томъ, передъ какимъ собраніемъ важныхъ и страшныхъ лицъ онъ долженъ будетъ дать отчетъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, на которыя онъ дерзнулъ, въ томъ, что онъ унизилъ принципъ авторитета, измѣнилъ старыя правила совѣсти и вызвалъ предстоявшее неизбѣжное волненіе народовъ, имѣющее составить его славу или преступленіе,—тогда онъ смутился духомъ и съ сокрушеніемъ сердца сталъ молиться. Передъ собравшимися князьями, передъ Карломъ V Лютеръ обнаружилъ нерѣшительность, которая всѣхъ изумила и въ которой католическіе историки и историки протестантскіе несправедливо видѣли одни удивительное смиреніе, а другіе отсутствіе вѣры и страхъ. Дѣло въ томъ, что Лютеръ на первомъ допросѣ казалось медлилъ и попросилъ времени на размышленіе [5]. Ему дали время до-завтра. Но Карлъ V начиналъ уже чувствовать отвращеніе къ человѣку, который не имѣлъ смѣлости передъ нимъ. Онъ представлялъ себѣ, что этотъ монахъ попытается сравняться съ нимъ по мужеству, которое есть сила слабыхъ и достоинство низшихъ.

---

[1] Секендорфъ, loco citat., lib. I, p. 152.

[2] Оденъ, Hist. de Luther, t. I, p. 312.

[3] «Tota civitas sollicite confluxit, quo monstrum spectaret seu sapientiae seu nequitiae.» Паллавичини, Hist. conc. Trid., t. I, pars I, lib. I, cap. XXVI.

[4] «Deus pro me stabit.» Паллавичини, ibid.

[5] Acta reverendi patris Martini Lutheri, coram caesarea majestate, etc., in comitiis principum Wormatiae. Omn. oper. Lutheri, t. II, p. 412, B.

Однако на слѣдующій день Лютеръ ободрился. Когда фискалъ Трирскій спросилъ у него отъ имени императора, признаетъ ли онъ своими книги, заглавія которыхъ были ему прочитаны наканунѣ, и согласенъ ли онъ отказаться отъ своихъ мнѣній, то онъ отвѣчалъ на это рѣчью полною смиренія и вмѣстѣ величія. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ его сочиненій самими его противниками были признаны благочестивыми и согласными съ евангеліемъ; отъ нихъ ему нѣтъ надобности отказываться. Что касается до тѣхъ сочиненій, въ которыхъ онъ возставалъ противъ папства, противъ папистовъ, противъ нечестивыхъ ученій и нечестивыхъ примѣровъ, которые составляютъ бичъ христіанскаго міра, то онъ объявилъ, что не можетъ отказаться отъ нихъ не становясь сообщникомъ тираніи. Но при этомъ онъ сознавался, что въ этихъ сочиненіяхъ чисто полемическихъ онъ позволялъ себѣ больше горячности, чѣмъ сколько прилично было его званію и христіанину. Наконецъ онъ говорилъ, что сужденія человѣческія всегда слабы и только слово Божіе непогрѣшимо [1]. Послѣ короткаго совѣщанія князей фискалъ Трирскій повелительно потребовалъ, чтобы Лютеръ объявилъ, отрекается ли онъ отъ своихъ мнѣній или нѣтъ. Тогда бѣдный монахъ сказалъ этимъ воинамъ съ мрачнымъ лицомъ и раздраженнымъ сердцемъ: «вотъ я стою здѣсь! иначе я не могу... Да поможетъ мнѣ Богъ!» [2] Онъ произнесъ эту рѣчь сначала по-латыни, и потомъ по-нѣмецки: онъ былъ въ изнеможеніи и потъ струился по его лбу. Но приближался уже вечеръ и собраніе разошлось.

Лютеръ оставилъ Вермсъ 26 апрѣля 1521 года. Изъ Фридберга онъ писалъ Карлу V письмо покорное, даже почти умоляющее; но и въ немъ онъ все-таки сказалъ: «мое дѣло есть дѣло всей земли!» [3] На это письмо ему отвѣчали эдиктомъ проскрипціи [4].

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой путь. Посѣтивши въ деревнѣ Мора свою бабушку, онъ возвращался оттуда въ сопровожденіи своего брата Якова и Амсдорфа; они находились уже въ Тюрингенскомъ лѣсу, какъ вдругъ на нихъ напали замаскированные всадники. Они остано-

---

[1]) См. эту рѣчь въ латинскихъ сочиненіяхъ Лютера, t. II, p. 411, A и дал. въ главѣ названной: Acta reverendi P. M. Lutheri, in Comitiis principum Wormatiae.

[2]) Adjuvet me Deus! Секендорфъ, liv. I, p. 154.

[3]) Слейданъ, t. I, liv. III, p. 100.

[4]) См. содержаніе этого эдикта: Слейданъ, t. I, liv. III, p. 105; Фра Паоло, liv. I, p. 14; Паллавичини, lib. I, cap. XXVIII.

вили повозку, схватили Лютера, накинули ему на плечи плащъ, посадили на лошадь и, уведши его съ собою, скрылись въ глубинѣ лѣса. Въ полночь они прибыли къ воротамъ замка, стараго жилища ландграфовъ и стоявшаго на уединенныхъ высотахъ. Въ немъ неизвѣстные воины оставили Лютера. Здѣсь онъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ, окруженный глубокою тайной, осаждаемый фантастическими видѣніями и не видя никого кромѣ двухъ благородныхъ юношей, которые ежедневно приносили ему пищу. Это приказаніе спрятать его, чтобы избавить его отъ враговъ, дано было курфирстомъ Саксонскимъ. Самъ курфирстъ Фридрихъ долгое время не зналъ избраннаго мѣста убѣжища; осуждая себя на это добровольное невѣдѣніе, курфирстъ получилъ возможность держать въ секретѣ, не прибѣгая ко лжи, убѣжище изгнанника [1]).

Удаленный такимъ образомъ со сцены свѣта, онъ пріобрѣлъ еще большую важность. Одно время его уже было сочли погибшимъ; разсказывали, будто былъ найденъ его трупъ, пронизанный ударами. Его партизаны ожесточились и негодовали; и порывы нѣкоторыхъ изъ нихъ доходили дотого, что два папскіе нунція подвергались опасности лишиться жизни [2])! Но скоро всѣ стали подозрѣвать, въ чемъ дѣло. Да кромѣ того мысль реформатора постоянно парила надъ взволнованной Германіей. Въ то время какъ Левъ X умиралъ въ Римѣ, Лютеръ съ высоты Вартбурга еще обильнѣе чѣмъ прежде распространялъ внушенія своего неукротимаго духа и горькіе плоды своей ненависти.

Его письма, на которыхъ были помѣты в о з д у ш н а я о б л а с т ь, о б л а с т ь п т и ц ъ, П а т м о с ъ, руководили его друзей, поддерживали ихъ надежду; а своими книгами онъ экзальтировалъ и волновалъ народъ. То онъ гремѣлъ противъ частныхъ мессъ [3]), то противъ монашескихъ обѣтовъ [4]). Библія, переведенная имъ на нѣмецкій языкъ, прибавила еще литературную славу къ блеску, которымъ онъ уже сіялъ; и народъ, имѣя въ своихъ рукахъ текстъ Писанія, пріучался обходиться безъ комментаріевъ Рима.

Однако изъ этого вышли излишества, могшія поколебать царство реформатора. Изъ одного стиха Библіи произошла война противъ иконъ; изваянія святыхъ были оскорбляемы, ихъ разбивали; въ Виттенбергѣ

---

[1]) Паллавичини, Hist. conc. Triden., lib. II, p. 46.

[2]) Паллавичини, ibid.

[3]) Omn. op. Lutheri, II, p. 441, A.

[4]) Ibid., p. 477, B.

церковь всѣхъ Святыхъ была безжалостно опустошена, причемъ Карлштатъ воодушевлялъ толпу словами и жестами. Нашлись такимъ образомъ люди, которые превзошли Лютера; онъ понялъ это, и, не дождавшись согласія Саксонскаго курфирста на удаленіе изъ замка, снова явился на сценѣ, бурный и раздраженный. Казалось, прежній монахъ исчезъ въ немъ: Лютеръ называлъ себя рыцаремъ Георгіемъ, ѣхалъ верхомъ съ саблей и въ военныхъ доспѣхахъ; его въѣздъ въ Виттенбергъ былъ тріумфомъ; едва онъ прибылъ, сейчасъ же сталъ проповѣдывать; и нѣсколько его рѣчей снова возвратили всѣхъ подъ его власть.

Управляемое такимъ образомъ движеніе распространялось съ необыкновенною быстротою. Месса была открыто уничтожена и притомъ общественною властью во Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Нюренбергѣ [1]). Князь Ангальтскій приказалъ проповѣдывать въ своихъ владѣніяхъ лютеранское ученіе; оно распространялось въ герцогствахъ Люнебургскомъ, Мекленбургскомъ, Брауншвейгскомъ, прошло черезъ Ливонію и охватывало Балтійское море. Въ Швейцаріи Цвингли, начавшій проповѣдывать чистое евангеліе съ 1516 года, нападалъ на безбрачіе священниковъ [2]), вызывалъ на религіозный диспутъ генеральнаго викарія епископа Констанцскаго и убѣдилъ Цюрихскій сенатъ принять эдиктъ, чтобы ученіе евангелія проповѣдывалось «безъ примѣшиванія къ нему человѣческихъ преданій» [3]).

Одна изъ величайшихъ непослѣдовательностей Лютера состояла въ томъ, что онъ въ религіи признавалъ, а въ политикѣ отвергалъ право сопротивленія тираніи. Онъ, безпрестанно проповѣдывавшій о повиновеніи временнымъ властямъ, каковы бы онѣ ни были; онъ, хвалившійся тѣмъ, что онъ возвратился въ Виттенбергъ для того, чтобы воспрепятствовать распространенію въ Германіи бурнаго соблазна [4]), отваживался однако на все и противъ свѣтскихъ государей, какъ скоро дѣло касалось какого-нибудь пункта теологической доктрины. Генрихъ VIII, король англійскій, имѣлъ неблагоразуміе позаимствоваться перомъ у своего капелана для опроверженія книги «о Вавилонскомъ плѣненіи»; это раздражило Лютера противъ короля-теолога до послѣднихъ предѣловъ

---

[1]) Секендорфъ, Comment. de Lutheranis., p. 241.

[2]) Слейданъ, t. I, liv. III, p. 112.

[3]) Ibid., p. 126.

[4]) «Ne qua magna et horribilis seditio in Germania oriatur.» Epistola duci Frederico in qua reditum suum ex Patmo excusat. Omn. op. Luth., t. II, p. 316, A.

ярости и мести. «Ты лжешь,—восклицаетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ,—безумный и святотатственный король, ты, съ безстыднымъ видомъ придающій непреложнымъ словамъ Божіимъ иной смыслъ, чѣмъ какой они имѣютъ [1])» и пр. Такимъ образомъ Лютеръ въ одно и тоже время подрывалъ папство, не боялся нѣмецкаго императора и старался покрыть позоромъ короля англійскаго. Послѣ этого какое же обаяніе могли имѣть въ глазахъ народа человѣческія власти? Лютеръ самъ же возбуждалъ эти политическія революціи, которыхъ страшилась его неполная натура.

Когда крикъ, обращенный имъ противъ Рима, начали повторять тысячи голосовъ, обративши его противъ королей и князей; когда горѣвшіе нетерпѣніемъ свергнуть старое рабство нѣмецкіе крестьяне изложили въ 12 статьяхъ программу своихъ требованій, столь похожихъ на письменныя жалобы (cahiers), заявлявшіяся депутатами во время французской революціи..., то извѣстно, съ какою горячностью возсталъ Лютеръ противъ крестьянъ, съ какою важностью онъ началъ проповѣдывать имъ обязанность терпѣливаго перенесенія скорбей и покорнаго рабства. Извѣстно также, съ какою дикою радостью онъ торжествовалъ ихъ истребленіе во время этой знаменитой войны, которая покрыла Германію скорбью и развалинами. Правда возстаніе крестьянъ выставляло новую соперничествующую доктрину. Крестьяне взялись за оружіе во имя принципа человѣческаго братства, религіозной формулой котораго былъ въ то время анабаптизмъ, и слѣдуя голосу Шторха и Мюнцера [2]). Лютеръ не могъ простить имъ этого. Единственное ученіе, которое люди въ состояніи были воспринять въ то время, былъ индивидуализмъ, и Лютеръ принесъ имъ именно это ученіе, а не другое.

И дѣйствительно все стало рушиться передъ этимъ ученіемъ. На сѣверѣ Германіи монастыри были уничтожены, церкви ограблены; новая церковь организовалась среди тысячи замедленій; къ правилу противъ безбрачія нужно было присоединить еще живой примѣръ, и Лютеръ женился; возводя реформацію къ точкѣ ея исхода, Эразмъ издалъ свою книгу о Свободной волѣ и заставилъ такимъ образомъ Лютера сказать объ этомъ рѣшительномъ вопросѣ послѣднее слово совершавшейся рево-

---

[1]) «Mentiris, rex stolide et sacrilege»... Contra regem Angliae. Omn. oper. Lutheri, t. II, p. 327, A.

[2]) См. въ концѣ этого тома «Приложеніе», историческія подробности о крестьянской войнѣ, которая по нашему мнѣнію заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія, чѣмъ какое допускаютъ предѣлы нашего сочиненія.

люціи. Вызовъ былъ принятъ смѣло: «нѣтъ,—восклицалъ Виттенбергскій пророкъ,—въ томъ, что касается Бога, спасенія или осужденія, человѣкъ не имѣетъ свободной воли. Онъ подчиненъ или волѣ Божіей или волѣ сатаны; онъ окованъ, онъ рабъ» [1]). Это значило или возвращаться къ манихеизму, который отдавалъ вселенную на борьбу между двумя враждебными духами, или же, какъ сказалъ Боссюэ, признавать Бога виновникомъ всѣхъ грѣховъ [2]). Мы увидимъ, какія страшныя соціальныя слѣдствія вывелъ Кальвинъ изъ этого догмата о предопредѣленіи, столь смѣло постановленнаго Лютеромъ.

Реформація съ самаго же начала произвела раздоры, которые она носила въ себѣ. Спустя нѣсколько времени послѣ Шпейерскаго сейма, противъ опредѣленій котораго реформаты протестовали, почему и получили названіе протестантовъ, въ Марбургѣ по старанію ландграфа Гессенскаго сошлись лицомъ къ лицу два человѣка. Это были Виттенбергскій пророкъ и новый апостолъ Швейцаріи, Лютеръ и Цвингли. Дѣйствительно ли въ таинствѣ евхаристіи подъ видомъ хлѣба и вина присутствуетъ тѣлесно самъ Богъ? Да, говорили Лютеръ и его ученики; но сакраментаріи и глава ихъ Цвингли видѣли въ евхаристіи только простой символъ. Едва только началась реформація, какъ уже анархія мнѣній овладѣла ею и проникла ее. На диспутѣ въ Марбургѣ Лютера окружали Меланхтонъ, Осіандеръ, Іона и Агрикола; помощниками же Цвингли были Буцеръ и Меланхтонъ сакраментаріевъ, Эколампадій, котораго краснорѣчіе было столь привлекательно, по словамъ Эразма, что могло бы очаровать самыхъ избранныхъ. Споръ былъ одушевленный; но соглашеніе было невозможно. Однако по окончаніи диспута Цвингли смягчился: со скрещонными руками и съ глазами полными слезъ онъ приблизился къ Лютеру, говоря: «останемся по крайней мѣрѣ братьями». Но Лютеръ оттолкнулъ его [3]). Печальный порывъ гордости, который могъ бы разрушить то, что было дѣломъ человѣка, но не то, что было результатомъ историческаго развитія!

Католицизмъ особенно злоупотреблялъ силой; онъ извратилъ свою миссію; и однакоже при видѣ того какъ отрывались первые камни отъ этого зданія, какая возвышенная и нѣжная душа могла не почувство-

---

[1]) «Subjectus et servus est vel voluntatis Dei vel voluntatis Satanae». De servo arbitrio. Omn. op. Luth., t. III, p. 172, B.

[2]) Hist. des Variations, liv. II, p. 539.

[3]) Уленбергіусъ, Vita et res gestae Philippi Melanchtonis, cap. V, p. 41. Coloniae Agrippinae, 1622.

вать грусти и сожалѣнія! Какъ! эти блистательныя празднества, зрѣлища для толпы; эти соборы, жилища для бѣдныхъ болѣе величественныя, чѣмъ жилища государей; этотъ языкъ древнихъ временъ, на которомъ народъ, не понимая его, шепталъ молитвы и таинственныя слова котораго возносили къ небу воздыханія простыхъ сердецъ и ихъ неясныя надежды; эти гимны, эти благоуханія во храмахъ, эти фигуры на старыхъ окнахъ; этотъ культъ святыхъ патроновъ, боговъ дружескихъ, боговъ семейныхъ, которые замѣнили подъ христіанской кровлей античныхъ пенатовъ; эти монастыри, открытые для уязвленныхъ душъ, для дѣятельнаго самоотверженія альпійскихъ монаховъ и для печали Элоизы... ужели все это дѣйствительно обречено на погибель?

Такимъ образомъ Меланхтонъ былъ глубоко взволнованъ при приближеніи рѣшительнаго часа. «Пощади—писалъ онъ Лютеру — власть епископовъ, пощади праздники, которые любили мы въ дѣтствѣ и которые были благочестивымъ увлеченіемъ для нашихъ отцовъ.» Избранный для составленія исповѣданія вѣры, которое въ 1530 году реформаты представляли Аугсбургскому сейму, онъ внесъ въ этотъ знаменитый трудъ умѣренность и чрезвычайную снисходительность; напрасное усиліе! исповѣданіе вѣры не было принято. И ничего не можетъ быть трогательнѣе и торжественнѣе той скорби, какой предался тогда Меланхтонъ. «Я живу въ постоянныхъ слезахъ [1])», писалъ онъ Лютеру. Напрасно Лютеръ усиливался поддерживать и утѣшать его; онъ со взоромъ устремленнымъ горѣ уже присутствовалъ при зрѣлищѣ Германіи затопленной кровью и Европы превратившейся въ поле сраженія.

Что было пророческаго въ этихъ опасеніяхъ, — это мы знаемъ теперь, потому что въ нашемъ воспоминаніи проходятъ Карлъ V при Мюльбергѣ, герцогъ Альба и его палачи въ Нидерландахъ, кальвинизмъ, вооружившійся противъ лиги во Франціи, Густавъ Адольфъ и Тилли на равнинахъ Лейпцига, Валленштейнъ и Густавъ Адольфъ на равнинахъ Люцена и наконецъ Англія, находящаяся подъ властью солдатъ Кромвеля и дающая казнью Карла I прецедентъ къ казни Людовика XVI.

Что же содержало въ себѣ несчастнаго или благотворнаго это новое ученіе, которое характеризуетъ XVI вѣкъ и наполняетъ его собою? Прежде чѣмъ анализировать слѣдствія, резюмируемъ факты.

Церковь, присвоивши себѣ привилегію толковать слово божіе и опре-

---

[1]) «Versamur hic in miserrimis curis et plane perpetuis lacrymis.» Ep. Mel. ap. Ulenb., p. 52.

дѣлять смыслъ Писанія, завладѣла нѣкоторымъ образомъ всею душою человѣка: реформація потребовала, чтобы не было посредниковъ и вѣрующій приблизился къ Богу; она отвергла авторитетъ преданія и поставила передъ колѣнопреклоненнымъ народомъ переведенную библію и открытое евангеліе.

Церковь говорила вѣрующимъ: «исповѣдуйтесь, поститесь, обожайте священника передъ алтаремъ, куда онъ низводитъ Бога; покупайте индульгенціи, дѣлайте что я вамъ повелѣваю, и вы будете въ раю.» Реформація же презрительно отнеслась къ заслугамъ, состоящимъ только во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; она утверждала, что послѣ первороднаго грѣха человѣкъ самъ по себѣ и своими дѣлами не способенъ былъ спасти себя. Только одна благодать можетъ совершать въ насъ доброе. Вѣра въ спасительность крови, пролитой Христомъ, живая и сильная вѣра въ искупленіе,—вотъ въ чемъ состоитъ спасеніе.

Запрещая священникамъ вступать въ бракъ, церковь отдѣлила общество духовное отъ общества свѣтскаго; реформація для соединенія двухъ половинъ міра превозносила семейную жизнь.

Церковь властвовала надъ мірскимъ обществомъ посредствомъ своей іерархіи; реформація повторяла крикъ Вальденсовъ: «всѣ христіане—священники».

Наконецъ реформація подорвала въ самомъ корнѣ то владычество, которое съ такимъ умѣньемъ утвердилъ Римъ, когда, обращаясь къ чувственной части нашего существа, придумалъ зрѣлища необыкновенной пышности, устроилъ базилики невиданной красоты и созвалъ очарованные народы въ эти храмы, которые украшались живою живописью и въ часы общей молитвы наводнялись потоками свѣта, гармоніи и ѳиміамовъ.

Такимъ образомъ каждый ударъ Лютера разрушалъ великую ассоціацію, созданную подъ властью принципа авторитета въ городѣ первосвященниковъ.

Но теперь, сличивши результаты реформаціи съ ея принципами, мы, къ изумленію нашему, найдемъ, что они противорѣчатъ одни другимъ.

Реформація осуждала разумъ на подчиненіе вѣрѣ; и однакоже на дѣлѣ преобладалъ раціонализмъ.

Она признавала Писаніе единственнымъ, неизмѣннымъ правиломъ вѣры; и однакоже она сняла узы съ свободнаго изслѣдованія.

Отнимая у людей свободную волю, она приковала ихъ къ фатализму; и однакоже съ этого времени человѣческія общества сдѣлались болѣе чѣмъ когда-либо дѣятельными.

Она заявила, что потомство Адама, вслѣдствіе первороднаго грѣха, впало въ совершенное безсиліе и растлѣніе; и однакоже человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ и уединенный отъ подобныхъ себѣ, считалъ себя достаточно великимъ и былъ доволенъ собою.

Такимъ образомъ ученіе, которое повидимому совершенно осуждало индивидуализмъ, именно само и ввело его въ міръ.

Какъ объяснить это странное явленіе? Объясненіе его весьма просто.

Кчему могло служить признаніе непогрѣшимости Писанія, когда было отвергнуто право церкви толковать смыслъ его? безъ комментаріевъ для толпы могъ ли текстъ Писанія не подать повода къ горячей борьбѣ, въ которую каждый будетъ вносить свидѣтельство и гордость своего разума?

Съ другой стороны увѣрять человѣка, что онъ есть рабъ высшей воли въ мірѣ духовномъ, не значило ли побуждать его къ тому, чтобы онъ сосредоточилъ всю свою дѣятельность въ мірѣ матеріальномъ?

Что касается догмата о предопредѣленіи истолкованнаго въ лютеранскомъ смыслѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ уже чрезмѣрно унижалъ человѣка предъ Богомъ; но помните, что этотъ униженный человѣкъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, есть не только слуга, пастухъ, нищій, но онъ также господинъ и король; самъ императоръ и папа такой же человѣкъ. Между монархомъ и пастухомъ существуетъ равенство по униженію. Итакъ нужно, чтобы соціальныя различія исчезли подъ уровнемъ всеобщаго несчастія. Если и останется еще какое-нибудь различіе, то только то, которое существуетъ между избраннымъ получившимъ благодать и между отверженнымъ неполучившимъ ея. Но то, что называется въ теологіи благодатію, въ политикѣ будетъ называться заслугой; и на мѣсто соціальной гордости станетъ индивидуальная, на мѣсто господства ранга—господство лица.

Да, реформація сказала человѣку:

Тварь осужденная, тварь слабая и жалкая, ты имѣешь значеніе только кровіею божіею искупившею тебя. Отъ святости этой жертвы, а не отъ воображаемой заслуги твоихъ благочестивыхъ дѣлъ зависитъ для тебя вѣчное спасеніе. Святость не заключается во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; она живетъ во святилищѣ души смиренной и вѣрующей. Вѣровать своему спасенію значитъ уже быть спасеннымъ. Если Христу благоугодно будетъ даровать тебѣ вѣру, то зачѣмъ тебѣ все другое? Ты можешь успокоиться на этой сладкой надеждѣ.

Но случилось такъ, что въ Голландіи, Англіи, Америкѣ, у великихъ

протестантскихъ народовъ, сдѣлавшихся трудящимися народами, человѣкъ отвѣчалъ:

Такъ какъ духовнымъ путемъ я не избѣгу стыда моего нравственнаго безсилія, то я стану искать доказательствъ и условій моего величія другимъ путемъ. Такъ какъ фатализмъ предопредѣленія отнимаетъ у меня вещи загробныя, то я обращу на вещи земныя непреодолимое убѣжденіе въ моей свободѣ, нераздѣльное съ моимъ существомъ. И такъ какъ я имѣю сердце, полное могучимъ волненіемъ, такъ какъ для моихъ силъ нужно занятіе и мѣсто по моему желанію, то я брошу дѣятельность, въ которую католичество облекло религіозную жизнь, только для того, чтобы всецѣло предаться промышленной жизни. Предоставляя благодати, предоставляя Богу заботу уготовлять для меня мѣсто въ царствіи небесномъ, я постараюсь завладѣть царствомъ земнымъ. Я устрою громадныя мастерскія, снаряжу корабли; мои дороги прорѣжутъ горы; и если я буду начинать войны, если пойду на востокъ, то уже не для того, чтобы освобождать св. гробъ, а для того, чтобы завладѣть всѣмъ міромъ, моимъ достояніемъ.

Такимъ образомъ возникъ новый принципъ дѣйствій, новая цѣль дѣятельности: индивидуализмъ, индустрія,—вотъ что провозгласила въ мірѣ реформація безъ вѣдома ея собственныхъ учителей.

ГЛАВА III.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ВЪ РЕЛИГІИ.

Кальвинъ.

Кальвинъ, законодатель духа возстаній. — Онъ раздѣлилъ міръ на избранныхъ и отверженныхъ: противореволюціонный смыслъ этого ученія.—Кальвинизмъ, новый родъ угнетенія, пригоденъ былъ только для военнаго феодализма.—Вотъ почему онъ внесенъ былъ во Францію дворянствомъ и старался утвердиться здѣсь помощью оружія.—Вмѣстѣ съ военнымъ феодализмомъ пала здѣсь его суровая и религіозная сторона.—Индивидуализмъ, преобразившись, перешелъ съ поля сраженій въ книги, изъ теологіи въ политику, изъ лагеря военнаго дворянства въ область мирной и промышленной буржуазіи.

Со времени появленія Лютера всѣ старыя власти поколебались. Вслѣдствіе неизбѣжной солидарности, Лютеръ соединилъ противъ себя папу и императора, Льва X и Карла V. Принципъ авторитета колебался:

два человѣка возстали одновременно, одинъ—чтобы защитить и укрѣпить его, а другой—чтобы поддѣлать его: это были Игнатій Лойола и Кальвинъ (Calvin).

Извѣстно, что́ совершилъ первый изъ нихъ, и до какой степени странна его жизнь; мы его видимъ утомленнымъ военною славой, но жаждущимъ новой славы, осаждаемымъ видѣніями, находящимся во власти какого-то внутренняго демона; то онъ быстро взбирается на горы, какъ будто стремится къ Богу, то какъ будто подъ наитіемъ какого-нибудь сверхъестественнаго откровенія останавливается въ слезахъ при входахъ церковныхъ и остается здѣсь цѣлые часы угнетенный, неподвижный; иногда душа его наполняется благочестивымъ жаромъ, смѣшаннымъ съ рыцарскими воспоминаніями, и онъ отправляется вѣшать свой щитъ подлѣ образа св. дѣвы и простоявши предъ этимъ образомъ на часахъ [1]), посвящаетъ себя на службу небу. Въ Кальвинѣ не было ничего подобнаго. Въ немъ, вмѣсто бурной и нѣжной натуры, вмѣсто человѣка соединяющаго иллюминизмъ алюмбрадосовъ съ любовью къ приключеніямъ, напоминающею блуждающихъ рыцарей, мы находимъ логика строгаго, утонченнаго и владѣющаго своимъ сердцемъ. Кальвинъ обладалъ всѣми качествами организатора: силою разсудительности, послѣдовательностью въ идеяхъ, обдуманною смѣлостью, убѣжденіемъ упорнымъ и сильнымъ.

И однакоже, задуманный Кальвиномъ планъ долженъ былъ погибнуть, тогда какъ испанскому солдату, поэту, иллюминату досталась честь оставить послѣ себя политическія правила несравненной глубины, основать то общество Іисуса, которое должно было продлить существованіе Рима, поглотивши его въ себя, спасти тронъ взятый имъ подъ защиту и противопоставить крайнему индивидуализму препятствіе, стоящее и доселѣ.

Причина та, что Игнатій Лойола былъ послѣдователенъ своему принципу, а Кальвинъ нѣтъ.

Сдѣлавши слѣпое и безграничное повиновеніе правиломъ своего учрежденія, Игнатій Лойола употребилъ средство сообразное съ своею цѣлью, которое состояло въ томъ, чтобы поражать индивидуализмъ и укрощать его.

Но желать продолжать Лютера и созидать протестантское папство, желать сдѣлаться деспотическимъ законодателемъ свободнаго изслѣдова-

---

[1]) Ранке, исторія папства, I, 246.

нія — это значило стремиться къ невозможному. А это именно и дѣлалъ Кальвинъ, когда онъ въ 1535 году издалъ свое «Учрежденіе христіанской религіи».

Нигдѣ права авторитета не были провозглашены съ такимъ преувеличеніемъ, какъ въ этомъ кодексѣ протестантизма. «Власть, говоритъ Кальвинъ, столь же необходима для людей, какъ хлѣбъ, вода, солнце и воздухъ» [1]). Онъ требуетъ отъ власти не одного только поддержанія матеріальнаго порядка; онъ требуетъ, чтобы она наказывала святотатство, оскорбленіе религіи, чтобы препятствовала распространенію въ народѣ зародышей идолослуженія и не позволяла богохульствовать на счетъ святой воли божіей [2]). Такимъ образомъ Кальвинъ однимъ скачкомъ перенесся черезъ громадное разстояніе, отдѣляющее протестантизмъ отъ теократіи.

Нужно было оправдать эту чудовищную непослѣдовательность; нужно было сказать, какимъ образомъ подобный деспотизмъ можетъ быть соглашенъ съ признаннымъ за каждымъ вѣрующимъ правомъ самому опредѣлять смыслъ Писанія и не слушаться никакого руководителя кромѣ благодати получаемой свыше: Кальвинъ предполагалъ, что Богъ далъ избраннымъ привилегію понимать его божественное слово одинаковымъ образомъ. Собраніе этихъ избранныхъ онъ назвалъ въ противоположность Риму истинною церковью; и былъ увѣренъ, что такимъ образомъ онъ снова возстановилъ въ свободѣ совѣсти потерянное единство [3]). Напрасная уловка! Онъ забылъ, что протестантизмъ, едва вышедшій изъ колыбели, произвелъ множество различныхъ сектъ: лютеранъ, карлштатцевъ, цвингліанъ, убиквитаріевъ; онъ забывалъ, что самое его учрежденіе имѣло именно ту цѣль, чтобы собрать столько разсѣянныхъ отрядовъ арміи, тотчасъ же разорвавшейся по своемъ соединеніи; онъ забывалъ, что онъ самъ во многихъ важныхъ пунктахъ, напр. по вопросу объ евхаристіи, расходился съ Лютеромъ, Цвингли и Эколампадіемъ.

Но необходимость избѣжать противорѣчій, которыя были неизбѣжны, привела Кальвина къ положеніямъ, имѣвшимъ совершенно иную важность. Съ цѣлью освободить человѣка отъ человѣка, Лютеръ принялъ

---

[1]) «Politiae usus non minor inter homines quam panis, aquae, solis et aeris». Institutio christianae religionis, lib. IV, cap. XX, p. 550. Genevae, 1559.

[2]) Ibid.

[3]) «De vera Ecclesia cum qua nobis colenda est unitas, quia piorum omnium mater est». Ibid., lib. IV, cap. I, p. 370.

фатализмъ предопредѣленія, который, предоставляя все волѣ Божіей, не оставлялъ ничего человѣческимъ властямъ. Кальвинъ чувствовалъ, что его теорія власти рушится въ самомъ основаніи, если онъ изъ фатализма, который тяготѣетъ надъ преступникомъ, выведетъ заключеніе о всеобщей и систематической терпимости. Поэтому онъ рѣшился утверждать, что грѣхъ необходимъ и что тѣмъ неменѣе въ немъ виновна воля [1]). Постыдное заключеніе, нелѣпость котораго видна уже изъ одного сопоставленія терминовъ! Человѣкъ не свободенъ, и однако онъ отвѣтственъ за свои дѣйствія: таково было послѣднее слово ученія Кальвина. И почему? Потому что первый человѣкъ, сдѣлавши дурное употребленіе своей свободы, погубилъ въ своемъ лицѣ всѣхъ своихъ потомковъ, исключая тѣхъ, которыхъ угодно будетъ спасти безотчетной волѣ Божіей [2]).

Такимъ образомъ Кальвинъ принималъ царство избранныхъ и царство отверженныхъ и между ними непроходимую, ненаполнимую пропасть. Внося въ свое объясненіе догмата о первородномъ грѣхѣ какую-то ужасную и кровавую логику, онъ три четверти человѣческаго рода считалъ неприкосновеннымъ достояніемъ сатаны и его вѣчной добычей. Отрицая свободную волю и не отрицая ада, онъ держалъ въ запасѣ для преступленій, которыя по его же мнѣнію были неизбѣжны, наказанія полныя ужаса. Между отверженными онъ считалъ осужденными даже дѣтей еще находящихся въ утробѣ материей. Онъ оскорблялъ Бога, считая его несправедливымъ, жестокимъ и всемогущимъ.

Перенесите кальвинизмъ изъ теологіи въ политику, онъ дастъ такія слѣдствія: избранные это счастливцы земли; отверженные это бѣдные; между тѣми и другими пропасть, фатальная пропасть: неравенство положенія; а эта предопредѣленная Богомъ судьба, которую нужно терпѣть, почитая ее, есть случайность рожденія.

Такимъ образомъ Кальвинъ считалъ аристократію лучшею изъ всѣхъ формъ правленія [3]).

Послѣ этого понятна его жизнь. Если въ Женевѣ, ставшей Римомъ протестантизма, онъ ввелъ дисциплину, какой не зналъ даже Римъ;

---

[1]) «Nego peccatum ideominus debere imputari quia necessarium est.» Institut. christ. relig., lib. II, cap. V, p. 104.

[2]) «Ubi quaeritur cur ita fecerit Dominus, respondendum est quia voluit.» Ibid., lib. III, cap. XXIII, p. 146.

[3]) «Minime negaverim aristocratiam vel temperatum ex ipsa et politia statum aliis longe omnibus excellere.» Ibid., lib. IV, cap. XX, p. 552.

если онъ заставлялъ трепетать своихъ учениковъ и старался уничтожить своихъ противниковъ; если онъ не боялся поднимать къ небу съ торжествующимъ видомъ свои руки, запятнанныя кровью Сервета; если онъ написалъ о правѣ истреблять еретиковъ мечомъ книгу достойную генія инквизиціи [1]); если Меланхтонъ не могъ приблизиться къ нему, не становясь жесточе и суровѣе [2]); если Теодоръ де-Безъ наконецъ хвалитъ его за то, что онъ до конца оставался неумолимымъ [3]),—то все это было плодомъ ученія, которое освящало ненависть.

Лютеръ сказалъ: «никто не имѣетъ власти надъ совѣстью избраннаго Господомъ». Кальвинъ же говорилъ: «избранный Господомъ имѣетъ власть надъ отверженнымъ». Итакъ индивидуализмъ Лютера естественно приводилъ къ правленію съ гарантіями: онъ годился для промышленнаго общества. Напротивъ индивидуализмъ Кальвина соединился съ идеями угнетенія: онъ годился для военнаго общества.

И дѣйствительно кальвинизмъ былъ введенъ во Францію военнымъ феодализмомъ, воспользовавшись его послѣдними усиліями. Съ нѣкотораго времени Франція была волнуема эманципаціоннымъ движеніемъ, подобнымъ тому, какое увлекало Германію. Возрожденіе, распространяя уваженіе къ классической древности, унижая Сорбонну во имя науки и схоластику въ пользу литературы, пролагало путь реформѣ, которая уже имѣла мучениковъ во Франціи, и между прочими Луи Беркена. Какимъ образомъ былъ принятъ кальвинизмъ? Каковы были непосредственныя дѣйствія его перехода и его революціоннаго вліянія? Какимъ образомъ французская буржуазія была приведена къ принятію индивидуализма въ религіозной формѣ, которую далъ ему Лютеръ, и съ насильственнымъ характеромъ, которымъ облекъ его Кальвинъ? Отвѣтъ на эти вопросы мы и будемъ излагать.

Мысль въ это время сдѣлалась уже до такой степени господствующей въ мірѣ, что только она одна съ этихъ поръ могла служить для партій или опорою или цѣлью, которую можно было бы заявлять. Интересы могли возникать только вслѣдствіе идей. Какой принципъ представляли

---

[1]) Fidelis expositio errorum Michaelis Serveti et brevis eorumdem refutatio, ubi docetur jure gladii coercendos esse haereticos. An. 1554.

[2]) «Melanchton ab eo tempore quo, vel caput reposuit in calvinismum, vel commercium cum eo habuit, ferocior factus est et asperior in catholicos.» Ulenbergius, Vita et res gestae Philippi Melanchtonis, cap. XXIV, 189.

[3]) См. Рѣчь Теодора де-Беза, во французскихъ сочиненіяхъ Кальвина, стр. 4 и сл.

собою Гизы? На какой принципъ могли сослаться ихъ противники? Вопросъ былъ поставленъ именно такимъ образомъ; до такой степени ушло впередъ тогдашнее время отъ прежнихъ грубыхъ ссоръ Арманьяковъ и Бургиньоновъ!

Принципъ, на который естественно должно было опереться возстаніе дворянства, былъ выставленъ Кальвиномъ. Одушевленное одинаковымъ жаромъ къ сопротивленію относительно трона и къ угнетенію относительно народа, оно напрасно стало бы искать другаго ученія, болѣе сообразнаго съ его тенденціями, чѣмъ кальвинизмъ, способный экзальтировать въ одно время и ту гордость, которая производитъ возмутителей, и ту, которая производитъ тирановъ.

Этимъ однако мы не хотимъ сказать, что Кальвинъ не осуждалъ возстаній; онъ осудилъ ихъ изъ опасеній свойственныхъ ему какъ религіозному деспоту и организатору. И даже «Исповѣданіе вѣры французскихъ реформатовъ» содержитъ въ себѣ слѣдующую статью, сороковую и послѣднюю [1]: «мы признаемъ, что нужно повиноваться законамъ и постановленіямъ, платить налоги и другія повинности и носить иго подданства по доброй искренней волѣ, для того, чтобы верховная власть Бога сохранялась нераздѣльною. Поэтому мы презираемъ тѣхъ, которые хотѣли бы уничтожить начальства, ввести общность и смѣшеніе имуществъ и разрушить порядокъ справедливости.» Напрасныя заявленія! Сущность индивидуализма состоитъ въ томъ, что онъ превращается въ возстаніе, когда онъ подчиненъ власти, и въ тиранію, когда онъ имѣетъ ее въ своихъ рукахъ. Кальвинизмъ не могъ уйти отъ послѣдствій своего принципа; во Франціи онъ заявилъ себя Амбуазскимъ заговоромъ.

Извѣстно, какимъ образомъ заговоръ былъ открытъ по доносу протестанта Авенелля и протестанта Линьера; какимъ образомъ Ла Реноди былъ убитъ въ то время, когда онъ старался собрать вокругъ Амбуаза разсѣянныхъ заговорщиковъ; какимъ образомъ предпріятіе пало окончательно и каковъ былъ тріумфъ Гизовъ. Но этотъ тріумфъ вовсе не подавилъ междоусобную войну въ самомъ началѣ, но сдѣлалъ ее неизбѣжною, страшною по жестокостямъ, которыми кардиналъ Лоррень насыщалъ свое сердце. Кровь лилась по улицамъ Амбуаза. Луара была покрыта трупами. Дворъ присутствовалъ при казняхъ, какъ на праздникѣ. «Это зрѣлище—говоритъ д'Обинье [2])—удивило короля, его братьевъ и

[1]) Д'Обинье, Hist. univ., t. I, liv. II, chap. III, p. 64, 1-re ed. MDCXVI.
[2]) Ibid., chap. XV, p. 94.

всѣхъ придворныхъ дамъ, которыя съ платформъ и оконъ смотрѣли на него. Но особенно это общество удивлялось Виллемонжису Брикмо, который уже совсѣмъ почти умирающій наполнилъ обѣ свои руки кровью своихъ сотоварищей и бросилъ ее на воздухъ; затѣмъ поднявши ихъ окровавленныя сказалъ: «великій Боже, вотъ невинная кровь твоихъ служителей! ты отмстишь за нее»!» Это предсказаніе вполнѣ сбылось.

Съ этого момента кальвинисты только и жаждали войны. Что же касается католиковъ, то жестокость недавнихъ наказаній радовала однихъ, но для другихъ была предметомъ жалости, а для нѣкоторыхъ поводомъ къ угрызеніямъ совѣсти. Канцлеръ Оливье умиралъ и его послѣднія минуты были минутами отчаянія; онъ «точно молодой человѣкъ въ цвѣтущемъ возрастѣ изо всей силы потрясалъ свою постель, и эту силу давала ему болѣзнь и скорбь» [1]). Когда кардиналъ Лорренъ пришелъ навѣстить его, то онъ яростно восклицалъ: «ахъ, кардиналъ, это ты губишь насъ!» И когда кардиналъ сталъ говорить умирающему, чтобы онъ остерегался, потому что это старается соблазнить его злой духъ, то канцлеръ отвѣтилъ ему съ горечью: «это хорошо сказано, это славная шутка». Затѣмъ онъ отвернулся и уже больше не говорилъ.

Во Франціи XVI вѣка, столь бурно стремившейся къ завоеванію свободнаго изслѣдованія, еще долго оставалась суевѣрная Франція среднихъ вѣковъ. Во многихъ городахъ народъ вѣрилъ ночнымъ посѣщеніямъ какихъ-то таинственныхъ и страшныхъ духовъ. Ихъ горный глава въ Турѣ назывался Гюге. Такъ какъ кальвинисты имѣли иногда ночныя собранія, то враги ихъ послѣ Амбуазскаго заговора прозвали ихъ гугенотами [2]), желая дать имъ позорное прозвище.

Они были побѣждены, ихъ считали опозоренными: что еще оставалось сдѣлать Гизамъ для довершенія своей побѣды? Имъ оставалось отдать Конде въ руки палача. Ихъ дерзость не остановилась передъ такимъ дѣломъ и для прикрытія себя они созвали государственныя сословія въ Орлеанѣ. Конде показалъ себя безстрашнымъ, презирающимъ своихъ судей, своихъ враговъ и жизнь. Его осудили; но послѣдовавшая 5 декабря 1560 года смерть Франциска II спасла его и въ лицѣ его дала послѣдователямъ Кальвина политическаго главу и его вооружившимся ученикамъ военнаго предводителя.

Годился ли онъ для этой роли? Хорошъ былъ сектаторъ этотъ

---

[1]) Теодоръ де-Безъ, Hist. ecclés., t. I, liv. III, p. 268.

[2]) Ibid., p. 270.

принцъ, которому почти исключительно нравились воинскія упражненія, дымъ сраженій, веселыя рѣчи, легкая любовь и который «любилъ жену ближняго своего также какъ свою собственную» [1]). Конде былъ человѣкъ, который видѣлъ въ защитѣ новой религіи не что другое, какъ только рыцарское препровожденіе времени. Но кальвинистамъ нуженъ былъ глава, горячо преданный ихъ ученію и проникнутый его духомъ. Потому что, повторяю, въ это время нужно было водить въ бой уже не интересы или страсти, а идеи.

Воинъ разсудительный, убѣжденный и молчаливый, воинъ мрачный какъ Богъ Кальвина, — вотъ генералъ, какой былъ нуженъ солдатамъ, которыхъ возбудило вліяніе, принесшееся изъ Женевы. И таковъ былъ старшій изъ Шатильоновъ, адмиралъ Колиньи. Онъ говорилъ мало и дѣйствовалъ благоразумно; имѣлъ бурную душу, полную отважными намѣреніями. Глубокая печаль измѣняла его улыбку; строгость его нравовъ была не безъ нѣкоторой суровости; несчастный въ сраженіяхъ, онъ не могъ равняться по блеску съ Францискомъ Гизомъ. Но его особенная слава состояла въ томъ, что онъ добродѣтель сдѣлалъ половиною своего генія; что онъ только проигранными сраженіями пріобрѣлъ репутацію отличнаго предводителя; что онъ наконецъ былъ героемъ несчастія. Право на предводительствованіе ему не нужно было получать отъ кого-нибудь или принимать на себя; онъ имѣлъ это право отъ природы по довѣрію, какое онъ внушалъ, по своимъ манерамъ, по важности своей гордости. Это было до такой степени, что даже наемные рыцари, столь непокорные дисциплинѣ, столь жадные на плату за свою храбрость, боялись, когда ими предводительствовалъ Колиньи, показаться ему жадными и удивлялись, что на его глазахъ они не могутъ быть буйными.

Но прежде, чѣмъ взяться за дѣло, онъ долженъ былъ измѣрить взорами путь, какой нужно было пройти. Участвовалъ ли онъ въ Амбуазскомъ заговорѣ? Таваннъ обвиняетъ его въ этомъ; но Брантомъ энергически утверждаетъ противное: «Адмиралъ ничего не зналъ объ упомянутомъ заговорѣ... ему никогда не хотѣли довѣрить его, такъ какъ заговорщики считали его честнымъ вельможей... [2]).» Брантомъ увѣряетъ даже, что адмиралъ тайно извѣстилъ мадамъ Гизъ о заговорѣ,

---

[1]) Брантомъ, Vies des hommes illustres et grands capitaines françois de son temps, t. III, p. 211, Leyde, MDCLXVI.

[2]) Брантомъ, t. III, p. 152.

составлявшемся противъ ея мужа [1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго. Еще въ молодости Францискъ Гизъ и Колиньи были связаны братскою дружбою: они должны были помнить объ этомъ до того времени, когда сдѣлались навсегда врагами.

Это время приближалось. Полный властитель королевства при Францискѣ II, герцогъ Гизъ не замедлилъ и при Карлѣ IX снова взять въ свои руки власть, на мгновеніе потрясенную. Но только съ этихъ поръ ему нужны были союзники: онъ выбиралъ ихъ по своему желанію. Зная, что коннетабль, удаленный имъ отъ дѣлъ въ предшествующій періодъ, соединялъ съ жестокостью стараго воина преданность кормилицы и во время приготовленій къ битвамъ читалъ молитвы, онъ возвратилъ его и привлекъ на свою сторону, застращавши его тѣмъ, что мессѣ грозитъ уничтоженіе, а алтарямъ св. Дѣвы разрушеніе. Оставался еще маршалъ Сентъ-Андре: Гизъ сдѣлалъ его своимъ орудіемъ, сдѣлавши его равнымъ себѣ. Такимъ образомъ возникъ тріумвиратъ. Тотчасъ же приступлено было къ дѣлу. Антоній Бурбонъ, король Наваррскій, былъ опасенъ только по своему союзу съ Гугенотами: его отвлекли отъ нихъ и онъ сталъ ничтожнымъ. Была пріобрѣтена поддержка со стороны Рима и со стороны Филиппа II; была привлечена на сторону дѣла Италія и Испанія: началось образованіе католической лиги. Здѣсь же начинается и то, что было оригинальнаго и по-истинѣ внушительнаго въ судьбѣ Франциска Гиза. Чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ? солдатомъ, возвысившимся своею храбростью и успѣхами, честолюбцемъ, заслужившимъ прощеніе побѣдами, укротителемъ городовъ, не отличавшимся отъ многихъ другихъ укротителей, и вообще вульгарнымъ великимъ человѣкомъ. Но вотъ, слѣдуя за ходомъ вещей, онъ пріобрѣлъ власть какъ служитель мысли, служащій ей мечомъ; вотъ онъ сдѣлался верховнымъ защитникомъ идеи, которой принадлежало прошедшее и которая поэтому стояла на границѣ двухъ міровъ.

Но кромѣ принципа индивидуализма, за который собирался сражаться Колиньи, кромѣ принципа авторитета, который собирался защищать Францискъ Гизъ, ужели не было ничего больше? Былъ еще принципъ братства; и человѣкъ, на долю котораго выпала несравненная честь — быть его представителемъ, назывался Мишель Л'Опиталь. Этотъ Мишель Л'Опиталь не былъ, какъ обыкновенно думаютъ, предшественникомъ той *партіи политиковъ*, которую скоро выведетъ на сцену ходъ

---

[1]) Ibid., p. 151.

нашего разсказа и которая ввела въ дѣла буржуазію, партіи эгоистической въ своей терпимости, гуманной по скептицизму и имѣвшей умѣренность свойственную индифферентизму. Нѣтъ, Мишель Л'Опиталь всею душою сочувствовалъ народу. Его умѣренность была активною, его терпимость была тихою любовью. Спокойствіе старца и ясность мудреца выражались на его челѣ; но въ глубинѣ его сердца былъ очагъ благородныхъ порывовъ и пламя юности. Онъ часто повторялъ, что всѣ люди братья; и его усилія для предупрежденія религіозныхъ раздоровъ имѣли своимъ источникомъ обдуманную и глубокую любовь къ человѣчеству, которая къ несчастью не свойственна была его вѣку и не принадлежитъ еще и нашему вѣку.

Такимъ образомъ диспутъ въ Пуасси не имѣлъ ни одного изъ тѣхъ результатовъ, какихъ ожидала отъ него великая душа Л'Опиталя. Имѣя передъ собою кардиналовъ Лорреня и Турнона, Клода д'Эспанса, Жака Лайнеза, фанатическихъ представителей принципа авторитета, намѣстники Кальвина, Теодоръ Безъ и Пьеръ Мартиръ начали словами ту борьбу, которая должна была вестись оружіемъ между Франдискомъ Гизомъ и Колиньи. Исторія этого диспута достаточно извѣстна; но что большая часть историковъ проходятъ молчаніемъ и что между тѣмъ достойно вѣчной памяти,—это рѣчь, которую произнесъ канцлеръ передъ Катериною Медичи, передъ Карломъ IX, передъ собраніемъ, которое все предано было чувствамъ ненависти и планамъ убійствъ: «Стремитесь къ одной и той же цѣли. Я прошу ученыхъ не презирать тѣхъ, которые ниже ихъ по наукѣ, а другихъ прошу не завидовать тѣмъ, которые знаютъ больше ихъ, а всѣхъ вообще прошу оставить пустые диспуты. Католики и протестанты, вы возрождены одинаковымъ крещеніемъ; вы послѣдователи одного Христа; вы братья» [1]. Увѣщаніе трогательное, истинно высокое; но оно было преждевременно. Междоусобная война лежала въ основѣ ученій; какимъ же образомъ она могла не выразиться въ фактахъ? Ничто не могло предотвратить ее, ни январскій эдиктъ, эдиктъ терпимости и справедливости, ни благоразуміе канцлера, ни политика Катерины, которую страшило возраставшее могущество Гизовъ. 1-го мая 1562 года въ маленькомъ городкѣ Васси около трехъ сотъ протестантовъ были изрублены въ сараѣ свитой князей лорренскихъ по сигналу кардинала Лорреня, при рукоплесканіяхъ священниковъ и дамъ, собственноручно указывавшихъ солдатамъ жертвы,

---

[1]) Фра Паоло Сарпи, Hist. du conc. de Trente, liv. V, p. 435.

которыя старались убѣжать по крышамъ [1]). Это было уже слишкомъ; Франція запылала.

Если судить по разсказу д'Обинье въ его Всеобщей исторіи, то это была страшная ночь, въ которую возставшій протестантизмъ получилъ себѣ религіознаго вождя. Колиньи спалъ спокойнымъ сномъ, какъ вдругъ онъ услышалъ подлѣ себя рыданія; онъ пробудился испуганный; это его жена плакала объ участи кальвинистовъ, попавшихъ подъ ножъ католиковъ. Слова Шарлотты Лаваль къ Колиньи были скорбны, но непреодолимы. Ужели, говорила она, онъ не слышитъ криковъ своихъ задушаемыхъ единовѣрцевъ? Ужели въ этомъ дѣлѣ Божіемъ, въ этомъ дѣлѣ его братьевъ нѣтъ ничего, что могло бы взволновать его душу? «Эта постель—продолжала она—есть гробъ для меня, потому что единовѣрцы не имѣютъ гробовъ. Эти покрывала служатъ для меня укоромъ, потому что они остались безъ погребенія» [2]). Колиньи слушалъ съ смущенной душой, наполовину побѣжденный. Однако онъ возражалъ и ссылался на несчастія королевства, подвергшагося нападеніямъ испанцевъ и англичанъ, на вѣроятную неудачу, на позоръ и клевету вдобавокъ къ пораженію, на предстоящее, можетъ быть, бѣгство въ чужую страну, на голодъ и лишенія. Развѣ онъ не можетъ погибнуть отъ палача или отъ кинжала убійцы? И тогда она, оставленная, изгнанная, не дойдетъ ли дотого, что увидитъ, какъ дѣти ея сдѣлаются слугами ихъ враговъ? «Для обдумыванія такого рѣшенія я даю вамъ три недѣли», сказалъ онъ въ-заключеніе. Но можно ли сдержать женское сердце, когда оно вырывается порывами жалости и любви? «Эти три недѣли уже прошли!—страстно вскричала Шарлотта Лаваль.—Во имя Бога я требую отъ васъ не покидать насъ, или же я буду свидѣтельницей противъ васъ на его судѣ.» На другой день Колиньи взялся за оружіе и не оставлялъ его до смерти.

Жалуясь королю Наваррскому на рѣзню въ Васси, Теодоръ де Безъ сказалъ ему: «государь, истинѣ и церкви Бога, во имя котораго я говорю, свойственно терпѣть удары, а не наносить ихъ; но да благоугодно вамъ будетъ помнить, что это — наковальня, которая уже привела въ негодность много молотовъ» [3]). Но, какъ замѣчаетъ Боссюэ, это изрѣченіе, столько прославлявшееся людьми партіи, есть просто

---

[1]) Д'Обинье, Hist. univ., liv. III, chap. I, p. 130.

[2]) Д'Обинье, ibid.

[3]) Journal de l'Estoile, t. I, p. 55. Collect. Petitot.

иллюзія, потому что наконецъ совершенно неестественно, чтобы наковальня стала бить и, уставши переносить удары, стала въ свою очередь наносить удары. Но чтобы понять, каково должно было быть это единоборство между старымъ принципомъ и принципомъ новымъ, достаточно сопоставить катехизисъ инквизиціи съ суровыми теоремами изъ «Учрежденія христіанской религіи», достаточно вспомнить, что надъ однимъ изъ двухъ лагерей парилъ геній Филиппа II, а надъ другимъ геній Кальвина.

Такимъ образомъ начались эти войны. Пересмотрите до конца лѣтописи ихъ, если у васъ хватитъ на это силы; и вы не найдете въ нихъ нисколько тѣхъ порывовъ, того рыцарскаго благородства, той неистощимой веселости, какія французы до сихъ поръ вносили въ сраженія. Войны, которыхъ представляетъ намъ царствованіе Валуа, почти всѣ имѣютъ въ себѣ какую-то храбрость наемнаго убійцы и зловѣщее спокойствіе палача. Герой, произведенный католицизмомъ кардинала Лорреня, былъ Монлюкъ, который съ отеческой заботливостью обучалъ своихъ дѣтей рѣзнѣ [1]) и который любилъ обозначать свой путь кусками человѣческаго мяса, повѣшенными на вѣтвяхъ деревьевъ; герой, произведенный женевскимъ протестантизмомъ, былъ баронъ Адре, который на томъ основаніи, что нельзя совмѣстить войну съ уваженіемъ и нельзя въ одно время держаться рукою за шляпу и за саблю [2]), хотѣлъ бы обратить въ огромное кладбище Ліонне, Форе, Овернь, Дофине, Лангедокъ, «и его боялись больше, чѣмъ бури, которая несется по большимъ хлѣбнымъ полямъ» [3]). Самъ Францискъ Гизъ, хотя по природѣ великодушный, казалось забылъ на службѣ своему принципу любезность, какую онъ нѣкогда обнаруживалъ въ Мецѣ; и какъ онъ поступалъ даже съ испанцами Карла V, такъ не хотѣлъ поступать съ французами Колиньи. Одинъ только Конде представлялъ собою въ борьбѣ старое благородство Франціи; но не нужно забывать, что Конде былъ гугенотомъ только по имени. Упоенный храбростью, честолюбіемъ и любовью, онъ мало безпокоился о томъ, дѣйствительно ли Богъ прежде всѣхъ вѣкъ раздѣлилъ міръ на избранныхъ и отверженныхъ, и слѣдовательно онъ не могъ считать законнымъ и провозглашать святое истребленіе отверженныхъ избранными.

---

[1]) Брантомъ, t. II, p. 244.
[2]) Д'Обинье, Hist. univ., liv. III, chap. IX, p. 155.
[3]) Брантомъ, t. II, p. 245.

Еслибы можно было еще сомнѣваться во вліяніи кальвинизма на нравы эпохи Валуа и въ опустошеніи, которое это вліяніе произвело между католиками, то стоитъ только подумать о слѣдующемъ сближеніи. Принципъ Кальвина, какъ мы сказали, былъ индивидуализмъ, соединенный съ идеями угнетенія; но какова была отличительная, характеристическая черта религіозныхъ войнъ у народа, столь честнаго, столь рыцарскаго и гуманнаго, какъ народъ французскій? Это было... убійство, убійство, которое есть самое отвратительное, но и самое логическое и самое прямое обнаруженіе индивидуальнаго чувства, чрезмѣрно преувеличеннаго и извращеннаго.

Извѣстно, каковъ былъ конецъ Франциска Гиза; и не безъ основанія Боссюэ сдѣлалъ изъ преступленія Польтро оружіе противъ тогдашнихъ кальвинистовъ [1]). Извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что Польтро прежде, чѣмъ нанести свой ударъ, говорилъ всѣмъ о задуманномъ имъ предпріятіи. И не нашлось никого въ его партіи, кто бы удержалъ его отъ его намѣренія.

Нельзя не видѣть въ такой ярости вліянія ученія, которое осмѣлилось возвести ненависть въ религію. Въ ней нельзя не видѣть выраженія того рода убѣжденій, которыя одушевляли Рене французскую, когда она писала Кальвину: «я не забыла того, что̀ вы мнѣ писали, какъ Давидъ ненавидѣлъ враговъ Божіихъ смертельною ненавистью, и я не намѣрена ни въ чемъ поступать вопреки этому; даже еслибы я знала, что король, мой отецъ, и королева, моя мать, и покойный господинъ мой супругъ и всѣ мои дѣти отвержены Богомъ, то я бы ненавидѣла ихъ смертельною ненавистью и желала бы имъ ада.» Вотъ какихъ учениковъ воспитывалъ Кальвинъ между женщинами: нужно ли удивляться послѣ этого, что находились страшные люди между его учениками, служившими оружію? Кромѣ того кальвинизмъ вездѣ давалъ въ руки библіи и распространилъ такимъ образомъ, сообщивши ей божественный характеръ, ту смѣсь религіозности и варварства, которою отличается исторія еврейскаго народа.

Но мы должны сказать, что зараза скоро сообщилась и католикамъ, такъ какъ нравы, принесенные изъ Италіи Катериною Медичи, сильно располагали ихъ къ принятію въ этомъ отношеніи вліянія протестантизма. Слишкомъ горячая жажда сладострастія подъ-конецъ смѣшивается съ жаждою крови и жестокость есть одинъ изъ симптомовъ чрезмѣр-

---

[1]) См. главу X въ Histoire des Variations.

наго извращенія любви. Французскій дворъ въ царствованіе Валуа представлялъ въ этомъ отношеніи примѣръ, сколько странный, столько трагическій. Женщины, которыми окружала себя Катерина, чтобы извлекать пользу изъ своей красоты, уступали любви только человѣкоубійцъ. Къ страстнымъ любезностямъ примѣшивались постоянно вокругъ трона замыслы убійства. Если придворные отправлялись въ нижнія залы Лувра, то это было всегда послѣ утонченностей самаго отвратительнаго разврата и послѣ пребыванія въ атмосферѣ, совершенно пропитанной разслабляющими благоуханіями изъ Флоренціи. Кавалеры писали своимъ любовницамъ кровью или своихъ противниковъ или своею собственною. Тогда была мода на парфюмеровъ и наемныхъ убійцъ.

Итакъ убійствомъ отличались всѣ партіи. Изъ убійства сдѣлали средство для пріобрѣтенія извѣстности: нѣкоторые особенно отличились въ немъ. Такъ, напр., особенно славился Тама, прозванный золотымъ стрѣлкомъ [1]); онъ имѣлъ обыкновеніе ѣсть руками, окровавленными въ убійствахъ, и ставилъ себѣ въ почетъ то, что онъ смѣшиваетъ съ своей пищей кровь, измѣннически пролитую имъ.

Убійство даже стало дѣломъ короля. Гизы, послѣ Амбуазскаго заговора, совѣтовали Франциску II начать въ одинъ прекрасный день игру съ Конде и приэтомъ пронзить его кинжаломъ; Францискъ не осмѣлился на это и его сочли трусомъ [2]). Карлъ IX не былъ зараженъ подобною трусостью. Узнавши однажды вечеромъ, что Ла Моль, въ смерти котораго онъ поклялся, находился въ Луврѣ, онъ взялъ съ собою шесть придворныхъ, приказавши имъ задушить веревками, которыя онъ имъ роздалъ, то лицо, на какое онъ имъ укажетъ. Онъ лично, съ зажженною свѣчею въ рукахъ, разставилъ своихъ соучастниковъ по дорогѣ, по которой долженъ былъ проходить Ла Моль, чтобы отправиться къ герцогу Алансону. Но Ла Моль рѣшилъ сначала зайдти къ королевѣ Наваррской, своей любовницѣ, и такимъ образомъ его спасла любовь [3]).

Такимъ образомъ въ эту эпоху убійство было вездѣ и даже въ сраженіяхъ. Въ Дрё маршалъ Сентъ-Андре палъ подъ ударами Бабиньи, который слѣдилъ за нимъ и хотѣлъ отмстить за какую-то личную обиду [4]); въ Сенъ-Дени коннетабль былъ пораженъ пистолетнымъ выстрѣ-

---

[1]) Journal de l'Estoile, t. I, p. 76.
[2]) Теодоръ Безъ, Hist. ecclés., t. I, liv. III, p. 270.
[3]) Journal de l'Estoile, t. I, p. 82.
[4]) Д'Обинье, Hist. univ., t. I, liv. III, chap. XV, p. 169.

ломъ въ то время, когда онъ, оставленный своими и раненный въ лицо, почти потерялъ силы и не могъ сопротивляться [1]). Въ Жарнакѣ Конде также умеръ отъ рукъ убійцы [2]). Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, какъ вдругъ его замѣтили солдаты изъ роты герцога Анжуйскаго. Видя, что они приближаются къ нему, онъ обратился къ тому, кто взялъ у него шпагу, и сказалъ: «я погибъ! Даржансъ, ты не спасешь меня.» Затѣмъ покрылъ лицо своимъ плащемъ, какъ нѣкогда Юлій Цезарь, и ждалъ. Онъ хорошо зналъ свое время: Монтескью подошелъ и убилъ его.

Вліяніе кальвинизма даже на католическое дворянство, подвергавшееся ему даже преслѣдуя его, было таково, что каждый сталъ считать себя лично судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ и, что еще хуже, самъ становился исполнителемъ своего приговора;—таковъ былъ логическій результатъ этого ученія, полнаго ненависти, которое запрещало людямъ покой индифферентизма, спокойствіе эгоизма и повелѣвало имъ во имя Божіе дѣятельную ненависть.

Поэтому было двѣ причины, по которымъ кальвинизмъ скоро долженъ былъ погибнуть во Франціи: вопервыхъ, его натура существенно антисоціальная и вовторыхъ его союзъ съ военнымъ феодализмомъ, уже склонявшимся къ упадку.

Такимъ образомъ послѣ битвъ въ Жарнакѣ и Монконтурѣ разслабленіе гугенотовъ сдѣлалось очевиднымъ. Вдвойнѣ утомленные и своими излишествами и излишествами своихъ враговъ, они только и жаждали мира. Онъ былъ предложенъ 15 августа 1570 года, и тотчасъ же они положили оружіе. Катерина Медичи призываетъ ихъ въ Парижъ сладкими словами и съ обѣщаніями и они толпою бѣгутъ въ западню, которая была поставлена для нихъ. Правда послѣдній миръ былъ для нихъ очень выгоденъ, имъ была обезпечена свобода совѣсти, отмѣнены были эдикты, лишавшіе ихъ должностей; въ Парижѣ при дворѣ имъ дозволены были храмы, города Рошель, Монтобанъ, Коньякъ, Шарите оставлены были имъ на два года и пр. Но не были ли подобныя условія слишкомъ выгодными для того, чтобы они не казались подозрительными? И послѣ столькихъ нарушеній заключенныхъ договоровъ, послѣ столькихъ измѣнъ даннымъ клятвамъ, сопровождавшихся всегда цѣлымъ рядомъ убійствъ, можно ли было гугенотамъ отдаться довѣрчиво Катеринѣ и ея ужаснымъ совѣтникамъ? Однако ихъ нетерпѣніе покончить

[1]) Д'Обиньe, chap. IX, p. 216.
[2]) Journal de l'Estoile, t. I, p. 65.

дѣло было такъ велико, что они всѣ стремились къ смерти, которая имъ приготовлялась. Самъ Колиньи, хорошо убѣдившійся теперь въ истощеніи кальвинизма, сталъ усыплять свое привычное благоразуміе. Напрасно со всѣхъ сторонъ предупреждали его объ опасности: «лучше—говорилъ онъ—умереть одинъ разъ храбрымъ образомъ, чѣмъ жить сто лѣтъ въ срамѣ.» И по прибытіи въ Парижъ какова была его первая забота? Отправиться на войну съ испанцами, чтобы отвратить отъ королевства междоусобную войну [1]).

Вотъ въ какомъ положеніи находился кальвинизмъ во Франціи, когда 24 августа 1572 года въ столицѣ среди ночи дворцовый колоколъ подалъ сигналъ къ всеобщему избіенію гугенотовъ! На этомъ основаніи можно думать, что изъ всѣхъ злодѣяній, сохранившихся въ памяти людей, Варѳоломеевская ночь была самымъ позорнымъ и самымъ безполезнымъ.

Кальвинизмъ приходилъ въ разслабленіе, Варѳоломеевская ночь оживила его; она внушила ему гнѣвъ, который нѣсколько времени замѣнялъ для него силу. На убійство кальвинизмъ отвѣтилъ возстаніями; многіе города, религіозныя страсти которыхъ, казалось, потухли, снова воспламенились; гугеноты старались отмстить за Колиньи съ такимъ же жаромъ, съ какимъ они прежде слѣдовали за нимъ, и ужасы, совершенные во время Парижской утрени, возбудили въ осажденныхъ защитникахъ Рошели мужество, самоотверженіе и непобѣдимый героизмъ.

Кромѣ того, задумывая Варѳоломеевскую ночь, Катерина Медичи не имѣла въ виду никакого соціальнаго результата. Эта женщина, слывшая за геніальную, потому что вся ея жизнь была счастливымъ преступленьемъ, посредствомъ великихъ средствъ всегда стремилась къ малымъ вещамъ, именно къ утвержденію своей власти при дворѣ, къ освобожденію себя отъ какихъ-нибудь личныхъ безпокойствъ, къ подрыву стѣснительныхъ претензій. Во время Амбуазскаго заговора, боясь тріумвирата, она побуждала протестантовъ къ возстанію, «радуясь, что среди шума оружія она была въ безопасности» [2]). Впослѣдствіи ее испугало возвышеніе Колиньи и она скрыла убійство его среди общей рѣзни. Въ своемъ яростномъ и безплодномъ честолюбіи она охотно предала бы огню все королевство съ тѣмъ только, чтобы царствовать съ меньшими заботами среди обгорѣвшихъ развалинъ. Что значила для нея религія?

[1]) Брантомъ, t. III, p. 163.

[2]) Брантомъ, Vies des dames illustres, p. 63.

Брантомъ, ея панегиристъ, можетъ, сколько ему угодно, представлять намъ ее, какъ она празднуетъ пасху и всякій день неупустительно бываетъ у божественной службы, у вечерни и обѣдни, но мы знаемъ, что ея настоящее, искреннее благочестіе состояло въ томъ, чтобы повиноваться астрологамъ и высчитывать по качаніямъ кольца, повѣшеннаго на волосѣ, число дней оставшихся жить ея врагамъ или ея любовникамъ. Она ввела во Франціи тысячи обычаевъ ребяческихъ и мрачныхъ; она ввела вкусъ къ магическимъ кругамъ и приговариваніямъ. Когда Ла Моль былъ допрашиваемъ по поводу мнимаго заговора, стоившаго ему жизни, то всѣхъ привело въ безпокойство какое-то изображеніе изъ воску, принадлежавшее ему и имѣвшее рану въ сердцѣ. Спрошенный о томъ, не имѣетъ ли эта фигура отношенія къ болѣзни короля, Ла Моль клялся, что нѣтъ и что это изображеніе было у него для того, чтобы любить свою любовницу [1]). Таковъ былъ католицизмъ, введенный въ моду Катериною! Только ужасъ и суевѣріе тяготѣли надъ этой душой, которая никогда не знала угрызеній совѣсти. На другой день послѣ смерти кардинала Лорреня, съ которымъ она имѣла любовныя связи, ненавидя его, на нее вдругъ напалъ ужасъ. Находясь за столомъ, она начала сильно дрожать и кричала: «Іисусе! вотъ я вижу кардинала Лорреня!» [2]) Это явленіе долго ее преслѣдовало и больше мѣсяца Катерина Медичи не могла оставаться одна.

Что касается до Карла IX, то если трудно не проклинать его, то также и нельзя жалѣть его. Открытый, веселый и мягкій, онъ долженъ былъ сдѣлаться жестокимъ и мрачнымъ среди атмосферы, такъ сказать, пропитанной преступленіями, которою онъ дышалъ. Его организація, раздражительная и слабая, не способна была устоять противъ окружавшихъ ее впечатлѣній. Запахъ крови ударялъ ему въ голову и его жестокость была всегда только опьянѣніемъ. Онъ, который въ Варѳоломеевскую ночь стрѣлялъ въ своихъ подданныхъ гугенотовъ, чувствовалъ отвращеніе къ героямъ этой бойни и ихъ убійственнымъ замашкамъ. У него нужно было вырвать сигналъ къ трагедіи: но когда она началась, онъ яростно игралъ въ ней свою роль; а когда она кончилась, то онъ сохранилъ такое воспоминаніе объ ней, что ночью его всегда окружали видѣнія и его не видали съ тѣхъ поръ никогда улыбающимся.

---

[1]) Mémoires de l'Estat de France sous Charles neuvième, t. III, p. 196, B. MDLXXIII.

[2]) Journal de l'Estoile, t. I, p. 109.

Его смерть, послѣдовавшая 30 мая 1574 года, передала престолъ принцу, который дотого унизилъ королевскую власть, что когда возникъ вопросъ о спасеніи послѣднимъ усиліемъ принципа авторитета, подвергшагося нападенію въ католичествѣ, то королевская власть была признана недостойною этого; и для спасенія его прибѣгли къ демократіи.

Каковы были главныя обстоятельства, смыслъ, характеръ, важность и результаты этого послѣдняго усилія принципа авторитета, этой странной борьбы, въ которой мы видимъ католицизмъ въ союзѣ съ народными страстями и которая въ исторіи называется лигою? Чтобы ясно показать все это, мы должны оставить на-время міръ фактовъ и подняться въ міръ идей.

Въ XVI вѣкѣ индивидуализмъ возникъ во Франціи въ трехъ различныхъ видахъ, религіозномъ, политическомъ и философскомъ. Мы прослѣдили его въ его религіозной формѣ, какъ онъ былъ принятъ военнымъ дворянствомъ и какъ онъ старался выигрывать сраженія и брать города приступомъ, какъ онъ слѣдовалъ за возстаніями и побуждалъ къ убійствамъ,—это была матеріальная пропаганда, возвысившая только оружіе. Теперь мы приступимъ къ изученію его въ значительно измѣнившейся формѣ, какъ онъ отдѣлился отъ военныхъ людей, чтобы обратиться къ промышленникамъ и мирнымъ друзьямъ литературы, какъ онъ перешелъ отъ религіи къ политикѣ и философіи, изъ лагерей въ книги.

ГЛАВА VI.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ВЪ ПОЛИТИКѢ.

Протестантскіе публицисты.

Вырабатываніе французскими и протестантскими публицистами XVI вѣка доктринъ, изъ которыхъ возникла буржуазная революція 89 года. — Неудовлетворительная сторона этихъ доктринъ, индивидуализмъ; ихъ хорошая сторона, терпимость.—Призывъ Ла Боэти къ принципу братства.

Послѣ религіозныхъ войнъ и Варѳоломеевской ночи религія была унижена съ обѣихъ сторонъ, стала солидарною съ столькими ужаса-

ми, что умы по какому-то непреодолимому возбужденію отвернулись отъ нея въ сторону. Образовалась партія, состоявшая сначала изъ нѣсколькихъ недовольныхъ и ворчливыхъ вельможъ, но которой, какъ можно уже судить по одному ея названію партіей политиковъ, предстояла высокая будущность. Сила надѣлала много злоупотребленій и мысль заявила свое право на преобладаніе; и что важнѣе всего, это то, что въ многочисленныхъ сочиненіяхъ этого времени, возникшихъ большею частію подъ вѣяніемъ кальвинизма, религіозные предметы занимаютъ слишкомъ мало мѣста, тогда какъ предметы политическіе занимаютъ его очень много.

Но какимъ принципомъ, какою доктриною руководствовалась политика тогдашнихъ мыслителей, политика современныхъ книгъ? Мы сейчасъ это увидимъ.

Раскроемъ второй и третій томы Mémoires de l'Estat de France, гдѣ собраны политическіе трактаты, возникшіе во Франціи вслѣдствіе вліянія реформаціи; вотъ какія правила мы встрѣчаемъ здѣсь:

«Не должно повиноваться властямъ, когда онѣ приказываютъ что-нибудь противорелигіозное или безчестное; а подъ безчестнымъ нужно понимать то, что нельзя исполнить не нарушая своего призванія, общественнаго или частнаго» [1]).—«Пастырь существуетъ для стада, а не стадо для пастыря» [2]).—«Когда́ покровитель народа начинаетъ становиться тираномъ его? Неправда ли, что тогда, когда онъ начинаетъ дѣлать то, что дѣлалось, какъ говорятъ, подлѣ храма Юпитера Ликейскаго въ Аркадіи, гдѣ всякій, кто вкушалъ человѣческихъ внутренностей, смѣшанныхъ съ внутренностями животныхъ, неизбѣжно становился волкомъ?» [3])—«Прежде вмѣсто того, чтобы проклинать тирановъ, имъ ставили статуи въ храмахъ.»—«Какая мѣдь самая пригодная для дѣланія статуи»? спрашивалъ тиранъ у Діогена Циника. «Та,—отвѣчалъ онъ,—которая употреблена для статуй Армодія и Аристогитона» [4]), и пр.

Подобная ненависть къ неограниченной власти высказывается и въ Franco Gallia Готмана и въ Vindiciae contra tyrannos Губера Ланге: «отчего у насъ нѣтъ слова, болѣе выразительнаго, чѣмъ слово тиранъ, для

---

[1]) Du droit des magistrats sur leurs sujets, t. II, p. 483 et 484 Mémoires de l'Estat de France, MDLXXIII.

[2]) Ibid., p. 487.

[3]) Apophthegmes et discours notables recueillis de divers auteurs contre la tyrannie et les tyrans, t. II, p. 522 Mémoires de l'Estat de France.

[4]) Ibid., p. 525, 553.

тѣхъ, которые угнетаютъ святую свободу?» [1]) — «Никто не раждается королемъ, никто не бываетъ королемъ самъ по себѣ, никто не можетъ царствовать безъ народа», [2]) и пр.

Итакъ вотъ подвергнута была сомнѣнію неограниченная власть и провозглашено право сопротивленія. Но это право можетъ ли быть приводимо въ дѣйствіе всякимъ по его собственному капризу? Протестантскіе публицисты XVI вѣка, которые всѣ принадлежатъ къ одной и той же школѣ и сочиненія которыхъ какъ-будто написаны одною рукою, дѣлали относительно этого предмета слѣдующее различіе: они принимали, что только тѣ могутъ судить и наказывать дурныхъ государей, на комъ лежитъ обязанность налагать на нихъ узду, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о власти уже установленной; но когда дѣло идетъ о власти узурпированной или незаконно похищенной, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что никто не долженъ добровольно подчиняться тиранамъ [3]). Они шли еще далѣе и принимали въ принципѣ, что противъ государя, узурпатора или нѣтъ, право сопротивленія мечемъ принадлежало всякому частному человѣку, имѣющему особенное призваніе отъ Бога [4]); это исключеніе уничтожало самое правило, такъ какъ личность человѣка сама же была судьею своего призванія.

Но подлѣ этой теоріи правъ не было ничего похожаго на теорію обязанностей; не было и слѣда идей ассоціаціи, не было призыва къ чувству человѣческаго братства; не было истинно-демократическихъ стремленій. О народѣ протестантскіе публицисты XVI вѣка говорили только тономъ недовѣрія или презрѣнія. Одинъ называлъ его звѣремъ, belluam, другой поздравлялъ Англію, что она взяла свои предосторожности противъ опасностей вмѣшательства народа въ общественныя дѣла, такъ какъ свойство толпы есть nihil sapere [5]); третій восклицалъ: «нужно имѣть въ виду, что если толпа, которая стоитъ на низкой ступени, вообразитъ себѣ, что она имѣетъ обязанность контролировать государя, когда

---

[1]) «Quanquam quid eos tyrannos appellemus, ac non etiam atrociore vocabulo utamur?» Franc. Hotomani Franco-Hallia. Ex officina Johannis Bertulphi. MDLXXVI.

[2]) «Quum nemo rex nascatur, nemo per se rex esse, nemo absque populo regnare possit». Vindiciae contra tyrannos, p. 112. Edit. de 1660.

[3]) Du droit des magistrats sur leurs sujets, t. II, p. 491, 492 et 496 въ Mémoires de l'Estat de France.—Vindiciae contra tyrannos, p. 295.

[4]) Du droit des magistrats sur leurs sujets, t. II, p. 491.

[5]) Hotomani jurisconsulti Franco-Gallia, p. 122.

ей вздумается, то она никогда не удовольствуется требуемою скромностью, но будетъ дѣйствовать съ безуміемъ, свойственнымъ невѣждамъ» [1]).

Для писателей, которыхъ мы изучаемъ, народъ съ верховною властію весь сосредоточивается въ привилегированномъ меньшинствѣ, которое Губеръ Ланге называетъ обыкновенными палатами, camerae ordinariae, а другіе называютъ сословіями, Estats. Когда въ Franco-Gallia Готманъ вспоминаетъ съ такимъ удовольствіемъ о томъ, что древніе французскіе короли избирались народомъ, что ихъ поднимали на щитъ и такимъ образомъ трижды обносили вокругъ собранія [2]); когда съ особенною старательностію онъ ищетъ во французскихъ лѣтописяхъ доказательства права низложенія дурныхъ государей; когда онъ представляетъ, что Хильдерикъ былъ изгнанъ изъ королевства за то, что онъ погрузился въ развратъ, соблазнялъ и безчестилъ дочерей своихъ подданныхъ [3]); когда онъ наконецъ восклицаетъ: «если предоставить королямъ неограниченную власть, то они дойдутъ до того, что будутъ обращаться какъ съ невольниками или какъ съ стадами нетолько съ своими подданными, но и съ своими родственниками [4]):—то не думайте, что Готманъ выведетъ изъ этого заключеніе о законности всеобщей подачи голосовъ. Вовсе нѣтъ, онъ желаетъ только верховной власти сословій. «Сословія выше королей», говоритъ въ свою очередь авторъ трактата подъ заглавіемъ Droit des magistrats sur leurs sujets [5]), и прибавляетъ, что «когда тиранія препятствуетъ собранію сословныхъ собраній, то болѣе здравая часть, не ожидая общаго собранія, можетъ составить свое собраніе» [6]).

Признавая верховную власть сословій, протестантскіе публицисты XVI вѣка согласны между собою въ признаніи монархіи. Въ Dialogue d'Archon et de Politie, Архонъ спрашиваетъ, какая изъ всѣхъ формъ

---

[1]) Discours politiques des diverses puissances establies de Dieu au monde, du gouvernement légitime d'icelles et du devoir de ceux qui y sont assujettis, t. III, p. 203 въ Mémoires de l'Estat de France.

[2]) «Qui populi suffragiis delectus fuerat, hunc scuto impositum sublevabant, humerisque...» Hotomani Franco-Gallia, p. 75.

[3]) «Childericus..., coepit filias eorum stuprose detrahere...» Ibid., p. 77.

[4]) «Non modo cives suos sed etiam consanguineos quo vel mancipia vel pecudes haberent.» Ibid., p. 121.

[5]) Mémoires de l'Estat de France, t. III, p. 511.

[6]) Ibid., p. 513.

правленія самая желательная; на это Политія отвѣчаетъ, что «нѣтъ ни одной, столь похвальной, какъ монархія» [1]). Далѣе Архонъ желаетъ знать, что лучше, монархія избирательная или монархія наслѣдственная. Политія высказывается въ пользу наслѣдственной монархіи, но только признаетъ за сословіями право перемѣнять династію, для того, «чтобы, когда король будетъ уклоняться отъ обязанностей своего сана, то народы могли ему показать, что существуетъ разница между владѣніемъ помѣстьемъ и между обязанностью и службою управленія.» Прослѣдите ходъ этихъ идей чрезъ всю новую исторію и вы отъ 1588 года придете къ 1830.

Итакъ монархія, но монархія умѣренная, представительная, подчиненная контролю палатъ и лишенная верховной власти, — таковъ былъ политическій идеалъ мыслителей, которые въ XVI вѣкѣ во Франціи взялись за перо, подъ двойнымъ вліяніемъ воспоминаній о Варѳоломеевской ночи и протестантизмѣ. «Должно, чтобы государь былъ тѣмъ, что говоритъ о немъ Помпоній Летъ: государь есть говорящій законъ, а законъ есть нѣмой государь» [2]). — «Правленіе, состоящее изъ королевской власти и лучшихъ и достаточнѣйшихъ гражданъ, есть самое похвальное, а всякій другой видъ гражданскаго правленія несчастенъ и безполезенъ для учрежденія политическаго государства» [3]).

Такимъ образомъ сопротивленіе власти въ силу идей **права**, а не **обязанности**, ненависть къ неограниченной власти, но также и глубокое отчужденіе отъ народа; стремленія къ утвержденію правленія съ гарантіями; привилегіи въ пользу **здравой части** націи; почитаніе монархіи, признаваемой, впрочемъ, какъ орудіе, а не какъ принципъ, — вотъ что представляетъ намъ хорошаго и дурнаго индивидуализмъ, перешедшій изъ религіи въ политику. Это уже прогрессъ и прогрессъ значительный; но какъ велико еще было разстояніе, которое нужно было пройти, чтобы достигнуть торжества истины и справедливости!

Изъ этого видно теперь, къ какому времени относится появленіе во Франціи конституціонныхъ доктринъ. Странное дѣло! Съ самаго 1574 года предшественники Монтескье, Бенжамена-Констана устремили свои взоры на Англію и съ рабскою готовностію шли по слѣдамъ ея. Готманъ съ удивленіемъ указываетъ на англійскую конституцію [4]). Авторъ Droit des magistrats sur leurs sujets называетъ Англію «счастливѣйшимъ

---

[1]) Dialogue d'Archon et de Politie, p. 70.
[2]) Ibid., p. 80.
[3]) Discours politiques des diverses puissances, etc., p. 225.
[4]) Ibid., p. 501.

королевствомъ въ мірѣ» [1]) и на этомъ счастіи англичанъ онъ основывается для того, чтобы превозносить благодѣянія умѣренія королевской власти. У протестантскихъ публицистовъ XVI вѣка все, даже эта безпокойная любовь къ порядку, столь сильно укорененная въ сердцѣ новой буржуазіи, перемѣшивается съ словами проклятія противъ тирановъ. «Архонъ: не находите ли вы, что нужно очень бояться перемѣнъ въ государствѣ? — Политія: да, ихъ нужно очень бояться; потому что подобная машина движется только съ большимъ трудомъ и съ опасностями» [2]).

Безъ всякаго сомнѣнія идеи, изложенныя нами въ общихъ чертахъ, не въ первый разъ явились во Франціи въ XVI вѣкѣ. Но разсѣянныя въ книгахъ малоизвѣстныхъ онѣ свидѣтельствовали только объ инициативѣ нѣсколькихъ разрозненныхъ писателей, и только протестантизмъ далъ имъ жизнь и силу. И дѣйствительно, только во второй половинѣ XVI вѣка онѣ соединились въ послѣдовательную систему, стремились получить силу, словомъ стали программою партіи.

Пришло время, когда принципъ авторитета долженъ былъ безпокоиться и защищаться: на сцену выступилъ Жанъ Боденъ: и въ 1577 г. явились его Шесть книгъ о республикѣ. Но не нужно обманываться этимъ словомъ республика; Боденъ опредѣляетъ его какъ «право управленія нѣсколькими семействами и тѣмъ, что обще имъ, съ верховною властію» [3]). И по его мнѣнію верховная власть, существенные признаки которой состоятъ въ томъ, что она безсмѣнна и неограниченна, лучше всего можетъ быть довѣрена одному лицу. Теорія деспотизма нигдѣ не выставлялась съ такою нелѣпостью, какъ въ Республикѣ Бодена. Не только онъ дѣлаетъ монарха неограниченнымъ властителемъ своего народа, но еще утверждаетъ, что самодержавный государь не можетъ даже самъ дѣлать ограниченія своей власти. «Поэтому мы видимъ въ концѣ эдиктовъ и королевскихъ повелѣній эти слова: ибо такова есть наша воля, которыя показываютъ, что хотя законы самодержавнаго государя и основываются на достаточныхъ и сильныхъ причинахъ, но тѣмъ неменѣе зависятъ только отъ его совершеннаго и свободнаго произвола» [4]).

---

[1]) Discours politiques des diverses puissances, p. 501.

[2]) Dialogue d'Archon et de Politie, p. 97.

[3]) Les Six livres de la République, de Jean Bodin, liv. I. Chap. 1, p. 1, MDLXXX.

[4]) Ibid., chap. VIII, p. 92.

Обыкновенно на эту книгу Бодена смотрятъ какъ на догматическій трактатъ; но это скорѣе сочиненіе полемическое и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень горячее. Онъ съ гнѣвомъ возстаетъ противъ тѣхъ. «которые писали объ обязанностяхъ властей и другія подобныя книги.» Боденъ не можетъ понять, какимъ образомъ осмѣливаются поставить сословія выше короля: «дѣло, которое возмущаетъ истинныхъ подданныхъ, повинующихся своему верховному государю.» Примѣръ Англіи затрудняетъ его и противорѣчитъ ему; тогда онъ рѣшается отрицать то, что утверждали объ этомъ предметѣ протестантскіе публицисты. Онъ увѣряетъ, будто-бы онъ слышалъ отъ Деля, англійскаго посланника, что въ Англіи «король принимаетъ или отвергаетъ законъ совершенно по своему произволу и даетъ повелѣнія тоже произвольныя»; и этого свидѣтельства Деля для него вполнѣ достаточно. Готманъ приводилъ съ энтузіазмомъ слѣдующія слова аррагонскихъ вельможъ королю при его избраніи: «мы, которые столько же значимъ, сколько и вы, и имѣемъ больше силы, чѣмъ вы, дѣлаемъ васъ королемъ» [1]. Боденъ видитъ въ этихъ словахъ только формальность, которая ничего не говоритъ противъ наслѣдственнаго права аррагонскихъ королей на корону [2], права, дѣйствительность котораго онъ старается доказать исторически. Аристотель говорилъ и протестантскіе публицисты повторяли за нимъ, что король становится тираномъ, какъ только онъ начинаетъ повелѣвать помимо народной воли: Боденъ называетъ это положеніе лишеннымъ основанія и даже «гибельнымъ». Потому что въ такомъ случаѣ «король былъ бы только простымъ чиновникомъ» [3].

Подобно протестантскимъ публицистамъ Боденъ также стоитъ за монархію; но онъ желаетъ монархіи верховной, неограниченной, чистой отъ всякой примѣси аристократической и народной. Какое безуміе, говоритъ онъ, воображать, что можно «составить республику изъ смѣшенія трехъ!» [4] Въ такомъ случаѣ мы подвергли бы общество столкновеніямъ тысячи противоположныхъ законовъ, изъ которыхъ одни имѣли бы цѣлью поддерживать монархію, а другіе были бы проникнуты народными страстями. Среди подобной борьбы что сталось бы съ верховною властію? Откуда тогда почерпалась бы правительственная сила, которой

---

[1] Hotomani Franco-Gallia, p. 123.
[2] Боденъ, liv. I, chap. VIII, p. 90.
[3] Боденъ, liv. II, chap. III, p. 196.
[4] Ibid., liv. II, chap. I, p. 185.

бы уже не давалъ болѣе принципъ единства? Изъ трехъ элементовъ, поставленныхъ одинъ противъ другаго, ужели бы не нашелся одинъ, который бы восторжествовалъ наконецъ надъ другими и восторжествовалъ бы съ опасностью революціи? Здѣсь Боденъ нападаетъ на своихъ противниковъ съ удивительною и рѣдкою силою; онъ нашелъ у нихъ уязвимый пунктъ и вся эта часть его книги написана съ превосходствомъ и съ краснорѣчіемъ здраваго смысла. Но увлекаемый воззрѣніемъ, которое тяготѣетъ надъ нимъ, онъ скоро падаетъ съ этой высоты и даже заставляетъ невольно улыбнуться, когда онъ, отвѣчая тѣмъ, которые во Франціи привѣтствовали образъ аристократіи въ лицѣ парламента, демократію въ лицѣ сословныхъ собраній и монархію въ лицѣ короля, думалъ поразить ихъ одними только слѣдующими словами: «дѣлать подданныхъ компаньонами верховнаго государя—это преступленіе оскорбленія величества» [1]).

Правда, Боденъ отвращается съ ужасомъ отъ позорнаго идеала, начертаннаго Макіавелли; и онъ также произносилъ проклятіе противъ тирановъ; и онъ, предоставивши одному лицу всепоглощающую верховную власть, признавалъ ограниченіями этой власти уваженіе къ утвержденному клятвою слову и подчиненіе законамъ Бога и природы; но все это ничего не значитъ, если онъ зданіе, построенное имъ въ морали, станетъ разрушать въ политикѣ, и если онъ самъ же осуждаемое имъ нарушеніе законовъ божескихъ и естественныхъ станетъ покрывать въ верховномъ государѣ систематическою безнаказанностію. Но каково же дѣйствительно было его мнѣніе объ этомъ предметѣ? Если кто-нибудь по своему частному авторитету сдѣлается верховнымъ государемъ, то онъ есть узурпаторъ, тиранъ: пусть противъ него дѣйствуютъ путемъ судебнымъ и путемъ фактовъ, Боденъ не противорѣчитъ этому; но если дѣло идетъ о государѣ признанномъ, легитимномъ, «то въ этомъ случаѣ ни одинъ подданный въ частности, ни всѣ они вмѣстѣ не имѣютъ права покушаться на честь и на жизнь монарха, ни путемъ факта, ни путемъ судебнымъ, хотя бы онъ совершилъ всѣ злостныя дѣйствія, всѣ нечестія и жестокости, какія только можно представить» [2]).

Вотъ какимъ образомъ въ XVI вѣкѣ состязались между собою въ области мысли принципъ индивидуализма и принципъ авторитета.

А кто же представлялъ и защищалъ принципъ братства? Этьенъ Ла Боэти (La Boëtie).

---

[1]) Ibid., p. 183.

[2]) Ibid., liv. II, chap. V, p. 210.

Конечно совершенно неосновательно ставили Ла Боэти въ ряды протестантскихъ публицистовъ XVI вѣка; по одному только стилю можно уже видѣть, насколько Рѣчь о добровольномъ рабствѣ отдѣляется отъ множества другихъ трактатовъ, въ которыхъ эрудиція почерпнута изъ исторіи Ветхаго Завѣта и въ которыхъ Библія встрѣчается, чувствуется и дышетъ на каждой страницѣ. И однакоже книга о добровольномъ рабствѣ напечатана была въ Mémoires de l'Estat de France, и даже первое изданіе было публиковано вслѣдъ за Franco-Gallia. Почему? потому что между Ла Боэти и другими авторами той эпохи было дѣйствительно то общее, что они пытались подрывать основанія неограниченной власти. Но зато какая разница между ними въ точкѣ отправленія, въ цѣли, къ какой они стремились, въ чувствахъ, въ доктринахъ! Еслибы Ла Боэти не сдѣлалъ ничего другаго, кромѣ того, что онъ укорялъ народы за ихъ расположеніе къ рабству, за то, что они дозволяютъ «рѣзать себя» [1]), терпятъ «поборы, грабежи, жестокости, не отъ арміи, не отъ варварскаго лагеря, противъ котораго нужно бы было защищать свою кровь и свою жизнь, но отъ одного человѣка, и не отъ Геркулеса или Сампсона, но отъ простаго человѣка, часто самаго низкаго и женоподобнаго изъ всей націи», еслибы онъ, указывая на дѣйствующаго тирана, только кричалъ жертвамъ его: «откуда онъ взялъ столько глазъ, которыми онъ шпіонитъ за вами, еслибы вы сами не дали ему ихъ? Какимъ образомъ онъ имѣлъ бы столько рукъ, чтобы поражать васъ, еслибы онъ не взялъ ихъ изъ среды васъ?» [2])— то и въ такомъ случаѣ имя Ла Боэти заслуживало бы занимать славное мѣсто въ памяти и признательности людей и его слѣдовало бы прославлять наряду съ лучшими людьми за то, что онъ мститъ за человѣческое достоинство языкомъ, который сообщаетъ движеніе Кая Гракха силѣ Тацита. Но кромѣ этого Ла Боэти пріобрѣлъ еще другія права на безсмертіе, до сихъ поръ мало признававшіяся. Въ его рѣчи находится слѣдующая страница, которая цитируется такъ мало, но которая заслуживаетъ быть цитируемой несравненно чаще:

«Если есть въ природѣ что-либо ясное и очевидное, относительно чего нельзя оставаться слѣпымъ, то это то, что природа, исполнительница дѣлъ божіихъ и правительница людей, создала всѣхъ насъ въ одинако-

---

[1]) Discours de la servitude volontaire, t. II, p. 119 Mémoires d l'Estat de France.

[2]) Ibid., p. 118.

вомъ видѣ и даже, какъ кажется, образовала по одной формѣ, для того, чтобы мы всѣ признавали себя сотоварищами или лучше братьями. И если она, раздѣляя дарованія, данныя ею намъ, дала какія-нибудь преимущества однимъ передъ другими по тѣлу или по духу, то она однако не имѣла намѣренія оставить насъ въ этомъ мірѣ какъ въ открытомъ полѣ и не послала въ міръ сильнѣйшихъ и умнѣйшихъ для того, чтобы они, какъ вооруженные разбойники въ лѣсу, грабили слабѣйшихъ. Но скорѣе должно думать, что давая однимъ большія части, а другимъ меньшія, она хотѣла дать дѣйствіе братской любви, которая обнаруживалась бы въ томъ, что одни имѣли бы силу давать помощь, а другіе имѣли бы надобность принимать ее... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы свободны, потому что мы всѣ сотоварищи, и никому не можетъ придти на мысль, что природа, создавши насъ одинаковыми, кого-нибудь поставила въ рабство» [1]).

Читая эти строки и подумавъ о томъ, въ какое время онѣ были написаны, кто не почувствуетъ удивленія къ нимъ и не будетъ тронутъ до глубины души! Такимъ образомъ это ученіе Христа, которое подчиняетъ силу однихъ потребностямъ другихъ, которое выводитъ большія полномочія изъ большихъ обязанностей, а не изъ большихъ правъ,—это ученіе, которое ищетъ въ одномъ только братствѣ доказательства, условія и основанія свободы и которое провозглашаетъ насъ свободными потому, что мы сотоварищи,—это ученіе, столь простое и въ тоже время столь возвышенное, которое даже въ настоящее время, послѣ столькихъ умственныхъ усилій и революцій, считается мечтою добрыхъ людей,—это ученіе Ла Боэти проповѣдывалъ еще въ XVI вѣкѣ, со всѣмъ авторитетомъ, который добродѣтель даетъ генію! Но еще не пришло время для этого ученія: въ ту эпоху возможна была серьезная борьба только между индивидуализмомъ и авторитетомъ.

Мы уже видѣли эту борьбу въ области идей; прежде чѣмъ показать, какъ она продолжалась въ области фактовъ, скажемъ сначала, какимъ образомъ дѣлу индивидуализма служила въ XVI вѣкѣ философія. Тогда мы изучимъ такимъ образомъ всѣ три формы, въ какихъ явился этотъ новый принципъ, которому спустя два вѣка вполнѣ принадлежало французское общество.

---

[1]) Discours de la servitude volontaire, p. 121 et 122.

ГЛАВА V.

Индивидуализмъ въ философіи.

Монтень.

Монтень желаетъ, чтобы каждый жилъ для себя. — Онъ старается доказать невозможность всякаго соціальнаго порядка. — Онъ доказываетъ, что торговля между людьми есть ничто иное, какъ ужасная вѣчная война. — Онъ показываетъ нелѣпость всѣхъ соціальныхъ учрежденій.—Онъ думаетъ, что человѣкъ не болѣе способенъ отъ природы къ соціальной жизни, чѣмъ животное.

Ла Боэти и Монтень (Montaigne) были друзьями и дружба ихъ сдѣлалась знаменитою; но не странно ли это? потому что—что такое былъ Монтень? апостолъ снисходительнаго эгоизма. Изучать себя, знать себя, созерцать себя, владѣть собою, быть довольнымъ собою—вотъ по Монтеню высшая премудрость и цѣль жизни. И къ несчастью, для доказательства этого онъ написалъ книгу, которая составляетъ славу человѣческаго ума.

Не говорите ему, что мы созданы не для самихъ себя только, но также и для другихъ: «красивая фраза, отвѣчаетъ онъ, которою прикрывается честолюбіе и скупость» [1]). Дѣйствовать въ пользу другаго, какая нелѣпость! Въ то время, какъ вы—яростный и безстрашный, не боясь выстрѣловъ и подвергаясь опасности смерти, всходите на брешь,—чѣмъ занимается тотъ, за кого вы идете на смерть? Онъ наслаждается жизнью и любовью. Вы выходите изъ рабочей комнаты послѣ полуночи, блѣдный, покрытый пылью, измученный усталостью: что вы дѣлали тамъ? учились быть счастливымъ или мудрымъ? Вовсе нѣтъ; вамъ хотѣлось, чтобы потомство знало правильную орѳографію латинскаго слова или размѣръ какого нибудь стиха Плавта: ахъ несчастный! почему вы лучше не хотѣли углубиться въ себя, чтобы принадлежать себѣ? Оставьте будущее, которое для васъ ничто, отдѣлитесь отъ общества, въ которое вы ничего не можете внести; избѣгайте всего, что можетъ удалить васъ отъ васъ самихъ, живите только для васъ: въ этомъ только состоитъ жизнь. Такимъ образомъ говоритъ Монтень; но для того, чтобы въ уединеніи, которое онъ рекомендуетъ человѣку, человѣкъ не сталъ искать ис-

---

[1]) Essais de Montaigne, liv. I, chap. XXXVIII, p. 136. Édition de 1740.

точниковъ счастія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ самомъ себѣ, онъ совѣтуетъ ему избѣгать глубокихъ привязанностей и домашнихъ заботъ; «потому что управленіе семействомъ не меньшая пытка, чѣмъ управленіе цѣлымъ государствомъ.» Монтень не доходилъ дотого, чтобы запрещать мудрецу имѣть жену и дѣтей, но только мудрецъ не долженъ пристращаться дотого, чтобы его время зависѣло отъ нихъ. Послушайте его: «нужно имѣть для себя заднюю комнату, которая была бы совершенно наша, совершенно свободна... въ ней должно производить обыкновенную бесѣду съ собою о себѣ самомъ, до такой степени уединенную, чтобы въ нее не входило никакое постороннее свѣдѣніе или сообщеніе, разсуждать и воображать такъ, какъ-бы у насъ вовсе не было жены, дѣтей, имущества, хозяйства и прислуги, для того, чтобы, когда случится потеря ихъ, мы могли спокойно обходиться безъ нихъ» [1]. Но это еще не все; когда мы находимся въ уединеніи, то насъ не должны занимать здѣсь образы и шумъ міра; мы должны поступать какъ животныя, которыя уничтожаютъ свой слѣдъ послѣ входа въ ихъ пещеру.

Существуетъ ли для устройства соціальныхъ отношеній какое-нибудь неизмѣнное и вѣрное правило? Монтень ищетъ и не находитъ его. То, что бываетъ спасеньемъ для одного народа, бываетъ гибелью для другаго. Зенонъ спасъ своихъ согражданъ, предложивши себя въ жертву гнѣву побѣдителя; пріютившій у себя Суллу дѣлаетъ тоже самое, но не получаетъ пользы ни для себя, ни для кого. Обращайтесь послѣ этого съ вопросами къ прошедшему человѣческихъ обществъ, занимайтесь ихъ будущимъ; Монтень однимъ словомъ разрушаетъ ваши изслѣдованія и разсѣеваетъ ваши надежды: «всѣ различныя средства приводятъ къ одинаковой цѣли» [2]. Въ такомъ случаѣ на что же рѣшиться? Какую дорогу избрать въ лабиринтѣ исторіи? На что можно опереться въ искусствѣ управленія людьми?

Если вмѣсто того, чтобы разсматривать устройство соціальныхъ отношеній, вы станете изучать ихъ природу, то тогда вы еще больше убѣдитесь, что вамъ нужно бѣжать въ уединеніе. Торговля людей это война, — война постоянная и ожесточенная. Торговецъ пріобрѣтаетъ свой доходъ только на счетъ безумныхъ тратъ юношества, и архитекторъ на счетъ разрушенія домовъ. Вотъ медикъ, который будетъ жить на счетъ

[1]) Essais de Montaigne, liv. I, p. 138.

[2]) Ibid., liv. I, chap. 1.

вашей смерти; вотъ священникъ, которому заплатятъ обѣдомъ за ваше погребеніе. «Прибыль одного есть потеря другаго» [1]). О Монтень! можетъ быть вы приняли здѣсь частный случай за общій законъ? Почему вы не посовѣтовались объ этомъ предметѣ съ вашимъ благороднымъ другомъ Этьеномъ Ла Боэти? Онъ бы вамъ показалъ, безъ сомнѣнія, что то, что представлялось вамъ какъ естественное, необходимое состояніе обществъ, есть только болѣзненное рожденіе. Антагонизмъ интересовъ есть порокъ и несчастіе несовершенныхъ обществъ, но придетъ время, когда каждый будетъ только общественнымъ и свободнымъ агентомъ обширной ассоціаціи, основанной на гармоніи усилій и на согласіи желаній, когда вознагражденіе адвоката не будетъ зависѣть отъ количества процессовъ и вознагражденіе медика отъ числа болѣзней.

Монтень продолжаетъ; обозрѣвая различные обычаи народовъ, онъ съ торжествомъ указываетъ въ нихъ все то, что было въ нихъ нелѣпаго и безстыднаго. Въ одномъ мѣстѣ подданные говорятъ съ своимъ королемъ не иначе, какъ черезъ трубу; и когда государь плюетъ, то самая любимая изъ его женщинъ подставляетъ руку; въ другомъ мѣстѣ люди питаются сырымъ мясомъ, убиваютъ родителей сдѣлавшихся старыми; въ третьемъ мѣстѣ отцы предлагаютъ своихъ дѣтей, мужья своихъ женъ своимъ посѣтителямъ для удовольствія за плату. Монтень показываетъ, что мораль постоянно мѣняетъ маску и почти на каждой границѣ, и соціальные обычаи скрываютъ вездѣ отъ глазъ обманываемыхъ народовъ иго, которое унижаетъ или угнетаетъ. Приходятъ дикіе во Францію; у нихъ спрашиваютъ, что они въ ней нашли замѣчательнаго, они отвѣчаютъ, что ихъ удивили двѣ вещи: вопервыхъ то, что люди сильные, имѣющіе бороду, соглашаются повиноваться ребенку; а вовторыхъ то, что люди безнаказанно предаются всякимъ родамъ наслажденій въ то время, когда подлѣ нихъ ихъ ближніе умираютъ отъ голода. И Монтень ѣдко восклицаетъ затѣмъ: «ну это еще небольшая бѣда. Да притомъ это говорятъ дикіе, которые не носятъ панталонъ.» Таковъ горькій упрекъ, который бросилъ философъ столь восхваляемой цивилизаціи, убѣгая отъ нея. Хоть бы было, по крайней мѣрѣ, какое-нибудь средство противъ этого зла; хотя бы, по крайней мѣрѣ, больной, повернувшись на своей постели, могъ показать свою болѣзнь. Но Монтень отрицаетъ всякія средства. Когда соціальный законъ дуренъ, то люди страдаютъ, подчиняясь ему; но страдаютъ еще

---

[1]) Essais de Montaigne, liv. I, chap. XXI.

болѣе, желая его разрушить. «Тѣ, которые потрясаютъ государство, сами погибаютъ въ его развалинахъ. Плодъ потрясенія не достается тому, который произвелъ его; онъ бьетъ и мутитъ воду для другихъ рыбаковъ» [1]). Что же остается дѣлать? Монтень говоритъ: «отрѣшитесь отъ общества, вы и вашъ компаньонъ будете достаточнымъ зрѣлищемъ одинъ для другаго, или вы для васъ самихъ» [2]). Уничтожьте слѣды, при входѣ въ вашу пещеру.

И это не простыя обращенія философа къ философамъ, Монтень обращается ко всѣмъ; онъ нападаетъ на самую идею общества. Монтень доказываетъ, что человѣкъ вовсе не созданъ для соціальной жизни, что онъ при своемъ рожденіи можетъ совершенно довольствоваться собою, что если онъ можетъ къ своимъ естественнымъ способностямъ присоединять способности пріобрѣтенныя, то это свойство обще ему со многими животными; что царство, въ которомъ онъ долженъ жить въ сообществѣ съ остальнымъ твореньемъ, есть царство природы. Онъ все это доказываетъ и въ своей эрудиціи находитъ возраженія противъ всякихъ аргументовъ. Чтобы доказать, что кожа человѣка можетъ выносить всѣ невзгоды климата, онъ приводитъ примѣръ ирландцевъ, полунагихъ подъ холоднымъ небомъ, примѣръ древнихъ французовъ, которые носили открытый животъ, и примѣръ тогдашнихъ «дамъ, которыя, при всей своей нѣжности и деликатности, ходили иногда открытыми почти до пупа» [3]). Съ воиномъ въ вооруженіи онъ сравниваетъ ихневмона, идущаго сражаться съ крокодиломъ въ кирасахъ изъ затвердѣвшей грязи. Люди имѣютъ языкъ для сообщенія съ себѣ подобными; но это не есть аргументъ. Развѣ животныя не умѣютъ пользоваться своимъ голосомъ для выраженія жалобъ, радости, призыва на помощь и любви? Развѣ животныя, служащія намъ, не понимаютъ различныхъ оттѣнковъ нашихъ приказаній? Ужели подобно языкамъ народовъ въ различныхъ странахъ не измѣняется пѣніе птицъ? Нѣтъ, человѣкъ не составляетъ исключенія въ необъятности, которая окружаетъ его, поглощаетъ и уноситъ; онъ ни выше, ни ниже всего остальнаго; и напрасно, для доказательства превосходства соціальнаго положенія надъ положеніемъ естественнымъ, мы стали бы говорить о первенствѣ человѣка. Что это за первенство! «Вши (poulx) были достаточны для того, чтобы уничтожить диктатуру Суллы; сердце и жизнь великаго и торжествующаго императора есть только завтракъ маленькаго червя.»

[1]) Essais de Montaigne, liv. I, chap. XXII, p. 61.

[2]) Ibid., liv. I, chap. XXXVIII, p. 142.

[3]) Ibid., liv. II, chap. XII, p. 286.

Впослѣдствіи Паскаль могъ говорить подобнымъ великолѣпнымъ слогомъ, только подражая ему. Монтень поднялся до высокаго, до такой степени было глубоко его негодованіе противъ гордости человѣка, живущаго въ обществѣ, до такой степени онъ воодушевленъ былъ желаніемъ сорвать вѣнецъ съ этого воображаемаго царя природы, возмутившагося противъ природы!

Однако человѣкъ все-таки имѣетъ преимущество, преимущество разума; и аргументація Монтеня совершенно разрушается, если онъ допуститъ это преимущество. Поэтому философъ индивидуализма приходитъ здѣсь въ потрясающій гнѣвъ. Онъ не довольствуется тѣмъ, что пишетъ несравненнымъ стилемъ и съ удивительнымъ знаніемъ эпопею о разумныхъ животныхъ, но нападаетъ прямо на человѣческій разумъ, который ему нужно уничтожить для своей цѣли, и приэтомъ удвояетъ краснорѣчіе, силу и обвиненіе. Пусть разумъ человѣческій или смирится или представитъ доказательства своего превосходства. Что̀ онъ знаетъ о принципѣ вещей, о ихъ высшей связи, о ихъ цѣли, о Богѣ, о судьбѣ, о пространствѣ міровъ, о жизни тѣла, въ которомъ онъ самъ обитаетъ, и о тайнѣ его движеній? Что знаетъ о своей собственной сущности, о пространствѣ, о размѣрѣ или границахъ его собственной силы? Между философами одни кричатъ: мы обладаемъ истиною; но это шарлатаны, которые удерживаютъ забавляемую ими толпу вокругъ своихъ фокусническихъ сосудовъ. Другіе же объявили, что открытіе истины невозможно; изъ этого заявленія, при его кажущейся скромности, они извлекли столько безумія и гордости. Третьи провозгласили человѣка неспособнымъ утверждать что-либо, даже свое невѣжество и осудили его на муки и безчестіе безконечнаго сомнѣнія; но они были поставлены въ необходимость каждымъ своимъ дѣйствіемъ опровергать свои разсужденія. Вино во рту больнаго тоже ли самое, чѣмъ оно бываетъ во рту здороваго? Итакъ наши ощущенія безконечно видоизмѣняютъ для нашего сужденія форму и сущность вещей: гдѣ же тутъ достовѣрность? Но возьмите судьею разума его самого: непостоянство его мнѣній въ одномъ и томъ же человѣкѣ, постоянное колебаніе въ его рѣшеніяхъ достаточно покажутъ вамъ его ничтожество. То, что сегодня составляетъ предметъ моего убѣжденія, все, что сильно увлекаетъ меня, завтра, можетъ быть, покажется мнѣ ложнымъ. «Не глупо ли позволять своему руководителю столько разъ обманывать себя»? [1]) Но нѣтъ: безпре-

---

[1]) Essais de Montaigne, liv. II, chap. XII, p. 364.

станно обманываемый, человѣкъ безпрестанно желаетъ снова быть обманутымъ. Послѣднее убѣжденіе кажется всегда удовлетворительнымъ, непреложнымъ; и до тѣхъ поръ, пока не придется бросить его, какъ позорное заблужденіе, человѣкъ расположенъ принести ему въ жертву все, имущество, честь, жизнь и спокойствіе. Кромѣ того, что за странная способность, что за странная сила этотъ разумъ, который не можетъ устоять противъ приступовъ лихорадки и который видоизмѣняется и извращается отъ какого-нибудь питья! Подумайте о томъ, что происходитъ при крючкотворствѣ въ нашихъ палатахъ. Судья, «который приноситъ съ собою изъ дому боль подагры, раздраженіе на своего слугу, котораго душа пропитана и наполнена гнѣвомъ, непремѣнно будетъ находиться подъ вліяніемъ всего этого при составленіи своего приговора» [1]).

Унижая такимъ образомъ разумъ, Монтень имѣетъ въ виду опредѣленную явную цѣль. Онъ старается уничтожить все, что можетъ служить къ образованію слишкомъ тѣсныхъ связей между людьми. Онъ сильно возсталъ противъ славы, противъ гонящихся за ней, противъ Цицерона, который имѣлъ ребячество любить ее до безумія. И какъ велико его презрѣніе къ тѣмъ, которые, воображая достигнуть славы, достигаютъ только того, что повергаются въ безвѣстныя опасности, къ этимъ смѣшнымъ цезарямъ, которые идутъ умирать между заборами и канавой, къ этимъ великимъ людямъ, которые съ храбростью берутъ курятникъ, защищаемый четырьмя сторожами съ ружьями. Но вотъ передъ нами на обширной равнинѣ собранъ милліонъ людей. На лицахъ у нихъ выражается гордость и энергія; души ихъ волнуются мужествомъ и движеніемъ. Смерть паритъ надъ этими легіонами и въ то время, когда она бросается на нихъ, они не чувствуютъ ни малѣйшаго страха. Это—общество въ героическомъ состояніи. Но это зрѣлище не ослѣпляетъ Монтеня. Онъ говоритъ: «это только взволнованный и разгорячившійся муравейникъ. Дуновеніе противнаго вѣтра, появленіе летающихъ вороновъ, паденіе лошади, случайное появленіе орла, сонъ, одинъ голосъ, одинъ знакъ, утренній туманъ достаточны для того, чтобы разбить и опрокинуть этотъ муравейникъ. Пусть ударитъ имъ въ лицо только одинъ лучъ свѣта и они смѣшаются и растеряются; пусть поднимется пыль передъ ихъ глазами,—и всѣ наши знамена, наши легіоны и самъ великій Помпей во главѣ ихъ, все рушится и опрокинется.»

[1]) Essais de Montaigne, liv. II, chap. XII, p. 364.

Такимъ образомъ общество представляетъ намъ только фальшивое счастіе, только ложное убѣжденіе и ложное величіе. Поэтому нужно немедля бѣжать отъ него; насъ призываютъ уединеніе и природа. Оставимъ иго соціальныхъ обязанностей и подчинимся сладкому господству инстинкта; будемъ счастливы радостію яснаго солнечнаго дня; и если намъ захочется имѣть сношеніе съ міромъ, то для этого намъ нѣтъ нужды выходить изъ своего сердца; потому что человѣчество находится въ каждомъ изъ насъ и оно все въ нашемъ сердцѣ.

Никогда индивидуализмъ не былъ провозглашаемъ съ такою глубиною, такою крайностію и такимъ блескомъ.

Но когда Монтень вступилъ на путь, на которомъ мы прослѣдили его, то Рабеле (Rabelais) уже прошелъ этотъ путь. Рабеле не ожидалъ Монтеня для того, чтобы отдать общество на жертву мстящимъ мошенникамъ и плутамъ, которыхъ оправдываетъ Панюржъ, предокъ Фигаро, слѣдующими словами, въ которыхъ выражается весь моральный кодексъ Телемитовъ: «дѣлай что хочешь» [1]).—Но нужно при этомъ сказать, что смыслъ философіи Рабеле слишкомъ теменъ и опредѣлить его едвали возможно. Правда, что въ прологѣ къ первой книгѣ Gargantua Рабеле предупреждаетъ насъ «не слишкомъ легко судить о томъ, что въ его книгѣ находятся только насмѣшки, дурачества и забавныя выдумки.» И затѣмъ онъ прибавляетъ: «по этой легкости не должно судить о дѣлахъ человѣческихъ; потому что вы сами же говорите, что платье не дѣлаетъ монахомъ» [2]). «Разбивайте кость и высасывайте изъ нея мозгъ. «Очень хорошо; но, несмотря на это предупрежденіе, несомнѣнно, что между современниками Рабеле было весьма немного такихъ, которые способны были высасывать этотъ мозгъ, и что нужно было три вѣка соціальныхъ переворотовъ для того, чтобы за этими циническими шутками открыть настоящій девизъ этого буффона Гомера: «кормить, утѣшать, лечить» [3]).

Дѣйствительно, Рабеле можно толковать самыми противоположными способами. Стоитъ ли онъ за королевскую власть напримѣръ? Да, потому что онъ даетъ Грангузье, Гаргантюа, его сыну и Пантагрюелю, его внуку, доброту, силу, умѣренность и разсудительность; нѣтъ, потому что онъ приписываетъ Грангузье неутолимый голодъ, и говоритъ, что для вскормленія Гаргантюа нужно было 17913 коровъ. Но нужно

---

[1]) Gargantua, ch. LVII, p. 96. Изданіе Шарпантье, сдѣланное ученымъ библіофиломъ Жакобомъ.

[2]) Ibid., Prologue, p. 2.

[3]) См. Rabelais, par Eugène Noël. Paris, 1850.

впрочемъ послушать, что онъ говоритъ о наслѣдственныхъ достоинствахъ: «я думаю, что есть въ настоящее время многіе императоры, короли, герцоги, князья и папы на землѣ, которые происходятъ отъ какихъ-нибудь разнощиковъ мясныхъ объѣдковъ» [1]). Но вѣдь случай рожденія подвергаетъ народы шансамъ имѣть королемъ, вмѣсто Грангузье, честнаго человѣка, Пикрохола тирана; и такъ въ остальномъ.

Конечно, Рабеле удивителенъ, когда онъ, при описаніи воспитанія Гаргантюа Понократомъ, излагаетъ истинныя правила воспитанія, когда онъ запираетъ для лицемѣровъ двери своего аббатства Телема, когда онъ совѣтуетъ странствующимъ богомольцамъ отказаться отъ своихъ безплодныхъ путешествій, а вмѣсто этого заниматься своимъ семействомъ, воспитывать своихъ дѣтей и работать, когда онъ позоритъ въ лицѣ Пикрохола, окруженнаго своими совѣтниками, опустошителей провинцій, обкрадывающихъ государства, когда онъ изображаетъ, какъ король Анархъ, сдѣлавшійся весьма дурнымъ государемъ, былъ отличнымъ продавцемъ зеленаго соуса; когда онъ добраго брата Жана, веселаго, разговорчиваго, откровеннаго товарища, трудолюбиваго, обработывающаго землю, помогающаго угнетеннымъ, никогда не бывающаго въ праздности, противопоставляетъ монаху, «который не обработываетъ землю, какъ крестьянинъ, не охраняетъ страны, какъ воинъ, не лечитъ больныхъ, какъ медикъ, не проповѣдуетъ и не учитъ, какъ добрый евангельскій учитель и педагогъ» [2]), когда онъ наконецъ рисуетъ слѣдующую картину уголовной юстиціи своего времени, вѣрность которой доказана столькими казнями еретиковъ и въ которой эта юстиція представлена въ лицѣ Грипемино. «Онъ имѣлъ руки, замаранныя кровью, когти какъ у гарпіи, морду, похожую на вороній клювъ, зубы какъ у дикаго кабана, глаза, свѣтящіеся какъ пасть ада; весь покрытъ былъ ступками и пестами и только были видны когти» [3]). Это дѣйствительно красоты серьезныя и принадлежащія уже къ высшему роду; но какъ много прелести и силы теряютъ эти поученія вслѣдствіе того, что они перемѣшаны на каждой страницѣ съ грубостями и грязью непристойнаго языка, которыми Рабеле вынужденъ былъ украшать свою книгу для того, чтобы укрыться отъ фанатиковъ, но также и для того, чтобы сообразоваться съ нравами и обычаями своего времени. Когда сатира на

---

[1]) Gargantua, chap. I, p. 4.
[2]) Ibid., chap. XI, p. 71.
[3]) Pantagruel, liv. V, chap. XII, p. 478.

соціальныя бѣдствія является въ книгѣ Рабеле, то кажется, какъ будто она попала сюда потому, что она имѣетъ право занимать мѣсто во всякой оргіи. Мы начинаемъ сомнѣваться въ искренности мудрости, видя ее въ такомъ дурномъ мѣстѣ; какъ только Рабеле становится серьезнымъ, мы боимся, чтобы это не было шуткою или насмѣшкою; кажется, какъ будто мы видимъ, какъ онъ, спрятавшись за своимъ произведеніемъ, смѣется надъ простодушіемъ тѣхъ, которые вздумали бы удивляться ему. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы при свѣтѣ фонаря, руководящаго Панюржемъ, пошли твердымъ шагомъ до конца, то куда бы мы были приведены? «На желаемый островъ, на которомъ находится оракулъ бутылки» [1]. И здѣсь Панюржъ скажетъ Пантагрюэлю, какъ самое послѣднее заключеніе: «теперь мы имѣемъ то, чего многіе ищутъ съ такимъ трудомъ.» Послѣднее слово философіи Рабеле есть выпивка. Какимъ же образомъ читатели Pantagruel могли бы догадаться истолковать это слово такъ: «любите другъ друга, друзья мои, будьте добры и соединитесь сердцами»! [2] У Рабеле такимъ образомъ индивидуализмъ имѣетъ отталкивающій видъ; какая разница съ Монтенемъ!

Монтень ведетъ насъ въ уединеніе веселыми тропинками. Эгоизмъ, проповѣдуемый имъ, нисколько не имѣетъ въ себѣ суровости Кальвина и грубости Рабеле; его эгоизмъ мягкій и утонченный. Достигши преклонныхъ лѣтъ, Монтень сохранилъ въ своей мысли какъ отдаленное эхо тѣ мелодіи, которыя онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ; Монтень любитъ жизнь, устроиваетъ ее, не отрекается отъ нея; онъ спокойно ждетъ приближенія смерти, только бы ему не видѣть и не слышать воплей дѣтей и женщинъ, посѣщенія опечаленныхъ друзей, свѣта погребальныхъ свѣчей и той маски, наконецъ, которую мы кладемъ на лице смерти. Почему Монтень прославляетъ удовольствіе, которое возвышается, очищается и продолжается благоразуміемъ и умѣренностію? Потому что, насколько онъ презиралъ и ненавидѣлъ все то, что есть дѣло людей, — и это въ свое время отразится на Руссо, — на столько онъ любилъ все то, что есть дѣло природы. И не нужно обманываться: у Монтеня есть любовь, потому что онъ счастливъ, а счастливъ онъ потому, что у него есть убѣжденія. Его скептицизмъ, если его разобрать какъ должно, есть ничто иное, какъ бойница, кото-

---

[1] Pantagruel, liv. V, chap. XXXIII, p. 527.

[2] Rabelais, par Eugène Noël, p. 171.

рою онъ пользуется для того, чтобы пробить брешь въ соціальномъ порядкѣ; но также несообразно съ сущностью его уединенія и то, что онъ прославляетъ смиренную вѣру, и въ нѣсколькихъ избранныхъ, но не глубокихъ убѣжденіяхъ ищетъ убѣжища отъ волнующагося моря человѣческихъ мнѣній. Человѣкъ не можетъ въ одно и тоже время рѣшаться на сомнѣніе и на уединеніе; итакъ Монтень не скептикъ, его скорѣе можно бы назвать пантеистомъ. Это нисколько не удивительно. Кто слишкомъ далеко отклоняется отъ дороги, по которой идутъ общества, тотъ рано или поздно будетъ привлеченъ самою природою вещей къ пропасти, которая его поглотитъ; и вслѣдствіе того великаго закона, который сближаетъ крайности, индивидуализмъ въ философіи соединяется съ пантеизмомъ.

ГЛАВА VI.

Борьба индивидуализма съ авторитетомъ.

Партія политиковъ и лига.

Во Франціи образуется партія политиковъ; это является на сцену буржуазія, опирающаяся на принципъ индивидуализма.—Лига сражается за принципъ авторитета.—Странный союзъ въ лигѣ священника и человѣка народа. — Лига была побѣждена, какъ только этотъ союзъ рушился и священникъ остался одинъ.—Торжество партіи политиковъ.—Генрихъ IV, глава ея, возводитъ съ собою на престолъ индивидуализмъ и терпимость.—Новый принципъ добился для себя терпимости, въ ожиданіи того времени, когда XVIII вѣкъ провозгласитъ его во всѣхъ его видахъ и буржуазія въ 1789 году, сдѣлавшись господствующею, дастъ ему полную власть.

Таково было движеніе умовъ во Франціи XVI вѣка. Такъ началось царство этого принципа индивидуализма, который увѣнчала революція 89 года и противъ котораго безуспѣшно дѣйствовала революція 93 года.

Кальвинизмъ былъ виденъ до сихъ поръ во Франціи только черезъ дымъ междоусобныхъ войнъ. Съ другой стороны, возрожденіе, распространяя вкусъ къ древнимъ искусствамъ и литературѣ, стремилось замѣстить теологическія заботы идеями вполнѣ мірскими. Такимъ образомъ совершилось то, что изъ двухъ вещей, соединенныхъ Лютеромъ, т. е. изъ новаго принципа и новой религіи, французская буржуазія отвергла религію и сохранила для себя принципъ. Наступаетъ торжественный моментъ: за кальвинизмомъ, потухающимъ въ крови, возстаетъ партія политиковъ.

Это не была партія убѣжденія, самоотверженія и сильной добродѣтели, а партія умѣренности, здраваго смысла, спокойнаго и порядочнаго эгоизма. Она начиналась Эразмомъ и должна была привести къ Вольтеру. Ея доктрины, которыя XVIII вѣкъ окончательно пополнилъ и далъ имъ перевѣсъ въ пользу буржуазіи, назывались въ философіи раціонализмомъ, въ политикѣ равновѣсіемъ властей, въ промышленности безграничной конкуренціей. Въ XVI вѣкѣ эти доктрины назывались еще красивымъ словомъ терпимость.

Какъ ни казалась сначала слабою и неувѣренною партія политиковъ, однако появленіе ея на сценѣ оковало ужасомъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ горѣлъ еще огонь старыхъ вѣрованій, всѣхъ приверженцевъ принципа авторитета. Изъ этого ужаса возникла Лига.

Составленная въ 1576 году въ Пероннѣ дворянами, которые поклялись соединиться между собою для защиты католической и римской религіи, лига съ самаго начала уже обнаружила свой духъ. Актъ союза 1576 года опредѣлялъ, что должно избрать одного главу. Союзъ обязывался поддерживать королевскую власть, съ ограниченіемъ, имѣвшимъ въ виду право сословій и основные законы королевства. Въ остальномъ члены этого союза вполнѣ отдавались одинъ другому; они обязывались поддерживать другъ друга противъ кого бы то ни было и призывали Бога во свидѣтели, что они готовы умереть за свое дѣло [1]).

Такимъ образомъ цѣль лиги состояла въ томъ, чтобы защищать принципъ авторитета въ самомъ общемъ и возвышенномъ его значеніи, защищать его въ лицѣ его духовнаго представителя, папы, и защищать его, если то понадобится, даже противъ его чисто свѣтскаго представителя, короля. Лига ставила церковь выше государства. Но логическое развитіе этого положенія приводило къ тому положенію, что короли уже не имѣютъ неотъемлемаго и ненарушимаго права; они оказываются подчиненными, какъ самый послѣдній изъ ихъ подданныхъ, религіозному правилу, которое служило ограниченіемъ, умѣреніемъ и условіемъ ихъ власти. Итакъ, нарушая это правило, они становились недостойными сана; становясь еретиками, они становились возмутителями и народъ могъ, даже долженъ былъ низлагать ихъ.

Такимъ образомъ, выходя изъ верховной власти папы, можно было придти къ верховной власти народа.

---

[1]) См. актъ союза въ Palma Cayet, Chronologie novénaire, Introduction, t. I, p. 254 et suiv. Collect. Petitot.

И въ самомъ дѣлѣ, лига была замѣчательна въ томъ отношеніи, что будучи крестовымъ походомъ противъ возникавшаго тогда новаго духа, она была болѣе революціонною, чѣмъ сама революція, которую она хотѣла остановить. Лига находилась на той дорогѣ, которая ведетъ отъ Григорія VII къ Комитету общественной безопасности.

И дѣйствія соотвѣтствовали доктринамъ. Откройте исторію лиги и сочиненія того времени и вы увидите, что вездѣ теократія смѣшана съ демократическимъ чувствомъ, вездѣ тѣсный и восторженный союзъ человѣка народа съ священникомъ.

Въ 1576 и 1577 годахъ лига состояла только изъ дворянъ и Генрихъ III провозгласилъ себя главою ея, въ надеждѣ сдѣлаться ея повелителемъ. Но скоро произошла большая перемѣна. Лига перестала быть аристократической и стала духовной и общинной; она не ограничилась только деревней, но стала волновать и Парижъ. Простой буржуа Рошблондъ, священники при Сенъ-Бенуа и Сенъ-Северена и каноникъ Суасона образовали, для приведенія въ движеніе шестнадцати кварталовъ въ Парижѣ, коммиссію шестнадцати, скоро превратившуюся въ муниципальную диктатуру [1]). Каѳедры сдѣлались трибунами для воззваній; священники получаютъ аплодисменты, какъ народные трибуны; войдите въ церковь и вы увидите, что это настоящій форумъ.

До какой же степени ошибались послѣ этого тѣ, которые видѣли въ подобномъ движеніи только интриги честолюбивой фамиліи и династическія претензіи Генриха Гиза. Члены лиги обратились къ Генриху Гизу потому, что имъ нуженъ былъ глава, котораго бы не стыдно было назвать своимъ главою. А развѣ могъ быть этимъ главою Генрихъ Ш, который возстановилъ при католическомъ дворѣ безчестную любовь и проституцію языческихъ императоровъ? [2]) Правда, что, одержавши побѣду надъ гугенотами при Жарнакѣ и Монконтурѣ, онъ распоряжался рѣзней Варѳоломеевской ночи и въ случаѣ надобности могъ бы, для доказательства своего православія, сослаться на привидѣнія, которыя окружали его постель въ первую ночь по прибытіи его въ Польшу [3]).

---

[1]) Satire Ménippée, Remarques, t. II, p. 430. Édit. Le Duchat.

[2]) Въ книгѣ священника Буше мы читаемъ слѣдующія строки, объясняющія причины ненависти Генриха къ кардиналу Гизу: Quin et hacc odii in beatum illum martyrem cardinalem non minima causa fuit, quod eum ille tentantem ad scelus, adeo in templo, exhorruisset, execratusque et indignans recessisset. Ex quo factum, crescentibus odiis, ut cui castitatem non potuerat, hinc vitam adimeret.» De justa Henrici III abdicatione, cap. XXXIII, p. 211.

[3]) Mémoires de Villeroy, p. 259. Collect. Michaud.

Правда, что онъ прогуливался иногда по городу съ большими четками въ рукахъ, что онъ часто перемѣнялъ свои женскія платья на одежду кающагося, что онъ носилъ поясъ украшенный мертвыми головами, и что на своей оскверненной постели, на которой онъ допускалъ къ себѣ своихъ красивыхъ любимцевъ (mignons), онъ задумывалъ основаніе братствъ. Но все это были шутки лицемѣра, какъ говорили члены лиги [1]. Кромѣ того Генрихъ Ш имѣлъ интересъ соглашаться съ ересью и искать поддержки у политиковъ, — что доказывали многіе умиротворительные эдикты, которые, можетъ быть, охотнѣе давались, чѣмъ принимались. Члены лиги не могли обманываться въ этомъ отношеніи. Они преслѣдовали въ Генрихѣ III государя, который имѣлъ интересы, чуждые ихъ дѣлу. И напротивъ въ Генрихѣ Гизѣ они любили то, что это былъ человѣкъ, который съ католицизмомъ значилъ все, а безъ католицизма не значилъ ничего. Кромѣ того Гизъ имѣлъ храбрость, рѣшительность и во многомъ походилъ на своего отца, хотя имѣлъ менѣе возвышенный умъ и меньше благородства въ сердцѣ.

Нетерпѣніе членовъ лиги дать ему въ руки скипетръ выразилось въ бурныхъ порывахъ только по смерти герцога Алансонскаго, брата короля. Потому что Генрихъ III не имѣлъ дѣтей и послѣ смерти его долженъ былъ вступить на престолъ король Наваррскій и съ нимъ новый принципъ.

Конечно, еслибы дѣло ограничивалось только волненіями городской ратуши, пламенными рѣчами проповѣдниковъ, противорѣчащими заявленіями кардинала Бурбона и Беарне или даже этою войною трехъ Генриховъ, въ которую члены лиги бросились съ мрачнымъ ожесточеніемъ и какъ-бы увлекая съ собою устрашеннаго монарха,—тогда можно было бы еще сомнѣваться въ величіи этой борьбы. Но антагонизмъ принциповъ господствовалъ до такой степени при этомъ столкновеніи враждебныхъ претензій, что вся Европа была потрясена этимъ могучимъ движеніемъ; и въ то время, какъ Филиппъ II обѣщалъ лигѣ помощь испанскаго оружія, въ то время, какъ Сикстъ V собирался въ Римѣ отлучить отъ церкви короля Наваррскаго,—Теодоръ Безъ, дѣлая противоположное усиліе, ходилъ по Германіи [2]) и внушалъ ей опасенія, что ея революція можетъ-быть скоро будетъ уничтожена, и возбуждалъ по ту сторону Рейна лютеранскій крестовый походъ.

---

[1]) Boucher, De justa Henrici III abdicatione, cap. XII, p. 193.

[2]) Anquetil, Esprit de la Ligue, t. II, liv. V.

Въ этомъ громадномъ столкновеніи Беарне и Генрихъ Гизъ представляли два интереса серьезные, обширные; но что представлялъ Генрихъ III? Члены лиги не могли отвергнуть его, какъ главу, чтобы не встрѣтиться съ нимъ, какъ съ препятствіемъ: поэтому они рѣшились свергнуть его. Слѣдствіемъ этого былъ знаменитый день, въ теченіе котораго возставшій Парижъ 1588 года представилъ намъ во многихъ чертахъ сходство съ Парижемъ 1830 года: верховную власть народа въ ратушѣ, баррикады, швейцарцевъ подвергающихся нападенію, толпу окружившую Лувръ, и монарха обратившагося въ бѣгство [1]). Призываемый шестнадцатью во время приготовленія къ возстанію, Гизъ поспѣшилъ къ нимъ, несмотря на запрещеніе короля, и вступилъ въ Парижъ при громѣ народныхъ восклицаній. Когда онъ проходилъ, одна дѣвица сняла свою маску и закричала ему: «добрый князь, такъ какъ ты здѣсь, то мы всѣ спасены» [2]). Это былъ крикъ лиги. Почему? потому именно, что Генрихъ Гизъ былъ больше и лучше, чѣмъ человѣкъ партіи: онъ былъ человѣкъ принципа.

Онъ былъ бы счастливъ, еслибы, упоенный своею ролью, онъ не считалъ себя выше неудачъ и недосягаемымъ для убійцъ. Но онъ думалъ противное и это было его гибелью. На собраніи сословій въ Блуа, онъ съ гордымъ упорствомъ сталъ думать, что воинъ, подобный ему, былъ слишкомъ великою жертвою для такого убійцы, какъ Генрихъ III. Когда его предупреждали о заговорѣ противъ него, онъ отвѣчалъ: не осмѣлятся [3]),—фатальное слово, которое должно было погубить Густава III и которое погубило Цезаря. Въ свою очердь и Гизъ погибъ вслѣдствіе глубины своего презрѣнія. Оно ослѣпляло его до послѣдняго момента; и онъ не оставилъ своего отвращенія даже тогда, когда, поднимая бархатную портьеру, за которою скрывался убійца, онъ почувствовалъ на себѣ двадцать сабельныхъ ударовъ [4]).

Послѣ этого уже ясно можно было видѣть, что герцогъ Гизъ былъ для лиги орудіемъ, а не цѣлью. Весьма далекіе отъ того, чтобы уступить, члены лиги удвоили энергію и подобно тому, какъ они пользовались жизнью ихъ главы, также воспользовались и его смертью. Весь

---

[1]) См. подробности о днѣ баррикадъ въ Mémoires de la Ligue, t. II, p. 315 et suiv.

[2]) Ibid., p. 317.

[3]) L'Estoile, Journal de Henri III, t. I, p. 375.

[4]) См. различные разсказы о смерти герцога Гиза въ Palma Cayet, Chronologie novénaire, Introduction, p. 463 et suiv.

Парижъ въ слезахъ; эта всеобщая скорбь, эти восковыя изображенія, проткнутыя кинжалами, которыя выставлялись на алтаряхъ и на улицахъ; эти толпы, которыя во храмахъ, по голосу разъяренныхъ проповѣдниковъ, поднимали руки и клялись умереть; эти сотни тысячъ факеловъ, которые носились по городу, а затѣмъ тушились и бросались на землю, въ то время какъ къ небесамъ возносились мстительные крики: «Боже потуши расу Валуа» [1]):—все это не доказывало ли любовь партіи къ убитому человѣку? Нѣтъ и нѣтъ. Члены лиги нуждались въ домѣ Гизовъ, какъ армія нуждается въ знамени; вотъ почему они призвали герцога Майенскаго, вотъ почему купеческій голова и эшевены поторопились взять посмертнаго ребенка Гиза, были воспріемниками его при крещеніи и назвали его Парисомъ Лорренскимъ [2]).

Извѣстно, до какой степени было демократично и революціонно послѣдовавшее затѣмъ движеніе. Для того, чтобы составить себѣ правительство, народъ избралъ совѣтъ сорока; Сорбонна, провозгласивъ низложеніе короля, дала только свойственную тому времени форму тому приговору, который произнесенъ былъ на площади шестнадцатью; и одинъ изъ нихъ Бюсси Леклеркъ отвелъ арестованныхъ членовъ парламента въ Бастилію, двери которой открылись на другой день, какъ бы для подтвержденія того, что въ Парижѣ существуетъ только одна истинно законная власть, именно народъ [3]). Въ тоже время распространились во всѣхъ сочиненіяхъ лиги слѣдующія правила: «воля Божія дѣлаетъ королей; а эта воля Божія есть гласъ народа, который ее провозглашаетъ» [4]).—«Король еретикъ, король преступникъ могутъ и должны быть низлагаемы» [5]).—«Королевская власть во Франціи избирательна» [6]).—«Дворянское достоинство только лично: тотъ не дворянинъ, кто недобродѣтеленъ» [7]).

---

[1]) Palma Cayet, Chronologie novénaire, t. II, p. 1 et suiv.—L'Estoile, Journal de Henri III, p. 1, 379 et suiv. — Labitte, de la Démocratie chez les prédicateurs de la Ligue, chap. I, p. 45.

[2]) Palma Cayet, t. II, p. 3.

[3]) Ibid., t. II, p. 7 et suiv.

[4]) Pigenat, curé de Saint-Nicolas des Champs, de l'Aveuglement et grande inconsidération des Politiques, chap. I. MDXCII.

[5]) Boucher, curé de Saint-Benoit, de justa Henrici III abdicatione, lib. 1, cap. IX, p. 11.—Pigenat, chap. III, p. 41.

[6]) Dialogue du Maheustre et du Manant, t. III, de la Satire Ménippée, p. 376.

[7]) Ibid., p. 556.

Конечно въ эту эпоху были ужасающія декламаціи: священники прославляли месть и проповѣдывали цареубійство, потрясая крестомъ. Жанъ Буше, священникъ при Сенъ - Бенуа, Кюльи, священникъ при Сенъ-Жерменъ Оксерруа, Гинсетръ, священникъ при Сенъ-Жерве и двадцать другихъ проповѣдниковъ, не менѣе горячихъ, приготовили трагедію совершившуюся въ Сенъ-Клу; и ихъ страшныя заклинанія еще отдавались въ душѣ Жака Клемана, когда онъ, получивши напередъ въ объятіяхъ мадамъ Монпансье плату за свое убійство, бѣжалъ убивать Генриха III. Но осуждая ту ярость, которую внушалъ мрачный геній лиги, обыкновенно забываютъ, что онъ также породилъ героизмъ.

И напримѣръ можетъ ли быть что-либо поразительнѣе того постоянства, съ которымъ члены лиги защищали Парижъ противъ побѣдителя при Иври и противъ голода? Столица доведена была до такой ужасающей крайности, что 50 тысячъ человѣкъ погибли отъ голода [1]. Хлѣбъ приготовлялся съ костями. На пустынныхъ улицахъ на трупахъ ползали ужи. Одна мать съѣла своего ребенка [2]; и несмотря на это, не раздалось ни одного голоса, который бы говорилъ о необходимости сдаться. Только одинъ изъ проповѣдниковъ Панигароль поколебался-было на минуту; но его пристыдили за его страхъ и онъ долженъ былъ очистить себя проповѣдью, начинавшеюся такъ: война, война, война. Священники продавали священные сосуды и переливали колокола въ пули; они являлись съ алебардами и щитами въ процессіяхъ, о которыхъ нужно судить по производимому ими эффекту, а не по пристрастнымъ шуткамъ въ Satire Ménippée; нѣкоторые же священники, какъ напр. Эдмъ Бургоинъ, сражались какъ солдаты и умерли мучениками [3].

Безполезная экзальтація! Послѣдняя вспышка пламени, которое передъ своимъ потуханіемъ оживилось въ послѣдній разъ! По прибытіи герцога Пармскаго, король Наваррскій снялъ осаду; но лига тѣмъ неменѣе осуждена была на погибель; потому что зародышъ ея разрушенія лежалъ въ ней самой. Стараться спасти принципъ авторитета, соединяя взгляды Григорія VII съ преждевременнымъ развитіемъ демократіи,—это была попытка, неслыханная въ исторіи; подобныхъ ана-

[1]) Procès-verbaux des états généraux de 1593, par M. Auguste Bernard, Préface, p. XLII.

[2]) См. объ осадѣ Парижа Mémoires de la Ligue, t. IV, p. 296 et suiv.; Palma Cayet, t. III, p. 99; Labitte, p. 123.

[3]) Одинъ изъ самыхъ горячихъ порицателей лиги, Лабиттъ, признаетъ это.

хронизмовъ не терпитъ исторія. Лига въ одно и тоже время и слишкомъ далеко ушла назадъ въ прошедшее и слишкомъ далеко ушла впередъ въ будущее. Съ того самаго момента, когда стало очевиднымъ, что усиліе духовенства приноситъ пользу только демократіи, началось разложеніе лиги. Дворяне, первые основатели св. союза, удивились, увидавши его слѣдствія, которыхъ они сначала не ожидали, и устрашенные отступили назадъ [1]), когда услышали, что слово равенства исходитъ изъ устъ этого народа, орудія ихъ Бога. Прелаты знатнаго происхожденія стали опасаться бурной популярности священниковъ, такъ что лига наконецъ считала въ своихъ рядахъ пятнадцать епископовъ на сто четыре [2]). Самъ Сикстъ V отнялъ назадъ руку, которую онъ протянулъ-было членамъ лиги, находя, что они преданы демократіи. Оставались только священники Парижа; но и они не всѣ имѣли въ сердцѣ то уваженіе къ народу, какое выражалось въ ихъ проповѣдяхъ. Что подумать о демократической ревности Жана Буше, читая въ его книгѣ, написанной по-латинѣ, и только для ученыхъ людей, слѣдующее: «не должно понимать подъ словомъ народъ эту безпорядочную и нестройную толпу, этого звѣря со многими головами, которая позволяетъ руководить собою всякому, кто превосходитъ ее яростію и безуміемъ» [3]).

Ясно видно по всему, что сила вещей приводила къ торжеству политиковъ. На ихъ сторонѣ были: гугеноты, которыхъ они поглотили; милый и воинственный геній князя Беарне, ихъ главы; антифранцузскій характеръ, который сообщило ихъ врагамъ своекорыстное покровительство Филиппа II; тайныя симпатіи и подземныя интриги парижскаго парламента, того самаго парламента, который 30 генваря 1589 года торжественно присоединился къ союзу и который, во время осады столицы, запретилъ говорить о мирѣ съ королемъ Наваррскимъ [4]). Кромѣ того, политики были поддерживаемы и возвышаемы той таинственной и непреодолимой силой, которая хотѣла, чтобы совѣсть человѣческая объявлена была свободною.

Итакъ лига должна была быть поглощена естественнымъ теченіемъ исторіи, и настоящимъ разрушителемъ ея былъ ея собственный

---

[1]) Dialogue du Maheustre et du Manant, p. 470.

[2]) Ibid., p. 425.

[3]) Quae bellua multorum capitum est, etc.... De justa Henrici III abdicatione, cap. IX, p. 11.

[4]) Procès-verbaux des états de 1593, Préface, p. XLII.

глава, герцогъ Майенскій. Введя въ совѣтъ сорока четырнадцать членовъ тайныхъ враговъ верховной власти народа, герцогъ Майенскій приготовилъ разрушеніе власти шестнадцати: онъ совершенно разрушилъ ее, когда подъ предлогомъ наказанія убійства президента Бриссона казнилъ четырехъ изъ этихъ народныхъ предводителей. Это значило уничтожить то, что представляло революціонную демократическую сторону лиги; это значило извратить ее; потому что вся она состояла въ попыткѣ тѣснаго союза между церковью и площадью, между священникомъ и человѣкомъ народа.

Развязка этой великой драмы происходила, какъ извѣстно, въ собраніи сословій 1593 года, созванныхъ для избранія короля. Кому дать корону, колебавшуюся между домомъ Лорреня, испанской инфантой, внучкой Генриха II и княземъ Беарне? Вопросъ былъ рѣшенъ отреченіемъ отъ кальвинизма главы политиковъ и Беарне сдѣлался Генрихомъ IV.

Но сдѣлавши своего врага католикомъ, лига, которая казалась побѣдительницею, на самомъ дѣлѣ была побѣждена окончательно и безвозвратно; потому что обращеніе Генриха IV не было искреннимъ.

И это именно придаетъ ему совершенно особенную историческую важность. Генрихъ IV, писавшій Габріели Этре, что онъ хочетъ сдѣлать опасный скачекъ, и говорившій, что Парижъ очень стоитъ католической обѣдни, возвелъ съ собою на тронъ индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи. Франція выиграла вслѣдствіе этого нантскій эдиктъ, первую форму того ученія, которое должна была довершить философія XVIII вѣка, первый шагъ къ освобожденію личности.

Такимъ образомъ вступленіе Генриха IV въ Парижъ было привѣтствуемо какъ начало новой эры. Лига была поражена; ее осыпали оскорбленіями. Ея исторія, написанная побѣдителями, на другой день послѣ побѣды, есть ничто иное, какъ блестящій и горькій памфлетъ. Въ то время, какъ Dialogue du Maheustre et du Manant, важное меланхолическое завѣщаніе умирающей лиги, подвергался забвенію, Satire Ménippée пріобрѣла важность книги, сочиненной по случаю побѣды; хотѣли, чтобы потомство вѣрило ей; и лига, осужденная протестантскими писателями и карикатурно изображенная въ остроумномъ памфлетѣ, представлялась только безпокойной шайкой, жадной, смѣшной и продавшейся испанскому королю. Забываютъ при этомъ, что большая часть изъ шестнадцати и именно Компанъ, Котбланшъ, Ашари, Декрель вступили въ союзъ

богатыми, а вышли изъ него разоренными [1]), что когда парламентъ, послѣ пораженія ихъ, началъ слѣдствіе противъ нихъ въ декабрѣ 1591 года, то не нашлось ни одного свидѣтеля для обвиненія ихъ [2]); что продажность лиги была исключеніемъ, а не правиломъ; что большая часть золота, даннаго Филиппомъ II, была поглощена издержками на войну; что въ союзѣ приверженцы испанской кандидатуры были въ меньшинствѣ и что эта кандидатура никогда не имѣла серьезныхъ шансовъ, какъ объ этомъ писалъ герцогу Савойскому членъ лиги Панигароль [3]); что наконецъ въ собраніи сословій претензіи Филиппа II не имѣли противника болѣе одушевленнаго и болѣе краснорѣчиваго, какъ знаменитый членъ лиги Гильомъ Розъ.

Въ дѣйствительности лига произвела то, что почти всегда производятъ горячія вѣрованія, чрезмѣрно экзальтированныя, т. е. отвратительныя крайности и геройское самопожертвованіе; но она взяла на себя невозможное, стараясь поддержать однѣ другими—идеи религіозныя, которыя жизнь уже оставляла, и идеи политическія, для которыхъ не пришло еще время.

Дѣло, согласное съ духомъ эпохи, было сдѣлано Генрихомъ IV, когда онъ нантскимъ эдиктомъ возложилъ на государство обязанность поддерживать вѣротерпимость. Впослѣдствіи, когда явились философы XVIII вѣка, Генрихъ IV сдѣлался героемъ Вольтера; а изъ терпимости въ дѣлѣ религіи мыслители, предводимые Вольтеромъ, вывели послѣдовательно раціонализмъ въ философіи, правленіе съ гарантіями въ политикѣ и невмѣшательство (laissez-faire) въ промышленности.

Вотъ какимъ образомъ утвердился во Франціи индивидуализмъ, освободившійся отъ теологической формы, которую далъ ему Лютеръ, и отъ насильственнаго характера, которымъ запечатлѣлъ его Кальвинъ. Онъ долженъ былъ завоевать общество; но для этого нужно было, чтобы буржуазія, которой онъ принадлежалъ спеціально, сдѣлалась господствующимъ классомъ. Вторая книга этого тома и будетъ посвящена изложенію возвышенія и господства буржуазіи.

---

[1]) Dialogue du Maheustre et du Manant, p. 430.

[2]) Ibid., p. 479.

[3]) Labitte, p. 102.

КНИГА ВТОРАЯ.

БУРЖУАЗІЯ.

Прогрессъ того класса общества, господство котораго основывалось на индивидуализмѣ.

Подъ буржуазіею я понимаю совокупность гражданъ, которые, владѣя орудіями труда или капиталомъ, работаютъ на счетъ своихъ собственныхъ ресурсовъ и только въ нѣкоторой мѣрѣ зависятъ отъ другихъ.

Эти граждане болѣе или менѣе свободны.

Народъ есть совокупность гражданъ, которые, не владѣя никакимъ капиталомъ, вполнѣ зависятъ отъ другихъ даже въ томъ, что касается первыхъ потребностей жизни.

Эти граждане свободны только по имени.

Буржуазія развилась во Франціи удивительнымъ образомъ. Она задумала великіе планы, оказала человѣчеству великія услуги и при пособіи народа совершила великія дѣла. Но ей нужно было признать и принять помогавшій ей народъ какъ своего брата; однако она не поняла этого въ 1789 году, что и породило послѣдовавшую затѣмъ бурю. Прежде чѣмъ излагать, какое употребленіе сдѣлала буржуазія изъ пріобрѣтенной ею силы, необходимо показать, какимъ образомъ была пріобрѣтена и утверждена эта сила.

Слѣдя внимательно за развитіемъ французской буржуазіи, мы видимъ, что она достигла слѣдующихъ цѣлей:

Пріобрѣла гражданскія права посредствомъ общинъ;

Пріобрѣла политическую власть посредствомъ общихъ собраній сословій;

Достигла независимости отъ духовенства въ свѣтской жизни посредствомъ парламентовъ;

Пріобрѣла верховную власть въ промышленности посредствомъ цеховъ мастерствъ.

При помощи общинъ она разрушила феодальную аристократію;

При помощи общихъ собраній сословій ей удалось поработить королевскую власть;

При помощи парламентовъ она свергла иго церкви;

При помощи мастерствъ и цеховъ она достигла господства надъ народомъ.

Мы и будемъ слѣдить за буржуазіею въ этихъ различныхъ фазахъ ея развитія. Но такъ какъ только двѣ первыя изъ этихъ фазъ совершились въ то время, когда протестантизмъ утвердился во Франціи, то мы и будемъ заниматься въ настоящее время только ими. Двѣ послѣднія найдутъ свое мѣсто въ картинѣ XVIII вѣка.

ГЛАВА I.

Прогрессъ буржуазіи.

Общины.

Буржуа и крестьяне.—Феодализмъ прежняго времени; въ чемъ состояли его блескъ и его сила. — Общины суть ничто иное, какъ военная организація буржуазіи.—Феодализмъ побѣжденъ скорѣе общинами, чѣмъ королями.

Никто изъ тѣхъ, которые говорили о среднемъ сословіи, о его развитіи, о его судьбѣ, о блестящей роли, какую оно играло въ революціи 89 года, не сказалъ, что уже въ средѣ самого средняго сословія существовалъ зародышъ революціи, болѣе глубокой и страшной. Среднее сословіе не составляло ли собою класса, стоявшаго одною ступенью ниже дворянства? И ужели можно думать, что раздѣленіе общества на буржуа и пролетаріевъ есть фактъ только современный? Это было бы большой ошибкой.

Читая историческіе документы среднихъ вѣковъ, хартіи данныя общинамъ, или повелѣнія изданныя королями, мы вездѣ встрѣчаемъ у нихъ слова: буржуа и крестьяне. Это значитъ, что въ дѣйствительности ниже дворянства существовали два отдѣльные класса. «Подлыя лица простаго народа, говоритъ Луазо въ своемъ Traité des ordres, не имѣютъ права называться буржуа. Доказательство этого то, что они не имѣютъ участія въ городскихъ почестяхъ, ни голоса на собраніяхъ, въ чемъ и состоитъ буржуазія» [1]). Вотъ различіе, очень ясно выраженное.

[1]) Traité des ordres, chap. IX, n° 8.

Крестьяне это тѣ, которые не имѣли права участвовать въ дѣлахъ общины.

Право буржуазіи составляло привилегію. Это справедливо до такой степени, что можно было вообще сдѣлаться буржуа только исполнивши предварительно опредѣленныя формальности и удовлетворивъ извѣстнымъ условіямъ, которымъ не всѣ могли удовлетворять. Вотъ что мы читаемъ въ повелѣніи, изданномъ въ 1327 году Филиппомъ Красивымъ:

«Когда кто-нибудь хочетъ вступить въ какую-нибудь буржуазію, то онъ долженъ отправиться въ то мѣсто, гдѣ онъ хочетъ быть буржуа, и явиться къ мѣстному головѣ или его помощнику, и сказать ему: государь, я прошу у васъ буржуазіи въ этомъ городѣ и согласенъ исполнить все, что должно. Тогда голова, или его намѣстникъ, или меръ, въ присутствіи двухъ или трехъ буржуа города, имена которыхъ должны быть записаны, беретъ залогъ вступленія въ буржуазію съ условіемъ, что принимаемый построитъ или купитъ въ теченіе одного года и дня домъ цѣною, по крайней мѣрѣ, въ шестьдесятъ парижскихъ су.»

И не нужно думать, что это повелѣніе дѣлаетъ новое право; нѣтъ, оно только подтверждаетъ существовавшее право. Обратимся къ эпохѣ великой инсуррекціи общинъ и мы найдемъ въ хартіи Лаона, которая служила образцомъ для столькихъ общинъ, слѣдующую статью:

«Всякій принимаемый въ этотъ міръ (общину) долженъ въ теченіе года построить себѣ домъ, или купить виноградникъ, или принести въ городъ достаточное количество движимой собственности, чтобы онъ могъ удовлетворять юстицію, если противъ него будетъ какая-нибудь жалоба.»

Въ средневѣковой Франціи, столь мало сплоченной, столь разорванной, въ которой города жили отдѣльно одни отъ другихъ, общины были столь различны и въ которой не было даже единства языка, было совершенно естественно, что право буржуазіи не вездѣ пріобрѣталось посредствомъ совершенно одинаковыхъ условій. Такъ напр., чтобы сдѣлаться буржуа, нужно было платить по обычаю въ Кале сумму въ двадцать пять су, а по обычаю въ Мецѣ въ сорокъ су. Въ общинѣ Горги нужно было платить четырнадцать патаровъ; а въ Ньспорѣ опредѣленіе цѣны буржуазіи предоставлено было на произволъ эшевенамъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ буржуазія пріобрѣталась бракомъ, въ другихъ давностію, а въ иныхъ наконецъ для пріобрѣтенія права буржуазіи достаточно было быть только сыномъ буржуа. Но общій, рѣзкій, неоспоримый фактъ, вытекающій изъ различія этихъ обычаевъ, есть тотъ, что между буржуа и крестьянами существовала раздѣльная граница.

«Когда буржуа, говорится въ обычаѣ Горги, наслѣдуетъ другому буржуа, тогда онъ долженъ платить за право выхода тринадцатый динарій изъ стоимости имуществъ, находящихся въ сказанномъ городѣ.»

Установивши эти факты, я утверждаю, что буржуазія разрушила феодализмъ посредствомъ общинъ.

Какая удивительная борьба происходила между сеньерами и общинами! Какая странная эпопея! Съ одной стороны купцы, ремесленники, дѣти побѣжденныхъ, волнующіеся подъ наслѣдственною цѣпью; а съ другой воины, имѣющіе вкусъ къ приключеніямъ, одушевляемые неукротимою гордостью и носящіе въ крови любовь къ сраженіямъ. Было совершенно естественно, чтобы изъ этихъ двухъ обществъ, вступившихъ между собою въ борьбу, было побѣждено первое.

Отчего же случилось противное? Послѣ 1789 года къ феодализму относились съ чисто дѣтскимъ отвращеніемъ. Однако посмотрите, какова была сила, которую почерпало въ безкорыстіи и живости своей вѣры это феодальное общество, на которое такъ нападали! Въ концѣ XI вѣка одному монаху пришло въ голову, что нужно освободить христіанъ св. земли и вырвать изъ рукъ невѣрныхъ гробъ Спасителя людей. Онъ проповѣдуетъ это и вдругъ феодальное общество охватывается героическимъ порывомъ. Не было тогда административной системы, которая бы могла двигать его, какъ цѣлое; не было политической связи, которая бы соединяла различныя его составныя части. Несмотря на это, оно поднимается въ одинъ день, почти въ одинъ часъ; оно возстаетъ, соединяемое только силою моральной связи, чтобы идти въ неизвѣстную страну. Странники берутъ каски и прощаются съ своими жилищами, можетъ быть, навсегда, оруженосцы ждутъ, лошади боевыя ржатъ, знамена развѣваются, наконецъ армія двинулась въ походъ. Производила ли когда-нибудь наша новая цивилизація, столь ученая, столь дѣятельная, особенно во Франціи, движеніе, болѣе энергическое и болѣе страстное?

Къ этой моральной силѣ, возникшей изъ горячей вѣры, присоединилась другая сила, возникающая изъ самоотверженія. Никогда самоотверженіе не имѣло столь сильнаго и столь плодотворнаго дѣйствія какъ въ средніе вѣка. Рыцарство не было учрежденіемъ; оно не имѣло въ своемъ началѣ ничего систематическаго, а было естественнымъ продуктомъ феодальныхъ нравовъ, нравовъ наивныхъ, образовавшихся изъ непонятнаго смѣшенія жестокости съ нѣжностью. «Клянусь—говорилъ молодой человѣкъ принятый въ рыцари—поддерживать право слабѣйшихъ, вдовъ, сиротъ и дѣвицъ въ правой борьбѣ.» Извѣстно, что на-

канунѣ или за день до своего пріема принимаемый долженъ былъ надѣвать красную одежду. Это символическое обозначеніе кровавой роли, эту эмблематическую одежду онъ надѣвалъ только по выходѣ изъ ванны; потому что нужно быть чистымъ для того, чтобы жертвовать собою. Прослѣдите эти формальности до конца и вы найдете, что все въ нихъ просто и трогательно, полно граціи и величія: принимаемый отправляется въ церковь, становится на колѣна передъ старшимъ, который долженъ посвятить его въ рыцаря и который говоритъ ему: «съ какимъ намѣреніемъ хотите вы вступить въ орденъ? если для того, чтобы обогатиться, чтобы найти покой и почести, не дѣлая чести рыцарству, то вы недостойны его.» Вотъ откуда вытекали эти преданія благородства, столь свято сохранявшіяся, вотъ откуда это покровительство, оказывавшееся въ теченіе столь долгаго времени несчастнымъ.

Нравы тогда были безъ сомнѣнія грубы и однакоже среди этого разгара грубыхъ страстей, которымъ давалъ новую пищу обычай частныхъ войнъ, мы видимъ, что женщина пользуется страстнымъ покровительствомъ, почитается наравнѣ съ Богомъ и становится всемогущею по своей слабости. На турнирѣ въ Кариньянѣ въ Пьемонтѣ, Баяръ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своей исторіи, отказался принять призъ, который онъ заслужилъ, увѣряя, что для него самой лучшей наградой была муфта, которую дала ему его дама. Историкъ прибавляетъ, что муфта была возвращена назадъ дамѣ.

Что можетъ быть страннѣе этой верховной власти, тихой, улыбающейся, драгоцѣнной по своей слабости и парившей надъ бурнымъ царствомъ меча? Что этотъ культъ женщины возникъ изъ христіанской философіи, это несомнѣнно; но это была одна изъ заслугъ феодализма, что онъ такъ легко проникся христіанствомъ.

Итакъ феодальное общество является намъ въ исторіи опирающимся на три великія силы, которыя упрочиваютъ общества: вѣру, самоотверженіе и любовь.

Изучите исторію феодализма въ отношеніяхъ между владѣтелями феодовъ и вы будете поражены тѣмъ, что есть въ нихъ благороднаго и моральнаго даже въ самомъ неравенствѣ. Сюзеренъ долженъ былъ оказывать помощь и покровительство вассалу; вассалъ же обязанъ былъ быть вѣрнымъ и преданнымъ сюзерену. Таковы были условія, на которыхъ основывались феодальныя отношенія. Власть такимъ образомъ теряла то, что было въ ней суроваго, а повиновеніе — то, что было въ немъ унизительнаго. Эта взаимность обязанностей устанавливала между различными членами феодальной іерархіи единственный родъ равенства,

который возможенъ между сильнымъ и слабымъ въ обществѣ еще несовершенномъ. Но такъ какъ все-таки не было политическаго единства, не было въ центрѣ этого общества никакой власти, достаточно обширной для того, чтобы достигать всѣхъ оконечностей и проникать всѣ части, заставлять двигаться согласно весь механизмъ, то въ немъ были сильныя злоупотребленія и дикія страсти имѣли полный просторъ. Случалось, что большіе феоды увеличивались на счетъ малыхъ и покровительство, которое должно было оказываться вассалу, становилось предлогомъ узурпаціи и причиною тираніи; случалось, что право уступало, а сила торжествовала. Но эти насилія совершалисьтолько съ преодолѣніемъ многихъ препятствій. Если феодальная система имѣла свои злоупотребленія, то она имѣла также и свои гарантіи. Вассалъ, несправедливо притѣсняемый своимъ сюзереномъ, находилъ покровителя въ высшемъ сюзеренѣ, который большею частію заинтересованъ былъ въ его защитѣ; и сцѣпленіе всѣхъ этихъ маленькихъ королевствъ было таково, что они естественно приходили въ равновѣсіе.

Изучаемый въ отношеніяхъ сеньоровъ къ своимъ колонамъ и рабамъ, феодализмъ представляется въ гораздо менѣе благопріятномъ свѣтѣ. Здѣсь все произвольно и отвратительно; это—безразсудное злоупотребленіе силы и побѣды въ томъ, что есть въ немъ самаго ужаснаго. Но можно ли однако думать, что положеніе нынѣшнихъ пролетаріевъ гораздо лучше положенія тогдашнихъ рабовъ? Если эти рабы имѣли меньше достоинства, зато имѣли больше безопасности. Они могли безъ ужаса думать о завтрашнемъ днѣ. Если они стонали подъ суровой тираніей, то по крайней мѣрѣ они видѣли ее прямо; они, такъ сказать, касались ея руками; они могли назвать ее ея собственнымъ именемъ. До какой степени тягостнѣе то, что выражается въ настоящее время этимъ ужасающимъ и неопредѣленнымъ словомъ бѣдность. Свобода съ бѣдностью и одиночество — это тоже рабство и еще какое рабство!

Феодальный деспотизмъ находился въ людяхъ, а буржуазный деспотизмъ находится въ положеніи вещей: это таинственный деспотизмъ, который чувствуется вездѣ и не видэнъ нигдѣ, среди котораго люди гибнутъ, не умѣя дать себѣ отчета въ томъ злѣ, которое ихъ губитъ. Итакъ, если о непрочности системы нужно судить по великости бѣдствій, производимыхъ ею, то феодальная система не должна была бы имѣть меньше прочности, чѣмъ сколько имѣетъ система, возникшая на ея развалинахъ.

Мы видѣли, что феодальному обществу не доставало единства въ цѣломъ; но это самое было способно сдѣлать его прочнымъ. Един-

ство не можетъ существовать исключительно въ пользу дѣйствія, не служа въ тоже время въ пользу противодѣйствія. Вездѣ, гдѣ власть движется легко и сильно, тамъ революціонныя движенія бываютъ страшны и рѣшительны, если общество не чувствуетъ себя счастливымъ. Вообразите себѣ страну съ централизаціей, развившейся до излишества; власть въ ней будетъ сильна все время, пока она будетъ существовать. Но для измѣненія такого общества достаточенъ только одинъ ударъ. Феодальное общество имѣло тысячи головъ и невозможно было поразить ихъ однимъ ударомъ. Въ періодъ отъ X до XVI вѣка сколько было частныхъ потрясеній и послѣдовательныхъ толчковъ! И однакоже феодализмъ держался все время; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всѣ эти сеньоры жили среди своихъ земель разъединенно въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ: революціи должны были быть мѣстными, какъ сама тиранія, вызывавшая ихъ.

Но во всякомъ случаѣ феодальная система имѣла пороки, свойственные ей одной. Въ этой системѣ іерархія лицъ была составлена, какъ извѣстно, приспособительно къ іерархіи поземельныхъ владѣній. Феодальная служба должна была соотвѣтствовать величинѣ домена. Поэтому феодальная іерархія должна была рушиться въ то время, когда разрушилась бы территоріальная іерархія, служившая ей основою и образцемъ. Но могла ли держаться территоріальная іерархія, когда собственники имѣли право отчуждать свое имущество? Очевидно нѣтъ. Неотчуждаемость земель была слѣдовательно жизненнымъ принципомъ феодализма. Такимъ образомъ до временъ Валуа было строго запрещено дворянству продавать свои домены безъ позволенія короля. Но это запрещеніе существовало не долго. Его отмѣнили повелѣнія Валуа. Послѣ Гвидо Турнебю, владѣтеля Мези и Лезы, которому было дозволено въ 1292 году продать за опредѣленную сумму часть своихъ земель, дозволенныя отчужденія становились болѣе и болѣе частыми. Этимъ нанесенъ былъ смертельный ударъ феодальной системѣ. Это не могло быть иначе. Въ Германіи, въ Польшѣ, въ особенности въ Англіи феодализмъ былъ всегда силенъ и крѣпокъ; потому что въ этихъ различныхъ странахъ земля черезъ старшихъ сыновей оставалась за одними и тѣми же семействами, безъ раздѣленія и измѣненія; потому что права первородства и субституціи считались тамъ ненарушимыми; потому что территоріальная собственность наконецъ имѣла характеръ неподвижности и неотчуждаемости. Во Франціи трудно было сохраниться такому порядку вещей по причинѣ самого духа націи, духа безпокойнаго, подвижнаго, космополитическаго, который всегда увлекалъ владѣльцевъ далеко отъ

ихъ доменовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти владѣльцы были авантюристами, отъ самого рожденія презиравшими труды земледѣльческой жизни. У нихъ было такъ много нетерпѣливаго желанія отлучаться отъ своихъ земель изъ своихъ замковъ: то ихъ призывалъ турниръ, то экспедиція противъ Англіи, то какое-нибудь путешествіе, благочестивое и вмѣстѣ кровавое. Эта жизнь постоянно внѣ дома требовала громадныхъ издержекъ: нужно было имѣть хорошихъ лошадей, богатое вооруженіе, давать блестящіе праздники или наконецъ разоряться на любовь дамъ. Возвращаясь домой, всѣ эти храбрецы были обременены долгами. Начинались тяжбы, оканчивавшіяся отчужденіемъ земель. Королевская власть очень охотно допускала все это изъ ненависти къ дворянству; парламенты, вышедшіе изъ покореннаго народа, дѣлали еще круче покатость, которая вела къ пропасти ослѣпленныхъ потомковъ расы завоевателей. Итакъ въ феодальномъ устройствѣ, соединенномъ съ особенной природой французскаго духа, былъ радикальный порокъ, отъ котораго оно должно было погибнуть рано или поздо. И однакоже подобная система носила въ себѣ довольно живыхъ зародышей, чтобы продержаться долгое время, еслибы ея свободному развитію не противодѣйствовалъ посторонній элементъ. Феодализмъ палъ вслѣдствіе усилій буржуазіи, организовавшейся въ общины.

Много и весьма различно писалось объ общинахъ. Первый представляющійся здѣсь вопросъ состоитъ въ томъ, что такое были эти общины въ самомъ своемъ началѣ? Отвѣтъ на него написанъ во всѣхъ хартіяхъ [1]): общины были федераціями буржуа, обязывавшихся клятвою поддерживать другъ друга.

Что касается цѣли, которую имѣли буржуа, вступая въ союзъ между собою, то ее легко опредѣлить. Буржуа гнулись подъ тяжестію произвольныхъ налоговъ; у нихъ было отнято право дѣлать завѣщанія; они не могли, не купивши согласія сеньора, опредѣлять своихъ дѣтей въ духовное званіе или выдавать замужъ своихъ дочерей; словомъ, они не пользовались вполнѣ ни однимъ изъ правъ, изъ которыхъ слагается гражданская свобода. И вотъ города соединились въ общины для того,

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ; всѣ ихъ привести невозможно. Хартія Бре: «Omnes communiam jurabunt.» Rec. des ordonn., t. XI, p. 296.—Хартіи Компьени и Креспи въ Валуа: «Juraverunt quod alter alteri secundum opinionem suam auxiliabitur.» Rec. des ordonn., t. XI, p. 241 et 305.—Хартія Дурлана: «Unusquisque jurato suo fidem, vim, auxilium consiliumque praebebit.» Rec. des ordonn., t. XI, p. 311.

чтобы получить эти различныя права и въ тоже время пріобрѣсти военную силу, которая должна была заставить уважать ихъ. Это также доказывается хартіями [1]).

Огюстенъ Тьерри по-моему ошибается насчетъ свойства и важности общиннаго движенія, когда онъ говоритъ: «для гарантіи своей ассоціаціи члены общины составляли сначала безпорядочно, а потомъ правильнымъ образомъ — избирательное правительство, походившее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на муниципальное правленіе римлянъ, а въ другихъ отношеніяхъ отличавшееся отъ него» [2]). Это избирательное правительство не имѣло никакой связи съ образованіемъ общинъ. Почти во всѣхъ городахъ Галліи оно существовало гораздо прежде, чѣмъ возникло общинное движеніе, изъ котораго выводитъ его Огюстенъ Тьерри. Просмотрите хартіи, эту единственную исторію общинъ, вы не найдете въ нихъ ничего, что бы относилось или къ избранію буржуа, мера и эшевеновъ, или къ правамъ мѣстной магистратуры. Правда, въ нихъ говорится о старшемъ, о присяжныхъ, но какъ о должностныхъ лицахъ, власть которыхъ уже давно признана и которую не нужно было ни создавать, ни даже опредѣлять. Это и замѣчено Гизо относительно хартіи Лаона [2]); но если внимательно просмотрѣть Recueil des ordonnances, то можно увидѣть, что то, что справедливо относительно хартіи Лаона, примѣняется и ко всѣмъ другимъ хартіямъ, возникшимъ вслѣдствіе возстанія буржуа противъ сеньоровъ. Только въ новыхъ городахъ, гдѣ все нужно было учреждать снова, мы находимъ правила относительно управленія города муниципальными чиновниками. Повторяю, если города соединились въ общины, то это было для того, чтобы прі-

---

[1]) Хартія, данная Филиппомъ Августомъ, въ 1189 г., городу Санъ, стат. 12. «Mortuas autem manus omnino excludimus.» Rec. des ordonn., t. XI, p. 262.— Хартія данная, въ 1182 г., городу Шомону, стат. 1: «Ut omnes qui in eadem permanent communitate ab omni tallia... liberi et immunes jure perpetuo permaneant.» Rec. des ordon., t. XI, p. 225.—Хартія Суассона, стат. 5: «Homines etiam communionis hujus uxores quascumque voluerint, licentia a dominis requisita, accipient, et si domini hoc concedere noluerint et abs que consensu et concessione domini sui aliquis uxorem alterius potestatis duxerit, et si dominus suus in eum implacitaverit, quinque tantum solidis illi nde emendaverit.» Rec. des ordonn., t. XI, p. 219.—Огюстенъ Тьерри, приводя послѣднюю статью хартіи Суассона, опустилъ слово tantum. Это опущеніе важно; потому что оно именно выражаетъ границу, ставившуюся претензіямъ сеньора.

[2]) Lettres sur l'histoire de France, p. 256.

[3]) Cours d'histoire moderne, p. 183.

обрѣсти свободное развитіе гражданской и военной жизни, а не для того, чтобы получить муниципальныя вольности, которыя они имѣли уже давно.

Историки весьма ошибались, смѣшивая исторію муниципалитетовъ съ исторіею общинъ. Это двѣ совершенно различныя исторіи. Общины вовсе не имѣютъ административнаго характера; онѣ по сущности своей имѣютъ характеръ военный. Феодализмъ основалъ свою власть мечомъ; итакъ и разрушать его нужно было мечомъ. Когда установились феоды, то военныя занятія были позволены только тѣмъ, которые жили благородно [1]); учрежденіе же общинъ вытекло изъ необходимости измѣнить наоборотъ эту угнетающую привилегію. Всѣ историческіе документы XII вѣка показываютъ существенно военный характеръ общинъ. Такимъ образомъ они имѣли право мира и войны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. По хартіи Вильнёва въ Бовуази никто не могъ во время экспедиціи давать взаймы деньги непріятелю общины; а хартія Бове запрещала всякому буржуа говорить съ врагомъ общины во время войны [2]). Всякій житель Руана долженъ былъ, по приказанію городскихъ властей, выходить изъ города съ оружіемъ; ослушникъ наказываемъ былъ штрафомъ или разрушеніемъ его дома. Наконецъ въ хартіи Ройе читаемъ, что если кто-нибудь причинитъ вредъ общинѣ и послѣ требованія мера откажется вознаградить за него, то меръ долженъ отправиться, во главѣ гражданъ, къ жилищу виновнаго и разрушить его, и король обѣщалъ свою помощь, если виновный скрывался въ укрѣпленномъ мѣстѣ, которымъ не могли завладѣть члены общины [3]). Такимъ образомъ война нетолько была правомъ общинъ, но была ихъ обязанностію. Сюже разсказываетъ, что когда Людовикъ Толстый осаждалъ Тюри, то общины приходовъ этой мѣстности принимали участіе въ осадѣ. Какой смыслъ имѣло бы здѣсь слово общины, еслибы оно не было синонимомъ слова милиціи. Ордерикъ Виталь, авторъ современный основанію общинъ, говоритъ формальнымъ образомъ, что обязанность военной службы была единственною цѣлью общинъ [4]). Онъ прибавляетъ: «послѣ царствованія Филиппа I Людовикъ VI принужденъ былъ вымаливать помощи отъ всѣхъ епископовъ Франціи, чтобы остановить грабежи и разбои, опустошавшіе его королевство. Это было

[1]) Traité de la noblesse, par de La Roque, chap. VII, p. 10.
[2]) Rec. des ordonn., t. XI, p. 624.
[3]) Ibid., p. 228.
[4]) Collection des histoires de Normandie, par Duchesne.

въ то время, когда основались общины.» Въ своемъ замѣчательномъ предисловіи къ XI тому Recueil des ordonnances, ученый Бреквиньи подозрѣваетъ, что Ордерикъ Виталь, писавшій въ глубинѣ монастыря, дѣлаетъ здѣсь слишкомъ много чести епископамъ; но каково бы ни было это мнѣніе, изъ приведеннаго нами мѣста ясно видно, что во время Ордерика Виталя общины считались вооруженной буржуазіею. Но вотъ еще новое и разительное доказательство. Когда городъ не имѣлъ общины, тогда онъ слѣдовалъ на войну за своимъ сеньоромъ, который по своимъ феодальнымъ обязанностямъ повиновался повелѣніямъ короля; когда же напротивъ городъ былъ въ общинѣ, тогда онъ обязанъ былъ военною службою непосредственно самому королю. Что заключить изъ этого, если не то, что право общины было предоставленное городамъ право вести войну помимо всякихъ правилъ феодализма. Наконецъ не были ли эти хартіи, освящавшія завоеванія буржуазіи, настоящими мирными трактатами? И есть хартіи, обозначенныя словами institutio pacis, учрежденіе мира [1]). Въ хартіи, данной въ 1112 году различнымъ мѣстамъ, зависѣвшимъ отъ аббатства Ориньи, читаемъ: habeant communiam pro pace conservanda, пусть они имѣютъ общину для сохраненія мира [2]). Ивесъ, епископъ Шартрскій, въ письмѣ къ Людовику VI, называетъ хартію Аміена pactum pacis, мирнымъ договоромъ [3]). Слово миръ всегда употреблялось какъ противоположное слову община. Наконецъ извѣстно, каковъ былъ, при второй династіи, составъ армій. Кавалерія состояла только изъ дворянъ. Пѣхота же доставлялась городами; но возложенная на города обязанность доставлять въ армію пѣхотинцевъ какъ разъ совпадаетъ съ учрежденіемъ общинъ и опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ настоящій характеръ. Посредствомъ общинъ буржуазія нетолько пріобрѣла себѣ защиту противъ феодальныхъ владѣльцевъ, но еще вошла въ составъ армій, пустила въ нихъ корни и незамѣтно привлекла къ себѣ часть военной силы.

Военная ассоціація, возникшая изъ узаконеннаго возстанія буржуа противъ сеньоровъ,—вотъ община.

Поэтому между общиною и муниципіей существуетъ глубокое различіе, которое до сихъ поръ не было понято, какъ намъ кажется.

Муниципія — это буржуазія, управляющая сама собою посредствомъ городскихъ властей, вышедшихъ изъ среды ея.

---

[1]) Rec. des ordonn., t. XI, p. 185.

[2]) Ibid., p. 308.

[3]) Yvon. Carnot. Epistolae, p. 446.

Община — это буржуазія, взявшаяся за мечъ для того, чтобы побѣдить феодализмъ, который стѣснялъ ея развитіе.

Вотъ очевидныя доказательства дѣйствительности этого различія. Хартія Гиза, данная въ 1279 году, предоставляетъ городу право имѣть выборныхъ судей, даетъ ему муниципальную власть. Но съ другой стороны запрещаетъ ему самымъ положительнымъ образомъ даже желаніе сдѣлаться общиной. Итакъ община и муниципія были двѣ вещи существенно различныя.

Огюстенъ Тьерри, въ своихъ Considérations sur l'histoire de France, привелъ хартію Гиза; но въ приведенномъ нами запрещеніи общины увидѣлъ только любопытный примѣръ ненависти и подозрѣній, которыя долгое время соединялись съ именемъ общины [1]). Это объясненіе очевидно недостаточно. Почему же эта ненависть относилась только къ слову? Не слово, а самую вещь ненавидѣли враги буржуазіи. И почему? Потому что община соотвѣтствовала не идеямъ муниципальной власти, выбора и городской магистратуры, но идеямъ возмущенія, страстной борьбы и войны.

Ліонъ всегда имѣлъ муниципальныя учрежденія и начало ихъ восходитъ ко временамъ римскихъ императоровъ. Но въ 1273 году парламентъ издалъ такое опредѣленіе: «Ліонъ никогда не имѣлъ ни университета, ни общины» [2]). Итакъ въ глазахъ составителей этого опредѣленія муниципія и общины были вещи совершенно различныя.

Можетъ быть, что слово община съ самаго начала было распространено и на тѣ счастливые города, которые безъ всякой борьбы получили хартіи, составленныя по образцу хартій сосѣднихъ городовъ, получившихъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ; что вслѣдствіе измѣненій, столь частыхъ въ исторіи языковъ, слово община мало по малу потеряло свое собственное и первоначальное значеніе, что наконецъ по своей новой физіономіи оно должно было замѣнить чисто римское выраженіе муниципія. Но тѣмъ неменѣе вѣрно и то, что для того, чтобы понять общины, открыть ихъ спеціальный характеръ, узнать ихъ историческую миссію, нужно обратиться прежде всего къ сочиненіямъ, современнымъ ихъ основанію, и къ хартіямъ, въ которыхъ собраны всѣ составныя черты ихъ существованія.

---

[1]) Considérations sur l'histoire de France, chap. V, p. 295.

[2]) Брекиньи, въ предисловіи къ VI тому Rec. des ordonn., приводитъ этотъ фактъ, не выводя изъ него никакихъ заключеній.

Такимъ образомъ, начиная съ XVI вѣка, эпохи, въ которую, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, совершенно палъ феодализмъ, слово община (commune) перестало употребляться и замѣнялось словомъ общинность (communauté) до 1789 года, когда первое возстановлено было снова и опредѣлено такимъ образомъ: «Французскіе граждане, разсматриваемые съ точки зрѣнія мѣстныхъ отношеній, возникающихъ изъ ихъ соединенія въ городахъ и въ извѣстныхъ округахъ въ территоріи деревень, образуютъ общины.»

Рейнуаръ написалъ книгу о Муниципальномъ правѣ; съ терпѣливымъ и искреннимъ любопытствомъ онъ прослѣдилъ во мракѣ первыхъ вѣковъ французской исторіи слѣды муниципальной системы римлянъ; и такъ какъ онъ находилъ даже въ XII вѣкѣ слѣды древнихъ муниципій, то онъ отнесъ союзы французскихъ общинъ ко времени раньше нашествія варваровъ, не признавая такимъ образомъ всего того, что было въ общинномъ движеніи самостоятельнаго, оригинальнаго и, такъ сказать, туземнаго.

Послѣ него Огюстенъ Тьерри, пораженный зрѣлищемъ великой борьбы, веденной средневѣковыми городами, думалъ, что въ этой борьбѣ заключалось возникновеніе буржуазіи, и поставилъ возстаніе городовъ точкою исхода того, что онъ называетъ дополнительною организаціею муниципальнаго правленія городовъ. Очевидная ошибка, потому что вообще тамъ, гдѣ основывалась община произвольнымъ образомъ, существовали уже меръ и эшевены, — наслѣдство, которое оставило городамъ Галліи римское общество.

Такимъ образомъ, не дѣлая различія, на которое мы указали, Ренуаръ и Тьерри, по нашему мнѣнію, оба сдѣлали въ обратномъ смыслѣ двѣ равно важныя ошибки. Одинъ приписалъ общинамъ то, что на дѣлѣ принадлежало муниципіямъ, а другой приписалъ муниципіямъ то, что принадлежало общинамъ.

Что касается Гизо, то онъ, не зная, какъ согласить эти двѣ противоположныя системы, пришелъ къ тому, что сталъ принимать для общинъ нѣсколько различныхъ началъ, составивши такимъ образомъ третью систему, довольно обширную для того, чтобы въ ней мнѣніе Ренуара могло найти себѣ мѣсто подлѣ мнѣнія Тьерри.

Да, общинная ассоціація была военной фазой существованія буржуазіи и больше ничѣмъ. Все доказываетъ это: обстоятельства упадка общинъ и законы ихъ образованія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какую эпоху общинная жизнь стала ослабѣвать и погасать? Въ какую эпоху исчезли эти хартіи, пріобрѣтенныя

съ такимъ трудомъ? Именно въ ту эпоху, когда феодализмъ, у котораго онѣ были исторгнуты, былъ обезоруженъ королями и упадалъ самъ собою.

Гизо былъ слишкомъ безусловенъ, когда ограничилъ феодальную эпоху X и XIV вѣками. «Посмотрите, — восклицалъ Монтень, говоря о феодализмѣ XVI вѣка, — на провинціи, удаленныя отъ двора, напр. на Бретань, на обстановку, на подчиненныхъ и служителей, на занятія, на штатъ и церемоніи удалившагося и домосѣда сеньора, выросшаго среди своихъ вассаловъ — и посмотрите на полетъ его воображенія; все здѣсь чисто по-царски: онъ слышитъ о своемъ государѣ только одинъ разъ въ годъ, какъ о царѣ персидскомъ, и признаетъ его только по старому родству, которое записано его секретаремъ.»

Итакъ феодализмъ сохранялъ еще нѣкоторый блескъ даже во времена Монтеня. Однако нужно согласиться, что XI, XII и XIII вѣкъ составляютъ самую выдающуюся часть феодальной исторіи. Въ это время уже не было той страшной путаницы, которая существовала при преемникахъ Карла Великаго, но не было еще и того симметрическаго порядка, на которомъ впослѣдствіи основалось все могущество королевской власти. Въ эпоху отъ X до XIV вѣка окончательно установилась іерархія феодовъ. Изъ глубины укрѣпленныхъ замковъ, построенныхъ на горахъ и окруженныхъ оврагами и пропастями, постоянно выходятъ безстрашные люди, жаждущіе добычи, не способные къ покою, и никакая человѣческая власть не имѣла еще права обуздать ихъ ярость или предупредить насиліе. Война вездѣ; строятъ укрѣпленія вокругъ церквей; роютъ рвы вокругъ монастырей; по всей Франціи виденъ феодализмъ на конѣ и въ оружіи.

Итакъ преимущественно въ эту-то эпоху общины должны были заявить свое присутствіе въ исторіи. И вотъ именно что случилось. Параллельно съ этою жизнію феодализма, столь дѣятельнаго, столь энергическаго, столь блистательнаго даже въ своихъ излишествахъ и разбояхъ, исторія показываетъ намъ существованіе общинъ настолько сильныхъ, настолько свободныхъ, настолько уважаемыхъ королями, насколько это возможно было для нихъ. Чтобы противодѣйствовать бродяжническому расположенію сеньоровъ, образовались буржуазныя милиціи. Заботиться о поддержкѣ укрѣпленій, о защитѣ города — это стало первою обязанностію муниципальныхъ офицеровъ. Меру принадлежатъ всѣ права коммеданта, подъ его надзоромъ находятся укрѣпленія и у него находились ключи города. Вездѣ образуются роты, вооруженныя луками и арбалетами, и порохъ былъ изобрѣтенъ только тогда, когда

роты стрѣлковъ увеличили ряды этихъ маленькихъ буржуазныхъ армій. Далѣе, что дѣлаетъ городъ, чтобы возбудить воинскій духъ между своими солдатами? Иногда имъ давали право носить королевскую ливрею, иногда ихъ освобождали отъ налоговъ, какъ это сдѣлано было въ XV вѣкѣ для арбалетчиковъ Парижа и Руана, то наконецъ устраивались праздники съ нарочною цѣлію поощрить почетными названіями: короля-ружья или короля-арбалета тѣхъ буржуа, которые отличались въ воинскихъ упражненіяхъ.

Такимъ образомъ отъ X до XIV вѣка военная сила феодализма имѣла противовѣсъ себѣ въ военной организаціи буржуазіи, или въ общинахъ. Если поэтому одна изъ этихъ двухъ силъ падетъ, то и другая не замедлитъ послѣдовать за нею за недостаткомъ дѣла для себя. Это и случилось.

Перенесемся мысленно къ концу XIII вѣка. Феодализмъ начинаетъ уже ослабѣвать. Вся его сила состояла въ его военной независимости. Но въ 1296 году Филиппъ Красивый далъ повелѣніе, которымъ воспрещалъ всѣ частныя войны до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться его война. Это было ограниченіе права войны въ пользу короны. Въ 1314 году запрещеніе, данное Филиппомъ Красивымъ, было возобновлено, а въ 1353 году явилось повелѣніе короля Іоанна, запрещавшее всѣ частныя войны подъ самыми строгими наказаніями. Всѣмъ этимъ обезоруживался феодализмъ.

Съ этого же момента и общины исчезаютъ изъ исторіи; пока феодализмъ угрожалъ городамъ съ высоты своихъ башенъ, они должны были оставаться вооруженными; въ это время и были общины. Когда опасность перестала, то можно было ограничиться тѣмъ, чтобы помѣстить на церковной колокольнѣ дѣтей, которые должны были извѣщать о приближеніи непріятеля; въ это время были только муниципіи.

Такимъ образомъ объясняется совершенно естественно то, чтó историки называютъ упадкомъ общинъ въ XIV и XV вѣкахъ. Въ тотъ моментъ, когда онѣ увидѣли, что имъ нѣтъ надобности существовать, онѣ рѣшились на смерть. Были такія общины, которыя, не желая платить ежегодную дань, цѣну, за которую жадные короли продали имъ хартію, требовали, чтобы ихъ избавили отъ права общины, какъ отъ тягости. Это напримѣръ сдѣлалъ въ 1325 году городъ Суассонъ. Правда другіе города менѣе охотно согласились на уничтоженіе порядка вещей, вызывавшаго въ нихъ славное воспоминаніе; но сопротивленіе ихъ не было ни общимъ, ни страстнымъ. Исчезновеніе общинъ было, собственно говоря, только добровольнымъ обезоруженіемъ буржуазіи.

Къ концу XV вѣка дѣло дошло уже дотого, что Карлъ VII могъ однимъ ударомъ и не встрѣтивши препятствій завладѣть военной силой буржуазіи посредствомъ образованія вольныхъ луковщиковъ, и военной силой феодализма посредствомъ образованія ордонансовыхъ ротъ. Это была громадная революція, но она была подготовлена уже съ давняго времени. Буржуазія не могла быть недовольна ею; потому что если она обнажила мечъ, то единственно только потому, что владѣтели феодовъ тоже постоянно держали мечъ надъ ея головою; но какъ только она перестала ожидать и бояться хищническихъ нападеній, то почему было ей не обратиться всецѣло къ мирнымъ трудамъ, на которыхъ должно было основываться ея преобладаніе? Одно только дворянство могло жаловаться на эту революцію; но оно не имѣло уже ни силы, ни молодой энергіи. Во внутренней борьбѣ, вызванной учрежденіемъ общинъ, оно собственными руками раздирало свои внутренности. Иностранныя войны еще болѣе увеличили это истощеніе, горькій плодъ гражданскихъ раздоровъ, и дворянство потеряло свою чистѣйшую кровь на роковыхъ равнинахъ Креси, Пуатье и Азенкура. Такимъ образомъ ни одинъ голосъ не возвысился для того, чтобы воспрепятствовать Карлу VII разорвать съ военнымъ прошлымъ Франціи. Франція была, такъ сказать, только одной шпагой и эта шпага отдана была въ руки короля. Тогда исчезла навсегда старая военная іерархія феодализма. Не было уже знаменныхъ рыцарей, обязанныхъ содержать пятьдесятъ вооружонныхъ человѣкъ и гордо распускавшихъ свое независимое знамя, не было уже болѣе еще низшихъ рыцарей, стоявшихъ съ своими скромными значками. Организація вооружоннаго феодализма поражена была въ самое сердце; и скоро все должно было подчиниться законамъ военнаго единства.

Это громадное сосредоточеніе матеріальныхъ силъ общества въ рукахъ одного человѣка было большею частію дѣломъ общинъ. Прежде всего, отнявши у дворянства исключительное право вести войну, общины разрушили самую сильную привилегію, которая могла служить основаніемъ угнетенія, а потомъ онѣ подали случай и предлогъ ко множеству маленькихъ войнъ, которыя безъ общинъ не возникли бы въ средѣ феодализма и которыя привели въ движеніе всѣ безпорядочные элементы, заключавшіеся въ немъ.

То, что сдѣлали общины для разрушенія матеріальнаго авторитета завоевателей Галліи, возведенія въ дворянскія достоинства сдѣлали для разрушенія ихъ моральнаго авторитета. Феоды не давали дворянскаго достоинства безъ согласія государя, говоритъ Ларокъ, въ своемъ

Трактатѣ о дворянствѣ, и дворянское достоинство вытекало изъ верховной власти, какъ рѣки вытекаютъ изъ моря.

Ордонансъ Блуа содержитъ въ себѣ слѣдующую 258 статью: «не-дворяне, покупающіе дворянскія имѣнія, не становятся по этому одному дворянами.» Изъ этого слѣдуетъ, что такъ какъ дворянство не можетъ пополняться само собою, то его блескъ долженъ былъ рано или поздно потеряться въ блескѣ королевской власти.

Что нужно было для того, чтобы отнять у дворянства его ореолъ? Возводить въ дворянское достоинство не-дворянъ. Короли имѣли на это право и пользовались имъ очень много.

Былъ ли дѣйствительно Филиппъ I, какъ обыкновенно думаютъ, первый изъ французскихъ королей, который давалъ граматы на дворянство? Правда ли, что онъ воспользовался этимъ правомъ въ пользу Эдъ-Мера, который согласился исполнить вмѣсто короля данный имъ обѣтъ путешествія въ Іерусалимъ къ святому гробу? Ларокъ считаетъ это сомнительнымъ.

Но какъ бы то ни было, возведенія въ дворянское достоинство были весьма рѣдки въ концѣ XIII и въ началѣ XIV в.; при Филиппѣ Красивомъ ихъ извѣстно три; при Людовикѣ X одно; при Филиппѣ Длинномъ четыре; при Филиппѣ Валуа пять.

Однако по мѣрѣ того, какъ падалъ феодализмъ, число пожалованій дворянствомъ увеличилось. Послѣ граматъ на дворянство появлялись эдикты, дававшіе дворянство. Въ 1564 году Карлъ IX создалъ двѣнадцать дворянъ, а въ 1568 — тридцать; Генрихъ III пошелъ еще далѣе: своимъ эдиктомъ 1576 года, сопровождавшимся многими различными деклараціями, онъ создалъ не менѣе тысячи дворянъ. И королевская власть не могла уже остановиться на этой покатой дорогѣ.

Но что особенно содѣйствовало моральному упадку потомковъ расы завоевателей — это возведеніе въ дворянство горожанъ. Послѣ Карла V, который пожаловалъ дворянство мерамъ, эшевенамъ или перамъ Пуатье, Рошели, Сенъ-Жанъ Анжели, Ангулема, слѣдовалъ Людовикъ XI, эта сильная и царская голова, данная Провидѣніемъ буржуазіи. При немъ пріобрѣли дворянство, въ лицѣ своихъ муниципальныхъ должностныхъ лицъ, города Туръ, Ніоръ, Коньякъ, Буржъ и Анжеръ.

Возведеніе въ дворянское достоинство ратушъ — какой страшный ударъ для блеска великихъ именъ! Неудивительно послѣ этого, что впослѣдствіи буржуазные писатели XVIII вѣка повторяли хоромъ слѣдующія слова Клода Эспильи: «дворяне не упали съ неба; нѣтъ ни од-

ного между ними, относительно котораго не оказалось бы, что начало его фамиліи гораздо древнѣе, чѣмъ начало его дворянства.»

Возведенія въ дворянство продолжали дѣло, начатое общинами; и феодализмъ, потерявшій свою шпагу, не могъ уже дольше сохранять своего ореола.

Само собою разумѣется, что въ граматахъ или эдиктахъ на дворянство большая часть королей видѣли только денежный источникъ. Уже въ 1354 году пріобрѣтеніе дворянскаго достоинства стоило Жану изъ Реймса тридцать золотыхъ экю, а въ слѣдующемъ году Эмери изъ Курса заплатилъ восемьдесятъ золотыхъ экю за право забыть свое происхожденіе.

Буржуазія однако не достигла еще въ XIV вѣкѣ высокой степени богатства. Когда впослѣдствіи буржуазія, вслѣдствіе промышленнаго развитія, пріобрѣла тѣ громадныя богатства, которыя пріобрѣли ей управленіе надъ обществомъ, короли уже не довольствовались тѣмъ, что продавали дворянство не-дворянамъ; они часто заставляли ихъ покупать его и доходили дотого, что выдавали дворянскія граматы съ пробѣлами на мѣстѣ именъ и фамилій. Такая жадность должна была погубить ихъ; потому что униженіе дворянства должно было повлечь за собою и униженіе трона.

Какъ бы то ни было, писатели, приписывавшіе разрушеніе феодализма политической мудрости королей, дѣлали странную ошибку. Это покровительство, которое короли оказывали общинамъ, эти граматы на дворянство, которыми они мало по малу возвышали буржуазію до уровня дворянства, были вообще съ ихъ стороны только средствомъ пріобрѣтать деньги. Феодальный принципъ былъ прямо побѣжденъ нетолько принципомъ монархическимъ, какъ это столько разъ говорилось и повторялось, но и принципомъ общиннымъ.

Но, къ несчастію, едва только буржуа увѣрились въ своей побѣдѣ, какъ все измѣнилось во внутреннемъ управленіи городовъ. Такъ какъ они взялись за оружіе только для своей защиты, такъ какъ силѣ ихъ суждено было развиться посредствомъ промышленности, а не посредствомъ войны, то они всецѣло погрузились въ заботы чисто меркантильныя. Нетолько они отъучились владѣть оружіемъ, но и потеряли вкусъ къ публичной жизни. Они мало чувствовали необходимость ея и опасались ея бурь. Они боялись, чтобы тѣ, которые жили у ногъ ихъ, не воспользовались въ свою очередь этою страшною силою агитаціи. Тогда-то возникла та любовь къ порядку, которая въ настоящее время характеризуетъ буржуазію, любовь безпокойная, которая имѣетъ свои

увлеченія, свои крайности. Традиціи ратушъ были забыты или оставлены съ презрѣніемъ. Сборный колоколъ оставался молча на башнѣ. Исчезло въ душахъ всякое геройское возбужденіе и вскорѣ тамъ, гдѣ существовали общины, оставались только муниципіи.

Итакъ, резюмируя все сказанное, мы можемъ опредѣлить слѣдующимъ образомъ ходъ развитія буржуазіи въ соціальномъ порядкѣ.

Организованная военнымъ образомъ посредствомъ общинъ, она оспариваетъ у феодализма матеріальную силу.

Обогатившись трудомъ, она открываетъ свой карманъ королямъ и посредствомъ купленныхъ ею граматъ на дворянство она отнимаетъ у дворянства часть его величія.

Предавшись, вслѣдствіе обезоруженія феодализма, мирнымъ и плодотворнымъ трудамъ, она даетъ своему промышленному генію крылья коршуна и неудержимо овладѣваетъ пространствомъ.

Такимъ образомъ все ей служитъ, все приноситъ пользу: и то, что она повидимому теряетъ, и то, что пріобрѣтаетъ; и во глубинѣ ея кажущихся пораженій были дѣйствительныя и великія завоеванія.

Однако когда феодализмъ палъ окончательно, то наслѣдство его досталось непосредственно не буржуазіи, а королямъ; но логика исторіи возьметъ свое. Когда философы буржуазіи кончатъ свое дѣло, тогда возникнетъ революція и подлѣ поверженнаго трона мы увидимъ возвысившуюся буржуазію.

ГЛАВА II.

ПРОГРЕССЪ БУРЖУАЗІИ.

Общія собранія сословій

(États généraux).

Буржуазія въ общихъ собраніяхъ сословій; народъ призванъ, но исключенъ.—Что сдѣлали общія собранія сословій и что они представляли?—Исторія Марселя.—Жакерія.—Общія собранія сословій обезпечиваютъ будущее торжество буржуазіи надъ королевскою властью.

Въ царствованіе Филиппа Красиваго въ обществѣ совершилась обширная революція: буржуазія стала возвышаться, а феодализмъ сталъ клониться къ упадку.

Сколько образовалось развалинъ въ теченіе нѣсколькихъ годовъ! Падаетъ нетолько папство, пораженное желѣзной перчаткой Колонны, нетолько клиръ, униженный королемъ, нетолько епископы, которымъ придверники парламента могутъ говорить съ королевскимъ повелѣніемъ въ рукахъ: «вы не можете входить сюда»; но вмѣстѣ съ слабѣющей религіозной силою падаетъ и феодализмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все, что давало силу и поэзію среднимъ вѣкамъ.

Въ чемъ состоялъ военный геній феодализма? Онъ состоялъ не въ искусствѣ предводительствованія войсками, для чего требуется наука объ осадахъ, смѣломъ маршѣ, искусно задуманномъ маневрѣ или строгомъ проведеніи законовъ дисциплины; а только въ томъ, что феодальные дворяне были мужественны, умѣли ѣздить на лошади и владѣть копьемъ. Военный феодализмъ по самой природѣ своей чуждался даже системы большихъ армій и далекихъ экспедицій. Потоки крови, безполезно пролитой во время крестовыхъ походовъ, слишкомъ жестоко доказали это. До Филиппа Красиваго и, за исключеніемъ крестовыхъ походовъ, дѣятельная жизнь феодализма слагалась только изъ малыхъ гражданскихъ войнъ. Но, расширяя правила св. Людовика, которыя впрочемъ не соблюдались, Филиппъ Красивый запретилъ гражданскія войны: важное нововведеніе; потому что войны изъ феодальныхъ, какими онѣ были доселѣ, сдѣлались національными. И превращеніе было столь быстрое, что значковый рыцарь не краснѣя получалъ, даже требовалъ жалованье въ двадцать су въ день [1]). Нужно было уже сражаться не по-одиночкѣ, а большими массами, нужно было, чтобы эти безстрашные и не привыкшіе къ дисциплинѣ рыцари имѣли дѣло съ фламандскими пѣхотными солдатами и наемниками изъ-за Ламанша. Это было для феодализма причиною навѣрной гибели.

Такимъ образомъ что мы видимъ? Уже при Филиппѣ Красивомъ тысячи дворянъ идутъ къ Куртре и тамъ гибнутъ въ грязномъ валу подъ ударами топоровъ ткачей изъ Бригге, между тѣмъ какъ ихъ наслѣдники пойдутъ умирать при Креси подъ ножами валлійскихъ горцевъ и при Пуатье подъ стрѣлами англійскихъ луковщиковъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ погибалъ феодализмъ.

До Филиппа Красиваго права сеньоровъ уважались, если и не считались не нарушимыми; и важный принципъ неотчуждаемости земель былъ только слабо потрясенъ повелѣніемъ Филиппа Смѣлаго относительно прі-

[1]) Ordonn., XI, p. 120 et suiv.

обрѣтенія не-дворянами феодальныхъ имуществъ. Но при Филиппѣ Красивомъ по всему королевству распространились сенешалы, бальи, прокуроры, имѣвшіе право вмѣшиваться по суду въ дѣла между кредиторами дворянами и должниками не-дворянами. Началось раздробленіе феодальной собственности. Возникло статское дворянство наряду съ дворянствомъ военнымъ; и говоря языкомъ маркиза Мирабо: «съ этой эпохи началось завоеваніе провинцій письменными принадлежностями.»

Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходило ограбленіе феодализма.

До Филиппа Красиваго существовалъ орденъ Тампліеровъ; и это было учрежденіе чисто феодальное. Сражаться и молиться, носить крестъ и мечъ, соединять въ поэтической и трогательной смѣси мужество рыцаря съ строгостью монаха и энтузіазмомъ пилигрима,—такова была цѣль Тампліеровъ. Итакъ этотъ орденъ былъ самымъ сильнымъ и возвышеннымъ выраженіемъ феодализма. Онъ представлялъ его въ двоякой формѣ: духа и матеріи, священника и воина. Что повреждепіе проникло въ среду этого знаменитаго франкъ-масонства; что вооруженные іезуиты мало по малу спустились съ высотъ мистицизма къ грубымъ суевѣріямъ и отъ безплодной экзальтаціи къ чувственнымъ наслажденіямъ; что они отреклись отъ Христа и плевали на крестъ во время пировъ, грязь которыхъ скрывалась темнотою,—все это составляло еще секретъ исторіи. Но во всякомъ случаѣ до Филиппа Красиваго ихъ пороки были покрыты мракомъ, а ихъ добродѣтели блистали. Но по приказанію этого государя они были безславно осуждены священниками, находившимися подъ вліяніемъ юристовъ. И были зажжены костры для самыхъ знаменитыхъ изъ крестоносцевъ.

Всѣмъ этимъ унижался феодализмъ.

Но замѣчательно, что въ основаніи всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ это царствованіе, лежитъ одно: потребность имѣть деньги.

Если Филиппъ Красивый научилъ королей свергать иго папства, то это было потому, что Бонифацій VIII въ своей буллѣ Clericis laicos не хотѣлъ, чтобы духовенство платило подати.

Если Филиппъ Красивый запрещалъ частныя войны, то это было потому, что война была для дворянъ только грабежомъ и опустошеніемъ и что среди этихъ постоянныхъ разбоевъ невозможно было никакое взиманіе налоговъ.

Если Филиппъ Красивый положилъ во Франціи начало административной централизаціи, то это потому, что безъ административнаго единства казна никогда не была бы полна.

Если Филиппъ уничтожилъ орденъ Тампліеровъ, то это потому,

что этотъ орденъ былъ очень богатъ, имѣлъ девять тысячъ домовъ, что онъ привезъ изъ святой земли такія суммы, что ихъ едва могли везти на десяти мулахъ [1]), и что при этомъ можно было поживиться большою добычею.

И что такое была вся жизнь Филиппа Красиваго, если не горячее и позорное исканіе всякихъ средствъ для пріобрѣтенія денегъ? То онъ покровительствуетъ евреямъ, позволяя имъ грабить бѣдныхъ, то онъ изгоняетъ ихъ, чтобы захватить себѣ награбленное ими. Онъ позволяетъ себѣ игру банкрота и портитъ монету. Для этого жаднаго, ненасытнаго человѣка управлять королевствомъ значило грабить его. При такомъ государѣ, когда всѣ дѣла были располагаемы для пріобрѣтенія денегъ, могла ли буржуазія не пріобрѣсти себѣ большей силы и важности? Кромѣ того все ей служило, все призывало ее на сцену. Не для нея ли былъ усовершенствованъ компасъ? Не для нея ли изобрѣтены векселя и обращеніе сдѣлалось столь быстрымъ? Посмотрите вокругъ трона: его окружаютъ уже не дворяне, но адвокаты, банкиры, ломбардцы, жадные финансовые люди изъ Флоренціи: Плазіанъ, Ногаре, Мусчіато, аристократія богачей ростовщиковъ.

Итакъ Филиппъ Красивый былъ король вполнѣ буржуазный. Поэтому онъ и основалъ политическое могущество буржуазіи. Не довольствуясь учрежденіемъ парламента, онъ далъ среднему сословію участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Сословныя собранія начинаются въ XIV вѣкѣ.

Прежде чѣмъ изслѣдовать, какую важность имѣло то, что Филиппъ Красивый сравнялъ среднее сословіе съ двумя другими сословіями націи, необходимо узнать, что такое среднее сословіе. Составляло ли оно народъ и весь народъ?

Прежде всего депутаты деревень, т. е. депутаты двухъ третей націи, были допущены въ сословныя собранія только при регентствѣ Божé въ 1484 году, а до тѣхъ поръ всѣ сохранившіяся до насъ повелѣнія о созваніи сословій говорили только о депутатахъ добрыхъ городовъ [2]).

Начиная съ 1484 года допущеніе въ сословныя собранія депутатовъ де-

---

[1]) См. о богатствахъ Тампліеровъ въ Histoire de France, p. 135, Мишле, который хорошо понялъ историческій характеръ царствованія Филиппа Красиваго.

[2]) Въ протоколѣ совѣщаній сословнаго собранія 1356 года читаемъ: «отправились къ Кордельсрамъ въ Парижѣ каждое сословіе особо, т. е. клиръ съ одной стороны, а съ другой стороны дворянство и потомъ добрые города.» Bibliothèque du roi, 1035.

ревень становится неоспоримымъ фактомъ [1]); и можно прибавить, что вездѣ, исключая развѣ только Парижа, никто не былъ устраняемъ отъ избирательныхъ собраній.

Такимъ образомъ это была всеобщая подача голосовъ, если не во всей своей правдѣ, то по крайней мѣрѣ во всемъ своемъ величіи. Когда королю угодно было созвать для совѣщаній три сословія — потому что общее собраніе сословій зависѣло совершенно отъ произвола короля—то онъ посылалъ созывающія граматы бальи и сенешаламъ. Эти послѣдніе посылали копіи съ нихъ судьямъ втораго разряда, которые въ свою очередь передавали королевскую волю священникамъ и фабриціямъ приходовъ. Кромѣ того были употребляемы при этомъ всѣ средства публичности: чтеніе граматъ при барабанномъ боѣ и распространеніе ихъ посредствомъ афишъ [2]); объявленія во время церковныхъ поученій въ деревняхъ. Повторяю, это была всеобщая подача голосовъ.

---

[1]) Ученый Монтель, въ Histoire des Français des divers états, говоритъ, что до 1789 г. жители деревень не имѣли права представительства, и въ подтвержденіе этого мнѣнія приводитъ повидимому убѣдительныя доказательства. Однако вотъ нѣсколько протоколовъ, значеніе которыхъ, какъ намъ кажется, тоже важно. «Le dimanche 6-e jour de juillet 1614, en la galerie de l'église dudit Nouzillay, issue de la 1-re messe, auquel issue se font ordinairement les plus grandes assemblées des habitans d'icelle, par-devant nous, bailly susdit, se sont comparus lesdits habitans de Nouzillay en grand nombre, lesquels ont dit avoir cejourd'huy ouï, au prosne de la messe, lecture des lettres de Sa Majesté, à l'effet de dresser et représenter un cahier de leurs remontrances au jour 14-e de ce mois, neuf heures du matin, devant M. le lieutenant général, auquel effet ils ont nommé les personnes auxquels et chacun d'eux en l'absence de l'autre, ils ont donné pouvoir, puissance, mandat spécial de présenter ledit édit desdittes plaintes en laditte assemblée, etc...» (Greffe du bailliage de Touraine).

Это избирательное право жителей деревень доказывается еще нѣсколькими подобными протоколами, между которыми мы укажемъ на протоколъ судьи Споя въ канцеляріи бальяжа Тройеса, на протоколъ нотаріуса Шагарча въ канцеляріи бальяжа Турени и на протоколъ нотаріуса Перинея въ канцеляріи бальяжа Тура. Всѣ эти протоколы относятся къ общему собранію сословій 1614 года; но мы могли бы указать на документы, еще болѣе древніе, напр.: на письменную жалобу (cahier) деревни Бленьи, относящуюся къ 1576 году и къ которой мы еще возвратимся. Кромѣ того мы говоримъ здѣсь о протоколахъ только для того, чтобы доказать, что деревни на дѣлѣ пользовались избирательнымъ правомъ; потому что теоретическое признаніе этого права восходитъ къ самому началу французской исторіи.

[2]) «Il est ordonné, ce requérat le procureur du roi, que les lettres présentement lues seront registrées au greffe de la cour céans, pour y avoir recours

Но было ли вслѣдствіе всего этого удовлетворительнымъ представительство народа и его интересовъ? Вовсе нѣтъ; и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть, въ чемъ состоялъ избирательный механизмъ относительно средняго сословія.

Въ назначенный день жители собирались въ галлерею подлѣ церкви. Они выбирали нѣсколькихъ изъ среды своей для написанія своихъ жалобъ или представленій, которыя и назывались тетрадями (cahiers). Затѣмъ они выбирали депутатовъ, которые должны были представить эти жалобы не общему собранію сословій и даже не собранію въ главномъ судебномъ округѣ (въ бальяжѣ), но собранію округа низшаго порядка [1]. Здѣсь [2] изъ всѣхъ жалобъ деревень дѣлались извлеченія и сводились въ одну жалобу; и депутаты деревень выбирали другихъ депутатовъ для собранія въ главномъ бальяжѣ. На этомъ собраніи дѣлалось новое извлеченіе изъ жалобъ и избирались депутаты уже для общаго собранія сословій. Такимъ образомъ жители деревень пользовались выборами третьей степени; ихъ жалобы достигали трона послѣ двухъ послѣдовательныхъ измѣненій.

---

toutefois et quantes besoin sera, et publié ès carrefours, cantons et autres lieux accoutumés à faire cris et publication, à ce qu'aucun n'en puisse prétendre cause d'ignorance.» (Sentence du lieutenant général de Poitiers, 21 Jullet 1588. Greffe du bailliage de Poitiers).

[1] Вотъ протоколъ бальи или судьи Шатильона на Индрѣ, который представляетъ и доказательство и примѣръ этихъ формальностей:

«Aujourd'hui samedi, 28 juin 1614, par-devant nous, Jean de Puymmaret, sieur de La Barre, lieutenant ordinaire de M. le baillif de Touraine au siége royal de Châtillon-sur-Indre, est comparu en sa personne M. Louis Gaulin, notaire royal, qui nous a baillé un papier souscript.... lequel étant par nous ouvert, avons trouvé une missive par laquelle nous est mandé nous envoyer sept copies de l'ordonnance et mandement du roi, notre sire, pour la convocation des trois états en la ville de Sens; sur quoi avons mandé les gens du roi, pour être ordonné sur l'exécution desdits mandement et convocation et sur l'ordonnance du siége présidial, et dès à présent avons envoyé deux desdites copies, l'une à M-e Jean Bonneau, prêtre prieur de l'église de cette ville, et l'autre à M-e Antoine Fournin, prieur de l'autre paroisse de cette ville, pour chacun desdits Bonneau et Fournin faire publier ès dittes paroisses de Toizelay et de Saint-Martin, le jour de demain, dimanche, aux prônes des messes paroissiales qui y seront célébrées, afin que le service du roi ne soit différé, etc....» (Greffe du bailliage de Tours).

[2] Въ сенешальствахъ Тулузы и Каркассоны собранія втораго порядка собирались не по бальяжамъ, а по приходамъ. Это видно изъ протокола консульскаго дома Альби, 18 августа, 1614 года (Greffe de la sénéchaussée de Toulouse).

Въ главныхъ городахъ выборы происходили такимъ образомъ: каждая община ремесленниковъ и мастеровыхъ, каждая корпорація города избирали своего представителя. Каждый приходъ въ городѣ дѣлалъ тоже.

Эти депутаты, собравшись въ ратушѣ, избирали другихъ депутатовъ, которые участвовали въ собраніи главнаго бальяжа и избирали здѣсь еще другихъ депутатовъ. Можно представить себѣ, до какой степени передѣлывались при этомъ жалобы. Такимъ образомъ даже большіе города подвергались неудобствамъ и невыгодамъ выборовъ третьей степени [1]).

Парижъ былъ единственный городъ во Франціи, который пользовался благодѣяніями прямыхъ выборовъ. Но зато не всѣ жители имѣли право участвовать даже не прямо въ собраніи, на которомъ избирались депутаты. Въ самомъ дѣлѣ это собраніе засѣдавшее въ ратушѣ подъ предсѣдательствомъ купеческаго головы состояло изъ эшевеновъ и совѣтниковъ города, изъ епископа, когда ему приходила фантазія участвовать въ немъ, изъ депутатовъ капитула церкви Notre-Dame и другихъ духовныхъ общинъ, изъ ремесленныхъ головъ; наконецъ изъ представителей кварталовъ и десяти нотаблей, избранныхъ ими въ каждомъ кварталѣ [2]).

Можно ли составленное такимъ образомъ собраніе считать представителемъ парижскаго народа? Не составляло ли оно настоящей буржуазной олигархіи? Не очевидно ли, что во всѣхъ этихъ странныхъ комбинаціяхъ Парижу доставалось гораздо меньше, чѣмъ послѣдней деревнѣ королевства? Правда, съ 1676 года выдумали поставить въ залѣ называвшейся большое городское бюро, ящикъ, въ который всѣ граждане могли класть свои замѣчанія и представленія [3]). Но какое политическое значеніе могла имѣть подобная формальность?

Стоитъ только хоть не много подумать о сущности кратко описаннаго нами механизма, чтобы понять, что онъ велъ къ постепенному сосредоточенію въ рукахъ буржуазіи всей политической силы. И если это сосредоточеніе было гораздо сильнѣе въ Парижѣ, чѣмъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ, то отъ чего это происходило, если не отъ страха, какой внушала буржуазіи парижская чернь, волновавшаяся ниже бур-

---

[1]) См. протоколъ города и бальяжа Троя (Greffe du baillige de Troyes, 1560 année).

[2]) См. протоколъ собранія города Парижа (Hôtel de ville de Paris, année 1614. Ms. abbaye Saint-Germain).

[3]) Hôtel de ville de Paris, 1576. Ms. Talon.

жуазіи, грозная даже въ своемъ молчаніи, могучая даже въ своемъ бездѣйствіи?

Нѣтъ, народъ, который страдалъ въ деревняхъ и который страдалъ въ городахъ, не имѣлъ надлежащаго представительства въ общемъ собраніи сословій. Только одна буржуазія, подъ обманчивымъ названіемъ третьяго сословія, занимала въ нихъ мѣсто подлѣ дворянства и духовенства.

На основаніи этихъ фактовъ въ исторіи общихъ собраній сословій нужно различать двѣ вещи: право и фактъ, принципъ и его примѣненіе.

Какъ выраженіе права и подтвержденіе принципа, общія собранія сословій имѣли большую важность. Стоитъ только вспомнить обстоятельства, побуждавшія къ ихъ созванію въ различныя эпохи французской исторіи.

Въ 1302 году возникъ большой споръ между римскимъ дворомъ и французскимъ королемъ: дѣло шло о самомъ высокомъ вопросѣ, какой только могъ волновать христіанство, именно о свѣтской власти папъ и о независимости короны. Кто можетъ разрѣшить этотъ страшный вопросъ, столь смѣло поставленный передъ свѣтомъ Григоріемъ VII? этотъ споръ между Бонифаціемъ VIII, говорившимъ въ своей буллѣ Ausculta, fili: «Богъ поставилъ насъ, хотя не прямо, выше королей и царствъ», и между Филиппомъ Красивымъ, отвергавшимъ устами своихъ совѣтниковъ свѣтскую верховную власть папы? Для этого созываютъ общее собраніе сословій.

Въ 1328 году Франція колебалась между Эдуардомъ III и Филиппомъ Валуа, провозгласивши обоихъ законными наслѣдниками. Для рѣшенія этого вопроса созваны были государственныя сословія [1]).

Въ 1356 году Іоаннъ былъ побѣжденъ при Пуатье. Короля не было на тронѣ, хоть онъ и былъ живъ. Кто же будетъ управлять королевствомъ? Опять созвано было общее собраніе сословій.

Въ 1380 году на тронѣ былъ ребенокъ; во всемъ королевствѣ царствовала анархія; четыре дяди короля занимались тѣмъ, что вырывали

---

[1]) Правда, объ этомъ созваніи нѣтъ ничего ни въ большой хроникѣ Сенъ-Дени, ни въ хроникѣ Фруассара. Но Жанъ Монтрель, писавшій въ царствованіе Карла V и Карла VI, утверждаетъ, что по этому случаю собирались государственныя сословія. Это также утверждаютъ (Chronique des états généraux) Саваронъ, по свидѣтельству Папона, и одинъ изъ продолжателей Гильома Нанжиса.

власть одинъ у другаго. Вездѣ, съ одной стороны разбои, съ другой возстанія. Какъ выдти изъ этихъ страшныхъ смутъ? Опять было созвано общее собраніе сословій.

Въ 1576 и 1578 годахъ тронъ былъ занятъ какимъ-то привидѣніемъ, которое всю жизнь свою скрывалось то въ темнотѣ исповѣдаленъ, то во мракѣ вдвойнѣ загрязненнаго алькова, безстыднымъ ханжою, отдававшимъ проституцію своего тѣла придворнымъ, а проституцію своей души священникамъ. Подлѣ него, потрясая все королевство яростной религіозной войной, Генрихъ Гизъ пролагалъ себѣ къ трону дорогу, по которой струилась кровь протестантовъ, смѣшанная съ кровью католиковъ. Уже сестра его показывала висѣвшія у ней на поясѣ золотыя ножницы, которыя употреблены будутъ при постриженіи въ монахи наслѣдника лѣнивыхъ королей. Но для этого нужно было уничтожить эдиктъ терпимости, достигнуть торжественнаго признанія знаменитаго акта союза католиковъ и изгнать и, такъ сказать, напередъ низложить короля Наваррскаго. Но Гизъ, несмотря на свою смѣлость, не отважился на все это одинъ. Онъ устроилъ общее собраніе сословій.

Наконецъ, когда въ 1614 году они были созваны снова, то это было время междоусобной войны, которая сдѣлала королевскую власть спорною. Къ этому созванію принцъ Конде принудилъ Марію Медичи сентъ-менегульдскимъ трактатомъ, въ надеждѣ управлять собраніемъ сословій, а посредствомъ сословій дворомъ, а посредствомъ двора королевствомъ.

Нѣтъ надобности приводить еще другіе факты въ доказательство того, какъ велика была важность собраній сословій по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Къ нимъ прибѣгали, когда тронъ былъ вакантенъ или когда королевство находилось въ опасности; ихъ созывали для разрѣшенія всѣхъ основныхъ вопросовъ. Имѣли ли они верховную власть или нѣтъ; но они рѣшали вопросъ о ней.

Наконецъ, какимъ языкомъ говорили короли въ своихъ повелѣніяхъ о созваніи [1])? Они признавали верховную власть сословій дотого, что во многихъ повелѣніяхъ мы находимъ слѣдующую замѣчательную формулу: «увѣряемъ ихъ, что съ нашей стороны они найдутъ всю добрую во-

---

[1]) См. Lettre de Philippe le Long aux habitants de Narbonne; письмо короля для втораго собранія сословій въ Блуа, 31 Мая, 1588 года, Фонтананъ, t. IV, Fol. 728; письмо короля для собранія сословій въ Санѣ, 7 Іюня, 1614 года. (Greffe du bailliage de Sens).

лю и готовность исполнять, соблюдать и приводить въ дѣйствіе все, что будетъ рѣшено по предложеніямъ и представленіямъ, кои будутъ сдѣланы означеннымъ сословіямъ, для того чтобы каждый въ своемъ мѣстѣ могъ получить и возчувствовать плоды, которыхъ можно и должно ожидать отъ столь славнаго и столь благороднаго собранія» [1]).

Но соотвѣтствовали ли факты праву? Дѣйствительность была ли согласна съ видимостію?

Ко дню, назначенному въ повелѣніяхъ о созваніи, депутаты трехъ сословій собирались въ городѣ, назначенномъ въ этомъ же повелѣніи, и прежде всего, по крайней мѣрѣ если судить по преданіямъ XVI вѣка, происходила процедура, открывавшая просторъ чванству кастъ. Депутаты слушали обѣдню, пріобщались и потомъ нѣсколько дней постились. При открытіи засѣданій, послѣ рѣчи канцлера, ораторы трехъ сословій одинъ послѣ другаго выказывали блескъ своей смѣшной эрудиціи. Послѣ этого каждое сословіе удалялось въ особое мѣсто: духовенство въ какую-нибудь церковь, дворянство въ какой-нибудь замокъ, а третье сословіе въ ратушу.

Здѣсь каждое сословіе занималось составленіемъ своихъ жалобъ или своей тетради. Затѣмъ слѣдовало новое общее собраніе, въ которомъ посредствомъ своихъ ораторовъ духовенство жаловалось на дворянство и среднее сословіе, дворянство на среднее сословіе и духовенство, а среднее сословіе на духовенство и дворянство. Права трехъ сословій ограничивались только представленіемъ жалобъ. Напрасная формальность; потому что дворъ не считалъ себя обязаннымъ заниматься разсмотрѣніемъ представленныхъ ему жалобъ. На собраніи, бывшемъ въ Блуа въ 1588 году, ораторъ третьяго сословія говорилъ съ горечью: «собраніе сословій было въ 1576 году, а жалоба, составленная и представленная отъ трехъ сословій, была разсматриваема три или четыре года спустя.»

Вотъ какъ много важности придавалъ дворъ этимъ жалобамъ. Иногда, впрочемъ, по поводу ихъ выходило какое-нибудь повелѣніе, которое однако всегда составлялось въ пользу интересовъ и прихотей монарха. Да кромѣ того нужно было еще, чтобы парламентъ внесъ его въ реестръ.

Вообще не было ничего правильнаго, ничего однообразнаго въ механизмѣ этого страннаго учрежденія; напримѣръ число депутатовъ измѣ-

---

[1]) Ibid.

нялось самымъ страннымъ образомъ. Такъ собраніе 1614 года состояло изъ 454 депутатовъ, тогда какъ при королѣ Іоаннѣ, въ эпоху гораздо меньшаго развитія королевской власти, собраніе состояло изъ 800 членовъ. Одни сенешальства посылали въ собраніе сословій троихъ депутатовъ, а другіе посылали четырехъ, пятерыхъ, даже до десяти. Я уже не говорю объ общемъ собраніи сословій, происходившемъ въ Парижѣ въ 1356 году, которое съ гнѣвомъ отказало дофину въ томъ, что съ готовностью дѣлали для него другія общія собранія, происходившія въ Тулузѣ. Этотъ странный дуализмъ достаточно объясняется тѣмъ, что между различными провинціями не существовало даже единства въ языкѣ. Но даже не восходя къ этимъ эпохамъ, полнымъ безпорядка, путаницы и мрака, мы не можемъ найти въ общихъ собраніяхъ сословій, въ томъ видѣ, какъ сохранилось воспоминаніе о нихъ, ни малѣйшаго слѣда настоящаго политическаго учрежденія.

Еслибы эти собранія имѣли хоть какую-нибудь дѣйствительную силу, то ужели эта сила не нашла бы себѣ примѣненія и не обнаружилась бы когда-нибудь въ эти страшныя времена, въ которыя потребность авторитета была повсюду, а самого авторитета не было нигдѣ?

Но именно среди трудныхъ обстоятельствъ собранія сословій и обнаруживали свое безсиліе и безплодность. Возьмемъ, напримѣръ, кризисъ, послѣдовавшій за катастрофой въ Пуатье. Изъ всѣхъ эпохъ французской исторіи это наименѣе понятая и наиболѣе заслуживающая изученія?

Послѣ битвы при Пуатье сословія были собраны въ Парижѣ. Короля не было, онъ находился въ плѣну; власть досталась въ руки блѣдному молодому человѣку, 19 лѣтъ, который не имѣлъ ни юношеской прелести, ни юношеской силы, для котораго копье было слишкомъ большой тяжестью и котораго длинное лицо не нравилось народу. Былъ самый удобный случай показать силу: и дѣйствительно собраніе попыталось на мгновеніе взять себѣ власть и можно было подумать, что въ собраніи сословій существуетъ еще нѣкоторая жизненная сила, при видѣ того, какъ оно стало учить дофина, какъ оно прогнало самыхъ дурныхъ изъ его совѣтниковъ и приставило къ нему новый совѣтъ, состоявшій изъ двѣнадцати прелатовъ, двѣнадцати дворянъ и двѣнадцати буржуа. Дофинъ напрасно пытался бороться, напрасно находилъ разные пустые предлоги для распущенія собранія; черезъ три мѣсяца онъ обязанъ былъ снова собрать его и покориться. Но какъ ошибались тѣ, которые приписывали честь этой быстрой побѣды общему

собранію сословій! Сословія въ это время жили въ одномъ человѣкѣ. И этотъ человѣкъ былъ Марсель, герой въ родѣ героевъ 93 года, настоящій Дантонъ XIV вѣка. Фруассаръ сохранилъ намъ черту, которая показываетъ, до какой степени была велика сила этого купеческаго головы. Однажды онъ вошелъ въ комнаты дофина, чтобы поразить тамъ на его глазахъ двѣ самыя знатныя дворянскія головы и началъ говорить молодому принцу, что это обязанность того, который наслѣдуетъ королевство, очистить его отъ наводняющихъ его шаекъ, на что дофинъ отвѣчалъ: «Это также обязанность того, кто имѣетъ право и можетъ съ успѣхомъ взять на себя заботу о королевствѣ» [1]). Итакъ настоящимъ королемъ былъ здѣсь Марсель, и онъ тотчасъ же показалъ это тѣмъ, что приказалъ убить маршаловъ Шампаньи и Нормандіи, и еще тѣмъ, что надѣлъ свою шапку какъ-бы для защиты на королевскаго сына, который, видя капли крови на его платьѣ, закричалъ въ ужасѣ: спасите меня! Впослѣдствіи было сдѣлано подражаніе этому страшному примѣру и другой Марсель покрылъ красной шапкой королевскую голову Людовика XVI.

Несомнѣнно то, что Марсель задумалъ обширные планы, которые по смѣлости и геніальности были не по силамъ самымъ знаменитымъ революціонерамъ 1793 года. Марсель хотѣлъ централизовать политическую власть; и дѣйствительно никогда не было столь настоятельной надобности въ централизаціи. По всему пространству королевства свирѣпствовали разбойники, крестьяне со слезами убѣгали отъ своихъ опустошенныхъ жилищъ; дворяне были бунтовщиками относительно высшихъ и тиранами относительно народа; Франція попиралась ногами тѣхъ, которые должны были править ею и защищать ее,—такую картину этого ужаснаго времени рисуетъ намъ опечаленный продолжатель Гильома Нанжиса [2]).

Что же касается до причины этихъ золъ, то тогдашніе историки всѣ согласно видѣли ее въ отсутствіи всякой правящей власти, другими словами въ недостаткѣ политическаго единства [3]). И вотъ Марсель

---

[1]) Фруассаръ, liv. III, p. 288.

[2]) «Tunc enim incoepit patria et tota terra Franciae induere confusionem et moerorem, quia non habebat defensorem in aliquo nec tutorem». Contin. Guill. de Nangis, p. 226—227.

[3]) Фруассаръ въ свою очередь, говоря о трехъ сыновьяхъ плѣнника при Пуатье, прибавляетъ: «Or, moult étoient jeunes d'âge et de conseil. Si avoit en eux petits recouvrer, ne nul d'eux ne vouloient entreprendre le gouvernement du royaume de France». Фруассаръ, t. I, chap. CLXX, p. 182.

по просьбѣ угнетенныхъ гражданъ [1]) рѣшился взяться за установленіе этого единства. Для достиженія этого онъ могъ почерпнуть мало силъ въ парижской общинѣ: благодаря ему были созваны сословія и въ теченіе нѣкотораго времени онъ одушевлялъ ихъ своимъ дыханіемъ и оживлялъ своею жизнію. Посмотримъ, какова должна была быть по мысли Марселя власть собранія сословій. Фруассаръ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «всѣ дѣла должны рѣшаться этими тремя сословіями, и всѣ другіе прелаты, всѣ другіе сеньоры, всѣ другія общины мѣстечекъ и добрыхъ городовъ должны повиноваться всему тому, что сдѣлаютъ и прикажутъ эти три сословія» [2]).

Наконецъ взгляды Марселя вполнѣ развиты въ томъ знаменитомъ повелѣніи 1387 года, которое сословія вырвали у дофина и которое было произведеніемъ купеческаго головы. Это повелѣніе противодѣйствовало политической анархіи посредствомъ образованія совѣта, обязаннаго наблюдать за придворными расходами и поражать всякую произвольную тиранію,—анархію феодальную посредствомъ вмѣшательства, сдѣлавшагося постояннымъ, средняго сословія въ дѣла,—анархію административную посредствомъ посылки во всѣ провинціи коммиссаровъ, выбранныхъ изъ среды самаго собранія,—наконецъ анархію территоріальную посредствомъ преобладанія, обезпеченнаго за городомъ Парижемъ, изъ котораго сдѣлали какъ-бы сердце и голову Франціи [3]). Отваживался ли самъ Карлъ Великій на что-либо большее? То, на что рѣшался Карлъ Великій для утвержденія монархической централизаціи, было употреблено и Марселемъ для утвержденія централизаціи демократической. Для этого же онъ провелъ рѣшеніе, что на будущее время всякое обсужденіе будетъ недѣйствительнымъ безъ согласія третьяго сословія, въ той надеждѣ конечно, что при страшномъ сосѣдствѣ общины Парижа вліяніе третьяго сословія скоро поглотитъ вліяніе двухъ другихъ. Этимъ смѣлымъ попыткамъ дофинъ противопоставилъ интригу, публично льстя головѣ [4]), но тайно ставя ему препятствія. Вскорѣ произошли раздоры въ собраніи; два сословія возстали противъ третьяго; сила, созданная Марселемъ, спѣшила отказаться отъ дѣйствія и онъ принужденъ былъ снова обратиться къ общинѣ, остав-

---

[1]) «Ipsum plures adierunt exorantes». Cont. Guill. de Nangis, p. 228.

[2]) Фруассаръ, t. I, chap. CLXX, p. 183.

[3]) См. статьи: 6, 7, 23, 26 и 31 этого замѣчательнаго повелѣнія.

[4]) «Si se dissimuloit le duc au gré du prévost et d'aucuns de Paris». Фруассаръ, t. I, chap. CLXXX, p. 189.

ленный [1]) всѣми тѣми, которые въ революціи, приготовленной имъ, боялись быть увлеченными слишкомъ далеко. Но это не остановило Марселя. Онъ извлекъ изъ темницы короля Наваррскаго, чтобы противопоставить его дофину; онъ страшилъ придворныхъ; и для замѣны этой коллективной верховной власти трехъ сословій, которые не желали духовенства и дворянства, онъ вызвалъ своею отвагою и своею волею образованіе новаго собранія, состоявшаго почти вполнѣ изъ его сотоварищей по ратушѣ.

Такимъ образомъ между дофиномъ и Марселемъ возникла такая же борьба, какая въ концѣ XVIII вѣка велась между жирондистами и монтаньярами. Сынъ Іоанна оставилъ Парижъ и отправился къ сословіямъ Нормандіи и Вермандуа, чтобы возбуждать провинцію противъ Парижа. Странное дѣло! сама королевская власть призываетъ на помощь себѣ духъ федерализма, сама монархія въ лицѣ дофина дерзаетъ вооружаться противъ единства. Злосчастная война! потому что поддерживавшаяся ею анархія породила жакерію. Что могли сдѣлать эти несчастные крестьяне, жилища которыхъ грабили, у которыхъ безчестили женъ и дочерей, которыхъ рѣзали, какъ стада звѣрей, и которые не имѣли ни поддержки, ни покровителя противъ дворянъ, обратившихся въ разбойниковъ? Они терпѣли долгое время и это терпѣніе было таково, что сдѣлалось для дворянъ предметомъ сарказмовъ и они называли этихъ несчастныхъ глупыми Яковами (Jacques bonhomme) [2]). И они вырывали себѣ жилища подъ землею, въ которыхъ на навозѣ и во тмѣ ждали голода менѣе страшнаго, чѣмъ ихъ угнетатели. Разсказываютъ, что жители береговъ Луары проводили дни на баркахъ по срединѣ рѣки, находя, что менѣе безопасно жить на ея берегахъ, чѣмъ на ея волнахъ. Но пришло время, когда терпѣніе истощилось и превратилось въ бѣшенство. Блѣдные и яростные, они возстали наконецъ съ местью въ сердцѣ и съ проклятіемъ на устахъ. Тогда послѣдовала страшная рѣзня дворянъ до тѣхъ поръ, пока дворяне, оправившись отъ перваго ошеломленія, не возстали въ свою оче-

---

[1]) «Or, vous dy que les nobles du royaume de France et les prélats de saincte Église se commencèrent à ennuyer de l'emprise et l'ordonnance des trois estats: si en laissoient le prévost des marchands convenir et aucuns des bourgeois de Paris pour ce qu'ils s'entremettoient plus avant qu'ils ne vousissent». Фруассаръ, t. I, chap. CLXXIX, p. 188.

[2]) «Tunc temporis nobiles derisiones de rusticis et simplicibus facientes, vocabant eos Jaque bonhomme. Truphati et spreti abaliis hoc nomen Jaque bonhomme acceperunt, et rustici perdiderunt nomen.» Cont. Guill. de Nangis, p. 223.

редь. И тогда началось истребленіе въ обратномъ смыслѣ. «Не нужно было, — восклицаетъ продолжатель Гильома Нанжиса, — чтобы англичане приходили изъ своей страны, чтобы разрушить нашу. Англичане, которые были смертельными врагами королевства, не сдѣлали бы больше для его разоренія, чѣмъ сколько сдѣлали для этого дворяне, которые были рождены въ ней» [1]).

Важно замѣтить, что въ этихъ обстоятельствахъ Марсель принялъ сторону Жаковъ, которымъ онъ послалъ помощь. Какимъ образомъ ушло отъ вниманія историковъ это сближеніе съ Жаками, тогда какъ эти же историки укоряли Марселя за союзъ его съ королемъ Наваррскимъ? Марсель вступилъ въ союзъ съ королемъ Наваррскимъ только для того, чтобы воспользоваться честолюбіемъ этого принца противъ дофина. Нападаемая со всѣхъ сторонъ община Парижа разсчитывала на Карла Злаго, какъ на человѣка, который, еслибы онъ былъ честенъ и вѣренъ, могъ бы дѣятельно защищать ее противъ дворянства [2]). Вотъ весь секретъ этого союза. Онъ былъ необходимъ; да и что было въ немъ позорнаго? Марсель такъ мало былъ порабощенъ страстямъ короля Наваррскаго, что, наименовавши его капитаномъ Парижа, немедленно отнялъ у него эту должность, какъ только узналъ, что этотъ принцъ склоняется на сторону дворянъ [3]).

Между тѣмъ дофинъ угрожалъ столицѣ. Марсель приготовлялся къ сильной защитѣ. Онъ приказалъ вырыть рвы и насыпать валы. Монастыри и церкви, мѣшавшіе работамъ, были безжалостно срыты. Рабочіе трудились днемъ и ночью и Парижъ вскорѣ былъ въ состояніи выдерживать осаду: громадная заслуга оказанная королевству, которую не задумался признать и Фруассаръ, несмотря на свою любовь къ дворянамъ [4]).

Но дворяне казалось поклялись въ своемъ сердцѣ разрушить столицу. Расположившись у Корбейля, они завладѣли теченіемъ Сены, останавливали подвозы и заставили Парижъ голодать. Дофинъ появился у

---

[1]) «Non oportebat per destruendam patriam Anglicos accedere inimicos.... etc.» Cont. Guill. de Nangis, p. 241.

[2]) «Credebant enim Parisienses ab ipso et a suis contra ducem regentem et nobiles optime defensari.» Cont. Guill. de Nangis, p. 236.

[3]) «Quod quia nobilis erat, cum aliis conspirasset.» Cont. Guill. de Nangis, p. 237.

[4]) «Et vous dy que ce fut le plus grand bien qu'oncques prévost de marchands fit, car autrement elle eust esté depuis gastée et robée par moult de fois et par plusieurs actions.» Фруассаръ, t. I, chap. CLXXXШ, p. 191.

Сенъ-Дени съ тремя тысячами пѣхоты, а король Наваррскій съ своей стороны собиралъ своихъ кавалеристовъ въ Шарантонѣ. Противъ столькихъ препятствій, противъ столькихъ опасностей что могъ сдѣлать купеческій голова? Парижъ задыхался въ своихъ стѣнахъ. Нужно ли было открыть ворота для дворянства и дофина, потерять плодъ столькихъ усилій и оставить дѣло народа? Но для избѣжанія этихъ крайностей оставалось одно средство: прибѣгнуть къ королю Наваррскому, посредствомъ его укротить дофина и затѣмъ разрушить самое орудіе, если оно сдѣлается опаснымъ. Марсель и рѣшился на это; этого же ожидали отъ него и его враги. Высшая парижская буржуазія недовольно смотрѣла на то, что ея покой возмущенъ до такой степени и ея безопасность нарушена. Она рѣшилась свергнуть Марселя, и не осмѣливаясь прямо дѣйствовать противъ него, такъ какъ онъ былъ очень популяренъ, она тайно составляла противъ него заговоръ [1]). Извѣстно, что онъ былъ убитъ топоромъ подлѣ Сентъ-Антуанскихъ воротъ за то, что будто-бы хотѣлъ передать городъ Карлу Злому.

Но послушаемъ, что говоритъ Фруассаръ: «въ ту самую ночь, какъ это должно было случиться, Богъ удостоилъ внушеніемъ нѣсколькихъ парижскихъ буржуа, которые были въ согласіи съ герцогомъ, т. е. Жана Мальяра, Симо, его брата, и нѣкоторыхъ другихъ, которые по божественному внушенію (такъ должно предполагать) узнали, что Парижъ будетъ преданъ и разрушенъ» [2]).

Изъ этого разсказа видно: 1) что Мальяръ и его сообщники составляли заговоръ противъ Марселя въ пользу дофина, съ которымъ они находились въ связяхъ; 2) что убійство Марселя было дѣломъ рѣшеннымъ напередъ. Потому что какимъ образомъ они могли знать, что произойдетъ въ эту ночь, которую они сдѣлали кровавою? «По божественному внушенію, — говоритъ злостно Фруассаръ; — такъ нужно предполагать.»

Къ такому же заключенію приводитъ и разсказъ продолжателя Гильома Нанжиса. Онъ говоритъ, что стражи, которыхъ Марсель нашелъ у Сентъ-Антуанскихъ воротъ, «хотѣли, чтобы сдѣланы были провозглашенія имени правящаго герцога, а голова хотѣлъ напротивъ, чтобы имя герцога пройдено было молчаніемъ» [3]). Вслѣдствіе этого началась ссора и голова былъ убитъ.

[1]) Фруассаръ, t. I, ch. CLXXXV, p. 191.

[2]) «Si y avoit en la ville de Paris aucuns suffisans hommes (tels comme Jean Maillard, Simo son frère).» Фруассаръ, t. I, chap. CLXXXV, p. 192.

[3]) «Qui custodes volebant quod proclamationes nomine domini ducis regentis fierent et praepositus volebat quod nomen ducis taceretur.» Cont. Guill. de Nangis, p. 244.

На другой день Мальяръ, собравши народъ на рынкѣ, клеветалъ на память безстрашнаго человѣка, который былъ его товарищемъ и котораго онъ предалъ. И обманутый народъ рукоплескалъ ему. Марсель былъ убитъ и теперь его проклинали. Это общая участь великихъ душъ, умѣющихъ жертвовать собою!

Дофинъ вступилъ въ Парижъ, какъ освободитель. Онъ вступилъ туда, чтобы попирать ногами ту верховную власть народа, которую провозласилъ Марсель и которую онъ, можетъ быть, и утвердилъ бы, еслибы общія собранія сословій, которыя должны были служить для него орудіями, были чѣмъ-нибудь другимъ, а не чудовищнымъ собраніемъ разнородныхъ элементовъ.

Мы могли бы подобнымъ образомъ прослѣдить шагъ за шагомъ въ нашей исторіи собранія сословій и мы нашли бы, что они всегда были нерѣшительными, всегда безсильными и слѣпыми орудіями то какого-нибудь дурнаго принца, то какой-нибудь злодѣйской факціи.

Наконецъ какое можно найти болѣе разительное доказательство безплодности этого учрежденія кромѣ того, какое представляетъ намъ повтореніе жалобъ въ тетрадяхъ? Прочитайте тетради 1484 года или 1576 или 1588 и 1614, прочитайте ихъ всѣ и вы найдете въ нихъ одинаковыя жалобы, изложенныя въ одинаковыхъ выраженіяхъ [1]).

Итакъ какова же была важность этого учрежденія общаго собранія сословій? Не будемъ презрительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Не забудемъ, что если на фактѣ историческая важность общаго собранія сословій была почти ничтожна, то въ правѣ она была громадна. Но учрежденія менѣе значатъ по своимъ примѣненіямъ, чѣмъ по своему принципу. То, что они выражаютъ, имѣетъ болѣе важности, чѣмъ то, что они производятъ, по крайней мѣрѣ непосредственно.

Говоря правду, общія собранія сословій не выражали верховной власти ни одного изъ трехъ сословій; потому что они состояли изъ соединенія всѣхъ трехъ. Они не выражали также и верховной власти народа; потому что народъ одинъ, а они имѣли въ себѣ характеръ множественности. Но всеже-таки они выражали собою нѣчто сильное, хотя и неопредѣленное. Они соотвѣтствовали силѣ, мало дѣйствующей,

---

[1]) См. относительно собранія сословій 1484 года Rec. gén. des états tenus en France, 88 et suiv.; относительно сословій 1576—Рукопись аббатства Saint-Germain des Prés, n° 355'; относительно сословій 1588 Rec. gén. des états, p. 61 et suiv.; относительно сословій 1614 г. Journal de Florimond Rapine sur les états de 1614; рѣчь Мирона, купеческаго головы

однако дѣйствительной, неизбѣжной и признанной. Верховная власть, выражавшаяся въ нихъ, было дурно понята и дурно опредѣлена, но тѣмъ неменѣе она была способна по сознанію всѣхъ перевѣшивать въ случаѣ надобности монархическій принципъ и даже поработить его. Это была политическая сила, остававшаяся, такъ сказать, въ запасѣ и ожидавшая для приведенія себя въ дѣйствіе только интересовъ способныхъ воспользоваться ею. Принужденная оказывать уваженіе верховной власти, независимой отъ трона, королевская власть мало по малу стиралась; она теряла, не замѣчая этого, ту силу, какая свойственна всему, что едино и единственно. Короли говорили сословіямъ: «дайте еще субсидій, а реформа уже потомъ». Но должно было придти время, когда сословія, перевернувши фразу, должны были сказать: сначала реформы, а потомъ субсидіи. А въ это время что могло помѣшать смѣлымъ рукамъ пресѣчь злоупотребленія въ самомъ корнѣ и нанести ударъ самой монархіи?

Мы видѣли, какимъ образомъ во Франціи былъ признанъ великій принципъ верховной власти собраній. Намъ остается теперь изслѣдовать, въ пользу какого класса должна была обратиться эта верховная власть.

Прежде всего очевидно, что общія собранія сословій не могли быть полезны ни духовенству, ни дворянству; такъ какъ эти собранія давали третьему сословію случай свободно разоблачать всѣ ошибки, грабежи, злоупотребленія и тиранію.

Что касается до дворянства, то кромѣ того, что эти разоблаченія были гибельны для него, общія собранія сословій вообще стремились къ его разрушенію уже тѣмъ однимъ, что они составляли побѣдоносную конкуренцію провинціальнымъ собраніямъ сословій, послѣднимъ убѣжищамъ феодализма.

Что бы ни говорили всѣ историки, но національное единство установилось вовсе не посредствомъ одной только монархіи и мы съ увѣренностью можемъ сказать, что его установленію содѣйствовали и общія собранія сословій.

Въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ много приписывается особенной важности тѣмъ фактамъ, которые можно видѣть и осязать. Взятые города, одержанныя побѣды, дипломатическія дѣла, совершонныя въ обширной сферѣ, появленіе на сценѣ великаго человѣка, вотъ событія, вліяніе которыхъ непосредственно блистательно и весьма замѣтно. Но есть другія вліянія, можетъ быть еще высшаго порядка, вліянія скрытыя, медленно развивающіяся и составляющія собственно философію исторіи. Какой-нибудь принципъ, заключающійся въ законодательствѣ, дурно понимаемомъ, можетъ произвести съ теченіемъ времени гораздо больше пере-

мѣнъ между людьми, чѣмъ опустошенія Атиллы или шумныя завоеванія Александра. Четыре строчки въ кодексѣ Наполеона, предписывающія раздѣленіе наслѣдства, измѣнятъ можетъ быть болѣе глубоко судьбы французскаго народа, чѣмъ всѣ побѣды имперіи вмѣстѣ взятыя. Дѣйствія общихъ собраній сословій на страну не имѣли въ себѣ ничего прямого, ничего осязательнаго; но одинъ фактъ ихъ существованія имѣлъ въ себѣ нѣчто болѣе рѣшительное, чѣмъ всѣ усилія королевской власти. Уже потому одному, что общія собранія сословій составляли часть публичнаго права французовъ, они сохраняли неприкосновеннымъ преданіе, стоявшее выше всѣхъ предразсудковъ и всѣхъ мѣстныхъ страстей. Ихъ созваніе, хотя оно происходило не въ опредѣленныя времена и не близкія между собою, безпрестанно напоминало умамъ, что выше провинцій существуетъ нація. Интересы, волновавшіеся въ средѣ этихъ собраній, были общи всѣмъ частямъ французской территоріи. Притѣсненія, на которыя жаловались въ собраніяхъ, тяготѣли одинаково на пролетаріяхъ Сѣвера и Юга. Парижъ, когда онъ былъ зрѣлищемъ этихъ торжественныхъ преній, не имѣлъ ли права воскликнуть: я Франція!

Общія собранія сословій были относительно провинціальныхъ собраній сословій тѣмъ же, чѣмъ была королевская власть относительно феодальныхъ силъ.

Общія собранія выражали принципъ единства относительно провинцій, какъ королевская власть представляла его относительно феодовъ.

И подобно тому, какъ эти послѣднія должны были потеряться въ королевской власти, и провинціальныя собранія сословій, по самой природѣ вещей, должны были незамѣтно потеряться въ общихъ собраніяхъ націи. Итакъ существовали вмѣстѣ два вида единства передъ 1789 годомъ: единство административное и единство національное.

Мы доказали, что установленіе перваго было дѣломъ буржуазіи, дѣйствовавшей посредствомъ общинъ, а утвержденіе втораго, какъ уже можно догадываться, было дѣломъ буржуазіи, дѣйствовавшей посредствомъ общихъ сословныхъ собраній.

Посредствомъ административнаго единства феодализмъ былъ изгнанъ изъ феодовъ. Посредствомъ единства національнаго онъ долженъ былъ быть изгнанъ изъ собраній.

Итакъ, по самой силѣ вещей, общія сословныя собранія рано или поздно должны были сдѣлаться гробомъ для духовенства и дворянства, а для буржуазіи пьедесталомъ.

Вообще мы хотѣли доказать въ этой главѣ:

Что общія сословныя собранія во Франціи возникли во времена упадка феодальной системы.

Что ихъ важность, въ смыслѣ права, была велика съ самаго начала;

Что ихъ важность до 1789 года, въ смыслѣ факта, была очень мала;

Что они тѣмъ не менѣе носили въ себѣ зародыши обширной революціи, вслѣдствіе принципа, который въ нихъ выражался;

Что этимъ принципомъ былъ принципъ верховной власти собраній;

Что признаніе подобной верховной власти не могло послужить ни въ пользу духовенства, потому что собранія могли разоблачать ошибки и злоупотребленія церкви, ни въ пользу дворянства, потому что общія собранія дѣлали невозможнымъ существованіе провинціальныхъ собраній, послѣдняго убѣжища феодализма;

Что, слѣдовательно, признаніе верховной власти собраній принесло меньше пользы народу, чѣмъ буржуазіи; потому что только она одна занимала въ общихъ собраніяхъ мѣсто наряду съ дворянствомъ и духовенствомъ.

ГЛАВА III.

Прогрессъ буржуазіи.

Политика Ришелье.

Какими страшными ударами Ришелье освободилъ буржуазію отъ анархической тираніи большихъ сеньоровъ. — Кому должно было принести пользу учрежденіе интендантствъ. — Какимъ образомъ Ришелье приготовилъ на счетъ буржуазіи правленіе ума и гибель абсолютной власти.

Когда Ришелье (Richelieu) былъ призванъ къ правленію, то нашелъ королевство полнымъ раздоровъ и безпокойствъ. Власть, уходя изъ слабыхъ рукъ Людовика XIII, случайно колебалась между Конде, который не годился для нея, и королевой матерью. Тогда какъ дворъ занимался тысячами интригъ, въ которыхъ общее благо не выставлялось даже предлогомъ, протестантская партія составляла собою родъ особеннаго государства во французскомъ королевствѣ, государства, которое имѣло свои политическія собранія, свои укрѣпленныя мѣста, столицею котораго была

Рошель, а военными управителями самые знаменитые сеньоры и военные люди: Ледигьеръ, Шатильонъ, Латремуль, Субизъ и Роганъ. Королевская власть, униженная до послѣдней степени [1]), принуждена была сносить угрозы этихъ большихъ сеньоровъ, покупать миръ у однихъ и вести войну противъ другихъ. Революція имѣла свои гербы; а реформаты, волнуя Югъ, имѣя въ своей власти море, осмѣливались брать налоги и набирать войска посредствомъ предписаній, данныхъ за ихъ большою печатью, «на которой изображена была религія, опирающаяся на крестъ, держащая въ рукѣ книгу евангелія и попирающая ногами старый скелетъ, который они называютъ римскою церковью» [2]). Расхищенные финансы, обремененные пенсіонами, находились въ такомъ безпорядкѣ, что маркизъ Эффіа, при своемъ вступленіи въ должность, «нашелъ, что доходы всѣ были израсходованы, а между тѣмъ еще нужно было дѣлать расходы». Изъ 19 милліоновъ податей только шесть доставались казнѣ, а остальное поглощалось при проходѣ черезъ руки безчисленныхъ финансовыхъ чиновниковъ. Народъ страдалъ подъ самымъ суровымъ гнетомъ. За отсутствіемъ всякой центральной власти, дворяне пользовались по своему произволу правомъ сильнаго въ пользу гражданскихъ войнъ. Одни изъ дворянъ захватывали себѣ общія владѣнія деревень, другіе требовали отъ крестьянъ произвольныхъ барщинъ. Нѣкоторые, разорившіеся вслѣдствіе игры и другихъ развратныхъ глупостей, принуждали земледѣльцевъ служить для нихъ поручительствомъ [3]). Иные позволяли себѣ брать контрибуціи и вводить новыя оброчныя статьи, т. е. мельницы и печи, въ которыхъ народъ обязанъ былъ молоть и печь хлѣбъ. Пользуясь отсутствіемъ дисциплины въ войскахъ, солдаты во время походовъ расходились въ стороны, нападали на крестьянскія жилища, крали у крестьянъ одежду и другія ихъ сбереженія, ломали нарочно ихъ мебель и, выпрягая лошадей изъ плуга, брали ихъ подъ свой багажъ. Что касается до буржуазіи, то она съ одной стороны была стѣсняема въ своей торговлѣ постоянно возобнов-

---

[1]) Testament politique de Richelieu, chap. 1. Извѣстно, что Вольтеръ считалъ подложнымъ это Политическое завѣщаніе Ришелье. Но подлинность этого произведенія, долгое время оспаривавшаяся, въ настоящее время можетъ считаться неоспоримой, какъ доказалъ это Анри Мартенъ въ XI томѣ своей превосходной Histoire de France.

[2]) Mémoires de Richelieu, liv. XII, p. 235, t. VII de la Collect. Michaud et Poujoulat.

[3]) Code Michau, art. 210.

лявшимся учрежденіемъ новыхъ должностей, которыя они называли разореніемъ отъ чиновниковъ, а съ другой должна была, пока еще не пришелъ часъ мести, подвергаться презрительнымъ обидамъ дворянства, которое на общемъ сословномъ собраніи въ 1614 году пришло въ сильное негодованіе вслѣдствіе того, что осмѣлились назвать братьями три сословія королевства.

Такимъ образомъ Франція, при вступленіи въ управленіе Ришелье, представляла всѣ симптомы падающаго государства: анархическую администрацію, безнаказанныхъ вельможъ, возмущеніе и федерализмъ. Итакъ единство было въ то время единственною потребностью Франціи: понятно, кому особенно должно было принести пользу это единство.

Но каковы были принципы Ришелье и что это былъ за человѣкъ? Подъ любезными наружными пріемами онъ скрывалъ свои обширные проекты. Онъ началъ ухаживать за двумя королевами, а окончилъ тѣмъ, что сталъ обращаться съ ними какъ господинъ. Потому что, если онъ обладалъ изворотливостью, которая ведетъ къ успѣху, то имѣлъ также и гордость, которая даетъ власть. Сдѣлавшись министромъ, онъ уничтожилъ въ себѣ священника; ему нужна стража, и онъ совершаетъ обѣдню, окруженный мушкатерами. Не любя ни посредственныхъ опасностей, ни второстепенныхъ затрудненій, онъ сдѣлалъ бремя управленія столь тяжелымъ, что могъ его носить только одинъ. Изъ государя онъ сдѣлалъ своего секретаря: его не любятъ, но ему повинуются. Скоро возвысивши свои личныя страсти, свою ненависть, свою ревность, до высоты государственныхъ интересовъ, онъ будетъ больше, чѣмъ король, онъ олицетворитъ королевскую власть. Приносить все въ жертву государственному дѣлу—единственная цѣль государя и его совѣтниковъ, таковъ былъ его принципъ. Унизить внѣ государства австрійскій домъ, а внутри партію возмутившихся сеньоровъ — такова его цѣль. Сила, управляемая геніемъ, вотъ его средства. Итакъ Ришелье завершитъ политику Макіавелли, внесенную во Францію членами фамиліи Медичи. Коварство этихъ флорентинцевъ уступитъ мѣсто свѣтлому здравому смыслу, который составляетъ сущность гальскаго духа, и мечъ замѣнитъ кинжалъ. Но власть — на того, кто ищетъ ее для того, чтобы дѣйствовать, а не для того, чтобы любоваться ею, возлагаетъ иногда жестокія обязанности: Ришелье будетъ страшенъ, но никогда не будетъ пошлъ; потому что низость безполезна для силы. Кромѣ того, будучи убѣжденъ, что въ лицѣ своихъ враговъ онъ поражаетъ враговъ государства, онъ не отступитъ никогда и ни передъ чѣмъ. Онъ разрушитъ укрѣпленія сеньоровъ, уничтожитъ ихъ заговоры и обезглавитъ ихъ

знаменитыхъ вождей на Гревской площади; и министръ, принадлежащій къ ихъ средѣ, приготовитъ ихъ къ гражданскому равенству посредствомъ равенства передъ палачемъ.

Таковъ былъ Ришелье и по счастливому случаю онъ встрѣтилъ на тронѣ человѣка способнаго страстно содѣйствовать его взглядамъ. Людовикъ XIII, монархъ безсильный, мрачный и жестокій, имѣетъ всѣ слабости и всѣ пороки, нужные для его роли. По своей слабости онъ способенъ къ порабощенію, по своей меланхоліи онъ расположенъ былъ оставаться въ сторонѣ; его жестокость помогала систематической строгости министра; за то, что онъ бывалъ безжалостенъ, онъ вознаграждалъ себя униженіемъ въ повиновеніи. Предписывать наказанія, важности которыхъ онъ не понималъ, значило по его мнѣнію поступать по-королевски. Замѣтимъ кромѣ того, что Людовикъ XIII былъ лично храбръ и только любовь къ оружію могла извлекать его изъ той сонливости, въ которую погружала его мистическая любовь: обстоятельство, очень благопріятствовавшее видамъ Ришелье, который хотѣлъ зажечь всю Европу и привести въ движеніе Францію.

Скажемъ прежде всего, что Ришелье не имѣлъ любви къ народу и относился къ буржуазіи какъ большой сеньоръ. Народъ онъ сравнивалъ съ мулами, которые портятся отъ бездѣйствія [1]). Относительно буржуазіи онъ писалъ, что низкое происхожденіе рѣдко даетъ качества, необходимыя для чиновника; что въ незнатныхъ родахъ встрѣчаются люди съ колючею суровостью, которыми до такой степени трудно управлять, что самая ихъ добродѣтель становится предосудительною [2]). При равныхъ заслугахъ онъ всегда предпочиталъ того, кто могъ внѣшнимъ блескомъ возвысить достоинство своей должности. Одно и то же дерево, смотря по тому, посадятъ ли ее въ хорошую или дурную почву, даетъ болѣе или менѣе хорошіе плоды: по мнѣнію Ришелье хорошая почва это дворянская кровь. Противникъ продажности должностей, онъ находилъ однако въ ней ту выгоду, что она устраняла людей низкаго состоянія [3]). И однакоже это былъ человѣкъ, которому выпала на долю миссія очистить путь, по которому должна была идти во Франціи буржуазія. Великіе люди всегда суть только могучіе слѣпцы. Роль, которую они играютъ, почти никогда не принадлежитъ имъ. Настоящій результатъ

---

1) Testament politique, chap. IV, sect. V du Peuple, p. 150.
2) Ibid., sect. I, p. 133 et 134.
3) Ibid.

ослѣпляетъ ихъ; они служатъ ему, между тѣмъ какъ высшая судьба, распоряжающаяся человѣческими дѣлами, рѣшаетъ дальнѣйшія послѣдствія и приготовляетъ отдаленныя противодѣйствія.

Призванная къ тому, чтобы возвыситься промышленностью и торговлею, буржуазія должна была сильно желать, чтобы обузданы были насилія дворянства, того самаго дворянства, которое на послѣднемъ общемъ собраніи сословій заявляло, что между нимъ и третьимъ сословіемъ существуетъ такая же разница, какъ между господиномъ и слугою [1]). Этой потребности и удовлетворялъ знаменитый ордонансъ генваря 1629 года, извѣстный подъ именемъ Code Michau.

Принадлежитъ ли честь этого ордонанса Ришелье? Самъ онъ говоритъ о немъ какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ не принималъ участія [2]) и которое было нетолько исполнено, но и задумано хранителемъ печатей Мишелемъ Марильякомъ. Но на самомъ дѣлѣ первымъ авторомъ Code Michau была Францiя. Потому что элементы, вошедшіе въ составъ его, были даны общими сословными собраніями 1614 и 1626 годовъ. Но если не Ришелье составилъ генварскій ордонансъ, то онъ принялъ его и, благодаря ему, онъ былъ приведенъ въ исполненіе по всему королевству: громадная заслуга, оказанная буржуазіи. Потому что какъ она могла совершать торговлю, когда дороги были покрыты вооруженными бандитами и отставшими отъ проходившихъ полковъ солдатами, злоупотреблявшими внушаемымъ ими страхомъ? Какую безопасность могъ имѣть малый собственникъ въ странѣ, гдѣ солдатъ избиралъ себѣ постой по своему произволу и, вмѣсто жалованья, бралъ себѣ безцеремонно что хотѣлъ? Какимъ унизительнымъ стѣсненіемъ для третьяго сословія было это верховное господство сабли! Въ какомъ безпорядкѣ должно было находиться государство, въ которомъ простой губернаторъ провинціи Ледигьеръ осмѣлился учредить и поддерживать своею частною властью страшную таможню въ Валансѣ, на которую купцы смотрѣли какъ на разбой! Была крайняя необходимость положить предѣлъ подобной анархіи: Code Michau былъ неумолимъ. Тѣ, которые остановятся на постой въ деревняхъ безъ позволенія, должны считаться бродягами и ворами и общинамъ дозволялось нападать на нихъ со звономъ въ набатъ [3]). «Запрещаемъ всѣмъ губернаторамъ и генеральнымъ намѣстни-

---

[1]) Флоримонъ Рапинъ, Assemblée des trois états en l'an 1614.

[2]) «Tant le garde des sceaux était affectionné à cet ouvrage qui était sien». Mémoires de Richelieu, t. VII, p. 587.

[3]) Code Michau, art. 252.

камъ провинціи,—говорится въ другой статьѣ,—какого бы они ни были сана, чина и достоинства, всѣмъ нашимъ бальи и сенешаламъ, казначеямъ Франціи и прочимъ взимать или допускать взимать какія бы то ни было налоги и подати съ нашихъ подданныхъ безъ особенныхъ граматъ, утвержденныхъ нашею большою печатью, подъ страхомъ конфискаціи имущества.» Ришелье все это приводилъ въ исполненіе; привилегія безнаказанности была отнята у вельможъ, законъ вошелъ въ силу, все пришло въ порядокъ и буржуазія вздохнула свободно; дороги, очищенныя отъ бандитовъ, сдѣлали торговлю болѣе легкою; освобожденная отъ тысячи второстепенныхъ тирановъ, отъ этихъ маленькихъ корольковъ, какъ говоритъ Вуатюръ, трудолюбивая часть націи пріобрѣла чувство собственнаго достоинства и увидѣла, что знатность виновныхъ не спасаетъ ихъ отъ наказанія. Но еще болѣе, Code Michau показалъ буржуазіи, что даже въ арміи, послѣднемъ убѣжищѣ дворянства, солдатъ можетъ получать повышеніе въ чинахъ и должностяхъ до чина капитана и даже выше, если онъ будетъ того достоинъ [1]).

Но, при исполненіи этихъ плановъ, Ришелье долженъ былъ встрѣтить противодѣйствіе. Онъ ожидалъ его и изгналъ изъ своего сердца всякую жалость. Дѣйствительно, трудно не взволноваться, видя во глубинѣ залы, въ которой эти великіе планы переводились въ смертные приговоры, мрачныя фигуры Лобардемона и Лаффема, или вспоминая о маршалѣ Марильякѣ, казненномъ за то, какъ онъ говорилъ, что онъ употребилъ въ свою пользу немножко соломы и сѣна, о Маріи Медичи, умирающей въ Кельнѣ среди нищеты, и наконецъ о цѣлой гекатомбѣ дворянъ столь покойныхъ и столь гордыхъ даже въ послѣднія минуты и умѣвшихъ умереть вездѣ, даже на Гревской площади. Однажды Ришелье лежалъ больной въ постели, какъ вдругъ къ нему вошелъ другой больной — Людовикъ XIII. Подлѣ постели кардинала приготовили другую постель для больнаго монарха. О чемъ говорятъ между собою тихимъ голосомъ эти два умирающіе? Они сговариваются между собою о казняхъ. Да, это были страшныя сцены. Но нужно помнить, что между этими осужденными знаменитостями, погубленными Ришелье, не было ни одного, который бы не былъ въ открытой войнѣ противъ общаго блага. Бутевиль заплатилъ головою за нарушеніе закона. Мрачное преобладаніе любимцевъ было разрушено въ лицѣ Шале. Монморан-

---

[1]) Art. 229 de l'ordonn. de janvier.

си погибъ въ наказаніе за возмущенія провинцій, возбужденныя дворянами. Заговоры съ иностранцами и государственная измѣна стоили жизни Сенъ-Марсу и де-Ту. Марильякъ казненъ для того, чтобы дать примѣръ среди скандаловъ всеобщаго казнокрадства. Что касается двухъ королевъ, то онѣ имѣли другія вины кромѣ того, что оскорбляли любовь и раздражали гордость Ришелье. Увы! ужели нужно умереть въ 22 года? восклицалъ Сенъ-Марсъ. И потомство выслушало эти слова столь ужасныя и столь меланхолическія; оно нашло, что Сенъ-Марсъ былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы умереть; оно забыло, что въ глазахъ кардинала Сенъ-Марсъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы измѣнять.

Когда буржуазія такимъ образомъ была защищена отъ притѣсненій вооруженнаго дворянства, то что еще нужно было для нея, чтобы она могла развиваться свободнѣе? Она, очевидно, не могла достигнуть господства посредствомъ индивидуализма, еслибы не было предварительно установлено единство администраціи, безъ котораго индивидуализмъ былъ бы настоящимъ разъединеніемъ. Безъ единства не можетъ существовать ни одно большое собраніе людей и когда этого единства нѣтъ ни въ общности усилій, ни въ общности вѣрованій, то нужно по крайней мѣрѣ, чтобы оно заключалось въ государственной полиціи. Буржуазіи оставалось еще попросить у кардинала центральную администрацію, сильно организованную, которая на мѣсто тысячи маленькихъ корольковъ поставила бы одного только короля, относительно котораго она увидитъ впослѣдствіи, нужно ли его удержать или уничтожить; и кардиналъ далъ ей это, создавши интендантовъ.

Невозможно было нанести болѣе суроваго удара анархіи, которою пользовались дворяне, особенно служившіе по финансамъ. Цифра налога, опредѣленная въ совѣтѣ, сообщалась генеральнымъ казначеямъ Франціи; но съ давняго времени эти сильные чиновники руководствовались своими фантазіями, а не королевскими приказаніями, и потому въ распредѣленіи налога и во взиманіи его были страшные безпорядки, благопріятствовавшіе воровству: вездѣ былъ произволъ, всегда гибельный для слабѣйшаго класса. «Они до такой степени неохотно исполняютъ наши указы и повелѣнія,—говорится во введеніи къ ордонансу,—что кажется, какъ-будто они хотѣли прямо сопротивляться имъ и нарушать ихъ» [1]). Ришелье былъ противенъ федерализмъ финансовыхъ чиновниковъ не меньше федерализма сеньоровъ. Поэтому онъ послалъ въ каждую про-

---

[1]) Recueil d'Isambert, ordonn. de mai 1635.

винцію коммиссара, который подъ именемъ интенданта долженъ былъ имѣть верховный надзоръ за собираніемъ налоговъ, созывать выборныхъ когда ему будетъ угодно [1]), препятствовать отягощенію бѣдныхъ, управлять финансами, доменами и путями сообщенія, т. е. вездѣ проводить волю совѣта. Въ дѣлахъ ужъ не могло быть болѣе задержки и замедленія. Казначеи Франціи сохранили только тѣнь своей прежней власти. Интенданты могли и безъ нихъ приказать внести въ реестръ указы о финансахъ и, чтобы устранить всякое пререканіе между ними и казенными палатами, процессы приказано представлять совѣту короля [2]). Отсюда исходили всѣ приказанія, сюда присылались всѣ отчеты. Такимъ образомъ снова явились при короляхъ второй династіи missi dominici, которые были учреждены Карломъ Великимъ и которыхъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы сдерживать феодализмъ [3]). Такимъ образомъ началась новая централизація.

Но для буржуазіи было еще недостаточно того, что установилось внимательное и покровительствующее правительство и сильная администрація. Буржуазія, какъ классъ естественно любящій миръ, преданная финансамъ, торговлѣ, занятіямъ духовнаго званія, изученію искусствъ, должна была играть только ничтожную роль въ обществѣ, въ которомъ отличительнымъ знакомъ дворянства была шпага. Какимъ же образомъ окончательно унизить силу? Провозгласивши царство ума: Ришелье былъ другомъ литераторовъ, покровителемъ Пуссена, безпокойнымъ соперникомъ Корнеля и основателемъ французской академіи.

Что при основаніи академіи великій кардиналъ, продолжатель эпохи возрожденія, мечталъ о томъ, чтобы приготовить нашему языку блестящую будущность языка Рима или языка Аѳинъ, — это можно допустить. Но понималъ ли онъ, что усовершенствованный языкъ, сдѣлавшись яснымъ и логическимъ, рано или поздно обратится на служеніе праву и легко превратится въ рычагъ революцін вездѣ, гдѣ страдаютъ милліоны людей? Подозрѣвалъ ли онъ, что эта абсолютная монархія, устроенная имъ съ такимъ трудомъ, будетъ разрушена именно мыслью, жизнь которой составляетъ языкъ? Зналъ ли онъ, что сдѣлать языкъ достойнымъ служить всеобщею монетою при умственномъ обмѣнѣ это значитъ дать одно внушеніе всѣмъ угнетеннымъ народамъ?

---

[1]) Ст. 17 ордонанса.

[2]) Ст. 2 и 9 ордонанса.

[3]) Моларъ, Histoire du système politique de la France, t. I, p. 164 et suiv.

Предвидѣлъ ли онъ и могъ ли предвидѣть, что когда-нибудь устрашенные короли и вооружившаяся Европа будутъ называть французскій языкъ пропагандою? Но на самомъ дѣлѣ это было вовсе не важно, чтобы основатель французской академіи понималъ всю важность своего дѣла, чтобы онъ предвидѣлъ, куда приведетъ эта сила таланта, признанная патентомъ. Можетъ быть, что онъ сначала не имѣлъ въ виду ничего другаго, какъ только создать общество льстецовъ и дать его похвалѣ важность преданія. Часто и у великихъ людей самыя высокія мысли имѣютъ личную сторону и скрываютъ за собою слабость. Вести одною рукою тридцатилѣтнюю войну, а другою работать надъ единствомъ монархіи, — этого было недостаточно для Ришелье. Франція ему повиновалась, отчего же не должна покориться ему и муза? Тщеславіе Ришелье стоило Франціи французской академіи. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, который предсѣдательствовалъ на праздникахъ на Гревской площади, усиливался сочинять трагикомедіи, на представленія которыхъ онъ тратилъ до ста тысячъ экю? Съ трепетомъ онъ ожидалъ поднятія занавѣса и приговора партера. «Онъ былъ внѣ себя, говоритъ Пелиссонъ [1]), когда пьесѣ аплодировали. То онъ вставалъ, то показывался публикѣ, высовываясь изъ ложи до половины, или требовалъ молчанія, чтобы дать понять, что будутъ слѣдовать еще лучшія мѣста». Не будемъ смѣяться надъ этимъ наивнымъ энтузіазмомъ автора, который удивляется своему произведенію Mirame послѣ того, какъ онъ измѣнилъ видъ французскаго королевства, возбуждалъ армію Лютера противъ арміи Рима, наполнилъ Европу шумомъ своихъ переговоровъ и своихъ побѣдъ и потрясъ монархію Карла V. Изъ этой человѣческой слабости возникутъ большія послѣдствія и между прочимъ офиціальное возвышеніе литературы, возвышеніе ея значенія и достоинство писателей и мыслителей, настоящая магистратура ума.

Однажды королева мать вошла къ кардиналу и онъ принялъ ее не вставая; а вмѣсто того, чтобы привести въ извиненіе свое болѣзненное состояніе, онъ осмѣлился утверждать, что римская мантія даетъ ему право сидѣть даже передъ матерью короля. Но однакоже этотъ самый кардиналъ сближался до короткости съ самыми безвѣстными поэтами Гомбо, Демаре, Коллете, Буароберъ, и когда онъ фамильярно разговаривалъ съ ними и передавалъ имъ для исправленія свои рукописи или читалъ имъ свои александрійскія стопы, то требовалъ, чтобы они сидѣли передъ нимъ и не обнажали головы [2]).

---

[1]) Hist. de l'Academie.

[2]) Базенъ, Hist. de France sous Louis XIII, t. IV.

Во всякомъ случаѣ достаточно прочитать Политическое Завѣщаніе, чтобы судить, что Ришелье былъ далекъ отъ того, чтобы желать разлитія свѣта и предвидѣть его: «еслибы литература—говоритъ онъ—была профанирована предоставленіемъ ея всякаго рода умамъ, то мы увидѣли бы больше людей способныхъ представлять сомнѣнія, чѣмъ людей, способныхъ разрѣшать ихъ, и многіе бы были способны болѣе сопротивляться истинамъ, чѣмъ защищать ихъ» [1]. Большое число коллегій возбуждаетъ подозрѣніе въ этомъ министрѣ; онъ желаетъ, чтобы земледѣльцы и торговцы не знали литературы, и предпочитаетъ суровость невѣжества, такъ какъ она болѣе способна давать хорошихъ солдатъ. Но тамъ, гдѣ учреждаютъ высшую школу, которая учитъ мыслить и хорошо выражаться, можно ли провести границу расширенію идей и ихъ силѣ?

Но вотъ еще другая странность. При покровительствѣ Ришелье возникла Gazette de France, первая изъ французскихъ политическихъ газетъ. Ришелье думалъ можетъ быть дать деспотизму еще одно оружіе: но мы знаемъ въ настоящее время, до какой степени была опасна для абсолютной монархіи верховная власть этихъ летучихъ листковъ.

Занятый поддержаніемъ постоянной войны то противъ испанцевъ въ Вальтелинѣ, то противъ императорскихъ приверженцевъ на Рейнѣ и внутри королевства противъ двухъ главныхъ вождей партіи гугенотовъ—Субиза и Рогана, Ришелье имѣлъ мало досуга для изученія, по крайней мѣрѣ въ подробностяхъ, потребностей торговли, преобразованія налоговъ и всего, что прямо интересовало буржуазію; и однакоже онъ успѣлъ воспользоваться короткими промежутками покоя, какой оставляли ему его многочисленные враги, для того чтобы установить принципы широкіе и плодотворные, принять и указать мѣры рѣшительныя, единственныя, какія были сообразны съ его характеромъ. Ришелье приготовилъ то, что долженъ былъ довершить Людовикъ XIV. На собраніи нотаблей 1626 года, происходившемъ въ Тюльери, кардиналъ требовалъ флота. Конечно во глубинѣ его мысли лежала скорѣе война, чѣмъ торговля: онъ поклялся покорить Рошель и политическая сторона вообще преобладала въ его взглядахъ; но буржуазія умѣла воспользоваться ихъ промышленной стороною. Когда Ришелье сдѣлалъ нотаблямъ предложеніе, столь хорошо принятое ими, основать флотъ, то онъ при этомъ съ горечью вспоминалъ объ униженіи, вынесенномъ

---

[1]) Testament politique, chap. II, sect. X.

Сюлли, который прибывши въ Кале на суднѣ, имѣвшемъ на большой мачтѣ флагъ съ цвѣтами Франціи, принужденъ былъ спустить флагъ передъ англійскимъ судномъ, ядра котораго пронизывали сердца всѣхъ добрыхъ французовъ [1]). Ришелье чувствовалъ это униженіе, вынесенное Генрихомъ IV, такъ живо, какъ бы свою личную обиду. Ему нуженъ былъ флотъ и для того, чтобы предупредить повтореніе подобнаго несчастія, и для того, чтобы наказать гугенотовъ, не прибѣгая къ необходимости нанимать суда въ Голландіи.

Но планы, которые внушала ему политика, давали результаты, которые должны были принести пользу и торговлѣ. Флотъ, напримѣръ, требуетъ колоній и его существованіе связано съ необходимостью далекихъ экспедицій. Такимъ образомъ Ришелье долженъ былъ основать Морбиганскую компанію наподобіе большихъ компаній англійскихъ и голландскихъ. Онъ поручилъ этой компаніи торговлю въ обѣихъ Индіяхъ и предоставилъ ей значительныя привилегіи: право строить корабли, лить пушки и пули, дѣлать порохъ и селитру и имѣть два базара въ недѣлю и одну ярмарку въ годъ; право вербовать и вооружать на свой счетъ здоровыхъ нищихъ и бродягъ; наконецъ уступку порта Морбигана и его округа съ особенной юрисдикціей, не зависящей отъ парламента въ Бретани [2]).

Когда эта компанія не имѣла успѣха, то это не смутило Ришелье; черезъ два года онъ замѣнилъ ее другимъ обществомъ, которому онъ расточалъ льготы, покровительства и разныя исключенія.

Онъ придавалъ всѣмъ этимъ движеніямъ такую важность, что самъ хотѣлъ быть такъ сказать душею ихъ. Должность адмирала Франціи могла стѣснять его въ его проектахъ: онъ заплатилъ за нее Монморанси извѣстную сумму, затѣмъ уничтожилъ ее и потомъ замѣстилъ ее собою подъ именемъ генеральнаго высшаго интенданта мореплаванія и торговли Франціи. Въ это время буря разбила на нашихъ берегахъ португальскіе корабли и Ришелье отказался выдать выброшенные на берегъ остатки ихъ, за которые предлагали ему 200 тысячъ ливровъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы уничтожить право на разбитые остатки корабля и крушенія, начало котораго принадлежало эпохамъ варварства.

---

[1]) Testament politique. De la puissance sur mer, p. 301.

[2]) Уставъ Морбиганской компаніи приведенъ вполнѣ у Форбонне, t. I, p. 572.

Но оказалось, что, дѣйствуя такимъ образомъ, кардиналъ освобождалъ торговлю отъ большихъ тяжестей. Было замѣчено, говоритъ Форбонне, что право и формальности, требовавшіяся адмираломъ или его офицерами, были одною изъ причинъ упадка торговли и серьезнымъ препятствіемъ къ возстановленію флота.

Мы уже имѣли случай говорить, что буржуазія желала и должна была желать царства терпимости.... Но можно ли произнести слово терпимость, говоря о Ришелье? И однакоже справедливо, что этотъ священникъ, столь цѣльный въ своихъ желаніяхъ, уважалъ религіозную свободу. Ришелье требовалъ только того, чтобы реформаты не имѣли укрѣпленныхъ мѣстъ, оружія и вождей, которые водили ихъ на междоусобную войну. Система драгоннадъ казалась ему не преступленіемъ, но ошибкою. Безжалостный къ кальвинистамъ, которые волновали государство, онъ мало въ сущности безпокоился о томъ, какое ихъ было мнѣніе объ евхаристіи. Настоящимъ нечестіемъ гугенотовъ въ его глазахъ былъ ихъ союзъ съ иноземцами. Во всемъ и прежде всего Ришелье былъ министръ. Интересы священства занимали въ его сердцѣ мѣсто послѣ интересовъ королевства и это одна изъ характеристическихъ чертъ этой великой личности, что, будучи священникомъ, Ришелье осмѣливался гордо держаться передъ Ватиканомъ и никогда не забывалъ, что князь церкви былъ министръ Франціи. Такимъ образомъ онъ, который поражалъ въ Рошели протестантовъ, поддерживаемыхъ флотомъ Букингама, не задумался вступить съ ними въ союзъ, когда они подъ предводительствомъ геройскаго Густава Адольфа шли противъ арміи католическаго дома Австріи и святой инквизиціи. Ришелье имѣлъ фанатизмъ государственнаго интереса: другаго въ немъ не было.

До послѣдняго издыханія онъ казался увѣреннымъ въ безкорыстіи своихъ намѣреній и однакоже этотъ страшный священникъ чувствовалъ въ нѣкоторыя минуты упадокъ духа. Наканунѣ побѣды надъ Гастономъ и его соучастниками онъ почувствовалъ тоску и ужасъ. Разсказываютъ, что, избѣгая солдатъ Сенъ-Марса, онъ ходилъ растерянный по окольнымъ дорогамъ, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не ожидали [1]). Но онъ освободился отъ этихъ слабостей своей хилой натуры благороднымъ мужествомъ своего ума. Въ день смерти, окруженный придворными, боявшимися его выздоровленія, и нѣсколькими друзьями въ слезахъ, потому что онъ имѣлъ друзей, онъ сохранялъ полное спокойствіе.

---

[1]) Сентъ-Олеръ, Hist. de la Fronde, I, p. 71.

«Вотъ мой судья,» сказалъ онъ, когда къ нему поднесли причастіе, какъ-бы поручая себя не милости Божіей, а Его правосудію. Имъ овладѣло сердечное умиленіе. Можетъ быть, онъ предчувствовалъ, что память его скоро погибнетъ, можетъ быть, онъ вспомнилъ слова, написанныя имъ же самимъ, при извѣстіи о смерти Валленштейна: «Когда дерево упало, то всѣ сбѣгаются къ вѣтвямъ, чтобы довершить его разрушеніе..... Привязанность людей не имѣетъ предметомъ того, чего уже нѣтъ» [1]).

Разсматривая въ Луврѣ знаменитый портретъ, столь хорошо выражающій нравственную физіономію Ришелье, пусть буржуазія вспомнитъ, что эта элегантная и гордая фигура, нарисованная важною кистью Филиппа изъ Шампаньи, представляетъ человѣка, который далъ ей участіе въ дѣлахъ. Контуры портрета могли бы намъ показать, что Ришелье былъ фриволенъ, заражонъ суетностію и готовъ оставить сутану для того, чтобы отправиться въ платьѣ кавалера къ Маріонъ Делорму; но въ исторіи онъ является намъ одѣтымъ въ свою красную одежду, которая какъ будто выкрашена кровью бунтовавшаго дворянства. Единственный и счастливый человѣкъ! Онъ сложилъ на парламенты обязанность отмстить на его противникахъ за раны его любви и за пораженія его гордости; часто онъ свои личныя страсти прикрывалъ національнымъ судомъ и въ настоящее время мы едва можемъ отличать то, что онъ смѣшивалъ,—до такой степени онъ умѣлъ отожествить себя съ Франціею, связавши свою судьбу съ ея судьбою.

ГЛАВА IV.

Прогрессъ буржуазіи.

Фронда и янсенизмъ.

Парламентъ.—Совѣщанія палаты св. Людовика: неудавшаяся буржуазная революція.—Парламентъ достигъ всемогущества и испугался его.—Фронда парламента побѣдила сама себя.—Безплодность фронды принцевъ.—Возникновеніе янсенизма; его историческая важность въ исторіи высшей буржуазіи.—Жизнь въ Поръ-Ройялѣ.—Политическій и революціонный характеръ «Provinciales».—Янсенизмъ—это былъ парламентъ въ церкви.

Подавляя остатки феодализма, Ришелье только приготовилъ королевскому абсолютизму новыхъ враговъ. Противовѣсъ не былъ разрушенъ,

---

[1]) Mémoires de Richelieu, t. VIII de la Collect. Michaud, liv. XXV, p. 523.

но только перемѣщенъ. За вооруженными сопротивленіями дворянства послѣдовала легальная оппозиція высшей буржуазіи: прежній посредникъ исчезъ, и тронъ и парламентъ очутились лицомъ къ лицу между собою.

Но парламентъ не былъ уже, какъ вначалѣ, только простымъ юридическимъ собраніемъ. Вслѣдствіе того обычая, по которому ему дозволили вносить въ реестръ эдикты и при внесеніи критиковать ихъ, онъ сталъ политическимъ собраніемъ: онъ пользовался уваженіемъ и богатствами. Въ средѣ его были герцоги и перы, принцы крови. За нимъ стояли, всегда готовыя поддерживать его, многія корпораціи, составленныя по его образцу и проникнутыя его духомъ. Кліентами его были владѣтели судебныхъ и финансовыхъ должностей, сословіе важное и многочисленное, которому наслѣдственность должностей давала видъ аристократіи. Онъ стоялъ во главѣ 45 тысячъ фамилій.

Честолюбіе политическихъ корпорацій бурно по своей природѣ и неутомимо, потому что тѣ, которыми оно овладѣваетъ, часто считаютъ его страстною любовью къ общественному благу, и потому что оно такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ энергію самоотверженія съ стремленіями эгоизма. Парламентъ горѣлъ желаніемъ попробовать свои силы, увеличить ихъ; по смерти Ришелье для этого представился отличный случай.

Избавившись отъ оковъ просвѣщеннаго, но суроваго деспотизма, Франція радостно бросилась къ свободѣ. Слишкомъ продолжительное спокойствіе въ рабствѣ стало возбуждать негодованіе; возникло желаніе письменныхъ гарантій и исканіе покровительственныхъ законовъ; сталъ возникать вопросъ, почему бы государямъ не держаться неизмѣнной системы правленія и, по прекрасному выраженію коадъютора Ретца, «не уподобляться Богу, который всегда повинуется тому, что онъ однажды повелѣлъ» [1]).

Смерть Людовика XIII, который скоро послѣдовалъ за своимъ министромъ во гробъ, еще увеличила стремительность этого движенія. Малолѣтство короля! какая открытая дорога для честолюбивыхъ попытокъ! И ужели не было сильнымъ возбужденіемъ для гордости парламентаристовъ то, что по ихъ настоянію регентство досталось повелительной Аннѣ австрійской?

---

[1]) Mémoires du cardinal de Retz, t. I, p. 125.

И кромѣ того какой человѣкъ стоялъ противъ нихъ? Послѣ страшнаго *краснаго преосвященства*, Мазарини былъ почти жалокъ! Могучія качества его предшественника, слишкомъ близкія съ его качествами, производили то, что послѣднія казались неблестящими и вульгарными. Его несправедливо умаляли сравненіемъ его добрыхъ дѣйствій, его преступленій и даже ошибокъ. Его искусство, нѣсколько скрытное, считали лицемѣріемъ, а его благоразуміе слабостью. Онъ былъ ловокъ, а его считали плутомъ. Его считали трусомъ, потому что его мужество было мужествомъ только въ данныхъ обстоятельствахъ и что его отвага никогда не была больше того, сколько это было нужно для него. Наконецъ на него нападали потому, что Ришелье выбралъ его, чтобы въ немъ жить и послѣ своей смерти, и что онъ исчезалъ въ блескѣ Ришелье.

Такимъ образомъ объясняется начало фронды или лучше сказать двухъ фрондъ; потому что была фронда парламента и фронда принцевъ. Обѣ онѣ были неудачны; но первая была возвѣщеніемъ революціи, а вторая—только неудавшейся интригой.

Навсегда могъ бы остаться памятнымъ въ исторіи буржуазіи тотъ день, когда парламентъ въ соединенномъ присутствіи своихъ обѣихъ палатъ собрался въ залѣ св. Людовика, чтобы положить преграду абсолютной власти и составить хартію. Но реформаторамъ палаты св. Людовика не доставало той высоты чувствъ, при которой желаніе совершить великія дѣла дѣлаетъ малыми всякія препятствія, рѣшимости идти въ случаѣ нужды дальше цѣли чтобы быть увѣреннымъ въ ея достиженіи, того безкорыстія, которое производятъ энтузіазмъ къ справедливости и порывы благородства. Это ясно доказало ихъ дѣло.

Они требовали, чтобы на будущее время не былъ взимаемъ никакой налогъ безъ ихъ предварительнаго контроля, высказаннаго свободно [1]: это значило узурпировать верховную власть народа противъ королевскаго произвола. Они требовали, въ видахъ увеличить продажную цѣну своихъ должностей, чтобы не было дозволяемо подобныхъ новыхъ должностей [2]: это значило сдѣлать собственный интересъ закономъ общественнаго интереса. Они предлагали даже не возвращать просителямъ

---

[1]) Délibérations arrestées en l'assemblée des cours souveraines, tenues et commencées en la chambre Sainct-Louis, le 30 juin 1618.—Art. 3.

[2]) Ibid., art. 19.

данныхъ послѣдними задатковъ [1]): это значило наказывать воровъ предоставленіемъ имъ уворованнаго, что унижало правительство до ихъ уровня. Они требовали уничтоженія интендантствъ [2]): это значило приносить въ жертву федерализму провинціальныхъ парламентовъ истинные интересы средняго класса и государственнаго единства.

Но зато же они сказали: отнынѣ всякій арестованный долженъ быть по истеченіи 24 часовъ переданъ своему естественному судьѣ, и что подати должны быть уменьшены на четверть въ пользу народа. Здѣсь начиналась революція: Парижъ былъ потрясенъ и волновался.

Удивившись сначала тому, что и объ немъ думаютъ, народъ немедленно предался порывамъ признательности. Отсюда вытекалъ его гнѣвъ противъ двора при вѣсти о взятіи совѣтниковъ Бланмениля и Брусселя; отсюда вытекала покорная поддержка, которую въ день баррикадъ онъ оказывалъ буржуазнымъ отрядамъ, которымъ поручено было возбуждать и сдерживать его; отсюда наконецъ вытекала та необыкновенная экзальтація умовъ, которая принудила дворъ преклониться, въ декларацій 24 октября 1648, передъ парламентской хартіей.

И однакоже королевская власть могла противопоставить своимъ противникамъ необыкновенные успѣхи своей внѣшней политики и своего оружія; побѣды при Рокруа, Фрейбургѣ, Нордлингенѣ казалось самую славу сдѣлали охранительницей дѣтства Людовика XIV; когда въ Парижѣ строились баррикады, тогда едва только еще былъ конченъ благодарственный молебенъ, прославлявшій сраженіе при Лансѣ, которое было выиграно юностью Конде; и въ тотъ самый день, когда дворъ признавалъ себя побѣжденнымъ магистратурой, 24 октября 1648, трактатъ въ Мюнстерѣ [3]) отдавалъ Эльзасъ Франціи и навсегда.

Подобныя сближенія достаточно показываютъ, что въ то время вліяніе парламента было преобладающимъ. Но отчего же произошло, что революціонный порывъ потухъ такъ скоро? Отчего произошло, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жаръ площади превратился въ будуарные бунты и въ мелочные заговоры? Прослѣдите за парламентомъ среди шума возстаній, возбужденныхъ имъ самимъ; спросите у него объ этомъ.

---

[1]) Президентъ Лекуанье сказалъ канцлеру Сегье: «онъ удивляется, что послѣ того, какъ сами нарушили слово относительно всѣхъ честныхъ людей королевства, затрудняютъ нарушеніе его относительно 100 тысячъ мошенниковъ». Сентъ-Олеръ, Histoire de la Fronde, t. I, chap. IV, p. 201.

[2]) Délibérations etc., art. 10.

[3]) Президентъ Гено, Abrégé chronologique, t. II, p. 682.

Нарушивъ свои обѣщанія, дворъ убѣжалъ, собралъ войска, осадилъ столицу и поручилъ команду Конде.

Но все-таки какъ внушительно и сильно было положеніе этого осажденнаго парламента! Ему стоило только сдѣлать знакъ и весь Парижъ поднялся бы. Для него буржуазные отряды вооружились въ своей части города, которая всегда остается на-сторожѣ; онъ черезъ коадъютора Реца располагалъ народными порывами; въ пользу его дѣла обнаружили геройство герцогини Бульонская и Лонгевильская, которыя прошли черезъ Гревскую площадь и поднялись на ступеньки ратуши при восклицаніяхъ народа, восхищеннаго ихъ храбростью и красотою. Образовался союзъ между магистратурой и дворянствомъ и магистратура стояла въ немъ на первомъ планѣ. До сихъ поръ военные люди презирали этихъ крючкотворовъ, но теперь за ними слѣдовали потерянные и обезсиленные своими раздорами принцъ Конти, принцъ Марсильякъ, герцоги Эльбефскій, Бульонскій, Бофортскій, маршалъ Ламотъ; и въ смѣшанной толпѣ наполняющей галлереи дворца или залы общиннаго дома кираса дворянина производитъ меньше эффекта, чѣмъ длинное платье совѣтника.

Но что же было въ это время заботой парламента, достигшаго перевѣса? Онъ боялся народа.

Когда въ 1646 г. генеральный контролеръ Эмери предложилъ учредить тарифъ на всѣ товары, ввозимые въ Парижъ, то парламентъ сначала отвергъ тарифъ какъ нарушеніе привилегій въ дѣлѣ налоговъ, а потомъ принялъ его, исключивши изъ тарифа все то, что получалось съ собственныхъ земель парижскихъ буржуа. Этотъ фактъ, который справедливо порицаетъ Форбонне [1]), служитъ осужденіемъ парламента. Онъ боялся народа, потому что не любилъ его.

Однако будемъ же справедливы и не будемъ забывать ничего. Это было послѣ осады Парижа въ 1649 г.; и заграницей въ это время вѣтеръ возстаній дулъ съ необыкновенной силой. Въ Италіи Неаполь полонъ былъ воспоминаній о побѣдившемъ Мазаніелло и еще дрожалъ; въ Константинополѣ янычары торжествовали надъ задушеннымъ Ибрагимомъ; Германія, которую тридцатилѣтняя война покрыла своими послѣдними опустошеніями, привѣтствовала Вестфальскимъ миромъ возстаніе Лютера, принятое какъ часть публичнаго права; а англійская демократія по знаку Кромвеля сдѣлала ударъ топоромъ, который раздался на всю Европу.

---

[1]) Форбонне, Recherches et considérations sur les finances, t I, sur l'année 1646.

Этого было уже слишкомъ достаточно, чтобы во Франціи счастливые и мирные отправители суда остановились въ ужасѣ. Съ ними сдѣлалось головокруженіе на высотѣ, съ которою они неспособны были совладать. То, что они смогли сдѣлать, изумило и подавило ихъ.

Дворяне, принадлежавшіе къ ихъ партіи, начали-было говорить о примиреніи съ Испаніей; но къ чести парламента относится то, что онъ имѣлъ только нерасположеніе и отвращеніе къ подобнымъ стремленіямъ. Но ему было бы легко сдержать генераловъ фронды и отвергнуть унизительныя предложенія иностранцевъ, не отбрасывая отъ себя далеко знамени общественной свободы. Коадъюторъ Рецъ весь былъ преданъ парламенту съ своимъ геніемъ, съ своею отвагою и популярностью. Онъ ручался за поддержку народа. Буржуазные отряды не признавали никакого другаго знамени кромѣ знамени парламента. Но въ дѣлѣ революціи нужно или идти впередъ или падать. Парламентъ понялъ это, и лучше рѣшился пасть, чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ усиливалась его власть, увеличивалось и его смущеніе. Онъ торопился заключить миръ, когда со всѣхъ сторонъ ему предлагаютъ средства дѣятельно продолжать войну. Однажды сдѣлалось извѣстнымъ, что герцогъ Лонгевильскій спѣшитъ на помощь столицѣ, что герцогъ Тремульскій ведетъ 10 тысячъ человѣкъ изъ Пуату; что Тюреннь перешолъ черезъ Рейнъ и идетъ предложить магистратамъ свое имя, свою славу, свою армію.... [1]; но парламентъ, потерянный и пришедшій въ отчаяніе оттого, что ему нужно было побѣдить монархію и вести Францію, измѣняетъ себѣ черезъ своихъ уполномоченныхъ въ Рюэлѣ и отдается въ руки Мазарини, своего врага. Трактатъ въ Рюэлѣ дѣйствительно былъ самоотреченіемъ парламента, пустымъ и лживымъ подтвержденіемъ декларации 24 октября, потому что не оставалось никого, кто бы могъ потребовать ея исполненія. Статья относительно уменьшенія налоговъ была оставлена [2]; а на ограниченіе относительно произвольныхъ арестовъ Мазарини поторопился отвѣтить арестованіемъ трехъ принцевъ. Парламентъ допустилъ все это: онъ хотѣлъ быть побѣжденнымъ.

Это было преступное малодушіе, отвѣтственность за которое долженъ

[1]) Сентъ-Олеръ, Hist. de la Fronde, t. I, chap. VII, p. 329.

[2]) 19 ст. Рюэльскаго трактата говоритъ, что будутъ приняты мѣры для облегченія плательщиковъ податей, когда его величество сочтетъ то нужнымъ.

нести передъ всѣми на судѣ исторіи Матье Моле. Но онъ по крайней мѣрѣ съумѣлъ покрыть свою слабость своимъ достоинствомъ. Какъ-бы для того, чтобы отрѣшиться отъ страха, который внушала ему верховная власть народа, онъ сильно выступалъ противъ него съ яростью и гнѣвомъ, и такимъ образомъ прикрылъ робость своихъ взглядовъ безстрашіемъ своего сердца.

Остальные не стоятъ того, чтобы на нихъ останавливаться. Сражаться изъ-за мѣстъ со смѣхомъ и при звукѣ пѣсенъ; волновать народъ, не имѣя благородной идеи, не чувствуя энергической страсти; повиноваться до смерти, даже до измѣны, галантностямъ, принимаемымъ за любовь; съ перемѣной любовницы мѣнять партію; перебѣгать къ непріятелю, хотя бы онъ былъ даже Конде, или Тюреннь... вотъ фронда принцевъ. Время военныхъ и феодальныхъ возстаній совершенно прошло, такъ что дворянство, предоставленное только своимъ собственнымъ силамъ, не могло сохранить серьезности въ своихъ возстаніяхъ.

Итакъ абсолютная власть весьма легко восторжествовала въ лицѣ Мазарини, министра во всякомъ случаѣ искуснаго, потому что онъ имѣлъ рѣдкую привилегію и единственную славу — умереть всесильнымъ и презираемымъ.

Но что за важность? По крайней мѣрѣ съ этого времени стало уже извѣстнымъ, съ какой стороны можетъ идти сопротивленіе. Буржуазія оставалась убѣжденною въ той страшной истинѣ, что ея союзъ съ народомъ рѣшитъ при первомъ же случаѣ судьбу Франціи и положитъ конецъ абсолютной власти. Кромѣ того если война прекращалась временно въ политической сферѣ, то она продолжалась въ сферѣ соціальной и была болѣе глуха, но можетъ быть болѣе рѣшительна и во всякомъ случаѣ склонялась въ пользу буржуазіи.

Мы видѣли возникновеніе іезуитовъ. Ихъ орденъ не оставлялъ человѣческой личности ни мѣста ни убѣжища [1]). Ихъ генералъ былъ для нихъ живымъ Христомъ. Отсюда происходило полное отсутствіе личныхъ претензій, но также удивительный корпоративный духъ и коллективное честолюбіе, доходившее до бѣшенства. Потому что въ томъ именно и заключается недостатокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сила всякой особенной ассоціаціи, что эгоизмъ повидимому угаснувшій въ каждой отдѣльной личности возрождается въ массѣ съ неукротимою энергіей. Тоже было и съ іезуитами. Эти монахи, связанные обѣтомъ бѣдности, располагали

¹) Черутти, Апологія іезуитовъ, гл. X.

всякими богатствами. Эти добровольные рабы человѣка, который тоже былъ рабомъ устава, скоро сдѣлались владыками изумленной Европы. Они скоро сдѣлались внушительными для Рима въ Римѣ, внушающими страхъ инквизиціи въ Испаніи, ведущими во Франціи страшную игру интригъ, давящими на Неаполь и Лиссабонъ, расположившимися въ Вѣнѣ для того, чтобы возжечь ту знаменитую войну, которою протестантская Германія пылала 30 лѣтъ, вездѣ возбуждающими опасеніе и въ тоже время находящими повиновеніе, обвиняемыми въ деспотизмѣ и въ тоже время замѣшанными въ глубинѣ почти каждаго возстанія, обвиняемыми въ цареубійственныхъ стремленіяхъ и окружающими государей своими повелительными услугами, всегда бодро стоящими даже въ униженіи, держащими въ рукахъ душу королей, участь народовъ, волнующими и направляющими поколѣнія изъ среды страшнаго молчанія. Но во всякомъ случаѣ свѣтъ рано или поздно ушолъ бы отъ нихъ, еслибы они имѣли неблагоразуміе управлять имъ, держась вдали отъ него. Они хорошо поняли это и та податливость ихъ морали, за которую ихъ такъ сильно укоряли, была самою глубокою чертой ихъ политики. Напр. чтобы не имѣть противъ себя того движенія, которое влекло новыя націи къ промышленности, они сами занялись торговлей, которая стала для нихъ средствомъ для завоеваній. Ранке разсказываетъ, что въ XVI вѣкѣ collegio romano не брезгалъ выдѣлывать сукно въ Масератѣ; что іезуиты имѣли представителей на ярмаркахъ; что для облегченія сношеній между различными коллегіями они занимались банковыми операціями [1]). Торговля дала имъ колоніи; перепродажа жемчугу, драгоцѣнныхъ камней, даже негровъ открыла имъ Японію [2]). Изъ уваженія къ истинѣ замѣтимъ однако, что они не всегда достигали господства такими мірскими путями. Только одною любовью многіе изъ ихъ миссіонеровъ покорили себѣ варварскія страны, гдѣ остались память ихъ мужества и слѣды ихъ крови; только одна сила ихъ вѣры вела ихъ къ Иллинойцамъ, Гуронамъ, неграмъ и Эѳіопамъ [3]). Они принесли съ собою въ Парагвай съ видами государственныхъ людей мысли истинно христіанскія и славное желаніе организовать братское общество. Но зато въ другихъ мѣстахъ сколько хитрости, сколько искусства безъ величія! сколько мрачныхъ происковъ! сколько низости въ гордыхъ разсче-

---

[1]) Исторія папства, т. IV, с. 420.

[2]) Іезуитъ Скотти, Monarchie des Solipses; прим. къ главѣ XVI, с. 478, издан. Гененомъ Кювилье, франц. пер. Пьерра Ресто.

[3]) Черутти, гл. XII, 140.

тахъ. Не іезуиты ли въ Китаѣ закрывали изображеніе креста, какъ-будто стыдясь скандала, что ихъ богъ умеръ на висѣлицѣ?

Такимъ образомъ для іезуитовъ все было хорошо, все служило для нихъ орудіемъ: терпѣніе и энтузіазмъ, мужество и уловки, отвага, интрига, добро и зло. Но изумленіе удвояется, когда мы отъ ихъ внѣшнихъ дѣйствій обратимся къ ихъ подземнымъ дѣйствіямъ. Дѣти принадлежали имъ по воспитанію; посредствомъ исповѣди, которая превратилась у нихъ въ совѣты снисходительной дружбы, они очаровали безпокойное и нѣжное сердце женщинъ. Ихъ авторитетъ почти незамѣтно проскользнулъ въ семейства и скоро сталъ тамъ господствующимъ. Они устраивали браки, руководили завѣщаніями, приготовляли процессы и регламентировали даже домашнія удовольствія [1]).

Какая же доктрина всего болѣе подходила къ этой всеобъемлющей снисходительной морали? Очевидно доктрина свободной воли. Никакъ нельзя легче утвердить на непоколебимыхъ основаніяхъ систему авторитета, какъ сказавши людямъ: «отъ васъ зависитъ ваше вѣчное спасеніе и ваше вѣчное осужденіе; но если вы ошибетесь, то вамъ мѣсто въ адѣ». Такова и была настоящая сущность знаменитой книги о благодати и свободной волѣ, изданной въ 1588 г. испанскимъ іезуитомъ по имени Молина. Признавши себя молинистами, іезуиты наполовину отвергали первородный грѣхъ, который, дѣлая изъ человѣка раба его поврежденія, приписываетъ заслугу спасенія только милосердію благодати Божіей. Но теологія у іезуитовъ всегда была подчинена политикѣ. Они поспѣшили провозгласить свободу человѣка, конечно предоставляя себѣ дѣло управлять ею абсолютнымъ образомъ и разсчитывая приэтомъ на свое искусство дѣлать пріятными и улыбающимися пути долга.

Оппозиція этой политикѣ и ея дѣйствіямъ породила янсенизмъ.

Еслибы янсенизмъ имѣлъ только блескъ теологическаго тезиса, еслибы его вліяніе умерло, задавленное между монастырскими стѣнами, тогда на немъ не слѣдовало бы и останавливаться. Но, напротивъ, янсенизмъ, давая религіозный оттѣнокъ политическимъ страстямъ магистратуры, содѣйствовалъ восходящему движенію буржуазіи. Онъ заставилъ биться сердце общественнаго мнѣнія, силы до тѣхъ поръ неизвѣстной. Посредствомъ его парламентъ и королевская власть схватились между собою и бросились въ хаотическое, убійственное смѣшеніе. Сорокъ лѣтъ кро-

---

[1]) Des défauts du gouvernement de la société de Jésus, іезуита Маріанны, извлеченіе изъ Mercure jésuitique, p. 2.

ваваго бѣшенства и борьбы въ XVIII вѣкѣ достаточно показываютъ, какова была важность янсенизма. Онъ занималъ, какъ мы увидимъ, много мѣста въ заботахъ Вольтера и мы встрѣтимъ его снова у подножія эшафота Людовика XVI.

Въ началѣ XVII столѣтія началась дѣятельная, таинственная и вся полная мрачныхъ мыслей корреспонденція между двумя лицами, которые были тогда еще молоды и сидя на скамьяхъ фламандской школы были связаны между собою занятіями и дружбой. Бельгіецъ Янсеній (Jansenius) былъ терпѣливый богословъ, между тѣмъ какъ Беарне Дювержье де Гораннъ, впослѣдствіи аббатъ Сенъ-Сиранъ, рожденъ былъ сектаторомъ. Духъ Кальвина былъ въ обоихъ этихъ людяхъ, которые были неумолимы въ своемъ благочестіи и систематически чтили Бога гнѣва и страха. Но они однако не стали и не считали себя кальвинистами, и напротивъ подъ тѣнью великаго имени св. Августина рѣшились реформировать христіанство, слишкомъ изнѣженное по ихъ мнѣнію іезуитами. Было собрано и напечатано много писемъ Янсенія къ его другу: отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то дикимъ. И однако же это настоящія конспираторскія письма. Они написаны шифрами. Янсеній называется въ нихъ Сюльпиціемъ, Сенъ-Сиранъ Ронжаромъ [1]). Шинье есть странное названіе, обозначающее іезуитовъ. Но въ чемъ-же дѣло? Повидимому въ немногомъ,—возобновить противъ іезуитовъ и послѣдователей свободной воли ту старую доктрину о благодати, которую св. Августинъ защищалъ нѣкогда противъ Пелагія и которую Лютеръ отстаивалъ противъ Эразма... Не трясите презрительно головой: въ основаніи этихъ споровъ лежитъ политика и они будутъ имѣть страшныя послѣдствія.

Св. Августинъ назывался Аврелій Августинъ; изъ этихъ двухъ именъ Сенъ-Сиранъ второе оставилъ своему другу, а для себя взялъ первое [2]) и въ 1636 году издалъ книгу подъ заглавіемъ Petrus Aurelius. Въ ней еще не была изложена теорія янсенизма, но въ ней уже можно было открыть сѣмена борьбы, содержавшіяся въ ней. Въ Petrus Aurelius Сенъ-Сиранъ нападалъ на монархическую систему церкви въ пользу епископальной аристократіи: подождемъ, и мы рано или поздно увидимъ, что янсенисты станутъ подрывать абсолютную королевскую власть въ пользу парламентской аристократіи.

---

[1]) Mémoires d'Arnauld d'Andilly — Notice sur Port-Royal, Петито, t. I, p. 19, въ Collection des mémoires sur l'Histoire de France.

[2]) Сентъ-Бевъ, Port-Royal, liv. 1, p. 331.

Сенъ-Сиранъ родился сектаторомъ, какъ я сказалъ. Между тѣмъ, какъ его другъ трудился надъ тою большою книгою Augustinus, изъ-за которой въ теченіе 50 лѣтъ велся споръ, онъ самъ, сообщаясь со свѣтомъ, искалъ и дѣлалъ прозелитовъ. Сначала онъ попробовалъ обратиться къ женщинамъ. Чтобы привлечь ихъ, онъ не прибѣгалъ къ привлекательнымъ соблазнамъ, которыми вооружился нѣжный и милый Франсуа де-Саль; онъ предлагалъ сторону суровости дѣйствительно болѣе согласную съ его жесткой натурой и съ его мрачными теоріями. Кромѣ того онъ хорошо зналъ, что женщины любятъ крайности во всемъ, что ихъ, слабыхъ и страстныхъ, легко привлекаетъ и удерживаетъ избытокъ силы, что если онѣ любятъ кого-нибудь, то чтобы придти къ нему имъ не покажется слишкомъ крутою никакая тропинка, особенно когда предметъ ихъ любви есть Богъ. Онъ имѣлъ убѣжденія горячія и суровыя и строгое чело; но когда человѣкъ обыкновенно непоколебимый смягчается до снисходительности, то его владычество бываетъ еще пріятнѣе для покоряющихся ему душъ. Ничего не можетъ быть милѣе неожиданной улыбки на суровыхъ губахъ. Сенъ-Сиранъ могъ поэтому надѣяться на успѣхъ и онъ достигъ его.

Близъ Шеврезы, въ 6 лье отъ Парижа, возвышалось аббатство, называвшееся Поръ-Ройяль, потому что нѣкогда, по сказанію хроники, Филиппъ Августъ, заблудившійся на охотѣ, былъ найденъ въ этомъ мѣстѣ его свитою [1]). Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, монахини за нѣсколько лѣтъ нашли себѣ въ Парижѣ въ предмѣстьи Сенъ-Жакъ другой Поръ-Ройяль, такъ что настоящій Поръ-Ройяль былъ только мрачный монастырь, заброшенный, въ которомъ жилъ только одинъ бѣдный священникъ, оставленный для служенія при капеллѣ [2]). Омрачаемая стоячими водами, возмущаемая шипѣніемъ змѣй, окрестная долина была ужасна и, какъ писала впослѣдствіи мадамъ Севинье, «способна была нагнать охоту къ спасенію души». И однакоже эта долина дала отечество янсенизму. Монахини Поръ-Ройяля повиновались тогда вліянію двухъ женщинъ съ большимъ характеромъ и горячимъ аскетизмомъ; это были Анжелика Арнольдъ и Агнеса, ея сестра. Съ самаго рожденія и вслѣдствіе привилегіи, которая рисуетъ тогдаш-

---

[1]) Дюфоссе, Mém. pour servir à l'histoire de Port-Royal, Утрехтъ, MDCCXXXIX.

[2]) Фонтенъ, Mémoires pour servir à l'histoire de Port-Royal, t. I, p. 27. Кельнъ, MDCCLIII.

ніе нравы, обѣ онѣ какъ-бы были погребены живыми въ монастырь, и Анжелика 11-ти лѣтъ получила во владѣніе аббатство Поръ-Ройяль [1]), а Агнеса 6 лѣтъ была назначена коадъютрисой своей сестры [2]). Сенъ-Сиранъ зналъ ихъ, имѣлъ на нихъ сильное вліяніе своею важною мрачностью и скоро получилъ духовное руководительство общиной. Это завоеваніе было рѣшительно; и странное дѣло! оно служитъ началомъ политическихъ движеній самыхъ важныхъ, какія когда-либо происходили въ новой исторіи.

Анжелика Арнольдъ имѣла племянника адвоката, равнаго которому по краснорѣчію и репутаціи не знала корпорація парижскихъ адвокатовъ. Уже увлеченный на путь благочестія примѣромъ и вліяніемъ своей тетки, Антоній Леметръ встрѣтилъ однажды Сенъ-Сирана у постели умирающаго, слышалъ, какъ онъ произносилъ высокія слова, какъ открылъ небо для сердца, которое переставало биться, и съ этого мгновенія почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Напрасно пытался онъ оставаться вѣрнымъ этому міру, который осыпалъ его похвалами: онъ болѣе не узнавалъ себя; мірская сила таланта казалось оставила его безвозвратно; и когда въ залѣ, привыкшей къ его тріумфамъ, взглядъ его упалъ на запыленное распятіе, находившееся передъ нимъ, тогда, какъ онъ самъ разсказывалъ, его глаза наполнились слезами. Онъ не могъ противиться этому внутреннему движенію и скоро Парижъ съ удивленіемъ узналъ, что знаменитый ораторъ приказалъ устроить для себя по сосѣдству съ Поръ-Ройялемъ маленькій домикъ, чтобы въ немъ предаться уединенію и подвигамъ покаянія. Этому едва вѣрили. Онъ между тѣмъ началъ свои подвиги съ искреннимъ порывомъ и не безъ нѣкотораго мрачнаго энтузіазма. Скоро его посѣтилъ его братъ Серикуръ, возвратившійся изъ арміи, и, увидавъ его, все-таки продолжалъ искать его въ «этой окружавшей его мрачной атмосферѣ покаянія» [3]). Тогда подвижникъ сказалъ: «вы не узнаете меня, братъ мой? Это—бывшій нѣкогда Леметръ. Онъ умеръ для міра и теперь желаетъ только умереть для самого себя.» Тронутый, растерявшійся молодой майоръ бросилъ свою саблю и написалъ аббату Сенъ-Сирану: «у меня нѣтъ другой мысли, какъ слѣдовать за Христомъ, какъ за моимъ генераломъ, вождемъ и принцемъ кающихся.» Итакъ и онъ въ свою очередь сдѣлался пустынникомъ и остался съ сво-

---

[1]) Фонтенъ, Mémoires pour servir à l'histoire de Port-Royal, t. I, p. 23.

[2]) Ibid., p. 26.

[3]) Ibid., p. 299

имъ старшимъ братомъ. Они иначе и не называли себя какъ «первы и второй пустынникъ». Затѣмъ къ нимъ присоединились трое другихъ братьевъ, Саси, Сентъ-Эльмъ и Валлемонъ. Затѣмъ къ братской группѣ присоединились послѣдовательно священникъ Сенгленъ, Клодъ Лансело, Туссенъ Демаръ. Таково было начало секты.

Скромное начало и можно было даже сказать ребяческое! Однако Ришелье заподозрилъ его. И это не малое доказательство его генія, что онъ въ томъ простомъ фактѣ, что адвокатъ отказался отъ міра чтобы въ глуши предмѣстья предаться подвижничеству, открылъ чорную точку, которая издалека предсказывала бурю. Сенъ-Сиранъ былъ поэтому арестованъ, заключенъ въ Венсеннъ и допрашиваемъ. «Я не сомнѣвался,—писалъ онъ спустя нѣсколько времени Антонію Леметру,—что ваше уединеніе было однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ меня» [1]). Драгоцѣнныя строки, доказывающія, что въ лицѣ Сенъ-Сирана Ришелье хотѣлъ поразить не личнаго своего врага, но основателя секты. Такимъ образомъ, преслѣдованіе не ограничилось главою. Леметръ и Серикуръ, по распоряженію архіепископа, должны были оставить сосѣдство Поръ-Ройяля въ Парижѣ и удалиться въ Поръ-Ройяль загородный: Лобардемонъ и тамъ преслѣдовалъ ихъ своимъ злостнымъ усердіемъ, и они принуждены были искать убѣжища для своего благочестія, сдѣлавшагося подозрительнымъ, еще дальше въ Ферте-Милонѣ.

Но если Ришелье не ошибался насчетъ опасности новыхъ тенденцій, то онъ очевидно ошибался въ способѣ ихъ подавленія. Преслѣдованіе воспламенило смѣлость уже готовую на возстаніе. Важность рождающейся секты измѣряли ненавистью къ ней такого человѣка, какъ Ришелье. Сенъ-Сиранъ, сначала упавшій духомъ, скоро сдѣлалъ изъ своихъ страданій предметъ экзальтаціи и силу. Онъ имѣлъ видъ святаго, а потому получилъ и нравственное преобладаніе. Изъ глубины своей тюрьмы онъ волновалъ все. Черезъ Сенглена онъ возбуждалъ къ заранѣе опредѣленной цѣли монахинь и пустынниковъ. Черезъ любезнаго и элегантнаго Арнольда Андильи онъ пріобрѣталъ себѣ популярность салоновъ. Неукротимый и самоотверженный онъ внушилъ губернатору Венсенна уваженіе къ себѣ и взялъ верхъ надъ нимъ. Съ своей стороны Леметръ и Серикуръ скоро замѣтили, что преслѣдованіе утихло, и воспользовались этимъ для возвращенія въ Поръ-Ройяль загородный. Въ это именно время къ числу приверженцевъ заключеннаго присоединился самый

---

[1]) Фонтенъ, Mémoires, t. I, p. 252.

младшій изъ братьевъ Анжелики, Антоній Арнольдъ, натура сильная для борьбы. Такимъ образомъ янсенизмъ, еще мало извѣстный, едва появившійся, распространялся повидимому именно вслѣдствіе своихъ колебаній и неопредѣленности. Но впрочемъ говорили уже о книгѣ, которая скоро появится и навсегда утвердитъ доктрину: это удивительная книга, говорили потихоньку адепты; она раскроетъ міру всего св. Августина и будетъ служить кодексомъ возрожденнаго христіанства. Наконецъ это сочиненіе явилось въ 1640 г. подъ заглавіемъ Augustinus черезъ два года по смерти ея автора Янсенія. Это былъ тяжелый фоліантъ, написанный по-латинѣ противъ свободной воли. Успѣхъ былъ громаденъ, такъ какъ онъ былъ приготовленъ таинственностью; и каждый удивлялся тому, чего не читалъ. Что могло случиться самаго счастливаго для Сенъ-Сирана? 4 декабря 1642 г. умеръ его сильнѣйшій врагъ. При этой новости, обѣщавшей ему свободу, онъ воскликнулъ въ невольномъ и сильномъ порывѣ гордости: «Ришелье умеръ въ день праздника Сенъ-Сирана» [1]). Онъ не сомнѣвался, что и онъ самъ скоро перейдетъ къ Богу, котораго онъ дерзалъ дѣлать мстителемъ за себя. Онъ вышелъ изъ Венсенна при звукахъ пальбы и привѣтствій 14 мая 1643 г., а 12 октября того же года онъ погребенъ былъ въ приходѣ св. Іакова. Множество вѣрующихъ собрались молиться вокругъ его тѣла и одинъ больной дворянинъ почувствовалъ исцѣленіе, облобызавши ноги святаго [2]). Этотъ дворянинъ назывался Баскль и сдѣлался пустынникомъ вслѣдствіе сновидѣнія, въ которомъ онъ приведенъ былъ въ пустыню похожую на Поръ-Ройяль загородный и въ св. Іоаннѣ Крестителѣ увидѣлъ Дювержье-де-Горанна [3]). Вотъ первое звѣно той цѣли сумасбродныхъ суевѣрій, которая, какъ мы увидимъ, продолжается до XVIII вѣка и которая своимъ другимъ концомъ касается гроба парижскаго діакона.

Сенъ-Сиранъ умеръ во время побѣды, и книга Fréquente Communion Антонія Арнольда доказала, что Янсеній и его другъ не унесли съ собою судьбы янсенизма. Впечатлѣніе, произведенное сочиненіемъ Арнольда, было всеобще и глубоко. Достойно замѣчанія, что свѣтскіе люди, модные вольнодумцы, галантныя женщины, всѣ единодушно рукоплескали тезису, который осуждалъ систему легкаго благочестія. Іезуиты униженные и разъяренные обвиняли Арнольда въ ереси за одну фразу, въ

---

[1]) Notice sur Port-Royal, p. 62. Фонтенъ, Mémoires, t. II, p. 23.

[2]) Фонтенъ, Mémoires, t. II, p. 70.

[3]) Сентъ-Бевъ, Port-Royal, t. I, liv. II, p. 487.

которой онъ ставитъ наравнѣ св. Петра и св. Павла, и они получили отъ королевы матери повелѣніе, посылавшее виновнаго въ Римъ. Но противъ этого возстали немедленно духовенство, парламентъ, университетъ, Сорбонна, всѣ корпораціи королевства [1]). Тогда-то явился памфлетъ отца Бризасье, который архіепископъ парижскій порицалъ [2]) какъ пропитанный самымъ чорнымъ ядомъ клеветы и который только помогъ успѣху секты, обреченной іезуитами на погибель.

Въ самомъ дѣлѣ число пустынниковъ увеличивалось. Среди развалинъ Поръ-Ройяля загороднаго собрались одинъ по одному люди различныхъ состояній и между ними многіе изъ высшаго класса. Иногда это былъ кузенъ герцога Сенъ-Симона Ларивьеръ, иногда знаменитый медикъ Гамонъ или же еще Арнольдъ Андильи, остроумную и улыбающуюся старость котораго любили въ свѣтѣ. Колонія увеличилась также многими военными людьми, солдатами утомленными убійствомъ или кающимися дуелистами, каковы напр. Бесси, Понти, Бомонъ, Лапетитьеръ [3]). Скоро не хватало уже келій для подвижниковъ и Поръ-Ройяль мало по малу расширялся по холму. Видъ его сдѣлался менѣе мрачнымъ, благодаря стараніямъ Андильи, который гордился должностью смотрителя за садами. Мадамъ Гемене и герцогъ Ліанкуръ построили тамъ новыя дачи. Со всѣхъ сторонъ сюда приходили на богомолье.

Жизнь въ Поръ-Ройялѣ была аскетическая и въ высшей степени трудовая. Пустынники вставали въ 3 часа утра. Послѣ утрени они цѣловали подобно шартрійцамъ землю; затѣмъ проводили долгіе часы въ молитвахъ. Они пили сидръ и воду; нѣкоторые носили власяницы; всѣ спали на соломѣ [4]). Земныя привязанности въ нихъ были до такой степени подчинены заботамъ о небесныхъ дѣлахъ, что передъ обязанностями духовной іерархіи совершенно исчезали обязанности семейныя. Напр. мать Саси повиновалась ему такъ, какъ-будто она была его дочь, потому что онъ былъ священникомъ и исповѣдникомъ [5]). Благочестивыя упражненія поглощали все время пустынниковъ. Чтобы вырвать у іезуитовъ руководство юношествомъ, т. е. будущностью, они завели въ Поръ-Ройялѣ школы, которыя были его славой и которыя дали Франціи Расина. Лансело былъ главнымъ образомъ учителемъ; ему помогалъ

---

[1]) Расинъ, Hist. de Port-Royal, p. 76.

[2]) Ibid., p. 83.

[3]) Дюфоссе, Mémoires, p. 67.

[4]) Фонтенъ, Mém., t. I, p. 151.

[5]) P. 221.

Николь; Антоній Леметръ не гнушался утруждать свой краснорѣчивый голосъ въ пользу слушателей дѣтей. Были часы посвященные механическому труду, очищенію деревъ, уходу за огородомъ. Но такое времяпрепровожденіе стольких мрачныхъ дней обезсмертили главнымъ образомъ тѣ ученыя сочиненія, которыми литература и педагогія обязаны Поръ-Ройялю. Такъ они жили, счастливые и гордые, упиваясь небесными надеждами. Иногда на закатѣ солнца они появлялись на высотахъ и оглашали долину звуками религіозныхъ пѣсенъ. Въ 1647 г. они должны были уступить монастырь нѣсколькимъ монахамъ, высланнымъ изъ дома Поръ-Ройяля въ Парижѣ, сдѣлавшагося слишкомъ тѣснымъ, и сами удалились на вершину горы: тогда Поръ-Ройяль загородный представлялъ двоякій видъ, соотвѣтствовавшій своему двойственному происхожденію, именно видъ колоніи, пристроившейся къ монастырю.

При видѣ подобной картины кто не будетъ тронутъ и увлечонъ? Но если проникнуть къ этимъ людямъ, прослѣдить ихъ въ исторіи, то нельзя не удивиться всему, что есть дикаго въ ихъ ученіи, тому, что они всегда примѣшивали ядъ къ благодѣяніямъ своего вліянія.

Можно ли читать въ Dictionnaire du Jansénisme безъ негодованія и ужаса тѣ правила, которыя опредѣляютъ и резюмируютъ духъ секты? «Іисусъ Христосъ также мало умеръ для спасенія тѣхъ, которые не избраны, какъ и для спасенія діавола» [1]. «Богъ могъ до предвѣдѣнія первороднаго грѣха избрать однихъ и осудить другихъ...., все это въ Богѣ совершенно произвольно» [2]. «Богъ сдѣлалъ по своей волѣ это страшное различіе между избранными и отверженными» [3]. «Преступный человѣкъ, безъ помощи благодати, грѣшитъ неизбѣжно» [4]. «Одинъ Богъ дѣлаетъ все въ насъ» [5], и пр.

Эти положенія и многія другія въ этомъ же родѣ, развитыя въ сочиненіяхъ янсенистовъ, имѣли свой источникъ въ Augustinus. По мнѣнію его автора свобода существовала вполнѣ только у перваго человѣка. Но злоупотребивши ею въ своемъ паденіи онъ погубилъ въ себѣ всѣхъ своихъ потомковъ. Слѣдовательно послѣ паденія и первороднаго грѣха

---

[1] Янсеній, de Gr. Christ., t. III, lib. III, chap. XXI, p. 166, col. 2, litt. A.

[2] Бурсье, Action de Dieu sur les créatures, sect. VI, par. III, chap. IV.

[3] Николь, de la Grace et de la Prédestination, t. I, sect. II, chap. IV.

[4] Жерберонъ, Miroir de la piété, p. 86.

[5] Летурне, Explication de l'épitre de saint Cyriaque, t. III, p. 310.—Figures de la Bible, Руаомонъ, fig. 30.

человѣкъ имѣетъ только вполнѣ извращенную природу и волю подчиненную власти зла. Только одна благодать можетъ извлечь изъ глубины бездны; но эту благотворящую, верховную, непреодолимую благодать Богъ, необязанный давать ее никому, даетъ только нѣкоторымъ вслѣдствіе произвольнаго предпочтенія, отчета въ которомъ никто не имѣетъ права требовать отъ него. Счастливцы избранные! Это только для нихъ, а не для всѣхъ людей умеръ Іисусъ Христосъ.

Одинъ изъ гостей Поръ-Ройяля Фонтенъ разсказываетъ наивно въ своихъ мемуарахъ объ одномъ разговорѣ, который поясняетъ эти странныя теоріи. Однажды Сенъ-Сиранъ прибылъ въ Поръ-Ройяль посѣтить Антонія Леметра, и когда они бесѣдовали между собою о путяхъ спасенія, внезапно раздался сильный крикъ. Это кричалъ крестьянинъ, взывавшій о помощи для своей жены, мучившейся родами и родившей ребенка тотчасъ же умершаго. Антоній Леметръ тутъ же спросилъ у Сенъ-Сирана, что онъ думаетъ о состояніи дѣтей, умершихъ такимъ образомъ при самомъ вступленіи въ жизнь. По разсказу Фонтена, котораго конечно нельзя заподозрить въ преувеличеніи, Сенъ-Сиранъ отвѣчалъ: «нѣтъ сомнѣнія, что діаволъ овладѣваетъ душою ребенка еще въ утробѣ его матери» [1]).

Какую пользу могъ принести янсенистскій фанатизмъ тѣмъ, которыхъ преслѣдуетъ голодъ, которыхъ гнететъ излишній трудъ, разумъ которыхъ осужденъ на мракъ и которыхъ общество оставляетъ страдать въ своей глубокой глуши? Отчего не помириться съ тѣмъ, что милліоны людей погружены въ безъисходную бѣдность, когда мы вѣримъ тому, что милліоны душъ уже напередъ осуждены на безконечныя мученія? Не естественно ли было на основаніи фатальности осужденія заключать о фатальности бѣдности? Несчастные выводы, которые неизбѣжно должны были отразиться на участи народа и глубину которыхъ едвали понимали тогда! Но если янсенизмъ стремился къ тому, чтобы утвердить и почти освятить тиранію вещей, то зато онъ прямо велъ къ ослабленію тираніи людей. Кто можетъ давать абсолютныя повелѣнія тамъ, гдѣ повиновеніе возможно только относительно Бога?

До сихъ поръ въ янсенистахъ не было ничего такого, чего бы мы уже не замѣтили прежде въ Кальвинѣ или его ученикахъ. Но протестанты были вполнѣ логичны, тогда какъ янсенисты были логичны только вполовину. Протестанты отвергли папу: янсенисты грозили ему,

---

[1]) Фонтенъ, Mémoires, t. II, p. 79.

но терпѣли его. Янсеній въ своей знаменитой книгѣ сдѣлалъ такое торжественное заявленіе: «я рѣшился слѣдовать до послѣдняго момента, такъ же какъ я дѣлалъ это съ самаго моего дѣтства, римской церкви, преемнику Петра» [1]). Ученики по примѣру учителя не хотѣли сдѣлать полный разрывъ съ Римомъ. Когда 1 іюня 1653 г. папа Иннокентій X осудилъ какъ еретическія и богохульныя пять положеній, въ которыхъ было резюмировано ученіе Augustinus, тогда для янсенистовъ представился прекрасный случай объявить открытую войну папству. Что же они однако сдѣлали? Они ограничились только тѣмъ, что утверждали, будто осужденныя положенія не содержатся въ сочиненіи ихъ учителя; и когда булла Александра VII подтвердила противное, то они вообразили, что превзошли всякую мѣру позволенной дерзости, поставивши вопросъ, простирается ли непогрѣшимость папы на простой вопросъ о фактѣ [2]). И съ какимъ жаромъ они отвергали упрекъ въ кальвинизмѣ! Съ какимъ стараніемъ они настаивали на томъ, что они разнятся съ протестантами въ статьѣ о таинствахъ, о евхаристіи и покаяніи! Ужасъ Сенъ-Сирана передъ ересью былъ столь искрененъ, столь былъ близокъ къ суевѣрію, что онъ не сомнѣвался, будто въ каждой еретической книгѣ сидитъ бѣсъ, и потому онъ не прежде открывалъ какую-нибудь еретическую книгу, какъ изгнавши изъ нея бѣса крестнымъ знаменіемъ [3]).

Поэтому янсенизмъ былъ только выродкомъ протестантизма, нѣкоторымъ компромиссомъ между принципомъ индивидуализма и принципомъ авторитета.

Но этимъ именно и блещетъ его важность въ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ благодаря своей смѣшанной натурѣ, янсенизмъ понравился высшей буржуазіи, той парламентской буржуазіи, которая, стоя между королевской властью и народомъ, не хотѣла ни монархическаго абсолютизма, ни народнаго равенства.

Такимъ образомъ секта пріобрѣтала себѣ послѣдователей главнымъ образомъ между адвокатами парламента, дѣтьми счетныхъ начальниковъ и между чиновниками. Важная и многочисленная фамилія Арнольдовъ образовала первое настоящее ядро Поръ-Рояля и дала тонъ янсенизму. Эта традиціонная важность, эти строгія и размѣренныя привычки французской магистратуры были воспроизведены въ Поръ-Роялѣ во всей

---

[1]) Cornelii Jansenii Augustinus, t. III, lib. 1, cap. II.
[2]) Ранке, Исторія папства, т. IV, стр. 443.
[3]) Сентъ-Бевъ, Port-Royal, t. II, liv. II, p. 190.

ихъ суровости. Нигдѣ не было исключенія: уваженіе къ этикету леденило тамъ языкъ самыхъ нѣжныхъ привязанностей: «господинъ мой отецъ», писалъ своему отцу Антоній Леметръ [1]), а адресуясь къ Сентъ-Эльму говоритъ: «господинъ мой любезный братъ» [2]). Подобныя черты характеристичны. Сдержанная горячность, суровыя внѣшія формы, аскетическое благочестіе, хотя смягченное и развлекающееся любовью къ литературѣ, вкусъ къ внутренней жизни, пересиливаемый увлеченіемъ агитаціями, жосткая сущность, духъ непримиримости соединившійся со страстью къ проискамъ, большое отвращеніе къ народу и приэтомъ очевидное стремленіе унижать придворныхъ и освободиться отъ королевской власти... вотъ какова была физіономія янсенизма; и такова же была физіономія парламента.

Итакъ совершенно естественно, что возстанія магистратуры противъ двора, претензіи парламента на раздѣленіе власти нашли себѣ поддержку въ ученикахъ Сенъ-Сирана; это же объясняетъ, почему во время фронды янсенизмъ горѣлъ въ предводителяхъ возставшаго Парижа. Герцогъ Люинъ, имѣвшій мѣсто въ верховномъ совѣтѣ Франціи, и Рене Бернаръ Севинье, командовавшій полкомъ взбунтованнымъ коадъюторомъ Рецомъ, были ярые янсенисты; самъ коадъюторъ, другъ Антонія Арнольда, поддерживалъ съ Поръ-Рояломъ долгія сношенія; а герцогиня Лонгевильская удалялась янсенизма только по галантности.

Наконецъ политическій духъ, одушевлявшій янсенистовъ, обнаружился довольно ясно, когда 18 декабря 1652 г. коадъюторъ, сдѣлавшійся кардиналомъ Рецомъ, былъ посаженъ въ Венсеннскую тюрьму. При этой новости, по свидѣтельству автора Histoire de l'Eglise de Paris, котораго приводитъ и подтверждаетъ Петито [3]), янсенисты разгорячились. Въ Поръ-Ройялѣ были совершаемы торжественныя молебствія объ освобожденіи заключеннаго. Было возстаніе между каноників Notre Dame и приходскими священниками Парижа, большею частью уже преданными янсенизму. Было дано приказаніе выставить св. дары, пѣть всякій день псалмы печальнымъ тономъ, чтобы подѣйствовать на воображеніе толпы. Такъ какъ ожидали скорой смерти парижскаго архіепископа и такъ какъ объ этомъ считали нужнымъ увѣдомить какъ-нибудь его племянника, кардинала Реца, то къ послѣднему приставленъ былъ священникъ

---

[1]) Фонтенъ, Mém., t. I, p. 235.
[2]) Ibid., p. 359.
[3]) Notice sur Port-Royal, p. 93.

янсенистъ, который читая для него мессы научился обманывать бдительность стражей. «Было условлено, что какъ только архіепископъ умретъ, то священникъ, читая ту часть канона, гдѣ находятся молитвы за властей, подниметъ руку выше обыкновеннаго и произнесетъ слова: Ioannes, Franciscus, Paulus antistes noster, такъ что по этому заключонный узнаетъ новость, такъ какъ имя Павелъ отличало его отъ дяди [1].» Планъ былъ хорошо составленъ и исполненъ. Но этого мало; нужно было позаботиться о послѣдствіяхъ. Въ 4 часа утра парижскій архіепископъ умеръ, а въ 5 часовъ уже собрался капитулъ Notre-Dame. Но для того, чтобъ кто-нибудь могъ принять архіепископскую каѳедру въ отсутствіи и отъ имени кардинала, необходима была довѣренность отъ него; поэтому прибѣгли къ подлогу, который взялъ на свою совѣсть принципалъ коллегіи Грессеновъ. Вдругъ является въ церковь Летеллье. Онъ пришолъ отъ имени министерства требовать, чтобы капитулъ вступилъ въ управленіе епархіей. Но было уже поздо; пробило 10 часовъ и провозглашенъ былъ новый архіепископъ. Никогда болѣе постыдныя продѣлки не употреблялись для удовлетворенія честолюбію болѣе скандалезнаго пастыря; и однакоже благочестивыя дѣвы Поръ-Ройяля не скрывали своей радости. Спустя нѣсколько времени, переведенный изъ Венсенна въ замокъ Нанта кардиналъ Рецъ ушелъ отсюда, благодаря усердію янсенистки Севинье, и янсенисты соединились съ фрондерами, чтобы мутить Парижъ шумомъ своей радости [2]. Современный авторъ, который говоритъ съ двойнымъ авторитетомъ очевидца и дѣйствующаго лица, разсказываетъ, что когда кардиналъ Рецъ былъ въ Роттердамѣ, то нѣкто по имени Сенъ-Жилль являлся къ нему отъ имени янсенистовъ, чтобы убѣдить его соединить его дѣло съ ихъ дѣломъ [3]. И далѣе тотъ же авторъ приписываетъ господамъ изъ Поръ-Ройяля письмо съ упреками, которое послалъ къ Мазарини изъ своего изгнанія гордый глава фронды [4].

Тѣмъ неменѣе нужно согласиться, что участіе собственно янсенистовъ въ волненіяхъ вовсе не было прямымъ и сильнымъ. Это было прежде всего участіе надеждами. Но важно замѣтить, что врагъ, отъ котораго фрондеры хотѣли отдѣлаться въ политической сферѣ, былъ

---

[1] Петито, Notice sur Port-Royal, p. 94.
[2] Ibid., p. 97.
[3] Mémoires de Guy Joly, t. II, p. 64.
[4] Ibid., t. II, p. 76.

тотъ же самый, противъ котораго вооружались янсенисты въ сферѣ религіозной. Этотъ врагъ — старый принципъ авторитета, представляемый для первыхъ абсолютной монархіей, а для вторыхъ — іезуитами.

Нападая на іезуитовъ, янсенизмъ только продолжалъ въ другой формѣ войну объявленную парламентомъ королевской власти. Іезуиты поддерживали тронъ: янсенисты пользовались поддержкой высшей буржуазіи, нетерпѣливо желавшей взять тронъ подъ опеку.

Но къ какому средству прибѣгли іезуиты, чтобы заставить принять иго принципа авторитета? Къ привлекательной легкой морали. Итакъ для обезоруженія ихъ нужно было унизить ихъ мораль. И вотъ за это именно взялись янсенисты съ счастливымъ жаромъ. Вопросъ о томъ, заключаются ли или не заключаются тѣ пять положеній въ книгѣ Янсенія, полувѣковые споры объ этомъ смѣшномъ и знаменитомъ вопросѣ, преслѣдованія, которыя онъ навлекъ на Антонія Арнольда, осужденіе этого доктора Сорбонною, — все это заслуживало бы только презрѣніе или жалость, еслибы оно не скрывало за собою и не увеличивало бы ударовъ, подъ которыми долженъ былъ пасть наконецъ принципъ авторитета.

Однажды, — это было въ самый разгаръ волненій, возбужденныхъ государственными переворотами Сорбонны, — Антоній Арнольдъ, читая своимъ друзьямъ записку, сочиненную имъ для своего оправданія, увидѣлъ, что слушатели оставались холодными. Затѣмъ, обратившись къ одному пустыннику съ широкимъ лбомъ и съ глубокомысленнымъ взглядомъ, сказалъ ему: «но вы, вы еще молоды и должны сдѣлать что-нибудь [1].» Это былъ Паскаль и онъ сдѣлалъ свои Provinciales.

Кто можетъ изобразить дѣйствіе этихъ писемъ? Когда они появились подъ покровомъ псевдонима, то весь Парижъ пораженъ былъ изумленіемъ и удивленіемъ. Кто однако былъ этотъ неизвѣстный, который казалось изобрѣлъ настоящій стиль ироніи и гнѣва? Кто былъ этотъ Луи Монтальтъ, который съ такою опасною игривостью сталъ разоблачать передъ людьми западню казуистовъ, ихъ теорію умственныхъ оговорокъ, ихъ пробабилизмъ, то одобреніе, которымъ они покрывали самыя подлыя сдѣлки совѣсти, наконецъ всю ихъ лживую мораль? Правительство стало безпокоиться такою книгою и преслѣдовало ее. Высшая буржуазія аплодировала, улыбаясь. Іезуиты были убиты.

---

[1]) Петито, Not. sur Port-Royal, p. 121.

Раждается вопросъ, какимъ образомъ іезуиты не могли защитить себя, они, которые имѣли тогда власть въ рукахъ и которые посредствомъ сѣти благочестиваго шпіонства держали общество точно въ заключеніи? Талантъ, выразившійся въ Provinciales, объясняетъ ихъ блестящій успѣхъ, но онъ не объясняетъ ихъ безнаказанности.

Дѣло въ томъ, что книга Паскаля своимъ счастіемъ обязана отчасти симпатіямъ возвышавшагося класса, интересамъ котораго она служила. Высшая буржуазія поняла, что дѣло янсенизма есть здѣсь ея дѣло; что для дого, чтобы отнять абсолютную власть у королей, нужно было вырвать у іезуитовъ, ихъ духовныхъ совѣтниковъ, управленіе семействами. Авторитетъ королей,—это была военная сила; іезуиты же для своей поддержки имѣли ту мягкую снисходительность, которая нѣжно влечетъ подъ власть къ нимъ обманутыя души. Парламентъ, который уже давно противопоставляетъ военной силѣ право представленій, былъ въ восторгѣ, увидавши, какъ противопоставляютъ опасной привлекательности молинизма строгость Поръ-Ройяля.

Такимъ образомъ что же случилось? Что Provinciales нашли среди высшей буржуазіи многочисленныхъ защитниковъ, а въ парламентѣ глухое, но дѣятельное соучастіе. Генеральный адвокатъ склонялся къ янсенизму и въ недавней рѣчи наполовину выдалъ секретъ своей склонности; первый президентъ Белльевръ сдѣлалъ лучше: усердный читатель Provinciales, онъ былъ очарованъ ими и приказалъ снять печати наложенныя на типографію одного изъ книгопродавцевъ Поръ-Ройяля. Въ замѣткѣ Сенъ-Жилля, главнаго дѣятеля тайной публикаціи Provinciales, говорится: «сначала нужно было скрываться и была опасность; но по истеченіи двухъ мѣсяцевъ всѣ и даже сами судебные чиновники — можно бы даже сказать особенно судебные чиновники — съ большимъ удовольствіемъ читали, какъ въ этихъ произведеніяхъ наивно трактуется духъ іезуитской морали, и потому было больше свободы и меньше опасности [1]).» И дѣйствительно союзъ между янсенизмомъ и парламентомъ былъ уже дотого тѣсенъ, что соллициторы и соллициторши просто ходили уже въ Поръ-Ройяль [2]). И это весьма естественно; потому что янсенизмъ — это былъ парламентъ въ церкви.

Итакъ великая побѣда Provinciales была результатомъ и доказательствомъ возраставшей важности высшей буржуазіи.

---

[1]) Цитировано у Сентъ-Бева, **Port-Royal**, t. II, p. 551.
[2]) Ibid., p. 563.

Между тѣмъ іезуиты мало по малу оправлялись послѣ перваго пораженія. «Ваша гибель—кричалъ имъ Паскаль страшнымъ голосомъ—будетъ подобна гибели высокой стѣны, которая рушится отъ непредвидѣннаго паденія или гибели глинянаго сосуда, который раздробляютъ во всѣхъ частяхъ столь сильнымъ и столь всеобщимъ усиліемъ, что отъ него не останется и черепка, которымъ можно было бы почерпнуть немного воды и принести немного огню, потому что вы огорчили сердце праведника [1].» Чтобы избѣгнуть этого краснорѣчиваго пророчества, іезуиты попытались сдѣлать вотъ что.

Послѣ того какъ Apologie des casuistes, на которую они рискнули, была осуждена сначала въ Сорбоннѣ, а потомъ въ Римѣ, они перемѣнили тактику и задумали безвозвратно замѣшать папство въ свой споръ, заставивъ его схватиться съ янсенистами по вопросу о непогрѣшимости въ дѣлѣ факта. Вслѣдствіе этого возникла идея формулы, которая была бы обязательна для духовенства, общинъ и для учителей юношества и которая была составлена Марка, архіепископомъ тулузскимъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я осуждаю сердцемъ и устами ученіе пяти положеній Корнелія Янсенія содержащихся въ его книгѣ подъ заглавіемъ Augustinus, которую осудили папа и епископы, и это ученіе не есть ученіе св. Августина, которое Янсеній неправильно изъяснилъ вопреки истинному смыслу этого учителя.»

Эта формула ставила янсенистовъ въ альтернативу или возстать противъ папы или оставить свое дѣло. Они не медлили выборомъ. Противиться папѣ, не нападая на него, — это сообразно было съ ихъ интересами и съ ихъ страстями, подобно тому какъ сообразно было съ интересами и страстями парламента только безпокоить королевскую власть, не разрушая ее.

Итакъ началась борьба и у янсенистовъ не было недостатка въ союзникахъ. Четыре епископа стали на сторону ихъ открыто, съ горячностью. За ними послѣдовали регулярные каноники Сентъ-Женевьевы, бенедиктинцы Сенъ-Жерменъ Депре, ораторіанцы и нѣкоторые шартрійцы. Духовенство могло сколько ему угодно созывать общія собранія, папа могъ разражаться буллами, дворъ могъ распространяться въ угрозахъ, но ничто не могло побѣдить сопротивленія, въ которомъ политическое увлеченіе смѣшивалось съ монашескимъ фанатизмомъ; и церковь, нерѣшительная, смущенная слышала, какъ вокругъ нея подымался

---

[1]) Письмо XVI.

ропотъ общественнаго мнѣнія. Особенно горяча была оппозиція со стороны монахинь Поръ-Ройяля, чистыхъ какъ ангелы, по выраженію Перефикса, но гордыхъ какъ демоны [1]). Эти дѣвы, называвшіяся покорными слугами Христа, принялись отвергать формулу, отдѣлять вопросъ о правѣ отъ вопроса о фактѣ съ такимъ рвеніемъ, которое устояло даже противъ увѣщаній самого Боссюэ [2]). Попробовали устранить смущенія ихъ совѣсти; великіе викаріи составили нарочно для нихъ новую формулу, менѣе рѣшительную, чѣмъ прежняя. «Но отъ одного страху, что придется подписать ее, многія сдѣлались больны [3]).» Сестра Паскаля даже умерла отъ этого [4]).

Это темные споры, скажетъ кто-нибудь, это сцены возмутившагося монастыря. Но въ нихъ принимала участіе политика и общественное мнѣніе относилось къ Поръ-Ройялю съ негодующей симпатіей. Долгое время только и говорили, что о матери Анжеликѣ, о ея стоицизмѣ, о ея благочестивомъ мужествѣ, о ея письмѣ къ королевѣ, которое было достойно святой Терезы и отъ котораго не отказалась бы римская душа Корнеліи. Противоположная партія также имѣла своихъ фанатиковъ. Въ Каэнѣ составилось общество святошъ, которое подъ именемъ Каэнскихъ пустынниковъ ратовало противъ янсенизма съ экзальтаціей доходившей до безумія. Происходили странныя, чудовищныя зрѣлища. Жерберонъ разсказываетъ, что одна дѣвица, повязавши голову кофтой и съ голыми ногами, собрала вокругъ себя нѣсколько мірянъ, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и семерыхъ священниковъ, которые вывернули свои сутаны и подпоясались лыками. Въ этомъ видѣ они прошли до Сеза и ходили вокругъ города съ криками: «Господи, помилуй насъ и обрати янсенистовъ [5]).»

Этотъ шумъ былъ уже слишкомъ великъ для рождавшагося деспотизма Людовика XIV. Смерть Мазарини въ 1661 г. сдѣлала его свободнымъ и дѣятельнымъ и онъ заговорилъ съ Поръ-Ройялемъ начальническимъ тономъ. Королевское повелѣніе приказывало монахинямъ обоихъ монастырей отослать послушницъ и пансіонерокъ, и низшія школы въ нихъ были уничтожены. Но было уже поздо: янсенизмъ блисталъ

---

[1]) Расинъ, Hist. de Port-Royal, p. 354.

[2]) Жерберонъ, Hist. générale du jansénisme, t. III, p. 114. Амстердамъ, MDCC.

[3]) Расинъ, Hist. de Port-Royal, p. 269.

[4]) Ibid.

[5]) Жерберонъ, Hist. générale du jansénisme, t. III, p. 449.

уже далеко. Главная масса буржуазіи конечно не приняла его по причинѣ той суровости въ немъ, какая вытекала изъ его теологическаго происхожденія; но онъ воплотился въ высшей буржуазіи, онъ овладѣлъ парламентомъ. Такимъ образомъ Людовикъ XIV сдѣлалъ грубую ошибку, когда потомъ думалъ уничтожить янсенизмъ, приказавши срыть монастырь, не пощадивши даже гробовъ: янсенизмъ пережилъ своего гонителя и дерзко смѣялся при шествіи монарха на пути въ Сенъ-Дени.

Дѣйствительно люди не имѣютъ подобной страсти къ чистымъ химерамъ, особенно когда эта страсть такъ продолжительна. Какова бы ни была человѣческая глупость, но она не доходитъ до того, чтобы наполнить исторію безсодержательными битвами и пустыми волненіями. Въ послѣдовательномъ рядѣ вѣковъ, гдѣ иногда минуты имѣютъ важность, не можетъ быть, чтобы цѣлый вѣкъ былъ безполезенъ.

ГЛАВА V.

Прогрессъ буржуазіи.

Администрація Кольбера.

Кольберъ — покровитель и учитель буржуазіи. — Необходимость его дѣла и мудрость его мѣръ.—Дѣятельность возбужденная имъ въ націи.—Франція становится въ число производительныхъ народовъ.—Какъ нужно судить протекціонную систему, принятую Кольберомъ; вопросъ о свободной торговлѣ неразрѣшимъ помимо доктрины братства. — Неблагодарность упрековъ дѣлаемыхъ памяти Кольбера школою защитниковъ экономическаго невмѣшательства государства (laissez-faire).—По мѣрѣ возвышенія буржуазіи королевская власть склоняется къ упадку.

Мазарини умеръ, оставивъ Людовику XIV свое громадное состояніе: Кольбера и 50 милліоновъ. Но это наслѣдство кардинала король раздѣлилъ на двѣ части: отказался отъ милліоновъ и взялъ себѣ только Кольбера.

Какой контрастъ между господиномъ и его слугою! Первый былъ юнъ, имѣлъ быстрый умъ, былъ элегантенъ, хвастливъ, хотѣлъ блистать, и былъ настолько красивъ, что Лавалльеръ любила его, не ду-

мая о томъ, что онъ король; послѣдній же напротивъ былъ суровъ и простъ, пріученъ къ суровой жизни, не быстръ въ пониманіи; но неспособенъ забывать. Морщинистый лобъ, рѣзкія и суровыя черты показывали у Кольбера умственную работу, сдерживаемую горячность и волю не умѣвшую уступать. И вотъ этотъ буржуа изъ Реймса, неотесаный и безъ манеръ, становится другомъ, интимнымъ повѣреннымъ короля, который былъ цвѣтомъ кавалеровъ. Среди ихъ секретныхъ разговоровъ, въ то время какъ король разсказывалъ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, плебей подмѣтилъ его способности и его проекты. Бывши послѣдовательно приказчикомъ у купца въ Ліонѣ, клеркомъ у прокурора, служащимъ при судейскихъ сборахъ, управляющимъ у Мазарини, Кольберъ соединилъ въ себѣ всѣ сильныя качества средняго класса: точность счетчика, ловкость негоціанта, смѣлость спекулятора и благоразуміе дѣловаго человѣка. Скупой относительно чужаго добра, ревнивый относительно своего собственнаго, Кольберъ былъ искуснымъ управляющимъ и заинтересованнымъ счетчикомъ. Но эти качества не останутся посредственными; они расширятся и примутъ размѣры генія. Чего не достаетъ Кольберу? Быть министромъ. Какъ только онъ получитъ власть, сейчасъ почувствуетъ облагороженіе своихъ качествъ и вполнѣ пойметъ свое величіе. Теперь ему нужно управлять не имѣніями кардинала, а богатствами королевства; касса, которую онъ долженъ хранить, есть общественная казна; коммерческій домъ, которымъ онъ долженъ управлять, есть монархія. Какъ внушительны могли быть спекуляціи, театромъ для которыхъ могли служить Европа и обѣ Индіи. Такимъ образомъ для истиннаго государственнаго человѣка возвышеніе есть прибавленіе величія. Потому что обширность горизонта зависитъ отъ высоты точки зрѣнія.

Мѣсто, долженствовавшее прославить Кольбера, было занимаемо лицомъ, которое трудно было свергнуть,—это былъ суперъинтендантъ Фуке, любезный и скандалезный милліонеръ, бывшій на глазахъ Людовика XIV королемъ золота, блиставшимъ еще обаяніемъ таланта. Безумный соперникъ монарха, суперъинтендантъ имѣлъ претензію затмить его чудовищною роскошью. Пользуясь неслыханнымъ разстройствомъ финансовъ, онъ бралъ безъ счета и, не давая отчета [1]), давалъ больше пенсіоновъ чѣмъ король [2]). Скоро ослѣпленный блескомъ своихъ

[1]) Mémoires de l'abbé de Choisy, t. I, p. 215, изд. Монмерке.

[2]) Выраженіе аббата Фуке. См. любопытную замѣтку, посвященную Фуке Клеманомъ въ его Histoire de la vie et de l'administration de Colbert: сочиненіе весьма богатое драгоцѣнными документами.

затѣй и девизомъ, который изобрѣла его гордость (quo non ascendam?), онъ мечталъ снова начать фронду, укрѣпилъ Belle-Isle-en-Mer, окружилъ себя стражей, не боясь выставлять свое казнокрадство, унижая великолѣпіемъ своихъ праздниковъ безпокойную гордость Людовика XIV и дѣлая самому королю честь государственнаго банкротства. Печальный урокъ представляетъ исторія! Можно подумать, что большое воровство составляетъ силу. Нужно было четыре мѣсяца для того, чтобы достигнуть ареста Фуке, подъ котораго тайно подкапывались [1]. Людовикъ XIV принужденъ былъ вести противъ своего министра обширный заговоръ и чтобы завладѣть негодяемъ нужно было употребить измѣну. До послѣдняго момента онъ притворяется, дѣлаетъ любезную мину, улыбается; но въ назначенный день король отправляется въ Нантъ; два судна спускаются по Луарѣ, одно везетъ Фуке, а другое Кольбера и фортуну Франціи. Суперъинтендантъ арестованъ, осужденъ и заключенъ навсегда; и его несчастіе такъ велико, что возбуждаетъ сострадание въ сердцахъ. Пелиссонъ сталъ при этомъ еще болѣе краснорѣчивымъ; маркиза Севинье еще болѣе остроумною, а Лафонтенъ, вспоминая о благородствѣ своего друга, поспѣшилъ признать его невиннымъ, такъ какъ онъ несчастенъ.

Но при дворѣ былъ неумолимый человѣкъ, честность котораго ничего не прощала Фуке. Это былъ Кольберъ. Для него сумасбродства составляли преступленія, и онъ велъ осужденіе виновнаго съ увлеченіемъ, излишекъ котораго лучше было бы ему скрыть. Потому что,—нужно ли говорить это,—однимъ изъ преступленій Фуке было то, что онъ былъ блестящимъ соперникомъ Кольбера.

Какъ бы то ни было, сигналъ былъ поданъ; все приняло новый видъ: олицетворенная буржуазія взялась за дѣло. Храбрая, но вслѣдствіе обстоятельствъ жестокая честность была знакомъ, что Кольберъ получилъ власть. Учрежденная рѣзкимъ эдиктомъ судебная палата стала готовить примѣрныя наказанія для всякаго, кто будетъ обвиненъ въ злоупотребленіи нашими финансами и въ разореніи нашихъ провинцій, какъ говорилось во вступленіи [2]. Подозрительно нажитыя богатства будутъ контролированы; будутъ искать и найдутъ ихъ источникъ. Начиная отъ высшихъ соучастниковъ Фуке до послѣдняго солянаго сторожа всякій касавшійся казенныхъ денегъ дол-

---

[1]) Instructions au Dauphin, въ Oeuvres de Louis XIV, t. I, p. 102.

[2]) Эдиктъ ноября 1661.

женъ былъ представить объясненіе относительно своего имущества, полученнаго наслѣдства и приданаго, даннаго своимъ дѣтямъ. Пусть каждый представитъ подлинные документы; и горе тѣмъ, которые своею хвастливою расточительностью уже выдали незаконность своего богатства!

Этого желалъ Кольберъ. И тотчасъ же всѣ откупщики или убѣжали или были заключены въ тюрьму; нѣкоторые изъ нихъ осуждены были на смерть; и тогда какъ Фуке добровольно спавшій на соломѣ раскаяніемъ искупалъ свои грабежи [1]), Кольберъ мучился тѣмъ, что не отправилъ такого преступника на эшафотъ [2]).

Это былъ для Франціи рѣшительный моментъ. Уменьшить на двѣ трети ренты на ратушу, понизить съ тысячи ливровъ на триста капиталъ рентъ на подушныя подати, уничтожить всѣ торговыя сдѣлки Фуке, конфисковать городскія заставныя пошлины, взять назадъ уже отчужденныя казенныя имущества..., все это было безъ сомнѣнія страшное начало новаго порядка: но эти государственные перевороты остановили болѣе общее банкротство. Сто десять милліоновъ, возвращенные откупщиками [3]), поступили въ казну; спекулянты, обогатившіеся на общественный счетъ, купившіе по дешевой цѣнѣ заставныя акцизныя пошлины, фальшивые кредиторы были принесены въ жертву для спасенія государства, которое они пожирали; и Кольберъ положилъ принципы, которые черезъ столѣтіе должны были спасти французскую революцію.

Велико вліяніе честности въ великомъ характерѣ! присутствіе честнаго человѣка достаточно было для того, чтобы получить уступку отъ стараго деспотизма. Въ наше время еще не знаютъ вполнѣ, что разумѣлось тогда подъ ordonnances de comptant. Это были секретные фонды старой монархіи: иногда они составляли около восьмидесяти милліоновъ въ годъ [4]). Статьи расхода извѣстны были только государю; и слова уплочено въ руки короля скрывали подъ собою кражи. Въ теченіи 5 лѣтъ истреблено было 380 милліоновъ по ложнымъ ордерамъ и фальшивымъ выдачамъ на короля [5]). На глазахъ Кольбера подобный безпорядокъ не могъ держаться: администрація была преобразована; управленіе финансами было сосредоточено въ финансовомъ совѣтѣ, ко-

---

[1]) Лемонтей, t. V, Pièces justificatives, p. 241. Oeuvr. Compl. изд. Сотеле, 1829.

[2]) Mémorial de Colbert или Testament politique.—Hist. de Colbert, Сервье.

[3]) Рукописный дневникъ Ормессона, приводимый у Клемана.

[4]) Форбонне, Rech. sur les finances, t. I, p. 267, 1655 г. и слѣд.

[5]) Одиффре, Syst. fin. de la France, t. I, p. 420.

роль рѣшился подписывать секретныя выдачи только по разсмотрѣніи мотивовъ, чтобы такимъ образомъ быть отвѣтственнымъ если не передъ счетною палатою, то по крайней мѣрѣ передъ своею совѣстью. Росписки въ полученіи этихъ выдачъ ежегодно должны были сжигаться въ присутствіи короля [1]), точно какъ будто боялись взоровъ потомства; но первый лучъ уже освѣтилъ эти мрачные финансы. Деспотизмъ же составляетъ нѣчто совершенно цѣльное; только слѣдуетъ немного тронуть абсолютную власть и она впослѣдствіи неизбѣжно рухнетъ вся.

Выровнявъ такимъ образомъ пути, Кольберъ принялся за дѣло. Здѣсь явились снова планы Ришелье. То, что кардиналъ предвидѣлъ, началъ или предсказалъ, было осуществлено Кольберомъ; и его дѣла удивляютъ своимъ разнообразіемъ, своею обширностью и особенно цѣльными взглядами, выразившимися въ нихъ.

Кольберъ рѣшилъ и король захотѣлъ, чтобы каждый народъ передалъ французамъ секреты своей промышленности, и скоро каждый народъ увидѣлъ, что его превзошли труженики, образованные дисциплиной Кольбера. У одного народа похищено искусство закалять сталь, а у другаго искусство обжигать и эмальировать глину. Ванъ Робе пришли изъ Голландіи, чтобы основать въ Аббевилѣ фабрики тонкихъ суконъ; Жанъ Альтенъ оживляетъ и развиваетъ разведеніе марены [2]); Англія продаетъ французамъ секретъ приготовленія чулокъ, который они забыли, изобрѣвши его [3]); Бове и Гобеленъ производятъ обои, не уступающіе фландрскимъ; Савоннери даетъ ковры, превосходящіе персидскіе. Фабрики Седана и Обюссона упали: Кольберъ поднялъ ихъ; и для того, чтобы никто не оставался празднымъ, онъ приглашаетъ сотни молодыхъ дѣвушекъ [4]) въ сѣверныя провинціи, чтобы онѣ тамъ были ученицами, которыхъ слѣдовало учить дѣланію разнаго рода кружевъ, вышиваньямъ и пр. и которыя бы произведеніями своихъ иголокъ обогатили города Реймсъ, Шато Тьерри, Луденъ, Аррасъ, Алансонъ. Въ Оксеррѣ работались французскія кружева и Кольберъ посылалъ депеши эшевенамъ, чтобы они награждали дѣвушекъ, охотно посѣщающихъ мануфактуру. Ліонъ, Туръ фабрикуютъ шолковыя и золотыя матеріи, ко-

---

[1]) Но онѣ не всѣ были сожжены. См. Счетъ секретныхъ выдачъ, найденный въ архивахъ Клеманомъ, стр. 129 его Histoire de Colbert.

[2]) Анри Мартенъ, Hist. de France, t. XIII, p. 142 (4-e édition).

[3]) Одиффре, Syst. fin. de la France, t. II, p. 431.

[4]) Вольтеръ. Siècle de Louis XIV, chap. XXIX.

торыя прежде съ большими издержками получались изъ Италіи и которыхъ одинъ Парижъ потреблялъ столько, какъ вся Испанія [1]). Вездѣ народъ работаетъ. Тамъ его учатъ очищать металлы, дѣлать мѣдные или оловянные листы, марокинировать кожу; въ другомъ мѣстѣ занимаются плавленіемъ стекла, въ третьемъ очищеніемъ его; и венеціанскій посланникъ, приведенный въ Сентъ-Антуанское предмѣстье, удивился, смотрясь въ сдѣланныя французами большія и прекрасныя венеціанскія зеркала. Такимъ образомъ воля Кольбера даетъ націи промышленное движеніе, вдыхаетъ въ нее дѣятельность, сообщаетъ ей лихорадку и ремесла поднялись во всей Франціи.

Конечно промышленность во Франціи очень древня и историческіе памятники могли бы представить намъ удивительные слѣды ея. Но позволительно думать, что промышленность не имѣла во французской почвѣ глубокихъ корней, потому что мы видимъ, какъ отъ одного царствованія до другаго мануфактуры исчезаютъ [2]) и отрасли торговли уничтожаются. Сюлли думалъ, что земледѣліе и луговодство составляютъ два сосца государства,—правило, недостаточность котораго поразила Генриха IV менѣе моральнаго, но болѣе умнаго чѣмъ Сюлли. Такимъ образомъ въ то время, какъ его министръ сожалѣлъ о заведеніи плантанцій шелковичныхъ деревьевъ [3]), служившемъ однако обильнымъ источникомъ богатства, Генрихъ IV поощрялъ нѣкоторыя мануфактуры ковровъ и фабрики полотна по голландскому образцу. Но стремленія Сюлли подѣйствовали и на него. Что касается до Ришелье, то начало его дѣла было разстроено смутами фронды; и можно сказать, что до управленія Кольбера Франція была по преимуществу страною земледѣльческою.

Но землею владѣло главнымъ образомъ дворянство; его преобладаніе основывалось на недвижимой собственности. Поэтому важность, сообщенная промышленности или движимой собственности, была великимъ средствомъ для развитія буржуазіи. Вотъ ударъ, который нанесъ побѣжденнымъ фронды продолжатель краснаго преосвященства, Ришелье мира.

И если Кольберъ увлекъ къ исполненію своихъ намѣреній перваго

---

[1]) Мемуаръ, представленный собранію нотаблей 1626 г. и приведенный у Форбонне, t. I, p. 185.

[2]) Мирабо отецъ, Reponse à la voirie. Онъ напечатанъ въ сборникѣ Ami des hommes, t. VI, p. 108.

[3]) Форбонне, ubi supra, p. 45; années 1601—1602.

изъ дворянскихъ кавалеровъ, то только потому, что Людовику XIV должно было нравиться возвышеніе силы соперничествующей съ тѣми дворянами, которые наполняли волненіями его дѣтство и которые заставляли его, ребенка, путешествовать среди многихъ опасностей и въ самыхъ различныхъ аппаратахъ.

Чтобы возобновить искусства, такъ давно забытыя, нужно было давать наставленія ихъ новой воспріимчивости: Кольберъ почерпнулъ свои наставленія изъ самыхъ лучшихъ источниковъ. Вооружившись геройскимъ терпѣніемъ, онъ самъ выучился, какъ дѣлать стекло, ковры, хрусталь, венеціанскія кружева, сукно, шерстяныя и волосяныя матеріи, саржу; онъ зналъ качество матерій, надлежащую длину и ширину для нихъ, хорошую окраску. Обладая пріобрѣтенными знаніями и благодаря желѣзной волѣ, онъ далъ имъ силу закона и составилъ изъ нихъ длинный рядъ блестящихъ приказовъ, которые онъ навязывалъ рѣшительно, съ увѣренностью убѣдить и съ нетерпѣливымъ желаніемъ повиновенія. Если онъ обратилъ свой крѣпкій геній на изученіе столькихъ подробностей, которыя теперь для нашей опытности кажутся излишними; если онъ былъ деспотиченъ въ своихъ приказахъ; если онъ организовалъ новые цехи [1]), то все это лучше всего показываетъ тотъ дѣятельный интересъ, какой онъ принималъ въ промышленности. Такимъ образомъ онъ управлялъ промышленностью, имѣя въ виду только ея будущее величіе и желая видѣть ее цвѣтущею, честною и господствующею. Когда дѣло шло о поощреніи промышленности, тогда Кольберъ становился щедрымъ, великодушнымъ: онъ назначилъ 1200 ливровъ каждой красильнѣ, 6 пистолей ремесленнику, который женится въ районѣ своей мануфактуры, два пистоля со времени рожденія у него перваго ребенка, ученику ставшему подмастерьемъ 30 ливровъ и рабочіе инструменты [2]), священные инструменты, которыхъ не могъ взять кредиторъ и къ которымъ не смѣлъ прикасаться даже судъ. Для поощренія Кольберъ не жалѣлъ ничего, давалъ пособія, помѣщеніе, ссуды, привиллегіи; но зато онъ былъ неумолимъ, когда нужно было наказывать. Всякій фабрикующій дурную матерію вредитъ незнающему потребителю, который ее покупаетъ: Кольберъ въ порывѣ своего усердія приказалъ [3]), чтобы дурные товары выставлялись на висѣлицѣ,

---

[1]) См. далѣе главу о цехахъ.

[2]) Клеманъ, Hist. de Colbert, p. 235.

[3]) Клеманъ, ibid., p. 234.

потомъ сжигались, раздирались или конфисковались. Онъ хотѣлъ, чтобы добросовѣстность была принципомъ, честь наградой и стыдъ наказаніемъ.

Было бы ошибочно по суровости такихъ мѣръ заключать, что душа Кольбера была недоступна всякому доброму чувству. Что въ немъ преобладала суровость, этого нельзя отрицать, и онъ обнаруживалъ ее даже въ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ, которыхъ ему случалось наказывать палкою [1]). Но какъ бы ни былъ суровъ его лобъ, зловѣщія складки котораго заставляли блѣднѣть мадамъ Севинье [2]) и приводили въ смущеніе просителей, однако у Кольбера не было недостатка въ чувствительности. Однажды смотря на деревню, мраморный человѣкъ [3]) вдругъ проникся меланхолическою нѣжностью и проливая слезы воскликнулъ: «Желалъ бы я, чтобы эти деревни были счастливы, чтобы изобиліе царствовало въ королевствѣ, чтобы всякій въ немъ былъ доволенъ и чтобы я безъ должностей и достоинствъ былъ изгнанъ изъ Версаля и чтобы мой дворъ заросъ травою [4]).»

Кромѣ того строгость Кольбера вытекала изъ его горячей заботливости объ интересахъ той буржуазіи, министромъ которой онъ былъ, и онъ помнилъ время, когда онъ въ молодости пришелъ въ Ліонъ учиться ремеслу своего дѣда. Внукъ торговца шерстью въ Реймсѣ могъ бы среди двора Людовика XIV увлечься слабостью нанять себѣ генеалога; напротивъ все его поведеніе доказывало, что онъ не отказывался отъ своего происхожденія [5]).

Поэтому какъ онъ наблюдалъ надъ всѣмъ, что касалось коммерческихъ дѣлъ! Съ какою заботливостью онъ писалъ интендантамъ, чтобы они скорѣе позволяли купцамъ немного обманывать себя, чѣмъ стѣснять торговлю [6])! Какъ онъ заботится о свободѣ боль-

---

[1]) Письмо Бюсси-Рабютена, приведенное въ Histoire de Paris Дюлора. Tableau moral sous Louis XIV.

[2]) Она называла его сѣверомъ (le nord). См. Лемонтей, t. V Oeuvres Complètes, p. 243.

[3]) Выраженіе Гюи Патена, Hist. de la marine, Эженя Сю.

[4]) Eloge de Colbert, par ***, 1773. Женева.—Eloge de Colbert Неккера, t. XV Oeuvres Compl. 1821.

[5]) См. любопытную рукопись Королевской библіотеки, столь старательно подчищенную сыномъ Кольбера и открытую Эженемъ Сю, который напечаталъ ее автографно. Hist. de la marine.

[6]) Депеша Кольбера къ Сонци, интенданту Фландріи, приводимая у Форбонне, Rech. sur les finances, t. I, p. 139.

шихъ ярмарокъ, когда онъ рекомендуетъ ловкость и особенную бдительность, чтобы не отдалять продавцовъ отъ покупателей [1])! Воспитаніе учениковъ, обязанности мастера, качества матерій, качества сырыхъ матеріяловъ, контракты, счетныя книги, ничто не забыто имъ. Въ пользу торговцевъ увеличиваютъ число консульскихъ трибуналовъ, учреждаютъ посредническіе суды [2]), осуждаютъ сложные проценты [3]), подчиняютъ подсудности консуловъ векселя. Теперь буржуазія можетъ броситься на путь торговли: негоціантъ обезопашенъ отъ трехъ главныхъ враговъ—недобросовѣстности, канцелярскихъ прижимокъ и ростовщичества.

Вотъ какія услуги оказалъ среднему классу Кольберъ. Для него онъ приказалъ раздавать въ собравшемся парламентѣ акціи индійской компаніи [4]); для него онъ, вставая съ разсвѣтомъ, искалъ повелительныхъ формъ для своихъ страшныхъ уставовъ; для него наконецъ онъ пріучилъ Людовика XIV оставлять Монтеспанъ или Фонтанжъ, когда нужно было вычислять таможенные тарифы на столѣ совѣта. И теперь когда буржуазія облечена была силой, теперь когда она достигла успѣха, отчего она въ свою очередь не простерла на народъ той заботливости, которою сама воспользовалась такъ счастливо, когда торжествующая королевская власть Людовика XIV протянула ей руку, взяла ее подъ свое покровительство, дала ей кредитъ, орудія труда, научила ее наукамъ, мануфактурамъ и мореплаванію, создала для нея порты, открыла моря и повела ее въ Индію подъ флагомъ, который Дюкенъ заставилъ уважать?

Оглянемся на пройденное уже разстояніе. Буржуазія сдѣлала громадный шагъ; она приняла на себя роль производительныхъ народовъ. Но какимъ образомъ она достанетъ себѣ первоначальные матеріялы, которыхъ не производитъ французская почва? Ужели она предоставитъ моря 16 тысячамъ голландскихъ судовъ [5])? Откажется ли она отъ выгодъ транспортированія? И какимъ образомъ будетъ вытекать излишекъ нашихъ товаровъ?

---

[1]) Instruct. aux commis des manufactures, приводимая у Клемана, ubi supra, p. 226.

[2]) IV глава коммерческаго устава.

[3]) VI глава.

[4]) Рукописный дневникъ Ормессона, указанный выше.

[5]) Депеша Кольбера къ Помпонну. «Французы, говорилось въ депешѣ, имѣютъ только 600!»

Кольберъ уже разрѣшилъ въ своей мысли эти вопросы. Подобно Ришелье онъ обратилъ свои взоры на колоніи; онъ видѣлъ, что наши берега омываются двумя морями; онъ понималъ, что усиленное возбужденіе труда внутри вызываетъ стремленіе къ иностраннымъ сношеніямъ. Итакъ Кольберъ поднялъ морское дѣло, которое запустилъ Мазарини, или лучше сказать онъ создалъ его вновь въ ожиданіи увѣнчанія своего созданія безсмертнымъ приказомъ 1681 г. Онъ засталъ флотъ состоявшимъ изъ 30 военныхъ судовъ [1]), изъ которыхъ только три имѣли по 70 пушекъ, а оставилъ послѣ себя морскую силу въ 276 судовъ, уже бывшихъ въ морѣ или строившихся [2])!

Такимъ образомъ геній Кольбера служилъ основаніемъ для дипломатіи Ліонна и для великой политики Людовика XIV. Въ то время какъ король Франціи занимался тѣмъ, что возстановлялъ свое могущество на океанѣ, приказывалъ Дюкену разбить Рюйтера, бомбардировалъ Алжиръ, велъ переговоры съ англичанами о выкупѣ Дюнкирхена, его министръ въ удивительномъ порядкѣ развивалъ обширные планы. Для него не было различія между военнымъ и торговымъ флотомъ. Морское честолюбіе Людовика XIV имѣло нужду въ матросахъ: ихъ доставляли ему торговыя суда. Торговый флотъ имѣлъ нужду въ защитѣ и безопасности: военныя суда служили для него прикрытіемъ и море было очищено отъ пиратовъ. Установивъ неразрушимую солидарность между обоими флотами, Кольберъ приказалъ, чтобы моряки служили попеременно то въ томъ, то въ другомъ и перемѣняли службу каждые два года [3]): удивительная выдумка, замѣнявшая записью въ моряки варварскую систему насильственнаго набора матросовъ... Но какимъ образомъ можно было пуститься въ подробности этой громадной организаціи [4]), передъ которою умъ останавливается въ страхѣ? И какимъ образомъ понять, что для этого достаточно было одного человѣка, когда подумаешь, что до Кольбера Франція получала изъ Голландіи свои морскіе припасы, даже якоря, паклю, канаты, веревки, селитру, даже пушечный порохъ [5])?

---

[1]) Agenda de marine Кольбера, рукопись королевской библіотеки, разсмотрѣнная Эженемъ Сю въ его Histoire de la marine, t. IV, chap. IV.

[2]) Agenda de marine Кольбера, ubi supra.

[3]) Приказъ 17 сентября 1665.

[4]) См. Principes de Colbert sur la marine, рукопись въ 700 страницъ, которая сама составляетъ только резюме работъ Кольбера. Archives de la marine, у Эженя Сю, t. IV.

[5]) Лафонъ Сентъ-Іеннъ, Ombre de grand Colbert, p. 95.

Изъ Кольбера сдѣлали олицетвореніе покровительственной системы (протекціонизма) и буржуазные писатели не пожалѣли для этого министра ни серьезныхъ нападеній ни слишкомъ легкихъ насмѣшекъ. Въ лагерѣ экономическаго невмѣшательства государства (laissez-faire) мы находимъ экономистовъ XVIII вѣка, Кенея, Тюрго, революціонеровъ 89 года, англійскую школу, конституціонное собраніе, всѣ силы средняго сословія; и мы слышимъ, какъ они кричатъ: «Кчему столько регламентацій и тарифовъ, которыми правительства хотятъ покровительствовать намъ? Ихъ предусмотрительность тягостна для насъ, ихъ заботливость изнуряетъ насъ; пусть предоставятъ намъ свободное поле: счастливцы сильные... и горе побѣжденнымъ!» Но какимъ образомъ буржуазія дошла до такого положенія, что можетъ безнаказанно говорить такимъ языкомъ? Кому она обязана своею зрѣлою силой и сознаніемъ, что она можетъ выставлять на показъ свою гордую независимость? Гдѣ она была бы въ настоящее время, еслибы ее еще слабую, невѣжественную, неопытную Кольберъ предоставилъ всѣмъ случайностямъ иностранной конкуренціи, еслибы Кольберъ не трудился надъ ея тарифами, надъ ея таможенными уставами, надъ ея меркантильными оборотами 16 часовъ въ сутки [1]) въ теченіи 22 лѣтъ?

При сужденіи объ этомъ великомъ человѣкѣ слишкомъ забываютъ обстоятельства, которыми онъ долженъ былъ повелѣвать, и то, что вопросъ о свободѣ торговли не можетъ быть отдѣленъ отъ общаго состоянія развитія обществъ.

Предположимъ на мгновеніе, что всѣ народы примирились между собою. Человѣческому роду предстоитъ вѣчный миръ; вражда утихаетъ и умираетъ; соперничества прекращаются; война стала навсегда невозможною. Всѣ націи образуютъ только одно громадное семейство, которому и приходится только непрерывнымъ обмѣномъ дѣлить плоды земли; и это дѣленіе, возвышающее уровень общаго благосостоянія, само служитъ обезпеченіемъ согласія между народами, такъ что дѣйствіе въ свою очередь становится причиной.

Въ этомъ обширномъ предположеніи, которое обыкновенно называютъ мечтою, заключается самое естественное рѣшеніе проблемы, столько волнующей умы. Когда тропическое солнце доводитъ до зрѣлости сахарный тростникъ на Антильскихъ островахъ, то зачѣмъ европейцу утруждать себя извлеченіемъ посредствомъ дорогихъ аппаратовъ сахара, кото-

---

[1]) Клеманъ, Hist. de Colbert, p. 147.

рый, можетъ быть, содержится въ какомъ-нибудь растеніи на его огородѣ? Вѣдь для каждаго произведенія земли есть особенная любимая имъ страна. Кофе, благородныя вина, чай, ваниль имѣютъ свое отечество; зачѣмъ послѣ этого съ такимъ трудомъ создавать подложные климаты для продуктовъ, которые за предѣлами таможенъ счастливая температура даетъ намъ безъ труда или же лучшаго качества? Итакъ свободная торговля есть одно изъ благодѣяній системы братства.

Но пустите въ міръ конкуренцію и вопросъ сейчасъ же измѣнитъ свой видъ. Потому что всякій благоразумный правитель, будетъ ли то глава республики или министръ абсолютнаго монарха, Кромвель или Кольберъ, по необходимости долженъ и обязанъ защищать управляемый имъ народъ отъ шансовъ войны, въ которой слабѣйшій всегда погибаетъ. Война создаетъ необходимость окруженныхъ окопами лагерей: запретительная система и есть такой окопанный лагерь, потому что конкуренція есть война. Экономисты и не замѣтили, что они проклинаютъ дѣйствіе, благословляя его причину; такъ какъ свободная торговля есть ничто иное какъ принципъ братства, примѣненный ко вселенной.

Но каково же было при началѣ управленія Кольбера состояніе комерческой Европы? Актъ навигаціи, подписанный Кромвелемъ, былъ возобновленъ Карломъ II. Запрещеніе простиралось на все. Людовикъ XIV писалъ [1]) Тюренню: «какъ обращаются съ французскими судами. приходящими въ Англію и Голландію?» На это Тюреннь отвѣчалъ: «французскія суда платятъ въ Англіи и Голландіи больше, чѣмъ тамошнія суда; ихъ едва тамъ терпятъ и они не могутъ взять товаръ для перевозки, если для того же пути есть туземное судно, чего не дѣлается во Франціи относительно ихъ.» И дѣйствительно Франція уже издавна вносила даже въ свою торговлю какую-то рыцарскую умѣренность и обнаруживала благородную забывчивость мстить за нѣкоторыя обиды. Испанская таможня брала около 15 процентовъ съ французскихъ товаровъ, тогда какъ французы брали только $2^1/_2$ процент. съ товаровъ шедшихъ изъ Испаніи. Тогда какъ англичане все французское королевство снабжали сукномъ къ совершенному подрыву французскихъ суконныхъ фабрикъ, какъ пишетъ опять Тюреннь [2]), французскія сукна были конфискуемы въ Англіи по приказанію суда. Иностранная торговля относилась къ нашимъ товарамъ и мореходству съ ревнивою, а иногда съ безумною

---

[1]) Вопросы относительно торговли, предложенные королемъ маршалу Тюренню, 1662, «Oeuvres complets de Louis XIV», t. II, p. 399.
[2]) Ibid.

враждебностью. Англичане, увеличивая относительно французовъ стѣсненія и строгость, въ своихъ таможняхъ брали тарифъ даже съ личностей французскихъ негоціантовъ. Въ Ирландіи одному иностранцу уличенному въ томъ, что онъ закупалъ тамъ шерсть для вывоза, отрубили руку [1]). Вотъ чего нельзя терять изъ виду, если хотятъ быть справедливыми къ Кольберу.

Фуке, который тоже имѣлъ вѣрный взглядъ, отвѣтилъ наконецъ на такую враждебность и противопоставилъ акту навигаціи пошлину въ 50 су съ тонна на иностранныхъ корабляхъ приходящихъ во французскіе порты. Кольберъ охотно принялъ эту мѣру, которую онъ считалъ рѣшительною для поднятія тогдашняго торговаго флота; и онъ повиновался только необходимостямъ тогдашняго положенія, когда въ запискѣ королю предложилъ только слѣдующія правила въ дѣлѣ таможенъ: уменьшить вывозныя пошлины на хлѣбъ и мануфактурныя издѣлія королевства; уменьшить ввозныя пошлины на все, что служитъ для фабрикъ; устранять посредствомъ повышенія пошлинъ произведенія иностранныхъ мануфактуръ.

Вообразите теперь Кольбера среди движенія созданнаго имъ. Своею волею онъ обнимаетъ всю эту страшную смѣсь: мануфактуры, торговлю, мореплаваніе, колоніи, финансы. Онъ все это держитъ и резюмируетъ въ своей сильной головѣ, этой живой энциклопедіи, въ которой помѣщаются въ отличномъ порядкѣ и многочисленные промышленные уставы и подробности столькихъ прекрасныхъ приказовъ, которые опредѣляли сохраненіе лѣсовъ, запись въ матросы и безопасность негоціанта. Онъ знаетъ точно, сколько ввозится товаровъ въ королевство и сколько вывозится. Онъ справляется объ урожаяхъ, чтобы позволять, уменьшать или запрещать вывозъ хлѣба [2]); занятъ положеніемъ земледѣльца, чтобы уменьшить его подати и увеличить его скотъ [3]). Онъ слѣдитъ съ безпокойствомъ за операціями индійской компаніи, за ходомъ французскихъ судовъ, за успѣхомъ рыбныхъ ловель. Когда Рике, другой великій человѣкъ, дѣлается больнымъ, Кольберъ ужасно безпокоится отъ лица государства: какъ безъ этого человѣка пойдутъ удивительныя работы ка-

---

[1]) Антоній Монкретьенъ, Traité d'économie politique, цитировано Кошютомъ въ Revue des deux Mondes, 1 août 1846.

[2]) Неккеръ, Eloge de Colbert, t. XV его Oeuvres, p. 36 et s.

[3]) Эдиктъ апрѣля 1667 запрещаетъ конфисковать скотъ. — Подати были уменьшены съ 53 милліоновъ до 32.

нала для соединенія двухъ морей? Какой инженеръ возстановитъ порядокъ, возникшій на работахъ въ Сеттѣ [1])? Этотъ могучій умъ не зналъ покоя. Даже среди ночей, въ безсонницѣ и тишинѣ, его мысль обозрѣваетъ государство, которое онъ хранитъ своимъ бодрствующимъ покоемъ.

Можно ли было ожидать, чтобы человѣкъ до такой степени занятой занимался еще искусствомъ и покровительствовалъ уму и литературѣ? Ришелье основалъ французскую академію: Кольберъ, его неутомимый соревнователь, основалъ академію наукъ, академію надписей и французскую школу въ Римѣ. Ришелье думалъ объ усовершенствованіи живаго языка: подъ покровительствомъ Кольбера были изучаемы и возсозидаемы мертвые языки. Балюзъ, Дюканжъ искали среди развалинъ исторіи слѣдовъ націй уже не существующихъ. Кчему послужатъ дворянство и знатные предки, когда съ высоты обсерваторіи, построенной Кольберомъ, разночинцы будутъ измѣрять міры; когда призванный изъ Болоньи Кассини началъ съ Пикаромъ то измѣреніе меридіана, которое Вольтеръ называетъ прекраснѣйшимъ памятникомъ астрономіи [2]); когда геній средняго класса найдетъ себѣ въ академіи наукъ каѳедру, съ которой будетъ блистать, а въ ботаническомъ саду—сокращенія природы, чтобы по нимъ изучать вселенную? Это была эпоха вѣчно памятная для буржуазіи, когда послѣдняя пріобрѣла свои дворянскія грамматы, выслала изъ своихъ рядовъ Мольера и Корнейля, Расина и Лафонтена, Боссюэ, Пуссена и облила блескомъ деспотизмъ, который впослѣдствіи должна была низвергнуть.

Извѣстно, какова была смерть Кольбера; онъ умеръ отъ того, что заподозрили его честь. Онъ былъ менторомъ и другомъ Людовика XIV, онъ выдрессировалъ его, льстилъ ему, чтобы услужить государству, но онъ не простилъ ему обиды неблагоразумнымъ словомъ.

Что касается до Людовика XIV, то онъ чувствовалъ, что его совершенно стѣсняетъ его величіе. Въ то время какъ по дорогѣ указанной Кольберомъ буржуазія спѣшными шагами шла къ французской революціи, монархія склонялась къ упадку, предоставленная самой себѣ. Когда не стало Кольбера, Людовикъ XIV не зналъ, что ему дѣлать съ своею гордостью; и отъ королевской власти остался только король.

---

[1]) Письмо Кольбера къ сыну Рике, найденное въ морскомъ архивѣ Клеманомъ, p. 210.

[2]) Вольтеръ, Siècle de Louis XIV, chap. XXXI.

ГЛАВА VI.

Прогрессъ буржуазіи.

Монархія при Людовикѣ XIV.

Какимъ образомъ Людовикъ XIV поставилъ королевскую власть въ зависимость отъ буржуазіи. — Людовикъ XIV, сдѣлавши трудъ враждебнымъ религіи, подкопалъ власть духовенства. — Людовикъ XIV — настоящій разрушитель абсолютной монархіи во Франціи: революціонная важность декларацiи 1682 г. — Булла Unigenitus; ея происхожденіе, введеніе ея во Францію и ея слѣдствія. — Результаты личнаго правленія Людовика были противоположны его цѣли.

Свойство и наказаніе деспотизма состоитъ въ томъ, что онъ воображаетъ, будто можетъ довольствоваться только собою, и всегда оказывается безсильнымъ для этого. Людовикъ XIV (Louis XIV) до такой степени все поглотилъ въ себя, что монархія связана была со случайностями и несчастіями, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка; онъ съ царскимъ величіемъ и съ несравненною глубиною умѣлъ вести трудное и печальное искусство королевской власти; но этимъ самымъ онъ сдѣлалъ его еще печальнѣе и исчерпалъ его; онъ былъ эгоистомъ въ такихъ размѣрахъ, что подавилъ все; его гордость, чтобы не перейти въ безуміе, нуждалась въ противовѣсѣ; и къ несчастію онъ находилъ этотъ противовѣсъ только заграницей: въ несчастіяхъ войны за наслѣдство и въ наглости побѣдителя. Такимъ образомъ относительно враговъ Франціи, которые были и его врагами, Людовикъ XIV обнаружилъ истинное великодушіе, почти геніальность. Но это величіе души, которымъ онъ владѣлъ и которое удерживалъ передъ равными себѣ королями, передъ тѣми, которыхъ онъ называлъ своими подданными, доходило до безумія; въ послѣднее время ему правилось какъ можно болѣе унижать тѣхъ, которые его окружали, для того чтобы еще болѣе возвышаться по дѣйствію контраста. Дарованія, которыми онъ окружилъ себя сначала, стали наконецъ затемнять его, хотя служили ему же; и такъ какъ онъ дошолъ дотого, что не терпѣлъ ничего великаго, что не исходило отъ него, то онъ окружилъ себя неспособными министрами и генералами, любя ихъ за самую неспособ-

ность. Такимъ образомъ ему нужно было не много лѣтъ, чтобы истребить рессурсы многихъ царствованій; такъ что наконецъ когда власть его сдѣлалась столь же громадною, какъ его гордость, подъ нею не оказалось ничего, что могло бы подпирать ее, ни сильныхъ умовъ, ни гордыхъ характеровъ, ни избранныхъ командировъ и министровъ, ни казны и армій и едва только оставался народъ. Власть оставалась безъ границъ и была совершенно пуста; ей не доставало опоръ, орудій и даже жертвъ.

Царствованіе Людовика XIV слишкомъ извѣстно, чтобы останавливаться на немъ долго. Мы скажемъ только о томъ, что̀ оно прибавило къ столь древнимъ, столь многочисленнымъ и столь разнообразнымъ причинамъ революціи.

И вопервыхъ дворянство не имѣло болѣе роковаго врага, чѣмъ Людовикъ XIV.

Ришелье, требовавшему 6 милліоновъ у духовенства, архіепископъ Санскій отвѣчалъ 1641 г.: «древній обычай церкви во время ея силы состоялъ въ томъ, чтобы на государственныя нужды народъ давалъ свое имущество, дворянство свою кровь, а духовенство свои молитвы.» Эти слова весьма хорошо опредѣляютъ функцію каждаго изъ трехъ сословій.

Итакъ при суевѣрныхъ главахъ государства преобладаніе должно было принадлежать духовенству, при воинственныхъ короляхъ — дворянству, а при расточительномъ королѣ — буржуазіи.

Королевская власть была суевѣрна въ варварскій періодъ и воинственна во время періода феодальнаго. Людовикъ XIV не могъ привлечь дворянъ ко двору и удержать ихъ при себѣ, не разоряясь на праздники, балы, парады, пенсіоны; такимъ образомъ онъ истощилъ казну и поставилъ королевство въ зависимость отъ того изъ трехъ сословій, историческая функція котораго состоитъ въ томъ, чтобы платить.

Дѣйствительно несмотря на битвы, занимающія собою XVII вѣкъ, царствованіе Людовика XIV имѣетъ своимъ отличительнымъ характеромъ не столько вкусъ къ войнѣ, сколько вкусъ къ пышности. Даже самая война была въ то время праздникомъ. За королемъ возили на войну его любовницъ въ каретахъ. Безполезно напоминать, сколько пожрало это царствованіе. «Государь,—сказалъ однажды королю мудрый Кольберъ,— ваше величество до такой степени смѣшивали ваши развлеченія съ сухопутною войною, что трудно и различить ихъ. И еслибы вашему величеству угодно было сосчитать подробно, сколько вы сдѣлали без-

полезныхъ расходовъ, то вы увидѣли бы, что еслибы эти расходы были сокращены, то вы не очутились бы въ той крайности, въ какой находитесь теперь.» Людовикъ XIV дѣйствительно оставилъ долгъ въ два мильярда четыреста двѣнадцать милліоновъ; и такъ какъ третье сословіе одно было обязано платить его, то оно и сдѣлалось господствующимъ.

Этимъ вотъ революція отчасти и объяснена; и Людовикъ XIV могъ бы предвидѣть ее, когда онъ, считавшій въ числѣ своихъ льстецовъ столько принцевъ и столько геніальныхъ людей, очутился въ необходимости низойти съ высоты своей гордости, чтобы сдѣлаться льстецомъ банкира. Самуэль Бернаръ былъ приглашенъ посѣтить Марли. Король и финансовый человѣкъ очутились здѣсь лицомъ къ лицу; и изъ этихъ двухъ властей первая заискивала передъ второю.

Это было бы еще ничего, еслибы король для наполненія своихъ кармановъ могъ по крайней мѣрѣ безнаказанно прибѣгнуть къ насилію! Но нѣтъ; буржуазія имѣла право вотировать субсидіи. Учрежденіе общаго собранія сословій еще не умерло; оно ожидало только времени для дѣйствія. Итакъ когда покровитель мануфактуристовъ написалъ Людовику XIV: «безполезный обѣдъ въ тысячу экю причиняетъ мнѣ невообразимое огорченіе», то онъ открылъ серію послѣдующихъ страшныхъ контролированій. Кольберъ, являвшійся на праздникахъ Людовика XIV съ строгимъ и мрачнымъ лицомъ, былъ какъ-бы фантомомъ буржуазіи, пришедшей написать на стѣнахъ праздничной залы смертный приговоръ дворянству, поглощенному монархіей.

Не менѣе этого также Людовикъ XIV содѣйствовалъ, самъ того не желая и не зная, подрыву власти духовенства.

Отъ вліянія протестантизма Франція сдѣлалась промышленною. Устраненные отъ должностей протестанты взялись за трудъ и поставили для себя цѣлью богатство, такъ что до уничтоженія Нантскаго эдикта говорилось: «богатъ какъ протестантъ». Изъ этого вытекало безшумное превращеніе стараго духа Франціи и преобразованіе ея соціальной жизни. Изъ страны земледѣльческой она стала страною промышленною. Преобладаніе воиновъ стерлось передъ преобладаніемъ купцовъ. И вотъ въ моментъ, когда это движеніе было наиболѣе сильно, когда уже не время было ни останавливать ни уничтожать его, Людовикъ XIV подалъ сигналъ къ преслѣдованію самому жестокому и безразсудному изъ всѣхъ когда-либо пятнавшихъ исторію. Тысячи мирныхъ гражданъ затоптанныхъ ногами лошадей или убитыхъ, грабежъ четверти королевства, наслѣдство отцовъ обѣщанное дѣтямъ за ихъ

отступничество, война у семейнаго очага, плачевное выселеніе тружениковъ, уносившихъ съ собою богатство и отправлявшихся строить на чужой землѣ новые города, милость государя обѣщанная доносчикамъ, лицемѣрамъ, ревностнымъ фанфаронамъ, апостоламъ убійства, — таковы были дѣйствія отмѣны Нантскаго эдикта. И какія дѣйствія! Доходили до того, что даже оскорбляли святость вѣчнаго покоя; не только отказывали этимъ несчастнымъ въ правѣ жить на родной землѣ, но не давали ее и мертвымъ; трупы были судимы и осуждаемы за ересь; въ Парижѣ бывали случаи погребеній тайкомъ среди ночи подъ мостовою, на углахъ пустынныхъ улицъ; а дѣти Дюкена убѣжали съ костями своего отца.

Могла ли устоять нравственная сила духовенства при подобныхъ ужасахъ, когда на него сваливалась вся гнусность ихъ? Что излишества тираніи сносятся въ земледѣльческой странѣ, это еще понятно: тамъ человѣкъ прикованъ къ землѣ, а земля не путешествуетъ. Но промышленность путешествуетъ; мануфактуры слѣдуютъ за мануфактуристомъ и, когда показывается тиранія, уходятъ туда, куда зоветъ ихъ свобода, оставляя въ мѣстахъ разъ оживленныхъ ими вкусъ къ движенію, жажду пробудившихся потребностей, бѣдность сдѣлавшуюся подвижною, наконецъ неуничтожимое желаніе возродиться къ жизни посредствомъ независимости. Это именно и случилось послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. По этому страшному примѣру новая и господствующая Франція, Франція мануфактуристовъ узнала, что значитъ для развитія богатствъ свобода совѣсти. Трудъ сдѣлался враждебнымъ религіи. На одной сторонѣ оказались промышленники, а на другой священники.

Поглощая дворянство, увлекая за собою духовенство на путь преслѣдованія и фанатизма, Людовикъ XIV сильно помогалъ интересамъ буржуазіи: онъ помогалъ имъ еще болѣе тѣми суровыми смертельными ударами, которые онъ по невѣдѣнію наносилъ монархическому принципу. Настоящимъ разрушителемъ абсолютной монархіи во Франціи въ области идей былъ Людовикъ XIV; это положеніе повидимому такъ странно и такъ походитъ на парадоксъ, что для доказательства его здѣсь необходимы нѣкоторыя разъясненія.

Мы оставили янсенистовъ подъ ударами первыхъ строгостей Людовика XIV. Потомъ, когда преслѣдованіе прекратилось, силы ихъ увеличились до такой степени, что папа не считалъ неприличнымъ договариваться съ ними: вмѣсто простой и прямой подписи подъ формулой, какъ требовалось прежде, Климентъ IX удовольствовался искреннею подписью; и эта смѣшная сдѣлка, неистощимый источникъ не-

доразумѣній и тонкостей, была пышно названа миромъ церкви. Янсенисты обязаны были выгодами ея покровительству Ліонна, управлявшаго иностранными дѣлами, дружбѣ принцессы Конти и въ особенности дружбѣ герцогини Лонгевильской, обратившейся къ благочестію вслѣдствіе пресыщенія любовными похожденіями.

Когда миръ былъ заключенъ, партія приняла его и воспользовалась имъ какъ побѣдой. Саси посаженный въ Бастилію тотчасъ вышелъ оттуда и съ тріумфомъ. Антоній Арнольдъ могъ показываться въ Парижѣ, гдѣ онъ сталъ предметомъ любопытства, которое возвышалъ энтузіазмъ. Демаре явился на каѳедрѣ и столица слушала его внимательно. Ліоннъ уже умеръ и въ министерство иностранныхъ дѣлъ былъ призванъ сынъ Арнольда Андильи. Самъ Арнольдъ Андильи былъ представленъ ко двору и принятъ Людовикомъ XIV съ такою ободрительною граціей, что онъ осмѣлился сказать ему: «государь, у меня одно только желаніе; это— чтобы ваше величество удостоили немножко полюбить меня.» Въ отвѣтъ на это Людовикъ XIV облобызалъ умнаго и прекраснаго старика [1]). Кромѣ того въ это время литературная репутація Поръ-Ройяля приняла громадные размѣры, благодаря первому тому Essais de morale Николя и книгѣ Perpétuité de la foi, въ которой Николь соединился съ Арнольдомъ, чтобы поражать протестантовъ. «Скоро только и говорили что о знаніяхъ господъ изъ Поръ-Ройяля, объ ихъ добродѣтеляхъ, ихъ краснорѣчіи и о томъ мужественномъ, сильномъ и оживленномъ духѣ, который составлялъ характеръ ихъ книгъ и ихъ бесѣдъ [2]).» Мадамъ Севинье удивлялась имъ и не скрывала этого. Буало, не принимая ихъ доктрины, расточалъ ихъ талантамъ свидѣтельства своего уваженія, на которыя онъ считался скупымъ. Расинъ, ихъ воспитанникъ, навремя было удалившійся отъ нихъ вслѣдствіе анаѳемы, которую Николь изрекъ на театръ, знаменитый Расинъ скоро уступилъ передъ упреками своего сердца и бросился къ ногамъ Антонія Арнольда, принесши ему въ даръ свою славу. Только одно облако омрачило этотъ блескъ: монахини Поръ-Ройяля въ Парижѣ были подчинены анти-янсенистскому управленію и по опредѣленію совѣта были отдѣлены отъ своихъ сестеръ Поръ-Ройяля загороднаго [3]), которыя впослѣдствіи сдѣлались ихъ врагами.

Таково было положеніе партіи, когда неожиданное сцѣпленіе обстоя-

---

[1]) Петито, Notice sur Port-Royal, p. 208.

[2]) Вольтеръ, Siècle de Louis XIV, chap. XXXVI.

[3]) Фонтенъ, Mémoires, t. I, p. 59.

тельствъ увлекло ее къ роли, которая была предназначена ей въ прологѣ французской революціи.

Людовикъ XIV былъ въ это время окруженъ блескомъ, съ которымъ могла равняться развѣ только его гордость. Въ иностранныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ внушительное положеніе вслѣдствіе фландрскихъ войнъ и большаго тона его дипломатіи. Внутри онъ придалъ королевской власти такой августѣйшій характеръ, что дворъ его, состоявшій изъ геніальныхъ людей и героевъ, былъ похожъ на дворъ полубога. Европа была покрыта смущеніемъ и дрожала. Угрожаемая порабощеніемъ отъ этого монарха, утомленная его величіемъ, она не довольствовалась тѣмъ, что составляла противъ него со всѣхъ сторонъ вооруженныя лиги; она искала для него и возбудила противъ него внутри его собственнаго королевства мрачныхъ враговъ. Чтобы потрясти тронъ, въ тѣни котораго исчезало все, она прибѣгла къ фанатической наглости богослововъ; и въ то время какъ имперія, Испанія, бранденбургскій курфирстъ соединяли противъ Людовика XIV свою ненависть и своихъ солдатъ, нѣмецкая Австрія и испанская Австрія присматривались къ папѣ и учились, какъ бы возстановить его противъ старшаго сына церкви. Людовикъ XIV былъ извѣщенъ объ этомъ и далъ волю своей мести. Духовныя имущества подверглись произвольнымъ конфискаціямъ; церковныя бенефиціи обременены были военными постоями; угрожающій надзоръ тяготѣлъ надъ владѣльцами римскихъ рентъ, а наконецъ двѣ деклараціи совѣта, одна 1673, а другая 1675 г., распространили дѣйствіе регаліи (régale) на провинціи, до сихъ поръ бывшія свободными отъ нея. А регалія, какъ извѣстно, давала право королю пользоваться доходами епископства, когда оно было вакантнымъ, и раздавать зависѣвшія отъ него бенефиціи. Это значило вступить въ открытую борьбу съ святымъ престоломъ.

Еслибы янсенисты не боялись потерять во время покоя важности пріобрѣтенной ими во время волненій, то что бы могло заставить ихъ принять въ настоящемъ случаѣ сторону римскаго двора, который такъ сурово преслѣдовалъ ихъ своими требованіями? И съ какой стати было имъ, разбудивши уснувшій гнѣвъ Людовика XIV, идти навстрѣчу его гнѣву? Однакоже несомнѣнно, что съ ихъ стороны вышла оппозиція дѣйствію права регаліи. Два янсенистскіе прелата, епископы въ Але и Памьерѣ фигурировали на первомъ планѣ возстанія, воодушевляемые и поощряемые папой, поддержки котораго они просили, и рѣшившіеся вести дѣло до самаго конца. Они сдержали свое слово. Старый Павильонъ, епископъ Але, противился самому абсолютному монарху въ мірѣ до такой степени, что утомилъ преслѣдователей. Его довели дотого, что

онъ жилъ только милостыней [1]), но не могли побѣдить; и онъ умеръ непреклонный въ своемъ сопротивленіи, оставивши своему товарищу Памьеру въ наслѣдство свое благочестивое рвеніе. Въ это время умеръ также и Климентъ X и на престолъ св. Петра вступилъ противникъ достойный Людовика XIV. Это былъ Одескальки изъ Комо. Онъ пришелъ въ Римъ на 25 году возраста съ саблей на боку и съ пистолетомъ за поясомъ [2]); онъ любилъ Австрію; онъ ненавидѣлъ короля французскаго и въ смиреніи священника сохранялъ прежнюю суровость солдата. Его вступленіе на престолъ только ожесточило борьбу.

Тогда начался для янсенистовъ періодъ бѣдствія и страха. Смерть отняла у нихъ герцогиню Лонгевиль, а немилость — Помпонна; они оказались безъ защиты подъ рукою раздраженнаго государя. Судьба ихъ сдѣлалась плачевною. Саси и авторъ Mémoires Фонтенъ скрылись въ замкѣ павшаго министра. Пустынники холма Шеврезы разсѣялись и монахини были лишены своихъ исповѣдниковъ. Антоній Арнольдъ, Сентъ-Мартъ, Тиллемонъ, Николь убѣжали въ Голландію, гдѣ ихъ встрѣтили всѣ бѣдствія изгнанія; для однихъ они были тягостны, отъ другихъ подвергались упрекамъ, постоянно принуждены были перемѣнять мѣсто жительства и часто имъ приходилось спать на соломѣ [3]). Вслѣдствіе этихъ жестокихъ испытаній неукротимый Арнольдъ говорилъ упавшему духомъ Николю: «вамъ хотѣлось бы успокоиться? Да развѣ у васъ нѣтъ цѣлой вѣчности для покоя [4])?»

Странная игра исторіи! Случилось такъ, что изъ видимаго разстройства янсенисты вынесли самые счастливые успѣхи.

Дѣло о регаліи разбудило парламентъ. Горя нетерпѣніемъ распространить свою юрисдикцію насчетъ юрисдикціи духовенства и вырвать у церкви опеку надъ королевскою властью, онъ поддерживалъ неудовольствія государя и съ систематическимъ жаромъ раздувалъ ссору. По какому праву папа осмѣливался налагать руки на корону Франціи? Прилично ли оставлять судьбы королевства на произволъ иностранной державы? Пора уже было стряхнуть эту далекую диктатуру и перестать платить Риму позорную подать аннатовъ, и не дѣлать французскимъ епископамъ обиды, называя ихъ епископами въ силу позволенія, иду-

---

[1]) Ранке, Исторія папства, т. IV, p. 456.
[2]) Ibid., с. 454.
[3]) Письмо Николя, приводимое у Петито, p. 287.
[4]) Ibid., p. 227.

щаго отъ Рима [1]). Подобныя рѣчи приводили въ восторгъ Людовика XIV. Да и зачѣмъ же медлить? Онъ до такой степени овладѣлъ духовенствомъ, что принцъ Конде говорилъ: «еслибы королю когда-нибудь пришла фантазія обратиться къ протестантизму, то духовенство первое послѣдовало бы его примѣру [2]).» Въ Парижѣ происходило общее собраніе духовенства и оно получило приказаніе высказать свое мнѣніе о претензіяхъ папства. Пораженный и сильно мучимый неопредѣленнымъ безпокойствомъ, Боссюэ сначала хотѣлъ стать посредникомъ между королемъ и папою. Но если Боссюэ былъ духовнымъ, то онъ также былъ и придворнымъ; а Людовикъ XIV хотѣлъ, чтобы ему повиновались безпрекословно: явилась декларація 1682 г., состоявшая изъ 4 статей, которыя были составлены самимъ же Боссюэ:

«Папа не имѣетъ власти надъ свѣтскими дѣлами королей;

«Вселенскій соборъ выше папы;

«Вольности галликанской церкви неприкосновенны;

«Рѣшенія папы въ дѣлахъ вѣры неизмѣнны только тогда, когда они приняты церковью [3]).»

Политическая важность подобнаго акта была громадна. Ставя королей выше всякой церковной юрисдикціи, отнимая у народовъ гарантію, которая заключалась въ правѣ данномъ верховному первосвященнику наблюдать надъ свѣтскими государями земли, сдерживать ихъ, лишать ихъ власти, освобождать ихъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность, — декларація 1682 г. повидимому ставила троны на высоту недоступную для бурь. Но Людовикъ XIV обманулся при этомъ; онъ воображалъ, что далъ абсолютной монархіи вѣчныя основы, освободивши ее отъ самаго уважаемаго контроля. Но это была его глубокая и достойная жалости ошибка. Абсолютная власть въ настоящемъ смыслѣ слова химерична, невозможна. Никогда не было, благодаря небо! и никогда не будетъ безотвѣтственнаго деспотизма. До какой бы степени горячности ни доходила тиранія, но контроль надъ нею существуетъ всегда, въ одномъ мѣстѣ въ такой формѣ, въ другомъ въ иной, но всегда дѣйствительный, вездѣ негибнущій и рано или поздо приводимый въ дѣйствіе. Въ ужасѣ, который вамъ внушаетъ сила этого тирана, имѣю-

---

[1]) Siècle de Louis XIV, t. III, chap. XXXV, p. 113.

[2]) Ранке, Исторія папства, т. IV, с. 458.

[3]) См. латинскій текстъ въ Oeuvres complètes de Bossuet, t. IX, p. 9: Cleri gallicani de ecclesiastica potestate declaratio.

щаго больше палачей, чѣмъ подданныхъ, не спѣшите отрицать напередъ его паденіе: если нѣтъ билля, который его останавливаетъ, то ему грозитъ инсуррекція; и когда народное возстаніе безсильно умираетъ у ногъ его, то можетъ быть въ это время скрытый конецъ кинжала входитъ ему въ сердце. Декларація 1682 г. нисколько не измѣнила необходимости права контроля. Поэтому, отнявши это право у папы, она только перемѣстила его; и она перемѣстила его, чтобы перенести его сначала въ парламентъ, а потомъ въ народную толпу.

Что папы весьма часто обращали не въ пользу народовъ высокое покровительство, которое обезсмертилъ геній Григорія VII, это слишкомъ извѣстно; и въ этомъ отношеніи многое можно было бы возразить противъ аргументовъ направленныхъ противъ галликанизма двумя знаменитыми писателями нашего времени, Ламенне и Жозефомъ де-Местромъ. Но безуміе Людовика XIV и его министровъ именно и состояло въ томъ, что они не поняли, что компетентность папъ въ дѣлѣ верховной власти покровительствовала королямъ и далека была отъ того, чтобы быть имъ враждебною, потому что она представляла народамъ гарантію почти всегда только кажущуюся, которая могла успокоивать ихъ, не дѣлая для нихъ ничего. Послѣдующія событія ясно доказали это. Пришолъ моментъ во Франціи, когда нація увидѣла, что независимость королей есть рабство народовъ. Тогда нація возстала въ негодованіи, переполненная страданіями и требующая справедливости. Но такъ какъ для королевской власти не было судей, то нація сама взялась отправлять правосудіе и отлученіе отъ церкви было замѣнено смертнымъ приговоромъ.

Вторая статья деклараціи была не менѣе революціонна, чѣмъ первая. Потому что утверждать превосходство соборовъ надъ папами значило утверждать превосходство собраній надъ королями. Отчего же свѣтская монархія должна быть болѣе абсолютною, чѣмъ монархія духовная? Развѣ корона болѣе священна, чѣмъ тіара? Вотъ къ какимъ опаснымъ сопоставленіямъ вела декларація 1682 г. Кромѣ того, примѣръ англичанъ былъ на виду у всѣхъ. Пимъ и Кромвель, руководители собраній, нанесли удары, отголоски которыхъ еще продолжались; и когда Людовикъ XIV такъ неблагоразумно поднималъ этотъ бурный принципъ коллективныхъ верховныхъ властей, то тогда еще не прошло сорока лѣтъ послѣ того, какъ Англія въ лицѣ своихъ общинъ казнила своего короля.

И однакоже Людовикъ XIV съ гордымъ удовольствіемъ утверждалъ эту доктрину, содержавшую въ себѣ зародышъ цареубійства; даже бо-

лѣе, чтобы она расширялась нѣкоторымъ образомъ въ нарождающемся поколѣніи, онъ сдѣлалъ ее предметомъ публичнаго и принудительнаго обученія. Это было уже слишкомъ; потому что дни буржуазіи уже приближались. Итакъ четыре статьи были привѣтствуемы долгими восклицаніями. Арнольдъ, котораго Римъ хотѣлъ соблазнить приманкой кардинальской шапки, чтобы онъ нападалъ на нихъ, выступилъ на сцену только для того, чтобы защищать ихъ [1]). Парламентаристы дрожали отъ надежды. Одно и то же воодушевленіе соединило вмѣстѣ учениковъ Кальвина, учениковъ Янсенія, всѣ различныя партіи, всѣ враждебныя мнѣнія. Подобныя заявленія не должны ли были бы показать Людовику XIV, что онъ сдѣлалъ ошибку? Но нѣтъ: они только раздражали его гордость, ничего не говоря его уму. Ему не нравилось, что партіи отвратительныя для него торжествуютъ при видѣ деклараціи, которая есть дѣло его высочайшей воли, и отъ которой онъ надѣялся только для себя одного всѣхъ выгодъ и всей радости. Одобренія, которыхъ онъ не приказывалъ, оскорбляли его какъ узурпація его права. И тогда-то, чтобы показать кальвинистамъ, что сила его рукъ не ослабѣла послѣ ударовъ, нанесенныхъ имъ Риму, онъ разразился тою страшною отмѣною Нантскаго эдикта, о слѣдствіяхъ которой мы уже говорили.

Такимъ образомъ давши деклараціей 1682 г. противникамъ принципа авторитета страшное оружіе, онъ принуждалъ ихъ своими преслѣдованіями взяться за это оружіе и дѣйствовать имъ. Это значило вступить на путь безумія, который онъ прошелъ до конца.

Но во всякомъ случаѣ порывы его гнѣва, которые онъ приберегалъ для янсенистовъ, были какъ-бы пріостановлены на время, пока его духовникомъ былъ отецъ Лашезъ. Но когда, подчинившись двойному игу жестокаго Теллье и мадамъ Ментенонъ, онъ имѣлъ противъ себя всѣ хитрости, придуманныя священникомъ и женщиной безъ сердца, все прорвалось. Этого страшнаго эгоиста легко было убѣдить въ томъ, что его подданные должны заплатить выкупъ за его душу. Тысячи людей гибли для его славы на полѣ сраженій, когда онъ былъ молодъ и воинственъ: поэтому въ благочестивой старости ему казалось естественнымъ изгнать для своего спасенія четверть своего королевства. Разрушеніе Поръ-Ройяля было рѣшено.

Подробности его сохранены для насъ въ главѣ, помѣщенной во главѣ мемуаровъ Фонтена; онѣ отвратительны. Толпа глупыхъ солдатъ набро-

---

[1]) Расинъ, Hist. de Port-Royal, p. 175.

силась на домъ, въ которомъ жили дѣвушки хотя и мрачнаго, но искренняго благочестія. Растерявшихся, испуганныхъ, ихъ собираютъ въ кучу, считаютъ какъ стадо скота и среди грязныхъ шутокъ и смѣха издѣвающихся солдатъ ихъ прогоняютъ [1]). Потомъ чтобы увѣнчать скандалъ и чтобы отнять у народной вѣры всякій поводъ къ богомольнымъ странствованіямъ сюда, вышелъ приказъ 22 января 1710 года, въ силу котораго стѣны монастыря были разрушены и развалины разбросаны по вѣтру, гробы были вырыты и кости изъ нихъ разбросаны [2]).

Но этого было мало: духовнику и фавориткѣ нуженъ былъ родъ пробнаго камня, посредствомъ котораго они могли бы узнавать своихъ скрытыхъ враговъ и губить ихъ передъ королемъ. Изъ этого возникла идея потребовать отъ папы подъ видомъ буллы кодекса церковной проскрипціи.

Кто бы не испыталъ глубокаго чувства удивленія и жалости смѣшанной съ ужасомъ при видѣ того, еслибы послѣ волненій возбужденныхъ сочиненіемъ Augustinus какое-нибудь другое сочиненіе въ томъ же родѣ отвлекло бы на себя вниманіе людей отъ самыхъ знаменитыхъ событій и еслибы изъ этого сочиненія, какъ изъ зараженнаго источника, вытекли многочисленныя бѣдствія, неслыханныя преслѣдованія, заключеніе для однихъ, ссылка для другихъ, возстаніе магистратуры противъ королевской власти, сцены трагическаго буфонства у подножія алтарей или среди гробовъ, наконецъ страшные взрывы ненависти, скандаловъ и безразсудствъ?! И однакоже такова была судьба книги Кенеля подъ заглавіемъ Rèflexions morales sur le Nouveau Testament.

Эта книга, комментируя евангеліе, на многихъ страницахъ сама дышала священнымъ евангельскимъ благовоніемъ. Она стала дорогою для благочестивыхъ душъ и долгое время была выше всякой критики. Когда на нее въ 1703 г. напалъ какой-то безъимянный авторъ, то она удостоилась той чести, что ее защищалъ епископъ, называвшійся Боссюэ [3]); и кардиналъ Ноалль, архіепископъ парижскій, постоянно оказывалъ ей самое громкое покровительство. Правда въ 1708 г. папское бреве осудило ее «какъ проникнутую янсенистской ересью»; но такъ какъ бреве не было получено во Франціи, то имъ не занимались даже и тогда, когда Теллье составилъ проектъ возобновить актъ этого порицанія въ

---

[1]) Фонтенъ, Mémoires, t. I, p. 93 et suiv.

[2]) Mémoires de Saint-Simon, t. XIII, chap. X, p. 154. Изд. Сотеле 1829.

[3]) Hist. de livre des Réflexions morales sur le Nouveau Testament et de la Constitution «Unigenitus», t. I, p. 97. Амстердамъ XDCCXXIII.

торжественной формѣ. Унизить кардинала Ноалля, своего врага; отмстить этому прелату за его глухую ненависть и суровое презрѣніе къ іезуитамъ; погубить янсенизмъ,—вотъ на что рѣшился Теллье.

Кто повѣритъ, что въ этомъ мрачномъ дѣлѣ онъ имѣлъ помощниками кромѣ Бисси, которому хотѣлось кардинальской мантіи, мягкаго и терпимаго епископа въ Камбре? Даже самъ Фенелонъ не побоялся сдѣлаться агентомъ этой системы преслѣдованія [1]), потому ли, что, подвергшись за свою книгу Maximes des Saints порицанію св. престола, онъ поддался тайному и преступному желанію стереть несчастіемъ другаго слѣды собственнаго несчастія, или потому, что его нѣжная душа возмущалась въ янсенизмѣ ригоризмомъ безъ возвышенности и безчеловѣчными догматами, и онъ объявилъ ему войну.

Такимъ образомъ обстоятельства благопріятствовали духовнику. Людовикъ XIV воображалъ, что онъ будетъ спасенъ, если онъ добьется того, чтобы Римъ поразилъ своимъ гнѣвомъ заключавшіяся въ книгѣ, которой онъ не читалъ, положенія, которыхъ онъ не понималъ; и 13 декабря 1711 г. кардиналъ Латримуалль получилъ приказаніе потребовать отъ папы конституцію, перечисляющую всѣ еретическія положенія содержащіяся въ книгѣ Кенеля.

«Берегитесь, берегитесь,—кричали святому отцу нѣкоторые старики,—то, чего отъ васъ требуютъ, есть факелъ, который можетъ охватить все королевство.» Но Теллье отправлялъ къ французскому посланнику курьера за курьеромъ; кардиналъ Фаброни не щадилъ ничего, чтобы воспламенить ревность надзирателей ересей при св. престолѣ; іезуитъ Добантонъ содѣйствовалъ дѣлу отъ имени своего повелительнаго общества; Людовикъ XIV настаивалъ, обѣщая покорность Франціи; вокругъ Ватикана раздавали мемуаръ противъ янсенизма, написанный рукою дофина [2]): и наконецъ булла Unigenitus явилась. Она была подписана Климентомъ XI 8 сентября 1713 г. послѣ 18-ти мѣсяцевъ прилежнаго изслѣдованія; и она принесла во Францію полвѣка раздоровъ.

Волненіе, произведенное ею въ странѣ, было бы непонятно, еслибы всѣ положенія осужденныя ею были въ такомъ родѣ: «нѣтъ прелестей, которыя не уступали бы прелестямъ благодати, потому что ничто не можетъ устоять противъ Всемогущаго.—Напрасно взываютъ къ Богу:

---

[1]) Hist. de la constitution «Unigenitus», t. I, p 101.—Journal de l'abbé Dorsanne, t. 1, p. 5. MDCCLVI.

[2]) Journal de l'abbé Dorsanne, t. I, p. 13.

отче, отче, если это взываетъ не духъ любви.—Воскресный день долженъ быть посвящаемъ благочестивому чтенію и пр. и пр.» Но Кенель сказалъ въ своей книгѣ: «Страхъ несправедливаго отлученія отъ церкви не долженъ препятствовать намъ исполнять нашъ долгъ.» Но осуждать это положеніе, какъ дѣлала булла Unigenitus, значило снова провозглашать право папъ управлять совѣстью королей, управлять королевствами страхомъ божественныхъ анаѳемъ; это значило совершенно ниспровергать доктрину, которая была провозглашена декларацiей 1682 г. Это была серьезная сторона буллы, и Людовикъ XIV, принявши ее, дѣлалъ самое скандальное противорѣчіе себѣ. Но растерявшійся тогда среди теологическихъ диспутовъ, ослабленный лѣтами, окруженный мрачными образами, онъ всѣмъ пожертвовалъ отъ страха передъ тою вѣчною ночью, скорое приближеніе которой онъ чувствовалъ.

Булла перешла черезъ горы; и тотчасъ же началось волненіе. Парламентъ начинаетъ тревожиться и ищетъ исхода своему неудовольствію, которое сдерживаютъ. Надѣясь ожесточить въ кардиналѣ Ноаллѣ чувство понесеннаго пораженія, янсенисты съ жаромъ собрались вокругъ него; и Кенель, покорный и послушный до этого времени, восклицаетъ поощряемый одобреніями своихъ: «булла поразила однимъ ударомъ сто истинъ. Принять ее значило бы осуществить пророчество Даніила, когда онъ говоритъ, что партія сильныхъ упала, какъ звѣзды небесныя [1])». Въ это время прелаты, собравшіеся въ Парижѣ, совѣщаются, сходятся и расходятся въ шумѣ враждебныхъ преній. 40 изъ нихъ были за конституцію и за пастырскую инструкцію, которая должна была бы развить духъ ея; 9 и между ними Ноалль требовали объясненій. Раздраженный Людовикъ XIV запрещаетъ кардиналу входъ въ Версаль; онъ даетъ сопротивляющимся 8 прелатамъ приказаніе въ теченіи трехъ дней отправиться въ ихъ епархіи, и рѣшается принудить всѣхъ къ принятію буллы королевскою граматою, записанною въ реестръ парламентомъ.

Онъ привыкъ, чтобы парламентъ повиновался ему молчаливо; и однакоже къ нему были обращены по этому случаю слова, въ глубинѣ которыхъ уже звучали будущія возстанія. Ужели монархъ намѣревается своею граматою стать судьей между епископами и рѣшить вопросъ вѣры? Наконецъ собраніе, подобное имѣющему происходить теперь по поводу конституціи, никогда не было составляемо такимъ образомъ. Также точно конституціи Рима не обязательны для Франціи; и булла Unigenitus со-

---

[1]) Пико, Mémoires ecclés., t. II, p. 90.

держитъ въ себѣ относительно отлученій принципы слишкомъ противные правиламъ королевства, чтобы ихъ принять безъ ограниченій. Вотъ что генеральный прокуроръ Агессо и Жоли Флери представляли высокомѣрному монарху [1]). И они требовали, чтобы по крайней мѣрѣ въ граматѣ слово повелѣваетъ было замѣнено словомъ увѣщеваетъ [2]). Людовикъ XIV сначала былъ расположенъ подписать такое измѣненіе; но онъ скоро измѣнилъ рѣшеніе и 15 февраля 1714 г. грамата, написанная въ стилѣ абсолютной власти, была представлена парламенту. По обыкновенію были созваны большая палата и турнель; но многіе президенты и совѣтники отказались отъ участія [3]) или же «стояли прислонившись къ стѣнѣ у дверей какъ простые зрители» [4]). Другіе болѣе храбрые рѣшились отважиться на сопротивленіе. Въ рѣчи, требовавшей внесенія въ реестръ, генеральный адвокатъ Жоли Флери не преминулъ напомнить, къ какимъ злоупотребленіямъ могутъ повести положенія о правѣ отлученія, и особенно напиралъ на права и правила королевства [5]). Затѣмъ слово повелѣваетъ было критиковано съ твердостью смѣшанною съ благоразуміемъ аббатомъ Пюселлемъ, къ которому присоединились многіе совѣтники. Но когда одинъ изъ нихъ сталъ говорить, тогда президентъ, чтобы положить конецъ пренію, исполненному опасностей, обратился къ секретарю и сказалъ: «запишите имя этого господина» [6]). Этого было слишкомъ достаточно чтобы заставить замолчать это собраніе, которое устрашала одна тѣнь Людовика XIV. Но во всякомъ случаѣ грамата и опредѣленіе внесенія въ реестръ не были распубликованы въ обыкновенной формѣ. Разносчикамъ запретили кричать объ нихъ на улицахъ: удовольствовались только тѣмъ, что во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ предлагали ихъ всякому желавшему купить ихъ [7]).

Такимъ образомъ была введена во Франціи эта знаменитая булла Unigenitus, которая ниспровергла доктрину четырехъ статей. Но было уже слишкомъ поздо. Принципъ верховной власти собраній уже преобладалъ въ умахъ. Протестанты приняли его изъ ненависти къ Риму; янсенисты—по оппозиціи двору, который ихъ преслѣдовалъ; парламентъ—

---

1) Journal de l'abbé Dorsanne, t. I, p. 102 et 103.
2) Ibid.
3) Hist. de la Constitution «Unigenitus», t. II, p. 2.
4) Journal de l'abbé Dorsanne, t. I, p. 107.
5) Пико, Mémoires ecclés., t. I, p. 95.
6) Journal de l'abbé Dorsanne, t. I, p. 108.
7) Ibid.

потому, что горѣлъ желаніемъ поставить королевскую власть на второе мѣсто; философы—потому, что хотѣли нововведеній; всѣ недовольные—потому, что хотѣли все разрушать. Такимъ образомъ булла Unigenitus представила собою поле сраженія, на которомъ давались въ теченіи 50 лѣтъ битвы мысли. Королевская власть получила при этомъ смертельные удары. Людовикъ XIV въ 1682 г. поставилъ посылки силлогизма, изъ которыхъ впослѣдствіи члены конвента вывели заключеніе, поразивши Людовика XVI.

Таковы важные уроки, которые можно извлечь изъ жизни великаго короля; уроки, даваемые его смертью, имѣютъ не меньшую важность: нужно вспомнить эту смерть для вѣчнаго удовлетворенія отмщеннаго народа.

Въ молодости Людовикъ XIV удивлялъ людей, ослѣплялъ ихъ; его счастіе казалось превзошло человѣческія границы. Европа, которую волновали его войны и которую унижалъ блескъ его праздниковъ, не могла не удивляться ему и не терпѣть его. Франція взирала на него колѣнопреклоненная. Сопровождаемый кортежемъ великихъ людей, онъ проходилъ свой вѣкъ, наполняя его своимъ присутствіемъ.

А теперь старый, истомленный, одинокій среди фантомовъ своего прошедшаго, при видѣ того, какъ смерть набрасывается на весь его домъ,—боящійся отравленія со стороны своего племянника, онъ представлялъ собою только истощеніе и трауръ монархической Франціи. Для того чтобы онъ не пересталъ считать себя полновластнымъ владыкою, ему дали случай разрушить Поръ-Ройяль и насиловать совѣсть подданныхъ: это значило дать его деспотизму новую пищу и помолодить его роль. Но и это ничего не помогло. Самый абсолютный изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ монарховъ изнывалъ въ чувствѣ своего собственнаго безсилія. «Въ то время, какъ я былъ королемъ», говаривалъ онъ съ горечью; и томился въ своемъ пустомъ дворцѣ.

Вспомнимъ торжественную аудіенцію, данную въ Версали мнимому персидскому посланнику [1]). Въ этотъ день Людовикъ XIV явился среди своего двора уже блѣдный отъ приближающейся смерти, но покрытый бриллiантами и улыбающійся. Говорили, что его отжитый вѣкъ оживился въ его глазахъ и что онъ еще слышалъ шумъ его въ своихъ воспоминаніяхъ. И однакоже это былъ просто фальшивый парадъ, придуманный нѣкоторыми придворными для того, чтобы обмануть меланхолію ихъ стараго господина и укрѣпить его поколебавшуюся гордость.

[1]) Mémoires de Duclos, t. X коллекціи Мишо и Пужола, p. 477.

Это были послѣднія радости Людовика XIV. Спустя шесть мѣсяцевъ онъ уже лежалъ на своемъ смертномъ одрѣ. И тогда-то открылось зрѣлище сколько поучительное, столько же и страшное. Ни одного дружественнаго лица, ни одного высшаго утѣшителя не было подлѣ этого короля, который воображалъ себя обожаемымъ. Теллье занимался своими интригами, а кардиналъ Роганъ своими удовольствіями. Соскучившись компаніей стараго ворчуна, отъ котораго уже нельзя было ждать ничего, мадамъ Ментенонъ отправилась въ свой монастырь [1]). Въ ста шагахъ отъ своего отца, который любилъ сына до скандала и который теперь находился въ агоніи, герцогъ Менскій смѣшилъ своихъ пріятелей, разсказывая имъ забавныя исторіи [2]). Что касается придворныхъ, то они всѣ хлынули къ герцогу Орлеанскому.

Такъ умеръ Людовикъ XIV, напрасно ища вокругъ себя ободряющаго взгляда, ударяя себя въ грудь и бормоча confiteor; для оплакиванія его стояло только нѣсколько лакеевъ, которыхъ это была обязанность.

Его сердце было перенесено въ церковь Св. Антонія шестью іезуитами, набитыми въ каретѣ [3]), а его тѣло въ Сенъ-Дени. Толпа уже давно не развлекалась: похороны короля позабавили ее. Она, веселая, покрывала равнину; тутъ были всякія яства и напитки [4]). Пили и пѣли; тронъ былъ оскорбляемъ даже въ гробѣ: очевидно приближалась революція.

---

1) Mémoires de Saint-Simon, t. XII, p. 492.

2) Ibid.

3) Лемонтей, Hist. de la Régence, t. I, p. 40.

4) Mémoires de Duclos, t. X коллекціи Мишо, p. 498

ГЛАВА VII.

Прогрессъ буржуазіи.

Регентство.—Система Лоу.

Параллель между судьбою орлеанскаго дома и буржуазіи.—Филиппъ Орлеанскій получаетъ регентство; что онъ дѣлаетъ для буржуазіи.—Прибытіе Лоу ко двору регента. — Лоу задумываетъ не только финансовую революцію, но еще болѣе обширную и болѣе глубокую революцію—соціальную. Планъ Лоу; величіе и изящество этого плана.—Въ чемъ состояла настоящая ошибка Лоу.—Учрежденіе системы; ея послѣдовательныя развитія.—Причины извратившія ее.—Финансовыя сатурналіи.—Дворянство и ажіотажъ.—Система помогаетъ тріумфу буржуазіи.—Внѣшняя политика регентства въ противорѣчіи съ его внутренней политикой.—Англичане пользуются Дюбуа, чтобы погубить Лоу; это была ихъ цѣль.—Паденіе системы.—Лоу оклеветанъ.—Униженіе и ослабленіе всего, что не было буржуазіей. — Страданія народа.

Вотъ чѣмъ была буржуазія въ началѣ XVIII вѣка. Теперь намъ нужно вникнуть въ главныя историческія обстоятельства, которыя благопріятствовали ей, въ идеи, которыя служили ей,—что сдѣлало наконецъ ея тріумфъ полнымъ и революцію неизбѣжною.

И вопервыхъ чтобы завладѣть политическою властью, буржуазія имѣла надобность въ вождѣ: она и нашла его въ орлеанскомъ домѣ.

Случилось такъ, что орлеанскій домъ и буржуазія увеличивались параллельно во французской исторіи, опираясь другъ на друга и будучи сильны этою взаимною опорою.

Во время царствованія Людовика XIV уже можно было замѣтить между двумя отраслями королевской фамиліи признаки борьбы глухой и скрытой, но однако дѣйствительной, непрерывной, одушевляемой завистью и смутными опасеніями. Наконецъ обнаружилась явная противоположность во всемъ.

Здѣсь въ тишинѣ Версаля мы видимъ дворъ великаго короля, который былъ столь набоженъ и столь мраченъ; а тамъ въ суетѣ Парижа мы видимъ напротивъ роскошный и грѣшный дворъ принца жаждущаго удовольствій, сеньоровъ почти всегда пьяныхъ, герцогинь привычкою безстыднаго сладострастія смѣшавшихся съ толпою куртизанокъ, кромѣ того много блеска, терпимости, ума, и какъ хозяина этого разврата,

блестящаго и грязнаго аббата Дюбуа, плута съ лисьей улыбкой, заикавшагося вслѣдствіе фальшивости и ставшаго необходимымъ другомъ регента, его воспитанника, котораго онъ выдрессировалъ на развратъ и богохульство.

Этотъ контрастъ былъ какъ нельзя болѣе поразителенъ; но его дѣлало серьезнымъ и глубокимъ еще то, что онъ соотвѣтствовалъ двумъ частямъ общества, на которыя оно раздѣлялось сверху до низу. Старшая вѣтвь опиралась на іезуитовъ, сюльпиціанъ, на военную силу, на дворянство: младшая же вѣтвь давала сборный знакъ и знамя янсенистамъ, ораторіанцамъ, протестантамъ, философамъ, гражданскимъ властямъ, промышленникамъ.

Такимъ образомъ союзъ между орлеанскимъ домомъ и буржуазіей былъ приготовленъ давно: онъ былъ утвержденъ 2 сентября 1715 г.

Зная, что завѣщаніе отца было найдено у какого-то неизвѣстнаго торговца, Людовикъ XIV заперъ свое завѣщаніе тремя замками въ желѣзный ящикъ, вставленный въ большой башнѣ парламента. Напрасная предосторожность! Это завѣщаніе, отнимавшее у герцога дѣйствительную власть и связывавшее его регентство, было принесено въ собраніе судебныхъ чиновниковъ и безъ церемоніи разорвано. Герцогъ, не ожидавшій столь легкой побѣды, наводнилъ мѣста вокругъ парламента и коридоры его авантюристами съ оружіемъ спрятаннымъ подъ платьемъ: усердная угодливость судебныхъ чиновниковъ избавила его отъ скандаловъ насилія. И почему было членамъ парламента не сдѣлаться охотно соучастниками такого ниспроверженія правилъ монархіи? Они вѣдь пріобрѣтали этимъ право дѣлать представленія и возможность располагать верховною властью.

Такимъ образомъ орлеанскій домъ и буржуазія вмѣстѣ выступили на политическую сцену. И съ перваго же дня они раздѣлили между собою отнятое у прежней королевской власти; это былъ рѣшительный и полный опасности дѣлежъ; онъ поставилъ лицомъ къ лицу троны и собранія, противопоставилъ нѣмой силѣ военныхъ людей бурную власть слова и превратилъ монархію абсолютную въ монархію смѣшанную.

Это однако не помѣшало парламенту слишкомъ унижаться передъ монархическимъ принципомъ въ засѣданіи съ присутствіемъ короля, происходившемъ десять дней спустя. Президенты и совѣтники стали на колѣна на землю, и первый президентъ сказалъ королю: «всѣ наперерывъ спѣшатъ созерцать васъ какъ видимый образъ Бога на землѣ, видѣть, какъ вы отправляете первую и самую блестящую обязанность королевской власти и принимаете знаки почтенія, прошеній и торжественной присяги на непоколе-

бимую вѣрность вашему королевству [1].» Королю было въ это время шесть лѣтъ. Одинъ придворный несъ его на рукахъ. Снявши и надѣвши свою шляпу, король сказалъ: «господа, я явился сюда, чтобы доказать свое благорасположеніе къ вамъ; канцлеръ скажетъ вамъ мою волю.» Воля его состояла въ томъ, чтобы во время его несовершеннолѣтія управлялъ герцогъ орлеанскій сообразно съ тѣмъ, какъ рѣшили члены парламента. Иначе и не могло быть; и вмѣстѣ съ герцогомъ орлеанскимъ за дѣла взялась революція.

Это и должно было быть, если принять во вниманіе, независимо отъ обстоятельствъ положенія, какими хорошими или дурными качествами одаренъ былъ новый регентъ.

Онъ былъ веселаго нрава, подвиженъ, изнѣженъ и вмѣстѣ безстрашенъ, пріятенъ своею граціею и непринужденностью и погруженъ въ порокъ, и потому въ немъ возбуждало ужасъ царство благочестивцевъ и ихъ мрачная дисциплина. Онъ не могъ согласиться на то, чтобы продолжать систему фанатизма и преслѣдованія, бывшую въ силѣ при его дядѣ, потому что онъ имѣлъ нетерпимость только въ храбрости и слишкомъ презиралъ людей, чтобы быть способнымъ ненавидѣть ихъ. Быстрый въ отрицаніи всего, равно какъ и въ пониманіи всего, онъ при своей насмѣшливой независимости раздражался авторитетомъ правила. Оно бы кромѣ того стѣсняло его удовольствія. Какимъ образомъ онъ могъ бы уважать преданія? для покоренія его нужны были вѣрованія, которыя бы не были древни. Онъ при своемъ скептицизмѣ страстно предавался неизвѣстному. Онъ, отъявленный врагъ всѣхъ вульгарныхъ обычаевъ и банальныхъ суевѣрій, смѣло погружался однако въ таинственныя изслѣдованія, которыя дали ему незаслуженную репутацію отравителя. Религія возбуждала въ немъ смѣхъ: а алхимія прельстила и очаровала его. Онъ не вѣрилъ въ Бога, а вѣрилъ въ магію. Понятно, какимъ образомъ подобный принцъ способенъ былъ разорвать съ прошедшимъ и сдѣлать попытку относительно будущаго. Тѣмъ болѣе, что, странное дѣло, съ крайнею смѣлостью мысли онъ соединялъ нерѣшительный характеръ и крайнюю слабость,—что ставило его въ зависимость отъ смѣлости его второстепенныхъ помощниковъ, которая всегда идетъ дальше, чѣмъ смѣлость ихъ господина.

Поэтому регентство заслуживаетъ много мѣста въ исторіи развитія буржуазіи и въ разсказѣ о причинахъ, которыя вызвали революцію.

---

[1]) Recueil général des anciennes lois françaises. Коллек. Изамбера.

Мы уже говорили, какую важность всегда сохраняла въ умахъ традиція общихъ собраній сословій: это обнаружилось ясно во время регентства въ процессѣ легитимированныхъ принцевъ.

Могъ ли Людовикъ XIV дать своимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ право наслѣдовать корону послѣ принцевъ крови? Послѣдніе горячо отвергали это; и въ прошеніи, которое было представлено по этому предмету, они высказали странныя и опасныя мнѣнія. Допустить къ коронѣ герцога Менскаго или графа Тулузскаго значило, по мнѣнію принцевъ крови, отнять у націи прекраснѣйшее изъ ея правъ, которое состоитъ въ томъ, что когда королевская фамилія угасла, то она можетъ располагать сама собою [1]).

На это легитимированные принцы отвѣчали слѣдующее [2]): «легитимированные принцы по самой природѣ принадлежатъ царской крови: поэтому они входятъ въ договоръ, сдѣланный націею съ царствующимъ домомъ. Давая корону извѣстному дому, народы имѣли въ виду утвержденіе своего спокойствія и предполагали избѣжать этимъ неудобствъ выборовъ. Такимъ образомъ все, что устраняетъ прекращеніе царствующей фамиліи, должно считаться согласнымъ съ желаніемъ націи, сообразнымъ съ ея интересами.» И далѣе: «Это дѣло можетъ быть рѣшено только совершеннолѣтнимъ королемъ или опредѣленіемъ трехъ сословій.»

Съ своей стороны король въ эдиктѣ, которымъ онъ отмѣнялъ эдиктъ своего дѣда, выражался такимъ образомъ [3]): «если французская нація испытаетъ это несчастіе (прекращеніе царствующей династіи), то дѣло самой націи будетъ помочь этому несчастью мудростью своего выбора; и такъ какъ основные законы нашего королевства ставятъ насъ въ счастливую невозможность отчуждать владѣніе короны, то мы считаемъ для себя славой признать, что мы еще менѣе свободны располагать даже нашей короной.»

Наконецъ явился протестъ, подписанный 39 членами высшаго дворянства и утвержавшій, что подобный процессъ касается націи и можетъ быть судимъ только собраніемъ сословій.

Такимъ образомъ подъ общимъ напоромъ рухнуло знаменитое правило: «король получаетъ свою корону только отъ Бога.» Какъ непредусмотри-

---

[1]) Requête des princes du sang.

[2]) Mémoire des princes légitimés.

[3]) Эдиктъ 1-го іюля 1717.

теленъ эгоизмъ человѣческихъ страстей! Не люди народа, не буржуа, а принцы крови, перы Франціи, дворянство, самъ король ссылались здѣсь на принципъ по существу своему разрушительный для привилегій и королевской власти! Они сами наперерывъ рыли пропасть, которая должна была поглотить всѣхъ ихъ.

Верховная власть общихъ собраній сословій, провозглашенная столь торжественно, обѣщала буржуазіи побѣду, которую еще ускорили многочисленныя перемѣны, введенныя въ государствѣ регентствомъ.

Буржуазія желала, чтобы была поощряема національная производительность, чтобы система сословныхъ отличій потеряла то, что было въ ней унизительнаго для низшихъ, чтобы унижено было духовенство, чтобы была положена узда господству іезуитовъ, чтобы индивидуальная свобода и свобода совѣсти были поставлены внѣ всякаго посягательства, словомъ чтобы промышленность могла развиваться привольно, не боясь ярости фанатизма и ударовъ гнѣвной тираніи.

Регентъ служилъ этимъ интересамъ и этимъ инстинктамъ гораздо меньше по разсчету или политикѣ, чѣмъ по влеченію своей природы и по обстоятельствамъ. Начало его администраціи было таково, что для охарактеризованія его Парижъ былъ наводненъ эстампами, изображавшими мѣшки съ золотыми деньгами [1]). Едва только онъ вступилъ въ управленіе, какъ запретилъ индійскія ткани и приказалъ сожигать рукою палача конфискованные товары [2]). Этикетъ при немъ казался менѣе оскорбительнымъ. Онъ приказалъ пересмотрѣть положеніе о запечатанныхъ королевскихъ повелѣніяхъ. Терпимость его происходила отъ мягкости нрава и отъ скептицизма и ему нравилось предаваться разврату, которымъ онъ почти гордился, и выбиралъ дни праздниковъ для своихъ блистательныхъ разгуловъ; но въ тоже время онъ удалилъ Теллье, освободилъ изъ тюрьмы янсенистовъ [3]), назначилъ для солдатъ кальвинистовъ и для иностранцевъ, служившихъ во Франціи, мѣста для отправленія ихъ богослуженія и отвелъ кладбища для подданныхъ протестантскихъ державъ умиравшихъ во Франціи [4]).

Такимъ образомъ внутри государства регентъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовалъ прогрессу буржуазіи; но въ иностранныхъ

---

1) Oeuvres de Lemontey, t. IV, p. 42, изд. Полена. Парижъ, 1832.
2) Ibid., p. 56.
3) Hist. de la constitution «Unigenitus», t. III, p. 370 et 371.
4) Oeuvres de Lemontey, t. VII, p. 150.

дѣлахъ напротивъ онъ, увлекаемый своимъ эгоизмомъ, мѣшалъ этому прогрессу.

До тѣхъ поръ пока во Франціи общественная сила вытекала изъ двухъ источниковъ римскаго могущества, изъ земледѣлія и войны, нація могла безъ невыгодъ заключиться въ своихъ горахъ и своихъ портахъ. Но вслѣдствіе прогресса буржуазіи Франція сдѣлалась страною мануфактурною. А для мануфактурнаго народа нужно море. Его требуетъ забота о частныхъ интересахъ и еще болѣе забота о національномъ величіи. Потому что страсть къ пріобрѣтеніямъ губитъ государства, когда ничто не возвышаетъ ее: она пріучаетъ къ мелкимъ мыслямъ, она волнуетъ и наполняетъ сердца, не расширяя ихъ, она понижаетъ характеры и затемняетъ идею отечества. Когда вкусъ къ богатствамъ становится господствующимъ двигателемъ въ обществѣ, то нужно облагородить этотъ двигатель, соединивши его съ любовью къ обширнымъ предпріятіямъ, заставляя его содѣйствовать благосостоянію государства; и для того чтобы воспрепятствовать ему сдѣлаться причиной общаго измельчанія, будетъ неслишкомъ много, если задачей для него поставить, какъ сдѣлали англичане, подчиненіе океана и завоеваніе міра.

Кромѣ того промышленность имѣетъ ту невыгодную сторону въ обществахъ несовершенныхъ, что, скопляя, въ городахъ безпокойное населеніе, она вводитъ тамъ духъ интригъ, вооружаетъ бѣднаго противъ богатаго завистью и приготовляетъ волненія, которыя становятся страшными, если за недостаткомъ исхода народныя страсти не могутъ разсѣяться или потухнуть въ увлеченіи войнами или въ далекихъ странствованіяхъ.

Колоніи, суда, жизнь въ чужихъ земляхъ, море, — вотъ чего требовала увеличивавшаяся важность буржуазіи; но этимъ именно регентъ совершенно въ личныхъ интересахъ пожертвовалъ политикѣ Англіи и ея фальшивой дружбѣ.

Такимъ образомъ при регентствѣ буржуазія колебалась между двумя противоположными движеніями: однимъ внутреннимъ, которое было благопріятно, и другимъ внѣшнимъ, которое было для ней фатально. Эта двойственная и противорѣчивая политика стоитъ того, чтобы остановиться на ней, чтобы поискать причинъ ея и обозначить ея результаты; потому что она характеризуетъ историческую роль орлеановъ во Франціи.

Изъ этихъ двухъ движеній одно было главнымъ образомъ представляемо Лоу, а другое Дюбуа.

Однажды среди этого французскаго двора, нѣкогда столь воинствен-

наго, явился молодой шотландецъ, который сталъ выхвалять передъ дѣтьми разорившихся храбрецовъ чудеса банковъ. Онъ былъ красивъ, краснорѣчивъ, смѣлъ и богатъ. Онъ объѣхалъ, какъ человѣкъ учащійся и какъ искатель удовольствій, главные города торговой Европы, Лондонъ, Амстердамъ, Женеву, Венецію, удивляя ихъ то своею пышностью и счастьемъ, то своими проектами. Вездѣ онъ показывалъ себя расточительнымъ относительно своего богатства, но высказывающимъ только часть своихъ мыслей. Потому что онъ въ глубинѣ своего сердца конспирировалъ противъ тираніи денегъ и противъ привилегіи лѣности. Сначала его не разгадали. Регентъ и его развратники думали, что онъ заплатитъ долги Людовика XIV и дастъ средства для дорогихъ удовольствій куртизановъ. Впослѣдствіи, когда его начали разгадывать, онъ палъ.

Сдѣлать государство хранителемъ всего богатства и предпринимателемъ всѣхъ работъ; сдѣлать изъ Франціи купца, подобно тому, какъ нѣкоторымъ воинственнымъ монархамъ удалось сдѣлать изъ нея солдата, и устремить ее за моря на завоеваніе дѣвственныхъ странъ, — такова была въ самыхъ общихъ чертахъ идея Лоу.

Эта идея, величіе которой по нашему мнѣнію еще не оцѣнено до настоящаго времени, была прекрасна, нова и смѣла. Если непосредственнымъ дѣйствіемъ ея самой должно было быть пробужденіе меркантильнаго духа, то по крайней мѣрѣ она облагороживала его, давала ему размѣры героическіе и сценой для дѣйствія весь міръ. Кромѣ того она повела къ самому обширному и самому сильному демократическому учрежденію, которое когда-либо существовало. Къ несчастью, какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго хода нашего разсказа, она была преувеличена внутри жаднымъ дворомъ и стѣсняема въ своемъ расширеніи вовнѣ политикою, рабски подчинявшеюся вліянію англичанъ. Поэтому не нужно удивляться, что система испорченная и извращенная ввела во Францію вмѣсто блестящихъ мужественныхъ страстей страсть къ маленькимъ аферамъ, любовь къ игрѣ, т. е. дурную сторону нравовъ индустріи. И наконецъ это же самое помогало нравственному разоренію дворянства и содѣйствовало укрѣпленію господства буржуазіи. Поэтому не будемъ бояться углубиться въ этотъ предметъ, такъ какъ ни одинъ изъ великихъ фактовъ XVIII вѣка не былъ менѣе изучаемъ чѣмъ этотъ, и не остался менѣе разъясненнымъ, а между тѣмъ ни одинъ не вліялъ болѣе прямымъ образомъ на французскую революцію [1]).

---

[1]) Тьеръ написалъ о Лоу замѣтку, помѣщенную въ Dictionnaire de la conversation. Этотъ трудъ, вообще столь блестящій, представляетъ важные пробѣлы. Тьеръ ошибся насчетъ сущности экономическихъ доктринъ Лоу;

«Нѣтъ—говорилъ Лоу—болѣе вѣрнаго признака государства клонящагося къ бѣдности, какъ дороговизна денегъ. Нужно желать, чтобы онѣ давались въ ссуду за ничто или съ единственнымъ разсчетомъ раздѣлить съ заемщикомъ прибыль, которую онъ извлечетъ изъ нихъ... Естественная идея роста заключается во всякой ссудѣ, которая подъ видомъ благодѣянія доставляетъ болѣе выгодъ благодѣтелю и ведетъ къ гибели заемщика, которому она должна была бы помочь [1].»

Такимъ образомъ Лоу поражала и возмущала его благородную душу собственно тиранія нѣсколькихъ владѣтелей мертвыхъ богатствъ надъ народомъ, который есть живое богатство. Итакъ цѣлью его было освобожденіе народа, а средствомъ кредитъ.

Лоу не смѣшивалъ, какъ утверждали объ немъ, деньги съ капиталомъ. Онъ зналъ, что золотыя монеты или банковые билеты не могутъ замѣнить хлѣбъ для пищи или одежду для покрытія тѣла или домъ для жилья. «Сила и богатство, писалъ онъ, состоятъ въ увеличеніи народонаселенія, въ магазинахъ товаровъ національныхъ или иностранныхъ [2].» Да, Лоу зналъ очень хорошо, что первые источники, прямые источники богатства суть прогрессъ культуры, пользованіе дѣятельностью всѣхъ открытія науки, мудрость учрежденій и законовъ: не видимъ ли мы, какъ лѣнивая Испанія впала въ бѣдность, имѣя полныя руки золота изъ Перу? Но Лоу зналъ также, что употребленіе богатства зависитъ отъ торговли, а торговля отъ денегъ [3]); что можетъ быть на сѣверѣ напр. есть мѣшокъ хлѣба, который бы испортился за недостаткомъ потребителя, а на югѣ существуетъ какой-нибудь рабочій, который бы погибъ отъ недостатка занятія, еслибы благодаря ряду обмѣновъ, облегчаемыхъ деньгами, этотъ мѣшокъ хлѣба не дошелъ до рабочаго и не оплодотворилъ бы его дѣятельности, напитавши его.

Такъ какъ деньги не прямымъ образомъ вызываютъ работы, кото-

онъ не показалъ въ этой системѣ ни ея соціальной важности, ни ея политической стороны; онъ не указалъ на истинныя причины ея паденія. Но чисто финансовая часть системы изложена въ разсматриваемой статьѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ фактическихъ ошибокъ, съ рѣдкимъ искусствомъ, съ большимъ краснорѣчіемъ и съ тою удивительною ясностью, которая характеризуетъ и возвышаетъ талантъ Тьера.

[1]) Première lettre sur le nouveau système des finances; Mercure de France, февраль 1720.

[2]) Oeuvres de Law, Considérations sur le numéraire, p. 145. Paris 1790.

[3]) Ibid.

рыя безъ нихъ никогда не были бы произведены, то изъ этого Лоу заключалъ, что нужно стремиться къ увеличенію ихъ въ извѣстной мѣрѣ, т. е. до тѣхъ поръ, пока въ королевствѣ не останется ни одного продукта, находящагося безъ движенія, ни одной незанятой руки. Этимъ и объясняется та важность, какую онъ придавалъ количеству въ вопросѣ о деньгахъ; отсюда же вытекали и эти слова, часто возвращавшіяся подъ его перо: «слѣдуетъ, чтобы количество денегъ было всегда равно запросу [1]).»

Напрасно стали бы ему возражать тѣмъ, что благосостояніе народа состоитъ въ его капиталѣ, а не въ количествѣ денегъ, въ обиліи представляемыхъ вещей, а не въ обиліи металла или бумаги, которые представляютъ ихъ; что всѣ золотыя монеты и всѣ билеты въ мірѣ не произведутъ ни одной былинки на безплодной скалѣ или на песчаной равнинѣ; что удвояя количество денегъ, мы достигнемъ только того, что пріобрѣтаемыя вещи сдѣлаемъ вдвое дороже; что поэтому нѣтъ никакой выгоды увеличивать количество монеты, потому что мы потеряемъ на уменьшеніи цѣнности то, что пріобрѣли на количествѣ: подобные аргументы, какъ бы они ни были убѣдительны, недостаточны были для Лоу, котораго умъ былъ столько же проницателенъ, сколько и смѣлъ.

Безъ сомнѣнія мало пользы въ томъ, чтобы монета была изобильна или рѣдка, если она служитъ только къ тому, чтобы быть представительницей жизненныхъ потребностей, матеріаловъ, дерева и камня для постройки, наконецъ національнаго капитала. Но монета же и служитъ къ тому, чтобы посредствомъ циркуляціи распространять этотъ капиталъ, подобно крови, которая разноситъ жизнь по нашимъ жиламъ. Корабль, который бы оставили гнить на верфи, ужели былъ бы богатствомъ? Если вы хотите, чтобы онъ составлялъ часть національнаго капитала, постарайтесь нагрузить его и пустите въ море. Но для этого необходимъ цѣлый рядъ обмѣновъ; а что служитъ орудіемъ мѣны? Деньги. Итакъ онѣ имѣютъ вліяніе на богатство по крайней мѣрѣ непрямымъ образомъ, и въ этомъ-то смыслѣ Лоу говорилъ: «увеличеніе денегъ увеличиваетъ цѣнность страны.» Это показываетъ, что онъ смотрѣлъ на деньги не только какъ на знакъ и общую мѣру цѣнностей, но какъ на орудіе обмѣна: глубокое различеніе, и оно стоитъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ предполагаютъ, съ благосостояніемъ государствъ.

Что случилось бы въ странѣ, которая не знала бы употребленія

---

[1]) Ibid., p. 128 et passim.

банковыхъ билетовъ и которой всѣ деньги состояли бы въ одной только золотой монетѣ? Пусть бы тогда эта монета по соглашенію представляла всѣ вещи, которыя она замѣнила, пусть бы она стоила мильярдъ; но обмѣнъ былъ бы невозможенъ. Нужно было бы раздѣлить эту монету до безконечности; и это всего яснѣе показываетъ, что въ теоріи денегъ нужно имѣть въ виду и вопросъ о количествѣ, что бы ни говорили новые экономисты и самъ Сисмонди.

Рѣдкость денегъ имѣетъ страшныя послѣдствія: она создаетъ тиранію роста. Обиліе денегъ далеко не представляетъ тѣхъ же опасностей и не порождаетъ подобныхъ золъ. Когда количество денегъ превышаетъ потребность въ нихъ, то если только это не бываетъ послѣдствіемъ какой-нибудь внезапной и насильственной мѣры, отъ этого происходитъ только то, что излишекъ мало по малу уничтожается нечувствительнымъ пониженіемъ цѣны монеты и при этомъ не бываетъ перерыва въ ходѣ коммерческихъ сношеній и парализированія труда.

Пусть вниманіе читателя продержится еще нѣсколько мгновеній: изъ этихъ холодныхъ отвлеченій, изъ этого сухаго изложенія вытекутъ самыя странныя событія, какія когда-либо мучили воображеніе и волновали сердце людей.

Мы видѣли, почему Лоу желалъ, чтобы деньги были въ изобиліи: безъ труда можно понять, почему для денегъ бумагу онъ предпочиталъ металлу. Это было не только потому, что бумагу легче достать, что она упрощаетъ счеты и сберегаетъ время, что ее можно перевозить съ меньшими издержками, что она менѣе доступна поддѣлкѣ; всѣ эти соображенія, весьма важныя съ экономической точки зрѣнія, занимали только второстепенное мѣсто въ мысляхъ шотландскаго государственнаго человѣка. Вотъ что заставило его отдавать предпочтеніе бумагѣ.

Когда народъ хочетъ достать себѣ драгоцѣнные металлы, для того чтобы употреблять ихъ какъ монету, то нужно, чтобы онъ или извлекалъ ихъ изъ рудниковъ, для чего нужны большія затраты и много труда, или же требовалъ ихъ отъ иностранцевъ и предлагалъ имъ въ обмѣнъ равностоющія коммерческія цѣнности. Такимъ образомъ услуги, оказываемыя металлическими деньгами, тягостны по самому существу своему: ими можно пользоваться только купивши ихъ. Полученіе же бумажныхъ денегъ напротивъ не стоитъ ничего или почти ничего.

Съ другой стороны такъ какъ количество металлическихъ денегъ въ странѣ можетъ увеличиться только вслѣдствіе горныхъ работъ или торговли съ иностранцами, то изъ этого слѣдуетъ, что если между каналами циркуляціи нѣкоторые останутся пустыми, то золото или серебро

наполнятъ ихъ только медленно. А въ продолженіи этого времени сколько не состоится обмѣновъ, сколько будетъ потерянныхъ часовъ и мертвыхъ капиталовъ! Сколько страданій вытерпитъ бѣдный, который, не имѣя хлѣба, не имѣетъ занятій! При бумажныхъ деньгахъ не можетъ быть ничего подобнаго. Это—орудіе, которое государство можетъ производить по произволу; это агентъ, который у него подъ рукою: въ обществѣ, въ которомъ не все предоставлено произволу индивидуализма и случайностямъ конкуренціи, количество можетъ быть приблизительно уравнено запросу.

Тюрго и экономисты его школы установили принципъ, что монета, для того чтобы служить общею мѣрою цѣнностей, сама должна быть цѣнностью, товаромъ [1]). Такимъ образомъ они признали драгоцѣнные металлы, въ особенности золото и серебро, болѣе способными исполнять службу денегъ, чѣмъ бумага. Конечно металлическія деньги имѣютъ то преимущество надъ бумагою, что онѣ имѣютъ собственную цѣнность внутреннюю, независящую отъ всякаго соглашенія. Монета есть знакъ богатствъ и есть также залогъ ихъ; она представляетъ богатства и стоитъ ихъ. Она даетъ владѣльцу безопасность и гарантію, какихъ не даетъ ему бумага. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что Тюрго и его ученики правы? Да, если имѣть въ виду соціальный порядокъ, о которомъ они думали, порядокъ основанный на индивидуализмѣ, на ненависти и обезоруженіи принципа авторитета, на всеобщемъ антагонизмѣ интересовъ, т. е. на вѣчной и неизбѣжной системѣ недовѣрія. Но не таковъ былъ соціальный порядокъ, къ которому Лоу примѣнялъ свою теорію бумажныхъ денегъ. Какъ мы скоро увидимъ, онъ соединялъ свою теорію съ идеей, отъ которой нельзя отдѣлять ее и которая хотѣла установить между членами одной націи тѣсную солидарность усилій, интересовъ и надеждъ.

Принципъ всякой системы индивидуализма есть недовѣріе: подобная система должна имѣть для денегъ монету. Но принципъ ассоціаціи — это довѣріе, кредитъ; монета ассоціаціи это бумага.

Вотъ что предчувствовалъ Лоу, вотъ что представлялось его забѣгавшему впередъ генію и что объясняетъ слѣдующее опредѣленіе столь отличное отъ того, какое дано было впослѣдствіи Тюрго: «монета не есть цѣнность, на которую обмѣниваются товары, а есть цѣнность,

---

[1]) Тюрго, Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, § 42, изд. Гильомена.

посредствомъ которой обмѣниваются товары [1].» Но Тюрго въ формѣ аксіомы высказалъ такое положеніе: «монета съ чисто условнымъ значеніемъ невозможна [2].» Лоу былъ такъ далекъ отъ признанія этой мнимой аксіомы, что онъ писалъ: «еслибы установили монету, которая бы не имѣла никакой внутренней цѣны или внутренняя цѣнность которой была бы такова, что ее не стоило бы вывозить, и еслибы количество ея никогда не было ниже запроса въ странѣ, то достигли бы богатства и силы [3].» Мы уже сказали, что Тюрго выходилъ изъ принципа конкуренціи, а Лоу имѣлъ въ виду принципъ ассоціаціи.

По этому уже можно судить о революціонномъ значеніи проблемы, которую поставилъ Лоу; и однакоже мы еще не указали въ этой проблемѣ ни ея новой стороны, ни ея самаго выдающагося пункта.

Имущество націи состоитъ не только изъ того, чѣмъ владѣютъ богатые, т. е. изъ богатства матеріальнаго и настоящаго, но также и изъ того, что стоютъ бѣдные, т. е. изъ богатства моральнаго и будущаго; постоянный обмѣнъ одного рода этихъ богатствъ на другой составляетъ промышленную жизнь новыхъ обществъ. Если орудіе этого обмѣна или деньги, вмѣсто того чтобы имѣть условную цѣну, получатъ цѣнность внутреннюю и реальную, если онѣ будутъ составлять часть тѣхъ вещей, которыми владѣетъ богатый, то ясно, что вслѣдствіе этого равновѣсіе будетъ нарушено къ невыгодѣ бѣднаго. Потому что вещью необходимою для нихъ обоихъ обладаетъ только первый; и этого достаточно, чтобы обезпечить за нимъ превосходство, въ которомъ содержатся тысячи зародышей тираніи. Пораженный злоупотребленіями, которыя влечетъ за собою рядъ частныхъ сдѣлокъ, въ которыхъ вся сила только на одной сторонѣ, Лоу хотѣлъ ни больше ни меньше какъ перенести съ личности на государство заботу о томъ, чтобы сводить капиталъ съ трудомъ, т. е. богатство настоящее съ богатствомъ будущимъ. Но по его мнѣнію осуществленіе подобнаго проекта тѣсно связано было съ принятіемъ бумажныхъ денегъ.

Человѣкъ дѣятельный и промышленный, но бѣдный, можетъ дать только простую письменную росписку въ обмѣнъ за то, что ему необходимо для жизни и работы; поэтому Лоу предлагалъ учрежденіе государственнаго банка, который имѣлъ бы назначеніе повѣрять росписки

---

[1]) Лоу, Considérations sur le numéraire, p. 143.

[2]) Тюрго, Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, § 42.

[3]) Лоу, Considérations sur le numéraire, p. 146.

бѣднаго человѣка, принимать тѣ, которыя могутъ считаться имѣющими силу, и замѣнять ихъ въ обращеніи билетами, утвержденными печатью публичной власти съ гарантіей государя, словомъ способными исполнять службу денегъ.

Итакъ Лоу хотѣлъ воспрепятствовать тому, чтобы тѣ, которые въ самихъ себѣ носятъ свое счастье, губили за недостаткомъ занятія сокровища своего ума и своихъ силъ. Онъ хотѣлъ, чтобы благодаря правильному и постоянному вмѣшательству государства умственныя и нравственныя способности бѣднаго имѣли свой знакъ и свое средство обмѣна, такъ точно какъ матеріальныя вещи принадлежащія богатому. Послѣднія представляются металлическими деньгами; для представленія первыхъ Лоу требовалъ введенія бумажныхъ денегъ. Это значило основать на справедливости и интересѣ всѣхъ обмѣнъ существующихъ богатствъ на будущія богатства, того, чѣмъ обладаютъ одни, на то, чего стоютъ другіе. Это значило поставить выше борьбы эгоизма принципъ, порождающій общественное благосостояніе.

Вотъ съ какими цѣлями сколько благородными, столь же и глубокими Лоу сначала старался объ увеличеніи количества денегъ, а потомъ о введеніи нѣкотораго рода денегъ, которыми могло бы располагать государство; этого не поняли тѣ, которые обвиняютъ шотландскаго экономиста въ томъ, будто-бы онъ помимо труда искалъ источниковъ силы и счастія.

Но не ошибался ли Лоу, ставя употребленіе бумажныхъ денегъ точкою исхода соціальной революціи, которая должна была на половину совершиться для того, чтобы введеніе бумажныхъ денегъ не представляло опасностей? Не долженъ ли бы онъ былъ понять, что при правителѣ погруженномъ въ скептицизмъ и развратъ, среди необузданнаго двора, въ обществѣ еще невѣжественномъ, еще зараженномъ бѣшенствомъ эгоизма, неблагоразумно было трогать эту пружину бумажныхъ денегъ, которая, чтобы дѣйствовать правильно, требуетъ предварительнаго воспитанія умовъ, практики идей, ассоціаціи, привычекъ довѣрія, всей совокупности новыхъ нравовъ и учрежденій? Не начиналъ ли Лоу именно тѣмъ, чѣмъ бы можно было только закончить? Это все покажетъ дальнѣйшій ходъ нашего разсказа.

Какъ бы то ни было, но Лоу ввелъ во Франціи эту знаменитую систему ассигнатовъ, которую мы встрѣтимъ впослѣдствіи производящею странные результаты, но которую однако не нужно проклинать; потому что временныя бѣдствія она искупила безсмертными заслугами и дала французской революціи возможность побѣдить своихъ враговъ.

Какова однако сила ума! открылся магическій міръ; подъ вліяніемъ шотландца, о которомъ можно было подумать, что онъ вооруженъ волшебной палочкой, вся нація опьянѣла отъ надеждъ, сословія перемѣшались, ранги забылись, совершились метаморфозы сколько чудесныя, столь же и внезапныя, дворянство блуждало по перекресткамъ, а бывшіе нищіе одѣлись въ золото и шолкъ, тысячи людей задыхались на лѣстницѣ фортуны, наконецъ весь великій народъ волновался, преобразился, экзальтировался, мучился... и все это изъ-за нѣсколькихъ движеній мысли въ головѣ какого-то человѣка. Поэтому Лоу имѣлъ основаніе говорить, что одно измѣненіе въ принципахъ значитъ гораздо больше для судьбы государствъ, чѣмъ выигрышъ или потеря сраженія [1]).

Лоу учрежденіемъ общаго банка хотѣлъ сдѣлать государство распредѣлителемъ общественнаго богатства, кассиромъ богатыхъ, банкиромъ бѣдныхъ.

Извѣстно, что учетные банки всегда держутъ въ кассѣ подъ именемъ резерва только часть наличныхъ денегъ соотвѣтствующихъ выпущеннымъ ими бумагамъ. Остальныя деньги они пускаютъ въ оборотъ и тѣмъ увеличиваютъ свои прибыли. Такъ бы сдѣлалъ и общій банкъ. Но только прибыли, которыя при системѣ частныхъ учрежденій увеличиваютъ богатство нѣсколькихъ личностей, здѣсь собираются государствомъ въ общемъ интересѣ. Изъ находящихся у него въ депозитѣ денегъ оно одну часть употребляло бы на выкупъ въ случаѣ надобности возвращающихся билетовъ, а другую на покрытіе общественныхъ расходовъ.

Правда, это значило давать государству право брать изъ депозита деньги по мѣрѣ своихъ надобностей; но вкладчики, давшіе деньги въ депозитъ, по мнѣнію Лоу не должны были ничего бояться, такъ какъ цѣлость депозированныхъ суммъ была обезпечена въ ихъ рукахъ билетами имѣвшими денежный курсъ и уплачиваемыхъ немедленно.

Однакоже могло случиться, что не довольствуясь употребленіемъ на общественные расходы свободной части наличныхъ денегъ находящихся въ кассѣ, правительство могло бы тронуть самый резервъ. Тогда билеты потеряли бы всякій кредитъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ обезпеченія; довѣріе исчезло бы въ одно мгновеніе. И такимъ образомъ система кредита внезапно рухнула бы и подъ ея развалинами погибли бы вклад-

[1]) Лоу, Deuxième mémoire sur les banques, p. 297.

чики. Лоу предвидѣлъ это возраженіе, и вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на него:

«Совершенно невозможно, чтобы король когда-либо нарушилъ систему. Потому что, наконецъ, зачѣмъ ему и нарушать ее? Для того чтобы имѣть деньги королевства, которыя онъ предпочтетъ своему кредиту? Предположимъ, что онъ возьметъ эти деньги, но зато потеряетъ кредитъ, который бы удесятерялъ его фонды: это было бы похоже на то, какъ еслибы человѣкъ владѣющій десятью домами—для того, чтобы сохранить одинъ изъ нихъ, котораго никто у него не оспариваетъ, разрушилъ бы остальные девять [1].»

На этотъ разъ Лоу ошибался: онъ считалъ невозможнымъ въ абсолютной монархіи то, что было невозможно при системѣ гарантій. Кто можетъ дѣлать слишкомъ много, тотъ осмѣливается дѣлать даже еще больше того, чѣмъ можетъ.

Но какъ идея, примѣнимая къ демократическому правленію, система Лоу носила на себѣ отпечатокъ генія. Показавши бѣдствія, производимыя недовѣріемъ, когда оно возвышается стѣною между правительствомъ и народомъ, Лоу спрашиваетъ, «какой же принципъ можетъ предотвратить столь большое зло? Я скажу его, не смотря на ужасъ, какой онъ можетъ вызвать въ незнающемъ человѣкѣ: онъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ деньги отдать королю не въ видѣ займа, потому что проценты были бы для него обременительны, и не въ видѣ налоговъ, такъ какъ его собственный интересъ заставитъ уничтожить ихъ, но просто въ видѣ вклада въ банкъ, чтобы брать ихъ оттуда по мѣрѣ надобности [2].»

Такимъ образомъ посредствомъ новой и смѣлой комбинаціи Лоу надѣялся достигнуть совершеннаго уничтоженія налоговъ и займовъ.

Тогда уже не было бы фискальныхъ притѣсненій; ненавистные откупщики казенныхъ сборовъ исчезли бы. Для удовлетворенія потребностямъ государства существовала бы часть наличныхъ денегъ, добровольно принесенныхъ въ общій банкъ разсудительнымъ довѣріемъ гражданъ; земледѣлецъ поправился бы, бѣдный вздохнулъ бы свободнѣе: налоги платилъ бы только кредитъ.

Чтобы резюмировать всю эту систему идей и представить ее въ

---

[1]) Deuxième lettre sur la nouveau système des finances: Mercure de France, мартъ, 1720.

[2]) Ibid.

живыхъ образахъ, мы скажемъ, что по мнѣнію Лоу деньги въ государствѣ—тоже, что кровь въ человѣческомъ тѣлѣ. Онъ сравнивалъ кредитъ съ самою нѣжною частью крови, и подобно тому, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ существуетъ органъ циркуляціи крови, сердце, Лоу хотѣлъ, чтобы и въ обществѣ былъ органъ циркуляціи богатствъ, который есть банкъ.

Что касается до философіи его системы, то она выражается въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ: «тѣ, которые хотятъ копить деньги и держать ихъ у себя, похожи на тѣ части или оконечности человѣческаго тѣла, которыя хотѣли бы остановить токъ крови, которая орошаетъ и питаетъ ихъ: они скоро разрушили бы принципъ жизни въ сердцѣ, въ другихъ частяхъ и наконецъ въ самихъ себѣ. Деньги вы имѣете право брать и пропускать черезъ свои руки только для того, чтобы удовлетворить вашимъ потребностямъ и вашимъ желаніямъ, а помимо этого пользованіе ими принадлежитъ вашимъ согражданамъ и вы не можете присвоить ихъ себѣ, не совершая общественной несправедливости и государственнаго преступленія. Деньги имѣютъ на себѣ знакъ государя, а не вашъ, чтобы показать вамъ, что они принадлежатъ вамъ только путемъ циркуляціи и что вамъ недозволительно присвоивать ихъ въ другомъ какомъ либо смыслѣ [1].»

Подобная рѣчь не заключала бы въ себѣ ничего особеннаго въ устахъ человѣка, сурово испытаннаго страданіями и пріученнаго къ серьезнымъ занятіямъ практикою бѣдности. Но Лоу съ такою страстью порицалъ систематическій деспотизмъ денегъ послѣ того, какъ самъ два раза былъ милліонеромъ [2]. Его юность прошла въ счастливыхъ путешествіяхъ, въ погонѣ за приключеніями и любовью. Честный побѣдитель въ дуэли, въ которой была заинтересована честь женщины и которую Вольтеръ оклеветалъ, назвавши ее убійствомъ, онъ принужденъ былъ оставить Лондонъ. Затѣмъ онъ показалъ себя бариномъ въ Венеціи; и въ Парижѣ онъ жилъ самымъ роскошнымъ образомъ. Это были первыя привычки Лоу. До такой степени справедливо, что въ извѣстныхъ натурахъ честность чувствъ рождается отъ одной только прелести генія!

---

1) Ibid.

2) Hist. du système des finances sous la minorité de Louis XV, t. I, p. 78. Гага, 1739.

Система Лоу съ того пункта, до котораго мы прослѣдили ее, все возвышалась, увеличиваясь до удивительныхъ размѣровъ. Если торговля есть обильный источникъ богатствъ вь странѣ, гдѣ ею занимаются только изолированныя личности вредящія другъ другу и взаимно раззоряющія себя среди хаотическаго смѣшенія, то что же могло быть въ королевствѣ, которое все какъ одна корпорація занималось бы торговлей, вовсе впрочемъ не запрещая ее и частнымъ лицамъ [1])? И если купецъ имѣетъ основаніе соразмѣрять свои проэкты и свои надежды съ фондами, которыми онъ располагаетъ, то чего можно было бы ожидать отъ громадной компаніи, которая слившись съ государствомъ, пользуясь его кредитомъ и опираясь на общій банкъ, соединила бы въ одинъ общій центръ всѣ разсѣянные капиталы и вооружившись далекими предпріятіями, обширными планами пошла бы для завоеванія счастья людей подъ знаменемъ, съ сокровищами и при рукоплесканіяхъ великаго народа?

Такимъ образомъ компанія и банкъ дѣйствовали бы согласно, какъ двѣ сродныя силы. Первая оказывала бы пособіе производителямъ, давая имъ ссуды, а вторая давала бы цѣну фондамъ, находя для нихъ помѣщеніе. Посредствомъ банка государство сдѣлалось бы хранителемъ металлическихъ денегъ, знаковъ и залоговъ богатства, а посредствомъ компаніи оно управляло бы самимъ богатствомъ.

Нечего уже и говорить о томъ, что уплата государственнаго долга сдѣлалась бы тогда весьма легкою. Потому что государство было бы тогда въ состояніи расплатиться, сдѣлавши своихъ кредиторовъ участниками въ прибыляхъ компаніи и давши имъ вмѣсто ихъ процентныхъ билетовъ производительныя акціи съ одинаковымъ процентомъ, а можетъ быть даже и съ бо́льшимъ.

Такимъ образомъ при существованіи банковъ не было бы займовъ и не было бы налоговъ, а при существованіи компаніи не было бы долговъ.

Такова была система, которую предложилъ Лоу въ моментъ общаго бѣдствія и отчаянія. Долгъ оставленный Людовикомъ XIV, какъ мы сказали, составлялъ два мильярда четыреста двѣнадцать милліоновъ и для уплаты процентовъ по нимъ не было никакихъ ресурсовъ. Налогъ оказался большею частью уже потребленнымъ напередъ. Нужно было прибѣгнуть къ visa (т. е. провѣркѣ долговыхъ обязательствъ и ихъ

[1]) Deuxième lettre sur le nouveau système des finances: Mercure de France, мартъ, 1720.

произвольному пониженію), чтобы обратить ихъ въ одинъ видъ бумагъ и уменьшить 600 милліоновъ королевскихъ обязательствъ, распространенныхъ въ публикѣ подъ различными именами; но оставалось еще 250 милліоновъ, называвшихся государственными билетами, и они теряли до 70 процентовъ, нѣкоторые утверждаютъ, будто даже до 90 проц. [1]).

Страшный трибуналъ, Chambre de justice, былъ учрежденъ для удовлетворенія народа и для ограбленія и наказанія откупщиковъ казенныхъ сборовъ, которые сами были страшными грабителями; но это вызвало только ненавистные обыски, месть и домашнія измѣны [2]). Поощряемые страшными эдиктами, доносчики размножились какъ во времена выродившагося Рима [3]). Деньги спрятались; промышленность умирала, и Лоу видѣлъ передъ глазами убитое королевство, дворъ близкій къ гибели, тысячи кредиторовъ дрожавшихъ въ паническомъ страхѣ, министровъ истощившихъ всѣ средства, казну пустую, неизбѣжность банкротства.

Жаръ его усилился; онъ развилъ нѣкоторыя изъ своихъ идей съ сильнымъ и простымъ краснорѣчіемъ; онъ рискнулъ вложить свое состояніе въ предпріятіе и сдѣлалъ это съ благородствомъ полнымъ граціи [4]); онъ понравился женщинамъ, занималъ собою городъ, увлекъ дворъ и очаровалъ регента.

Мѣры принятыя Лоу для обезпеченія предлагаемаго учрежденія были проникнуты мудростью и благоразуміемъ. Онъ предвидѣлъ всѣ трудности, отвѣтилъ на всѣ возраженія. Его увѣренность была столь велика, столь искрення, что, недовольствуясь обязательствомъ дать изъ своихъ денегъ [5]) 500 тысячъ ливровъ бѣднымъ въ случаѣ неуспѣха, онъ еще счелъ себя въ правѣ написать регенту: «Служба королю, участіе, какое господинъ Лоу имѣетъ честь принимать въ интересахъ этого королевства и подданныхъ его величества, а также его собственная репутація побуждаютъ его настаивать на томъ, чтобы ему было предоставлено веденіе его дѣла. Онъ считаетъ себя способнымъ и отвѣчаетъ своей головой за свою честность, за свое умѣнье и за успѣхъ [6]).»

Однако готовясь вступить въ столь новую карьеру, Филиппъ медлилъ и Лоу долженъ былъ начать учрежденіемъ частнаго банка. Ему

---

1) Hist. du système, t. I, p. 61.
2) Лемонтей, Oeuvres, t. VII, p. 65.
3) Ibid.
4) Premier mémoire sur les banques, p. 210.
5) Ibid., p. 202.
6) Ibid., p. 216.

дано было право выпускать билеты выкупаемые по предъявленіи, учитать векселя, открывать за плату почти незамѣтную текущіе счеты и служить кассою для частныхъ лицъ [1]). Его фонды, которые частью состояли въ государственныхъ билетахъ, составляли 1200 акцій по тысячѣ экю каждая, что составляло 6 милліоновъ [2]); и для подкрѣпленія ихъ онъ потребовалъ свои два милліона, которые хранились у него въ Италіи [3]).

Успѣхъ былъ быстрый, удивительный. Такъ какъ цѣнность билетовъ объявлена была неизмѣнною, то ихъ предпочитали даже монетѣ, постоянныя измѣненія которой сильно поколебали ее. Золото, серебро притекали въ банкъ для обмѣна на бумаги. Довѣріе возстановилось, циркуляція пошла своимъ ходомъ; иностранцы снова явились на французскомъ рынкѣ, откуда ихъ изгнала невѣрность сдѣлокъ, горькій и неизбѣжный плодъ столькихъ финансовыхъ революцій; начали благословлять счастливаго шотландца; стали ему вѣрить, надѣяться на него.

Тогда удивленный и вполнѣ убѣжденный регентъ рѣшился положиться на обѣщанія Лоу и на его легкій геній. Королевскимъ эдиктомъ приказано было принимать билеты въ уплату налоговъ и казначеямъ выплачивать прямо билеты, которые будутъ имъ предъявлены [4]). Бумаги Лоу пріобрѣли этимъ все королевство. Его банкъ пріобрѣталъ все увеличивавшуюся важность и начиналъ смѣшиваться съ правительствомъ. Расширяя свою власть, онъ увеличивалъ свои благодѣнія; и за мрачнымъ усыпленіемъ, въ которое была погружена Франція, скоро послѣдовали порывы энтузіазма.

Но благодаря французскимъ владѣніямъ въ Америкѣ, система Лоу поднялась на большую и бурную высоту.

Въ 1682 г. знаменитый путешественникъ Кавелье де Ла-Салль спускался по рѣчкѣ въ Иллинойсѣ, какъ вдругъ онъ очутился среди большой неизвѣстной рѣки. Удивленный и обрадованный онъ плылъ по ея обширному теченію, изслѣдовалъ берега, расположилъ къ себѣ подарка-

---

[1]) Lettres patentes du roi, 2 mai 1716.

[2]) Lettres patentes du roi, contenant réglement pour la banque générale, donné le 20 mai 1716.

[3]) Hist. du système, t. I, p. 78. Лоу въ своихъ Mémoires justificatifs говоритъ, что онъ привезъ съ собою во Францію 1 милліонъ 600 тысячъ ливровъ, считая по тогдашнему марку серебра въ 28 ливровъ.

[4]) Arrêt du conseil du roi, du 10 avril 1717, extrait des registres du conseil d'Etat.

ми сосѣдніе дикіе народы и, оставляя страну, далъ ей имя Луизіаны. Онъ возвратился въ нее, чтобы погибнуть въ ней: его племянникъ и его слуги убили его близъ рѣки Канотовъ [1]). Но его труды не погибли. Продолжаемые Гибервиллемъ, они утвердили въ пустыняхъ новаго свѣта знамя Франціи и американскій Нилъ потекъ по увеличившимся французскимъ владѣніямъ.

Испанцы въ Мексикѣ были обезпокоены этимъ; англичане въ Виргиніи и Каролинѣ смотрѣли на это съ неудовольствіемъ. И каково было это драгоцѣнное завоеваніе! Это была страна по пространству превосходившая Европу и орошаемая на протяженіи тысячи лье величественною рѣкою съ равнинами богатыми зернами и плодами, съ рыбными рѣчками и прекрасными каменоломнями [2]); и для овладѣнія всѣмъ этимъ нужно было только продолжать трудъ и не нужно было проливать ни капли крови. Одинъ только взглядъ на Луизіану достаточенъ былъ для того, чтобы воспламенить воображеніе ея сильною и разнообразною растительностью, ея огромными саваннами и величественностью ея лѣсовъ украшенныхъ ліанами какъ волосами. Это была та самая страна, красоту которой такъ поэтически описалъ въ наше время знаменитый писатель: «два берега Месхасебе или Миссисипи представляютъ самую необыкновенную картину. На западномъ берегу открываются саванны, теряющіяся въ отдаленіи недоступномъ для глаза; ихъ зелень съ удаленіемъ, кажется, поднимается къ небесной синевѣ и исчезаетъ въ ней. Въ этихъ безграничныхъ лугахъ свободно блуждаютъ стада изъ трехъ или четырехъ тысячъ дикихъ буйволовъ. Иногда старый бизонъ, перерѣзавши рѣку вплавь, приходитъ спрятаться въ высокой травѣ на островѣ Миссисипи. По его лбу украшенному двумя рогами, по его античной грязной бородѣ вы его примете за бога рѣки, который бросаетъ довольный взоръ на величіе ея волнъ и на дикое обиліе ея береговъ.»

Лоу рѣшился сдѣлать изъ этой страны богатую колонію. До сихъ поръ она вызывала только робкія попытки; для поддержанія ихъ онъ составилъ компанію и съ нею пустилъ въ ходъ свою систему.

Настала новая эра для буржуазіи.

Какъ быстръ ходъ дѣла, когда его движетъ идея! Въ послѣдніе годы предшествовавшаго вѣка среди блеска, окружавшаго дворянъ и ихъ

---

[1]) Hist. du système, p. 97.
[2]) Ibid., t. I, p. 98 et 99.

знаменитыхъ вождей, кто бы могъ повѣрить, что черезъ нѣсколько времени образуется во Франціи ассоціація купцовъ, снабженная прерогативами верховной державы, что эта ассоціація, предназначенная для эксплуатаціи отдаленныхъ владѣній, получитъ право строить въ нихъ крѣпости, набирать войска, быть тамъ верховными судьями, объявлять войну, снаряжать корабли; что она будетъ имѣть оружія и будетъ считать въ числѣ своихъ директоровъ регента Франціи, самого регента; и чтобы дать ей возможность поглотить прежнее военное дворянство, позволятъ дворянамъ служить ей и потеряться среди нея 1)!

Новая компанія названа была западной компаніей. Грамата данная ей содержитъ въ себѣ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Такъ какъ наше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы дать участіе въ торговлѣ этой компаніи и въ выгодахъ данныхъ ей нами возможно большему числу нашихъ подданныхъ, которые способны на это, и чтобы всѣ лица могли получать интересъ отъ нея смотря по своимъ способностямъ, то мы повелѣли, чтобы фонды этой компаній были раздѣлены на акціи въ 500 ливровъ каждая 2).» Въ этихъ словахъ была цѣлая революція.

Но революціи не могутъ совершаться безъ того, чтобы не подрывать тысячи интересовъ и не возбуждать неумолимую ненависть. Едва только Лоу вступилъ на избранный путь, какъ онъ могъ уже считать своими врагами: членовъ парламента, потому что онъ грозилъ уничтожить продажу должностей; судейскихъ приказныхъ, потому что онъ имѣлъ въ виду уменьшеніе процессовъ; откупщиковъ казенныхъ доходовъ, потому что онъ предполагалъ изгнать изъ управленія общественными финансами путаницу и темноту, бывшія источниками столькихъ низкихъ поживъ; весь прежній финансовый міръ, потому что новыя комбинаціи показывали его неспособность, и наконецъ многихъ вліятельныхъ лицъ, потому что имъ завидно было расположеніе, которымъ пользовался иностранецъ. Во главѣ этихъ послѣднихъ стоялъ д'Аржансонъ, который недавно ставши преемникомъ Агессо и Ноалля управлялъ вмѣстѣ юстиціей и финансами.

Д'Аржансонъ ознаменовалъ начало своего управленія общей переливкой монеты и большимъ увеличеніемъ ея количества. Это былъ очевидный ударъ нанесенный системѣ Лоу. Потому что можно ли было придумать что-нибудь болѣе фатальное для зарождавшейся системы кре-

---

1) Lettres patentes en forme d'edit, données à Paris au mois d'aout, 1717.
2) Ibid.

дита, какъ повышеніе цѣны монеты, способное возбудить въ торговомъ мірѣ волненіе и неизвѣстность? Однакоже противники Лоу завидовавшіе ему поставили ему въ вину этотъ майскій эдиктъ, который былъ дѣломъ его врага [1]). Они притворялись, будто не знаютъ, что тогда управлялъ финансами д'Аржансонъ и управлялъ ими самовластно и что Лоу, далекій отъ одобренія колебаній монеты, напротивъ, показывалъ въ своихъ сочиненіяхъ ихъ неудобства и опасности [2]). Во главѣ тѣхъ, которые приписывали Лоу эдиктъ о переливкѣ монеты, нужно поставить Пари-Дювернея. Въ книгѣ, въ которой онъ предполагаетъ опровергнуть Дюто, одного изъ апологистовъ шотландца, будущій другъ маркизы де-При удивляется и жалуется по поводу того, что Дюто ничего не говоритъ о майскомъ эдиктѣ [3]). Но если Дюто ничего не говоритъ объ этомъ эдиктѣ, то просто потому, что Лоу не былъ его авторомъ. И дѣйствительно его нѣтъ въ сборникѣ мемуаровъ, граматъ, декларацій и опредѣленій относительно его системы [4]).

Какъ бы то ни было, но когда парламентъ возсталъ противъ переливки въ опредѣленіи отъ 20 іюня 1718 г. и когда это опредѣленіе было кассировано совѣтомъ, то на Лоу, по мнѣнію его обвинителей, лежала будто бы отвѣтственность за борьбу, которая возникла между дворомъ и парламентомъ, борьбу очень горячую, потому что онъ приказалъ мушкетерамъ окружить типографію парламента и побуждалъ для защиты угрожаемаго королевскаго авторитета прибѣгнуть для побѣды къ силѣ.

За этимъ первымъ нападеніемъ слѣдовали другія, болѣе прямыя. Раздраженный своимъ недавнимъ пораженіемъ, парламентъ приказалъ казначеямъ не принимать банковыхъ билетовъ въ уплату налоговъ и запретилъ всѣмъ иностранцамъ, даже натурализованнымъ, вмѣшиваться въ управленіе королевскою казною [5]). Парижъ тотчасъ же взволновался

---

[1]) Vie de Philippe d'Orléans, par M. L. D. M., t. I, p. 256 et 257.

[2]) См. напр. всю IV главу Considérations sur le numéraire, Oeuvres de Law, p. 61 et suiv.

[3]) Examen du livre intitulé: Reflexions politiques sur les finances, t. I, p. 221.

[4]) Въ своей замѣчательной статьѣ о Лоу, которому она не даетъ должной справедливости, Эжень Дерь дѣлаетъ Тьеру такой же упрекъ какъ Дюверней Дюто и само собою разумѣется не съ бо̀льшимъ основаніемъ. См. Collections des Economistes, p. 449. Paris, изд. Гильомена.

[5]) Extrait des registres du parlement.

и дворъ пришелъ въ безпокойство. Извѣстно было, что герцогъ и герцогиня Менскіе уже давно только и занимались тѣмъ, что внушали магистратурѣ горячій гнѣвъ, которымъ одушевлены были сами. Чтеніе мемуаровъ кардинала Мазарини, Жоли, мадамъ Моттевилль, какъ говоритъ Сенъ-Симонъ, всѣмъ вскружило головы [1]). Волненія стали возрождаться; всѣ были увѣрены, что снова найдутся Брусселя, и многіе уже боялись или радовались въ ожиданіи новой фронды. Относительно Лоу раздраженіе парламента противъ него имѣло всѣ признаки яростнаго невѣжества. Говорилось о томъ, «чтобъ послать за нимъ приставовъ съ декретомъ ареста и въ теченіи трехъ часовъ повѣсить его внутри дворца [2]).» Только крутая мѣра могла спасти и спасла его. Послѣ нѣкотораго колебанія Филиппъ рѣшился нанести сильный ударъ. 26 августа онъ пригласилъ парламентъ въ Тюльери. Онъ отправляется туда пѣшкомъ, въ красныхъ мундирахъ и внесеніе въ реестръ повелѣній относительно банка было вынуждено у него на засѣданіи съ королевскимъ присутствіемъ.

Враги Лоу рѣшились поразить его собственнымъ его оружіемъ. Были обращены въ акціи генеральные сборы и д'Аржансонъ рѣшилъ отдать ихъ своимъ протеже на имя Аймара Ламбера, своего слуги [3]), противопоставивъ генію Лоу искусство четырехъ братьевъ Пари, которыхъ счастье и умъ извлекли изъ глубины кабака, чтобы поставить у государственныхъ дѣлъ [4]).

Но еще болѣе чѣмъ своихъ враговъ Лоу долженъ былъ опасаться своихъ покровителей.

Въ его планъ входило, чтобы основанный имъ банкъ былъ объявленъ королевскимъ, чтобы акціонерамъ были выплачены ихъ доли и чтобы король гарантировалъ билеты. Но приготовившись добиваться такого рѣшенія, онъ не могъ освободиться отъ чувства ужаса. Стоитъ ли регентъ того, чтобы, отдаться ему? Это привело Лоу въ сомнѣніе. Онъ потребовалъ, чтобы, какъ только банкъ будетъ объявленъ королевскимъ, онъ сейчасъ же былъ отданъ подъ надзоръ особенной коммиссіи, состоявшей изъ представителей четырехъ главныхъ государственныхъ учрежденій: акцизныхъ сборовъ, финансовъ, счетной палаты и парла-

[1]) Mémoires de Saint-Simon, t. XVI, chap. XXII, p. 428, изд. Сотелс, Парижъ, 1829.

[2]) Ibid.

[3]) Hist. du système, t. I, p. 115.

[4]) Mémoires de Saint-Simon, t. XVIII, p. 135.

мента [1]). Но, какъ и слѣдовало ожидать, регентъ отвергъ всякій контроль. Можетъ быть Лоу слѣдовало бы получше понять фатальную важность такого отказа, можетъ быть онъ долженъ былъ сейчасъ же удалиться. Но къ несчастью его душа не имѣла столько силы, сколько было въ ней генія; и кромѣ того регентъ принадлежалъ къ числу тѣхъ милыхъ и развратныхъ правителей, которые неотразимо увлекаютъ тѣхъ, кого они грязнятъ своимъ расположеніемъ.

Подобную же слабость обнаружилъ Лоу, уступивши и въ другомъ пунктѣ такой же важности. Пока онъ стоялъ во главѣ частнаго банка, онъ хотѣлъ, чтобы билеты оставались неизмѣнными деньгами для того, чтобы ихъ предпочитали монетѣ, подвергавшейся частымъ перемѣнамъ. Но когда шелъ вопросъ о превращеніи банка въ политическое учрежденіе, тогда Лоу боялся, чтобы слишкомъ большія преимущества, данныя билетамъ надъ монетой, не послужили для толпы опасной приманкой, а для правительства случаемъ нарушать по своему произволу и капризамъ то отношеніе, которое должно было удерживаться между наличною монетою и бумагою. То, что онъ считалъ хорошимъ въ учрежденіи, которымъ онъ управлялъ одинъ, онъ основательно могъ считать вреднымъ въ учрежденіи, надъ которымъ будетъ тяготѣть воля расточительнаго правителя, безучастнаго къ общественному благу, смотрѣвшаго на передѣлку монеты какъ на игру. Поэтому авторъ системы выпустилъ изъ устава королевскаго банка то условіе неизмѣняемости билетовъ, которое однако составило успѣхъ его частнаго банка [2]). Но регентъ немедленно исправилъ это опущеніе! Не прошло и пяти мѣсяцевъ послѣ превращенія общаго банка въ королевскій, какъ явился эдиктъ, который объявлялъ билеты неподлежащими тѣмъ уменьшеніямъ, какія грозили монетѣ [3]).

Вообще, при внимательномъ изученіи объемистаго сборника эдиктовъ относительно системы сильно поражаетъ то обстоятельство, что онъ представляетъ два ряда правилъ совершенно противоположныхъ: одни вытекавшія изъ принциповъ развитыхъ Лоу въ его сочиненіяхъ, а другія напротивъ продиктованныя жадностью двора и имѣвшія въ виду или разрушить первыя или извратить ихъ. Вотъ что не было замѣчено и что обрушило на Лоу обвиненія, относившіяся собственно къ

---

1) Oeuvres de Lemontey, t. VI, p. 299.

2) Déclaration du roi, donnée à Paris, le 4 décembre 1718.

3) Arrêt du conseil d'État du roi, du 22 avril 1719.—Extrait des registres du conseil d'État.

жадности его всемогущаго покровителя и къ недобросовѣстности его враговъ. Настоящимъ его преступленіемъ была его слабость; а она дѣйствительно есть преступленіе въ тѣхъ высокихъ сферахъ, гдѣ опредѣляется участь народа.

Лоу долженъ былъ преслѣдовать исполненіе своихъ плановъ среди множества препятствій и происковъ. Фонды западной компаніи были опредѣлены въ 100 милліоновъ и раздѣлены на 200 тысячъ акцій по 500 ливровъ каждая. Лоу настоялъ, чтобы они уплачивались государственными билетами. Компанія становилась такимъ образомъ собственницей только бумажнаго капитала, дававшаго четыре милліона рентъ; и такъ какъ у нея не осталось бы ничего, еслибы она то, что получила отъ государства въ формѣ рентъ, должна была потомъ отдать акціонерамъ въ формѣ дивиденда, то было условлено, чтобы доходы перваго года остались у нея для образованія ея оборотнаго фонда. Нужны были другіе рессурсы. Но принявши сначала комбинацію, которая съ перваго взгляда поражала только своею странностью, Лоу имѣлъ цѣль полную смѣлости и глубины. Онъ не только хотѣлъ поднять курсъ разныхъ королевскихъ обязательствъ, открывши имъ исходъ, но еще имѣлъ въ виду начать осуществленіе своей системы съ ея соціальной стороны, а мы видѣли, что эта система состояла въ томъ, чтобы составить подъ управленіемъ государства громадную коммерческую ассоціацію, которая сдѣлала бы солидарными всѣ состоянія и слѣдовательно всякаго кредитора сдѣлала бы товарищемъ заемщика, всякаго владѣльца рентъ акціонеромъ, всякую ренту дивидендомъ.

Но чтобы довести до конца предположенныя операціи, необходимы были значительные свободные фонды. Лоу соединилъ съ торговлей Восточной Индіи торговлю Западной Индіи и Китая, которая была въ упадкѣ; и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выпустить 50 тысячъ новыхъ акцій, которыя онъ назвалъ дочерями [1]), потому что для пріобрѣтенія одной изъ нихъ нужно было представить четыре прежнихъ. Эти 50 тысячъ новыхъ акцій въ 550 ливровъ каждая дали 27 милліоновъ 500 тысячъ ливровъ. И компанія, которой съ конца предшествующаго года предоставлена была монополія табаку, начала свои операціи во внушительныхъ размѣрахъ.

Еще прежде соединенія обоихъ торговыхъ предпріятій, послѣдовав-

---

[1]) Дюто, Réflexions politiques sur les finances, t. II, p. 343. Гага MDCCXLIII.

шаго въ іюнѣ 1719 г., компанія завела колонію въ бухтѣ св. Іосифа; послала въ Иллинойсъ губернатора съ войсками и рабочихъ для разведенія табаку; она пріобрѣла 16 кораблей, изъ которыхъ 10 отправились въ Луизіану съ 700 человѣкъ рекрутъ, 500 поселенцевъ и со всѣми припасами необходимыми для основанія колоніи [1]).

Затѣмъ измѣряя свое честолюбіе своими успѣхами, она купила у короля на 9 лѣтъ чеканку монеты за 50 милліоновъ. Для уплаты ихъ она выпустила третью серію акцій, которыя были названы внучками; и кредитъ ея былъ таковъ, что за ея акціи выпущенныя съ номинальнымъ капиталомъ 500 ливровъ платили по тысячѣ ливровъ [2]).

Послѣ этого Лоу не медлилъ приступить къ гигантскому проэкту, который онъ обдумывалъ уже давно и который долженъ былъ увѣнчать его предпріятіе.

Онъ предложилъ, и предложеніе его было принято, уплатить изъ фонда полученнаго съ послѣднихъ акцій долги государства въ суммѣ 1500 милліоновъ подъ условіемъ: 1) чтобы государство обязалось ежегодно платить компаніи 45 милліоновъ; 2) чтобы общіе сборы (fermes générales) были отняты у братьевъ Пари и отданы компаніи [3]).

До сихъ поръ государство въ видѣ процентовъ на капиталъ 1500 милліоновъ уплачивало своимъ кредиторамъ ежегодную сумму въ 60 милліоновъ. Вслѣдствіе предложенной сдѣлки оно должно было платить компаніи только 45 милліоновъ. Итого оно ежегодно пріобрѣтало 15 милліоновъ.

Правда эти 15 милліоновъ падали на компанію; но она могла вознаградить ихъ доходами съ общихъ сборовъ и кромѣ того освобождалась отъ соперничествующаго общества.

Для осуществленія этого плана было рѣшено кромѣ 300 тысячъ уже существовавшихъ акцій прибавить еще 300 тысячъ, изъ которыхъ 100 тысячъ были выпущены 13 сентября 1719 г. Собранный по нимъ капиталъ долженъ былъ служить для уплаты кредиторамъ государства и для этой цѣли послѣднихъ приглашали брать росписки въ полученіи уплаты (récépissés de remboursement). Но въ то время

---

1) Форбонне, Recherches et considérations sur les finances de France, t. II, p. 589.

2) Дюто, Réflexions politiques sur les finances, t. II, p. 344.

3) Arrêt du conseil d'État du roi, du 27 août 1719.

какъ кредиторы задерживаемы были разными формальностями соединенными съ выдачей росписокъ. другіе капиталисты бросились на выпущенныя акціи и съ такимъ жаромъ, что подписка дошла немедленно до 5 тысячъ ливровъ. Тогда кредиторы государственнаго долга стали жаловаться, что имъ некуда будетъ помѣстить свои капиталы, уплоченные государствомъ, такъ какъ акціи скоро будутъ разобраны; Лоу удовлетворилъ ихъ жалобамъ постановленіемъ отъ 28 сентября, по которому подписка на акціи принималась только отъ тѣхъ, которые заплотятъ одну десятую всей суммы государственными билетами, билетами общей кассы или росписками [1]).

Могли ли кредиторы желать чего-нибудь лучшаго? Такъ какъ росписки становились обязательнымъ платежемъ по акціямъ, то конечно цѣна ихъ не могла не увеличиваться пропорціонально повышенію цѣны акцій. Такимъ образомъ Лоу не хотѣлъ надувать кредиторовъ, какъ утверждали нѣкоторые, повѣривъ Пари-Дювернею [2]), которому такъ хотѣлось унизить въ лицѣ Лоу генія, который былъ выше его, и соперника, который побѣдилъ его.

Мы выступили бы изъ границъ нашего предмета, еслибы стали слѣдить за всѣми подробностями столь обширной операціи. Однако произведенное ею вліяніе имѣетъ столь прямую связь съ тѣмъ измѣненіемъ нравовъ и тѣмъ перемѣщеніемъ силъ, изъ которыхъ вытекла революція, что мы не можемъ не остановиться на ней.

Жаръ вызванный подпиской на акціи доходилъ до бѣшенства. Кто не слышалъ объ улицѣ Кенкампуа и объ ея бурной знаменитости? Жажда пріобрѣтенія, надежда поднять въ одно мгновеніе упавшее состояніе, тщеславное желаніе стать выше своего положенія, потребность забыться, потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, привлекательная неизвѣстность, которой сердце въ своемъ безуміи боится и ищетъ, мука, до которой оно такъ жадно: вотъ какія чувства сильно волновались и играли на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ. Такимъ образомъ улица Кенкампуа была зрѣлищемъ безпорядочно перемѣшавшейся толпы, которую составляли придворные, высшее духовенство, артисты, члены парламента, монахи, аббаты, прикащики, солдаты, авантюристы, сбѣжавшіеся со всѣхъ концовъ Европы. Передъ равенствомъ человѣческихъ слабостей и страстей

---

[1]) Arrêt du conseil d'État du roi, du 26 septembre 1719. — Extrait des registres du conseil d'État.

[2]) Examen des réflexions politiques sur les finances, t. I, p. 254.

исчезло на этотъ разъ неравенство ранга. Гордость сильныхъ земли была выведена на публичное мѣсто, чтобы получить здѣсь на глазахъ толпы примѣрное наказаніе. Братство, въ ожиданіи лучшаго, царствовало посредствомъ ажіотажа. Случалось напр., что прелаты волочили въ толпѣ свою пурпуровую мантію, а принцы крови являлись покупать или продавать бумаги среди куртизанокъ и лакеевъ. Даже иностранные государи имѣли своихъ представителей въ этой плотной толпѣ, попеременно то опьянявшейся надеждою, то холодѣвшей отъ страха, толпы сдавленной, стиснутой, задыхавшейся, которую безпрестанно волновалъ приливъ и отливъ игры и изъ среды которой поднимался зловѣщій ропотъ. Не было ни одного дома на этой знаменитой улицѣ, который бы не сдѣлался притономъ спекулянтовъ. Жадность находила для себя логовища на крышахъ, даже въ погребахъ. Ажіотировали при свѣтѣ солнца и также при заревѣ факела. Владѣть въ этомъ кварталѣ какой нибудь лавчонкой значило имѣть золотой рудникъ. Говорятъ, что нѣкоторыя женщины, напр. Савалеттъ и Виллемюръ, даже обѣдали среди этихъ баснословныхъ битвъ [1]). Тамъ были только конторы продажи и покупки: здѣсь контора Леграна, казначея Франціи, тамъ контора Негре де Гранвиля, бывшаго откупщика монополій по сборамъ и удѣламъ. Не доставало мѣста для писанія: прибѣгали къ живымъ столамъ и несчастные составляли себѣ состояніе, подставляя свои спины [2]); они были бы готовы подставить свою душу. И во все время пока продолжалась горячка, бумаги имѣли надъ золотомъ такое преимущество, какое воображеніе можетъ имѣть надъ дѣйствительностью. Такимъ образомъ однажды два человѣка стали драться шпагами на улицѣ изъ-за того, что продавецъ акцій требовалъ себѣ уплаты билетами, а покупатель непремѣнно хотѣлъ заплатить золотомъ. Скоро толпа и давка дошла до того, что на каждомъ концѣ улицы нужно было поставить стражу солдатъ подъ командою офицера. Но мало по малу жадность дисциплинировалась. За шумными перебиваніями одинъ другаго послѣдовали правильныя ажитаціи еще болѣе страшныя. Лебланъ, Вернезобръ, Андре, Павильонъ, Флери управляли движеніемъ посредствомъ своихъ тайныхъ эмиссаровъ и держали въ своихъ рукахъ ключъ отъ бури. Чтобы повысить акціи, достаточно было одного удара въ колоколъ, раздавшагося изъ конторы Павильона, а чтобы понизить ихъ, достаточно было свистка, поданнаго изъ конторы Флери [3]).

---

1) Hist. du système, t. II, p. 50.
2) Ibid., p. 51.
3) Ibid., p. 84.

Вслѣдствіе этого и происходили внезапныя, неслыханныя и почти невѣроятныя обогащенія тѣхъ, которые умѣли во время реализировать свои выигрыши на бумагахъ. Савойяръ по имени Шамбери становится милліонеромъ, потому что, служа въ качествѣ чистильщика сапоговъ у одного банкира въ улицѣ Сенъ-Мартенъ, онъ имѣлъ благопріятные случаи для спекуляціи. Мелочной лавочникъ изъ Намюра, знаменитый въ исторіи системы подъ именемъ Шомона, въ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣлъ столько, что могъ покупать помѣщичьи земли въ провинціи, а въ Парижѣ купилъ отель, въ которомъ жилъ архіепископъ Камбрейскій. Это былъ общій переворотъ въ состояніяхъ; это была такая метаморфоза въ состояніяхъ, подобныя которой можно найти только въ въ античныхъ сатурналіяхъ.

Лоу не думалъ, чтобы умы дошли до такой степени увлеченія. Онъ съ огорченіемъ увидѣлъ, что доводя систему до крайности приготовляютъ ея паденіе, и чтобы остановить повышеніе акцій онъ пустилъ ихъ въ ноябрѣ 1719 г. на 13 милліоновъ и это въ теченіи одной недѣли. Позднее благоразуміе! акціи, которыя уже достигли цифры 10 тысячъ ливровъ, должны были подняться еще выше. Взрывъ оказывался серьезнымъ по самому своему излишеству. Въ сущности онъ имѣлъ громадную важность и различнымъ образомъ приготовлялъ великую драму революціи.

И прежде всего что могло быть болѣе гибельнымъ для этого дворянства, нѣкогда столь гордаго, столь рыцарскаго, столь страстнаго къ славѣ, столь полнаго презрѣніемъ къ деньгамъ, чѣмъ это неожиданное смѣшеніе классовъ, эта удивительная подвижность сообщенная богатствамъ, этотъ тріумфъ коммерческой игры надъ играми войны? Когда Тюрменье сказалъ герцогу Бурбонскому, указывавшему на свой портфель наполненный акціями: «фи! милостивый государь, вашъ прадѣдъ никогда не имѣлъ ихъ болѣе пяти или шести, но они гораздо больше стоили, чѣмъ всѣ ваши[1])», то онъ однимъ словомъ измѣрилъ путь пройденный дворянствомъ менѣе чѣмъ въ три года. И въ самомъ дѣлѣ своею новою жадностью оно превзошло свои старыя безразсудства. Герцогъ Бурбонскій и принцъ Конти шли во главѣ спекулянтовъ пользовавшихся извѣстностью и за ними слѣдовала толпа дворянъ. Множество аристократовъ толпилось у дверей Лоу, верховнаго раздавателя подписки, и они проводили здѣсь цѣлые часы, ожидая его съ тоскли-

---

[1]) Mémoires de Saint-Simon, t. XVIII, p. 184.

вымъ безпокойствомъ, прося его взгляда какъ милостыни и возбуждая его презрѣніе крайностью и горячкою своей жадности. Не довольствуясь тѣмъ, что они льстили ему, иностранцу, нѣкогда безвѣстному и сыну золотыхъ дѣлъ мастера въ Эдинбургѣ, они льстили еще его метрессѣ, они льстили его дочери, еще ребенку, наконецъ льстили Тьерри, его лакею. Дворъ Лоу увеличился многими знатными женщинами, недавно ушедшими изъ двора регента; директоръ банка сдѣлался предметомъ ихъ преслѣдованій и жажда денегъ была у нихъ такъ велика, что заставила умолкнуть стыдливость. Здѣсь соединилось все, что только способно было разсѣять старыя обаянія. Для того чтобы заправлять сдѣлками, Луи Генрихъ Бурбонъ, маршалъ Этре, принцъ Вальмонъ, баронъ Бретель вступили въ компанію съ Фаржами и Потера. Въ спискѣ директоровъ Индійской компаніи рядомъ съ именемъ регента Франціи стояло имя Сентъ-Эдма, извѣстнаго на рынкѣ въ Сенъ-Лоранѣ въ качествѣ главы паяцовъ[1]). Такимъ образомъ народъ привыкалъ измѣрять смѣлымъ взглядомъ разстояніе отдѣлявшее его отъ знати. Онъ предавался самымъ убійственнымъ насмѣшкамъ. Революціонное чувство, возникшее изъ ненависти, укрѣплялось презрѣніемъ. Стѣны Парижа покрывались объявленіями, которыя предвѣщали собою тѣ объявленія, которыя впослѣдствіи характеризовали собою другую трагическую эпоху. Въ одномъ изъ такихъ объявленій толпа ажіотаторовъ изображалась въ видѣ арміи, генералиссимусомъ которой очень зло былъ названъ Ле-Дюкъ (герцогъ); генералами маршалъ Этре, Шолнъ и герцогъ Гишъ; казначеемъ герцогъ Ла-Форсъ (сила); маркитантками дамы Веррюэ, Де-При, Сабранъ, Жіе, Нель, Полиньякъ. Мрачныя предостереженія, надъ которыми только смѣялось дворянство, но которыя однако не удержали его отъ паденія въ пропасть униженія! Большой сеньоръ, маркизъ д'Уазъ, сынъ и старшій братъ герцоговъ Вильяръ-Бранка, не постыдился взять себѣ невѣстой дочь ажіотатора Андре, имѣвшую только три года, съ тѣмъ условіемъ чтобы воспользоваться напередъ условленнымъ приданымъ[2]). Когда спекулянты при паденіи системы принуждены были искать убѣжища, куда бы не проникла полиція, то ихъ принялъ дворянинъ, принцъ Кариньянскій, отдавши имъ въ наемъ свой садъ; и чтобы принудить ажіотаторовъ пользоваться имъ, выхлопоталъ повелѣніе, которое запрещало заключать сдѣлки гдѣ-нибудь

1) Extrait du registre de la compagnie des Indes, 22 févr. 1720.

2) Mémoires de Saint-Simon, t. XVIII, p. 189.

въ другихъ мѣстахъ кромѣ выстроенныхъ имъ палатокъ [1]). Какую черту еще можно прибавить къ столь печальной картинѣ? Однажды народъ собрался смотрѣть, какъ колесовали живаго преступника, который убилъ владѣльца портфеля, чтобы украсть послѣдній. И этотъ преступникъ былъ родственникъ регента, внукъ принца де Линь, герцогъ Арембергъ!

По этому можно судить, что сдѣлало дворянство для собственной гибели. Людовикъ XIV сдерживалъ его, Ришелье истреблялъ его, а при регентѣ оно само себя обезчестило. И впослѣдствіи преемникъ этого самаго регента апплодировалъ, видя, какъ дворянъ ведутъ на эшафотъ.

Но въ то время какъ аристократія унижалась, буржуазія возвышалась въ такой же пропорціи. Потому что если система Лоу вызванною ею игрою разорила столько же семействъ, сколько обогатила ихъ, то съ другой стороны она вывела націю изъ застоя и дала ей множество острыхъ возбужденій. Между миссиссипцами—такъ называли спекулянтовъ, вдругъ ставшихъ милліонерами,—были и такіе, которые думали только о томъ, какъ бы пороскошнѣе прожить ссуды фортуны, и они сильно возбуждали и поддерживали трудъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ прославиться въ своемъ родномъ городѣ полезною щедростью, напр. Росси, построившій мостъ въ Кастрѣ. Другой требовалъ отъ искусства богатыхъ ковровъ и разной великолѣпной мебели. Третій доставалъ издалека рѣдкіе продукты и задавалъ обѣды, которые по чувственной утонченности равнялись историческимъ пиршествамъ Отона и Антонія. Бывшій гвардеецъ, внезапно обогатившись, купилъ себѣ посуду, которая была заказана для короля португальскаго. Вотъ что современный авторъ разсказываетъ о роскоши одного миссиссипца: «блюда самыя рѣдкія и самыя деликатныя, вина самыя изысканныя, все было за его столомъ, все что только можетъ вообразить самый прихотливый сластолюбецъ. Дессерты, которые тамъ подавались, удивили бы самыхъ опытныхъ машинистовъ. Большіе плоды, обманывавшіе самый ясновидящій глазъ, были такъ искусно сдѣланы, что если кто-нибудь съ изумленіемъ видя передъ собою прекрасную дыню среди зимы, хотѣлъ коснуться ея, то изъ нея тотчасъ же начинали бить маленькіе фонтаны различныхъ спиртныхъ ликеровъ, услаждавшіе обоняніе, въ то время какъ миссиссипецъ, давя ногой незамѣтную пружину, заставлялъ искусственную фигуру обходить столъ, чтобъ наливать нектаръ дамамъ, передъ которыми онъ останавливалъ ее [2]).»

---

[1]) Mémoires secrets de Duclos, t. X, p. 567.

[2]) Hist. du système, t. II, p. 109.

Такимъ образомъ расходы быстро увеличивались до уровня доходовъ. Вслѣдствіе того число мануфактуръ увеличилось; нищенствовавшія руки нашли занятіе; промышленность получила крылья. Процентъ рентъ понизился. Ростовщичество было задавлено. Въ городахъ были воздвигнуты зданія. Города упавшіе поправились. Система наконецъ призвала въ родную страну многихъ гражданъ изгнанныхъ изъ нея бѣдностью [1]). Женева присылала во Францію всѣ свои дама и бархаты [2]). Улицы Парижа были переполнены каретами. Толпа провинціаловъ была привлечена въ столицу [3]) и Франція представляла непривычное движеніе ускорившее новую централизацію.

Но что имѣло еще большую важность для буржуазіи, это то, что система Лоу, имѣя основаніемъ отдаленную эксплуатацію, обѣщала ей господство надъ моремъ и стремилась поставить Францію въ первомъ ряду морскихъ и колоніальныхъ націй. Англія поняла это; она съ ужасомъ увидѣла во французскихъ рукахъ рычагъ, которымъ она пользовалась чтобы поднять міръ, и поэтому она посредствомъ своихъ агентовъ, которыхъ держала въ совѣтѣ регента, низвергла Лоу и его систему.

Вотъ на что намъ остается еще указать, чтобы дать понять тѣ два противоположныя движенія, между которыми дѣлилась исторія регентства и которыя постоянно заправляли политикою Орлеановъ. Своею системою финансовъ Лоу открылъ для буржуазіи дороги по морю: Дюбуа (Dubois) заперъ ихъ для нея своей дипломатической системой. Лоу поставилъ Францію соперницей Англіи: Дюбуа подчинилъ ее послѣдней. Побуждая французскую буржуазію къ коммерческому завоеванію земнаго шара, Лоу преобразовалъ національный характеръ: Дюбуа понизилъ его, вовлекши французовъ въ союзъ, который сообщилъ имъ меркантильныя страсти англичанъ и въ то же время лишилъ ихъ средствъ сравняться съ ними по смѣлости и величію.

Людовикъ XIV ставилъ задачей своей политики покровительствовать второстепеннымъ государствамъ, укрѣплять Францію дружбой съ Испаніей, удерживать Австрію стремившуюся въ Италію, унижать Голландію, владычествовать надъ Англіей или же занимать ее ея внутренними дѣлами и для этого онъ сначала давалъ пенсіонъ ея королю, а потомъ возбуждалъ остатки партіи Стюартовъ.

---

[1]) Ordonnance du roi, 15 octobre 1719, приводимый у Дюто, t. II, p. 254.
[2]) Oeuvres de Lemontey, t. VI, p. 311.
[3]) Hist. du système, t. II, p. 93.

Это была политика глубокая и истинно французская. Покровительствуя второстепеннымъ государствамъ, Франція заинтересовала въ своемъ благосостояніи значительную часть Европы; она создавала себѣ позицію на всѣхъ пунктахъ; она обезпечивала за собою между главными державами единственную и славную роль. Вслѣдствіе дружбы съ Испаніей Франція сохраняла на югѣ свободу своихъ движеній, что позволяло ей смѣло держаться на сѣверѣ, гдѣ были болѣе серьезныя причины опасеній. Слѣдить за Австріей требовалъ французскій интересъ соединенный съ господствомъ на Средиземномъ морѣ и воспоминаніе о бѣдствіяхъ, въ которыя повергла Францію двойная монархія Карла V. Что касается Англіи и Голландіи, то уменьшеніе ихъ стало абсолютною необходимостью для Франціи послѣ того какъ Кольберъ вызвалъ ее къ торговлѣ и указалъ ей для дѣятельности океанъ.

Но для измѣны преданіямъ версальскаго кабинета Филиппъ имѣлъ мотивы, вытекавшіе изъ его личнаго интереса, и не задумываясь пожертвовалъ имъ и своею честью и судьбою страны.

Въ случаѣ смерти слабаго ребенка Людовика XV, регентъ могъ вступить на престолъ, еслибы только Филиппъ V, король испанскій, взявши назадъ свое вынужденное отреченіе, не сталъ требовать наслѣдства своего дѣда Людовика XIV. Итакъ регентъ могъ опасаться въ Филиппѣ V своего будущаго соперника, и этого уже было достаточно для него чтобы обратиться къ англійскому королю, въ которомъ его честолюбіе искало помощника и въ случаѣ нужды соучастника. Георгъ I съ своей стороны чувствовалъ себя угрожаемымъ со стороны якобитовъ. Одинаковыя опасенія соединили двухъ правителей. Но только — этого не нужно забывать въ исторіи развитія французской буржуазіи — англійскій король являлся въ этомъ союзѣ какъ покровитель, а Филиппъ Орлеанскій какъ покровительствуемый.

Нужно прочитать секретные мемуары и неизданную корреспонденцію аббата Дюбуа, собранную Севеленжемъ, чтобы видѣть, съ какимъ рабскимъ усердіемъ регентъ тотчасъ послѣ своего вступленія въ управленіе бросился выпрашивать милость у англичанъ. Онъ не только дѣйствовалъ черезъ маркиза Шатоневъ въ Гагѣ и Ибервилля въ Лондонѣ, но еще прибѣгъ относительно лорда Стенгопа къ продажному перу Дюбуа.

«Я весьма радъ, —писалъ этотъ послѣдній лорду Стенгопу,—что мой государь принялъ мѣры самыя сообразныя съ его интересомъ, что онъ сдѣлалъ это съ націей, къ которой я всегда питалъ пристрастіе и во время министерства друга, столь почтеннаго и столь солиднаго какъ вы. Кромѣ того, милордъ, независимо отъ интереса нашихъ государей, я

объявляю, что я былъ бы въ восторгѣ, еслибы вы пили только лучшее вино Франціи, вмѣсто вина португальскаго, а я сидръ Гольдпепина вмѣсто нашего грубаго сидра нормандскаго [1].»

Но на эти заискиванья, буффонство которыхъ недостаточно скрывало ихъ низость, лордъ Стенгопъ отвѣчалъ съ презрительной и разсчитанной холодностью. Потому что Англіи нужно было, чтобы Франція купила у нея поддержку пожертвованіемъ своего морскаго существованія, т. е. единственной вещи, которая могла дать господству французской буржуазіи характеръ солидности и величія.

Утрехтскимъ трактатомъ Людовикъ XIV обязался срыть укрѣпленія Дюнкирхена, засыпать портъ, разрушить шлюзы. Но исторія должна оказать ему ту справедливость, что если онъ и уступалъ, то съ яростью и отчаяніемъ въ душѣ, послѣ страшной войны и ряда беэпримѣрныхъ дѣйствій. Но онъ вовсе не намѣренъ былъ предоставить Ламаншъ англичанамъ; онъ не намѣренъ былъ признать ихъ право на море, это право столь безразсудно провозглашенное Сельденомъ; и доказательствомъ этого служитъ то, что онъ поспѣшилъ начать новый портъ въ Мардикѣ. Но остановка начатыхъ работъ, разрушеніе Мардика—такова была цѣна, которую Англія осмѣлилась потребовать отъ регента за свой союзъ. Кромѣ того она потребовала, чтобы рыцарь Сенъ-Жоржъ, наслѣдникъ Стюартовъ, несчастный изгнанникъ, былъ безжалостно изгнанъ изъ Авиньона, чтобы онъ былъ изгнанъ даже прежде подписанія трактата или по крайней мѣрѣ до обмѣна ратификацій.

Такимъ образомъ гарантія возможныхъ правъ Филиппа на престолъ должна была дорого обойтись Франціи и для подписанія подобныхъ условій нуженъ былъ излишекъ униженія, выгоды и позоръ котораго способенъ былъ раздѣлять только одинъ аббатъ Дюбуа. Поэтому ему и поручено было вести это дѣло; и такъ какъ эти переговоры нужно было держать въ тайнѣ, то онъ выдумалъ предлогъ, будто онъ отправляется для покупки нѣкоторыхъ рѣдкихъ книгъ и *Семи таинствъ* Пуссена въ Гагу, гдѣ тогда ожидали лорда Стенгопа. Тамъ-то при свѣтѣ трактирной лампы и скрываясь, какъ будто при совершеніи преступленія, Дюбуа положилъ основанія системы, которая вела къ уничтоженію французской морской силы. Въ самомъ дѣлѣ не прошло и четырехъ мѣсяцовъ, какъ система уже была освящена знаменитымъ трактатомъ тройственнаго союза, за который было заплачено Мардикомъ и который

---

[1]) Correspondance inédite du cardinal Dubois, t. I, p. 174.

стоилъ для Франціи морской опеки англичанъ. Онъ былъ подписанъ 28 ноября въ полночь, и чтобы выставить его унизительное значеніе, Англія редижировала 4 статью такимъ образомъ, что Франція какъ будто нарушила свое слово при исполненіи ея обязательствъ относительно Дюнкирхена. Кромѣ того лордъ Кадоганъ повелительно требовалъ, чтобы два экземпляра трактата, вопреки обычаю, были изложены на латинскомъ языкѣ; слова Franciae regem были зачеркнуты въ ратификаціяхъ и замѣнены другими: regem christianissimum, такъ какъ по мнѣнію англійскихъ дипломатовъ титулъ короля Франціи принадлежитъ только государю Великобританіи; наконецъ для довершенія обиды новый другъ регента предписалъ ему принять въ Дюнкирхенѣ англійскаго комиссара, который долженъ былъ наблюдать надъ срытіемъ порта.

Вотъ какимъ образомъ въ иностранныхъ сношеніяхъ понималъ и поддерживалъ интересы буржуазіи глава, котораго она избрала себѣ.

Разрушеніе канала въ Мардикѣ исполнило радостью сенъ-джемскій кабинетъ: Крегсъ, одинъ изъ министровъ Георга I, писалъ Дюбуа:

«Король получилъ вчера извѣстіе о назначеніи васъ на должность государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Онъ приказалъ мнѣ поздравить васъ отъ его имени и сказать вамъ, что это лучшая новость, какой онъ не получалъ уже давно... Я скоро ожидаю увидѣть, что въ обоихъ королевствахъ будетъ преслѣдоваться одинъ и тотъ же интересъ и что это будетъ просто одно и то же министерство [1].»

На это Дюбуа отвѣчалъ:

«Еслибы я послѣдовалъ только движенію моей признательности и еслибы меня не удерживало уваженіе, то я взялъ бы смѣлость писать прямо его британскому величеству, чтобы благодарить его за мѣсто, которое мнѣ пожаловалъ регентъ, потому что я обязанъ этимъ мѣстомъ только его желанію не опредѣлять къ дѣламъ общимъ Франціи и Англіи никого, кто не былъ бы пріятенъ королю Великобританіи [2].»

И въ самомъ дѣлѣ Дюбуа не замедлилъ довершить свое дѣло трактатомъ четвернаго союза, который, разрушивши всю прежнюю французскую федеративную систему, приготовилъ Европѣ зрѣлище столь же скандалезное, сколько неожиданное. Потому что она увидѣла, что Франція соединилась противъ Испаніи, своей сестры, съ Голландіей, съ Ав-

[1]) Correspondance inédite du cardinal Dubois, t. I, p. 244.
[2]) Ibid.

стріей и даже съ самой Англіей. И это было въ то время, когда политика Ришелье и Людовика XIV, изгнанная изъ совѣтовъ регента, стала политикой Альберони и вошла съ нимъ въ совѣты Эскуріала.

Искусно пользуясь увлеченіями королевы амазонки и глупостью этого Филиппа V, «которому нужны были только богомолье и женщина», Альберони, сынъ итальянскаго садовника, достигъ того, что сталъ располагать Испаніей. И онъ былъ бы что-нибудь лучше простаго авантюриста, еслибы его смѣлый умъ не былъ дурно управляемъ тривіальностью его сердца. Чудовищной лигѣ образовавшейся противъ него онъ противопоставилъ доведенныя до излишка безразсудство, плутовство, нападенія съ оружіемъ, интриги, заговоры, возстанія. Онъ занималъ Австрію турками, онъ употреблялъ противъ Англіи Іакова III и фантомъ гражданской войны; противъ регента онъ попробовалъ искусство заговоровъ, раздувалъ возстаніе бретонскихъ дворянъ, и разражался такими порывами гнѣва, что они отражались въ самыхъ отдаленныхъ колоніяхъ; наконецъ онъ имѣлъ ту честь, что его паденіе стало необходимымъ для спокойствія Европы.

Во Франціи не могли забыть того, что тогда случилось. Двѣ вѣтви дома Бурбоновъ, племянникъ и внукъ Людовика XIV, при рукоплесканіяхъ обрадованныхъ враговъ Франціи вели между собою жестокую и безразсудную войну. Французскіе солдаты подъ предводительствомъ англичанина Бервика сражались противъ короля, котораго дала Испаніи Франція; и это на ихъ глазахъ по приказанію, по сигналу англійскаго эмиссара, посланнаго изъ Лондона нарочно для того, чтобы внушать французамъ дикіе порывы, французскіе факелы зажгли на рейдѣ въ Сантоньѣ остатки испанскаго флота. Алберони палъ. Результаты борьбы были слѣдующіе: для Австріи пріобрѣтеніе Сициліи, для Англіи увеличеніе морскаго могущества уже и безъ того страшнаго; а для Франціи позоръ войны, въ которой она служила для своихъ враговъ оружіемъ противъ самой себя.

Пиша лорду Стенгопу: «я вамъ обязанъ даже мѣстомъ, какое я занимаю и которое я страстно желаю употребить по вашему усмотрѣнію, т. е. для услуженія его британскому величеству [1])», Дюбуа обязывался измѣнять своей странѣ. Онъ сдержалъ свое слово, и кажется безславіе его успѣховъ было достаточно поразительно для того, чтобы онъ удовольствовался этимъ; но ему еще оставалось оказать еще болѣе зна-

---

[1]) Correspondance inédite du cardinal Dubois, t. I, p. 247.

чительныя услуги тѣмъ, кому онъ писалъ: «я вамъ обязанъ мѣстомъ, какое занимаю.»

Въ самомъ дѣлѣ Лоу не могъ направлять мыслей Франціи къ заведенію обширной колоніальной системы, не возбуждая британской зависти. Въ Лондонѣ дана была клятва погубить его. Но во всякомъ случаѣ было важно не дѣлать внезапнаго нападенія и въ особенности не выдать мотивовъ. Вотъ чего не понималъ англійскій посланникъ, человѣкъ горячій до безразсудства и смѣлый своею дерзостью. Стерсъ напалъ на Лоу въ тотъ моментъ, когда было не такъ легко да и безполезно губить его. Лоу чувствовалъ свою силу: онъ испугалъ своимъ быстрымъ удаленіемъ регента, который еще нуждался въ немъ, Дюбуа поспѣшилъ написать Детушу, своему агенту въ Лондонѣ:

«Я думалъ, что Лоу по прежнему сохраняетъ умѣренность относительно милорда Стенгопа; но потомъ я узналъ, что онъ сильно измѣнился относительно лондонскаго двора, что онъ посвятилъ въ свои виды Леблана, военнаго министра, и что они нападаютъ на меня какъ расположеннаго и благопріятствующаго Англіи.... Весьма важно отозвать немедленно милорда Стерса; потому что дальнѣйшее его пребываніе можетъ произвести какой-нибудь взрывъ, который уже нельзя будетъ поправить [1].»

Тоже письмо содержало въ себѣ слѣдующее характеристическое мѣсто: «Сеннетерръ везетъ съ собою Пленефа. Оба они интимные друзья съ Лебланомъ, которому Лоу повѣряетъ все относительно Англіи. Ведите себя относительно его съ большимъ почтеніемъ; но старайтесь взять всѣ возможныя предосторожности, чтобы знать всѣ главныя связи посланника и главныхъ въ домѣ, и объ этихъ предметахъ пишите мнѣ непремѣнно только съ нарочнымъ. Сеннетерръ, французскій посланникъ, отправляется завтра: я счелъ нужнымъ предупредить васъ этимъ увѣдомленіемъ, которое вы не сообщайте рѣшительно никому, кромѣ милорда Стенгопа [2].»

Итакъ Стерсъ былъ отозванъ; но это не помѣшало Англіи разными подземными происками приготовлять успѣхъ заговора, существованіе котораго и лица участвующія въ немъ будутъ указаны въ письмѣ приводимомъ дальше. Это было въ декабрѣ 1719 г.; тогда начались первыя приготовленія. Посредствомъ тайныхъ эмиссаровъ, распространенныхъ въ толпѣ, враги Лоу принялись распускать эти неопредѣленныя

---

1) Correspondance inédite du cardinal Dubois, t. I, p. 312.
2) Ibid.

безпокойства и эти сомнѣнія, которыя смертельны для всякаго предпріятія основаннаго на кредитѣ. Но этимъ не должны были ограничиваться дѣйствія ихъ ненависти. Они рѣшились довести королевскій банкъ до необходимости не принимать представляемыхъ ему его билетовъ. Одна иностранная компанія имѣла ихъ на нѣсколько милліоновъ и представила всѣ ихъ вдругъ къ уплатѣ. Банкъ заплатилъ великодушно, безъ замедленія [1]; но Лоу получилъ въ этомъ зловѣщее предостереженіе. Съ сердцемъ полнымъ горечи и негодованія онъ явился къ регенту и предложилъ ему проэктъ пониженія цѣнности золотыхъ монетъ. Его цѣль была заставить приносить въ банкъ золото, что дѣйствительно и случилось. Но быть принужденнымъ прибѣгать къ подобнымъ крайностямъ значитъ быть уже погубленнымъ.

Кромѣ того нужно согласиться, что повышеніе акцій было чудовищно и Лоу самъ содѣйствовалъ этому, не предвидѣвши, до какихъ крайностей оно можетъ дойти; итакъ пониженіе ихъ было неизбѣжно. Но только позволительно думать, что оно не повлекло бы за собою паденія системы, еслибы цѣлымъ рядомъ мѣръ и подготовокъ разсчитанныхъ самымъ вѣроломнымъ образомъ этому пониженію не былъ приданъ страшный видъ паники. Къ несчастью преувеличенная цифра пониженія какъ разъ способна была вызвать недовѣріе и повидимому оправдывала алармистовъ. Желаніе реализировать бумаги, сначала сдерживаемое, все распространялось далѣе и далѣе и при этомъ пріобрѣло неудержимую стремительность. Скоро каждый сталъ стараться на бумаги, которымъ грозило паденіе, пріобрѣсти дома, драгоцѣнныя матеріи, земли, драгоцѣнные камни. Вездѣ акціи предлагались въ обмѣнъ на банковые билеты, которые въ свою очередь предлагались въ обмѣнъ на цѣнныя вещи или на монету. Что было дѣлать? Попытаться издать противъ роскоши всеобщее запрещеніе, выпустить постановленія противъ цѣны золота, запретить приказомъ драгоцѣнные камни? Пониженіе оказалось внезапнымъ, страшнымъ. Реализаторы поставили Лоу въ необходимость прибѣгнуть къ принятію системы, которую онъ осуждалъ тысячу разъ, которая должна была сдѣлать его ненавистнымъ и не могла спасти его, именно систематическаго измѣненія монеты; подъ его ногами раскрылась пропасть.

Онъ однако не потерялъ надежды на свою судьбу; наступилъ 1720 г.; обратившійся въ католичество по честолюбію и недавно назначенный генеральнымъ контролеромъ, Лоу рѣшился тронуть души блистательной

---

[1] Hist. du système, t. I, p. 160.

выходкой и сопровождаемый главнѣйшими сановниками государства явился въ улицѣ Кенкампуа, гдѣ его появленіе было привѣтствуемо горячими восклицаніями. Его популярность была еще такъ велика, что толпа при проходѣ его кричала: да здравствуетъ король и монсеньоръ Лоу [1])! Онъ, болѣе чувствительный къ этимъ непринужденнымъ порывамъ энтузіазма, чѣмъ къ рабскому почтенію придворныхъ, показался на балконѣ и благодарилъ народъ. Черезъ нѣсколько дней онъ обратился къ нему въ формѣ безъименнаго письма съ увѣщаніемъ, которое полно было новыхъ взглядовъ и было запечатлѣно благородствомъ; онъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что своею системою онъ поощрилъ производительность и убилъ ростовщичество; говорилъ, что всякія наличныя деньги должны давать право только на участіе въ прибыли, а не на доходъ постоянный и опредѣленный напередъ; онъ заклиналъ государственныхъ кредиторовъ не отказываться принимать выплату долга предлагаемую имъ и помѣщать полученныя суммы въ акціи компаніи, потому что долгъ богатыхъ гражданъ—употреблять свои капиталы на предпріятія, которыя приносятъ выгоды всей націи. «Сердиться на то, говорилъ онъ, что нельзя помѣстить свои деньги съ опредѣленнымъ постояннымъ доходомъ, значитъ сердиться на то, что деньги сдѣлались общими и что нѣтъ больше несчастныхъ [2]).» Такимъ образомъ онъ храброю рукою раскрылъ сущность своей системы, которая состояла въ томъ, какъ мы уже сказали, чтобы замѣнить кредитора товарищемъ, ренту—дивидентомъ, налоги и займы—частью прибылей, получаемыхъ или отъ кредита или отъ обширнаго національнаго труда, довѣреннаго управленію государства. Коснувшись потрясеній, какими покупаются выгоды столь благородной попытки, онъ произнесъ слѣдующія слова, которыя можно принять за преждевременное оправданіе политики членовъ конвента: «Желаютъ, чтобы все королевство могло устроиться, не причинивши вреда рѣшительно никому; одинъ только Богъ можетъ сдѣлать это и однакоже не дѣлаетъ въ обыкновенномъ теченіи природы [3]).»

Это было въ первый разъ, что министръ до такой степени посвящалъ публику въ свои планы и старался убѣдить ее. Вотъ какимъ образомъ было пробуждено общественное мнѣніе и возникъ этотъ обычай отчотовъ, которые характеризовали администрацію Тюрго и Неккера,—

---

[1]) Histoire du système, t. III, p. 8.

[2]) Première lettre sur le nouveau système des finances.

[3]) Ibid.

нововведеніе благодѣтельное и опасное; оно ввело народъ въ дѣла и повело къ революціи.

Между тѣмъ Лоу приближался къ концу своего счастья. Чѣмъ дальше онъ шолъ по своему пути, тѣмъ лучше понималъ, до какой степени мало годится монархическая система для осуществленія благородныхъ плановъ. «Что ускорило, говоритъ Сенъ-Симонъ, паденіе банка и системы,—это непостижимая расточительность герцога Орлеанскаго, который безъ границъ и безъ разбора раздавалъ во всѣ руки [1].» И дѣйствительно въ то время, когда Лоу искалъ средствъ предотвратить кризисъ, который грозилъ сдѣлаться страшнымъ, регентъ раздарилъ 600 тысячъ ливровъ Лафару, капитану гвардіи, 100 тысячъ ливровъ Кастрье, почетному кавалеру герцогини Орлеанской, 200 тысячъ ливровъ старому принцу Куртене, пенсіонъ въ 60 тысячъ ливровъ маленькому графу Ламаршу, едва достигшему трехлѣтняго возраста, и пр. и пр. «Наконецъ роздано было столько, что не хватало даже бумаги и фабрики не могли достаточно поставить ея [2].» Съ своей стороны куртизаны преслѣдовали Лоу своими требованіями то низкими то угрожающими и всегда ненасытными. Были и такіе, которые чтобы отмстить за его отказы имѣли низость, набивши руки билетами, являться въ кассы банка съ требованіемъ уплаты; такъ сдѣлалъ напр. принцъ Конти, который увезъ изъ банка три фургона наполненные деньгами [3]. Какая система могла устоять противъ такого стеченія безумной расточительности, необузданной жадности и безстыдной мести?

Кромѣ того для народа увлекающагося, доступнаго самымъ противоположнымъ впечатлѣніямъ и быстро доходящаго до крайностей, достаточно было, чтобы только разъ сдѣлана была тревога; при первомъ же крикѣ страха все бросилось. Владѣльцы акцій старались продать ихъ; владѣльцы банковыхъ билетовъ торопились требовать суммы по нимъ монетою. Изъ тѣхъ, которые имѣли металлическія деньги, одни жадно копили ихъ, а другіе по преступной предусмотрительности отправляли ихъ заграницу. Вздорожаніе предметовъ сдѣлалось всеобщимъ и только раздражало нетерпѣніе реализаторовъ; запросъ на драгоцѣнные металлы, бриліанты, жемчугъ, золотыя матеріи сдѣлался страшный. Съ своей стороны государственные кредиторы останавливались въ страхѣ передъ

---

[1]) Mémoires de Saint-Simon, t. XVIII, p. 131.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., p. 96.

помѣщеніемъ полученной выплаты въ акціи, которыя тоже начинали падать. Со дня на день, съ минуты на минуту положеніе становилось болѣе натянутымъ; всей массѣ бумагъ въ акціяхъ и билетахъ предстояло страшное паденіе.

Захваченный врасплохъ Лоу сдѣлалъ то, что, можетъ быть, и не оправдывалось приближеніемъ большаго кризиса, но повидимому внушалось: онъ повернулъ круто, чтобы поразить зло въ самомъ корнѣ; пониженію билетовъ онъ противопоставилъ пониженіе монеты, издавши приказъ объ этомъ; онъ запретилъ прятать монету подъ страхомъ конфискаціи и въ пользу доносчиковъ; онъ постановилъ, чтобы въ теченіе мѣсяца никто не смѣлъ вывозить монету изъ Парижа и изъ городовъ имѣющихъ монетные дворы, не получивши паспорта; онъ запретилъ употреблять въ одеждахъ драгоцѣнные камни. Спустя немного времени была запрещена фабрикація серебряной посуды, употребленіе билетовъ сдѣлано обязательнымъ во всѣхъ платежахъ свыше ста ливровъ; и наконецъ никто не могъ подъ страхомъ конфискаціи держать у себя болѣе 500 ливровъ монетою.

Все это безъ сомнѣнія были акты самаго неслыханнаго насилія; но зачѣмъ же ихъ выставляли какъ естественное развитіе его системы, тогда какъ ясно, что напротивъ они служили только орудіемъ его отчаянію и были вызваны кризисомъ, произведеннымъ продѣлками его враговъ? Самъ онъ наконецъ на столько понималъ, чтобы видѣть, что подобныя мѣры ничто иное какъ временная узда противъ быстраго хода зла. Довѣріе нельзя приказать декретомъ; кредитъ по самому существу своему не подлежитъ дѣйствію строгостей; онъ это зналъ: но положеніе сдѣлалось болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ.

Такимъ образомъ, какъ мы замѣтили при началѣ этого разсказа, Лоу взялъ орудіемъ для соціальной революціи то, что могло быть только ея слѣдствіемъ и завершеніемъ. Пустивши бумажныя деньги въ общество, которое не было приготовлено къ принятію ихъ ни своимъ моральнымъ воспитаніемъ, ни своими нравами, ни своими законами, онъ началъ съ того, чѣмъ долженъ былъ бы кончить.

Это была его большая и дѣйствительная ошибка. Вотъ каковы были слѣдствія ея: бумажныя деньги, которыя, будучи примѣнены къ системѣ ассоціаціи, осуществили бы въ обмѣнѣ принципъ равенства, сдѣлались, попавши въ руки къ борющимся интересамъ, злою силой, изъза обладанія которою они яростно враждовали между собой. Стремленіе человѣка къ счастью, столь законное и столь естественное въ гармони-

ческомъ соединеніи воль и трудовъ, стало въ средѣ, гдѣ преобладалъ индивидуализмъ, источникомъ ненависти, зависти и безпорядковъ.

А послѣ этого къ чему произвольные эдикты и государственные перевороты? Лоу, подавляя жадность, достигъ только того, что у однихъ она стала низкою, а у другихъ яростною. Преступленія, совершавшіяся одно за другимъ, устрашили Парижъ. То это былъ государственный кредиторъ убитый тотчасъ по полученіи имъ своей выплаты; то господинъ зарѣзанный въ своей постели старымъ слугою. Нахальство было такое, что просто дѣлались нападенія на экипажи среди улицы [1]). И каждый старался спрятать свое богатство, увезти куда-нибудь свои деньги. Обращеніе къ доносчикамъ принесло свои плоды и недовѣріе вошло въ нѣдра семействъ. Лучшіе друзья избѣгали другъ друга. Одинъ сынъ сдѣлалъ доносъ на своего отца [2]).

Нужно было положить конецъ этимъ ужасамъ. Лоу прибѣгъ къ мѣрамъ, мудрость которыхъ не оспорима и которыя можетъ быть восторжествовали бы надъ опасностью, еслибы исполненіе ихъ не было парализовано аббатомъ Дюбуа и д'Аржансономъ.

24 февраля 1720 г. [3]) вслѣдствіе торжественнаго совѣщанія директоровъ индійской компаніи было сдѣлано постановленіе, содержавшее въ себѣ между другими замѣчательными мѣрами и ту, что съ этого времени индійская компанія вступаетъ во владѣніе и управленіе королевскимъ банкомъ, что компанія ни въ какомъ случаѣ не будетъ давать ссудъ королю, что новые билеты банка могутъ быть выпущены не иначе какъ въ силу постановленій совѣта, обсужденныхъ общими собраніями компаніи, что при компаніи не будетъ больше конторы для покупки и продажи акцій [4]).

Ничего нельзя было придумать лучше этихъ правилъ [5]). Первымъ правиломъ компанія пріобрѣтала важность способную поднять ея кредитъ; второе правило ставило преграду разорительнымъ требованіямъ; два послѣднія правила вмѣстѣ ограничивали выпускъ билетовъ, что могло останавливать ихъ пониженіе.

Правда, что уничтоживши контору продажи, существовавшую при компаніи, дали акціямъ сильно упасть. Но съ точки зрѣнія тогдаш-

---

[1]) Hist. du système, t. III, p. 45.

[2]) Ibid.

[3]) Дюто, Réflexions politiques sur les finances, t. I, p. 245.

[4]) Extrait du registre de la délibération de la compagnie des Indes.

[5]) Форбонне, отъявленный противникъ Лоу, признаетъ раціональность этихъ правилъ, t. II, p. 613.

няго положенія вещей важнѣе всего было поддержать банковые билеты, потому что они находились въ рукахъ у всѣхъ, потому что законъ давалъ имъ принудительный курсъ, потому что наконецъ они поставлены были подъ гарантію общественнаго довѣрія, тогда какъ акціи находившіяся въ немногихъ рукахъ имѣли своимъ источникомъ только спекуляцію, шансамъ которой онѣ естественно и подвергались. Вотъ что отлично понималъ Лоу. Итакъ онъ рѣшился пожертвовать акціями въ пользу билетовъ: постановленіе 24 февраля несомнѣнно доказываетъ это [1]).

Но придворные, по большей части большіе акціонеры, смотрѣли на дѣло иначе. Изъ этого вытекло фатальное постановленіе 5 марта, произвольно установлявшее цѣну акцій въ 9 тысячъ ливровъ, и давало имъ право обмѣниваться въ банкѣ на 9 тысячъ ливровъ билетами. Никогда еще не наносилось системѣ болѣе насильственнаго, болѣе рѣшительнаго удара. Заставить банкъ покупать за 9 тысячъ ливровъ каждую акцію, которую акціонеру вздумается продать, когда уже и безъ того грозила потеря кредита, это значило сдѣлать неизбѣжнымъ умноженіе билетовъ, это значило слѣдовательно понизить цѣну ихъ и распространить на всю массу бумагъ то недовѣріе, которое должно было относиться только къ акціямъ. Это была уже не ошибка только; это было преступленіе.

Но это преступленіе несправедливо было поставлено въ вину Лоу. Оно было сдѣлано вовсе не имъ, а напротивъ сдѣлано противъ него. Достаточно въ самомъ дѣлѣ сопоставить постановленія 24 февраля и 5 марта, изданныя въ промежуткѣ 10 дней, чтобы убѣдиться, что они вытекали изъ двухъ совершенно противоположныхъ вліяній.

Первое закрыло контору продажи; второе открывало ее. Первое имѣло цѣлью воспрепятствовать упадку билетовъ ограниченіемъ ихъ выпуска; а второе принуждало банкъ пустить въ обращеніе громадную массу бумагъ. Словомъ, первое жертвовало акціями въ пользу билетовъ; второе напротивъ жертвовало билетами въ пользу акцій.

Какимъ образомъ понять, что одинъ и тотъ же человѣкъ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли желаетъ двухъ результатовъ столь противоположныхъ? Постановленіе 24 февраля спасало систему, разоряя многихъ знатныхъ сеньоровъ; постановленіе же 5 марта спасало многихъ знат-

[1]) Эжень Деръ, обвиняющій Лоу, ни слова не говоритъ въ своемъ сочиненіи объ этомъ знаменитомъ совѣщаніи, которое такъ оправдываетъ шотландскаго экономиста.

ныхъ сеньоровъ, губя систему. Очевидно, что одно было дѣломъ Лоу, а другое дѣломъ двора.

Кромѣ того это же доказывается эдиктомъ іюня 1725, значитъ изданнымъ долгое время спустя послѣ паденія системы. «Мы узнали, говорится въ эдиктѣ, что компанія потеряла 1470 милліоновъ наличныхъ денегъ посредствомъ операцій, вытекавшихъ изъ нашего собственнаго желанія во время нашего несовершеннолѣтія и главнымъ образомъ посредствомъ покупки и обращенія акцій въ банковые билеты; и такъ какъ она производила сказанныя операціи и покупки только повинуясь нашимъ повелѣніямъ и пр. [1]).»

Конечно Лоу долженъ былъ противиться, протестовать, удалиться: но онъ уступилъ по малодушію, которое не имѣетъ извиненія. И даже онъ ошибался, если думалъ, что эта преступная уступчивость обезоружитъ его враговъ. Потому что этотъ именно моментъ выбрали Дюбуа, Лебланъ и д'Аржансонъ чтобы свергнуть его. Они представили регенту, что шотландецъ есть человѣкъ опасный по своимъ взглядамъ и по своей отвагѣ, что онъ вѣроятно скопилъ большія деньги и тайно перевелъ ихъ въ чужія страны, что онъ покупалъ земли только для того, чтобы лучше замаскировать свою игру, что ничто не привязывало его къ Франціи и онъ удалится отъ нея, ограбивши ее. Недостойныя клеветы! Среди страшной жадности, ставшей почти всеобщею, Лоу показалъ себя самымъ безкорыстнѣйшимъ изъ людей; онъ съ удивительною умѣренностью пользовался своей системой, которой многіе изъ его клеветниковъ обязаны были своимъ богатствомъ; и послѣдствія показали, что онъ счелъ своею обязанностью помѣстить въ своемъ пріемномъ отечествѣ все свое состояніе до малѣйшей частички; такъ что оставляя Францію онъ ничего не оставилъ ни для себя ни для своего семейства, у него не осталось даже и того, съ чѣмъ онъ прибылъ во Францію [2]). Прибавимъ еще, что для учрежденія своей системы онъ приносилъ личныя жертвы, которыя достаточно показываютъ величіе его души. Въ своихъ оправдательныхъ мемуарахъ относительно фактовъ тогда извѣстныхъ всѣмъ онъ напоминаетъ, что желая населить Луизіану и щадя людей королевства, онъ выписалъ изъ Германіи на свой счетъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, которые на его же счетъ ѣхали по Франціи [3]).

---

[1]) См. Дюто, Réflexions politiques sur les finances, t. I, p. 251.
[2]) Письмо Лоу къ герцогу Бурбону, Oeuvres de Law, p. 399.
[3]) Mémoircs justificatifs de Law, въ Oeuvres, p. 410.

Это же, мимоходомъ сказать, доказываетъ, до какой степени Лоу былъ чуждъ той варварской вербовкѣ бродягъ, противъ которой такъ возмущается Сенъ-Симонъ [1]): кромѣ того эти вербовки были скандаломъ, обозначавшимъ уже паденіе системы; потому что въ началѣ «число лицъ, добровольно являвшихся для отправленія въ Луизіану, было столь велико, что суда компаніи недостаточны были для перевозки ихъ [2]).»

Мы доказали, что Лоу не былъ авторомъ эдикта 5 марта: это же видно ясно и изъ тѣхъ усилій, которыя онъ дѣлалъ чтобы устранить его дѣйствіе. Рѣшившись вполнѣ принести въ жертву, если можно, интересъ нѣсколькихъ знатныхъ богачей, владѣльцевъ акцій, въ пользу интереса народа, владѣльцевъ билетовъ, Лоу придумалъ пустить въ обращеніе 30 милліоновъ монетою. Индійская компанія черезъ своихъ эмиссаровъ употребила ихъ на то, чтобы выкупить сколько возможно больше билетовъ и потомъ уничтожить совершенно, а оставить въ обращеніи акціи, которыя не возвратились къ ней [3]). Такимъ образомъ поднять кредитъ банковыхъ билетовъ, поддержавши ихъ, и дать акціямъ мало по малу упасть до границы опредѣляемой вѣроятными прибылями, — таковъ былъ послѣдній планъ предложенный Лоу Филиппу. «Но, говоритъ современный авторъ, министры четвернаго союза, соединившись противъ системы, которая прямо мѣшала ихъ политикѣ, нашли подземные ходы, чтобы провести проектъ д'Аржансона [4]).» Этотъ проектъ былъ просто на просто объявленіемъ банкротства.

Положеніе, которымъ учреждался королевскій банкъ, опредѣляло количество выпускаемыхъ билетовъ суммою 100 милліоновъ; черезъ годъ позволено было выпустить ихъ до милліарда и наконецъ послѣ эдикта 5 марта была превышена цифра 2 мильярдовъ 600 милліоновъ вслѣдствіе обманныхъ выпусковъ, сдѣланныхъ по волѣ регента. Можно судить по этому, сколько причинъ соединилось для того, чтобы совершенно уронить билеты: д'Аржансонъ предлагалъ [5]) объявить объ этомъ публично и объявить постепенное пониженіе акціи до 5 тысячъ ливровъ, а билета наполовину.

---

[1]) Mémoires de Saint-Simon, t. XVIII, chap. XIII, p. 182.

[2]) Mémoires justificatifs, p. 410.

[3]) Hist. du système, t. III, p. 144.

[4]) Ibid., p. 146.

[5]) См. Vie de Louis Philippe d'Orléans, par M. L. I. M; но не нужно забывать, что авторъ — ожесточенный врагъ Лоу. — См. также Mémoires de Saint-Simon, t. XVIII, chap. XV, p. 211.

При этомъ неожиданномъ предложеніи Лоу вспыхнулъ: видно было, что уже принято рѣшеніе низвергнуть его систему и погубить народъ подъ ея развалинами! Но какой же крикъ поднимутъ владѣльцы билетовъ, когда узнаютъ, что рѣшена потеря половины ихъ имущества? Объявить оффиціально паденіе бумаги,—это конечно не значило произвести это паденіе, но не значило ли это ускорить его и сдѣлать смертельнымъ? Лоу сколько ему угодно могъ ссылаться на принципы кредита, на основанія, на очевидность: д'Аржансонъ побѣдилъ его, поддерживаемый Дюбуа, котораго Георгъ I возвелъ въ санъ архіепископа камбрейскаго и который спѣшилъ засвидѣтельствовать Англіи свою преступную признательность. Авторъ Vie de Louis-Philippe d'Orléans утверждаетъ, что въ своей ненависти къ Лоу д'Аржансонъ однажды даже составилъ приказъ арестовать его; но когда нужно было подписывать приказъ, регентъ одумался, а д'Аржансонъ нашелъ болѣе дѣйствительное средство погубить своего врага. Эдиктъ 21 мая былъ изданъ; и для Лоу, страдавшаго оттого, что пользовались его именемъ, переполнилась мѣра мученій, въ которыхъ была виновна его слабость.

На другой день Парижъ представлялъ ужасное зрѣлище. Вездѣ встрѣчались лица только испуганныя или яростныя. Жалобы, проклятія раздавались со всѣхъ сторонъ. Не перенося мысли о своемъ разореніи, нѣкоторые убивали себя съ отчаянія. Счастіе тѣхъ, которые избѣжали катастрофы или получили пользу отъ нея, казалось еще болѣе увеличивало общее горе и удвоивало горячность. Въ то же время неизвѣстные люди старались распространять терроръ посредствомъ таинственныхъ разсказовъ. Ходило по рукамъ объявленіе, составленное въ такихъ выраженіяхъ: «симъ объявляется вамъ, что будетъ устроена варѳоломеевская ночь въ субботу или воскресенье, если дѣла не перемѣнятся. Не выходите изъ дому ни вы ни ваши домашніе. Богъ да сохранитъ васъ отъ огня [1].» Герцогъ Бурбонскій, принцъ Конти, маршалъ Вилльруа поспѣшили объявить публично, что они сильно не одобряютъ послѣдній эдиктъ и что они не присутствовали въ совѣтѣ, на которомъ онъ принятъ. Въ свою очередь и парламентъ взволновался и собрался въ засѣданіе. Нужно было отмѣнить жестокій эдиктъ. Но ударъ уже былъ нанесенъ. Сначала Лоу былъ пощаженъ. Народное негодованіе поднялось противъ д'Аржансона; и взрывъ былъ до того страшенъ, что низвергъ его. Его твердость, его обширныя связи, его

[1]) Vie de Louis-Philippe d'Orléans, par M. L. J. M.

неутомимая дѣятельность, его заслуги не могли защитить его отъ немилости. Лебланъ не осмѣлился поддерживать его, Дюбуа его оставилъ: онъ удалился въ сентъ-антуанское предмѣстье въ выстроенный имъ монастырь, къ игуменьѣ, которой онъ считался любовникомъ. Смерть постигшая его въ слѣдующемъ году пробудила ненависть народа, который собрался мѣшать его похоронамъ и преслѣдовалъ его до могилы.

Рядъ мѣръ направленныхъ къ совершенному уничтоженію системы; закрытіе улицы Кенкампуа; ажіотажъ разбилъ свои палатки на площади Louis-le-Grand и тамъ остывалъ его послѣдній жаръ; волненіе, причиненное обмѣномъ билетовъ въ десять ливровъ на монету, стоившее жизни тремъ человѣкамъ, трупы которыхъ носились по Парижу и по поводу чего мать регента писала: «мой сынъ только смѣялся во время этой кутерьмы»; бѣгство Лоу отъ народной ненависти, разразившейся наконецъ и противъ него; оппозиція парламента и его гнѣвъ; его ссылка въ Понтуазъ; праздники сдѣлавшіе эту ссылку смѣшною и пріятною; возвращеніе магистратовъ вслѣдствіе подкупа... вотъ каковы были событія обозначившія собою конецъ ослѣпительной и бурной мечты, которою занималась Франція.

Англійскіе министры были внѣ себя отъ радости. Одинъ изъ нихъ, Шаубъ, писалъ Дюбуа отъ 15 января 1721 г. слѣдующее письмо, которое проливаетъ столь яркій свѣтъ на значеніе системы, на истинныя причины ея паденія, на происки Англіи и на измѣну архіепископа камбрейскаго:

«Ваше преосвященство можете повѣрить, что мы начали наступившій годъ желаніемъ отъ глубины нашего сердца, чтобы онъ былъ очень счастливъ для васъ. Я спѣшу заявить вамъ объ этомъ въ постоянной увѣренности, что наши желанія не безразличны для васъ. Милордъ Стенгопъ нѣсколько разъ собирался высказать вамъ отъ себя свои благожеланія, поздравить васъ съ искуснымъ ударомъ, закончившимъ истекшій годъ, освободившимъ васъ отъ соперника равно опаснаго для васъ и для насъ, согласиться съ вами на счетъ дѣлъ новаго года какъ на сѣверѣ такъ и на югѣ и на счетъ средствъ закрѣпить еще болѣе благодѣтельныя связи, которыя вы установили между двумя государями [1].»

Такимъ образомъ объясняется пенсіонъ, который Дюбуа получалъ секретно отъ англичанъ.

Что касается Лоу, свидѣтеля неудачи собственнаго предпріятія, ос-

---

[1]) Correspondance inédite de Dubois, t. II, p. 2.

тавленнаго своимъ эгоистическимъ покровителемъ, угрожаемаго близкимъ возвращеніемъ парламента, упавшаго духомъ, то онъ получилъ паспортъ въ декабрѣ 1720 г. Такъ какъ онъ все свое имущество помѣстилъ во Франціи и оно было конфисковано, то онъ оставилъ бѣднякомъ это королевство, въ которое пріѣхалъ богачемъ и въ которомъ могъ бы скопить себѣ громадныя сокровища. Онъ выѣхалъ въ наемномъ экипажѣ, имѣя только 800 луи, оставляя за собою могшую разорвать его и вездѣ многочисленную толпу негодяевъ и неблагодарныхъ. Въ Брюсселѣ, куда онъ отправился сначала, посланный отъ царя Петра убѣдительно просилъ его принять на себя управленіе финансами русской имперіи [1]). Но неблагодарность его враговъ охладила его мужество и навсегда убила его сердце. Проблуждавши нѣсколько времени по Европѣ, онъ удалился въ Венецію. Его посѣтилъ Монтескье и былъ пораженъ смѣлостью проектовъ, которыми полонъ былъ этотъ неукротимый умъ. Съ мыслью устремленной ко Франціи онъ писалъ принцу управлявшему ею: «помните, что государь долженъ давать кредитъ, а не получать его!» Онъ умеръ въ одиночествѣ, почти въ бѣдности, оставивъ послѣ себя въ наслѣдство оклеветанную память.

Обезсиленная и извращенная система этого знаменитаго и несчастнаго человѣка не произвела результатовъ предвидѣнныхъ его геніемъ; но въ настоящее время легко видѣть, какъ глубоко и непоправимо было то пораженіе, которое онъ нанесъ старымъ обычаямъ, старымъ нравамъ; и этимъ по крайней мѣрѣ онъ могущественно содѣйствовалъ дѣлу революціи.

И дѣйствительно она уже приближалась, эта революція сдѣлавшаяся неизбѣжною, подъ множествомъ разнообразныхъ формъ, тысячью явныхъ и тайныхъ путей и съ непреодолимою силою. Можно сказать, что во время регентства какъ-бы поднялся смертоносный вѣтеръ, который своимъ вѣяніемъ поражалъ дворянъ, духовныхъ и королей, словомъ всѣхъ, кто прежде возбуждалъ между людьми почтеніе или страхъ.

Такимъ образомъ въ то время какъ дворяне унижались до самыхъ грубыхъ занятій жадности, страсти столь для нихъ новой, буржуазія по поводу пустаго спора о томъ, кто по рангу выше, подвергала герцоговъ и перовъ насмѣшкамъ толпы и парламентъ смѣлою рукою раскрывалъ происхожденіе многихъ патриціанскихъ фамилій. Въ мемуарѣ

[1]) Лемонтей, t. VI, chap. V, 342.

парламента говорилось, «что дворянство самыхъ гордыхъ сеньоровъ было происхожденія сомнительнаго и недавняго; что герцоги Юзе происходили отъ Жиро Басте, возведеннаго въ дворянское достоинство въ 1304 г. и сына Жана Басте, аптекаря въ Вивьерѣ; что Невилль-Виллльруа происходили отъ рыбнаго торговца, контролера при кухнѣ Франциска I; что многочисленное потомство Ла Рошфуко, Русси и пр. имѣетъ свое начало отъ мясника, по имени Жоржа Вера, что генеалогія герцоговъ Ришелье начинается съ Рене Виньеро, слуги и музыканта на флейтѣ при кардиналѣ Ришелье, который соблазнилъ его сестру и женился на ней; что настоящее имя Люиней было Альберъ, принадлежавшее адвокату въ Морасѣ, который имѣлъ трехъ сыновей Люиня, Бранта и Кадене, столь бѣдныхъ, что они имѣли только одинъ плащъ, который и принуждены были надѣвать поочередно [1]).

«Греки и римляне, прибавлялъ мемуаръ, отдавали преимущество судейскому плащу передъ саблей, потому что сила есть ничто иное какъ опора юстиціи и должна быть уважаема настолько, насколько она служитъ этой цѣли. Республики Венеціи, Голландіи, Женевы держались тѣхъ же правилъ; и эти господа, которые при веденіи своихъ ничтожныхъ дѣлъ преклонялись передъ одѣтыми въ судейскій плащъ, теперь славятся тѣмъ, будто презираютъ его!»

Могло ли дворянство сохранять долѣе свое обаяніе въ умѣ народа, когда первое судебное учрежденіе государства само взялось наносить ему удары?

Церковь съ своей стороны имѣла во главѣ только недостойныхъ прелатовъ. Одни изъ нихъ, какъ напр. Бисси и Тансенъ, компрометировали ее своими интригами; другіе, какъ напр. Трессанъ, — неслыханною смѣсью скептицизма и нетерпимости; многіе наконецъ, — циничеcкой выставкой разврата. Между пышными развратниками указывали на кардинала Рогана, который только и дѣлалъ что гордился своею красотою, давалъ великолѣпные пиры, ухаживалъ за женщинами и который поддерживалъ свѣжесть своей кожи молочными ваннами. Архіепископъ арльскій пріобрѣлъ себѣ скандалезную извѣстность своими любовными связями со дамами Арларгъ и Перренъ де-Гравезонъ, которыя были монахинями аббатства Сенъ Сезера. Сопровождаемый аббатомъ Бюсси, своимъ сотоварищемъ по разврату, архіепископъ проводилъ въ

---

[1]) Mémoire pour le parlement contre les ducs et pairs, представленный монсеньору герцогу Олеанскому, регенту.

монастырѣ часть дня, а ночью уводилъ черезъ заднюю дверь монахинь, которыя были соблазнены имъ и возвращались въ монастырь только на другой день утромъ [1]). Аббатъ Дорсаннъ разсказываетъ [2]), что одна куртизанка въ Э присужденная къ повѣшенію воскликнула, когда ее вели на казнь: «можетъ ли статься, чтобы повѣсили женщину, которая имѣетъ честь быть извѣстной архіепископу арльскому и аббату Бюсси?» Говоря объ аббатѣ Овернье, котораго регентъ сдѣлалъ епископомъ турскимъ, Ришелье могъ выражаться, никого не удивляя, въ такихъ словахъ: «онъ могъ бы быть епископомъ только одного города, который бы слѣдовало воскресить для него, именно города Содома [3]).» А кто былъ представителемъ величія святаго престола? Нунцій Бентивольо, старый солдатъ, наглый, суровый и отъявленный любовникъ одной пѣвицы изъ оперы. Онъ имѣлъ отъ нея ребенка, который являлся въ театрѣ подъ именемъ Дюваля и котораго публика называла конституціей, намекая этимъ на буллу Unigenitus.

Но отвратительнымъ блескомъ своего разврата Дюбуа затемнялъ всѣхъ и казалось гордился презрѣніемъ публики. Безстыдства, описанныя Светоніемъ въ его жизнеописаніи 12 цезарей, не заключаютъ въ себѣ ничего, въ чемъ бы не могъ сравниться съ ними устроенный Дюбуа fête des Flagellants; его репутація была такова, что въ народѣ его иначе и не называли какъ позорнымъ названіемъ даваемымъ содержателямъ самыхъ грубыхъ развратныхъ оргій. Однако онъ хотѣлъ быть архіепископомъ камбрейскимъ; и сдѣланъ былъ имъ. Для этого нужно было, чтобы двое епископовъ согласились засвидѣтельствовать чистоту его нравовъ; этими епископами были Трессанъ и Массилльонъ! Вотъ что мы читаемъ объ этомъ предметѣ въ дневникѣ аббата Дорсанна [4]):

«Никто не удивился, что епископъ нантскій согласился на такое свидѣтельство, онъ, который уже призналъ этого аббата достойнымъ священства и возложилъ на него руки; но всѣ благомыслящіе люди были сильно опечалены, узнавши, что этимъ же унизилъ себя и епископъ клермонскій Массилльонъ. Каждый вспоминалъ при этомъ тѣ истины, которыя онъ столь часто проповѣдывалъ въ Парижѣ и вопреки которымъ онъ дѣйствовалъ столь открыто. Невозможно выразить, какое впечатлѣніе это поведеніе произвело на многихъ свѣтскихъ людей, ко-

---

1) Journal de l'abbé Dorsanne, t. III, p. 99.
2) Ibid., p. 98.
3) Ibid., p. 198.
4) Journal de l'abbé Dorsanne, t. III, p. 226.

торые считали себя въ правѣ заключать изъ этого, что самые знаменитые проповѣдники и даже епископы смотрятъ на истины религіи какъ на игру.»

Но къ этому первому скандалу Дюбуа прибавилъ еще другой болѣе постыдный и болѣе громкій. 9 іюня 1720 г. онъ устроилъ свое посвященіе въ Val-de-Grâce съ торжественностью достойною папы. Ассистентами у него были Трессанъ и Массилльонъ, тѣ самые, которые отвѣчали передъ Богомъ и передъ людьми за святость его жизни. При церемоніи присутствовали принцы, придворная знать и нѣкоторые иностранные посланники. Вслѣдствіе сохранившагося еще остатка стыда Филиппъ рѣшился не являться на церемонію; но это рѣшеніе было побѣждено мадамъ Параберъ, соучастницей Дюбуа, среди опьянѣнія сладострастной ночи.

Но едва кончилось посвященіе архіепископа камбрейскаго, какъ вдругъ распространилась странная новость и такъ твердо держалась, что мы находимъ ее даже въ офиціальной депешѣ прусскаго посланника [1]):

«Женщина весьма низкаго происхожденія, доведенная до крайней бѣдности, недавно объявила, что она находится въ бракѣ съ аббатомъ Дюбуа и имѣетъ отъ него многихъ дѣтей. Такъ какъ нѣсколько больше великодушія, чѣмъ сколько его есть у этого министра, было бы достаточно чтобы зажать ротъ этой твари, то всѣхъ удивляетъ, какимъ образомъ онъ до того потерялъ свою небольшую разсудительность, что даже не предвидѣлъ позора, который навлечетъ на него это открытіе. Кромѣ того многіе приписываютъ ему привычки до того мерзкія, что по ихъ мнѣнію ему дѣлаютъ слишкомъ большую честь, когда предполагаютъ въ немъ вкусъ къ женщинамъ. Настоящій случай показываетъ, что это человѣкъ готовый на все, что онъ не остановится ни передъ какимъ грѣхомъ.»

Еслибы пороки Дюбуа безчестили только его одного, то не стоило бы труда останавливаться на нихъ въ исторіи; но этому человѣку суждено дать историческую важность своей безнравственности вслѣдствіе того искусства, съ какимъ онъ сдѣлалъ участниками позора ея главные европейскіе кабинеты и всю церковь. Потому что для того чтобы имѣть геній, ему не доставало только имѣть душу; и онъ былъ по крайней мѣрѣ глубокъ въ своей низости. Мучимый желаніемъ сравняться въ

[1]) Депеша прусскаго посланника Салентина отъ 9 августа 1720 г.

могуществѣ съ Мазарини и Ришелье, онъ далъ своему честолюбію полетъ, который даже удивителенъ въ существѣ, до такой степени испорченномъ. Получить кардинальскую шапку и этимъ сдѣлать святой престолъ и священство солидарными съ своимъ недостоинствомъ и нѣкоторымъ образомъ взять залогомъ католицизмъ,—вотъ что онъ дерзнулъ задумать. Но униженіе духовенства въ эту эпоху было таково, что эта претензія не казалась ни безумною ни дерзкою. Правда впрочемъ, что Дюбуа имѣлъ опору въ Англіи: а это одна изъ чертъ англійской политики—возвышать, даже презирая, тѣхъ, которые служатъ ей.

Итакъ Дюбуа могъ разсчитывать на успѣхъ; но пронырства, которыми онъ достигъ его, останутся вѣчнымъ памятникомъ безчестія, среди котораго жилъ тогда продажный папскій Римъ. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этомъ, нужно обратиться къ дипломатической корреспонденціи архіепископа камбрейскаго, нужно читать тѣ письма, гдѣ онъ въ наивности интимныхъ изліяній торгуетъ своею совѣстью и совѣстью папы. Въ конфиденціальной депешѣ къ іезуиту Лафито, котораго онъ сдѣлалъ епископомъ систеронскимъ и который былъ его агентомъ по части интригъ въ Ватиканѣ, онъ писалъ: «я не стану повторять вамъ о томъ, что я почту за честь и удовольствіе сдѣлать не только для его святѣйшества, но и для кардинала Альбани: вниманіе, услуги, благодарности, эстампы, книги, драгоцѣнности, подарки, всякаго рода любезности; каждый день будутъ видѣть что-нибудь новое, неожиданное, что будетъ нравиться [1].»

Зная любовь Климента XI къ богатымъ переплетамъ, онъ говорилъ въ другомъ письмѣ:

«У меня передъ глазами каталогъ книгъ, которыя по вашему мнѣнію могутъ быть пріятны его святѣйшеству.... Я прошу васъ постараться найти, что бы я могъ дѣлать и посылать каждую недѣлю, такъ сказать, и со всякимъ курьеромъ отправляющимся въ Римъ, чтобы показать мою почтительную внимательность ко всему, что можетъ сдѣлать удовольствіе его святѣйшеству. Узнайте отъ приближенныхъ къ нему лицъ, какія маленькія книги во Франціи можно выбрать для его ежедневнаго употребленія, какіе переплеты книгъ ему больше могутъ понравиться, нѣтъ ли во Франціи, въ Англіи или Голландіи эстамповъ, которые бы могли быть ему пріятны [2].»

---

[1]) Correspondance inédite de Dubois, t. I, p. 341.
[2]) Ibid., t. I, p. 394.

Съ своей стороны и по повелѣнію Дюбуа Пеке, первый секретарь по иностраннымъ дѣламъ, писалъ епископу систеронскому:

«Вы такъ сильно подвинули дѣло, что вамъ нужно помочь, насколько отъ насъ зависитъ, устроить его; я не знаю, монсеньоръ, какія надежды вы дали въ послѣдній разъ кардиналу Альбани; но чтобы дать вамъ въ руки что-нибудь положительное, нашъ меценатъ позволяетъ вамъ пообѣщать и дѣйствительно дастъ въ тотъ день, когда папа сдѣлаетъ эту милость, 20 тысячъ римскихъ экю кардиналу Альбани и кромѣ того еще другія 10 тысячъ, когда курсъ будетъ менѣе обременителенъ; или же, если это предпочитаетъ кардиналъ Альбани, нашъ меценатъ обязывается дать въ Парижѣ немедленно послѣ его возведенія въ санъ тому, кому назначитъ его преосвященство, сумму въ 20 тысячъ ливровъ монетою.... Вы конечно понимаете, что это не будетъ ни единственный плодъ признательности ни самый существенный.»

И дѣйствительно, узнавши, что римскій дворъ весьма тяготится обязательствомъ платить пенсіонъ претенденту, Дюбуа обѣщалъ взять на себя обязанность тайно уплачивать этотъ пенсіонъ, который составлялъ не менѣе 12 тысячъ римскихъ экю въ годъ. Такимъ образомъ онъ измѣнялъ и Георгу I, своему верховному покровителю; но не было низости, на которую не было бы способно это низкое честолюбіе.

Но счастлива еще была бы Франція, еслибы для увѣнчанія надеждъ фаворита Филиппа ей нужно было тратить свое золото, разсыпаемое съ неудержимою расточительностью! Но искусный въ жадности, Климентъ XI только и думалъ, какъ бы подороже продать то, что такъ горячо желалъ купить у него архіепископъ камбрейскій. Поэтому онъ старался держать въ постоянномъ напряженіи страсть своего просителя, со дня на день болѣе воспламеняя ее разсчитанными замедленіями и ложными увѣреніями. Рѣдкія книги, картины, дорогіе переплеты, деньги—папа бралъ все, постоянно обѣщалъ желаемую кардинальскую шапку и все не давалъ ее. Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы Франція была повергнута къ ногамъ его, и былъ совершенно увѣренъ, что это сдѣлается. Этимъ и объясняются усилія Дюбуа перемѣнить на преслѣдованіе ту милость, какую регентъ оказывалъ сначала янсенистамъ; изъ этого вытекли продѣлки кончившіяся тѣмъ, что объявлена была государственнымъ закономъ эта булла Unigenitus, вызвавшая полвѣка ненависти и раздоровъ.

Что еще прибавить къ картинѣ столькихъ безславій? Дюбуа узналъ, что епископъ систеронскій тратитъ на любовницъ и на удовольствія

часть суммъ, которыя посылаются ему для подкупа папы и кардиналовъ. По этому поводу въ одномъ письмѣ архіепископа камбрейскаго читаемъ: «слѣдя за тѣмъ путемъ, на который указалъ намъ епископъ систеронскій какъ на такой, по которому онъ пустилъ часы и брилліанты, я нашелъ уклоненія очень темныя, а другія слишкомъ ясныя.» Для такого человѣка какъ Дюбуа это служило доказательствомъ геніальности его агента. Поэтому онъ и не отозвалъ его: онъ хотѣлъ, чтобы ему служили пороки, которые не были бы посредственными. Но только чтобы ускорить дѣло, онъ приставилъ къ Лафито кардинала Рогана и аббата Тансена. Между тѣмъ Климентъ XI умеръ. Тогда интрига приняла новый поворотъ и было условлено, чтобы стараться сдѣлать папою того, кто согласится сдѣлать Дюбуа кардиналомъ. Украсить римской пурпуровой мантіей человѣка, котораго регентъ обыкновенно называлъ «мой чудакъ»,—таково было теперь великое дѣло занимавшее христіанство. Но сократимъ эти отвратительныя подробности. Золото было разсыпаемо щедрою рукою въ конклавѣ. По выраженію самого Дюбуа, «была пріобрѣтена вся фамилія Альбани, какъ пріобрѣтаютъ полный фарфоровый приборъ.» За тысячу экю епископъ систеронскій подкупилъ куртизанку Маринацію, которая обладала вокругъ Ватикана сладострастною и непреодолимою властью [1]). Наконецъ Конти былъ избранъ папою только послѣ того, какъ отъ него взято было письменное обязательство дать кардинальскую шапку. И когда въ маѣ 1723 г. происходило общее собраніе французскаго клира, то президентомъ его единодушно былъ избранъ Дюбуа. До такой степени онъ умѣлъ запутать всю церковь въ свое безчестіе!

Оставалось еще лишить послѣдняго обаянія королевскую власть: это и сдѣлалъ регентъ распущенностью нравовъ, крайнею и отважною.

По свидѣтельству Шарлотты баварской, его матери [2]), онъ уже тринадцати лѣтъ обнаружилъ доказательства возмужалости; и жажда бурнаго сладострастія никогда уже больше не оставляла его. Кромѣ того въ немъ не было ничего, что могло бы облагородить или развлечь въ немъ эту чувственную страсть, и его сердце очень рано и навсегда закрылось для поэзіи любви. Умъ, грація, красота, прелесть стыдливости, таинственная привлекательность нѣжности,—это были качества, которыхъ онъ не требовалъ отъ женщины; онъ хотѣлъ напротивъ, чтобы онѣ были опьянены, увлечены, полны жаждой грязныхъ сладо-

---

[1]) Письмо епископа систеронскаго отъ 23 іюня.

[2]) Fragments de Lettres originales, par. I, p. 233.

страстій и даже почти обезображены ею. Онъ любилъ также открытыя и шумныя оргіи, которыя компрометировали въ его лицѣ и королевскую власть, представляемую имъ. Людовикъ XIV умѣлъ быть королемъ даже въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Нарушая извѣстныя правила, онъ однако по своей гордости требовалъ, чтобы всѣ стоящіе ниже его уважали ихъ. Онъ держалъ свой дворъ распростертымъ у ногъ своихъ побочныхъ дѣтей и, выставляя передъ нимъ для удивленія свои прелюбодѣянія, предписывалъ, чтобы онъ былъ скромнымъ, стыдливымъ, какъ будто для того, чтобы показать, что въ привилегіи государя входитъ все, даже скандалъ. Но регентъ былъ человѣкомъ неспособнымъ разсчитывать свои пороки. Любя ихъ для нихъ, онъ предавался имъ безъ задней мысли, съ беззаботностью, со смѣхомъ и любилъ, чтобы брали примѣръ съ него. Такимъ образомъ онъ позволялъ своимъ темнымъ слугамъ унижать ихъ грубыми кутежами остатки своей загрязненной власти и предоставлялъ свое достоинство на произволъ второстепенныхъ чиновниковъ, ставшихъ равными ему по разврату. Иногда онъ въ оперномъ театрѣ явно приказывалъ привести къ себѣ танцовщицу и раздѣть ее въ его ложѣ [1]). Въ извѣстномъ мѣстѣ Палеройяля вечеромъ въ извѣстные часы происходили такія сцены и представлялись такія странныя опасности, что обыкновенные посѣтители этого мѣста выбрали себѣ надзирателя, диктатора, государя въ лицѣ Каниньяка, который одинъ между ними могъ устоять противъ хмѣля. И всѣ эти вещи извѣстны были публикѣ, такъ какъ регентъ и не заботился скрывать ихъ, и даже находилъ пикантнымъ, что завелъ въ центрѣ Парижа свой капрейскій островъ.

Сомнѣваются, не растлилъ ли онъ своихъ собственныхъ дочерей, и онъ самъ хотѣлъ, чтобы было такое сомнѣніе. Сулави формально обвиняетъ его въ томъ, что онъ былъ любовникомъ герцогини Беррійской, дѣвицы Валуа, аббатиссы Шель, и прибавляетъ: «я имѣю подлинныя и документальныя доказательства въ письмахъ дѣвицы Валуа, которыя находятся у меня [2]).» Несомнѣнно, что въ его время его считали способнымъ на это. Говорили, что онъ обожаетъ прекрасныя ручки герцогини Беррійской; разсказывали, что въ борьбѣ изъ-за ревности принцесса бросилась между своимъ любовникомъ и своимъ отцомъ и получила отъ послѣдняго, какъ нѣкогда Поппея отъ Не-

---

[1]) Mélanges historiques de Boisjourdain, t. I, p. 229.
[2]) Décadence de la monarchie, t. II, p. 77.

рона, ударъ ногою въ животъ [1]); утверждали, что дѣвица Валуа только цѣною кровосмѣшенія добилась освобожденія герцога Ришелье, заключоннаго въ Бастиліи; и аббатисса Шелль также не была пощажена [2]). Обвиненія страшныя, которыя нужно считать несправедливыми, но которыя тѣмъ неменѣе переходили изъ устъ въ уста, потому что крайнія увлеченія разврата дѣлали ихъ почти вѣроятными, и которыя, будучи распространены въ формѣ памфлетовъ слѣпцомъ у дверей Сенъ-Рохъ, продававшимъ индульгенціи, учили народъ презирать сильныхъ земли.

Прибавимъ, что публичная жизнь регента погрузилась и потерялась въ безобразіяхъ его частной жизни. Ему случалось давать танцовщицамъ и въ то время, когда онѣ выходили изъ его объятій, рѣшенія дѣлъ самыхъ важныхъ. Скоро бѣшеная жажда удовольствій совершенно овладѣла имъ и онъ взвалилъ на Дюбуа скуку повелѣвать людьми. Онъ первый сталъ повиноваться этому презрѣнному человѣку, только оставивши себѣ право оскорблять его. Наконецъ вялость политики еще усилила собою то, что было гибельнаго для королевской власти въ подобномъ униженіи. Потому что, — какъ ни прискорбно признавать это, — терроръ въ умахъ народа не даетъ мѣста презрѣнію. Тиберій сдѣлался такъ страшенъ для римлянъ, онъ дотого занялъ ихъ своимъ мрачнымъ могуществомъ, что имъ можно было имѣть относительно его только чувство ненависти, менѣе опасное чѣмъ чувство отвращенія. Его безславія не казались жалкими, потому что они возбуждали страхъ. Развратъ же регента не имѣлъ въ себѣ ничего кроваваго и потому лучше была замѣчаема его пошлая сторона.

А между тѣмъ онъ только и думалъ о томъ, чтобы наслаждаться легкими прелестями всемогущества, не задавая себѣ вопроса о томъ, не содѣйствуетъ ли онъ этимъ гибели монархіи. Кардиналу Дюбуа нужно отдать ту справедливость, что онъ не раздѣлялъ до послѣдней степени беззаботности своего господина. Потому что, среди своихъ увлеченій и своего разгула, этотъ человѣкъ всегда сохранялъ какую-то серьезную испорченность и можно было сказать, что умъ его бодрствуетъ среди мрака его сердца. Возведенный въ санъ перваго министра, онъ посредствомъ величія своихъ проектовъ хотѣлъ избавиться отъ чувства собственной низости. Страстно желая поднять упавшую власть, онъ обнаружилъ

---

[1]) Hist. su dystème, t. I, p. 8.

[2]) Отсюда знаменитые куплеты, приписываемые Вольтеру:

Enfin votre esprit est guéri....

много силы и горячую дѣятельность; онъ пытался произвести реформу администраціи; онъ принималъ относительно парламента высокій тонъ, который Ришелье держалъ относительно дворянства; онъ имѣлъ въ виду уравненіе налоговъ. Но покатость уже не могла быть поднята. Кромѣ того крайности распутства уже сдѣлали невозможными у Дюбуа крайности честолюбія. Онъ умеръ въ мученіи, осыпанный почестями, исполненный властью, но ненасыщенный, проклиная людей и богохульствуя на Промыслъ, потому что онъ умеръ полный презрѣнія къ самому себѣ.

Его господинъ не долго пережилъ его. Одаренный блестящими качествами, сокровища которыхъ онъ расточилъ безчестно, регентъ впалъ въ неизлечимую скуку. Неспособный къ счастью, онъ сдѣлался также неспособнымъ къ удовольствію. Съ глазами полупогасшими, съ отягченной головой, мучимый жаждою остраго сладострастія, горькое пресыщеніе которымъ отравляло жаръ его, не успокоивая его, — могъ ли онъ годиться для управленія королевствомъ? Онъ уже не чувствовалъ въ себѣ силъ къ жизни. Онъ вздыхалъ о послѣднемъ успокоеніи въ могилѣ; и ему не оставалось ничего болѣе и желать, когда апоплексическій ударъ смертельно поразилъ его на колѣнахъ у его испуганной любовницы.

Если теперь обнять однимъ взглядомъ представленную картину фактовъ, то окажется, что регентство обозначаетъ во французской исторіи эру дѣйствительно новую; что система Лоу, введши во Францію страсть къ дѣламъ и индустріальные нравы, приготовляла систему владычества буржуазіи; что система Дюбуа напередъ отняла у этого владычества то, что сообщило бы ему величіе, вовлекши Францію въ союзъ, цѣною котораго была власть надъ моремъ; что наконецъ во время регентства буржуазія возвысилась вслѣдствіе униженія дворянства, духовенства и трона, т. е. всего, что не было буржуазіей.

А что сталось въ это время съ народомъ? Онъ не переставалъ страдать, согбенный подъ старымъ бременемъ. Но мѣра его страданій переполнилась и послѣдовалъ взрывъ ихъ только при министерствѣ ле-Дюка. Посмотрите на эдикты того времени. Потому что въ эдиктахъ нужно искать прошлаго бѣдняковъ, когда для открытія его въ исторіи нѣтъ слѣдовъ ихъ крови, пролитой на полѣ сраженія или на мостовой возмутившихся городовъ! Да, въ то время какъ на полянахъ Шантильи придворныя дамы въ костюмахъ пастушекъ рисовали милые балеты; въ то время какъ упоенный любовью ле-Дюкъ расточалъ на прелестную маркизу де-При государственную казну, наступленіе голода волновало въ Парижѣ мрачную армію нищихъ, ужасъ распространился по дерев-

нямъ и дороги покрылись блѣдными бродягами. Тогда-то разразился бичъ низкихъ спекуляцій на общественное бѣдствіе; тогда-то начались барышничества. Достойный братъ того графа Шароле, который превзошолъ Сада въ искусствѣ орошать развратъ кровью и о которомъ разсказываютъ, что онъ стрѣлялъ въ кровельщиковъ чтобъ доставить себѣ удовольствіе посмотрѣть, какъ они будутъ летѣть съ высоты крышъ [1]), ле-Дюкъ тоже былъ жестокъ въ своей жадности. Онъ не устыдился, по свидѣтельству Сенъ-Симона [2]), вступить въ рядъ ажіотаторовъ, которые развивали науку морить голодомъ народъ для своего обогащенія. Такимъ обрзомъ хлѣбъ скоро поднялся въ Парижѣ до 9 су за фунтъ, и сообразно этому въ провинціяхъ [3]). «Въ Нормандіи питаются травою, писалъ къ Флери возмущенный Сенъ-Симонъ [4]); я говорю это секретно и конфиденціально французу, епископу, министру, единственному человѣку, который, кажется, пользуется дружбою и довѣріемъ короля и который говоритъ съ нимъ съ глазу-на глазъ, короля, который лишь настолько король, насколько онъ имѣетъ королевство и подданныхъ, который уже находится въ такомъ возрастѣ, что можетъ чувствовать слѣдствія этого, и который, чтобы быть королемъ Европы, не можетъ быть великимъ королемъ, если онъ будетъ только королемъ нищихъ всѣхъ сословій и если его королевство превратится въ обширный госпиталь умирающихъ и отчаянныхъ.»

Затѣмъ явились страшные эдикты. Чтобы защитить собственность, которой угрожала крайняя бѣдность, хранитель печати Арменонвилль назначилъ за домашнее воровство безъ ограниченія, безъ различія, безусловно страшнѣйшее наказаніе, смерть [5]). Число голодавшихъ постоянно и скоро увеличивалось; нужно было загнать ихъ, страдавшихъ и дерзкихъ, въ тюрьмы, украшенныя названіемъ богадѣленъ, гдѣ, по приказанію генеральнаго контролера Додена, прибывающіе спали въ кучѣ на соломѣ, такъ чтобы «занимать меньше мѣста [6])». Убѣгать отъ этого страшнаго гостепріимства считалось преступленіемъ. Но какимъ образомъ узнавать виновныхъ? «Рѣшено было, говоритъ Лемонтей [7]), класть на

---

[1]) Лакретелль, t. II, p. 59.
[2]) Сенъ-Симонъ, Mémoires, chap. VII, p. 106.
[3]) Mémoires secrets de Duclos, t. IV, p. 209.
[4]) Письмо фрейюсскому епископу отъ 25 іюля 1725 г.
[5]) Декларація 4 марта 1724.
[6]) Инструкція интендантамъ, іюль 1724.
[7]) Oeuvres, II, p. 136.

нищихъ неуничтожаемыя клейма и нѣкоторые изъ нихъ были препровождены къ химикамъ, которые пробовали на нихъ разныя ѣдкія вещества.» Опыты были неудачны и потому рѣшено было клеймить руки нищихъ огнемъ. Оставалось только начать противъ нихъ истребительную войну. Но при видѣ этихъ несчастныхъ солдаты, которымъ поручалось преслѣдовать ихъ, чувствовали непреодолимую жалость и случалось — вещь довольно странная въ лѣтописяхъ тираніи — что тамъ, гдѣ жертвы можно было губить безнаказанно, не доставало палачей.

Такимъ образомъ скоплялись среди народа неудовольствіе и гнѣвъ, которыми буржуазія должна была впослѣдствіи воспользоваться столь удачно во время своего послѣдняго сраженія. Но буржуазія была далека отъ того, чтобы понять святость и обязанности этой естественной солидарности, которая въ виду старыхъ угнетеній соединяла всѣхъ угнетенныхъ! Поглощенная эгоизмомъ, продолжительное безразсудство котораго породило столько бѣдствій, буржуазія видѣла въ народѣ не столько страданія, которымъ нужно помочь, сколько страсти, которыя можно было направлять противъ общихъ враговъ. Нечего поэтому удивляться, если впослѣдствіи, послѣ столькихъ услугъ, оплаченныхъ неблагодарностью, и послѣ тысячи различныхъ возбужденій случилось, что раздраженныя собаки бросались на самихъ охотниковъ. Пусть удивляющіеся размыслятъ о слѣдующей страницѣ изъ министерства ле-Дюка.

Безпорядокъ въ финансахъ былъ страшный; Пари-Дюверней въ свои мѣры помочь кризису внесъ жестокость своего характера. Уменьшить на половину настоящую цѣнность монеты, назначить для цѣны товарамъ произвольную границу, наказывать разрушеніемъ лавку всякаго, кто не будетъ повиноваться деспотизму правилъ, вывести солдатъ противъ рабочаго, недовольнаго или безпокойнаго по поводу своей рабочей платы, — все это для совѣтника мадамъ де-При было только игрушкой. Безполезныя строгости! зло восторжествуетъ; народъ уже ничего не можетъ дать кромѣ своей крови. Пари-Дюверней прибѣгъ тогда къ мысли установить налогъ, который онъ опредѣлилъ въ одну пятидесятую часть дохода и которому подлежали всѣ классы гражданъ безъ исключенія. Другими словами, всѣ способы тираніи оказались безуспѣшными и потому прибѣгли къ единственному средству, которое еще не было употребляемо, къ справедливости.

И вдругъ, какое негодованіе, какая буря! Отъ духовенства только и слышны были протесты, полные желчи, и яростные крики. Какъ, осмѣливаются заносить руку на богатства церкви! покушаются на неприкосновенность, которую уважала не только святость Людовика благочести-

ваго, но и абсолютная воля Людовика XIV! Духовенство согласилось бы осудить себя на добровольный даръ; но отъ него требуютъ больше, обижаютъ религію, оскорбляютъ Бога: таковы были рѣчи высшаго духовенства. Но въ это время церковь, считая въ томъ числѣ и монаховъ, пользовавшихся бенефиціями, владѣла 9-ю тысячами замковъ, 259 фермами, 173 тысячами арпановъ виноградниковъ, 1400 десятинами изъ всѣхъ 1700 десятинъ земли въ Камбрезисъ, болѣе чѣмъ половиною имуществъ находящихся во всемъ Франшконте [1]; и вообще доходы его считали не меньше чѣмъ въ 1220 милліоновъ ежегодно [2]. И однакоже эти служители Бога любви, Бога, который родился въ ясляхъ, собрались для того, чтобы взвалить на бѣдняковъ тяжесть, которая давила ихъ, и послѣ бурныхъ засѣданій разошлись, объявивши, что они не подпишутся подъ желаніями короля.

Со стороны дворянства оппозиція была не менѣе ненавистна ни менѣе преступна: но что особенно достойно замѣчанія, это то, что самыя горячія, самыя одушевленныя сопротивленія вышли изъ учрежденія, которое политически представляло буржуазію. Было созвано засѣданіе съ королевскимъ присутствіемъ и парламентъ собрался среди необыкновеннаго волненія. Лица были мрачны; каждый принималъ видъ, какъ будто считаетъ гибелью для королевства учрежденіе новаго налога. Принужденный по самой сущности своихъ обязанностей поддерживать внесеніе въ реестръ закона о налогѣ генеральный адвокатъ Жильберъ утверждалъ, что его слова стоили ему столько, какъ будто онъ при этомъ жертвовалъ своею жизнью; и когда хранитель печати приступилъ къ собиранію голосовъ, то ему отвѣчали единодушнымъ отказомъ даже разсуждать о дѣлѣ. Въ свою очередь разразились и провинціальные парламенты. Парламентъ Бретани утверждалъ, что его договоръ соединенія даетъ ему право отказать; парламентъ Лангедока, что градъ не даетъ ему возможности платить предлагаемый налогъ; парламентъ Тулузы, что это значитъ нарушать священныя привилегіи и смѣшивать съ народомъ духовенство и дворянство.

Между тѣмъ голодъ, поддерживаемый спекуляторами, не прекращалъ своихъ опустошеній. Въ Парижѣ поднимался бунтъ. Крестный ходъ по улицамъ Парижа съ ракою св. Женевьевы только увеличилъ волненіе умовъ. Нужно было запереть ворота Сентъ-Антуанскіе отъ роптавшаго

---

[1] Вступленіе въ ордонансъ 17 мая 1731.

[2] Письмо кардинала Флери въ совѣтъ Людовика XV.

населенія этого предмѣстья. Министерство ле-Дюка не могло удержаться противъ подобнаго потрясенія, которому содѣйствовали еще интриги двора: оно было низвергнуто и народъ не получилъ другаго удовлетворенія кромѣ слѣдующаго заявленія, которое такъ хорошо характеризуетъ устраненіе налога въ одну пятьдесятую часть [1]).

«Желаемъ, чтобы всѣ церковныя имущества оставались изъятыми, и объявляемъ ихъ изъятыми навсегда отъ всякихъ другихъ налоговъ, податей и поборовъ.»

Авторъ этого заявленія былъ кардиналъ Флери, тотъ самый, которому Сенъ-Симонъ писалъ годъ назадъ, что бѣдствіе народа превосходитъ всякую мѣру, что въ Нормандіи питаются травою и что все королевство «обратится въ огромный госпиталь умирающихъ и отчаянныхъ». Послѣ этого могла ли быть революція чѣмъ-нибудь другимъ, какъ увы! не войною и войною на смерть?

---

[1]) Декларація 8 октября 1726.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОСЬМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПРИНЦИПЪ ИНДИВИДУАЛИЗМА ПРИНЯТЪ БУРЖУАЗІЕЙ.

Мы такимъ образомъ видѣли огненную лабораторію, въ которой были окончательнымъ образомъ соединены и приготовлены матеріалы французской революціи; а теперь мы вступаемъ въ волнующійся міръ философовъ.

Какое зрѣлище! Папство видитъ, какъ изъ праха Лютера возраждаются, чтобы поражать его, тысячи враговъ полныхъ краснорѣчія и жара. Раздались два слова, слыша которыя Европа удивлялась и приходила въ восторгъ, это: терпимость, разумъ. Фанатизмъ покрылся позоромъ съ памятью о раздорахъ, къ которымъ онъ подалъ сигналъ, о кострахъ, которые онъ воздвигалъ. Старыя суевѣрія подвергаются ударамъ безсмертной насмѣшки. Для опроверженія книги Бытія, для указанія ошибокъ или ложныхъ сказаній въ книгахъ духовенства ученые вопрошаютъ небо, измѣряютъ горы, роются во внутренностяхъ земли и требуютъ отъ земнаго шара тайну его возраста. Гдѣ остановится эта страшная сила, которая называется свободнымъ изслѣдованіемъ?.... Одни отвергаютъ чудеса Христа, не заботясь о той большой пустотѣ, которая образуется вслѣдствіе этого въ исторіи. Другіе подвергаютъ сомнѣнію душу человѣка. Третьи наконецъ оспариваютъ Бога, душу вселенной. Доктрина ощущеній, теорія ничто были противопоставлены тѣмъ непреодолимымъ стремленіямъ, которыя имѣютъ предметомъ безконечное, тѣмъ

желаніямъ, которыя переносятъ насъ въ то время, которое не принадлежало намъ, той ненасытимой жаждѣ жить, которая составляетъ отраду и муку нашихъ смущенныхъ сердецъ. Такимъ образомъ человѣкъ оказался униженнымъ до того, что среди творенія онъ былъ признанъ случайностью; отъ него было отнято все, что заслуживало вѣчнаго существованія. Но въ тоже время и по странному противорѣчію, какъ усиливались возвысить его, какъ экзальтировали эту частицу органической матеріи, которая должна разрушиться! Никогда не было проводимо болѣе безжалостно доказательство малости человѣка и въ то же время никогда не утверждалось болѣе рѣшительно его величіе. Требовалось, чтобы его достоинство было признано и его безопасность обезпечена; хотѣли, чтобы совѣсть его была не нарушима и мысль свободна. Вещь тоже не менѣе странная! проповѣдники холоднаго изслѣдованія вносили въ тоже время въ свой культъ мысли энтузіазмъ и страстность сектаторовъ. Предпринять необыкновенныя работы, подвергаться тысячѣ опасностей, соблазнить или побѣдить тираннію, передѣлать нравственное воспитаніе поколѣній, наполнить человѣческое сознаніе неизвѣстностью или ужасомъ,—ничто ихъ не останавливало, ничто не заставило поколебаться, потому что и они сами все-таки имѣли вѣру: они вѣровали въ разумъ. Таково было дѣло этого вѣка. И всѣ работали надъ нимъ: писатели, артисты, знатные сеньоры, магистраты, министры, даже сами государи. Былъ моментъ, когда новый духъ совершенно господствовалъ въ обществѣ отъ верху до низу, и проникъ въ прусскій дворъ при Фридрихѣ, въ австрійскій дворъ при Іосифѣ II, во французскій дворъ при Тюрго, въ русскій дворъ при Екатеринѣ II, въ Ватиканъ при Климентѣ XIV. Такъ что философія проникла даже къ королямъ; она ихъ охватила и покорила себѣ; она продиктовала имъ слова имѣвшія странную важность; она, опьянивши ихъ похвалами, побудила къ разрушенію тѣхъ самыхъ алтарей, которые такъ долго служили опорою для троновъ. Но долженъ былъ наступить моментъ, когда короли въ страхѣ отступили передъ своимъ собственнымъ дѣломъ....., когда наконецъ спали послѣдніе покровы, когда духъ изслѣдованія, перешедши отъ религіи къ политикѣ и отъ политики къ собственности, поднялъ столько вопросовъ, что на нихъ можно было отвѣчать увы! только цѣною бурь: зачѣмъ существуютъ господа и рабы и цѣлыя поколѣнія давятся шествіемъ одного человѣка? зачѣмъ короли и дворянство? зачѣмъ классы, которые уже родятся счастливыми, и ниже ихъ многочисленная толпа страдающихъ, голодныхъ, отчаянныхъ? зачѣмъ этотъ продолжительный захватъ только нѣкоторыми той земли, которая составляетъ жилище человѣчества и его нераздѣль-

ное достояніе? «Первый, кто, огородивши участокъ земли, придумалъ сказать: это мое, и нашелъ людей достаточно простодушныхъ, чтобы повѣрить ему, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, отъ скольких бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣческій родъ тотъ, кто, вырвавши колья загородки или засыпавши окружающій участокъ ровъ, сказалъ бы своимъ ближнимъ: не слушайте этого лжеца; вы погибли, если забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому.»

Кромѣ того разсматриваемое нѣсколько издалека, движеніе указанное нами представляетъ сначала только путаницу и смѣшеніе. Даже между философами XVIII вѣка, которые повидимому соединены самыми тѣсными связями, многіе, говоря правду, только и имѣли общаго между собою что потребность поражать, но каждый поражалъ по-своему, по вдохновенію своихъ частныхъ ненавистей и оружіемъ, какое кому было свойственно: одинъ какъ деистъ, другой какъ атеистъ, третій какъ ученикъ Спинозы. И пусть не удивляются, что мы здѣсь обращаемъ вниманіе на различіе метафизическихъ доктринъ. Потому что впослѣдствіи мы встрѣтимъ и въ жизни эти раздѣленія мысли; и когда передъ нами пройдутъ превращенныя въ страшныя страсти эпикурейская философія Дантона, атеизмъ Анахарсиса Клоца, деизмъ Робеспьерра, тогда станетъ очевиднымъ, что нѣтъ отвлеченія тамъ, гдѣ не находится въ зародышѣ реальность, что метафизическіе споры, повидимому столь неопредѣленные по своему предмету, имѣютъ по своимъ результатамъ громадное практическое значеніе, и что часто эти грубыя силы, которыя можно было бы счесть за вызванныя личными страстями или грубыми интересами, относятся къ трудамъ полнымъ боли, къ безпокойствамъ или мести мысли. Кромѣ того разногласіе между философами XVIII вѣка существовало не только по этимъ вопросамъ, но и во всемъ. Такимъ образомъ люди, которые согласно провозглашали анаѳему священникамъ, съ удивленіемъ расходились между собою, когда рѣчь заходила о томъ, чтобы кричать анаѳему королямъ. Извѣстный мыслитель, потрясавшій увѣренною рукою основы католицизма, чувствовалъ себя проникнутымъ тайнымъ страхомъ, когда его побуждали вступить въ войну противъ Бога. Если буржуазія имѣла своихъ вождей, то и народъ имѣлъ своихъ просвѣтителей. Подлѣ философовъ убаюкиваемыхъ гордостью, убаюкиваемыхъ радостью, дружныхъ съ государями, фрондеровъ, улыбавшихся развалинамъ ими производимымъ, были философы больные своими сомнѣніями, были мыслители религіозные и дикіе мечтатели, были трибуны подверженные высшей меланхоліи.

Итакъ можно ли среди этого смѣшенія опредѣлить точно ходъ идей? Съ перваго раза кажется, что нѣтъ ничего труднѣе этого. Однакоже когда мы всмотримся поближе, то откроемъ въ XVIII вѣкѣ только два большихъ теченія идей, которыя, проходя черезъ него по параллельнымъ направленіямъ, оба кончаются въ пропасти революціи.

Мы видѣли, до какой степени всегда было глубоко, хотя оно всегда маскировалось общими интересами и общею ненавистью, различіе между народомъ и буржуазіей. Этому различію въ области фактовъ соотвѣтствовало въ XVIII вѣкѣ и различіе въ мірѣ мысли.

Были двѣ доктрины не только различныя, но и противоположныя: первая имѣла цѣлью ассоціацію равныхъ и выходила изъ принципа братства; вторая же вся была основана на индивидуальномъ правѣ.

Осуществленіе свободы единеніемъ и любовью,—вотъ чего хотѣла первая, вытекавшая прямо изъ евангелія; вторая, дочь протестантизма, искала свободы въ эманципаціи каждой личности взятой отдѣльно.

Морелли, Жанъ-Жакъ Руссо, Мабли и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Неккеръ принадлежатъ первой; вторая имѣла представителями Вольтера, д'Аламбера, Кондорсе, Гельвеція, Тюрго, Морелье и др.

Первая повела въ Робеспьерру, вторая создала Мирабо.

Эта послѣдняя господствовала въ учредительномъ собраніи; полуподавленная при конвентѣ, она явилась снова тотчасъ послѣ 9 термидора; она низвергла имперію, потерпѣвши ее; при реставраціи она называлась либерализмомъ; она же царствуетъ и въ настоящее время [1).... Мы покажемъ, какими странными драмами, какою борьбою, какими разрушеніями и какими трагическими усиліями она проложила себѣ путь къ управленію обществомъ въ теченіи этого XVIII вѣка, столь внушительнаго и столь бурнаго.

Въ томъ положеніи, какого достигла буржуазія, нѣтъ ничего удивительнаго, что она приняла доктрину индивидуальнаго права и остановилась на ней.

Въ самомъ дѣлѣ единство до тѣхъ поръ только и поддерживалось въ религіи нетерпимостью католичества, въ политикѣ абсолютною королевскою властью или феодальною тираніей; въ промышленности монополіей.

Разбить въ его троякой формѣ это угнетающее единство и освободить личность отъ всякаго вида стѣсненій,—это сдѣлалось преобладающимъ желаніемъ буржуазіи.

---

[1] Писано въ 1847 году.

Съ другой стороны она имѣла богатство; она имѣла силу. Владѣя орудіями труда, которыхъ не доставало пролетаріямъ, обладая дѣятельностью и образованіемъ, какихъ вообще не было у дворянства, буржуазія имѣла такимъ образомъ всѣ средства развитія, которыя избавляли ее отъ необходимости ассоціации и заставляли бояться людей іерархіи. Для ней былъ достаточенъ индивидуализмъ.

Слѣдовательно она требовала свободы ума противъ церкви, политической свободы противъ королей, свободы промышленности противъ монополистовъ, и кромѣ этого не требовала ничего.

Но безъ равенства, которое есть связь интересовъ, и безъ братства, которое есть связь сердецъ, свобода есть ни что иное какъ лицемѣрный деспотизмъ. Рано или поздо буржуазія должна была поэтому дать: вмѣсто свободы ума глубокую моральную анархію, вмѣсто политической свободы олигархію подходящихъ подъ цензъ, вмѣсто промышленной свободы конкуренцію богатаго съ бѣднымъ въ пользу богатаго.

Какъ бы то ни было, писатели буржуазіи въ XVIII вѣкѣ раздѣляются на три школы соотвѣтственно тремъ родамъ тиранніи, которую предстояло тогда разрушать. Была школа собственно такъ называемыхъ философовъ, главою которой былъ Вольтеръ, затѣмъ школа политиковъ, которую основалъ Монтескье, и школа экономистовъ, представителемъ которой былъ Тюрго.

Изложить, какое участіе принимала въ общемъ дѣлѣ каждая изъ этихъ трехъ знаменитыхъ школъ, развивши при этомъ въ параллель съ ними противоположныя доктрины Жанъ-Жака, Мабли, Неккера,—это будетъ значить представить исторію революціи, какъ она происходила въ XVIII вѣкѣ въ головахъ мыслителей.

ГЛАВА I.

Война противъ церкви.—Тріумфъ индивидуализма въ философіи или раціонализмъ.

Вольтеръ.

Отношенія Вольтера къ народу, къ королямъ и духовенству.—Янсенисты стали конвульсіонерами, а іезуиты нетерпимыми; святотатства и скандалы.—Вольтеръ открываетъ нападеніе.—Паскаль и Декартъ помогаютъ ему.—Онъ приноситъ изъ Англіи ученіе объ ощущеніяхъ, благопріятное индивидуализму.—Статуя Кондильяка.—Дидро.—Что представляетъ въ политикѣ понятіе о Богѣ.—Ассоціація Дидро и д'Аламбера.—Энциклопедія.—Обѣды барона Гольбаха.—Школа раціонализма.—Фрере, Булланже и пр.; совершенная умственная анархія.—Бюффонъ.—Теорія Я Гельвеціуса.—Мизантропъ Мольера въ XVIII вѣкѣ: Жанъ-Жакъ Руссо; его борьба противъ философовъ индивидуализма.—Противоположная школа одерживаетъ верхъ.—Мыслящая Европа завоевана Вольтеромъ.—Фридрихъ философъ.—Фридрихъ испуганный Système de la Nature.—Паденіе іезуитовъ.—Въ свою очередь и янсенисты подверглись нападеніямъ.—Славная и всеобщая проповѣдь терпимости.—Тріумфъ раціонализма.

Реформація, какъ мы видѣли, ввела въ міръ принципъ индивидуализма; но у Лютера и Кальвина не доставало логики и смѣлости. Они ссылались на принципъ верховной власти разума только противъ Рима, но не противъ священнаго писанія. Они блѣднѣли при одной только мысли обсуждать чисто раціональнымъ образомъ Бога, существованіе души, безконечное, вѣчность. По ихъ мнѣнію никто не имѣлъ права углубляться въ вопросы, которые они считали разрѣшенными въ священныхъ книгахъ и истолкованными при свѣтѣ вѣры. Они, объявивши личность освобожденною, оставили однако на ней часть ея цѣпей; и достиг-

ши въ своемъ полетѣ извѣстныхъ высотъ, умъ человѣческій долженъ былъ сложить свои крылья.

Продолжатели, которыхъ XVIII вѣкъ далъ Лютеру, довели до самыхъ послѣднихъ границъ начатое дѣло. Отдавши на произволъ свободнаго изслѣдованія всю область религіи, они предоставили ему и область метафизики. На что Лютеръ отважился противъ отцовъ церкви, на то они отважились противъ самого Лютера, преклонявшагося предъ евангеліемъ.

Они самую безпредѣльность предоставили для полетовъ ума. Это экзальтированное уваженіе къ свободѣ ума внушило имъ терпимость. Они ни сколько не имѣли въ себѣ тѣхъ деспотическихъ замашекъ и той жестокой непослѣдовательности, которыя, какъ мы видѣли, столь отвратительно запятнали царствованіе Кальвина. Они были гуманны и неутомимы въ проповѣдываніи терпимости. Въ этомъ заключается ихъ слава. Что касается до ихъ культа ума, то потому, что разумъ раздѣляетъ, тогда какъ вѣра соединяетъ, они могли только помѣстить человѣка на кучѣ развалинъ, на вершинѣ которой мы видимъ его еще и теперь, твердо стоящаго и владѣющаго собою, но безпокойнаго и одинокаго.

Будемъ ли мы радоваться подобной моральной революціи или оплакивать ее, но несомнѣнно, что она имѣла несравненную важность. Поэтому нужно было казалось, чтобы во главѣ движенія произведшаго ее стояли мыслители съ необыкновенной гибкостью ума для того чтобы увлеченіе новыми идеями сдѣлать всеобщимъ; горячіе защитники гуманности, чтобы всякая благородная душа напередъ привѣтствовала ихъ тріумфъ; писатели съ необыкновенною плодовитостью для того чтобы у нихъ былъ большой кругъ читателей; непобѣдимые насмѣшники, чтобы передъ ними дрожало все; вожди партіи упорные и благоразумные, для того чтобы не было ни остановокъ въ нападеніи ни неискусныхъ нападеній; нужны были историки, поэты, метафизики, разсказчики, драматическіе авторы, романисты, публицисты, принятые за свой геній и славу въ знакомый кругъ королей; и наконецъ для того чтобы народы столь долго угнетаемые имѣли хоть то утѣшеніе, что тиранамъ ихъ отмстили сами же тираны, нужны были можетъ быть философы, боящіеся Анита и цикуты, до крайности хитрые, вкрадчивые, столь же искусные въ усыпленіи преслѣдованія, сколько готовые порицать его, способные на лицемѣріе, умѣвшіе соблазнять дворянство и льстить государямъ.... Въ XVIII вѣкѣ всѣхъ этихъ людей совмѣщалъ въ себѣ одинъ человѣкъ и имя его было Вольтеръ (Voltaire).

Вольтеръ! Можно ли поднять руку на этого великаго идола? Можетъ ли безъ безразсудства рѣшиться на это наслѣдникъ XVIII вѣка? Потому что дорога, по которой идутъ нынѣшнія поколѣнія, хороша ли

она или дурна, но проложена Вольтеромъ; и онъ былъ таковъ, что по любви или по ненависти, но всѣ заинтересованы въ его славѣ. Какая въ самомъ дѣлѣ судьба! быть въ теченіи 60 лѣтъ умомъ Европы, быть исторіей вѣка; писать и этимъ царствовать; заставить государей или гордиться тѣмъ, что они научились мыслить, или стыдиться того, что они только могущественны; изъ глубины занятаго и увлекательнаго уединенія держать на себѣ устремленные взоры народовъ, приводить въ движеніе ихъ обладателей, направить къ напередъ указанной цѣли блестящую толпу; обезславить преслѣдованіе и заставить его бояться; провозгласить терпимость; сражаться и побѣдить за гуманность; составить никогда не виданный заговоръ, сдѣлать врагами всѣхъ духовныхъ, а соучастниками всѣхъ государей; то, что Лютеръ потрясъ только порывами гнѣва, поразить со смѣхомъ, и жить счастливо.... вотъ какова была судьба Вольтера! Но, несмотря на это, мнѣ кажется слабостью и низостью умалчивать о томъ, что уменьшаетъ или пятнаетъ боготворимыя имена. Когда человѣкъ поднялся до такихъ высотъ въ исторіи, то онъ долженъ возвышать и свое сердце до уровня своей судьбы. Великіе люди не имѣютъ надобности во всѣхъ этихъ умалчиваніяхъ, которыя оскорбляютъ ихъ. Пусть представляютъ ихъ такими какъ создала ихъ природа и отъ этого дѣйствіе ихъ на человѣчество не потеряетъ ничего, имѣя свойство вещей непреходящихъ, вѣчныхъ. Почему намъ не сказать, что Вольтеръ могучею рукою помогалъ прогрессу, низвергая старую форму угнетенія и приближая такимъ образомъ часъ всеобщаго освобожденія, но что въ тоже время онъ по своимъ мнѣніямъ и своимъ инстинктамъ, по своей прямой цѣли былъ человѣкомъ буржуазіи и только буржуазіи. Если справедливо прославлять его за то, что онъ съ такимъ шумомъ низвергъ тиранію совершавшуюся путемъ авторитета, то также справедливо и порицать его за то, что онъ содѣйствовалъ утвержденію тираніи совершавшейся путемъ индивидуализма. Да наконецъ насъ меньше занимаетъ забота объ его памяти и славѣ, чѣмъ участь народа, которому онъ могъ бы лучше послужить. Геній заслуживаетъ, чтобы его привѣтствовали, но онъ долженъ терпѣть то, когда его судятъ. Въ мірѣ неприкосновенна только справедливость да истина.

Нѣтъ, Вольтеръ недостаточно любилъ народъ. Еслибы сняли нѣсколько тяжести съ бѣдствій столькихъ несчастныхъ тружениковъ, то Вольтеръ безъ всякаго сомнѣнія рукоплескалъ бы этому по гуманности, но его состраданіе не имѣло въ себѣ ничего дѣятельнаго и не вытекало изъ демократическаго чувства; это было состраданіе большаго барина, смѣшанное съ гордостью и презрѣніемъ. Разверните его корреспон-

денцію: аристократичность его отвращеній сказывается тамъ на каждой страницѣ: «никогда никому не приходило въ голову просвѣщать сапожниковъ и служанокъ [1]).»

«Мнѣ кажется, что этотъ Омеръ сильно презирается всѣми мыслящими людьми. Я признаю, что число ихъ не велико, но оно всегда будетъ почтенно. Это малое число составляетъ публику; остальное,— это чернь. Итакъ трудитесь для этой малой публики, не подвергая себя безумію большаго числа [2]).»

«Я рекомендую вамъ infame (суевѣріе). Нужно разрушить его у честныхъ людей и оставить только канальямъ [3]).»

«Тѣ, которые кричатъ противъ того, что называется роскошью, суть конечно бѣдняки въ дурномъ расположеніи духа [4]).»

«Наконецъ наше дѣло возьметъ перевѣсъ надъ ихнимъ въ хорошей компаніи [5]).»

«Вы совершенно правы, монсеньоръ, когда говорите, что женевцы неумны, и это происходитъ оттого, что народъ начинаетъ быть господиномъ [6]).»

«Разумъ восторжествуетъ по крайней мѣрѣ между порядочными людьми, такъ какъ канальи не созданы для него [7])» и пр. и пр.

Намъ было бы легко привести еще больше подобныхъ мѣстъ. Имѣть въ своемъ семействѣ сапожника—это былъ почти позоръ въ глазахъ Вольтера: «я прошу его пройти по улицѣ Лагарпа и справиться, нѣтъ ли тамъ сапожника родственника тому злодѣю (Ж. Б. Руссо), который находится въ Брюсселѣ и который хочетъ обезчестить меня [8]).»

Онъ смѣялся надъ Жанъ-Жакомъ, обращаясь къ торговцамъ гвоздями [9]); онъ, историкъ царя Петра, не могъ понять того, что авторъ Эмиля смотрѣлъ на обученіе столярству какъ на пополненіе философскаго воспитанія.

---

1) Correspondance de Voltaire, à d'Alembert, t. XXI, p. 191. Изданіе братьевъ Делангль. Парижъ, 1831.

2) Ibid., à Helvétius, t. XIII, p. 223.

3) Ibid., à Diderot, t. XIV, p. 448.

4) Ibid., au prince royal de Prusse, t. III, p. 3.

5) Ibid., à Helvétius, t. XV, p. 439.

6) Ibid., au duc de Richelieu, t. XVII, p. 239.

7) Ibid., à d'Alembert, t. IX, p. 475.

8) Ibid., à l'abbé Moussinot, t. III, p. 429.

9) Ibid., à d'Alembert, t. XIII, p. 12.

«Есть молодой человѣкъ, котораго нужно воспитывать, говоритъ онъ по поводу Руссо, и онъ дѣлаетъ изъ него столяра; вотъ сущность его книги [1])! и пр.»

«Я думаю, что мы не сойдемся съ вами въ пунктѣ о народѣ, который вы считаете стоющимъ того, чтобы его учить. Я же подъ народомъ понимаю людей, которые имѣютъ только руки для того, чтобы жить... Мнѣ кажется важнымъ, чтобы были невѣжественные нищіе. Если вы дадите цѣнность землѣ подобно мнѣ и если будете имѣть плуги, то мы съ вами будемъ одного мнѣнія. Нужно учить не рабочаго, а буржуа, городскаго жителя.... Когда народъ вмѣшивается съ своими разсужденіями, тогда все погибло [2]).»

Вотъ какимъ образомъ Вольтеръ относился въ непринужденныхъ заявленіяхъ и самихъ искреннихъ интимныхъ откровенностяхъ къ рабочимъ, къ тѣмъ, которые со стономъ несутъ иго цивилизаціи и ея несправедливости, къ народу.

Съ другой стороны извѣстно, до какой степени онъ унижался передъ знатными и какой ребяческой радости предавалась его суетность отъ милости дворовъ и какъ онъ любилъ украшать себя титуломъ камергера; извѣстно, что онъ составилъ Людовику XV панегирикъ, въ которомъ преувеличенная лесть доходила до скандала; что однажды, обращаясь къ этому королю, послѣднему изъ королей, онъ осмѣлился назвать его Траяномъ; что онъ былъ у гордаго Ришелье, героя развратныхъ и пышныхъ оргій и моднаго распутника, куртизаномъ и даже ближайшимъ домашнимъ человѣкомъ; что онъ воскликнулъ, говоря о Екатеринѣ, русской императрицѣ: «я екатеринистъ и умру екатеринистомъ [3]);» что онъ былъ у ногъ фаворитокъ, даже у той изъ нихъ, которая воспитана была въ публичномъ домѣ для удовольствій государя и которая получивши королевскую власть обезславила ея агонію; что наконецъ онъ писалъ Фридриху, королю прусскому: «вы созданы для того, чтобы быть моимъ королемъ.... прелесть человѣческаго рода [4]).»

«Я мечтаю о моемъ принцѣ, какъ мечтаютъ о любовницѣ [5]).»

---

[1]) Ibid., à M. le marquis d'Argence de Dirac, t. XV, p. 274.

[2]) Lettre à Damilaville (1 апрѣля 1766).—Correspondance générale de Voltaire, t. XIV, p. 57. Изданіе Обре. Парижъ, 1831.

[3]) Ibid., à Catherine II, t. XXIII, p. 18.

[4]) Ibid., à Frédéric, prince royal de Prusse, t. III, p. 58.

[5]) Ibid., à Frédéric, prince royal de Prusse, t. V, p. 101.

«Еслибы вы знали, что ваше сочиненіе («Анти-Маккіавелли») выше сочиненія Макіавелли [1])!»

«Я ожидаю здѣсь моего господина [2]).»—«Я посылаю моему обожаемому господину «Антимакіавелли» [3]).»

«Вы сдѣлали то, что дѣлалъ аѳинскій народъ. Вы одинъ стоите всего этого народа [4]).»

«Ваше величество, вы сдѣлали изъ себя человѣка [5]).»

«Принцъ, которому я принадлежу [6]), и пр. и пр.»

Были ли разсчитанны или искренни эти льстивыя выраженія, но во всякомъ случаѣ въ нихъ не было достоинства; и Вольтеръ никогда бы не унизился до такой степени, еслибы имѣлъ ту благородную гордость, которая почерпается изъ чувства равенства. Но рожденный внѣ высшаго круга съ угодливой натурой, онъ съ самаго вступленія своего въ дѣятельную жизнь очутился среди Вандомовъ, Ришелье, Конти, Лафоровъ, Шолье; и въ этомъ кругѣ, гдѣ искусство куртизана изучается въ школѣ хорошаго вкуса, онъ потерялъ все, что составляетъ гордый характеръ и мужественную душу. Поэтому республики представлялись ему въ исторіи только своей кровавой стороной [7]). Равенство, по его мнѣнію, осуществлялось тѣмъ, что Богъ какъ для монарха, такъ и для нищаго поставилъ рядомъ и горе и радость [8]). Что касается привилегій рожденія, то онъ, бывшій поперемѣнно или ихъ обличителемъ или ихъ рабомъ, нападалъ на нихъ съ высоты сцены очень извѣстными стихами; но вдали отъ толпы, вдали отъ партера и когда онъ не имѣлъ въ виду, что слова его будутъ имѣть отголоскъ, сынъ нотаріуса Аруэ съ удовольствіемъ вспоминалъ, что по Маргеритѣ Омаръ, своей матери, онъ принадлежалъ къ благородной расѣ и писалъ: «Когда меня упрекаютъ, что я напрасно присвоиваю себѣ титулъ камергера короля Франціи, то не заставляютъ ли меня сказать, что, никогда не украшая себя никакимъ титуломъ, я однако имѣю честь занимать это мѣсто, какое пожаловалъ мнѣ его величество король, мой государь? Когда на меня нападаютъ за мое происхожденіе, то не обязанъ ли я для своего семейства отвѣтить, что я родился равнымъ

---

1) Ibid., à Frédéric, prince roi de Prusse, t. V, p. 199.
2) Ibid., t. V, p. 244.
3) Ibid., t. V, p. 254.
4) Ibid., t. VII, p. 3.
5) Ibid., t. V, p. 171.
6) Ibid., t. IX, p. 432.
7) Ibid., à M. le Chevalier de R...x, t. XII, p. 262.
8) Ibid., à M. Thiériot, t. IV, p. 39.

тѣмъ, которые занимаютъ такое же мѣсто какъ и я, и что если я говорю объ этомъ предметѣ съ приличною скромностью, то только потому, что это же мѣсто занимали нѣкогда Монморанси и Шатильоны [1])?»

Невозможно, чтобы человѣкъ способный говорить подобнымъ языкомъ не былъ преданъ культу королевской власти. Но Вольтеръ вносилъ въ него преувеличеніе, которое трудно даже понять. Онъ писалъ Фридриху: «я бы желалъ, чтобы были брошены на дно морское всѣ исторіи, которыя повѣствуютъ намъ только о преступленіяхъ и неистовствахъ королей [2]).» И нужно замѣтить, что въ этомъ пунктѣ король опровергалъ Вольтера [3]).

Но Вольтеръ не разубѣдился въ этомъ. Онъ далъ на этотъ счетъ правило и самъ представилъ примѣръ на него. Онъ не забылъ своей странной системы объ обязанностяхъ историка ни въ Siècle de Louis XIV, ни въ Siècle de Louis XV, ни въ Histoire de Charles XII, ни въ исторіи русскаго царя Петра. Онъ забылъ эту систему только тогда, когда въ своихъ мемуарахъ ему приходилось мстить за себя Фридриху: какъ непослѣдовательна страсть!

Такимъ образомъ Вольтеръ не былъ способенъ къ тому, чтобы искать въ политической и соціальной революціи блага народу. Онъ даже и не думалъ о томъ, чтобы измѣнять смѣло и глубоко матеріальныя условія государства и общества и началъ заниматься этимъ только въ концѣ своей карьеры по поводу тѣхъ громкихъ возгласовъ, которые исходили отъ Дидро, Гольбаха и Рейналя. Въ 6950 письмахъ, составляющихъ его корреспонденцію, въ большей части его сочиненій васъ поражаетъ это отсутствіе политическихъ заботъ. Онъ едвали даже вѣрилъ въ возможность обширнаго обновленія міра. Объ этомъ можно судить по письму, написанному къ Бастиду въ 1760 г. меньше чѣмъ за 30 лѣтъ до революціи. Представивши въ поразительной картинѣ тѣхъ, которые обработываютъ землю въ голодѣ, и тѣхъ, которые ничего не производятъ въ роскоши, дрожащихъ вассаловъ не осмѣливающихся освободить свои домы отъ дикаго кабана, который ихъ пожираетъ, большихъ собственниковъ, которые присвоиваютъ себѣ даже летающую птицу и плавающую рыбу, онъ воскликнулъ: «вотъ картина міра почти во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ и вы, вы моралисты, хотите измѣнить ее; вотъ ваше безуміе....! Въ мірѣ всегда все пойдетъ такъ, какъ идетъ теперь [4]).»

---

[1]) Correspondance de Voltaire, à M. Koenig, t. VIII, p. 203.

[2]) Ibid., à Frédéric, t. III, p. 276.

[3]) Ibid., Frédéric à Voltaire, t. III, p. 309.

[4]) Ibid., à M. de Bastide, t. XII, p. 377.

А можетъ быть это былъ просто припадокъ печальной меланхоліи? Нѣтъ; и нужно прибавить къ этому, что такова была общая тенденція умовъ въ теченіи значительной части XVIII вѣка—пренебрегать вопросами политическими и соціальными для самыхъ отвлеченныхъ проблемъ метафизики. Мы укажемъ время, когда это перестало быть такъ. Но это торжественное время удивило Вольтера и заставило его дрожать. Подобно Лютеру, онъ долго не могъ открыть той покатости, которая ведетъ отъ злоупотребленій религіозныхъ къ злоупотребленіямъ политическимъ, отъ спекулятивной философіи къ матеріальному преобразованію общества, отъ волненія мнѣній къ бурному движенію интересовъ. Итакъ намъ остается только прослѣдить за нимъ сначала въ его борьбѣ противъ власти духовенства, а потомъ въ его усиліяхъ возвысить человѣческое существо, изолировавши его.

Нельзя было потрясти власть священниковъ, не отдѣливши первоначально ихъ дѣло отъ дѣла королей. Къ этому естественно и приведенъ былъ Вольтеръ и это было первое употребленное имъ средство. Продолжительное и неумолимое соперничество между папами и цезарями; императоръ Генрихъ IV на колѣняхъ передъ Григорьемъ VII; множество междоусубныхъ войнъ порожденныхъ религіознымъ фанатизмомъ; множество возмущеній, вызванныхъ проповѣдью со ступенекъ алтаря; примѣры королевскихъ дѣтей осужденныхъ инквизиціей; исторіи духовниковъ становившихся болѣе сильными чѣмъ фаворитки и завладѣвавшихъ властью государей вмѣстѣ съ ихъ душою, захватывавшихъ землю во имя неба и управлявшихъ королевствами; дѣятельность іезуитовъ во время 30-ти лѣтней войны; лига; монахи цареубійцы..... вотъ сколько рессурсовъ представляла исторія для плана нападенія, задуманнаго Вольтеромъ! Онъ собралъ ихъ и пустилъ въ дѣло со страшнымъ искусствомъ. Въ письмѣ къ Фридриху, который тогда былъ еще только королевскимъ принцемъ Пруссіи, онъ писалъ: «Если большая часть королей покровительствовали фанатизму въ своихъ государствахъ, то только потому, что они были невѣжественны, что они не знали, что священники составляютъ ихъ наибольшихъ враговъ. Въ самомъ дѣлѣ представляетъ ли исторія міра хоть одинъ примѣръ, когда бы духовенство поддерживало согласіе между государями и ихъ подданными? Напротивъ не видимъ ли мы повсюду, какъ священники поднимали знамя раздора и бунта? Не пресвитеріане ли въ Шотландіи начали эту несчастную междоусобную войну, которая стоила жизни Карлу I, королю, который былъ честнымъ человѣкомъ? Не монахъ ли убилъ Генриха III, короля французскаго? Не наполнена ли Европа и до сихъ поръ слѣдами честолюбія духовенства? Епископы, ставшіе государями и по-

томъ вашими сотоварищами по курфиршеству, не представляютъ ли доказательство этого [1])?»

Съ другой стороны Вольтеръ старался доказать, что философы были естественными союзниками королей. Онъ, дерзавшій на все противъ священнической власти, горѣлъ величайшимъ негодованіемъ противъ «презрѣннаго человѣка настолько глупаго, чтобы составлять бунтъ противъ короля.» Можно думать, что еслибы онъ засѣдалъ въ конвентѣ, то горячо сопротивлялся бы осужденію Людовика XVI, онъ, который когда его обвиняли за то, что онъ защищаетъ осужденіе Карла I, оправдывался въ такихъ выраженіяхъ: «Итакъ гдѣ же я защищалъ эту вопіющую несправедливость.... Я сейчасъ просматривалъ книгу (Lettres sur les Anglais), гдѣ говорится объ этомъ убійствѣ тѣмъ болѣе ужасномъ, что для совершенія его мечъ былъ заимствованъ у законодательной власти. Я нахожу, что тамъ это убійство сравнивается съ преступленіемъ Равальяка и Клемана и съ еще болѣе ужаснымъ преступленіемъ того священника, который даже воспользовался тѣломъ Іисуса Христа во время причащенія, чтобы отравить Генриха VII. Ужели это значитъ оправдывать убійство Карла I [2])?» Это желаніе утвердить между философіей и королевской властью тѣсный и прочный союзъ было столь велико у Вольтера, что выраженіе его мы весьма часто встрѣчаемъ подъ его перомъ: «чтобы быть добрымъ христіаниномъ, должно уважать, любить своего государя и служить ему [3]).»

«Философы служатъ Богу и королю [4]).»

«Всѣ буллы въ мірѣ не стоятъ груди и печени единственнаго сына короля Франціи (сказано по поводу болѣзни дофина) [5]).»

«Философы требуютъ только спокойствія и нѣтъ ни одного теолога, который бы не хотѣлъ быть правителемъ государства [6]).»

Такимъ образомъ по примѣру Лютера, по примѣру Кальвина Вольтеръ проповѣдывалъ въ одно время и возстаніе противъ духовной власти и покорность свѣтскимъ властямъ. Революціонеръ въ религіи, онъ вовсе не думалъ быть революціонеромъ въ политикѣ, и совершенно искренно упорствовалъ въ этой непослѣдовательности, столь полезной кромѣ того для его проэктовъ; потому что передъ своими друзь-

---

1) Correspondance de Voltaire, à Frédéric, t. III, p. 134.
2) Ibid., à l'abbé Prévot, t. III, p. 489 et 490.
3) Ibid., à M. le marquis Albergati Capacelli V, t. XII, p. 481.
4) Ibid., à Helvétius, t. XII, p. 5.
5) Ibid., à Damilaville, t. XVIII, p. 68.
6) Ibid., au prince royal de Prusse, t. III, p. 78.

ями, передъ своими адептами, передъ повѣренными своихъ мыслей самыхъ задушевныхъ онъ всегда говорилъ объ этомъ предметѣ тоже, что и передъ королями. Онъ писалъ д'Аламберу: «даже не подозрѣвали, чтобы дѣло королей могло быть дѣломъ философовъ; однакоже очевидно, что мудрецы не допускающіе двухъ силъ суть первыя опоры королевской власти [1].»

Планъ былъ точно начертанъ, и ему помогла исторія. Вольтеръ имѣлъ то рѣдкое счастье, что его идеямъ всегда служили событія. Въ то время, какъ онъ думалъ для своего вѣка, его вѣкъ дѣйствовалъ для него; и напр., въ то самое время какъ онъ убѣждалъ государей остерегаться теологовъ, они своимъ властолюбивымъ фанатизмомъ и своими продѣлками вызвали охватившую Парижъ теологическую войну.

Эта война была мрачна и яростна; она сообщила страстямъ движеніе, которое не должно было остановиться; она покрыла религіозныя партіи смѣхомъ и позоромъ; она привела королей въ безпокойство въ смыслѣ проэктовъ Вольтера; она развязала во Франціи гнѣвъ неизбѣжной подземной литературы; и заставивъ королевскую власть схватиться съ парламентской властью, она ускорила революцію, въ которой погибли и та и другая.

Мы уже говорили о нравахъ высшаго духовенства, о его свѣтской пышности, о его богатствѣ, о той горячности, съ какою оно защищало неприкосновенность своихъ богатствъ, въ то время какъ народъ вздыхалъ подъ тяжестью общественныхъ повинностей; мы показали, какія страсти волновались подъ пурпуровыми римскими мантіями и какими скандалами она скомпрометировала во Франціи судьбу религіи. Но благочестіе долгое время сохранялось среди низшаго клира, янсенистами; долгое время они брали на себя славное дѣло чтить свои вѣрованія строгостью своей жизни; и когда Флери, сдѣлавшись министромъ, рѣшился преслѣдовать ихъ чтобы пріобрѣсти расположеніе Рима, то они, опираясь на общественное мнѣніе, вовлекли въ свой споръ парламентъ и обнаружили твердость духа, достойную Сенъ-Сирана, Николая и Антонія Арнольда. Вдругъ разнеслось извѣстіе, что одинъ святой человѣкъ, діаконъ, по имени Пари, умеръ и скоро послѣ этого молодая дѣвица при гробѣ блаженнаго получила странныя сверхъестественныя конвульсіи. Тотчасъ же янсенисты пробудились какъ бы отъ тяжелаго сна. Ихъ мрачное благочестіе, экзальтированное воспоминаніемъ о предшествовавшихъ гоненіяхъ и несчастіяхъ, рѣшается попытать счастья въ

---

[1]) Correspondance de Voltaire, à d'Alembert, t. VIII, p. 18.

чудесахъ. Зараза передается отъ одного къ другому, она поражаетъ больныя или ослабѣвшія головы, завладѣваетъ энтузіастическими душами, привлекаетъ къ себѣ плутовъ. Это было настоящее опьянѣніе. Сцены попеременно ужасныя и сладострастныя происходили въ убѣжищѣ мертвыхъ. Женщины въ легкихъ и слишкомъ свободныхъ костюмахъ [1]) приходили на гробъ дрожать какъ античныя сибиллы на треножникѣ! Это были таинственныя и символическія рѣчи, экстазы, воззванія къ духу Божію. Однѣ изъ нихъ заставляли поднимать себя веревками за ноги, трясти своими головами съ распущенными волосами и отъ ярости переходили къ неподвижной печали; другія, призывая жалостнымъ и нѣжнымъ голосомъ секуриста [2]), требовали, чтобы тотъ ходилъ по ихъ тѣлу, принимали непристойныя положенія, изливали меланхолическія пророчества или пѣли неизвѣстныя мелодіи [3]). Это знаки свыше! говорили янсенисты, и эти кривлянья, оскорблявшія и умъ и стыдливость, они называли небесными чудесами: нѣтъ никакого сомнѣнія, что Богъ хотѣлъ явить неисповѣдимое величіе своихъ намѣреній относительно церкви; скоро явится пророкъ Илія [4]). И подобныя безобразія совершались въ XVIII вѣкѣ послѣ сатурналій регентства, среди фрондирующаго народа! Напрасно приказано было запереть кладбище Сенъ-Медара, первое мѣсто ажитаціи, число конвульсіонеровъ только увеличивалось. Унося съ собою землю отъ святаго гроба, они распространились по Парижу, невѣрующему, но удивленному. Въ каждомъ кварталѣ происходили мрачныя и тайныя собранія, о которыхъ нѣкоторые говорили съ презрѣніемъ, другіе съ ужасомъ, почти всѣ съ удивленіемъ. Въ одномъ мѣстѣ конвульсіонеры единственно силою вѣры устояли противъ ударовъ копьемъ или саблею; въ другомъ повѣшенные на крестъ они побѣждали боль и самую смерть. Приводили и могли привести неоспоримые факты, въ которыхъ ясно обнаруживалась сила души, ужасно волнуемой въ слабыхъ организмахъ. Конвульсіонеры говорили, что ихъ жгетъ прикосновеніе костей и камней взятыхъ изъ раз-

---

[1]) Examen critique, physique et théologique des convulsions, p. 18.

[2]) Это имя давалось лицамъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы помогать конвульсіонерамъ, нанося имъ удары или попирая ихъ ногами, смотря по желанію самихъ конвульсіонеровъ.

[3]) Де-Ланъ, докторъ, Dissertation théologique contre des convulsions, par. II, p. 70. 1733.

[4]) Examen critique, physique et théologique des convulsions, p. 17.

валинъ Поръ-Ройяля [1]). Но сколько молодыхъ дѣвицъ повторяли будто-бы трагедію Голгофы, тогда какъ на дѣлѣ онѣ дрожали отъ горячности любви [2])! Для сколькихъ предвидѣніе будущаго было только рессурсомъ бѣдности, средствомъ обезпечить настоящее! И однакоже случалось, что люди зрѣлые опытомъ, лица почтенныя, извѣстные писатели, судебные чиновники бывали тронуты зрѣлищами, неприличіе которыхъ имѣло библейскій оттѣнокъ и напоминало умамъ настроеннымъ благочестиво то сонъ Ноя, то бурную радость Давида или же наготу Саула катавшагося по песку [3]).

Такимъ образомъ Поръ-Ройяль, его строгость, его добродѣтели выродились въ сцены, гдѣ искусныя уловки смѣшивались съ жаждою острыхъ удовольствій; то легковѣріе, которое въ Николѣ было только преувеличеніемъ ревности, а въ Паскалѣ высшей меланхоліей, перешло въ подозрительный мистицизмъ; теологія явно унижала свое собственное царство, уже угрожаемое революціей, которая уже начиналась; и жертвы обреченныя Вольтеру бѣжали сами къ этому королю геніевъ насмѣшниковъ.

Какъ все содѣйствуетъ революціямъ, когда приближается день ихъ! Въ то время какъ янсенисты дѣлались конвульсіонерами, іезуиты стали нетерпимыми до скандала. Кажется какъ будто различные представители религіозной идеи соревновали другъ другу въ томъ, чтобы волновать государство.

Когда въ 1749 г. духовенство возстало противъ эдикта, которымъ Машо, министръ философъ, облагалъ податями церковныя имущества, то въ этомъ не было ничего удивительнаго: отказываясь помогать общественнымъ нуждамъ на основаніяхъ равенства, епископы оставались вѣрными своимъ давнимъ обычаямъ. Но они не ограничились гордымъ отказомъ. Заявивши въ своихъ представленіяхъ 24 августа 1749 [4]), обсужденныхъ въ общемъ собраніи, что служители Бога должны давать только добровольныя приношенія; что ихъ неприкосновенность въ дѣлѣ налоговъ составляетъ часть монархической конституціи; что подвер-

1) Troisième lettre sur l'oeuvre des convulsions, 1 trait, t. VII по порядку общаго сборника.

2) Докторъ Геке, Naturalisme des convulsions, p. 119, 170, 183 и пр. Солеръ, 1733.

3) Plan général de l'oeuvre des convulsions, p. VII, въ LVIII томѣ сборника.

4) Приведены вполнѣ во введеніи къ Fastes de la Révolution française, Марраста и Дюпона.

гая налогу служителей церкви унижаютъ ихъ и ставятъ наравнѣ съ другими податными сословіями,—духовенство составило смѣлый проэктъ устранить опасности такого упорнаго отказа, возбудивши религіозные споры, такъ чтобы совершенно занять ими парламентъ, дворъ и общественное мнѣніе. Тогда-то архіепископъ парижскій и іезуиты снова взялись за эту уже слишкомъ извѣстную буллу Unigenitus, зажигательную искру раздоровъ брошенную во Францію съ высоты Ватикана; тогда-то обязательное принятіе буллы сдѣлалось настоящимъ сигналомъ войны и какъ-бы реакціей чудесамъ или непристойностямъ янсенизма. Безъ свидѣтельства объ исповѣди, удостовѣряющаго въ предписанномъ принятіи буллы, не совершали никакихъ таинствъ, не давали паспортовъ для путешествія на небо. Янсенисты пришли въ негодованіе, парламентъ загремѣлъ; но іезуиты только и ожидали этого и сопротивленіе только воспламенило ревность Христофа Бомона, прелата одареннаго бурными добродѣтелями, священника рожденнаго для того, чтобы быть или преслѣдователемъ или мученикомъ. Поэтому раздоръ былъ необыкновенный. Священники подвергавшіеся запрещенію отъ архіепископа, если они совершали таинство надъ тѣми, которые не имѣли свидѣтельства объ исповѣди, и осужденные приговоромъ парламента, если они отказывались совершать ихъ; умирающіе тщетно умолявшіе о послѣднемъ утѣшеніи; тысячи людей собиравшихся у дверей церковныхъ вокругъ покойниковъ ожидавшихъ погребенія; священники убѣгавшіе и уносившіе съ собою ключъ отъ дарохранительницы [1]); всѣ семейства приведенныя въ страхъ на счетъ своихъ вѣрованій; елеосвященіе совершаемое уже не въ силу власти Богочеловѣка, но по приговору трибуналовъ [2]); св. дары носимые какъ знамя возстанія; фанатизмъ стоявшій между мертвыми и гробомъ открытымъ для принятія ихъ,—вотъ картина религіознаго Парижа въ XVIII вѣкѣ. Духовенство конечно спасло свои имущества; но спасло ли свой авторитетъ?

Его авторитетъ получилъ тысячи смертельныхъ ударовъ. Въ то время какъ знаменитая брошюра, изданная подъ скромнымъ заглавіемъ «Писемъ», подрывала церковныя привилегіи, одинъ памфлетъ рѣзко упрекалъ нѣкоторыхъ проповѣдниковъ смиренныхъ добродѣтелей евангелія за ихъ лошадей, за ихъ экипажи, дворцы, за ихъ золотую посу-

1) Сулави, Hist. de la décadence de la monarchie française, t. III, p. 161.

2) См. объ этомъ предметѣ Mémoires ecclésiastiques аббата Пико, t. II, p. 220, 234 и слѣд.

ду, великолѣпные сады, за ихъ прелюбодѣянія [1]). Въ тоже время внутри домовъ, въ дровяныхъ дворахъ, внутри судовъ на Сенѣ, вездѣ наконецъ, гдѣ можно было избѣжать взглядовъ гнѣвной власти, печатались Nouvelles ecclésiastiques, страшное отравленное оружіе, которымъ янсенисты тайно работали съ необыкновеннымъ искусствомъ. Эти листки писавшіеся теологами противъ теологовъ, священниками противъ священниковъ, распространяемые ненавистью, получили такую публичность, которой уже ничто не могло сдержать; они расходились свободно, благодаря остроумнымъ и безчисленнымъ выдумкамъ; они были приклеиваемы на стѣнахъ дѣтьми спрятанными въ корзинахъ, которыя женщины носили на спинахъ [2]); лейтенантъ полиціи Геро подвергся униженію тѣмъ, что экземпляры листковъ были положены къ нему въ экипажъ; они проникали во дворъ; они наводнили городъ... А философы рукоплескали этому, потому что имъ и только имъ однимъ должны были принести пользу удары, наносимые съ той и другой стороны.

Притомъ глава ихъ уже началъ нападеніе, столь горячо провозглашонное ѣдкостями Фонтенеля и «Персидскими письмами» Монтескье.

Вольтеръ, подло оскорбленный въ 1726 г. знатнымъ сеньоромъ, у котораго онъ напрасно требовалъ удовлетворенія и который вмѣсто всякаго отвѣта приказалъ посадить его въ Бастилію, освободился изъ тюрьмы только путемъ ссылки и нашолъ въ Лондонѣ убѣжище, свободу писать, друзей. На дачѣ лорда Болингброка, котораго посѣщали Попе и Свифтъ, онъ видѣлъ вмѣстѣ всѣхъ смѣлыхъ мыслителей Англіи; онъ слышалъ здѣсь сарказмы ученаго невѣрія; откровеніе здѣсь отрицалось, теологія подвергалась презрѣнію и даже метафизика считалась безполезною тратою времени; въ этомъ кругѣ вѣрили въ существованіе Бога, но Бога не откровеннаго, недоступнаго, желаніе понять котораго есть безуміе, требовали, чтобы человѣкъ слился съ природою, успокоиваясь тою мыслью, что все хорошо что существуетъ [3]). Здѣсь-то Вольтеръ почерпнулъ тотъ эпикурейскій деизмъ, который онъ перенесъ потомъ къ французамъ, украсивши, смягчивши и проповѣдуя его съ изяществомъ и вкусомъ, но безъ преувеличеннаго оптимизма,— потому что Вольтеръ напишетъ впослѣдствіи «Кандида».—Съ другой

---

[1]) Этотъ памфлетъ былъ изданъ подъ заглавіемъ Remonstrances du second ordre du clergé, au sujet du Vingtiéme.

[2]) Дюлоръ, Histoire de Paris, sous Louis XV, p. 139.

[3]) Опытъ о человѣкѣ, I, с. 22 по французскому переводу. Извѣстно, что это сочиненіе внушено было Попе Болингброкомъ, его другомъ.

стороны онъ читалъ книги мудреца Локка, «единственнаго философа, который научилъ человѣческій духъ познавать себя [1])», и безъ труда сдѣлался приверженцемъ возобновленной доктрины Аристотеля, что наши идеи происходятъ отъ чувствъ. Восторженный пріемъ, оказанный англичанами Генріадѣ, эпопеѣ свободы совѣсти, еще болѣе утвердилъ его въ его намѣреніи убить фанатизмъ.

Такимъ образомъ возвратившись во Францію, Вольтеръ принесъ съ собою воспитаніе, какое дала ему Англія: его религіей былъ деизмъ, его философіей ощущеніе, его моралью терпимость. Ниспроверженіе христіанства было его цѣлью.

Кромѣ того въ обстоятельствахъ своей частной жизни онъ также могъ найти мотивы этого нападенія. Священники когда-то отказали въ погребеніи бѣдной актрисѣ, Федрѣ, которую онъ нѣжно любилъ, дѣвицѣ Лекуврёръ. Кромѣ того онъ лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ обманы конвульсіонеровъ, такъ какъ братъ его, Арманъ Аруэ, набралъ себѣ цѣлый сераль изъ самыхъ красивыхъ конвульсіонерокъ [2]). Но біографическими подробностями нельзя объяснять дѣйствія людей такого закала какъ Вольтеръ. Здѣсь для объясненія одного человѣка нужна исторія цѣлаго вѣка. Пришло время и Вольтеръ разразился «Англійскими письмами» [3]).

Эти письма были настоящей умственной революціей: парламентъ приказалъ сжечь ихъ рукою палача и книгопродавецъ Жоръ потерялъ право на торговлю. Но толчокъ былъ данъ. Вольтеръ смѣялся надъ парламентомъ, который также осудилъ рвотное, тогда какъ оно было цѣлительно для совѣтниковъ большой палаты [4]); и убѣжавши въ замокъ Сирей къ маркизѣ Шателе, принялся оттачивать новое оружіе.

Однако область христіанства охранялась великою тѣнью Паскаля и нужно было устранить ее, чтобы вести дѣло дальше. Поэтому Вольтеръ рѣшился сначала поколебать славу Паскаля.

Чтобы доказать истину христіанства, авторъ «Мыслей» прибѣгъ къ системѣ, которая имѣла внушающую высоту. Онъ представилъ

---

1) Dictionnaire philosophique, t. VI, статья Луккъ.

2) Примѣчаніе Кложансона къ письму Вольтера къ аббату Муссино, Correspondance, t. III, p. 232.

3) Они болѣе извѣстны подъ именемъ «Философскихъ писемъ». Вошедшіе въ составъ Dictionnaire philosophique, они уже не существуютъ какъ отдѣльное сочиненіе. Бешо одинъ сохранилъ ихъ въ своемъ большомъ изданіи (см. Кераръ).

4) Correspondance de Voltaire, t. II, p. 54.

христіанство какъ единственную религію, которая можетъ объяснить то, что есть въ натурѣ человѣческой высокаго и низкаго.

Человѣкъ по мнѣнію Паскаля съ одной стороны представляетъ только безуміе и развращеніе: онъ обремененъ скукой, столь же неспособенъ къ счастію какъ и къ знанію, употребляетъ тѣ немногіе дни, которые даны ему, на преслѣдованіе фантомовъ, нетерпѣливъ въ своихъ радостяхъ также какъ и въ скорбяхъ, постоянно его мучитъ желаніе забыться; въ порывахъ своего честолюбія и въ шумѣ своихъ праздниковъ онъ ищетъ только средствъ избавиться отъ самого себя и избѣжать тишины своего сердца.

Но съ другой стороны Паскаль не могъ удержаться отъ удивленія передъ этимъ существомъ, которое онъ такъ жестоко унизилъ. Потому что наконецъ человѣкъ происходитъ отъ Бога, потому что онъ имѣетъ идею объ немъ. Правда, его ноги привязаны къ землѣ грубыми связями; но подождите немного и вотъ онъ поднимается до самой высшей области звѣздъ, вотъ онъ уже стоитъ въ центрѣ усыпленныхъ міровъ. Не удивляйтесь, если онъ зная, что умретъ черезъ часъ, всетаки сохраняетъ спокойный и гордый видъ; въ то время когда сколачиваютъ доски его гроба, его занимаетъ безсмертіе. Онъ никогда не можетъ открыть первую причину и начало; но постоянно дѣлаетъ попытки къ этому; и если его слабость обнаруживается постоянною безплодностью его усилій, то его превосходство выступаетъ еще рѣзче въ его неистощимой смѣлости и его неукротимыхъ желаніяхъ. Онъ любитъ, онъ желаетъ, онъ надѣется и эта способность надѣяться есть опроверженіе вѣры въ ничто.

Какимъ образомъ объяснить такое величіе, соединенное съ такою низостью? Почему безконечное привлекаетъ нашу мысль, тогда какъ оно можетъ только угнетать ее и наполнять ужасомъ? Если мы только блуждающіе атомы въ подвижной безпредѣльности небесъ, то откуда же у насъ это непреодолимое желаніе утвердить вокругъ насъ то, что насъ увлекаетъ, и обнять то, что насъ поглощаетъ? На эти торжественные вопросы Паскаль не нашолъ другаго отвѣта кромѣ извѣстной гипотезы о первобытной невинности человѣка и его паденіи и, принимая догматъ о первородномъ грѣхѣ, точку исхода христіанства, онъ воскликнулъ: «безъ этой тайны самой непостижимой изъ всѣхъ мы сами оставались бы для себя непостижимыми [1])».

---

1) Pensées de Pascal, § 3, p. 37. Изд. 1671 г.

Конечно это былъ геніальный пріемъ выводить истину христіанской религіи изъ того, что только она одна можетъ объяснить человѣка, его внутреннюю натуру, его величіе, его презрѣнность и удивительные контрасты замѣчаемые въ немъ. И какова глубина въ этомъ языкѣ, обращенномъ къ невѣрующимъ: да, конечно есть что-то мрачное и страшное въ догматѣ, который представляетъ намъ падшею всю человѣческую расу въ наказаніе за вину сдѣланную первымъ человѣкомъ; но еслибы у насъ не было этого вѣрованія, то нашъ умъ блуждалъ бы среди еще большаго мрака. Потому что тогда мы сами становимся страшною и высшею тайной.

Этимъ доказательствамъ столь высокой важности, можно даже сказать эпической важности, Вольтеръ противопоставилъ ту ѣдкую насмѣшку и тотъ побѣдоносный здравый смыслъ, которые составляли его геній. Какъ! человѣкъ былъ бы непонятенъ безъ непонятной тайны [1])! Какъ! превращаютъ въ объясненіе то, что само сильно нуждается въ объясненіи! Объясненіе мнимыхъ противорѣчій въ человѣческой натурѣ вовсе не было дѣломъ религіи и вовсе не доказываетъ ея истины. Да кромѣ того какое же преимущество въ этомъ отношеніи имѣетъ христіанская религія надъ древнимъ миѳомъ о Прометеѣ и Пандорѣ, надъ Андрогинами Платона, надъ догматами древнихъ египтянъ или надъ догматами Зороастра [2])?

Такимъ образомъ Вольтеръ прослѣдилъ шагъ за шагомъ доказательства знаменитаго защитника христіанства. Еслибы Паскаль жилъ во время Вольтера, то можно себѣ вообразить, какое великолѣпное зрѣлище представила бы міру борьба этихъ двухъ великихъ умовъ! Но Вольтеръ нападалъ на генія, пребывавшаго уже въ вѣчномъ молчаніи. Онъ смѣялся передъ гробомъ.

И кромѣ того нужно сказать правду, Паскаль, увлекаемый ужасомъ, какой внушало ему сомнѣніе, доходилъ до положеній слишкомъ жестокихъ для того чтобы быть истинными. Печальный продолжатель Кальвина и Янсенія, онъ также начерталъ своимъ желѣзнымъ стилемъ ихъ безотрадную доктрину. Но не будемъ осуждать его за его приверженность къ янсенизму, которая была горькимъ плодомъ его отчаянія. Желаніе знать все было его болѣзнью; онъ и умеръ отъ нея.

---

[1]) Remarques sur les Pensées de Pascal, t. XL полнаго собранія сочиненій Вольтера, изд. 1785 г.

[2]) Ibid., p. 373.

Жадный до несомнѣнности онъ обращался къ внѣшнимъ чувствамъ, къ чувствованіямъ, къ разуму; и въ этихъ трехъ столь прославленныхъ источникахъ нашихъ познаній онъ находилъ только ложныя сужденія, подозрительныя свидѣтельства, измѣнчивыя и противорѣчивыя впечатлѣнія. Подобно Архимеду требовавшему точки опоры, для того чтобы поднять земной шаръ, Паскаль требовалъ такой же опоры, чтобы поднять нематеріальный міръ, и рычагъ, который вращала вокругъ сильная его рука, встрѣчалъ вездѣ только пустоту. Тогда, убѣдившись въ безсиліи разума, онъ усиливался вѣровать, вѣровать наподобіе идіотовъ или дѣтей. Ему нравилось быть приниженнымъ и малымъ; его утѣшеніемъ было забвеніе себя; но вѣра не дала ему покоя, въ которомъ отказалъ ему разумъ. Да дѣйствительно ли несомнѣнна сама религія? Но будемъ вѣрить; это по крайней мѣрѣ менѣе опасно, чѣмъ не вѣрить! Такова была, на половину даже выданная въ его книгѣ, интимная и постоянная мысль этого великаго погибавшаго человѣка. Онъ не могъ ни сомнѣваться ни вѣрить: двойная и суровая невозможность, которою объясняется все то, что кажется въ немъ возвышеннымъ и дѣтскимъ. Дѣтское въ Паскалѣ... можетъ ли быть что-нибудь поразительнѣе этого? Итакъ не будемъ обвинять его безъ болѣзненнаго уваженія, его столь неразгаданнаго, столь часто подвергавшагося нападеніямъ, бывшаго вполнѣ мученикомъ своего собственнаго генія, не будемъ обвинять его за то, что онъ богохульствовалъ на дѣло прогресса. Но припомнимъ лучше, что нѣкоторыми изъ своихъ безсмертныхъ страницъ онъ заслужилъ себѣ честь занимать мѣсто въ революціонномъ преданіи: «Могущество королей основано на умѣ и глупости народовъ и даже на глупости болѣе. Равенство имуществъ справедливо; но такъ какъ нельзя было заставить повиноваться справедливости, то сдѣлали такъ, чтобы было справедливо повиноваться силѣ».—«Это собака моя, говорили эти бѣдные дѣти; это мое мѣсто подъ солнцемъ! Вотъ начало и подобіе узурпаціи всей земли». Такъ говорилъ Паскаль еще до Вольтера; и однакоже Вольтеръ никогда не доходилъ до этой границы.

Между писателями, господствовавшими въ XVII вѣкѣ, Декартъ казался Вольтеру еще болѣе вреднымъ, чѣмъ Паскаль. Почему?

Однажды уединившись въ зимней комнатѣ, Декартъ, бесѣдуя съ своими мыслями [1]), составилъ геройскій планъ разрушить сверху до низу зданіе мнѣній, которыя онъ принималъ до тѣхъ поръ, съ тѣмъ

---

[1]) Discours sur la méthode par. II, p. 7, изданіе Шарпантье.

чтобы потомъ построить его вновь или изъ идей болѣе истинныхъ, лучше доказанныхъ, или изъ тѣхъ же самыхъ, но когда онѣ будутъ приспособлены къ уровню его разума [1]). Итакъ онъ усумнился во всемъ; безпримѣрнымъ усиліемъ онъ исторгъ изъ своего ума всѣ вѣрованія, основывавшіяся на авторитетѣ другихъ людей. Это и было сдѣлано: вокругъ него была только пустота и ночь. Но для того чтобы сомнѣваться, нужно по крайней мѣрѣ мыслить о томъ, въ чемъ сомнѣваешься, а чтобы мыслить, нужно существовать. Итакъ всѣ міры исчезли какъ мечты сновидѣнія и одна только вещь устояла твердо, это—мысль; и несомнѣнность мысли дала Декарту основаніе для несомнѣнности существованія; онъ нашелъ въ храмѣ человѣческихъ знаній основаніе, которое онъ осмѣлился провозгласить непоколебимымъ. Я мыслю, слѣдовательно я существую—есть истина первая, неоспоримая, изъ которой онъ, рядомъ выводовъ, получитъ всѣ другія истины. Изъ принятаго положенія о существованіи мыслящей природы человѣка Декартъ выведетъ послѣдовательно доказательство того, что мы имѣемъ душу отличную отъ тѣла, доказательство того, что существуетъ Богъ, доказательство реальности внѣшняго міра и пр. [2])... И выстроивши такимъ образомъ вновь зданіе, которое ему угодно было разрушить, Декартъ гордо и смѣло провозгласилъ его неразрушимымъ. Не сомнѣвайтесь болѣе ни въ Богѣ, ни въ душѣ, ни въ реальности міра, Декартъ нашолъ принципъ несомнѣнности, и эти понятія, выведенныя имъ изъ него, онъ выдаетъ за столь же достовѣрныя, какъ теоремы геометріи. Онъ вышелъ изъ сомнѣнія; но онъ исчерпалъ сомнѣніе, побѣдилъ его. Онъ воспользовался для своего личнаго употребленія правомъ изслѣдованія, но потомъ обезоружилъ его. Сдѣлавшись на одинъ моментъ революціонеромъ въ философіи, Декартъ кажется имѣлъ претензію запереть навсегда двери революціямъ. Вчера онъ сомнѣвался, а сегодня онъ дѣйствуетъ повелительно.

Понятно, какимъ образомъ должно было оскорблять Вольтера при независимости его ума все то, что въ картезіанскомъ догматизмѣ было абсолютнаго и повелительнаго. Можно ли было успѣшно нападать

---

1) Ibid., p. 8.

2) См. Six méditations touchant la philosophie première. — Ламенне съ большею силою и ясностью показалъ все, что есть противорѣчиваго или ошибочнаго въ доказательствахъ Декарта, и недостаточность его философіи какъ основанія несомнѣнности. См. Essai sur l'indifférence en matière de réligion, part. III, chap. I, t. II, p. 84 et suiv. Изд. Паньерра.

на церковь, когда считался непогрѣшимымъ этотъ Декартъ, который употребилъ самый разумъ для доказательства тѣхъ предметовъ вѣры, которымъ учитъ церковь въ области философіи? Поэтому Вольтеръ вездѣ въ своихъ сочиненіяхъ обнаруживаетъ сильное раздраженіе противъ знаменитаго изобрѣтателя «Метода». Онъ хотѣлъ, чтобы эта книга не читалась; онъ порицалъ ее какъ обманчиваго вождя, который кромѣ того не свободенъ и отъ шарлатанизма. «Всѣ его соображенія ложны, восклицалъ онъ, все у него ложно, исключая отличнаго примѣненія, какое онъ первый сдѣлалъ изъ алгебры къ геометріи [1])».

Кромѣ того стараясь потрясти репутацію Декарта, опровергая его метафизику, превознося Локка, проповѣдуя доктрину ощущеній, Вольтеръ былъ человѣкомъ своей эпохи и вѣрнымъ апостоломъ индивидуализма. Потому что если посредствомъ мысли человѣкъ исходитъ изъ себя и распространяется вовнѣ, то напротивъ посредствомъ ощущенія онъ все сводитъ къ себѣ. Возьмите философа принимающаго сенсуализмъ и послѣдовательнаго въ своихъ убѣжденіяхъ: все существующее вокругъ него создано только для того, чтобы служить или нравиться ему. Солнце блеститъ въ небесахъ только для того, чтобы сообщить ему черезъ чувство зрѣнія понятіе о свѣтѣ. Онъ становится фокусомъ во вселенной. Какая важность приписывается индивидууму! Но также какое поощреніе для эгоизма! По логикѣ этой системы не ждите отъ человѣка высокаго самоотверженія относительно отвлеченныхъ несчастій или отдаленныхъ отъ него страданій: сенсуалистъ имѣетъ только относительныя понятія; онъ интересуется единственно только тѣмъ, что его касается; онъ сочувствуетъ только видимымъ страданіямъ, только осязаемому несчастью; его потрясаютъ только стоны поражающіе его ухо; его идеалъ наконецъ не переходитъ за предѣлы горизонта. Онъ не имѣетъ, если только его сердце не противорѣчитъ его теоріи, тѣхъ благородныхъ порывовъ, которые на крыльяхъ мысли съ безкорыстіемъ и быстротою ея полета переносятъ насъ выше чувственнаго міра и возносятъ насъ отъ окружающихъ ощущеній до тѣхъ вершинъ, съ которыхъ мы объемлемъ человѣчество.

Но философія ощущеній потому именно и должна была стать господствующей въ XVIII вѣкѣ, что она служила дѣлу индивидуализма. Гоббесъ положилъ ей начало въ Англіи подъ суровыми формами; Локкъ далъ ей болѣе мягкія черты; Вольтеръ внесъ ее во Францію безъ педантизма; Кондильякъ (Condillac) развилъ ее ясно, методически, съ

---

[1]) Correspondance de Voltaire, lettre au marquis d'Argenson, t. IV, p. 391.

строгимъ изяществомъ и посредствомъ остроумныхъ гипотезъ. Онъ предполагалъ человѣка въ видѣ организованной статуи, затѣмъ излагалъ, какимъ образомъ черезъ глаза входятъ въ нее первыя понятія, какимъ образомъ потомъ самыя вѣрныя и самыя полныя понятія даются ему чувствомъ осязанія, руководимаго чувствомъ зрѣнія [1]). Нашъ глазъ видитъ, ощущеніе научаетъ его смотрѣть, а опытъ учитъ его различать, выбирать. Проникнутый своею гипотезою, которую онъ находилъ счасливою, Кондильякъ распространялъ ее по желанію; онъ проводилъ черезъ тысячи случаевъ жизни свою впечатлительную статую; онъ заставлялъ ее бояться мрака до тѣхъ поръ, пока не успокоивала его заря, такъ что это давало ей мѣру времени и самую идею продолжительности перемежаемостью дня и ночи [2]).

Смѣшивая ощущеніе съ идеей, или лучше выводя идею изъ ощущенія, Кондильякъ дѣлалъ душу рабою чувствъ; онъ даже въ самыхъ смѣлыхъ ея порывахъ сравнивалъ ее съ состояніемъ птицы, которая несетъ по воздуху узы своего рабства.

Философія Кондильяка послѣдовательно стремилась къ тому, чтобы партикуляризировать чувства человѣка; она вела къ индивидуализму. Обошедши міръ, напитавшись запахомъ цвѣтовъ, наслушавшись гармоніи природы, вкусивши плодовъ земныхъ и усовершенствовавъ воспитаніе своихъ органовъ, одушевленная статуя стала человѣкомъ, провозгласила свою личность, увѣнчала себя своими руками и взошла на свой пьедесталъ.

Мы сказали о вождѣ и указали знамя; скоро придетъ время движенія всей арміи. Но прежде всего кому предназначено было собрать ее и вести въ битву? Потому что находясь почти въ постоянныхъ отлучкахъ изъ Парижа, Вольтеръ могъ командовать только издалека; и скорѣе по его внушеніямъ, чѣмъ по его приказаніямъ, армія двинулась впередъ.

Рѣдко случается, чтобы въ арміи не было хоть одного изъ тѣхъ капитановъ циническихъ, задорныхъ и добрыхъ, непокорныхъ но знаменитыхъ, которые не боятся пораженія и пытаются на невозможное, которые дерутся вездѣ, гдѣ происходитъ борьба, и которые часто только однимъ своимъ появленіемъ рѣшаютъ исходъ стычки, являясь съ одеждою и волосами въ безпорядкѣ, съ распростертыми руками. Къ

---

[1]) Кондильякъ, Traité des sensatious, part. III, chap. III, t. III собранія сочиненій, с. 273.

[2]) Ibid., chap. VII, p. 329—331.

такимъ симпатическимъ героямъ принадлежали Клеберъ въ Геліополисѣ, Дантонъ въ собраніи, Дидро среди воевавшихъ философовъ.

Дидро (Diderot) не былъ большимъ буржуазнымъ сеньоромъ какъ Вольтеръ. Сынъ добраго кузнеца изъ Лангра [1]) не былъ способенъ щадить принцевъ, нападая на священниковъ. Такимъ образомъ у него не было предосторожностей, не было сдержанности, вся его жизнь была вовнѣ. Во весь XVIII вѣкъ онъ уходитъ и приходитъ каждое мгновеніе всегда бодрствующій, всегда готовый на всякую смѣлость, говорящій громко, язвительный, полный жара и мучимый потребностью сообщать другимъ одушевляющій его огонь. Одаренный самымъ высшимъ благородствомъ, благородствомъ духа, онъ тратилъ свои идеи съ беззаботностью богатаго расточителя. То онъ помѣщалъ какую-нибудь революціонную статью въ Histoire philosophique des deux Indes аббата Рейналя [2]); то онъ импровизировалъ жгучія страницы для «Корреспонденціи» Гримма. Въ своемъ пятомъ этажѣ въ улицѣ Таранны, гдѣ его посѣщали философы, поэты, аббаты, сумасшедшіе и принцы, онъ открывалъ свою дверь для каждаго. Первому пришедшему онъ давалъ свой геній, свой талантъ... онъ никогда ихъ не продавалъ.

Дѣйствіе Дидро на его время было громадно и оно производилось главнымъ образомъ посредствомъ слова. Въ его рѣчахъ блистала его революціонная натура и лучшія страницы его книгъ суть только клочки его пламенныхъ рѣчей. Въ собраніяхъ философовъ, у мадамъ Жоффренъ или лучше въ Тюльери, на открытомъ воздухѣ онъ удивлялъ блескомъ своихъ взглядовъ и ѣдкостью своихъ парадоксовъ. Напрасно Сюаръ противопоставлялъ ему иногда деликатныя и справедливыя замѣчанія, его ослѣпительная импровизація уничтожала все и простой разговоръ онъ легко возвышалъ до краснорѣчія, только бы коснулись какой-нибудь фибры его богатой организаціи, инструмента съ тысячью струнъ, который давалъ резонансъ на малѣйшія вибраціи окружающаго воздуха.

Увлекаемый фантазіей, Дидро едва только касался вопроса, какъ уже достигалъ его крайностей. Если имъ овладѣвала любовь къ природѣ, то онъ любилъ ее до такой степени, что смѣшивалъ ее съ Богомъ, какъ это онъ напр. сдѣлалъ въ своемъ знаменитомъ «Письмѣ о слѣпомъ» [3]). Если онъ изучалъ матерію, то разлагалъ ее съ такою страстью,

---

1) Такъ Дидро называлъ своего отца ножевщика.

2) Де Мейстеръ, A la mémoire de Diderot, въ примѣчаніяхъ.

3) Онъ самъ объяснилъ свою мысль въ отвѣтъ Вольтеру по поводу этого письма: «вселенная—это Богъ» говорилъ онъ.

что забываясь среди удивительныхъ явленій онъ воображалъ, что открылъ въ ней скрытую и глухую чувствительность, которая посредствомъ счастливыхъ механическихъ комбинацій могла развиться до того, что стала мыслью и даже сдѣлалась сознаніемъ [1]). Если ему приходилось изучать область морали, то онъ доходилъ до того, что ставилъ ее въ зависимость отъ нашихъ органовъ и восклицалъ: «ахъ, мадамъ, до какой степени мораль слѣпыхъ отлична отъ нашей! Мораль глухаго также была бы отлична отъ морали слѣпаго; существо имѣющее однимъ чувствомъ больше нашего нашло бы нашу мораль несовершенною [2])!» А можетъ быть нравы просто составляютъ только тиранію человѣческаго изобрѣтенія? Эта мысль не возмущаетъ Дидро и когда въ Supplément au voyage de Bougainville онъ прославляетъ величіе и непринужденность дикаго состоянія, то его цѣлью при этомъ было не столько осмѣяніе ученаго поврежденія обществъ, сколько освобожденіе ихъ отъ стыдливости. Къ сожалѣнію слѣды философскихъ смѣлостей, разсѣянные въ intérpretations de la nature и въ Entretiens sur le rêve de d'Alembert, сгладились нескоро: они снова появятся въ подонкахъ французской революціи.

Но зато сколько плодотворныхъ мыслей вытекало изъ этой крайней смѣлости! Можно сказать, что Дидро принадлежитъ нашему вѣку, читая его слѣдующія слова: «вы имѣете жалость къ слѣпому? А что же такое злой человѣкъ, какъ не человѣкъ, имѣющій короткое зрѣніе [3])?» или видя, какъ онъ, забившись въ уголъ Café de la Régence, рисуетъ неизгладимыми чертами фигуру Neveu de Rameau, личность странную, не имѣвшую образца въ книгахъ, столь же любопытную какъ Панюржъ, менѣе банальную и болѣе глубокую чѣмъ Фигаро. О общество! посмотри хладнокровно, если только можешь, до какой степени униженія упала эта избранная натура этого Neveu de Rameau [4])! Что ты сдѣлало съ этимъ высокимъ умомъ? Отчего его естественное величіе стало только сильнымъ и тихимъ шутовствомъ и отверженною веселостью? Драпируясь въ свои лохмотья, которые напоминали Дидро дырявыя платья его собственной бѣдной юности, Рамо разсказываетъ о

---

1) Entretienssur le rêve de d'Alembert. Разговаривающими лицами были медикъ Борде и мадмуазель Л'Эспинассъ, знаменитая пріятельница д'Аламбера.

2) Lettre sur les aveugles, Oeuvres de Diderot, t. I, p. 298, изд. Бріера.

3) Encyclopédie, статью Vice, Défaut.

4) См. Neveu de Rameau, t. XXII полнаго собранія сочиненій Дидро, изд. Бріера.

своемъ состояніи униженія со вкусомъ стараго дворянина. Это презрѣнный, но безобидный человѣкъ, умъ котораго сохранился деликатнымъ и обширнымъ въ то время, какъ онъ погружался въ грязь. Наемная карета была его обыкновеннымъ убѣжищемъ, его единственнымъ другомъ. Часто онъ проводилъ свѣтлыя ночи на дорогѣ въ Елисейскія поля и часто его встрѣчали одѣтаго еще наканунѣ для завтрашняго дня. Онъ жилъ смѣшною стороною своей бѣдности, которая была забавна, и за эту забаву ему давали въ долгъ экю, котораго онъ не возвращалъ. Его забавность оплачивалась кускомъ хлѣба. Это была трагическая карикатура испорченности, до какой можетъ быть доведено разумное человѣческое существо среди общества, которое, внушивъ ему страсти и оставивъ его бѣднымъ, предоставляетъ ему выбирать между неизбѣжною безнравственностью и героизмомъ! Не видно ли здѣсь уже чего-то напоминающаго заботы XIX вѣка и какого-то предчувствія современнаго соціализма?

Если философамъ придется дѣлать общее дѣло, то Дидро будетъ необходимымъ человѣкомъ. И дѣйствительно одинъ Дидро резюмировалъ въ себѣ варіаціи философскаго духа. Сегодня мечтатель, а завтра геометръ или механикъ, совершенно иначе универсальный чѣмъ Вольтеръ,— способный утверждать съ медиками матеріалистами, что мысль есть только ферментація мозга, и потомъ идти съ спиритуалистомъ Жанъ-Жакомъ въ Эрмитажъ плакать надъ несчастіями «Новой Элоизы», Дидро одинъ только проникалъ и зналъ своихъ друзей философовъ, одинъ только способенъ былъ быть для нихъ въ одно время связью и возбужденіемъ, измѣнять ихъ сомнѣнія въ гнѣвъ и вести на приступъ ихъ безпорядочную толпу, сдѣлавши ее предварительно стремительною и рѣшительною какъ самъ онъ. И вотъ мы приходимъ къ основанію «Энциклопедіи».

Я представляю себѣ архитектора, который подъ предлогомъ повѣрки всѣхъ камней составляющихъ монументъ, вынимаетъ ихъ одинъ за другимъ и мало по мало разрушаетъ весь монументъ и разрушивши его оставляетъ почву покрытую развалинами: вотъ образъ работы энциклопедистовъ.

Какая смѣлость! Все изслѣдовать, все потрясти безъ исключенія и безъ снисходительности [1]); соединить въ одномъ сочиненіи безчисленныя сокровища человѣческаго знанія; вспомнить мнѣнія столькихъ му-

[1]) См Encyclopédie, статью Encyclopédie Дидро.

дрецовъ древности или новыхъ временъ, ихъ вѣрованія, ихъ сомнѣнія, ихъ противорѣчія, неясныя или слабыя стороны ихъ ума; внести и соединить въ алфавитный лексиконъ то, что никогда еще не соединялось: теологію и физику, торговлю и литературу, естественную исторію, искусства, языки, религію, и это въ кажущемся порядкѣ, который представляетъ случайность начальныхъ буквъ и который, говоря правду, есть обширный безпорядокъ; показать древнему міру его разложеніе, анализировать его, разбить на части и воспользоваться свѣтомъ прошедшаго чтобы лучше разрушать.... таково было предпріятіе не устрашившее геній Дидро, геній страстный, кипучій и вопреки своей ежедневной подвижности упорный въ своихъ намѣреніяхъ.

«Энциклопедія» есть какъ-бы резюме философскаго XVIII вѣка, его преимущественное дѣло. Вѣкъ Декарта дѣйствовалъ синтезомъ, вѣкъ Вольтера долженъ былъ дѣйствовать методомъ аналитическимъ.

Пробѣгая «Энциклопедію», испытываешь какое-то неопредѣленное печальное чувство. Кажется, какъ будто находишься среди полей Пальмиры знаменитыхъ своими развалинами. Доказательства бытія Божія, теорія мышленія, диспуты о душѣ, ея происхожденіи и ея предназначеніи являются здѣсь безпорядочно перемѣшанными съ описаніемъ машинъ или химическихъ процессовъ. Спутанность громадная. И изъ столькихъ знаній остаются только слова, изъ каждаго цѣлаго остаются только части, изъ каждаго семейства только отдѣльныя особи: тысячи разбросанныхъ камней обозначаютъ мѣсто, гдѣ былъ прежде монументъ.

Но «Энциклопедія», дѣло скептицизма, могла ли и имѣть другую форму? Внести порядокъ въ понятія и распредѣлить знанія—значитъ вѣрить, признавать вождя и слѣдовать за нимъ. Безпорядокъ есть естественная принадлежность свойственная скептикамъ: онъ характеризовалъ въ XVII вѣкѣ знаменитую книгу Бэйля.

Это происходило вовсе не оттого, что энциклопедисты имѣли въ виду оставить въ наслѣдство будущимъ поколѣніямъ только разрушеніе и мракъ. Они безъ смущенія разрушали старыя вѣрованія, потому что они разсчитывали оставить книгу, матеріалы которой послужатъ къ передѣлкѣ знаній, потому что они воображали себѣ, что послѣ потопа человѣческихъ мнѣній ихъ ковчегъ сохранится, наполненный элементами необходимыми для населенія умственной вселенной.

Конечно для составленія подобныхъ проэктовъ нужна была не совсѣмъ обыкновенная смѣлость; а сколько благоразумія требовалось для исполненія ихъ! Но такъ и случилось, что именно эти два качества и находились у двухъ издателей «Энциклопедіи». Дидро, самый отважный изъ мыслителей, имѣлъ товарищемъ д'Аламбера (D'Alembert),

благоразумнѣйшаго изъ философовъ, Могучая и странная ассоціація! Знаменитый геометръ первой величины, князь науки, раздаватель академическихъ вѣнцовъ, д'Аламберъ всегда внимательно бодрствовалъ надъ спокойствіемъ своей славы. Въ дѣлѣ религіи и даже метафизики сомнѣніе было постоянною привычкою его ума, и вся его переписка показываетъ въ немъ скептика; но свое невѣріе, съ улыбкой распространяемое имъ въ своихъ интимныхъ письмахъ, онъ тщательно скрывалъ отъ православныхъ взоровъ или же показывалъ только его дозволительную сторону. Его хитрость, нѣсколько лукавая, выкупала такимъ образомъ философскую отважность Дидро, всегда готоваго на предпріятія. И дѣйствительно въ то время какъ храбрый авторъ «Письма о слѣпыхъ» выходилъ изъ крѣпости въ Венсеннѣ еще болѣе стремительнымъ, чѣмъ вошелъ въ нее [1]); въ то время какъ онъ разсыпался нечестивыми выходками, декламировалъ свои диѳирамбы противъ Бога и открывалъ щедро обѣ свои руки, которыя онъ воображалъ полными истинъ, д'Аламберъ, тактикъ болѣе ловкій чѣмъ самъ Вольтеръ, скрывался, поражая предразсудки, и бросалъ стрѣлу, не показывая руки [2]).

Эта осмотрительность д'Аламбера дѣлала его человѣкомъ въ высшей степени способнымъ написать Discours préliminaire de l'Encyclopédie. Талантъ, умѣренность, серьезность, достоинство—все это было въ этомъ ясномъ изложеніи человѣческихъ знаній и ихъ знаменитомъ распредѣленіи. Развернута была картина чудесъ порожденныхъ новымъ геніемъ, картина внушительная, въ которой Франція и иностранныя націи могли съ гордостью читать имена Декарта, Паскаля, Галилея, Ньютона, Лейбница и того Франциска Бекона, отъ котораго д'Аламберъ основательно заимствовалъ свой методъ. Эта вступительная статья была образцовымъ произведеніемъ по искусству. Д'Аламберъ развилъ въ ней принципы духовности души и существованія Бога [3]) съ такою твердостью, какъ это могъ бы сдѣлать Декартъ. Сознаніе моральныхъ истинъ онъ называлъ очевидностью сердца [4]), признавая за ними такую же обязательность какъ за математическими аксіомами. Словомъ онъ обнаружилъ такое правовѣріе, которое позволительно было заподозрить.

---

[1]) Онъ вышелъ въ 1749 наканунѣ изданія «Энциклопедіи». Нежонъ, Mémoires sur la vie et les ouvrages de Diderot, p. 131.

[2]) Correspondance de Voltaire, t. XV, p. 457.

[3]) Discours préliminaire de l'Encyclopédie, p. VI, изд. въ Лозаннѣ, 1781 г.

[4]) Ibid., p. XXIV.

Кромѣ того принимая наименѣе компрометирующую часть господствовавшей тогда новой философіи, д'Аламберъ не оставилъ въ тѣни и доктрину ощущеній [1]), которая, какъ мы видѣли, по самой сущности своей была доктриной индивидуализма. Такимъ образомъ знаменитый писатель впадалъ въ противорѣчіе съ собою, когда привѣтствовалъ авторитетъ генія, чувство, которое творитъ, авторитетъ вкуса, чувство, которое судитъ. Гдѣ царствуетъ философія ощущеній, тамъ каждый можетъ судить по-своему и можетъ говорить: по какому праву мнѣ навязываютъ правила, которыя отвергаетъ мое личное ощущеніе? Если меня не трогаютъ формы Партенона, если меня не прельщаютъ краски Рубенса, то я отрицаю Рубенса и Фидіаса.

Такимъ образомъ если всмотрѣться поближе, то оказывается, что революціонное движеніе выражалось даже въ статьѣ, предназначавшейся для того, чтобы скрыть его. Потому что несомнѣнно, что произведеніе д'Аламбера было только великолѣпной занавѣской, покрывавшей ниспроверженіе прежнихъ вѣрованій.

Пусть отказываются хвалить такое лицемѣріе; мы этому не будемъ противорѣчить. Но справедливо ли забывать, при какомъ правленіи писали философы, и забывать то, чѣмъ обязано этимъ стратегическимъ пріемамъ наше освобожденное перо? И они отлично знали свое время! Едва только появилось нѣсколько томовъ «Энциклопедіи», какъ ихъ стали пожирать съ фанатизмомъ, чтобы искать тамъ революціонныхъ идей. Напрасно подъ статьями Душа, Атеистъ, Богъ [2]) стояло имя аббата, проницательность молинистовъ открыла безъ труда въ нѣкоторыхъ неопредѣленныхъ статьяхъ ересь фатализма. Можно было замѣтить, что подъ словомъ Fortuit хитрый геометръ колебалъ теорію свободной воли, формально признанную во вступительной статьѣ. Что касается до янсенистовъ парламента, между которыми Вольтеръ различалъ тигровъ съ телячьими глазами [3]), то ихъ безжалостная проницательность отгадала матеріализмъ Дидро, восклицавшаго: «что за важность въ томъ, мыслитъ ли матерія или нѣтъ [4])?» Ни отъ теологовъ Сорбонны, ни отъ ревностныхъ членовъ большой палаты, ни отъ горячихъ защитниковъ буллы Unigenitus не могло укрыться, что если

---

1) «Нашимъ ощущеніямъ мы обязаны всѣми нашими идеями.» Ibid., p. II.

2) Эти статьи принадлежали аббату Иво у. См. Correspondance de Voltaire, t. VIII, p. 1 2.

3) Вольтеръ называлъ такъ Пакье въ своей перепискѣ съ д'Аламберомъ, t. XXI, p. 113.

4) См. статью Локкъ въ «Энциклопедіи».

статьи Богъ была безукоризненна, то читатель отосланный къ статьѣ Démonstration находилъ въ послѣдней направленныя противъ идеи безконечнаго нѣсколько чертъ далекой ироніи, считавшейся тѣмъ болѣе опасною.

Итакъ нужно было рѣшиться на чрезвычайную осторожность и скрыть успокоительнымъ сотрудничествомъ аббата Ивона и кавалера Жокура философскія смѣлости аббата Прадеса, Морелле, Дюмарсе, Рейналя и наконецъ Вольтера, писавшаго подъ именемъ священника изъ Лозанны; это были стратегическія хитрости, необходимость которыхъ только съ негодованіемъ терпѣла горячая и открытая душа Дидро, но которымъ безъ усилій подчинялся его спокойный собратъ. Такимъ образомъ когда Вольтеръ жаловался на то, что въ «Энциклопедіи» есть статьи по метафизикѣ и теологіи достойныя по его мнѣнію занимать мѣсто въ Journal de Trévoux, издаваемомъ іезуитами, то на это геометръ-философъ спокойно отвѣчалъ: «зато есть другія статьи, менѣе бросающіяся въ глаза, гдѣ все какъ слѣдуетъ. Время заставитъ отличить то, что мы думали, отъ того, что мы говорили [1].»

Тѣмъ не менѣе изданіе это навлекло на его главныхъ авторовъ безчисленныя непріятности; ихъ преслѣдовали сатирами, дозволенными, одобряемыми, вознаграждаемыми и заказываемыми партіею дофина; глазъ цензоровъ былъ постоянно устремленъ на опасную книгу; и въ Версалѣ били противъ нея въ набатъ, который предвѣщалъ неминуемое преслѣдованіе [2]. Д'Аламберъ падалъ духомъ. Въ статьѣ Женева онъ старался доказать, что протестантизмъ ведетъ къ социніанизму, т. е. къ отрицанію божества Іисуса Христа: министры Женевы, которыхъ поздравляли съ ихъ тенденціей сдѣлаться невѣрующими, сочли себя оскорбленными; они протестовали, они жаловались французскому двору и д'Аламберъ рѣшился бросить «Энциклопедію». Но Вольтеръ издали ободрялъ сражавшихся и заклиналъ д'Аламбера не давать радости врагамъ удаленіемъ своимъ; онъ съ безпокойствомъ спрашивалъ, не нарушился ли союзъ между товарищами, настаиваетъ ли на дѣлѣ Дидро; онъ говорилъ имъ всѣмъ: «если вы раздѣлитесь, вы погибли [3].» Но преслѣдованіе ничего не могло сдѣлать противъ сочиненія, которое въ нѣкоторомъ родѣ составляло дѣло всего XVIII вѣка, которое явилось подъ покровительствомъ графа д'Аржансона [4], которое имѣло покровителей

---

[1]) Correspondance de Voltaire, письмо д'Аламбера къ Вольтеру, t. X, p. 13.

[2]) Ibid., p. 192.

[3]) См. Correspondance, t. X, p. 185, 199, 234, 290.

[4]) Ibid., t. XIV, p. 88.

даже въ кабинетѣ Шуазеля, даже во дворцѣ короля. Осужденная въ бреве папы и приговоромъ совѣта, подвергшаяся гнѣву парламента, «Энциклопедія» стояла непоколебимо [1]). Новая троянская лошадь была поставлена въ стѣнахъ осажденнаго города. Старое общество смотрѣло сначала безъ недовѣрія, какъ ее вводили къ нему; и вдругъ предводимые Улиссомъ оттуда вышли вооруженные философы, чтобы взять и разорить Иліонъ.

Въ то время казалось были преобладающими гордое и нетерпѣливое желаніе разрушить авторитетъ преданія, разубѣдить общее чувство безумія, претензія каждаго быть судьею всего, словомъ преобладалъ раціонализмъ.

При этомъ было замѣчательно то, что вмѣсто того, чтобы унижать разумъ, какъ дѣлалъ Монтень, философы XVIII вѣка старались чрезмѣрно превозносить его. И вотъ секретъ этого различія: Монтень нападалъ на соціальное состояніе не только въ той или другой изъ его формъ, но въ самой его сущности; и онъ развѣнчалъ разумъ тѣмъ, что отрицалъ мысль, будто человѣкъ созданъ жить въ обществѣ, и сравнилъ его съ животными. Но философы XVIII вѣка въ своей проповѣди индивидуализма не шли такъ далеко какъ Монтень. Они не требовали отъ человѣка, чтобы онъ убѣгалъ отъ общества, они напротивъ требовали, чтобы онъ оставался въ немъ, но только чтобы жилъ въ немъ независимо. И какимъ образомъ можно было обезпечить эту независимость, какимъ образомъ разорвать цѣпь традиціонныхъ или приказанныхъ мнѣній, если не говорить отъ имени разума и не проповѣдывать культа разума?

Но къ несчастью разумъ, когда каждый ищетъ его только подлѣ себя, есть божество, которое нелегко понять. Разумъ Паскаля не былъ разумомъ Вольтера и разумъ Вольтера не былъ разумомъ Жанъ-Жака. Провозглашая неограниченно абсолютнымъ образомъ религію раціонализма, ставили столько соперничествующихъ алтарей, сколько могло быть вѣрующихъ! Такимъ образомъ умственная анархія была ужасная.

У барона Гольбаха философы собирались на обѣды по воскресеньямъ и четвергамъ, и здѣсь собраніе ихъ обнаруживало самые глубокіе раздоры; трудно было угадать существованіе школы на этихъ періодиче-

---

[1]) Энциклопедія явилась въ 1751 г. Первое опредѣленіе объ ея уничтоженіи сдѣлано 7 февраля 1752 г.; бреве папы Климента XIII было отъ 3 сентября 1759 г. Въ маѣ предшествовавшаго года парламентъ издалъ приговоръ осужденія. Десять первыхъ томовъ явились только въ 1760 г.

скихъ банкетахъ, этихъ общихъ собраніяхъ сословій, гдѣ различіе темпераментовъ не было единственнымъ объясненіемъ различія въ мысляхъ. Войдите къ барону Гольбаху, послушайте шумъ перекрещивающихся разговоровъ или лучше торжественный диспутъ: собесѣдники не сходятся ни въ одномъ пунктѣ, ни относительно Бога, ни относительно морали, ни относительно свободной воли и души. Дидро, покрывая голоса всѣхъ, съ жаромъ декламируетъ противъ Бога фанатиковъ и восклицаетъ въ такомъ родѣ: «вездѣ, гдѣ есть Богъ, есть культъ, а гдѣ есть культъ, тамъ ниспровергнутъ порядокъ моральныхъ обязанностей. Бываютъ времена, когда вѣрованіе, запрещающее украсть экю, заставляетъ убивать тысячи людей [1].» Напрасно, опираясь на Сюара и Мармонтеля, аббатъ Морелле безстрашно поддерживаетъ Бога Сорбонны и противъ увлекательнаго краснорѣчія Дидро и противъ опасной эрудиціи Гольбаха; при этомъ нужно бывало, чтобы вмѣшивался въ споръ итальянецъ, оригинальную фигуру котораго мы встрѣтимъ впослѣдствіи, и давалъ поддержку деизму какими-нибудь остроумными и тривіальными сравненіями: «Я предполагаю господа, что мой другъ Дидро играетъ въ азартную игру на костяхъ въ лучшемъ игорномъ домѣ въ Парижѣ и его противникъ выигрываетъ разъ, другой, третій, наконецъ выигрываетъ постоянно. Если только игра будетъ продолжаться, мой другъ Дидро, который потеряетъ всѣ свои деньги, скажетъ, не задумавшись: «кости эти поддѣланы; меня просто обманываютъ.» Но, философъ, какимъ же образомъ вы, когда десять или 12 костей выдутъ такъ, что заставятъ васъ потерять 6 франковъ, сейчасъ начинаете вѣрить, что тутъ есть какая-нибудь ловкая продѣлка, что это—слѣдствіе искуснаго мошенничества, а когда видите во вселенной безчисленное множество чудесныхъ комбинацій въ тысячу разъ болѣе сложныхъ, болѣе постоянныхъ и полезныхъ, то вовсе не подозрѣваете того, что кости природы также поддѣланы, и что тамъ выше находится мошенникъ, который поддѣлываетъ игру чтобы обыграть васъ [2])!» Такимъ образомъ Галіани возобновлялъ въ тривіальной и забавной формѣ самый серьезный аргументъ, который защитники Бога уже давно представляли противъ атеизма. Посмотримъ, есть ли въ мірѣ вещь, которая бы не была подвергнута сомнѣнію этими собравшимися философами? Божество?

---

[1]) Mémoires de Diderot, письмо CLIII къ дѣвицѣ Воланъ, t. XXIV, изд. Бріера.

[2]) Mémoires de Morellet, t. I, p. 131.

Фрере смотритъ на него какъ на фантомъ нашего воображенія [1]). Духовность души? Гельвецій ставитъ ее въ число гипотезъ [2]). Метафизика? это только смѣсь догадокъ, по мнѣнію д'Аламбера, и онъ клянется, что въ этомъ мракѣ основателенъ только скептицизмъ [3]). Исторія? Булланже представлялъ ее сборникомъ легендъ, галлереею кабалистическихъ фигуръ, писаннымъ сновидѣніемъ [4]). Вѣрятъ личностямъ древности, личностямъ первобытной церкви? Заблужденіе: это химерическія существа и даже въ ихъ именахъ остроумный и ученый Булланже думаетъ находить секретъ приписываемой имъ жизни. Существованіе св. Петра есть ничто иное какъ фикція, заимствованная изъ преданія о Янусѣ древнихъ съ символическимъ пѣтухомъ и держащемъ ключи отъ дверей года, подобно тому какъ глава апостоловъ держитъ ключи отпирающіе двери рая [5]). Пилатъ вмѣсто того чтобы быть судьею, который хотѣлъ освободить Іисуса Христа, былъ просто воображаемымъ лицомъ, даже еврейскимъ словомъ, прошедшимъ временемъ глагола означающаго судилъ. Другіе оспариваютъ потопъ и вычисляютъ, что для того чтобы потопить земной шаръ нужно было въ двадцать разъ больше воды чѣмъ сколько ея содержатъ моря. Нѣкоторые же иронически спрашивали, какимъ образомъ земля могла заселиться многочисленными жителями въ какія нибудь двѣсти или триста лѣтъ послѣ Ноя [6]), и была ли когда-нибудь человѣческая плодовитость способна произвести на свѣтъ въ столь короткое время 60 милліардовъ человѣкъ, какъ увѣрялъ какой-то іезуитъ, который создавалъ населенія почеркомъ пера. Само собою разумѣется, что въ этомъ всеобщемъ усиліи разрушенія мало заботились о догматахъ христіанства, о его чудесахъ, о его тайнахъ; и Дидро тріумфальнымъ тономъ повторялъ слѣдующія слова одного гасконскаго дворянина: «что же это за Богъ, который заставилъ умереть Бога, чтобы умилостивить Бога [7])?»

---

[1]) Lettres de Thrasybule à Leucippe, t. IV сочиненій Фрере, p. 82, 96.—Это сочиненіе, приписываемое Фрере, кажется принадлежитъ Левску де Бюриньи, одному изъ друзей мадамъ Жоффренъ.

[2]) Гельвецій, de l'Esprit, t. I, p. 125, 126.

[3]) Д'Аламберъ Вольтеру, Correspondance, t. XXII, p. 190.

[4]) Antiquité devoilée, passim.

[5]) См. любопытное Dissertation sur saint Pierre, t. VI сочиненій Булланже, p. 177 et suiv.

[6]) Аббатъ Лангле, проэктъ подписки на второе изданіе Méthode pour étudier l'histoire.

[7]) Прибавленіе къ Pensées philosophiques, t. I собранія сочиненій, p. 252.

Мы еще не говорили объ одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ смѣлыхъ геніевъ XVIII вѣка, именно о Бюффонѣ (Buffon). Дѣйствительно, онъ и самъ любилъ держаться въ сторонѣ, боясь опасности. Но онъ тѣмъ не менѣе служилъ философскому движенію, направленному противъ старыхъ вѣрованій и религіозной традиціи, когда сочинялъ свои предположенія, краснорѣчиво изложенныя въ его «Теоріи земли». Онъ предполагалъ, что земля была только осколкомъ солнца, оторвавшимся когда-то отъ этой звѣзды вслѣдствіе удара кометы; что океанъ въ различныя времена покрывалъ наши континенты; что морскія теченія прорыли долины и подняли холмы; что прежде были животныя, виды которыхъ въ настоящее время уже не существуютъ, но о прежнемъ существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ ископаемыя кости необыкновенной величины и странныхъ формъ, встрѣчающіяся въ Сибири, Канадѣ, Ирландіи. Онъ объяснялъ [1]) происхожденіе органическихъ существъ органическими частицами, неразрушимыми, всегда дѣятельными и самооплодотворяющимися. Очевидно все это противорѣчило тексту священнаго писанія, отвергало повѣствованіе Моисея и даже давало поводъ думать, что эта земля упавшая съ солнца могла очень хорошо обойтись безъ торжественной обстановки творенія, разсказаннаго въ книгѣ Бытія. И священники не обманывались на этотъ счетъ. Первый томъ его Histoire naturelle, содержавшій въ себѣ Théorie de la terre, явился въ 1749, а въ августѣ 1750 г. 14 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненія, были обвинены передъ Сорбонною. Она собиралась разразиться громами и молніями; но Бюффонъ успокоилъ бурю, заявивши о своемъ подчиненіи откровеннымъ истинамъ и о своемъ уваженіи къ свящ. писанію [2]); но ударъ былъ нанесенъ, а удары, наносимые подобными руками, были страшны.

Если мы пожелаемъ обнять все вообще изложенное философское движеніе и узнать послѣднее его слово, то это слово найдемъ у одного человѣка: это Гельвецій (Helvétius).

Отправлялся ли онъ на обѣдъ къ Гольбаху, собиралъ ли философовъ за своимъ столомъ, Гельвецій имѣлъ одно только честолюбіе, честолюбіе ума. Потому что съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ мило прозвалъ его Аттикомъ, элегантный генеральный откупщикъ горѣлъ желаніемъ и другимъ образомъ кромѣ богатства походить на римскаго богача и обна-

---

1) Въ Epoques de la nature.

2) Пико, Mémoires pour servir à l'Gistoire ecclésiastique pendant le dix-huitième siècle, t. II, p. 240, 241.

руживалъ большую жадность къ славѣ. Кромѣ того, не будучи способенъ прижимать несчастныхъ, Гельвецій лучше желалъ предложить свой кошелекъ литераторамъ, чѣмъ заниматься черпаніемъ изъ кошелька бѣдняковъ. Итакъ онъ бросилъ финансы для философіи и нетерпѣливо желалъ сочинить книгу, которая была бы достойна сохраниться для потомства. И онъ сочинилъ такую книгу, да еще какъ сочинилъ! Въ то время какъ гости Гельвеція, философы, предавались своимъ обыкновеннымъ спорамъ, онъ, молчаливый и хладнокровный амфитріонъ, внимательно прислушивался къ каждому слову и даржался въ наблюдательномъ положеніи, готовый, какъ выражался онъ самъ, пуститься на охоту за идеями [1]). Не было высказано ни одной истины, ни одного заблужденія, на которыя бы не обратилъ вниманія Гельвецій; онъ ловилъ такъ сказать на лету замѣчанія, новые взгляды, парадоксы и тотчасъ же записывалъ ихъ въ своей памяти. Если его мучило сомнѣніе, то онъ возбуждалъ по поводу его споръ [2]) среди разгоряченныхъ и споривших собесѣдниковъ въ полной увѣренности, что блеснетъ какой-нибудь свѣтъ отъ кипучей ѣдкости Дидро или отъ мудрости Сюара, отъ удивительной памяти барона Гольбаха или отъ мысли аббата Галіани, всегда живаго, дѣятельнаго, полнаго ума и шутливости [3]). И что же вышло изъ этихъ бесѣдъ философовъ, выслушанныхъ, замѣченныхъ, анализированныхъ и резюмированныхъ Гельвеціемъ? какова была такъ сказать равнодѣйствующая этихъ мнѣній, сопоставленныхъ между собою? Книга de l'Esprit («О Духѣ»). А что такое эта книга? тотъ же кодексъ индивидуализма, теорія Я. Но не забудемъ, что Гельвецій имѣлъ благородную душу и добродѣтели несогласныя съ его доктриной. До такой степени справедливо, что онъ выдавалъ здѣсь секретъ школы, а не свой собственный! до такой степени справедливо, что его слово было здѣсь только эхомъ!

Итакъ по Гельвецію всякій служитъ основаніемъ и центромъ всего: наши идеи, даже наши сужденія суть не что иное какъ ощущенія, а наша память есть продолжающееся ощущеніе; единственный родъ ума или заслуги есть нашъ родъ; мы удивляемся въ другихъ только тому, что составляетъ наше собственное изображеніе; наши страсти имѣютъ только одинъ источникъ: физическую чувствительность; всѣ онѣ сво-

---

1) Гара, Mémoires sur M. Suard, t. I, p. 229, 230.

2) Mémoires de Marmontel, t. II, p. 115.

3) Correspondance de Voltaire, письмо къ мадамъ Эпине, t. XXIII, p. 251.

дятся на любовь къ удовольствію и на боязнь страданія; интересъ есть единственный мотивъ нашихъ дѣйствій, которымъ общество даетъ имя добродѣтелей или пороковъ, смотря по пользѣ, какую получаютъ отъ нихъ, или страданію, которое испытываютъ отъ нихъ.

Личный интересъ! его власть простирается даже на область воображенія. Незамѣчаемый прелестникъ, это онъ наполняетъ сладкими фантомами нашъ возрастъ иллюзій и представляетъ намъ страну нашихъ видѣній: «галантная женщина, которая смотрѣла бы на луну, не видала бы въ своемъ телескопѣ ничего кромѣ счастливыхъ любовниковъ стремящихся другъ къ другу [1].» Доводя до крайнихъ границъ свое доказательство, Гельвецій любилъ утверждать, что этотъ законъ личнаго интереса деспотически управляетъ всѣми органическими существами, начиная съ самаго благороднѣйшаго изъ людей до самаго мерзкаго изъ животныхъ, и составляетъ единственное неизмѣнное основаніе сужденій или инстинктовъ. Насѣкомыя, питающіяся травянымъ сокомъ, не смотрятъ ли съ ужасомъ на барана, который пасется на равнинахъ и котораго мы сдѣлали эмблемою кротости? Еслибы мы могли понимать ихъ языкъ, то можетъ быть услышали бы, какъ они кричатъ: «убѣжимъ отъ этого прожорливаго животнаго, пасть котораго поглощаетъ насъ и наши селенія. Почему онъ не беретъ примѣра съ льва или тигра? эти благодѣтельныя животныя не разрушаютъ нашихъ жилищъ, они не питаются нашею кровью: правосудные мстители преступленія, они наказываютъ барана за жестокости, которыя онъ совершаетъ надъ нами [2].»

Такимъ образомъ въ книгѣ Гельвеція абсолютное было изгнано изъ міра. Истина, добродѣтель, самоотверженіе, героизмъ, умъ, геній, все признано относительнымъ; и такъ какъ каждый судитъ объ всемъ по себѣ и только по себѣ, то вслѣдствіе этого должно распасться всякое общество.

Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы въ знаменитой книгѣ Гельвеція не было множества тонкихъ наблюденій и остроумныхъ сближеній. Гельвецій кажется даже предвидѣлъ возраженія и напередъ отвѣтилъ на нихъ, когда говорилъ: добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы соглашать собственный интересъ съ интересомъ общимъ. Конечно добродѣтель была бы этой славной гармоніей, но только при соціальномъ состояніи достаточно совершенномъ для того чтобы уничтожить необходимость жертвъ; но когда Цезарь попираетъ ногами римскую

---

[1]) De l'Esprit, t. I, chap. II, p. 137.

[2]) Ibid., p. 184.

свободу, то можетъ ли Катонъ протестовать противъ этого иначе, какъ не благороднымъ забвеніемъ своего личнаго интереса, т. е. раздирая себѣ внутренности? Не было ли бы ребяческою тонкостью утверждать, что даже тѣ имѣютъ въ виду личный интересъ, которые, благородно любя истинную идею, провозглашаютъ ее съ безтрепетнымъ сердцемъ въ вѣкѣ отвергающемъ ее и не задумываются навлекать на себя обиды, клевету, преслѣдованіе, иногда даже безславную смерть?

Мы уже говорили, но нужно еще повторить: теорія Я, кодексъ индивидуализма,—вотъ что было и должно было быть въ книгѣ, внушенной бесѣдами философовъ XVIII вѣка. Но поспѣшимъ прибавить, что въ своей честной чистотѣ они сами ужаснулись своихъ доктринъ, такимъ образомъ представленныхъ и дополненныхъ. Не желая признаться, что таковы были логическія послѣдствія ихъ принциповъ, они отказывались узнавать себя въ зеркалѣ, которое Гельвецій смѣло подставилъ имъ; Вольтеръ сердился [1]); и философы считали парадоксальнымъ сочиненіе, которое было квинтъ-эссенціей ихъ разговоровъ!

Между тѣмъ поднялся одинъ голосъ, столь мужественный и столь сильный, что онъ покрылъ весь шумъ XVIII вѣка. Вдругъ увидали, что наперекоръ движенію увлекавшему общество пошолъ человѣкъ и одинъ только человѣкъ: и это былъ бѣдный ребенокъ изъ Женевы, который былъ бродягой, былъ нищимъ и лакеемъ! Безсмертный и несчастный Жанъ-Жакъ Руссо (Jean-Jaque Rousseau)! Когда послѣ блужданія изъ деревни въ деревню, причемъ онъ забывалъ свою бѣдность въ своихъ мечтахъ, онъ подошелъ къ дверямъ мадамъ Варенсъ и дрожалъ, не сознаваясь себѣ въ этомъ, отъ страха не получить куска хлѣба обѣщаннаго и ожидаемаго, тогда кто бы могъ предсказать ему, что будетъ время, когда онъ съ перомъ въ рукѣ будетъ обладать тѣмъ стремительнымъ краснорѣчіемъ рѣчей, которымъ многіе будутъ услаждаться; что онъ достигнетъ той славы, что Вольтеръ будетъ ему завидовать; что онъ заставитъ свое время колебаться, по крайней мѣрѣ одно мгновеніе, между имъ и столькими извѣстными философами; что эти книги впослѣдствіи сдѣлаются катехизисомъ, въ которомъ трибуны будутъ черпать силу вызывать и направлять волненія міра?!

До какой степени все въ Руссо составляло контрастъ съ духомъ его времени! Превозносили разумъ, который раздѣляетъ, а онъ реко-

[1]) Гара, Mémoires sur M. Suard, t. I, liv. III, p. 217.

мендовалъ чувство, которое сближаетъ и соединяетъ [1]). Среди апостоловъ индивидуализма онъ думалъ о назаретянинѣ, который проповѣдывалъ братство, и святость евангелія говорила его сердцу [2]). Руссо не былъ деистомъ, по усилію ума, какъ Вольтеръ, но по обилію чувства. Онъ никогда не забывалъ радостей данныхъ ему его воображеніемъ, даромъ неба. Въ кантонѣ Ваадъ вдоль береговъ Женевскаго озера онъ чувствовалъ себя счастливымъ, былъ поэтомъ, будучи столь бѣднымъ и столь оставленнымъ; бо́льшаго и не нужно было для того, чтобы его душа растроганная и признательная свободно возносилась къ Богу. Нѣтъ, ничто не нравилось Руссо въ философіи энциклопедистовъ: ни скептическая веселость д'Аламбера; ни эта холодная статуя Кондильяка, которая посредствомъ ощущенія пробудилась къ жизни; ни эта система броженія органовъ, посредствомъ котораго Дидро думалъ объяснить тайну мысли, ни эта пустота, которую атеизмъ оставлялъ во вселенной и въ человѣкѣ.

Итакъ Жанъ-Жакъ нападалъ на философію своего времени, но во имя будущаго. И это было предпріятіе далеко не посредственное. Потому что философы составляли страшную лигу, такъ какъ раціонализмъ раздѣлялъ ихъ только тогда, когда нужно было что-нибудь утверждать, и напротивъ служилъ для нихъ связью, когда нужно было отрицать и разрушать. Кромѣ того они управляли общественнымъ мнѣніемъ; они управляли имъ повелительно посредствомъ книгъ, посредствомъ театра, посредствомъ поэзіи, словомъ посредствомъ ума.

Нужно было обезславить ихъ великое средство дѣйствія, науку и литературу, и Руссо попытался на это; его первый Discours рѣшилъ его жизнь. Въ этомъ трактатѣ онъ нападалъ не на ту или другую философію, не на ту или другую систему; но, обобщая свои нападенія съ неслыханною смѣлостью, онъ выступилъ противъ самаго разума, возсѣдавшаго на престолѣ общественнаго мнѣнія; онъ осмѣлился потребовать отъ него отчота въ томъ, какъ онъ пользуется своею властью; онъ укорялъ книги за то, что онѣ до сихъ поръ служили только къ распространенію лжи, помогали искусству развращенія нравовъ, пышнымъ и пустымъ рѣчамъ, несправедливо захватывавшимъ почетъ себѣ;

---

1) «Къ чему послужитъ вамъ то, что вы меня заставите молчать, если вы не можете довести меня до убѣжденія? И какимъ образомъ вы отнимете отъ меня невольное чувство, которое всегда опровергаетъ васъ и безъ меня?» Emile, t. III полнаго собранія сочиненій с. 415. Изд. Армана Обре.

2) Ibid., Profession de foi du vicaire savoyard, p. 472.

и, возвышаясь въ своемъ возстанiи даже до признанiя незаконности аристократiи мысли, онъ возбуждалъ негодованiе народа на «неравенство, введенное между людьми на основанiи различiя талантовъ и униженiя добродѣтелей [1]).»

Велико было волненiе и изумленiе въ литературной республикѣ; Руссо этого и ожидалъ. Въ сущности анаѳема, которою онъ поражалъ науки и искусства, была по его намѣренiю ничѣмъ инымъ какъ смѣлою и поразительною тактикою. Онъ удвоилъ ее въ своемъ Lettre à d'Alembert sur les spectacles. Тогда умы заволновались около этихъ неожиданныхъ парадоксовъ; философы ясно почувствовали, что на нихъ нападаютъ въ самомъ центрѣ ихъ владѣнiй, и они приготовились поразить Руссо своимъ мщенiемъ. Война была объявлена; и Жанъ-Жакъ велъ ее, противопоставляя философiи индивидуализма философiю единства. Онъ былъ предтечею новаго соцiализма: это было его несчастiе и его слава.

Но развѣ Руссо въ трактатѣ, удивительномъ впрочемъ по краснорѣчiю и страсти, не прославлялъ къ стыду общественнаго состоянiя добродѣтели и блескъ дикой жизни? Развѣ онъ, начертавши правила воспитанiя, не училъ своего воспитанника обходиться безъ сношенiй съ людьми?... Остановитесь съ этими возраженiями.

Въ XVII вѣкѣ Мольеръ, первый изъ мыслителей и поэтовъ, сочинилъ пьесу, которая останется одною изъ самыхъ торжественныхъ и самыхъ патетическихъ протестацiй, какiя когда-либо оглашали мiръ. Онъ выставилъ на сцену борьбу великихъ умовъ противъ общества, которое мудрость ихъ считаетъ безумiемъ, борьбу великихъ душъ противъ общества, которому высота ихъ кажется слабоумiемъ. Героя этой борьбы высокой, отчаянной, безсильной, этой комедiи для прошлыхъ поколѣнiй и трагедiи для будущихъ Мольеръ назвалъ мизантропомъ; этого мизантропа онъ представилъ суровымъ и нѣжнымъ, обладающимъ бурною смѣлостью и гордостью нѣсколько мрачною и тѣмъ не менѣе слабымъ какъ дитя въ дѣлахъ сердца, показывающимъ видъ, будто онъ ненавидитъ, хотя въ дѣйствительности безутѣшно страдающимъ о томъ, что не можетъ любить ихъ искренними и добродѣтельными. Такимъ-то Мизантропомъ Мольера въ XVIII вѣкѣ былъ Руссо, въ которомъ ненависть была не что иное какъ разсерженная любовь и разбѣшенная нѣжность.

---

1) Discours sur les sciences et les arts, t. I полнаго собранiя сочиненiй Ж.-Ж. Руссо, p. 28.

Какъ! вы ловите на словѣ человѣка, самаго общительнаго изъ людей [1]), въ то время какъ онъ изнѣженности цивилизованныхъ обществъ, ихъ лицемѣрной вѣжливости и тысячѣ формъ ихъ рабства противопоставляетъ грубое, но независимое существованіе человѣка лѣсовъ? Ахъ, да развѣ вы не видите, какое проклятіе скрывается подъ покровомъ этого новаго парадокса? Развѣ вы не чувствуете, что это иронія на манеръ Паскаля? Это буйное опьянѣніе есть ли что-нибудь другое, какъ не естественное преувеличеніе истины во гнѣвѣ? Ужели вы не лучше поймете и Руссо, какъ не поняли Альцеста, когда вы находили Альцеста милымъ, потому что онъ раздражался, смѣшнымъ, потому что онъ былъ революціонеромъ, наконецъ дикимъ, потому что онъ убитый, огорченный, скрывшій въ глубинѣ себя свои стоны, но все-еще надѣющійся на лучшіе дни, восклицалъ:

Trahi de toutes parts, accablé d'injustices,
Je vais sortir d'un gouffre où triomphent les vices,
Et chercher sur la terre un endroit écarté
Où d'être homme d'honneur on ait la liberté [2]).

Теперь если спросятъ, почему Руссо въ «Эмилѣ» занимался частнымъ воспитаніемъ, а не воспитываніемъ общественнымъ или соціальнымъ, почему онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своего воспитанника человѣка отвлеченнаго [3]) и научить его просто на просто ремеслу жить [4]), то онъ самъ уже указалъ на причину этого: «общественное учрежденіе уже не существуетъ и не можетъ существовать, потому что гдѣ нѣтъ отечества, тамъ не можетъ быть и гражданъ [5]).» И Руссо имѣлъ еще другую причину, секретъ которой онъ также выдалъ. Онъ думалъ, онъ зналъ, что общество находится наканунѣ глубокой и безпримѣрной революціи [6]). По прозрѣнію свойственному геніямъ онъ уже видѣлъ Европу перевернутою вверхъ дномъ, ранги перемѣшавшимися, дворянъ въ бѣгствѣ и ссылкѣ, богачей доведенными до бѣдности. Итакъ «принимая

---

[1]) Rêveries du promeneur solitaire, première promenade.

[2]) Предаваемый со всѣхъ сторонъ, убитый несправедливостями,
Я убѣгу изъ этой пропасти, въ которой торжествуютъ пороки,
И буду искать на землѣ отдѣльный уголокъ,
Гдѣ можно свободно быть честнымъ человѣкомъ.

[3]) Emile, t. I полнаго собранія сочиненій, liv. I, p. 22.

[4]) Ibid., p. 21.

[5]) Ibid., p. 19 et 20.

[6]) Emile, t. I полнаго собранія сочиненій, liv. III въ примѣчаніи Руссо.

во вниманіе измѣнчивость человѣческихъ дѣлъ и безпокойный и волновавшійся духъ вѣка» [1]), онъ рѣшилъ, что Эмиль долженъ быть воспитанъ не для состоянія ассоціаціи и мира, а для состоянія всеобщаго распаденія и войны. Да, его воспитанникъ долженъ былъ умѣть устоять противъ ударовъ судьбы, переносить бѣдность, жить если нужно будетъ въ льдахъ Исландіи или на жгучей скалѣ Мальты; потому что приближается время, когда дѣйствительно необходимой наукой будетъ именно эта. Зачѣмъ учить Эмиля быть гражданиномъ? тогда было нѣчто болѣе необходимое, чему слѣдовало учить его: Руссо хотѣлъ научить его быть человѣкомъ! Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, какой внушительный характеръ представляетъ книга Emile! Какая высокая меланхолія заключается въ этихъ урокахъ, дававшихся и выслушивавшихся при звукахъ пророческихъ словъ: скоро придетъ революція! Какимъ обвиненіемъ доктрины грозившей сдѣлаться господствующею, именно доктрины индивидуализма, была эта система частнаго и исключительнаго воспитанія, принятая и рекомендуемая только потому единственно, что время общественнаго воспитанія еще не пришло и было далеко!

Наконецъ въ Эмилѣ же Руссо, отдѣляя свое дѣло отъ дѣла прошедшаго, отдѣлилъ его также рѣшительно и отъ дѣла настоящаго.

И никогда еще воображеніе не представляло въ столь живыхъ краскахъ доказательства истинъ, которыя служатъ нравственною связью между разсѣянными членами человѣческой семьи. Смиренный савоярскій епископъ, котораго Жанъ-Жакъ сдѣлалъ судьею надъ философами своего времени, представленъ у него на холмѣ какъ нѣкогда любимый ученикъ Сократа на промонторіѣ Суніумъ; тамъ въ прекрасный лѣтній день, освѣщаемый лучами восходящаго солнца, въ центрѣ пейзажа увѣнчаннаго вдали цѣпью Альповъ, этотъ человѣкъ мира говорилъ языкомъ, въ которомъ христіанское помазаніе Іоанна Гуса соединялось съ важнымъ краснорѣчіемъ Платона. Но на этотъ разъ обращеніе дѣлалось не къ единичной гордости разума; Жанъ-Жакъ заклиналъ вѣкъ, по преимуществу руководившійся разумомъ, склониться передъ авторитетомъ чувства. Я чувствую, что способность сравнивать впечатлѣнія идущія извнѣ имѣетъ свои корни во мнѣ: итакъ я не рабъ внѣшняго міра. Среди восторга, въ который погружаетъ меня зрѣлище вселенной, я чувствую присутствіе невидимаго управителя міровъ: итакъ должно, чтобы я признавалъ и почиталъ это неизвѣст-

[1]) Ibid., p. 22.

ное существо, отъ котораго происходятъ даже законы тяготѣнія и которое «бросило планеты по касательной ихъ орбитъ [1]).» Я чувствую, что во мнѣ есть принципъ дѣятельности, котораго я напрасно ищу въ матеріи, а торжество злыхъ въ теченіи настоящей жизни указываетъ мнѣ на безсмертіе какъ на оправданіе Бога: итакъ я имѣю душу и она безсмертна. Я чувствую, что послѣ того какъ я обсужу что-нибудь, во мнѣ является желаніе: итакъ я существо свободное. Еслибы личный интересъ былъ единственнымъ двигателемъ моихъ дѣйствій, то плакали ли бы мои глаза надъ отдаленнымъ несчастіемъ и могъ ли бы я проникаться удивленіемъ къ истиннымъ героямъ протекшихъ вѣковъ? Нѣтъ, я чувствую все это: итакъ моя жизнь принадлежитъ не мнѣ только, она принадлежитъ человѣчеству. И послѣ этого что могутъ противъ силы моихъ порывовъ ваши утонченные аргументы? Кчему послужитъ вамъ то, что вы доведете меня до молчанія, когда изъ глубины меня противъ васъ поднимется протестъ нѣмой, но неукротимый? Вы устаете убѣждая меня? Но я хочу быть убѣжденнымъ. Вы хотите дѣйствовать на мой умъ? Посмотримъ сначала, имѣете ли вы силу надъ моимъ сердцемъ.

Вотъ добрый священникъ, вотъ Жанъ-Жакъ. Его миссія въ обществѣ, стремившемся къ разложенію, состояла въ томъ, чтобы противопоставить преувеличенному культу разума, который разрушаетъ группы, культъ чувства, который образовываетъ и сохраняетъ ихъ.

И изъ всѣхъ понятій, составляющихъ вѣру Руссо, не было ни одного, которое бы не входило въ эту величественную и поэтическую доктрину единства, братства.

Если онъ вѣрилъ напр. существованію Бога, то не такъ, какъ Вольтеръ, изъ желанія объяснить болѣе логично твореніе, но вслѣдствіе потребности имѣть защитника для слабыхъ и угнетенныхъ [2]), защитника, при помощи котораго рано или поздо возстановилось бы равновѣсіе и котораго справедливость была бы гарантіей противъ вѣчности угнетенія. Дидро, какъ впослѣдствіи Анахарсисъ Клоцъ, былъ доведенъ до атеизма ужасомъ, который внушали ему фанатики; онъ желалъ лучше отрицать Бога, чѣмъ исповѣдывать жестокость, и онъ отказывался почитать въ лицѣ его образцоваго монарха земныхъ тирановъ. Но изъ-за того, что долгое время злоупотребляли понятіемъ Бога, извращая его, изъ-за того, что теологія мрачныхъ эпохъ осмѣлилась сдѣлать Бога раздражительнымъ, мстительнымъ, яростнымъ, не-

1) Emile, liv. IV, p. 412.

2) См. Письмо Руссо къ Делейру, одному изъ друзей Дидро.

умолимымъ,—изъ за-того, что деспоты имѣли удивительное безуміе выдавать свое узурпированное величіе за отраженіе божественнаго свѣта и свои безчестныя приказанія за отголоски небесныхъ повелѣній,—слѣдовало ли смѣшивать идею деспотизма съ идеею покровительства? и ужели нельзя было, не отрицая Бога, опредѣлять его иначе, чѣмъ это дѣлали нечестивые палачи? Вотъ что думалъ Руссо, пиша «Эмиля», и что впослѣдствіи долженъ былъ думать Робеспьерръ, установляя праздникъ верховнаго существа. Оба партизаны сильной власти, когда нужно было покровительствовать слабымъ и спасать отъ гибели несчастныхъ, авторъ Contrat social и его ученикъ знали, что форма обществъ есть испытаніе ихъ метафизики и ихъ теологіи. Но они думали, что атеизмъ освящаетъ безпорядокъ между людьми, предполагая анархію въ небесахъ.

Вотъ еще одна черта для окончанія картины: извѣстно, что Жанъ-Жакъ, несмотря на страстное удивленіе, внушаемое ему евангеліемъ, не принималъ откровеннаго Бога и былъ деистомъ. И вотъ даже этотъ его деизмъ вытекалъ изъ его доктрины о единствѣ и изъ той горести, которую вызывало въ немъ различіе культовъ: «Какъ только люди рѣшились заставить говорить Бога, каждый заставлялъ говорить его по-своему и говорить то, что самому хотѣлось. Еслибы люди внимали только тому, что Богъ говоритъ въ сердцѣ человѣка, то всегда была бы только одна религія на землѣ [1].»

Таковы были усилія Руссо, такова была его философская миссія. Но въ своемъ вѣкѣ онъ былъ представителемъ второй половины нашего вѣка. Его книги жадно читали и хвалили ихъ, но никто не хотѣлъ идти по его слѣдамъ. «Новая Элоиза» увлекала молодыхъ людей и женщинъ; по указанію наставника Эмиля домашніе нравы измѣнялись и тысячи дѣтей обязаны были Руссо тѣмъ, что они кормились молокомъ своихъ матерей. Но Жанъ-Жакъ не одерживалъ никакихъ другихъ побѣдъ до того момента, когда его сочиненія появились на столѣ комитета общественнаго спасенія.

Такимъ образомъ жизнь его была наполнена болью и онъ былъ осужденъ на ту муку, которая въ его безуміи составляла продолженіе безумія Паскаля! Попеременно то убѣгавшій въ Эрмитажъ, то изгоняемый изъ Франціи и Женевы, его двухъ отечествъ, то блуждавшій среди шумнаго уединенія Парижа, гдѣ онъ ходилъ въ костюмѣ армя-

---

[1]) Emile, liv. IV, p. 450.

нина, узнаваемый и уважаемый, но весь преданный своей недовѣрчивой печали, Руссо влачилъ скучное существованіе и умиралъ изо дня въ день въ уединеніи своей славы. Обвиненный въ нечестіи парламентомъ, осмѣиваемый философскимъ невѣріемъ, приговоренный къ аресту большою палатою, осужденный Сорбонною и парижскимъ архіепископомъ, котораго онъ убилъ своимъ страшнымъ «отвѣтомъ», подвергавшійся многократнымъ обидамъ Вольтера, за которыя онъ отмстилъ подписавшись на его статую [1]), безутѣшный вслѣдствіе потери дружбы Дидро и можетъ быть оклеветавшій себя въ своихъ Confessions,— Жанъ-Жакъ зналъ всѣ бѣдствія, онъ, имѣвшій къ этимъ бѣдствіямъ рѣдкую чувствительность и безграничную гордость. Итакъ если онъ бывалъ иногда виноватъ, если онъ дѣлался несправедливымъ, вынужденный перенесенными или ожидаемыми несправедливостями..., то перечитаемъ его безсмертныя произведенія и простимъ его за его несчастія, которыя составляютъ святость его генія.

Какъ не похожа была на эту судьба Вольтера, поддерживаемаго и носимаго великимъ теченіемъ XVIII вѣка! Вольтеръ въ отсутствіи, и имъ наполняется Франція. Изъ Фернея онъ предсѣдательствуетъ на банкетахъ Гельвеція, воодушевляетъ энциклопедистовъ на битву, даетъ тонъ французскому духу и принуждаетъ всю Европу жить его вліяніемъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ произвелъ мужественные звуки римской свободы и показалъ Тартюфа съ оружіемъ въ рукахъ [2]), театръ сталъ принадлежать ему. Вездѣ декламируются его стихи, повторяются его романы или разсказы; въ книгахъ, которыя онъ не осмѣливается признать своими, его угадываютъ по таланту, который измѣнялъ его благоразумію; его насмѣшка была неизбѣжна; его жертвамъ нѣтъ числа; и казалось, что въ его вѣкъ не слышно было ничего кромѣ продолжительнаго и страшнаго смѣха, сигналъ къ которому онъ подалъ. Если онъ являлся въ Парижъ, то не для того, чтобы скрываться въ немъ какъ Руссо, а для того чтобы получать овацію за оваціей и чтобы однажды вечеромъ послѣ представленія Mérope получить поцалуй въ ложѣ маршальши Вильяръ отъ лица и при аплодисментахъ боготворившей его публики. Пусть не ждутъ здѣсь отъ насъ перечисленія множества блестящихъ сочиненій, которыя буржуазія знаетъ наизустъ. Вотъ скоро будетъ сто лѣтъ, какъ Вольтеръ ведетъ тріумфъ

---

[1]) Мюссе Патей, Hist. de la vie et des ouvrages de J.-J. Rousseau, p. 325.

[2]) Такъ Вольтеръ называлъ Магомета своей трагедіи.

торжествующаго класса. Пробѣгая назадъ исторію съ революціи до Людовика XIV, мы увидимъ только жизнь Вольтера, жизнь удивительную и въ XVIII вѣкѣ необходимую.

Отнимите Вольтера у XVIII вѣка и побѣда философской арміи будетъ не вѣрна. Благодаря упорству этого легкаго генія, энциклопедисты имѣли своими помощниками въ войнѣ противъ церкви принцевъ и королей. Делисъ, Лозанна, Ферней были королевскими резиденціями философіи. Отсюда каждый день шла та корреспонденція, которую Вольтеръ велъ съ государями, его хвастливыми собратьями [1], — громадный трудъ, которымъ забавлялось его огненное перо, невиданная дипломатія, которая господствовала почти надъ всѣми дворами Европы, вскружила почти всѣ коронованныя головы и довела гордыхъ монарховъ до того, что они становились куртизанами у новаго величества, которое называлось разумомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ философіи, Вольтеръ умѣлъ пріобрѣтать себѣ союзы въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Для нѣмецкихъ принцевъ, которые признавали въ немъ продолжателя дѣла, начатаго пророкомъ изъ Виттенберга, элегантная лесть, подписанная Вольтеромъ, была какъ-бы моральной инвеститурой. Прежде всѣ хотѣли быть рыцарями; теперь же не было важной особы, которая не имѣла бы честолюбія сдѣлаться рыцаремъ философіи, принявши въ Фернеѣ посвященіе отъ патріарха. Отчего же и не дать этого посвященія? Вольтеръ прельстилъ даже папу, самого папу. И перо, поздравлявшее Екатерину II за то, что она послала въ Польшу 50 тысячъ человѣкъ для утвержденія тамъ свободы совѣсти [2]), по счастливой смѣлости посвятило Магомета Бенедикту XIV. На религіозный фанатизмъ во Франціи нападаютъ подъ покровительствомъ Ватикана! верховный первосвященникъ принимаетъ посвященіе себѣ трагедіи въ то время, когда Руссо гремѣлъ въ своемъ Lettre sur les spectacles!... Сколько неожиданнаго и сколько новостей! Можно было подумать, что земныя власти, предчувствуя бурю, спѣшатъ умилостивить власти ума. Въ Петербургѣ русская императрица занималась рѣчами или молчаніемъ Вольтера; въ Фонтенбло Христіанъ VII, король датскій, хвастался передъ Людовикомъ XV, что онъ у Вольтера научился мыслить [3]); Густавъ III, въ надеждѣ возбудить удивленіе въ философахъ, торжествен-

---

1) «Послѣ того какъ я пожилъ у королей, я сдѣлался королемъ у себя.» Mémoires de Voltaire, t. II, изд Делангля.

2) Correspondance de Voltaire, t. XX, p. 190.

3) Ibid., t. XXI, p. 263.

но отказался отъ произвольной власти [1]); Іосифъ II, какъ настоящій государь XVIII вѣка, задумывалъ противъ священниковъ свои горячіе эдикты и отдавалъ на службу идеямъ руку германскаго Цезаря; не было ли во всемъ этомъ чего-то дѣйствительно провиденціальнаго? Древность видѣла, что цари становились главами школъ; но никогда не было видано, чтобы небольшой кружокъ людей ума имѣлъ у себя школу королей. Вольтеръ могъ писать Дамилавиллю: «я играю теперь на четвертаго короля [2].» И онъ долженъ былъ выиграть эту большую партію!

Между этими государями какъ можно забыть Фридриха? Фридриха можно было бы представить стоящимъ на другомъ берегу рѣки, которая отдѣляетъ старый міръ отъ новаго. Пока онъ остается еще на рѣкѣ, онъ неоспоримо великій человѣкъ; потому что онъ соединяетъ въ себѣ различныя качества, которыя въ предшествовавшихъ вѣкахъ дѣлали королей знаменитыми: геніальность военнаго человѣка, смѣлость завоевателя городовъ и провинцій, знанія администратора, волю просвѣщеннаго деспота. Но какъ только онъ переправится черезъ рѣку, сейчасъ же развѣнчивается; потому что тогда онъ, завоеватель, очутится среди философовъ, которые оскорбляютъ завоевательный духъ, онъ воинъ среди мыслителей, для которыхъ война отвратительна [3]), онъ абсолютный монархъ среди писателей, которые возстали противъ тираніи. Такимъ образомъ Фридрихъ, сдѣлавшись философомъ, сталъ въ положеніе ложное, почти невозможное; и ничто лучше не доказываетъ рѣшительнаго вліянія тогдашняго духа, какъ двойственная и противорѣчивая роль, на которую былъ вынужденъ прусскій король. Людовикъ XV, который относительно заботъ о будущемъ имѣлъ только страхъ передъ адомъ и который считалъ себя напередъ разрѣшеннымъ отъ всѣхъ своихъ развратныхъ грѣховъ, если только онъ будетъ убѣгать философовъ [4]), конечно, могъ предохранить себя отъ заразы. Но король прусскій имѣлъ для этого слишкомъ мало предразсудковъ и слишкомъ много ума. Кромѣ того Фридрихъ былъ занятъ потомствомъ, какъ самый вульгарный изъ героевъ. Хоть онъ и сомнѣвался по-вре-

---

1) Ibid., Письмо къ д'Аламберу: «я удивляюсь Густаву III» и пр. XXV, p. 48.

2) Ibid., t. XIX, p. 322.

3) См. Correspondance de Voltaire et de Frédéric относительно войны, t. VI, p. 534, t. XXV, p. 449, 455, et t. XXVI, p. 34.

4) Рукописи герцога Шуазеля, приводимыя у Сенъ-При въ его Histoire de la Chute des jésuites.

менамъ въ безсмертіи своей души, хоть онъ и называлъ себя беззаботнымъ (sans-sousi) и далъ своему любимому мѣстопребыванію это названіе, придуманное его мнимымъ равнодушіемъ, но тѣмъ не менѣе онъ заискивалъ въ философахъ какъ въ друзьяхъ своей славы [1]); онъ былъ чувствителенъ къ преступнымъ поздравленіямъ, которыя Вольтеръ адресовалъ ему по случаю сраженія при Росбахѣ, бывшаго одною изъ бѣдъ для французовъ [2]); ему нравилось знать, что въ то время, какъ онъ воевалъ съ Франціей, французскіе философы, друзья мадамъ Жоффренъ, собравшись въ одной аллеѣ въ Тюльери, обмѣнивались пожеланіями счастья его царствованію и успѣха его оружію [3]).

Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ Фридрихъ, призвавши Вольтера къ своему двору въ 1750 г., назвавши его своимъ камергеромъ, давши ему одинъ изъ своихъ орденовъ и 20 тысячъ франковъ пенсіона [4]), предпочелъ ему въ 1752 г. Мопертюи, унизилъ его, заставилъ бѣжать, приказалъ своимъ сбирамъ оскорбить его во Франкфуртѣ и заслужилъ отъ оскорбленнаго поэта названіе Діонисія Сиракузскаго. Но что за важность? Фридрихъ нуждался въ философахъ; онъ угождалъ имъ: поэтому союзъ былъ заключенъ снова и это уже послѣ происшествія во Франкфуртѣ Вольтеръ поздравлялъ его какъ побѣдителя при Росбахѣ!

Изъ этого факта можно видѣть, какихъ жертвъ стоилъ часто человѣческому достоинству тріумфъ философа. И это не только относительно королей; потому что Вольтеръ, нужно сказать, обнаруживалъ подобную излишнюю податливость даже относительно священниковъ, тѣхъ самыхъ священниковъ, власть которыхъ онъ поклялся разрушить. Въ Фернеѣ онъ боялся не ходить къ обѣднѣ, пріобщался и даже построилъ церковь [5]). Но этимъ актамъ лицемѣрія столь мало почтеннымъ онъ успѣлъ придать такой лоскъ хорошаго вкуса и граціи, что они приносили пользу его роли, не унижая его характера; и онъ былъ столь простодушенъ, что писалъ весело своимъ друзьямъ: «Когда имѣешь честь давать благословенный хлѣбъ въ пасху, тогда вездѣ можно ходить съ поднятою головою [6]).»

---

1) Correspondance de Voltaire à d'Alembert, t. X, p. 95.

2) «Благодарю васъ за участіе, какое вы принимаете въ счастливой случайности, которая помогла мнѣ къ концу компаніи, въ которой все казалось потеряннымъ». Correspondance de Voltaire, Фридрихъ къ Вольтеру, t. X, p. 197.

3) Mémoires de Morellet, t. I, p. 83.

4) Correspondance de Voltaire, à madame Denis, t. VII, p. 185.

5) Ibid., t. XIII, p. 29.

6) Ibid., à d'Alembert, p. 126.

Итакъ все было у философіи XVIII вѣка для того, чтобы завладѣть обществомъ: качества и недостатки вождя, жаръ учениковъ, сильные покровители, внимательная и симпатизировавшая публика.

Что касается до противниковъ, съ которыми должны были бороться философы, то послѣ Руссо едвали стоитъ говорить объ нихъ. Что могли сдѣлать противъ движенія, которое прошло даже черезъ самого Жанъ-Жака, люди, умѣвшіе сопротивляться только во имя отжившихъ идей? Что могли сдѣлать Ле Франъ де Помпиньянъ съ своею пріемною рѣчью въ академіи, Палиссо съ своею оскорбительною «Комедіею новыхъ философовъ», мадамъ дю-Деффанъ съ своимъ дурнымъ расположеніемъ духа, адвокатъ Ленге съ своею газетой и даже этотъ Жильберъ, столь ѣдкій въ своемъ несчастіи и столь нѣжный, явившійся въ одинъ день и умершій! И притомъ это была не легкая храбрость возставать противъ Вольтера; и каждый дрожалъ передъ человѣкомъ, который награвировалъ такимъ образомъ портретъ Фрерона: «онъ соединялъ ложь Симона съ стилемъ Зоила, съ безстыдствомъ Терсита и съ наружностью Раготена [1].» Такъ что все содѣйствовало увеличенію и укрѣпленію верховнаго владычества боровшагося Вольтера, начиная отъ искусства лести до искусства застращиванія.

Съ другой стороны старыя вѣрованія изо дня въ день, изъ часа въ часъ подрывались во множествѣ сочиненій, выходившихъ изъ-подъ неизвѣстныхъ перьевъ, издававшихся подъ ложными именами или фальшиво приписываемыхъ писателямъ уже умершимъ. Голландія, сдѣлавшаяся огромной типографіей къ услугамъ философскихъ идей, наводнила Европу антихристіанскими книгами: le Militaire philosophe, les Doutes, Imposture sacerdotale, le Christianisme dévoilé. И рекомендація Вольтера давалась каждому изъ произведеній серьезно направленныхъ противъ церкви, ея догматовъ и ея служителей. «Это—сокровище,—писалъ онъ, говоря о Testament du curé Meslier... Презрѣнные, какой отвѣтъ—это завѣщаніе священника, священника, который проситъ у Бога прощенія въ томъ, что онъ былъ христіаниномъ [2].» Въ свою очередь и Фридрихъ благопріятствовалъ этому неутомимому заговору мысли. Но не довольствуясь тѣмъ, что онъ возбуждалъ къ нападенію на церковь авторовъ, которыхъ ободряло его покровительство, онъ думалъ уничтожить въ своемъ государствѣ монастыри и секуляризовать бенефиціи и съ удовольствіемъ внималъ слѣдующей похвалѣ Вольтера: «ваша идея на-

---

[1]) Correspondance de Voltaire, t. XIII, p. 87.
[2]) Ibid., t. XIV, p. 197 et 203.

пасть на христовское суевѣріе черезъ монаховъ показываетъ въ васъ великаго капитана [1]).»

Мы уже упоминали о баронѣ Гольбахѣ (Holbach). Долгое время онъ былъ деистомъ и даже употреблялъ усилія, чтобы привлечь къ своему вѣрованію Дидро. Однажды, встрѣтивши его въ одной изъ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ Дидро изучалъ описаніе искусствъ и ремеслъ, Гольбахъ показалъ ему машину, которой удивительныя дѣйствія ясно показывали невидимый геній мастера, который изобрѣлъ ее; и онъ заклиналъ своего друга почтить великаго мастера природы, старался тронуть его, умолялъ его ради Бога. Наконецъ, увлеченный своимъ чувствомъ, онъ упалъ на колѣни и, заливаясь слезами, умолялъ Дидро отказаться отъ атеизма; но въ этой странной борьбѣ Дидро одержалъ побѣду и деистъ сдѣлался атеистомъ [2]). Этотъ самый Гольбахъ издалъ въ 1770 г. подъ именемъ Мирабо кодексъ атеизма самый основательный и самый полный, какой когда-либо являлся.

«Système de la nature» составляетъ эпоху въ XVIII вѣкѣ. До сихъ поръ атеизмъ обнаруживался только отдѣльными выходками: въ Système de la nature онъ являлся въ формѣ догматической и рѣшительной. Въ предшествующемъ вѣкѣ Спиноза также отрицалъ личнаго Бога христіанъ, но замѣнилъ этотъ догматъ системой полной поэзіи и величія. Представлять Бога субстанціей единственной, безконечной, двумя аттрибутами которой служатъ мысль и матерія, а всѣ конечныя существа суть только способы ея обнаруженія, — это не значило создать пустоту въ мірѣ, напротивъ это значило представить всю вселенную наполненною Богомъ. Въ Système de la nature нѣтъ ничего подобнаго. Никогда съ большимъ спокойствіемъ и съ болѣе ужасною веселостью не дѣлались подобныя развалины.

По Système de la nature человѣкъ есть существо чисто физическое, и то, что мы называемъ моральнымъ человѣкомъ, есть не что иное, какъ это же физическое существо, разсматриваемое съ извѣстной точки зрѣнія [3]). Человѣкъ есть аггрегатъ частичекъ матеріи, одаренныхъ особенными свойствами, въ числѣ которыхъ находятся также свойства мыслить, чувствовать, двигаться [4]). То, что человѣкъ есть въ маломъ видѣ, то природа въ большомъ; вотъ и все. Смочите муку водою и поставьте эту смѣсь въ надлежащія условія и

¹) Ibid., t. XX, p. 9.
²) Гара, Mémoires sur M. Suard, t. I, p. 208 et suiv.,
³) Système de la nature, t. I, chap. I, p. 16.
⁴) Ibid., p. 25.

вы получите органическія существа, получите жизнь [1]); приведите въ соприкосновеніе огонь съ порохомъ, вы получите движеніе: и такъ матерія содержитъ въ себѣ движеніе и жизнь [2]). А что такое душа? матеріальный органъ. Страсти? недоступныя для зрѣнія частицы, подвергающіяся броженію [3]). Свободная воля? необходимость, заключающаяся въ насъ самихъ [4]). Безсмертіе? счастливая химера. «Оставимъ энтузіазму его неопредѣленныя надежды, оставимъ суевѣрнымъ страхи, которыми питается ихъ меланхолія; но пусть сердца укрѣпленныя разумомъ не боятся смерти, которая уничтожитъ всякое чувство [5]).»

Эта книга, къ которой мы возвратимся въ слѣдующей главѣ посвященной политикѣ, произвела сильное впечатлѣніе. Воображеніе, благородныя надежды, логика высокихъ увлеченій, увѣренность поэтовъ,— все это считалось слабостью на страницахъ, которыя тѣмъ не менѣе дышали энтузіазмомъ добродѣтели и въ которыхъ виденъ былъ духъ Дидро! Едвали возможна была еще большая философская смѣлость послѣ столь мрачнаго, столь страшнаго гимна, воспѣтаго случаю и ничто! Фридрихъ смутился даже какъ философъ и перомъ, владѣть которымъ училъ его Вольтеръ, написалъ опроверженіе Système de la nature. Вольтеръ не менѣе устрашенный испустилъ одинъ изъ тѣхъ криковъ, которые слышалъ весь его вѣкъ. Раздоръ, возникшій въ лагерѣ философовъ, обнаружился передъ глазами всей Европы.

Такимъ образомъ раціонализмъ, доведенный до крайности, самъ обнаружилъ свою слабую сторону: умственная анархія стала великимъ событіемъ исторіи.

Но эта реакція, одушевляемая кромѣ того противоположнымъ преувеличеніемъ принципа авторитета, совершалась не безъ пользы для прогресса; и философы, хотя и разногласившіе между собою, тѣмъ не менѣе преслѣдовали своимъ неизбѣжнымъ гнѣвомъ общаго врага.

«Я вижу все въ розовомъ свѣтѣ», говорилъ съ нѣкотораго времени д'Аламберъ. А онъ видѣлъ то, какъ общество іезуитовъ умирало насильственною смертью, между тѣмъ какъ янсенистамъ готовилась пока естественная смерть. Уничтоженіе іезуитовъ не замедлило оправдать предчувствія д'Аламбера; и это была побѣда, которую философія XVIII вѣка одержала съ первой же своей кампаніи. Потому что не нужно

---

[1]) Ibid., chap. II, p. 38.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., chap. XII, p. 276.

[4]) Ibid., chap. XI, p. 247.

[5]) Système de la nature, t. I, chap. XIX, p. 330.

смѣшивать общихъ причинъ паденія іезуитовъ съ событіями, ускорившими его.

Прежде всего нельзя не удивляться, вспоминая о томъ, какъ началось потрясеніе «этой высокой стѣны», разрушеніе которой предсказывалъ Паскаль. Кто нанесъ первые удары? Можетъ быть это былъ министръ философъ, корреспондентъ Вольтера, подписчикъ «Энциклопедіи»? Нѣтъ: по одной изъ тѣхъ странностей, которыя составляютъ игру исторіи, случилось такъ, что первымъ разрушителемъ іезуитовъ былъ другъ святой инквизиціи, гордый маркизъ Помбаль. Онъ ненавидѣлъ въ нихъ только неблагопріятное вліяніе для своей тиранической власти, и покушеніе на убійство португальскаго короля было предлогомъ, которымъ онъ воспользовался для пораженія ихъ. Это была съ его стороны только политическая экзекуція и онъ постарался объясниться передъ Европой въ манифестахъ, гдѣ онъ кажется отрицалъ у философовъ славу, будто они вооружили его руку. Но такъ какъ онъ опозорилъ свой тріумфъ своею жестокостью, то его заявленія были полезны философіи, которая такимъ образомъ воспользовалась результатомъ, съ тѣмъ однако, что никто не имѣлъ права ставить ей въ вину насильственность средствъ. Въ самомъ дѣлѣ Европа пришла въ негодованіе, узнавши, что вслѣдствіе двухъ пистолетныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ неизвѣстнымъ лицомъ въ Іосифа I, любовника маркизы Тавора, вся фамилія донны Терезы была подвергнута уголовному обвиненію и судима исключительнымъ трибуналомъ, служившимъ личной ненависти португальскаго министра; что на эшафотѣ, поставленномъ при Таго, явилась съ веревкою на шеѣ, съ распятіемъ въ рукѣ и умерла отъ руки палача донна Элеонора-де-Тавора, женщина, и что наконецъ былъ колесованъ герцогъ Авейро, умершій среди страшныхъ мученій и наполнившій мѣсто казни страшными воплями [1]).

Конечно философы должны были быть очень рады, что на нихъ не падала отвѣтственность за изгнаніе португальскихъ іезуитовъ, когда это изгнаніе сопровождалось такимъ варварствомъ. Поэтому Вольтеръ, Дидро и д'Аламберъ поспѣшили присоединить и свои голоса къ порицанію, раздававшемуся со всѣхъ сторонъ. Но, повторяемъ, результатъ былъ выгоденъ и для нихъ; и когда Вольтеръ выражалъ состраданіе къ участи Малагриды, бѣднаго старика, посаженнаго въ тюрьму и затѣмъ подъ предлогомъ ереси задушеннаго и сожженнаго по приказанію Помбаля, то онъ очень хорошо зналъ, что его жалость не спасетъ іезуи-

---

[1]) Сенъ-При, Hist. de la chute des jésuites, p. 22.

товъ. Въ Португаліи они имѣли противъ себя своевольнаго министра; а вездѣ они имѣли противъ собя романъ «Кандидъ» и философію. Они должны были пасть какъ тѣ слишкомъ зрѣлые плоды, которые отдѣляются отъ дерева при малѣйшемъ дуновеніи. Вотъ что случилось. Послѣдовательно изгнанные изъ Португаліи Іосифомъ I, изъ испанской монархіи Карломъ III, изъ Франціи мадамъ Помпадуръ въ союзѣ съ герцогомъ Шуазелемъ, они могли ожидать себѣ развѣ только анаѳемы отъ Рима, воинствомъ котораго они были; и они не избѣжали этого послѣдняго несчастія,—блистательное доказательство силы новаго духа!

Едва Ганганелли сдѣлался Климентомъ XIV, какъ христіаннѣйшіе короли стали требовать отъ него уничтоженія ордена іезуитовъ; Австрія сама предлагала себя для начала революціи; и посланники великихъ дворовъ принесли въ Римъ желаніе энциклопедистовъ. Герцогъ Шуазель, который не удостоивалъ іезуитовъ чести ненавидѣть ихъ, имѣлъ остроумную наглость взять въ Ватиканѣ помощникомъ себѣ для ихъ уничтоженія государственнаго человѣка, знаменитаго своими стишками, граціознаго кардинала Берни. Папа долго медлилъ, тревожимый неопредѣленнымъ страхомъ и черными подозрѣніями [1]). Но его вѣкъ увлекъ его. Истощивши всѣ отсрочки, выжиданія, всѣ уловки своей слабости, Ганганелли подписалъ знаменитое бреве Dominus ac redemptor, которое уничтожало іезуитовъ во всей вселенной [2]).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Ганганелли, хотя одаренный крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, внезапно заболѣлъ. Силы оставили его, сна не было. Черезъ нѣсколько времени изумленные посланники видѣли передъ собою только призракъ, глаза котораго говорили о полупомѣшанномъ умѣ. Спрятавшись въ глубинѣ своего дворца, боявшійся самого себя, несчастный папа чувствовалъ приближеніе смерти. Когда пришелъ часъ ея, его кости расщеплялись какъ кора сгнившаго дерева; и тогда-то вспомнили, что, подписывая бреве уничтоженія іезуитовъ, Климентъ воскликнулъ: «Это уничтоженіе принесетъ мнѣ смерть» [3]). Медики говорили слишкомъ тихо, разсказываетъ историкъ нашего времени, Сенъ-При; но похороны говорили слишкомъ громко. Внутренности Климента разорвали сосудъ, въ которомъ онѣ были; ногти отпали; кожа прилипла къ одеждѣ;

---

[1]) Ibid., p. 147.

[2]) Бреве Климента XIV дано было 1773.—Шуазель тогда уже палъ; іезуиты были изгнаны изъ Франціи въ 1762 г.

[3]) Кретино-Жоли, Hist. de la Compagnie de Jésus, t. V, p. 393.

волосы съ головы трупа остались совсѣмъ на бархатной подушкѣ: Римъ и Европа вѣрили отравленію.

Но для энциклопедистовъ еще недостаточно было поразить іезуитовъ. «Какая польза намъ, когда насъ освободятъ отъ лисицъ, говорилъ Вольтеръ Ла-Шалоте, если насъ отдадутъ волкамъ [1])?» Волки — это были янсенисты. Такимъ образомъ д'Аламберъ, пиша Histoire de la destruction des jésuites, остерегся ломать на мертвыхъ врагахъ оружіе, въ которомъ онъ имѣлъ нужду противъ живыхъ враговъ. Эпитафію общества іезуитовъ онъ превратилъ въ сатиру на canaille janséniennе [2]). Нетерпимость, судебная жестокость и суевѣріе были чудовищами, которыхъ философы желали уничтожить тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что каждый день новыя жестокости возбуждали въ нихъ новый жаръ. То это было страшное и нелѣпое осужденіе кальвиниста Каласа, колесованнаго въ Тулузѣ; то опозореніе невиннаго Сирвана; то два молодые человѣка Ла-Барръ и Эталлондъ были приговорены судьями янсенистами и парламентомъ парижскимъ къ отсѣченію руки, къ вырѣзанію языка и наконецъ къ сожженію живыми за то, что не сняли шапокъ въ 30 шагахъ отъ процессіи и ударили по древку распятія [3]).

Возмущенные философы негодовали на варварство парламентовъ, на фанатизмъ Busiris въ судейскомъ платьѣ. Вольтеръ былъ раздраженъ до такой степени, что, оставляя свой обыкновенный методъ, насмѣшку, онъ предавался генію негодованія. Онъ чувствовалъ, что остроумныя слова не годятся для убійствъ. Имѣя передъ собою эшафотъ Каласа и Ла-Барра, онъ изложилъ вкратцѣ эти мрачные процессы, оскорблявшіе разумъ и казавшіеся ему даже личнымъ оскорбленіемъ. Чтобы возстановить невинность Ла-Барра, онъ написалъ Relation, въ которомъ искрился огонь его гнѣва и гдѣ опять являлась страсть, внушившая «Трактатъ о терпимости». Въ свою очередь онъ гремѣлъ удивительною по силѣ обвинительною рѣчью противъ судей Аббевилля и противъ тулузскаго парламента. Можетъ быть мы обязаны однимъ изъ благодѣяній французской революціи анаѳемамъ Вольтера [4]). Секретныя осужденія! приговоры безъ мотивовъ! «Есть ли тиранія омер-

---

[1]) Correspondance de Voltaire, t. XV, p. 37.

[2]) Ibid. d'Alembert à Voltaire, t. XI, p. 115.

[3]) Эталлонду удалось бѣжать и онъ былъ принятъ Вольтеромъ. Что касается Ла-Барра, то онъ былъ обезглавленъ прежде сожженія на основаніи окончательнаго приговора.

[4]) «Оставимъ Вольтера въ святцахъ нашихъ святыхъ», сказалъ демократъ Торе; и это справедливо.

зительнѣе той, которая проливаетъ кровь по своему произволу, не приводя даже основаній? Это не принято обычаемъ, говорятъ судьи! О чудовища! Нужно, чтобы это сдѣлалось обычаемъ. Вы обязаны дать людямъ отчетъ въ крови людей [1].» И Вольтеръ опирался на то правило Вовенарга, которое, казалось, было написано для настоящаго случая: «то, что не оскорбляетъ общества, не принадлежитъ къ вѣдѣнію его юстиціи [2].»

Въ тотъ же годъ, когда парламентъ приговаривалъ къ казни отцеубійцъ за шалости школьниковъ, въ Парижѣ полученъ былъ трактатъ о «Преступленіяхъ и наказаніяхъ» итальянца Беккаріи (Beccaria) и аббатъ Морелле по предложенію Малерба поспѣшилъ перевести на французскій языкъ это сочиненіе, въ которомъ янсенистская магистратура должна была прочитать свой позоръ. Легко угадать, какое впечатлѣніе должна была произвести подобная книга при разсказахъ о казни Ла-Барра. Семь изданій были расхватаны въ 6 мѣсяцевъ; и уступая просьбамъ своего переводчика, Беккаріа отправился изъ Милана, чтобы посѣтить въ Парижѣ столькихъ симпатизировавшихъ читателей. Гельвецій, мадамъ Жоффренъ, баронъ Гольбахъ, Малербъ приняли его съ восторгомъ; но онъ мрачный и меланхолическій, съ сердцемъ уязвленнымъ раною любви, не могъ скрыть отъ принимавшихъ его перемѣнъ въ своемъ лицѣ и глубины своей печали [3]. Онъ оставилъ Францію, унеся съ собою свое горе и оставивши ей свою крѣпость.

Да, настоящимъ завоеваніемъ философовъ XVIII вѣка была терпимость въ дѣлѣ религіи. Этою терпимостью они были соединены между собою, любили другъ друга и составляли школу. Наперекоръ постояннымъ ихъ раздорамъ они, уходя съ бурныхъ обѣдовъ, на которыхъ мы слышали ихъ спорящими о душѣ и о Богѣ, съ улыбкой вспоминали свои споры и самый твердый деистъ писалъ на другой день своему противнику: милостивый государь и милый атеистъ [4].

Нельзя раскрыть ни одной изъ ихъ книгъ, чтобы не встрѣтить тамъ краснорѣчивыхъ нападеній на инквизицію и Кальвина. Въ своей Cruauté religieuse Булланже представилъ сцены кровавыхъ убійствъ, запятнавшихъ исторію церкви [5]. Гельвецій посвятилъ одну главу Esprit

---

[1] Correspondance de Voltaire, au comte d'Argental, t. XIV, p. 340.

[2] Вовенаргъ, Réflexions et maximes, CLXIV, p. 340.

[3] Mémoires de l'abbé Morellet, t. 1, p. 161.

[4] Ibid, p. 132.

[5] Булланже, t. VI его сочиненій р. 271, 281, 299 etc.

опозоренію преслѣдованій; онъ спрашивалъ, ужели христіане, дѣти евангелія, должны возобновить языческія жертвы и подражать Агамемнону, влача Ифигенію на алтарь, чтобы почтить Боговъ [1]). Аббатъ Рейналь требовалъ мягкихъ добродѣтелей; въ своей Histoire des deux Indes онъ представилъ портретъ того корсара, который, считая цвѣтъ негра ересью природы, холодно разсчитываетъ доходы и расходы своего разбойничества [2]). Прежде перевода Беккаріи, Морелле издалъ Manuel des inquisiteurs, гдѣ говорилось, что въ теченіе первой половины того вѣка и только въ одномъ королевствѣ число жертвъ инквизиціи простиралось до 11 тысячъ, изъ которыхъ 2300 погибли отъ пламени [3]). Кромѣ того философы любили повторять строгія, но нѣжныя правила Бовенарта, такъ рано похищеннаго смертью, храбраго капитана, который стоялъ во главѣ храбрецовъ своего полка и который сдѣлавшись моралистомъ столько питалъ отвращенія къ палачу, сколько презиралъ смерть.

Даже самые простые литераторы постоянно поддерживали дѣло терпимости. Этою стороною «Велисарій» Мармонтеля получалъ важность философскаго романа и если религіозный фанатизмъ представленъ въ его настоящемъ свѣтѣ въ Incas, то потому, что Мармонтель, другъ Дидро, Рейналя и Гельвеція, легко могъ освѣщать свои сочиненія отраженіемъ ихъ бесѣдъ; и какимъ образомъ онъ могъ бы сотрудничать въ «Энциклопедіи», не вынесши изъ нея вмѣстѣ со многими другими ересями и ту ересь терпимости, которая черезъ Бенедикта XIV и Ганганелли проникла даже въ совѣты Ватикана?

Такимъ образомъ школа энциклопедистовъ, питавшая слишкомъ крайнее отвращеніе къ принципу авторитета, преувеличивала важность ощущенія, сверхъ мѣры превозносила раціонализмъ и искала моральнаго достоинства личности только въ ея изолированности. Но ей принадлежитъ та слава, что она вырвала у суевѣрія власть угнетать людей. Терпимость была прекрасною стороною раціонализма: Руссо въ этомъ пунктѣ говорилъ не иначе чѣмъ Вольтеръ; и среди кризиса, гдѣ все было исключеніемъ и насиліемъ, мы слышимъ, какъ самые опасные голоса требуютъ уваженія къ человѣческой совѣсти.

---

[1]) Chap. XXIV, Des moyens de perfectionner la morale, t. I, p. 390, 391.

[2]) Рейналь, Hist. philosophique des deux Indes, t. IV, liv. XI, p. 171.

[3]) См. Eloge de Morellet, Лемонтея, t. I, Mémoires, p. VI.

ГЛАВА II.

ВОЙНА ПРОТИВЪ АБСОЛЮТНЫХЪ КОРОЛЕЙ. — ТРІУМФЪ ИНДИВИДУАЛИЗМА ВЪ ПОЛИТИКѢ ИЛИ КОНСТИТУЦІОННОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

Монтескье.

Флери разслабилъ монархію: Людовикъ XV опозорилъ ее.—Позоръ его любовныхъ похожденій. — Мадамъ Помпадуръ олицетворяетъ королевскую власть.—Излишества и безразсудства абсолютной власти.—Отсутствіе гарантій. — Политическая ничтожность парламентовъ; ихъ недостаточность какъ судебной власти.—Старшина маршаловъ.—Угнетеніе личности; необходимость освободить ее. — Школа индивидуализма въ политикѣ: Монтескье, Лольмъ.—Враждебная школа: Жанъ-Жакъ Руссо.—Идеи Монтескье берутъ перевѣсъ. — Всѣ мыслители соединяются противъ абсолютныхъ королей. — Нападенія Гольбаха; Дидро, Рейналя.—Послѣднее усиліе абсолютной власти; Мопеу разрушаетъ парламенты.—Бомарше сдѣлалъ смѣшною новую магистратуру.—Политическая сцена принадлежитъ буржуазіи.

Въ то время, когда такимъ образомъ старое религіозное общество рушилось подъ этими удвоенными ударами философіи, какое зрѣлище представляло общество политическое? и отъ напора какого принципа оно должно было погибнуть въ свою очередь?

Послѣ волненій и конвульсій регентства королевство вслѣдствіе усталости лежало у ногъ старика враждебнаго блеску, не любившаго шуму, мягкаго, боязливаго и страшно эгоистичнаго. Съ самого вступленія въ должность кардиналъ Флери (Fleury) считалъ управленіе первой націей въ мірѣ только отдохновеніемъ для его спокойной старости. Скромный по природѣ и имѣвшій въ жилахъ только остатокъ крови, которая уже начинала леденѣть, онъ дрожалъ передъ обязанностью вести народъ, взволнованный могучими желаніями. Ему представлялось только единственное средство жить и умереть въ мирѣ, оставаясь министромъ: это—воспользоваться утомленіемъ Франціи и сдѣлать ее покорною, неподвижною и немощною, какъ онъ самъ. Это была вся его политика. Внимательно стараясь поставить въ тѣнь всякіе геніальные замыслы, удалять отъ дѣлъ сильныхъ умовъ или великихъ душъ, онъ чувствовалъ ужасъ къ государственнымъ людямъ и государственнымъ интересамъ. Желая во что бы ни стало избѣжать рискованныхъ мѣръ въ дѣлѣ финансовъ, онъ низвелъ науку кредита до скупости. Стараясь ослабить національное честолюбіе и отвратить его отъ смѣлыхъ предпріятій, онъ отдалъ англичанамъ французскую

морскую силу и море. Такова была въ немъ страсть къ маленькимъ средствамъ и маленькимъ дѣламъ, которую онъ довелъ даже до крайностей измѣны! Въ 1733 г. напримѣръ если Станиславъ, отецъ королевы, потерялъ тотъ тронъ, на который призвали его желанія поддерживаемыя французскими шпагами, то это было слѣдствіемъ недоброжелательства Флери и недостаточности его помощи, вѣроломно разсчитанной: государственная измѣна, которую покрыло, но не искупило счастье французской дипломатіи, доставившее Франціи Лоррень! Такъ что Флери вознаграждалъ себя за свое безсиліе тѣмъ, что мѣшалъ войнѣ, ставя препятствія побѣдѣ; до такой степени онъ боялся для Франціи увлеченій гордости и волненій тріумфовъ!

Въ свои лучшіе годы Людовикъ XIV умѣлъ по крайней мѣрѣ покрыть абсолютную монархію блестящей мантіей: при Флери слава упала и виденъ былъ только скелетъ. Кромѣ того дѣйствовать и заставлять дѣйствовать—это одно изъ условій силы. Что можетъ быть болѣе смѣшнаго, какъ быть всѣмъ и исчезать вездѣ, какъ мочь все и ничего не дѣлать?

Кто хотѣлъ обезсилить монархію, тому нуженъ былъ разслабленный монархъ: благодаря Флери, Людовикъ XV (Louis XV) 22-хъ лѣтъ былъ еще сладострастнымъ и робкимъ ребенкомъ. Скоро низость льстецовъ стала искать удовлетворенія желаніямъ, которыми молодой король тайно былъ пожираемъ, и Флери, весьма далекій отъ того, чтобы противорѣчить этому, напротивъ поздравлялъ себя съ этимъ и его предусмотрительность ограничилась только тѣмъ, чтобы устроить такой выборъ, который бы оставлялъ его въ покоѣ на счетъ продолжительности его кредита. Но между придворными дамами была можетъ быть только одна, душа которой, недоступная честолюбію, была достойна вся принадлежать любви: Флери угадалъ ее и тонкости ея терпимости ободрили его [1]). Это была мадамъ Мальи, благородная женщина, столь же нѣжная какъ Ла-Вальеръ и гораздо болѣе несчастная, потому что она въ тріумфѣ ея соперницы оплакивала неблагодарность и жестокость сердца!

Вотъ какъ открылся длинный рядъ распутствъ, которыя обозначили собою во Франціи послѣдніе дни старой монархіи. Всѣ видѣли, какъ привлекали въ объятія государя по очереди четырехъ сестеръ [2]), которыя скандально спорили между собою объ его объятіяхъ и пріучили его къ кровосмѣшенію.

---

[1]) Mémoires historiques et Anecdotes sur la Cour de France, p. 20. 1802.

[2]) Сулави, Décadence de la monarchie française, t. III, p. 26. 1803.

И однакоже послѣ смерти Флери въ 1745 г., когда Людовикъ XV, заболѣлъ въ Мецѣ, то это вызвало всеобщую скорбь, которая превратилась въ сильную радость вслѣдствіе его выздоровленія. И дѣйствительно казалось, что въ немъ произошла неожиданная перемѣна. Онъ вооружилъ своего сына кавалеристомъ; онъ отправился самъ на сраженіе, которое было побѣдой при Фонтенуа; и ему поставили въ заслугу то, что онъ отказался отъ скуки Версаля для трудовъ боевой жизни. Тогда хвалили даже его слабости, такъ какъ мадамъ Шатору изучила роль Агнессы Сорель и ставила героизмъ условіемъ любви.

Но жизнь Людовика XV и имѣла только этотъ свѣтлый промежутокъ. Мадамъ Шатору умерла; и спустя немного времени король сталъ справляться о прекрасной незнакомкѣ, которую онъ во время охотъ въ лѣсу Сенаръ часто встрѣчалъ на поворотахъ аллей смѣлую, вызывающую, растянувшуюся на лазоревомъ фаэтонѣ. Ее назвали, онъ захотѣлъ познакомиться съ нею и мадамъ Помпадуръ (Pompadour) скоро сдѣлалась правительницей Франціи.

Она достигла этого безъ труда: Людовикъ XV только и хотѣлъ, чтобы его освободили отъ труда желать чего-нибудь. Нельзя сказать, чтобы онъ предавался иллюзіи насчетъ опасностей неподвижности въ вѣкѣ увлеченій; одаренный рѣдкою проницательностью, онъ уже открылъ, онъ указалъ черную точку на горизонтѣ. Но съ другой стороны съ холоднымъ и увѣреннымъ благоразуміемъ, онъ измѣрилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ высшихъ опасностей; и что значила для него гибель королевства, только бы онъ самъ не погибъ при ней? Питая отвращеніе къ дѣламъ, потому что онъ презиралъ людей, онъ всегда вносилъ въ совѣты, на которыхъ обсуждалась будущность королевства, безпечность, эгоизмъ которой маскировался его боязливостью. Когда онъ не бывалъ въ отсутствіи, онъ всегда присутствовалъ на нихъ безучастный и молчаливый.

Мадамъ Помпадуръ отлично воспользовалась такими расположеніями. Но потребность царствовать безгранично требовала отъ нея труднаго дѣла: нужно было забавлять короля. Потому что въ его мысляхъ произошла пустота, а сердце его было наполнено скукою [1]). Соскучившись блескомъ праздниковъ и своимъ собственнымъ величіемъ, онъ любилъ уединеніе, которое для его болѣзненныхъ чувствъ имѣло такую же постыдную привлекательность, какая дѣлала для Тиверія лю-

1) L'Espion anglais, t. I, p. 12. 1779.—Mémoires de madame du Hausset.

бимымъ мѣстопребываніемъ островъ скрытый отъ всякихъ взоровъ. А въ уединеніи тѣ досуги, которые оставляло ему сладострастіе, убивали его. По болѣзненному и странному противорѣчію своей натуры онъ боялся смерти и постоянно призывалъ образъ ея. Однажды, проходя мимо холма, на которомъ стояли кресты, онъ вдругъ остановился, охваченный печалью, и сказалъ одному изъ своихъ спутниковъ: «подите, посмотрите, нѣтъ ли на этомъ кладбищѣ какой-нибудь недавно вырытой могилы [1])». Онъ въ одно и тоже время былъ жаденъ къ жизни и она ему опротивѣла: помогать ему жить было дѣломъ фаворитки; и потому что она успѣвала въ этомъ наполовину, власть ея была безгранична.

Она достигла того, что низвергала и возводила министровъ. Аббатъ Берни нравился ей и получилъ власть; пересталъ нравиться и палъ. Герцогъ Шуазель, каковы бы ни были рессурсы его легкаго генія и его отваги, никогда бы не возвысился, еслибы его не поддерживала фаворитка. Напрасно придворные дворяне, въ которыхъ еще жила гордость старыхъ фамилій, негодовали потихоньку, видя, что дворянство находится у ногъ заимствованной маркизы, кузины королевскаго лакея и дочери проворовавшагося приказчика. Въ этихъ дворянахъ сохранилась только гордость, но безъ чести: они спѣшили публично боготворить идола, котораго оскорбляли втихомолку; и фаворитка, которая предполагала оскорбительность ихъ тайныхъ комментаріевъ, наказывала ихъ своимъ презрительнымъ положеніемъ. За своимъ туалетомъ она принимала знатныхъ сеньоровъ, генераловъ, прелатовъ, принцевъ крови и никто не смѣлъ садиться передъ нею [2]). Ей захотѣлось быть придворной дамой Маріи Лещинской, королевы; и это скандальное желаніе ея было исполнено. Оскорблять ее было преступленіемъ. Графъ Морепа поплатился долговременной ссылкой за смѣлость эпиграммы. За угрожающую записку, которая была положена въ колыбель маленькаго герцога Бурбонскаго, въ чемъ подозрѣвали мадамъ Сове, послѣдняя была посажена въ Бастилію, двери которой затворились за нею навсегда. За нѣсколько стиховъ, найденныхъ въ черновой тетради кавалера Рессегье, онъ былъ посаженъ въ желѣзную клѣтку, въ которой нельзя было ни стоять прямо, ни вытянуться, и это наказаніе продолжалось семь лѣтъ [3]).

---

1) Mémoires de madame du Hausset, p. 83.
2) Mémoires historiques sur la Cour de France, p. 79.
3) Ibid., p. 65, 74 et suiv.

Однакоже мадамъ Помпадуръ обладала драгоцѣнными качествами. Она любила искусства и занималась ими. Она просила себѣ у потомства прощенія тѣмъ покровительствомъ, какое она часто оказывала философіи. Она имѣла непреодолимыя привязанности и ничто не могло разорвать ея союзъ съ суровою прямотою и добродѣтелью Кенея. Сколько разъ ее заставали слушавшею съ смущонным сердцемъ отдаленный шумъ общественной площади и проливающею слезы о своемъ могуществѣ, которое проклинали! Но она осуждена была на то, чтобы представить міру замѣчательный примѣръ того, что сохраненіе абсолютной власти влечетъ за собою безславныя необходимости и влечетъ къ ужасамъ.

Въ Версалѣ была усадьба, называвшаяся Эрмитажемъ. Снаружи это была ферма; а внутри здѣсь были только сладострастныя картины, привлекательныя таинственности, тропинки, ведшія въ опасныя тѣни. Мадамъ Помпадуръ собрала здѣсь свои самые обдуманные соблазны. Здѣсь одѣтая то королевой, то молочницей или монашенкой [1]), она старалась множествомъ повидимому случайныхъ встрѣчъ и тысячью неожиданныхъ сценъ возбуждать угасшее воображеніе своего любовника. Но какъ можно было остановиться на подобномъ пути? Когда она почувствовала, что юность и здоровье ее оставляютъ; когда, переиспытавши всѣ средства соблазна и подкрѣпленія своихъ силъ для соблазна въ бурныхъ оргіяхъ и въ губительномъ образѣ жизни [2]), она была принуждена сознаться въ безплодности своихъ усилій, тогда она прибѣгла къ другимъ средствамъ, которыя должны были повести абсолютную власть къ истощенію посредствомъ позора.

Можно рисковать, что раздражишь государя, самоотверженно предавшись его славѣ; но можно быть увѣреннымъ взять власть надъ нимъ, самоотверженно предавшись его порокамъ. Маркиза поняла это; и она рѣшилась грязными услугами искупить передъ своимъ любовникомъ увядшую свою красоту и здоровье, уже не дозволявшее любовныхъ удовольствій. Скрывая поэтическимъ самоотверженіемъ грязную сторону своихъ разсчетовъ, она показывала видъ, будто она стала выше ревности вслѣдствіе своего страстнаго самоотверженія. «Вотъ чего, говорила она королю, положивши руку на его сердце, вотъ только чего я хочу [3])». Итакъ она рѣшилась сама выбирать себѣ соперницъ, ко-

---

[1]) Mémoires historiques sur la Cour de France, p. 65, 74 et suiv.

[2]) Mémoires de madame du Hausset, p. 92.

[3]) Ibid., p. 104.

торыя были королевами въ теченіе ночи и которыхъ она предоставляла себѣ низводить съ трона назавтра. Она показывала королю портреты съ цѣлью возбудить въ немъ порывы страстнаго любопытства. Дошли до того, что на обояхъ рабочей комнаты Маріи Лещинской стали рисовать портреты молодыхъ дѣвушекъ, цѣломудренно вставленныхъ въ образа [1]) и такимъ образомъ показывали королю оригиналы, державшіеся въ запасѣ. Тогда-то домъ Эрмитажа превратился въ Parc-aux-Cerfs. Тогда-то среди совершенно иныхъ нравовъ и подъ новыми названіями снова явились древніе отпущенники, которые считались-было несуществующими и продажное безстыдство которыхъ обезсмертилъ Тацитъ. Людовикъ XV имѣлъ наемныхъ соблазнителей, обязанныхъ высматривать, похищать и вести туда, гдѣ царское сладострастіе ожидало свою добычу, жертвы, предаваемыя бѣдностью или похищенныя у бдительности семействъ. Особенно предпочиталась красота, соединенная съ граціей и наивностью едва появившейся зрѣлости, причемъ невинность имѣла жестокое и двоякое преимущество тѣмъ, что лучше успокоивала опасенія фаворитки и живѣе возбуждала страсть государя. Онъ же или по утонченности сладострастія или по настоящему суевѣрію любилъ среди этого разврата предаваться благочестивымъ упражненіямъ, къ которымъ онъ принуждалъ и дѣтей доставшихся его капризу; онъ требовалъ, чтобы онѣ стоя на колѣнахъ читали свои молитвы почти у ногъ той постели, на которой онъ давалъ имъ воспитаніе въ развратѣ [2]). Тѣ, которыя, не желая знать своего соблазнителя, соглашались служить для него игрушкой, какъ только становились матерями, были разлучаемы съ своими дѣтьми; ихъ, покрытыхъ бриллiантами и обогащенныхъ на счетъ государства, выдавали замужъ за кого-нибудь, кто соглашался жениться на ихъ преждевременномъ обезчещеніи; но горе тѣмъ, которыя влюблялись въ короля и которыя были способны долго нравиться ему: по знаку испуганной фаворитки отворялась Бастилія и Людовикъ XV, подписывая приказъ объ арестѣ, имѣлъ низость наказывать за любовь, которой онъ сочувствовалъ, или которую внушилъ [3]).

Понятно, чего должны были стоить подобныя распутства. Людовикъ XV, который былъ скупъ до крайности, который терпѣлъ, чтобы мадамъ Мальи разорялась для него, который не стыдился по копѣйкѣ

---

[1]) Mémoires historiques sur la Cour de France, p. 231.

[2]) Ibid., p. 238.

[3]) Такъ напр. была посажена въ Бастилію дѣвица Тирселенъ.

копить личныя деньги среди всеобщей бѣдности, который какъ ажіотаторъ велъ торговлю хлѣбомъ... этотъ самый Людовикъ XV съ улыбкой смотрѣлъ, какъ поглощались государственныя средства его расточительностью въ Parc-aux-Cerfs. Они простирались до 100 милліоновъ, по свидѣтельству умѣренныхъ писателей [1])! Но можно ли было сосчитать и измѣрить скандалъ? Распутства Людовика XV, слишкомъ извѣстныя, распространяли развратъ и поощряли его. Почтенныя семейства были смущены открывшимися циническими надеждами. Король Франціи получалъ письма, какія въ эпоху знаменитаго развращенія получали извѣстные актеры. Проституція шла къ нему навстрѣчу.

Сначала господствовало отвращеніе, а потомъ возникли безпокойства. Начали ходить въ народѣ слухи, принадлежавшіе другому вѣку. Говорили, будто Людовику XV были предписаны ванны изъ человѣческой крови, какъ послѣднее средство поддержать его жизнь [2]). И для приданія вѣроятности ужасному слуху ссылались на сущность абсолютной власти, которая можетъ осмѣлиться на все, находясь въ испорченныхъ рукахъ. Ужели и теперь уже не произведены крайности, превосходящія всякую обыкновенную мѣру? Гдѣ законы, защищающіе гражданина? Ужели разнузданный въ своихъ удовольствіяхъ государь можетъ остановиться, когда будетъ вопросъ о его существованіи, передъ преступленіями, противъ которыхъ нѣтъ другой гарантіи, кромѣ самой ихъ громадности? Подобные вопросы сердили людей и побуждали вѣрить самымъ чудовищнымъ заговорамъ; и вотъ внезапно Парижъ заволновался. Вѣдь что дѣлалось: дѣти отнимались у своихъ матерей; на это были доказательства; разсказывали ужасныя обстоятельства; повторяли странныя слова, вырвавшіяся у одного неблагоразумнаго королевскаго соблазнителя. Публичныя мѣста огласились яростными криками, съ которыми соединялись стоны множества убитыхъ матерей. Зданіе магистрата, хранителя города, подверглось нападенію. Лейтенантъ полиціи долженъ былъ убѣжать черезъ садъ, угрожаемый быть задавленнымъ. Наконецъ бунтъ разсѣялся только передъ грубою силою. Но съ тѣхъ поръ эта сила постоянно ослабѣвала въ такой же мѣрѣ, въ какой разгорячался гнѣвъ. Забираніе бродягъ было достаточно, чтобы вызвать этотъ ужасъ;

---

[1]) Лакретелль, Histoire de la France pendant le dix-huitième siècle, t. III, p. 174.

[2]) Ibid., p. 180.

и какое же могло быть болѣе разительное доказательство той глубины, какая была въ ненависти и недовѣріи народа?

Такою показала себя внутри государства королевская власть Людовика XV; роль его внѣ была на уровнѣ этого позора.

Вообразите себѣ государя, которому служатъ при различныхъ дворахъ Европы тайные агенты, удивительно проницательные, государя державшаго въ своихъ рукахъ посредствомъ секретной корреспонденціи всѣ нити европейской политики, узнававшаго напередъ всѣ проекты составленные противъ него его врагами и знавшаго лучше чѣмъ его собственные министры, какимъ путемъ нужно идти, чтобы располагать миромъ, или поддерживать войну: такой государь былъ Людовикъ XV. Но еще разъ спрашиваемъ, что значила для него судьба королевства? Для чего прибѣгалъ онъ къ этой тайной частной корреспонденціи, стоившей ему такъ дорого? Чтобы избавиться отъ скуки преслѣдовавшей его; чтобы имѣть пустое зрѣлище и силу, которая позволяла ему выйти изъ самого себя; чтобы имѣть случай показать неблагоразуміе своихъ министровъ, посмѣяться надъ ихъ незнаніемъ, чтобы укрѣпиться въ своемъ презрѣніи къ людямъ и въ своемъ отвращеніи къ человѣческимъ дѣламъ. Никогда онъ не былъ болѣе счастливъ, какъ тогда, когда видя совершившимися предвидѣнныя или предсказанныя имъ несчастія, предотвратить которыя онъ не давалъ себѣ труда, онъ могъ сказать своимъ совѣтникамъ: «я былъ правъ»! Это были его развлеченія; униженія и бѣдствія его королевства онъ употреблялъ какъ средства для тріумфовъ остротъ его самолюбія.

Что могла сдѣлать Франція, порабощенная подобному государю, въ то время какъ никто не былъ политическимъ наслѣдникомъ Ришелье? Французская дипломатія сдѣлалась посмѣшищемъ Европы. Въ 1741 г. была начата война съ гордою надеждою вырвать у Маріи-Терезіи императорскую Германію и возвратить Англіи фамилію Стюартовъ. Но каковъ былъ результатъ, полученный послѣ геройской кампаніи, послѣ побѣды при Фонтенуа? Ахенскій трактатъ 1748 г. обязывалъ Францію признать Марію-Терезію и изгнать Карла Эдуарда.

Извѣстно, какой горячій и страстный пріемъ былъ сдѣланъ во Франціи этому несчастному принцу, когда корсаръ изъ Сенъ-Мало бросилъ его на французскіе берега, оплакивавшаго свое могущество преданное измѣною, свои потрясенныя надежды, своихъ друзей подвергнутыхъ отвратительнымъ наказаніямъ и свое дѣло оставленное пріемникомъ Людовика XIV. Всѣ любили вспоминать о его рыцарскихъ приключеніяхъ освѣщенныхъ его несчастіемъ; его любили въ этой благород-

ной странѣ Франціи, потому что несчастіе поразило, но не унизило его, потому что онъ блуждалъ подъ тяжестью пораженія по болотамъ, по верескамъ, совершенно одинъ, голодающій и покрытый лохмотьями. Вдругъ распространилась новость: среди Парижа, въ оперѣ, по особенному приказанію Людовика XV претендентъ былъ арестованъ передъ огромною толпою; такъ какъ онъ вздумалъ защищаться, то сержантъ повалилъ его и затѣмъ его оскорбленнаго отвели въ Венсеннъ. Отъ одного конца королевства до другаго пронесся порывъ негодованія, которое трудно описать. Узнавши объ арестѣ принца Эдуарда, Вольтеръ, панегиристъ Людовика XV, воскликнулъ: «о небо! возможно ли, чтобы король потерпѣлъ такое безчестіе и чтобы на его славу легло пятно, которое не можетъ смыть вся вода Сены [1])!» Королевская власть не могла предложить Франціи ничего лучшаго въ вознагражденіе за сцены въ Parc-aux-Cerfs.

Но это не все. Въ 1741 г. Франція вооружилась за Фридриха II противъ Маріи-Терезіи; въ 1756 г. она вооружилась за Марію-Терезію противъ Фридриха II. Но не удивляйтесь еще столь внезапному измѣненію, такой измѣнѣ политикѣ, которой слѣдовали Генрихъ IV, Ришелье, Людовикъ XIV. Если оставленъ этотъ великій проектъ униженія австрійскаго дома, если Франція вздумала бороться съ воинскимъ геніемъ Фридриха II, если она рѣшилась перевести всѣ свои силы за Рейнъ въ то время, какъ на нее саму нападала Англія на Средиземномъ морѣ и на океанѣ,—то все это потому, что такъ желала маркиза Помпадуръ. Послѣдствія извѣстны. Пораженіе при Росбахѣ, 80 милліоновъ субсидій [2]) платимыхъ благосклонно Австріи, цѣлыя арміи поглощенныя безумными экспедиціями, 37 линейныхъ кораблей и 50 фрегатовъ взятыхъ или разрушенныхъ англичанами [3]), окончательное пожертвованіе Канады ихъ жадной диктатурѣ, также какъ Гваделупы, Мартиники, Табаго, Сенъ-Винцента, Сентъ-Люси и торговыхъ конторъ въ Африкѣ и Индіи... вотъ что произвела семилѣтняя война, вотъ что стоитъ Франціи титулъ моего добраго друга, данный Маріей-Терезіей метрессѣ абсолютнаго монарха.

Для народа, который еще не дошелъ до послѣдней степени униженія, слава есть необходимый рычагъ въ наукѣ деспотизма: потому что ког-

---

[1]) Oeuvres de Voltaire, t. VII, p. 21 изд. Делангля.

[2]) Extrait des registres particuliers de Louis XV у Сулави, Hist. de la décadence de la monarchie française, t. III, p. 273.

[3]) Ibid., p. 227.

да одновременно нѣтъ славы и свободы, тогда образуется слишкомъ много пустоты. При Людовикѣ XV Франція задыхалась отъ недостатка воздуха: правительство трудилось надъ тѣмъ, чтобы поставить ее въ невозможное положеніе.

Мы уже говорили о томъ, что дѣлалъ Людовикъ XV и дѣлалъ безнаказанно: этого уже достаточно, чтобы показать, что королевская власть наканунѣ своего уничтоженія могла дѣлать все. Дѣйствительно, мы видимъ здѣсь монарха, унизительность котораго доказываетъ его могущество. Вы спросите, имѣетъ-ли онъ право принуждать своихъ подданныхъ? отвѣтомъ служатъ его безстыдства, составляющія отчаяніе или ужасъ матерей; имѣетъ ли онъ право растрачивать общественную казну? да, изъ нея онъ беретъ приданое для каждой дѣвицы соблазненной имъ; можетъ ли онъ посягнуть на свободу гражданъ? да, достаточно его подписи подъ четырьмя строками, и поднимается подъемный мостъ Бастиліи; можетъ ли онъ по произволу облагать налогами? да, онъ копитъ личныя деньги посредствомъ ажіотажа и голода? можетъ ли онъ раздавать мѣста и должности? да, ихъ раздаетъ его метресса; можетъ ли онъ распоряжаться войною и миромъ? да, это рѣшаетъ его метресса.

Но какъ же! ужели политическая конституція страны не представляетъ никакого препятствія, никакой преграды подобнымъ крайностямъ власти употребляемой такимъ образомъ? Нѣтъ: королевская власть имѣетъ передъ собою не препятствія, а опасности; это не преграда, а пропасть.

А право представленій, которымъ пользовался парламентъ со времени Людовика XI? Пустое оружіе, которымъ владѣли безсильныя руки. Представленія могли бы быть уздою только въ томъ случаѣ, еслибы имъ соотвѣтствовала сила; они могли служить гарантіею общественной свободы только подъ тѣмъ условіемъ, еслибы ихъ поддерживали большая смѣлость, благородный гнѣвъ, гордая и систематическая преданность дѣлу народа. Но не забудемъ, что парламенты были и судьями. А какимъ же образомъ гнѣвъ трибуна можетъ возгорѣться въ судьѣ? Политическій жаръ дурно согласуется съ тою привязанностью къ старымъ формамъ, съ тѣмъ культомъ обычая, съ тѣмъ уваженіемъ къ установленнымъ властямъ и тѣми важными привычками, которыя характеризуютъ судебнаго чиновника и которыя для него обязательны. Свобода хочетъ, чтобы шли; свойство же магистратуры—засѣдать.

Кромѣ того должности сдѣлались продажными и наслѣдственными и парламентъ привыкъ смотрѣть на управленіе обществомъ какъ на родовое владѣніе. Дѣйствительно, каждый покупалъ или находилъ въ

своемъ семействѣ владѣніе, которое разсчитывалъ оставить въ неприкосновенности своимъ дѣтямъ; и такимъ образомъ общественный интересъ, разсматривавшійся черезъ иллюзіи частнаго интереса, отступалъ назадъ, уменьшался до крайности и почти уничтожался.

Но этого мало: члены парламента гордились привилегіей дворянства, какая была имъ дана. Они не соглашались считать себя народомъ, буржуазіей. Ихъ безсиліе составляло часть ихъ хвастливости.

Наконецъ, даже по самому своему составу парламентъ не былъ способенъ играть въ политическихъ борьбахъ роль активную и дѣйствительно серьезную. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь были пять палатъ слѣдственныхъ (Enquêtes) и двѣ палаты для прошеній (Requêtes), гдѣ засѣдали молодые совѣтники; затѣмъ слѣдовала большая палата (Grand' Chambre), въ которую поступали только по рангу старшинства и въ которой были президенты со шляпой. Итакъ въ средѣ самаго парламента горячность однихъ каждое мгновеніе охлаждалась возрастомъ и боязливымъ благоразуміемъ другихъ. Большая палата тяготѣла надъ слѣдственными всею тяжестью опытности, старости, іерархіи и уваженія, какое внушаютъ долговременная служба и строгіе нравы.

Такимъ образомъ, какими же чертами обозначилась политическая роль парлалента до XVIII вѣка?

При Карлѣ IX онъ по слабости, а не по убѣжденію одобрилъ убійство Колиньи, котораго знаменитый трупъ онъ приказалъ повѣсить на рогаткахъ Монфокона.

Во время лиги онъ торжественно присталъ къ этому союзу, но только съ единственною цѣлью измѣнить ему; и онъ повергся передъ побѣдителемъ Беарне, послѣ того какъ самъ же осудилъ его на изгнаніе [1]).

При Ришелье мы видимъ, какъ парламентъ шолъ пѣшкомъ по Парижу въ формѣ почетнаго наказанія, бросился на колѣни передъ Людовикомъ XIII и перенесъ обиду слѣдующихъ суровыхъ словъ: «я пошлю семерыхъ или восьмерыхъ изъ васъ въ мушкстерскій полкъ, чтобы научить васъ повиновенію [2]).»

Во время фронды парламентъ испугался, сдѣлавшись однажды всемогущимъ, и умолялъ тѣхъ, которыхъ онъ побѣдилъ, избавить его отъ заботъ его тріумфа [3]).

---

1) См. выше главу о Лигѣ.

2) Сентъ-Олеръ. Hist. de la Fronde, введеніе, p. 21.

3) См. выше главу о Фрондѣ.

При Людовикѣ XIV парламентъ былъ какъ-бы мертвымъ.

При регентѣ, котораго онъ былъ креатурой и соучастникомъ, онъ пытался возвысить голосъ и тотчасъ же былъ изгнанъ въ Понтуазъ. И кѣмъ же? Дюбуа, удивившимся, что судебные чиновники сопротивляются ему.

Что всего больше доказываетъ, что слабость парламента какъ политическаго учрежденія происходила отъ самого свойства его обязанностей и его прерогативъ, это то, что онъ имѣлъ только два опасныя средства заставить уважать себя: прекращеніе своей служебной дѣятельности и коллективныя отставки. Онъ часто прибѣгалъ къ этимъ средствамъ въ послѣднее время. И понятно, до какой степени былъ опасенъ внезапный перерывъ въ отправленіи юстиціи. Сколько интересовъ приходитъ въ волненіе, сколько смущенія вносится въ гражданскія отношенія! Хорошо еще, еслибы буря поднималась только въ безпокойной толпѣ кліентовъ. А то горячатся еще адвокаты и къ бурямъ присоединяется слово. Скоро начиналось волненіе; народъ, не очень вникая въ мотивъ ссоры, бросился въ движеніе; амазонки бунтовъ, рыночныя торговки, бѣжали на первомъ планѣ; немногаго не доставало для того, чтобы отечество было объявлено въ опасности. Отчего же происходило, что подобный рессурсъ оказывался недѣйствительнымъ? Мы уже сказали причину, а если кто желаетъ еще полнѣйшаго объясненія, тотъ можетъ найти его въ мемуарѣ, представленномъ регенту аббатомъ Дюбуа [1]).

«Какая сила могла бы сопротивляться исполненію воли короля? Парламенты? Они могутъ дѣлать только представленія: но это милость, которою они обязаны вашему королевскому высочеству; покойный король, чрезвычайно ревнивый къ своей власти, строго запретилъ имъ употреблять представленія. И если по окончаніи ихъ представленій королю не угодно было взять назадъ или измѣнить законъ, то парламенты все-таки должны были внести его въ реестръ. Если же напротивъ парламентъ все-таки отказывается, то монархъ посылаетъ ему дальнѣйшія приказанія. Тогда являются новыя представленія, которыя уже отзываются возстаніемъ. Парламенты говорятъ, что они представляютъ народъ, что они опора государства, хранители законовъ, защитники отечества, и приводятъ другіе резоны въ этомъ родѣ. На это власть отвѣчаетъ приказаніемъ внести въ реестръ, прибавляя, что члены пар-

1) Приведенъ въ introduction au Moniteur.

ламента суть чиновники короля, а не чиновники Франціи. Мало по малу жаръ разгорается въ парламентѣ, тамъ образуются факціи и волнуются. Тогда обыкновенно устраивается засѣданіе съ королевскимъ присутствіемъ, чтобы привести къ чему слѣдуетъ господъ парламента. Если они покоряются, то повиновеніе достигнуто, и это все, чего можетъ желать величайшій король въ мірѣ; если же они все-еще сопротивляются, возвратившись въ свои палаты, то или изгоняютъ самыхъ дерзкихъ предводителей факцій, или изгоняютъ весь парламентъ въ Понтуазъ. Тогда противъ него возбуждаютъ дворянство и духовенство, его естественныхъ враговъ; заставляютъ пѣть пѣсенки, распространяютъ шутливые легкіе стихи; и операція, ходъ и результаты которой мы знаемъ хорошо, вызываетъ только легкія волненія, которыя не представляютъ серьезныхъ опасностей, и парламентъ все-таки ссылается за свое неповиновеніе. Тогда молодыхъ совѣтниковъ имѣющихъ вліяніе въ парламентѣ берутъ голодомъ. Надобность жить въ столицѣ, привычка къ удовольствіямъ, желанія ихъ метрессъ настоятельно требуютъ отъ нихъ возвращенія въ свои дома, къ своимъ содержанкамъ или къ ихъ дѣйствительнымъ женамъ. Поэтому они повинуются, вносятъ въ реестръ и возвращаются.»

Таковъ былъ описанный проницательнымъ и циническимъ геніемъ Дюбуа механизмъ парламентскаго сопротивленія. Ужели это было достаточно для введенія правленія съ гарантіями?

На дѣлѣ парламентъ оказывалъ дѣйствительное сопротивленіе только предпріятіямъ Рима и ультрамонтанской части духовенства и въ этомъ отношеніи онъ служилъ господству буржуазіи; но противъ излишествъ абсолютной монархіи его вліяніе было ничтожно. А все-же его жалобы мѣшали націи заснуть надолго въ молчаніи деспотизма; его протесты, заглушаемые насильственно, составляли постоянное и драматическое воззваніе къ свободѣ; его претензія, будто онъ представляетъ собою общія собранія сословій, заставляла призывать издали внушительный фантомъ; и онъ занималъ мѣсто революціи.

Когда нѣтъ свободы на вершинѣ государства, тогда нѣтъ ея нигдѣ: при старой монархіи общественные интересы были предоставлены случайностямъ; и ничтожество политической власти парламента не давало гарантіи даже ихъ судебной власти. Если нужно было наказать невиннаго, спасти преступника, рѣшить несправедливый процессъ въ пользу какого-нибудь важнаго лица, тогда король требовалъ къ себѣ (evoquait) дѣло, то переносилъ его въ большой совѣтъ, исключительный и рабо-

лѣпный трибуналъ, находившійся въ рукахъ государя, для того, чтобы служить для него средствомъ устранять юрисдикцію парламента.

И потомъ, кромѣ обыкновенной юстиціи верховныхъ судовъ, президентствъ и окружныхъ судей, была еще юстиція странно неправильная и жестокая, состоявшая изъ старшинъ маршаловъ (prévoté des maréchaux). Первоначально старшины маршаловъ вѣдали только преступленія, совершавшіяся въ арміяхъ; но потомъ какъ расширилась ихъ юрисдикція! Бродяги, военные люди, осужденные, воры составляли толпу подсудную старшинамъ. И здѣсь уже не было никакихъ гарантирующихъ формъ, ни апелляціи, ни сроковъ: это былъ произволъ большихъ дорогъ.

Такимъ образомъ сколько бывало насилій, къ несчастью слишкомъ извѣстныхъ, слишкомъ хорошо засвидѣтельствованныхъ постоянными представленіями парламентовъ! То маршальство арестовало путешественниковъ подъ предлогомъ бродяжничества, потому что у нихъ были найдены деньги [1]); то схватили молодаго человѣка отъ-роду полуумнаго, судили его, опозорили и заперли въ тюрьму какъ прикидывающагося нѣмаго за то, что онъ встрѣченный недалеко отъ своего мѣста рожденія не могъ ни объясняться ни отвѣчать [2]). Напрасно приказъ 1670 г. предписывалъ превотальнымъ судьямъ представлять вопросъ о своей компетентности ближайшему президентскому суду [3]): жалобы парламентовъ доказываютъ, что произволъ существовалъ также какъ и до приказа.

Юстиція не есть ли только пустое имя, когда королевская власть позволяетъ себѣ предавать своихъ враговъ коммиссіямъ, которыя были избираемы ею же, горѣли желаніемъ отмстить за нее и въ которыхъ иногда являлся самъ государь, какъ напр. Людовикъ XIII, въ качествѣ свидѣтеля противъ подсудимаго [4])?

Въ выродившемся Римѣ императоры все-таки считали себя обязанными знать тѣхъ, которыхъ поражало ихъ всемогущество; чтобы поражать, имъ нужно было ненавидѣть. Во Франціи до революціи существовалъ пріемъ, который дѣлалъ государя несправедливымъ напередъ,

---

1) Remonstrances de la Cour souveraine de Lorraine, 25 février 1756, приводимые у Марраста и Дюпона въ Introduction aux Fastes de la Révolution française, p. XXXIX.

2) Ibid.

3) Потера де Ту, Récherches sur l'origine de l'impot en France, p. 275.

4) Сентъ-Олеръ, Hist. de la Fronde, см. Введеніе.

на случай, въ интересахъ капризовъ кого-нибудь другаго. Приказы объ арестѣ, въ которыхъ оставлялся пробѣлъ, гдѣ можно было впослѣдствіи вписать какое угодно имя, и которые дарились фаворитамъ и метрессамъ,—вотъ каковъ былъ родъ посягательствъ, которому потомство откажется вѣрить. Начали тѣмъ, что раздавали приказы объ арестѣ съ пробѣлами въ подарокъ, а кончили тѣмъ, что стали продавать ихъ: тиранія пущена была въ торговлю.

Для довершенія несчастія это безразсудное презрѣніе къ свободѣ и существованію гражданъ скоро перешло изъ дѣйствій королевской власти въ ея приказы, а изъ ея приказовъ въ нравы. Ничего не можетъ быть возмутительнѣе и ужаснѣе того духа, который напр. господствовалъ въ уголовной процедурѣ до революціи. Правило было такое: обезпеченіе карательныхъ мѣръ значило все, а гарантіи необходимыя для подсудимаго не значили ничего. По уголовному приказу, данному при Людовикѣ XIV, процессъ находящагося на-лицо подсудимаго могъ быть дѣломъ однихъ сутокъ [1]). Едва только человѣкъ былъ обвиненъ въ преступленіи, какъ его уже считали виновнымъ. Чиновникъ, который долженъ былъ стать его судьею, становился тотчасъ же его врагомъ [2]). И преслѣдованіе держалось въ тѣни, какъ будто-бы общество стыдилось своей юстиціи! Допросъ свидѣтелей, разбирательство, очныя ставки, заключенія прокурора,—все это было секретно [3]). Кто можетъ этому повѣрить? до такой степени боялись, что можетъ обнаружиться невинность подсудимаго, что королевскому прокурору запрещено было мотивировать преслѣдованіе [4]). Если преступленіе состояло въ казнокрадствѣ, въ злостномъ банкротствѣ, въ воровствѣ приказчиковъ или товарищей въ дѣлѣ банковомъ или финансовомъ, въ подлогахъ, тогда судья имѣлъ право по своему усмотрѣнію давать совѣтъ обвиняемому: въ другихъ же преступленіяхъ адвокатство было запрещено [5]). Чѣмъ строже наказаніе, тѣмъ очевидно важнѣе, чтобы виновность какъ можно лучше была доказана: но тогда дѣлалось именно наоборотъ. Никогда не давали обвиненному съ болѣе жестокою скупостью средствъ

---

1) Потера де Ту, Récherches sur l'origine de l'impot, p. 272.

2) Commentaire sur le livre des Délits et des peines, Полнаго собранія сочиненій Вольтера, t. XXXIX, p. 93.

3) Ibid., p. 89.

4) Ordonnance criminelle, titre XXIV, art. 3, приведено у Потера де Ту, p. 276.

5) Titre XIV, art. 8 de l'Ordonnance criminelle.

для доказательства своей невинности, какъ тогда, когда вопросъ шолъ объ его головѣ. Если онъ убѣгалъ, то его можно было осудить за неявкой, если даже его преступленіе и не было доказано [1]). А что касается до системы наказаній, то она была страшна. Общество предоставляло себѣ прибѣгать къ мести смертною казнью, предварительно опозоривши эту месть пыткой.

Если въ уголовныхъ дѣлахъ господствовало варварство, то въ гражданскихъ дѣлахъ господствовала запутанность доведенная до крайности. И прежде всего, какъ весьма хорошо замѣтилъ одинъ разсудительный и ученый писатель [2]), существовала въ XVIII вѣкѣ полная аномалія между правомъ гражданскимъ и правомъ коммерческимъ. Законы о контрактахъ, о наслѣдствѣ, о состояніяхъ, словомъ всѣ положенія, составляющія гражданское право, носили на себѣ отпечатокъ феодализма, тогда какъ коммерческая, новая нація управлялась новыми учрежденіями. Вслѣдствіе этого въ самой глубинѣ соціальнаго порядка происходила постоянная и мрачная борьба между противоположными элементами. Сколько было затрудненій для коммерціи въ государствѣ, гдѣ почти каждый процессъ возбуждалъ юридическое пререканіе! гдѣ судившійся всегда съ трудомъ узнавалъ, зависитъ ли его судьба отъ парламентовъ или отъ большаго совѣта или отъ монетныхъ палатъ или отъ интендантствъ! въ королевствѣ наконецъ, которое наряду съ римскимъ правомъ принятымъ въ странахъ письменнаго права имѣло еще 60 главныхъ обычаевъ и 300 частныхъ законодательствъ [3])!

Одно слово можетъ резюмировать это положеніе Франціи до 89 года: угнетеніе личности.

Итакъ это было естественно, что революціонные мыслители напрягали усилія къ тому, чтобы освободить личность.

Но было два способа воззрѣнія на вопросъ: нужно ли уничтожить всякую силу у власти или же постараться сдѣлать силу власти благодѣтельною и охранительною? Образовались двѣ политическія школы, какъ было двѣ философскія школы и какъ было, что мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, двѣ экономическія школы: здѣсь заключается секретъ страшной борьбы, которая должна была возникнуть изъ самыхъ внутренностей революціи.

---

1) Commentaire sur le livre des Délits et des peines, p. 90.

2) Потера де Ту, p. 265 et suiv.

3) Ibid., p. 268.

Здѣсь и прежде всего представляется великое имя: Монтескье (Montesquieu).

Но въ области обновительныхъ идей Монтескье имѣлъ предшественниковъ, забывать которыхъ было бы несправедливо. Онъ происходилъ по прямой линіи не отъ Бодена, какъ часто это говорили и повторяли, у котораго онъ заимствовалъ только его взгляды о вліяніи климатовъ, но отъ Готмана, отъ Губера Ланге, автора «Разговора между Архономъ и Политіей», протестантскихъ публицистовъ XVI вѣка.

Но не думайте, что эта цѣпь мыслителей вполнѣ порвалась даже въ теченіи XVII вѣка, когда, казалось, молчало все, что не было шумомъ войны и славы. Нѣтъ, даже и въ XVII вѣкѣ умственная революція продолжала рости и зрѣть. «Вздохи Франціи, рабы вздыхающей о свободѣ»,—таково было заглавіе, которое съ удивленіемъ встрѣчаешь на сочиненіи, помѣченномъ 10 августа 1689! А кто же былъ представителемъ революціонной традиціи при Людовикѣ XIV? Это былъ прелатъ, знатный сеньоръ, оракулъ герцоговъ Бовилльера и Шевреза, кандидатъ іезуитовъ въ министерство, наставникъ наслѣдника престола, духовный нѣсколько зараженный честолюбіемъ, но привлекательный мягкостью и мистической граціей, можетъ быть даже слишкомъ нѣжный, это—Фенелонъ (Fénelon).

Но однако будемъ осторожны: Фенелонъ не былъ революціонеромъ ни логически ни по системѣ; онъ былъ имъ въ своихъ порывахъ, и его идеи отражали на себѣ подвижность его вдохновеній. Иногда, имѣя въ виду злоупотребленія власти, онъ говорилъ Телемаку: «никогда не принимайтесь стѣснять торговлю, чтобы направлять ее по вашимъ взглядамъ. Нужно, чтобы государь вовсе не вмѣшивался въ нее, изъ опасенія стѣснить ее [1]);» иногда же, имѣя въ виду опасности распущенности, онъ указывалъ мудрость въ лицѣ Ментора, «учреждающаго судей, которымъ бы купцы отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своихъ прибыляхъ, въ своихъ расходахъ и въ своихъ предпріятіяхъ [2]).»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не слишкомъ далеко заходилъ въ будущее, когда писалъ: «не нужно позволять ни одному семейству и ни въ какомъ классѣ владѣть чѣмъ-нибудь больше, кромѣ простран-

---

1) Télémaque, liv. III, въ полномъ собраніи сочиненій Фенелона, t. VIII, p. 87. 1822.

2) Ibid., liv. XII, p. 276.

ства земли абсолютно необходимаго для того, чтобы питать число лицъ, изъ которыхъ оно состоитъ.»

Нѣтъ никакого сомнѣнія съ другой стороны, что онъ не слишкомъ далеко возвращался въ прошедшее, когда жаловался на участь истинныхъ сеньоровъ принужденныхъ ждать въ переднихъ или скрывать свою бѣдность въ глуши провинцій [1]); когда онъ давалъ первое мѣсто въ своемъ планѣ Салента тѣмъ, которые имѣютъ самое древнее и самое блестящее дворянство [2]); когда онъ требовалъ, чтобы неодинаковость привилегій рожденія и званія выражалась даже въ различіи костюмовъ: бѣлая одежда съ золотою бахрамою для лицъ перваго ранга, а платье жолтое и бѣлое для самаго низкаго народа [3]).

Фенелонъ былъ дворянинъ [4]): этого онъ никогда не могъ забыть; но его оппозиція абсолютной власти въ вѣкъ деспотизма, въ Версали, въ глазахъ Людовика XIV тѣмъ неменѣе имѣетъ право на признательную память народа. Фенелонъ съ большимъ мужествомъ и достоинствомъ нападалъ на злоупотребленія, отъ которыхъ страдалъ народъ, на излишніе поборы, на несправедливое распредѣленіе налоговъ, на любовь къ пышности, на идолопоклонство золоту и пр. Онъ осмѣлился напомнить самому гордому изъ монарховъ, что во Франціи существуетъ еще другая власть кромѣ королевской: общія собранія сословій и другое величество кромѣ государя, это—нація. Онъ осмѣлился написать исторію Людовика XIV въ слѣдующей фразѣ: «Король, который не можетъ быть королемъ только одинъ, и который великъ только своимъ народомъ, самъ доходитъ мало по малу до ничтожества, доводя до ничтожества народъ, отъ котораго онъ беретъ свои богатства и почерпаетъ свою силу [5]).»

Послѣ архіепископа камбрейскаго въ семействѣ предшественниковъ революціи нужно помѣстить аббата Сенъ-Пьерра (Saint-Pierre), душу наивную и безстрашно блуждавшую среди смутъ регентства, публициста полнаго вкуса, писателя, который имѣлъ то счастье, что, будучи дурнымъ писателемъ, былъ однако переведенъ на прекрасный стиль Жанъ-Жакомъ. Регентъ учредилъ столько совѣтовъ, сколько было родовъ разсматриваемыхъ дѣлъ; и аббатъ Сенъ-Пьерръ взялся за перо, чтобы

---

1) Directions pour la conscience d'un roi, Direct. XXXIII, t. VI полнаго собранія сочиненій, p. 351.

2) Télémaque, liv. XII, p. 278.

3) Ibid., p. 279.

4) Essai historique sur Fénelon, p. 5.

5) Télémaque, liv. XII, p. 291.

написать апологію этой новой формы администраціи. Но это была только кажущаяся цѣль; настоящая цѣль была выше и дальше. «Polysynodie ou pluralité des conseils» скрывала въ себѣ горячій и благородный протестъ противъ абсолютной власти. Кто не имѣетъ силы Геркулеса и хочетъ держать на себѣ міръ, тотъ долженъ ожидать быть раздавленнымъ: итакъ, по мнѣнію аббата Сенъ-Пьерра, деспотъ, если онъ хочетъ наслаждаться своимъ могуществомъ и согласить съ животною жизнью власть боговъ, не можетъ ничего лучше сдѣлать, какъ оставить для себя настоящее счастіе, праздность, предоставивши другимъ исполненіе обязанностей. «Этимъ методомъ, говоритъ авторъ съ горькой ироніей, послѣдній изъ людей можетъ мирно и удобно держать скипетръ вселенной [1].... Мудрецъ, если таковой можетъ быть на тронѣ, или отказывается отъ власти или раздѣляетъ ее... Но то, что сдѣлалъ бы мудрецъ, имѣетъ мало отношенія къ тому, что сдѣлаютъ государи [2].»

Подобный языкъ кажется намъ совершенно простымъ въ настоящее время; но во время аббата Сенъ-Пьерра говорить такимъ образомъ было актомъ мужества и опасности: авторъ «Polysynodie» былъ обвиненъ въ недостаткѣ уваженія къ памяти Людовика XIV и изгнанъ изъ академіи какъ человѣкъ подозрительный. Онъ утѣшился тѣмъ, что продолжалъ сочиненія, которыя считалъ полезными для человѣчества и которыя однако не были настолько блестящи, чтобы предостеречь преслѣдованіе. Кромѣ того добрый аббатъ дотого опередилъ свое время своими идеями, что онъ безъ труда могъ получить прощеніе отъ невѣждъ и скептиковъ. Какимъ образомъ стали бы безпокоиться болѣе ста лѣтъ назадъ по поводу человѣка, который публиковалъ проектъ вѣчнаго мира и который въ надеждѣ сдѣлать войну невозможною на будущее время предлагалъ отдавать всѣ споры между государями или народами на разсмотрѣніе великаго европейскаго трибунала? Самъ Жанъ-Жакъ Руссо нашелъ планъ слишкомъ смѣлымъ для тогдашняго состоянія Европы и призналъ его неисполнимымъ, удивляясь ему [3]. Однако мы видѣли, что въ наше время была примѣнена къ дѣлу, хотя въ

---

[1]) Polysynodie аббата Сенъ-Пьерра, глав. I въ полномъ собраніи сочиненій Ж.-Ж. Руссо.

[2]) Ibid.

[3]) «Если какая-нибудь моральная истина была доказана, то это всеобщая и особенная польза этого проекта.»—Jugement sur la paix perpétuelle, Ж.-Ж. Руссо.

возмутительномъ смыслѣ и только абсолютными монархами, эта прекрасная идея всеобщаго посредничества; мы имѣли священный союзъ королей; насъ увлекаетъ потокъ, который ведетъ къ священному союзу народовъ; и близкое будущее объяснитъ сужденіе Руссо о проектѣ вѣчнаго мира: «это книга солидная и умная; важно, что она существуетъ [1]).»

Здѣсь нужно ускорить шаги, чтобы прямо перейти къ президенту парламента въ Бордо, къ барону де-ла Бредъ и де Монтескье, настоящему наслѣднику протестантскихъ публицистовъ XVI вѣка [2]), который былъ вдохновителемъ работъ учредительнаго собранія и вліяніе котораго, напечатлѣнное на французскихъ новыхъ учрежденіяхъ, не можетъ быть наполовину принимаемо или наполовину отвергаемо. Монтескье, прославившійся съ 1721 г. своими «Персидскими письмами», умной и элегантной сатирой, философской схваткой передъ большимъ сраженіемъ, посѣтилъ потомъ Венецію, подозрительное правительство которой внушало ему страхъ, Женеву, пребываніе въ которой наполнило его печалью, Флоренцію, гдѣ онъ пріятно былъ удивленъ, увидѣвши перваго министра элегантнаго государя сидящимъ передъ своимъ домомъ на деревянной скамейкѣ и въ соломенной шляпѣ, и наконецъ Лондонъ, откуда онъ привезъ главу «Духа законовъ» (Esprit des lois), съ которой нераздѣльно связаны двѣ знаменитыя эпохи: 1789 и 1830 годы.

Не сила управляетъ міромъ, что бы ни говорили видимости, но мысль; и исторія дѣлается книгами. Но дѣйствіе ихъ болѣе или менѣе непосредственно: дѣйствіе «Духа законовъ» было прямое и рѣшительное. Итакъ недостаточно изложить просто политическія доктрины этого столь восхваляемаго сочиненія; только надлежащимъ образомъ оцѣнивши ихъ, мы будемъ въ состояніи понять факты, вытекшіе изъ нихъ.

Различая три вида правленія, республиканское [3]), монархическое и

---

1) Jugement sur la paix perpétuelle, Ж.-Ж. Руссо.

2) См. выше IV главу 1 книги.

3) Монтескье понимаетъ подъ этимъ словомъ демократіи и аристократіи: «республиканское правленіе, говоритъ онъ, есть такое, въ которомъ весь народъ или только часть народа, имѣетъ верховную власть». Esprit de lois, liv. II, chap. I.

деспотическое, Монтескье ставитъ принципомъ или орудіемъ: для перваго добродѣтель, для втораго честь, для третьяго страхъ.

Такимъ образомъ по Монтескье демократія невозможна, когда нѣтъ добродѣтели; и для того, чтобы его мысль не была дурно понята, онъ счелъ нужнымъ прибавить: «это не значитъ, что въ извѣстной республикѣ есть добродѣтели, но что онѣ должны быть [1])». Впослѣдствіи этому правилу посчастливилось; принятое сначала безъ критики, оно потомъ было защищено отъ критики самою своею тривіальностью, и партизаны конституціоннаго правленія кричали тріумфально своимъ противникамъ: «вы хотите быть республиканцами, а не умѣете быть добродѣтельными!»

Но ставя добродѣтель необходимымъ орудіемъ демократическихъ государствъ, Монтескье не смѣшалъ ли принципъ съ результатомъ и поставилъ основаніемъ зданія то, что можетъ быть только его увѣнчаніемъ?

Съ точки зрѣнія соціальной, добродѣтель состоитъ въ гармоніи между любовью, которую человѣкъ питаетъ къ себѣ самому, и любовью, которою онъ обязанъ къ себѣ подобнымъ; она въ мірѣ нравственномъ тоже, что порядокъ въ мірѣ физическомъ. Но демократическое правленіе по сущности своей стремится къ тому, чтобы согласить индивидуальное чувство съ чувствомъ соціальнымъ. Оно удовлетворяетъ первому, допуская представительство каждаго интереса, и удовлетворяетъ второму, подчиняя всѣ интересы закону равенства. Никогда не отдѣляя человѣка отъ гражданина и того, что принадлежитъ индивидууму, отъ того, что требуетъ общество, демократіи говорятъ: «ты умрешь за твою страну, потому что она твоя собственность; за гражданъ, потому что они твои братья; за твое отечество, потому что оно тебѣ отецъ»...

Напротивъ монархіи, основываясь на принципѣ исключенія, потому что привилегія одного влечетъ за собою привилегію многихъ, обязаны создавать ложный интересъ, соціальный, въ пользу котораго пренебрегается или подавляется множество индивидуальныхъ интересовъ. Поэтому монархическое правленіе ставитъ общество въ постоянное противорѣчіе съ человѣческой природой; тѣхъ, кого оно исключаетъ, оно или осуждаетъ на изолированность или дѣлаетъ бунтовщиками

---

1) Esprit des lois, liv. III, chap. XI.

или подлецами. При конституціонной монархіи человѣкъ говоритъ: «страна», а при демократіи гражданинъ говоритъ: «мое отечество».

Но изъ того, что добродѣтель легче осуществляется и чаще встрѣчается въ демократическомъ государствѣ, должны ли мы заключать по примѣру Монтескье, что она тамъ болѣе необходима? Изъ того, что добродѣтель есть естественный результатъ демократическихъ учрежденій, должны ли мы заключать, что она есть условіе ихъ?

Демократіи, характеристическая черта которыхъ есть допущеніе всѣхъ (admissibilité), очевидно требуютъ отъ массы гражданъ менѣе жертвъ и могутъ держаться съ меньшими издержками при хорошемъ ихъ устройствѣ, чѣмъ монархіи, характеристическая черта которыхъ есть исключеніе: удивительно, какъ Монтескье не замѣтилъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ требуется больше самоотверженія, умѣренности въ желаніяхъ, абсолютнаго уваженія къ установившемуся порядку, рѣшимости лучше страдать, чѣмъ служить государству, какъ не тамъ, гдѣ государственная конституція требуетъ уваженія отъ тѣхъ, которыхъ она унижаетъ, любви отъ тѣхъ, которыхъ она отвергаетъ, добровольнаго повиновенія отъ тѣхъ, которыхъ она грабитъ?

Не болѣе же вѣрно и то мнѣніе Монтескье, будто честолюбіе въ демократіяхъ представляетъ опасности неизвѣстныя въ монархіяхъ.

Честолюбія имѣютъ меньше раздражительности въ демократіи именно потому, что они имѣютъ предусмотрѣнный и правильный ходъ. Принципъ допущенія, давая имъ надежду, удерживаетъ ихъ отъ насилій. Всегда дѣятельное вмѣшательство общественнаго мнѣнія въ жизнь гражданъ удерживаетъ ихъ отъ низостей интригъ и надежда на успѣхъ происходитъ у нихъ отъ той внутренней гордости, которая соединяется съ обширными желаніями.

Въ монархіи горе правительству, если честолюбіе распространяется съ просвѣщеніемъ и если въ толпѣ встрѣчаются души гордыя и сильныя! Потому что скоро прорывая задержку, противопоставленную законнымъ честолюбіямъ, и не имѣя возможности идти спокойно легальными путями, онѣ съ негодованіемъ бросятся на революціонные пути и пойдутъ по нимъ, увлекая за собою на пути всѣхъ страдающихъ безутѣшно, всѣхъ ненавидящихъ и ждущихъ... и что же произойдетъ тогда? На учрежденія начинаютъ нападать сначала словами, а потомъ и оружіемъ; оппозиція возвышается до бунта; бунтъ увеличивается до инсуррекціи, и приходитъ время, когда растерявшіеся короли могутъ только выбирать между ссылкою и эшафотомъ.

«Не нужно, утверждаетъ Монтескье, много честности для того, что-

бы правленіе монархическое и деспотическое могли поддерживаться: сила законовъ въ одномъ и грозная постоянно поднятая рука государя въ другомъ направляютъ и сдерживаютъ все [1])».

Сила законовъ! Но она гораздо меньше въ монархіи, чѣмъ въ демократіи. Какимъ образомъ законы могутъ имѣть большую моральную силу, когда граждане видятъ, что здѣсь интересъ одного человѣка или касты ставится выше судьбы цѣлаго народа? И наоборотъ, какимъ блескомъ и величіемъ они окружены, когда они выражаютъ волю всѣхъ и представляютъ гарантіи силы для всѣхъ? Въ демократіи государство съ внушительнымъ авторитетомъ покоряетъ непокорныя головы; потому что мечъ его поднимается въ этомъ случаѣ во имя соціальнаго порядка и его строгость называется здѣсь національной юстиціей, но никогда не можетъ быть частной местью. Развѣ есть что-нибудь похожее въ монархіи? Если власть короля прибѣгаетъ къ защитѣ оружія, то она защищается только отъ своего имени, и только въ эгоистическомъ чувствѣ своего сохраненія она черпаетъ мужество для борьбы; и если она торжествуетъ, то этимъ безчеститъ себя.

Монтескье краснорѣчиво нарисовалъ картину слѣдствій испорченности нравовъ въ республикахъ [2]); а ужели въ монархіяхъ испорченность совершается труднѣе или бываетъ менѣе гибельна? Не вокругъ ли троновъ, среди столькихъ постоянныхъ здѣсь честолюбій, собранныхъ подъ тѣнью неподвижнаго величества, испорченность бываетъ окружена самыми изысканными прелестями и самыми привлекательными соблазнами? Не при дворахъ ли испорченность становится цѣлой наукой? Умѣренная монархія всегда найдетъ своего Вальполя и ей немногаго будетъ не доставать, чтобы выродиться въ абсолютную монархію.

Конечно можно довести до рабства и республиканскія души, но только не безъ продолжительныхъ усилій или страшныхъ соблазновъ. Даже послѣ того, какъ Римъ по вѣроломнымъ покатостямъ дошолъ до диктатуры Суллы, нужно было для подкупа свободы употребить богатства завоеванной вселенной. Но это уже выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ вещей, когда одинъ человѣкъ, какъ напр. Помпей, можетъ подарить черни циркъ или какъ Лукуллъ тратить на ночныя пиршества сокровища богатаго королевства.

---

1) Esprit des lois, t. I, liv. III, chap. III.
2) Ibid.

А что касается дѣйствій общественнаго развращенія относительно независимости государствъ, то что значитъ здѣсь форма учрежденій? Монтескье приводитъ примѣръ Аѳинъ; и дѣйствительно совершенно справедливо, что они потеряли античную добродѣтель, когда ихъ побѣдилъ Филиппъ. Но если Аѳины истощили въ сластолюбіи остатокъ крови способной нѣкогда на героическія битвы; если эта нація поэтовъ не слышала имени Ѳемистокла въ говорѣ волнъ Саламина; если эта воинственная нація не испытывала благородныхъ порывовъ при звукахъ голоса Демосѳеновъ, то это вырожденіе происходило отъ причинъ совершенно постороннихъ формѣ политическихъ учрежденій. Еслибы при монархическомъ правленіи Аѳины достигли той же степени испорченности, какая погубила ихъ при республиканскомъ правленіи, то ужели они лучше защитили бы свою прежнюю независимость и свою славу? Ужели монархія сдѣлала бы побѣдителями при Херонеѣ тѣхъ, которые не хотѣли, чтобы были обращены на нужды войны суммы, предназначавшіяся для театровъ?

Изучивши серьезно Монтескье, удивляешься, что онъ столь рѣшителенъ въ своихъ положеніяхъ и въ тоже время такъ неоснователенъ. Его мнимая глубина находится только на поверхности: это — замаскированіе его ошибокъ.

Мы видимъ, какъ мало были основательны политическія пристрастія Монтескье. Но зрѣлище Англіи ослѣпило его; и болѣе счастливый чѣмъ публицисты XVI вѣка, традицію которыхъ онъ продолжалъ, онъ ввелъ во Франціи то, чему они удивлялись и что предсказывали издалека [1]). Посмотрите пристально на «Духъ законовъ» и вы найдете, что тамъ описанъ колесо за колесомъ весь политическій механизмъ настоящаго времени: выборное собраніе, вооруженное правомъ вотировать налоги и раздѣляющее законодательную власть съ собраніемъ аристократическимъ по своему свойству; подлѣ нихъ король наслѣдственный, священный, неприкосновенный, приводящій въ исполненіе законы и могущій отказать въ своемъ согласіи на нихъ; выше и подлѣ несмѣняемой магистратуры, судебныя функціи которой не смѣшиваются ни съ законодательной ни съ исполнительной властью, есть еще временные судьи, выбираемые изъ среды народа и которые служатъ для обвиняемаго его перами [2]).

---

1) См. выше, въ I книгѣ, главу подъ заглавіемъ: Протестантскіе публицисты XVI вѣка.

2) См. въ Esprit des lois, liv. XI, всю главу VI.

Но когда Монтескье предлагалъ Франціи принятіе политической системы уже давно утвердившейся въ Англіи, то существовала ли между двумя странами аналогія въ положеніяхъ, которая бы давала право принять подобное заимствованіе?

Въ Англіи королевская власть, палата лордовъ и палата общинъ были только тремя функціями, тремя различными обнаруженіями одной и той же власти, аристократіи: этого не замѣтилъ Монтескье. Онъ думалъ, что англійская конституція основывается на взаимнодѣйствіи трехъ властей естественно и необходимо соперничающихъ; онъ и не подозрѣвалъ, что еслибы эти три власти, вмѣсто того чтобы быть только функціями, дѣйствительно были настоящими силами, силами различными, враждебными, предназначенными взаимно сдерживать себя, расположенными къ борьбѣ между собою, тогда конституція англійская содержала бы въ своихъ нѣдрахъ зародышъ страшной анархіи!

Потому что въ самомъ дѣлѣ поставить другъ подлѣ друга наслѣдственный принципъ и принципъ избирательный не значило ли это поставить во главѣ общества необходимость борьбы, полной опасностей? И если въ случаѣ столкновенія не существуетъ никакого легальнаго средства заставить уступить ни монарха, потому что онъ неприкосновененъ, ни собраніе, потому что право вотировать налоги дѣлаетъ его всемогущимъ, то не очевидно ли, что общество попадаетъ въ неизвѣстность между революціей или государственнымъ переворотомъ? Устраивая человѣческое тѣло, Богъ хотѣлъ, чтобы голова имѣла надъ руками верховную власть: голова желаетъ, а рука исполняетъ. Конституціонная система, истолкованная въ смыслѣ Монтескье, заключаетъ въ себѣ ту нелѣпость, что она заставляетъ въ соціальномъ тѣлѣ руки контролировать рѣшенія головы.

Правда, что, предвидя борьбу, Монтескье поручалъ третьей власти заботы предупреждать или прекращать ее. Но раціонально ли для достиженія посредничества производить новую причину раздоровъ? Не изобрѣтайте зла: вы не изобрѣтете средствъ противъ него.

Кромѣ того предполагая, что посредничествующая власть въ точности исполнитъ свою роль, выйдетъ ли когда-нибудь сильный импульсъ отъ этого механизма трехъ силъ, постоянно занятыхъ уравновѣшиваніемъ другъ друга? Такое равновѣсіе, отличное въ смыслѣ препятствія, будетъ ли оно годиться для дѣйствія? Придуманное въ видахъ покоя, произведетъ ли оно движеніе? Монтескье отвѣчаетъ: «эти три власти должны были бы образовать покой или бездѣйствіе; но

такъ какъ по необходимому движенію всѣхъ вещей и онѣ будутъ принуждены идти впередъ, то по необходимости онѣ будутъ идти согласно [1].» Но теченіе рѣки увлечетъ ли за собою то, что находится на берегу ея? И дѣйствительно недостатокъ конституціонныхъ властей въ томъ именно и состоитъ, что онѣ волнуются внѣ движенія общества, поглощенныя своими внутренними раздорами и жизненными препятствіями. Но правительства, достойныя этого имени, не въ обиду будь сказано Монтескье, руководятъ ходомъ общества, а не идутъ позорно за нимъ. Какъ! не имѣть никакой другой заботы кромѣ заботы о существованіи; тратить себя на пустые диспуты; тратить на защищеніе своей прерогативы или на нападеніе на прерогативу другихъ время необходимое для работъ, которыя слѣдовало бы направлять, для вопросовъ, въ которые слѣдовало бы углубиться, употреблять на достиженіе цѣли имѣть покорное большинство тотъ геній, покровительство котораго требуется столькими несчастными... ужели все это составляетъ условіе власти у великаго народа! Нѣтъ, мы должны имѣть болѣе высокое понятіе объ обязанностяхъ, выражаемыхъ словомъ власть; онѣ состоятъ въ томъ, чтобы покровительствовать слабымъ противъ сильныхъ и защищать сильныхъ отъ самихъ себя, устраивать дѣло такъ, чтобы свобода была общимъ богатствомъ, а не достояніемъ только нѣкоторыхъ, находить и собирать всѣ умственныя силы націи, заниматься дѣламм, жертвовать собою; быть властью значитъ также быть новаторомъ, потому что общества движутся непрерывнымъ движеніемъ и регулированіе ихъ труда есть первая обязанность того, кто осмѣливается повелѣвать людьми.

Но каждому вѣку принадлежитъ свое дѣло. До революціи господствующимъ фактомъ, какъ мы сказали, было угнетеніе личности. До этого времени правительства были извѣстны только своею тиранію и своимъ грабежемъ; всѣ желали только того, чтобы разбить формы деспотизма, каковы бы онѣ ни были; принципъ авторитета возбуждалъ только ужасъ. Что же могло болѣе польстить этому общему настроенію умовъ, какъ не система, рекомендуемая Монтескье? Черта, характеризующая эту систему, дана намъ въ «Духѣ законовъ»: для того, чтобы нельзя было злоупотреблять властью, нужно, чтобы вещи устроены были такъ, чтобы «власть сдерживала власть [2].» Вотъ послѣднее слово

[1]) Esprit des lois, liv. XI, chap. VI.

[2]) Ibid., chap. V.

конституціонной теоріи. Нужно было дать власти столько занятій у себя дома, чтобы она не имѣла времени заниматься тѣмъ, что происходитъ внѣ ея и подъ нею; нужно было сколько возможно умалить государство въ пользу личности и разрѣшить такую странную проблему: «уничтожить принципъ авторитета, не разрушая его.»

Такимъ образомъ и объясняется блестящая судьба Esprit de lois. Достоинствомъ этой книги было отчасти время ея появленія. Пріятный по своей граціи и остроумію въ своихъ «Персидскихъ письмахъ», гордый и удивительно обильный писатель какъ въ своей книгѣ «Величіе и упадокъ римлянъ», такъ и въ своемъ «Разговорѣ между Евкратомъ и Суллою», Монтескье своимъ «Духомъ законовъ» занялъ второстепенное мѣсто между публицистами; и онъ никогда не пріобрѣлъ бы репутаціи мыслителя, еслибы онъ не дѣйствовалъ на невнимательныхъ читателей тщательно выработанною точностью и стилемъ краткимъ, убѣдительнымъ, повелительнымъ. Прежде поступленія въ печать, сочиненіе было сообщено друзьямъ автора и нашло между ними строгихъ судей: Гельвецій упрекалъ его за слишкомъ замѣтное преклоненіе передъ предразсудками; президентъ Гено смотрѣлъ на него просто какъ на сборникъ матеріаловъ годныхъ для составленія книги; Силуэттъ, тотъ самый, который былъ генеральнымъ контролеромъ, сурово совѣтовалъ Монтескье бросить въ огонь свою рукопись [1]).

И наконецъ когда «Духъ законовъ» явился въ 1748 г., то онъ былъ принятъ холодно. Вольтеръ, опровергавшій его, сравнивалъ его съ «дурно убраннымъ кабинетомъ, въ которомъ однако есть прекрасныя люстры изъ горнаго хрусталя [2]).» Успѣхъ книги начался съ двухъ женщинъ, мадамъ Тансенъ и мадамъ Жоффренъ, которыя открыто заявили себя почитательницами ея [3]). Публика въ то время вся была поглощена богословскими или чисто философскими спорами; но вдругъ возродилась политическая страсть; буржуазія безъ труда признала и съ удовольствіемъ привѣтствовала въ Монтескье своего истиннаго законодателя; она была вполнѣ соблазнена системой, которая обѣщала личности столько новыхъ гарантій, обезоруживала власть, стремилась каждаго сдѣлать господиномъ у себя, освобождая его отъ всякой соціаль-

---

[1]) Оже, Vie de Montesquieu, помѣщена передъ Esprit des lois, p. XXXIII, изд. Туке.

[2]) Correspondance de Voltaire, t. VIII, p. 551.

[3]) Оже, Vie de Montesquieu, p, XXXV.

ной общей дѣятельности, уничтожала препятствія въ пользу сильныхъ и разрушала опору, которою могли бы пользоваться слабые.

Впослѣдствіи дѣло начатое Монтескье долженъ былъ довершить Лольмъ (Lolme), издавши сочиненіе, которое съ большою тщательностью анализировало различныя части англійской конституціи и остроумно выставляло при этомъ ея выгоды. При правленіи опозоренномъ скандалами секретныхъ королевскихъ приказовъ объ арестѣ и произвольными арестами, при жестокостяхъ погребенныхъ во мракѣ Бастиліи и среди приговоровъ, которые осуждали на сожженіе самыя прекрасныя произведенія человѣческаго ума,—можно ли было читать безъ чувства нѣкоторой зависти, что у сосѣдняго народа личная свобода была нераздѣльна съ личностью самого гражданина и считалась врожденнымъ правомъ [1]); что ни одинъ англичанинъ не боялся быть заключеннымъ въ тюрьму иначе какъ въ силу приговора согласнаго съ законами страны [2]); что по положенію акта Habeas corpus [3]) всякій чиновникъ или смотритель тюрьмы, который не представилъ своему арестанту черезъ шесть часовъ по заявленіи требованія копію съ приказа о заключеніи въ тюрьму, подвергается тяжкимъ наказаніямъ [4]); что въ Англіи наконецъ каждый имѣлъ право не только приносить свои жалобы палатамъ въ формѣ петицій, но и прямо обращаться къ народу черезъ прессу: «Право страшное для тѣхъ, которые управляютъ, говоритъ Лольмъ, потому что оно постоянно, разсѣевая туманъ величія, въ который они окутываются, сводитъ ихъ къ уровню другихъ людей [5]).»

Политическая система, предложенная для Франціи Монтескье, и реформы, непрямо вызванныя Лольмомъ, имѣли громадную важность для буржуазіи; но были ли онѣ достаточны для народа? Благодѣянія личной свободы могли ли быть надлежащимъ образомъ оцѣнены столькими несчастными, которыхъ самая ихъ ничтожность защищала отъ произвола двора? Свобода прессы имѣла ли свою цѣну въ глазахъ столькихъ бѣдныхъ пролетаріевъ, которые ничего не пишутъ и даже не умѣютъ чи-

---

1) Лольмъ, Constitution de l'Angleterre, t. I, chap. VIII, p. 93. Женева, MDCCLXXXVIII.

2) Ibid.

3) Настоящее заглавіе этого акта такое: Актъ чтобы лучше обезпечить свободу подданнаго и предупредить ссылку за моря.

4) См. главныя статьи акта Habeas corpus у Лольма, t. I, chap. XIII, p. 188, 189.

5) Лольмъ, t. II, chap. XII, p. 39.

тать? Что болѣе всего нужно было для нихъ — это не одна система гарантій, но еще система покровительства. Жанъ Жакъ хорошо понялъ это; и какимъ мы видѣли его на аренѣ философіи, такимъ онъ является намъ и въ области политики.

Какъ не почувствовать было необходимости покровительствующей власти и опасностей невмѣшательства тому, который еще ребенкомъ обязанъ былъ своими недостатками и своими несчастіями свободѣ большихъ дорогъ, который принужденъ былъ питаться подаяніями изъ гостинницъ и узнать мучительность ночей безъ крова, ему—другу мадамъ Варенсъ сдѣлавшемуся лакеемъ мадамъ Верселли! Какъ онъ ни старается въ своихъ Confessions придать протесту своихъ воспоминаній нѣжный и самоотверженный оттѣнокъ, но все видно, сколько негодованія собралось въ глубинѣ его души, когда онъ, преданный паденіямъ и искушеніямъ своей бѣдности, былъ однимъ изъ тѣхъ нищихъ, на которыхъ пробовали тогда дѣйствіе ѣдкихъ веществъ.

Поэтому ничто не можетъ сравниться по порывамъ логики и краснорѣчія съ его Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes (Разсужденіе о началѣ и основаніяхъ неравенства между людьми). Здѣсь уже не буржуазія требовала своей эманципаціи: явилось новое сословіе гражданъ съ требованіемъ себѣ мѣста въ мірѣ. Стиль Руссо напоминалъ здѣсь патетическій и сильный языкъ сына Корнеліи. Гордое чувство, одушевленная меланхолія, фраза твердая, гармоническая, полная жизни и соединявшая рельефность Монтеня съ силою Кальвина,—все это было къ услугамъ осужденныхъ на землѣ; и изумленный вѣкъ рукоплескалъ этимъ обличеніямъ, до такой степени мало онъ понималъ революціонный смыслъ этихъ парадоксовъ, которые принимались просто за литературныя смѣлости, но которыя должны были скоро раздаваться въ собраніяхъ націй подъ формою догматическихъ истинъ, острыхъ какъ мечъ.

«Разсужденіе о неравенствѣ» было мрачнымъ объявленіемъ войны порокамъ тогдашняго общества и деспотизму: Жанъ-Жакъ старался въ своемъ Contrat social установить теорію верховной власти народа. Способъ его постановки вопроса удивителенъ:

«Найти форму ассоціаціи, которая защищаетъ и охраняетъ всею общественною силою личность и имущество каждаго члена ассоціаціи и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повинуется однако

только самому себѣ и остается столь же свободнымъ, какъ былъ прежде [1]).»

Такимъ образомъ подобно Боэти [2]), Жанъ-Жакъ стремился къ свободѣ только посредствомъ ассоціаціи и призывалъ людей жить братьями для того чтобы жить счастливо.

Когда съ одной стороны ставятъ верховнаго государя, а съ другой стороны общество и не устанавливаютъ между ними никакой связи взаимной зависимости, взаимной преданности, то отъ этого неизбѣжно вытекаетъ то слѣдствіе, что общество должно быть постоянно на-сторожѣ противъ власти и всякій управляемый видитъ въ управляющихъ своихъ враговъ. Такимъ образомъ Монтескье, ставившій верховнаго государя выше и внѣ общества, принужденъ былъ искать гарантій свободы въ анархическихъ комбинаціяхъ. Но Руссо видѣлъ верховнаго государя только въ самомъ обществѣ и въ цѣломъ обществѣ и имѣлъ право сказать: «государь, состоящій изъ частныхъ лицъ его составляющихъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть интересовъ противныхъ ихнимъ; слѣдовательно верховная власть не нуждается ни въ какихъ гарантіяхъ относительно подданныхъ, потому что невозможно, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ [3]).»

Выведеніе свободы каждаго изъ его братскаго согласія съ подобными себѣ и выведеніе изъ самаго свойства верховной власти того, что должно служить охраной народа, — вотъ двѣ основныя идеи «Общественнаго договора», и нельзя придумать болѣе прекрасныхъ идей.

Потому что ставить гарантіи власти внѣ ея, вмѣсто того чтобы ставить ихъ въ ней самой,—это значитъ неблагоразумно угрожать ей, раздражать ее, внушать ей желаніе взять то, въ чемъ ей отказываютъ, разрушить насиліемъ или хитростью противопоставляемыя ей препятствія, это значитъ пораждать безпорядокъ съ возможностью деспотизма. И часто случается, что умѣряющую власть дѣлаютъ до такой степени сильною, что оказывается необходимость умѣрять и ее въ свою очередь. Въ Карѳагенѣ учреждены были суффеты для ослабленія сената; трибуналъ ста для ослабленія суффетовъ; трибуналъ пяти для ослабленія трибунала ста: только и дѣлали, что смущали государство, перемѣщая тиранію.

---

1) Contrat social, liv. I, chap. VI.
2) См. выше книга I, гл. IV.
3) Contrat social, liv. I, chap. VII.

Давши всей совокупности гражданъ законодательную власть и опредѣливши законъ какъ «выраженіе общей воли»[1]), Руссо признаетъ верховную власть народа неотчуждаемою[2]), недѣлимою[3]), подверженною ошибкамъ, но всегда однако заслуживающею повиновенія[4]); поэтому Руссо упрекали[5]), что онъ просто перевернулъ систему Гоббса и приписалъ толпѣ страшный деспотизмъ, какой Гоббсъ приписывалъ волѣ одного человѣка. Этотъ упрекъ неоснователенъ. Напротивъ Руссо съ большою тщательностью различалъ «относительныя права гражданъ и верховнаго государя и обязанности, которыя должны исполнять первые въ качествѣ подданныхъ, отъ правъ, которыми они должны пользоваться какъ люди»[6]). Онъ не желаетъ, чтобы государь могъ обременять подданныхъ какими-нибудь цѣпями безполезными для общества[7]); и напр. въ дѣлѣ религіи онъ рѣшаетъ, чтобы каждый могъ имѣть такія мнѣнія, какія ему угодно, и государю нѣтъ дѣла до этого[8]).

Но только такъ какъ есть вѣрованія, которыя касаются отношеній людей между собою, вѣрованія, имѣющія предметомъ настоящую, а не будущую жизнь и слѣдовательно имѣющія важность соціальную, а не теологическую, то Руссо даетъ государю, т. е. обществу разсматриваемому въ своей цѣлости, право устанавливать статьи вѣрованій, которыя долженъ принимать каждый, если хочетъ оставаться въ ассоціаціи. Но не нужно забывать, что это вѣрованія чисто гражданскія и не идутъ дальше тѣхъ «чувствъ общежительности, безъ которыхъ невозможно быть добрымъ гражданиномъ[9]).»

Въ самомъ дѣлѣ было бы странно, еслибы сталъ ковать новыя цѣпи для людей тотъ, который столь горячо защищалъ дѣло свободы и человѣческаго достоинства противъ Гоббса, противъ Гроція, противъ всѣхъ публицистовъ тираніи, противъ ненавистныхъ логиковъ права сильнѣйшаго. Нѣтъ, благодаря небо, это не было такъ. Что преобладаетъ въ «Общественномъ договорѣ», это именно забота о сво-

---

1) Ibid., liv. III, chap. I.
2) Ibid., liv. II, chap. I.
3) Ibid., chap. II.
4) Ibid., chap. III.
5) См. Cours de littérature française, Вильмена.
6) Contrat social, liv. II, chap. IV.
7) Ibid.
8) Ibid., liv. IV, chap. VIII.
9) Ibid.

бодѣ [1]). Если Руссо требуетъ соціальнаго единства и признаетъ обязательными только тѣ законы, которые имѣютъ источникомъ общую волю, то это потому, что онъ имѣлъ въ виду возможное угнетеніе слабѣйшихъ сильнѣйшими, что онъ чувствовалъ необходимость противопоставить организованному или анархическому деспотизму нѣсколькихъ правильную силу всѣхъ; такъ что, составляя кодексъ ассоціаціи, Руссо далъ личности ея настоящія гарантіи и указалъ единственную дорогу, которая можетъ вести всѣхъ людей равно къ счастью и свободѣ.

Теперь легко измѣрить разстояніе, отдѣляющее принципы выставленные Монтескье отъ принциповъ принятыхъ Руссо. Поэтому какъ различны были и слѣдствія ихъ! Монтескье допускалъ аристократію благороднѣйшихъ: Руссо же склонялся только передъ аристократіей добродѣтельнѣйшихъ, самоотверженнѣйшихъ и достойнѣйшихъ. Монтескье желалъ только сдѣлать скипертъ царей менѣе тяжелымъ: Руссо же побуждалъ сломать его. За первымъ естественно должна слѣдовать аристократія, за вторымъ народъ.

Но, наконецъ, оба они поражали монархическій деспотизмъ, сильнаго врага, противъ котораго соединились ученики того и другаго къ концу XVIII вѣка.

Долгое время война была ведена только противъ церкви и мы видѣли, какъ въ удивительномъ заговорѣ составленномъ противъ нея Вольтеръ сдѣлалъ участниками даже королей. Быть деспотомъ — это считалось неважнымъ, только бы быть философомъ; такъ что государи считали за честь вступать въ антихристіанскую лигу, увлекая за собою министровъ, посланниковъ, куртизановъ, дворянъ. Но пришло время, когда между королями и священниками снова открылась солидарность, напрасно скрываемая и напрасно непризнаваемая. Философское движеніе, представляемое Вольтеромъ, еще не снесло алтарей, какъ возникло уже политическое движеніе, направленное Монтескье и Жанъ-Жакомъ и потрясавшее троны. Systême de la nature, изданная въ 1770 году, съ зловѣщимъ блескомъ возвѣстила эту новую форму великой революціи XVIII вѣка. Вольтеръ воображалъ, что дѣло королей есть дѣло философовъ [2]): но онъ получилъ потомъ смѣлое опроверженіе со стороны своихъ учениковъ. «Что мы видимъ—восклицалъ Гольбахъ и его сотрудники—въ этихъ властителяхъ, которые на основаніи божескаго права управляютъ націями, какъ не честолюбцевъ, которыхъ

1) См. именно главу IV, книги II.

2) Correspondance de Voltaire, см. выше, стр. 302.

ничто не останавливаетъ, какъ не сердца совершенно безчувственныя къ страданіямъ человѣческаго рода, какъ не души безъ энергіи и добродѣтели, пренебрегающія очевидными обязанностями, о которыхъ даже онѣ не удостоиваютъ справиться, какъ не могущественныхъ людей, которые безумно ставятъ себя выше правилъ естественной справедливости, какъ не плутовъ, которые играютъ честностью [1])?» И въ другомъ мѣстѣ: «Между этими представителями божества сдвали въ тысячу лѣтъ найдется хоть одинъ, который бы имѣлъ справедливость, чувствительность, таланты и добродѣтели самыя обыкновенныя [2]).» За этимъ слѣдовала мрачная картина преступленій, рождавшихся изъ монархическаго деспотизма поддерживаемаго священническимъ деспотизмомъ. До сихъ поръ философскимъ лозунгомъ было: «не надо священниковъ!» Теперь же говорили: «ни священниковъ ни абсолютныхъ королей!»

Фридрихъ чувствовалъ себя пораженнымъ въ сердце. Онъ былъ униженъ тѣмъ, что держался съ такимъ усердіемъ стороны, которая перестала быть его стороною. Его письма къ его прежнимъ союзникамъ наполнялись жолчью; онъ окружилъ своимъ покровительствомъ іезуитовъ, для которыхъ его государство сдѣлалось единственнымъ убѣжищемъ; и узнавши, что Systèmeude la Nature «читается на расхватъ во всей Европѣ» [3]), онъ прибѣгъ для противодѣйствія ей къ разсужденіямъ: оружіе, послужившее ему для воровства Силезіи, ничего не могло сдѣлать противъ книги.

Вольтеръ съ своей стороны былъ въ страхѣ. Въ это время онъ находился на верху своей славы; приготовлялись поставить ему статую на счетъ всѣхъ свободныхъ мыслителей; и въ спискѣ подписчиковъ на статую стояло имя прусскаго короля; счастливый старикъ испугался сигнала, который исходилъ не отъ него. Похваливши сначала Système de la nature, онъ потомъ раскаялся, взялъ назадъ свое мнѣніе и вскорѣ по своей слабости передъ раздраженнымъ Фридрихомъ искупилъ нескромность первыхъ похвалъ потокомъ оскорбленій страшной книгѣ [4]).

Но толчекъ былъ данъ. Вольтера все-таки уважали: не находили только въ немъ достаточной смѣлости. «Если государь говоритъ невѣрному подданному, что этотъ не достоинъ жить, то не слѣдуетъ ли

[1]) Système de la nature, par. II, chap. VIII, p. 97.

[2]) Ibid., p. 264.

[3]) Correspondance générale de Voltaire, t. XXII, p. 97.

[4]) Выраженіе Вольтера, Correspondance, t. XXIII, p. 113.

бояться, что подданный въ свою очередь скажетъ, что невѣрный государь не достоинъ царствовать?» Таковъ былъ языкъ Дидро [1]) въ «Энциклопедіи и то, что онъ высказалъ въ формѣ вопроса, онъ и его друзья теперь утверждали положительно. Въ своей «Политической и философской исторіи обѣихъ Индій» Рейналь восклицалъ: «презрѣнные народы! безсмысленное стадо! вы довольствуетесь стонами тогда, когда вамъ слѣдовало бы краснѣть!» и возмущался тѣмъ, что милліоны людей слѣдуютъ безпрекословно за «десяткомъ дѣтей, называемыхъ королями и вооруженныхъ маленькими палками, называемыми скипетрами.» Système sociale Гольбаха, Despotisme oriental изданный подъ именемъ Булланже, Homme Гельвеція говорили тоже. Да, было уже далеко назади то время, когда д'Аржансонъ, министръ философъ, считалъ себя весьма смѣлымъ, когда требовалъ удержанія чистой монархіи немножко смягчонной общинной свободой.

Совпаденіе дѣйствительно провиденціальное! Въ это именно время во Франціи деспотическая власть превзошла всякую мѣру своего позора и своихъ претензій. Мадамъ Помпадуръ умерла въ 1764 г.; и Людовику XV удалось унизиться еще больше въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Женщина, вырвавшаяся изъ объятій лакея, внесла въ жизнь государя привычки, которымъ нѣтъ имени, и прельстила его удовольствіями, вся сладость которыхъ состояла въ грубомъ безстыдствѣ. Можно было бы ограничиться тѣмъ, чтобы презирать фаворитку; но ей завидовали. Герцогиня Граммонъ сдѣлалась соперницей мадамъ дю-Барри и была побѣждена. Передъ новой любовницей герцогъ Шуазель осмѣлился было вспомнить, что онъ первый и гордый министръ, но это послужило къ его паденію.

Безполезно прибавлять, что въ государствѣ, управляемомъ капризами подобныхъ женщинъ, безпорядокъ въ финансахъ былъ страшный. Къ концу 1769 г. обыкновенные и экстраординарные расходы превосходили свободные доходы на 100 милліоновъ; кромѣ того было неуплатъ на 100 милліоновъ, такъ что весь наличный долгъ простирался до 210 милліоновъ [2]). Аббатъ Террей приложилъ къ ранѣ раскаленное желѣзо. Видя, что король отказывается сократить свои расходы; что финансовые люди не хотятъ во время всеобщаго бѣдствія отказаться отъ части своей обыкновенной добычи; что духовенство утверждаетъ свою свободу отъ налоговъ на божественномъ правѣ; что парламенты и дворян-

---

[1]) Статья Нетерпимость.

[2]) Indroduction aux fastes de la Révolution française, Марраста и Дюпона, p. CLVIII.

ство съ безжалостнымъ эгоизмомъ заперлись въ своихъ привилегіяхъ, Террей (Terray) вступилъ хладнокровно, безъ страсти и страха на путь финансовыхъ насилій. Онъ уменьшилъ пенсіоны на одну, на двѣ и на три десятыхъ; онъ взялъ у дворянъ королевскіе удѣлы бывшіе въ залогѣ; онъ уменьшилъ на одну пятую ренты городской думы; онъ принудилъ владѣльцевъ общественныхъ должностей ссудить государству 28 милліоновъ; онъ вырвалъ 26 милліоновъ у духовенства [1]): онъ вызвалъ противъ себя проклятія и носилъ тяжесть общественнаго негодованія съ веселою бодростью, которой ничто не могло возмутить, даже негодованіе Вольтера. Террей оставилъ неприкосновенными пенсіоны не превосходившіе 400 франковъ; страшный для богатыхъ, онъ заботился о бѣдныхъ; онъ отвѣчалъ пѣвцамъ оперы, требовавшимъ себѣ уплаты какъ священной вещи: «справедливѣе заплатить тѣмъ, которые плачутъ, прежде тѣхъ, которые поютъ [2])». Но имъ были затронуты интересы тѣхъ, которые могли говорить громче всѣхъ; и желая спасти монархію, Террей потрясъ ее въ самыхъ основаніяхъ.

Тогда явился на сценѣ человѣкъ, который пытался произвести въ области юстиціи то, что Террей осмѣлился сдѣлать въ области финансовъ. Назначенный канцлеромъ въ 1768 г. Мопеу (Mopeou) поклялся разрушить парламенты и сдержалъ свое слово. Смѣлый и хитрый, твердый и вкрадчивый, соединявшій упрямство съ рѣдкою податливостью куртизана, суровый когда нужно было внушить страхъ, шутливый среди опасности, чтобы внушать довѣріе, Мопеу обладалъ гордостью и униженіемъ, т. е. имѣлъ все, что нужно для успѣха.

Когда онъ задумалъ свой смѣлый проектъ, тогда магистратура казалась непоколебимой. Парламенты составили коалицію подъ руководствомъ парижскаго парламента, присвоили себѣ названіе классовъ и взяли девизомъ слѣдующія многозначительныя слова: единство и нераздѣльность. Горѣвшій нетерпѣніемъ нанести ударъ, который бы доказалъ его силу, и тайно покровительствуемый герцогомъ Шуазелемъ, парижскій парламентъ въ это время собирался осудить герцога Эгильона обвиняемаго въ томъ, что онъ допустилъ множество безпорядковъ во время своего управленія Бретанью, и еще не оправившагося послѣ своей борьбы съ Ла-Шалоте и бретанскими сословными собраніями.

Мопеу ни на минуту не отступилъ передъ великостью опасности,

---

1) См. въ Introduction aux fastes превосходный обзоръ администраціи аббата Террея.

2) Introduction aux fastes, p. CLX.

объявивши себя покровителемъ герцога Эгильона, фаворита королевской любовницы; онъ употребилъ въ его пользу вліяніе, какое давало мадамъ дю-Барри ея искусство въ сладострастіи. Когда парламентъ постановилъ приговоръ, объявлявшій герцога Эгильона опороченнымъ (entaché) и лишавшій его правъ перства, тогда Мопеу воспользовался этимъ случаемъ, чтобы начать свои нападенія. Онъ произвелъ ихъ съ невообразимою горячностью. «Завтра, говорилъ Мопеу 6 декабря 1770 г., я открываю траншею противъ парламента.» И дѣйствительно, на другой день явился громовой дисциплинарный эдиктъ, который уничтожалъ классы, превращалъ право представленій въ пустую формальность, запрещалъ коллективныя отставки и не дозволялъ судебнымъ лицамъ ни подъ какимъ видомъ останавливать ходъ юстиціи.

Мопеу все предвидѣлъ: парламентъ долженъ былъ сопротивляться; поэтому мушкетерамъ данъ былъ надлежащій приказъ и были приготовлены секретные приказы объ арестѣ. Истцы могли жаловаться на перерывъ юстиціи; но уже начертанъ былъ планъ новой организаціи. Общественное мнѣніе должно было взволноваться; но чтобы успокоить его, Мопеу провозгласилъ уничтоженіе продажности должностей и даровой судъ. Сколько искусства въ этой совокупности мѣръ, сколько смѣлости, силы, предусмотрительности!

Но какъ! развѣ измѣнять старую форму монархіи не значило давать революціонному духу опасный примѣръ? Дѣлать нововведенія въ пользу деспотизма, когда со всѣхъ сторонъ поднимались противъ деспотизма голоса возмутившихся, развѣ это не значило приготовлять для королевской власти насильственную агонію?

Мопеу употребилъ всѣ рессурсы своего генія и торжествовалъ; онъ заручился одобреніемъ Вольтера [1]) и учрежденіемъ новаго трибунала хотѣлъ показать, что можно было обойтись безъ старой магистратуры; но все было напрасно и всеобщее ожесточеніе ясно доказало, что времена абсолютной монархіи уже прошли. Это доказалъ еще лучше фактъ неслыханный въ лѣтописяхъ двора. Когда, призвавши въ министерство герцога Эгильона, мадамъ дю-Барри свергла, наконецъ, герцога Шуазеля и заставила сослать его въ Шантелу, тогда придворные толпою послѣдовали за отставленнымъ министромъ въ мѣсто его ссылки

1) Correspondance de Voltaire, au maréchal duc de Richelieu: «Живущій въ уединеніи смотритъ на новыя учрежденія введенныя канцлеромъ какъ на величайшую услугу, какую можно было оказать Франціи.» T. XXIV, p. 23.

и въ своемъ несчастіи онъ имѣлъ больше льстецовъ, чѣмъ сколько ихъ было у него во время его могущества.

Такимъ образомъ беззаботный Людовикъ XV позволилъ всунуть себѣ въ руку наглый бичъ Людовика XIV. Злость куртизанки и воля заносчиваго министра достаточны были для того, чтобы разрушить древнѣйшее учрежденіе въ королевствѣ и уничтожить вмѣстѣ съ нимъ даже тѣнь всякаго сопротивленія. Королевская власть достигла полной диктатуры. Это усиліе должно было быть послѣднимъ.

Между тѣмъ новая магистратура вступила въ должность при аплодисментахъ Вольтера, и это было много. Уничтоженный парламентъ приговаривалъ къ аресту столькихъ благородныхъ писателей, приказалъ сжечь рукою палача столько книгъ, что энциклопедисты тайно улыбались насильственнымъ дѣйствіямъ канцлера и Вольтеръ своимъ горячимъ, неутомимымъ гнѣвомъ преслѣдовалъ въ ихъ пораженіи «убійцъ Каласа, Ла-Барра, Лалли [1].»

Но на этотъ разъ общественное мнѣніе судило иначе, чѣмъ Вольтеръ. Названіе парламента Мопеу, данное узурпаторскому парламенту, уже доказывало его непопулярность и ему трудно было смыть пятно своего происхожденія. Франція ни за что не соглашалась признать своими судьями тѣхъ, которые вошли въ зданіе суда подъ прикрытіемъ отряда мушкетеровъ [2]) и Парижу, милому, терпимому и фрондеру XVIII вѣка, очень не нравилось, что юстиція была введена посредствомъ государственнаго переворота. Итакъ если королевскій парламентъ имѣлъ на своей сторонѣ фернейскаго патріарха, то имѣлъ противъ себя націю; и вскорѣ общественное чувство нашло себѣ опаснаго истолкователя въ другомъ Вольтерѣ, болѣе молодомъ и болѣе безстрашномъ, Вольтерѣ краснорѣчивомъ; это былъ Пьерръ-Огюстенъ Каронъ де Бомарше (Beaumarchais).

Никогда еще кажется природа не создавала такого бойца; и никогда кажется не соединялось столько обстоятельствъ для того, чтобы развить раздражительный и въ тоже время вполнѣ владѣвшій собою характеръ. Бомарше умѣлъ пользоваться рессурсами гнѣва и избѣгать его неблагоразумій. Соединяя дерзость съ искусствомъ, находчивость съ храбростью, имѣя душу испытанную несчастіями, ослѣпительный умъ,

---

1) Correspondance de Voltaire à madame du Deffan, t. XXIV, p. 4.

2) Лакретелль, Histoire de France pendant le dix huitième siècle, t. IV, p. 264, 265.

стиль выразительный и рельефный какъ рукоятки кинжаловъ выдѣлывавшихся флорентійскими мастерами, Бомарше по всѣмъ этимъ качествамъ былъ революціонеромъ, его жизнь была борьбою, а его враги непремѣнно жертвами, и парламентъ Мопеу онъ сдѣлалъ публичнымъ посмѣшищемъ.

Какимъ образомъ открылась эта достопамятная борьба и въ чемъ было дѣло? Начался денежный процессъ между Бомарше и наслѣдникомъ Пари-Дювернея, графомъ Ла Блашъ; послѣдній горячился до самозабвенія. Молодой и чрезвычайно богатый графъ Ла Блашъ оспаривалъ неоспоримый долгъ не въ интересахъ справедливости, а изъ ненависти къ Бомарше и съ заявленнымъ намѣреніемъ скорѣе истратить сто тысячъ экю собственныхъ денегъ, чѣмъ заплатить 15 тысячъ франковъ, которые онъ былъ долженъ. Бомарше проигралъ процессъ. Но этотъ процессъ получилъ особенную важность вслѣдствіе одного страшнаго обстоятельства. Докладчикъ процесса, совѣтникъ Гоезманъ, обвинилъ его въ томъ, будто-бы онъ хотѣлъ подкупить его; и это обвиненіе, тотчасъ же оказавшееся клеветою, повело однако къ тому, что Бомарше былъ опороченъ рукою палача. Сильные земли, берегитесь заносить вашу руку на человѣка геніальнаго! Если подобному человѣку будетъ оказана какая-нибудь несправедливость, то одно его негодованіе способно породить событія. Раздраженный монахъ можетъ измѣнить видъ католичества, если онъ называется Лютеръ. Частный человѣкъ, схватившись со всей магистратурой, можетъ бросить ее на землю, если онъ называется Бомарше. Избранный человѣкъ узнается по тому признаку, что онъ обобщаетъ то, что его интересуетъ. Его частныя дѣла освѣщаются неожиданнымъ свѣтомъ. Онъ вовлекаетъ цѣлые народы въ свои споры. Являясь передъ парламентъ, онъ сейчасъ расширяетъ предѣлы суда: свидѣтельницей является вся нація, а слушателями все человѣчество; и въ королевствѣ, въ которомъ еще нѣтъ никого кромѣ короля и подданныхъ, онъ изъ униженнаго положенія обвиняемаго становится въ важное положеніе обвинителя.

И кто же это преслѣдовалъ Бомарше за подкупъ судьи? Это былъ совѣтникъ, отъ котораго Бомарше могъ добиться, чтобы онъ принялъ его только послѣ 22 безполезныхъ попытокъ [1]) и только цѣною двухъ свертковъ по 50 луидоровъ, подаренныхъ женѣ этого судьи.

---

¹) См. Mémoire à consulter pour P.-A. Caron de Beaumarchais, t. III, p. 19, изд. Фюрна.

Ужели это вина истца, что дверь совѣтника открылась только одинъ разъ и только передъ свертками луидоровъ, и что затѣмъ имѣли низость требовать часы украшенные бриліантами и 15 луидоровъ за второй пріемъ, обѣщанный женой и отвергнутый мужемъ? Ужели нужно было, чтобы Бомарше, разорившійся вслѣдствіе доклада Гоезмана, пристрастіе котораго было столь неблагоразумно выдано, еще понесъ убытокъ, давши 15 луидоровъ женѣ Гоезмана, которая, возвративши свертки и часы, хотѣла удержать эти 15 луидоровъ вѣроятно на булавки по этому торгу сколько безчестному для судьи, столько же обременительному для истца? Добиваться свиданія, чтобы объяснить дѣло судьѣ,—это называлось пытаться на подкупъ! Какъ будто-бы стыдъ продажи пріемовъ могъ очернить истца ограбленнаго и получившаго отказъ [1])?

Вотъ что было разъяснено въ неподражаемыхъ Mémoires Бомарше съ убѣдительной діалектикой, съ непреодолимой силой, и языкомъ игривымъ до шутовства и серьезнымъ до краснорѣчія.

Предубѣжденная противъ парламента публика приняла къ сердцу споръ Бомарше. Пробудившееся со всѣхъ сторонъ любопытство превратилось во всеобщую симпатію. Десять тысячъ экземпляровъ, проданныхъ въ два дни [2]), представляли подробностями этого процесса неистощимый источникъ разговоровъ и сарказмовъ. Только и разговаривали что о сверткахъ, да о часахъ съ брилліантами. Вездѣ произносились имена Арно Бакюлара, газетчика Марена и Бертрана Деролля, которые теперь получили смѣшную извѣстность за то, что согласились быть рыцарями дамы въ 15 луидоровъ. Благодаря тысячамъ экземпляровъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки, удивленная публика проникла въ эти тайны канцеляріи, составлявшія стыдливость процедуръ. Она увидала секретные ходы судебнаго дворца, эти мѣста назначенныя для допросовъ, очныхъ ставокъ, передопросовъ; и всѣ эти формальности Бомарше сдѣлалъ столь любопытными, поставивши ихъ на сцену въ видѣ живой комедіи какъ Фигаро и уже давши роль Базиліо парламенту Мопеу.

Въ самомъ дѣлѣ, защищаясь противъ обвиненія, будто онъ хотѣлъ унизить трибуналъ, Бомарше, храбрость котораго была также предусмотрительностью, обобщалъ свои нападенія съ тѣмъ, чтобы придать своему дѣлу больше величія, и охотно прислушиваясь къ благопріятно-

---

[1]) Прибавленіе къ Mémoire à consulter, t. III, p. 213.

[2]) Этотъ фактъ признанъ Мареномъ, врагомъ Бомарше.

му для него ропоту, онъ писалъ: «нація конечно не засѣдаетъ съ тѣми, которые рѣшаютъ дѣла, но ея величественный взглядъ паритъ надъ собраніемъ. Если она никогда не бываетъ судьей частныхъ лицъ, то во всякое время есть судья судей [1].»

Эти слова отдавались тогда какъ революціонная новость. 15 луидоровъ стали событіемъ. Тогда какъ газеты въ Утрехтѣ и Гагѣ знакомили всю Европу съ перипетіями начавшагося дѣйствія, Mémoires Бомарше читались въ Тріанонѣ столь же жадно, какъ и въ городѣ; они забавляли мадамъ дю Барри и развлекали самого Людовика XV; поличное, найденное въ домѣ судебнаго чиновника, давало поводъ къ тысячѣ оскорбительныхъ подозрѣній, и нація, польщенная въ своемъ неудовольствіи, училась презирать великія государственныя учрежденія въ ожиданіи ихъ гибели.

Наконецъ настaлъ день, когда Бомарше лично долженъ былъ явиться въ парламентъ; и ничто лучше не доказываетъ отсутствія легальныхъ гарантій, столь тягостнаго для личности, какъ то смущеніе, въ какомъ находился невинный и вообще безстрашный человѣкъ среди обстоятельствъ этой явки въ судъ. Войдя въ залу парламента, которая теперь похожа была на храмъ, Бомарше слышитъ, какъ приставъ идущій передъ нимъ произноситъ громкимъ голосомъ латинское слово: adest, adest, онъ здѣсь, здѣсь, т. е. обвиненный; и страхъ забирается къ нему въ сердце. Нужно читать эту драму въ четвертой филиппикѣ Бомарше; нужно представить себѣ писателя, когда среди молчанія наступившаго за неопредѣленнымъ шумомъ голосовъ, онъ былъ приведенъ къ рѣшеткѣ передъ соединенными палатами въ присутствіе, состоявшее изъ 60 судебныхъ чиновниковъ одѣтыхъ въ мундиры, и въ залѣ скудно освѣщенной! Что значилъ здѣсь простой частный человѣкъ безъ офиціальнаго покровителя, безъ защитника, одинъ передъ красными мантіями парламента? Поэтому Бомарше смутился до того, что у него сначала даже кровь застыла [2]. Но обвиненный скоро оправился, пришелъ въ себя и, собравшись съ своими мыслями, гордо выступилъ противъ президента верховнаго суда, который былъ судьею и заинтересованною стороною въ этомъ дѣлѣ. Спрашиваемый онъ раздѣляетъ вопросы, анализируетъ ихъ и отвѣчаетъ съ точностью и силою,

---

[1]) Quatrième Mémoire à consulter противъ Гоезмана, t. III, p. 299.
[2]) Ibid., p. 302.

всегда съ должнымъ уваженіемъ, но смѣло, утонченно и опасно. Онъ не забываетъ и помнитъ, что его дѣло есть дѣло всѣхъ гражданъ.

Парламентъ Мопеу осудилъ жену Гоезмана и Бомарше и приговорилъ ихъ къ порицанію (être blamés) въ палатѣ, которое они должны были выслушать стоя на колѣнахъ, и кромѣ того приказалъ, чтобы мемуары Бомарше были разорваны и сожжены рукою палача [1]). Но едва только этотъ приговоръ сталъ извѣстнымъ, какъ мужественный писатель увидѣлъ себя окруженнымъ общественнымъ почтеніемъ. Принцъ Конти съ благороднымъ усердіемъ поспѣшилъ записаться въ передней Бомарше вмѣстѣ со всѣмъ Парижемъ; и первое судебное мѣсто королевства должно было перенести оскорбленіе, состоявшее въ почетѣ оказанномъ гражданину, котораго оно хотѣло опорочить.

Этотъ моральный тріумфъ писателя, который впослѣдствіи долженъ былъ довершить свое революціонное дѣло «Бракомъ Фигаро», достаточно показываетъ, что старый парламентъ скоро будетъ возстановленъ. Но мы уже объяснили и то, что дѣлало недостаточнымъ и невозможнымъ и этотъ послѣдній.

Итакъ предположите, что при приближеніи торжественнаго часа XVIII вѣкъ произвелъ бы человѣка достаточно проницательнаго, чтобы обнять однимъ взглядомъ всю совокупность фактовъ и уловить законъ ихъ соединенія; этотъ человѣкъ уже могъ бы сказать:

Приближается день, когда разразится великая революція. Потому что общество уже носитъ въ зародышѣ страшныя событія. Эта монархія, которая увѣнчиваетъ себя цвѣтами, которая приводитъ въ дѣйствіе свою диктатуру только посредствомъ куртизанокъ, которая въ то время, когда вокругъ нея со всѣхъ сторонъ свирѣпствуетъ буря, прячетъ свою голову въ объятіяхъ изнасилованныхъ невинныхъ дѣвушекъ или безстыдныхъ женщинъ, эта монархія слишкомъ слаба, она слишкомъ стара чтобы устоять во время уроковъ, которые будутъ даны ей. Она потеряетъ дѣйствительность исполнительной власти.

Этотъ парламентъ полный спѣси и малодушія, который священный мечъ юстиціи обращаетъ въ оружіе для фацкій, который не настолько силенъ, чтобы завладѣть властью, ни настолько покоренъ, чтобы терпѣть ее, который не составляетъ законовъ и мѣшаетъ ихъ составленію, этотъ парламентъ погибнетъ въ своемъ мятежномъ безсиліи. Онъ

---

[1]) Приговоръ 26 февраля 1774.

исчезнетъ, оставивши въ наслѣдство другому собранію свои претензіи на законодательную власть.

Тогда-то буржуазія, которая сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ рессурсы богатства и ума, которая опозорила духовенство посредствомъ философовъ, которая побѣдила дворянство посредствомъ общинъ, будетъ потрясать тысячью побѣдоносныхъ мечей. Она наложитъ свою руку на исполнительную власть и скажетъ королю: «я вамъ позволяю царствовать»; она завладѣетъ законодательною властью и воскликнетъ: «я управляю»!

ГЛАВА III.

Война противъ монополій.—Тріумфъ индивидуализма въ промышленности или конкуренція.

Тюрго.

Положеніе народа передъ революціей: цехи и мастерства; нищіе; дорожная повинность; милиція; картина насилій и несправедливостей въ налогахъ.—Школа индивидуализма: Кеней, Мерсье, Ла Ривьеръ, маркизъ Мирабо; Гурней. Тюрго представляетъ эту школу и резюмируетъ ее.—Школа братства: Морелли, Мабли.—Опасные споры.—Галіани и его Разговоры.—Борьба между Тюрго и Неккеромъ.—Ихъ свиданіе.—Тюрго министръ; доктрина, которой онъ доставилъ власть.—Война изъ-за муки.—Уничтоженіе повинностей.—Паденіе корпорацій.—Тріумфъ индивидуализма въ промышленности.—Революція совершившаяся въ идеяхъ.

Революція должна была не только разрушить область религіи и область политики, но должна была еще преобразовать промышленность и дать жизни народа новую физіономію.

Такимъ образомъ проникнуть въ нѣдра прежняго общества; внести лампу въ эти печальныя глубины; описать, люди народа, продолжительную и жестокую агонію вашихъ отцовъ и сказать потомъ, какими мыслителями и во имя какого принципа вызваны были первыя возстанія.... такова задача, которую нужно исполнить для того чтобы сдѣлать понятною революцію, которая безъ этого представлялась бы намъ только кровавымъ сновидѣніемъ опьянѣвшей страны.

Но въ страданіяхъ угасшаго вѣка мы можетъ быть найдемъ еще живыя скорби, скорби, которыя измѣнили только имя, не измѣнивши сущности. Въ милліонахъ жертвъ, за которыя отмстила революція и которыя она надѣялась освободить отъ страданій, можетъ-быть узнаютъ себя тѣ, которые въ наше время удивляются своей неизмѣнной бѣдности, все-еще сохраняющейся послѣ столькихъ усилій.

Но пусть они не предаются отчаянію. Если исторія показываетъ намъ, что жизнь человѣчества слагается изъ безчисленнаго множества смертей, то она также доказываетъ, что всякій новый родъ угнетенія приноситъ меньшую сумму бѣдствій и что зло исчерпывается самымъ разнообразіемъ своихъ формъ. Да, среди этого стона, продолжающагося изъ вѣка въ вѣкъ, и по этой дорогѣ, по которой гибнетъ столько раздавленныхъ поколѣній, человѣчество идетъ твердымъ шагомъ къ свѣту, правдѣ и счастію.

Каково было до революціи состояніе общества? Въ какое положеніе ставили народъ цехи и мастерства (jurandes et maîtrises), повинности, милиція законы о нищенствѣ и налоги взимаемые откупщиками? Вотъ картина, которую намъ нужно нарисовать прежде всего.

Девизомъ и душою шести корпорацій торговцевъ [1]) города Парижа были слѣдующія слова: Vincit concordia fratrum.

Итакъ братство было чувствомъ, которое первоначально играло главную роль при основаніи общинъ торговцевъ и ремесленниковъ, правильно возникшихъ въ царствованіе св. Людовика. Потому что въ средніе вѣка, которые одушевлялись вѣяніемъ христіанства, нравы, обычаи, учрежденія, все было проникнуто одинаковымъ характеромъ; и между обычаями странными или наивными многіе имѣли глубокое значеніе.

Когда Этьенъ Буало составлялъ списокъ древнихъ обычаевъ корпорацій самыхъ древнѣйшихъ ремеслъ, то оказалось, что въ самомъ стилѣ ихъ замѣтно преобладающее вліяніе христіанскаго духа. Часто черезъ точную редакцію правилъ древняго цеха просвѣчиваетъ сострадание къ бѣдному, заботливость о несчастныхъ. «Когда мастера и цеховые, говорится въ нихъ, пойдутъ по городу въ сопровожденіи сержанта изъ Шателе и остановятся передъ окнами, гдѣ выставленъ хлѣбъ

---

[1]) Это были суконщики, фруктовые торговцы, продавцы суровскихъ товаровъ, мѣховщики, шляпочники, торговцы благородными металлами. См. Соваль, Antiquités de Paris, t. II.

для продажи, и если окажется, что хлѣбъ недостаточенъ, то мастеръ можетъ отнять право имѣть печку.» Но и бѣдный не забытъ и тѣ хлѣбы, которые окажутся слишкомъ малыми, раздаются во имя Божіе: ceux que l'on trovera petits, li juré feront doner por Dieu le paix [1]).

И если мы, проникая въ сущность цеховъ, признаемъ въ нихъ отпечатокъ христіанства, то не только потому, что мы видимъ, какъ они въ торжественныхъ церемоніяхъ носятъ свои благочестивые значки и ходятъ съ воззваніями къ святымъ угодникамъ; но и потому, что эти религіозныя формы дѣйствительно производили единство въ вѣрованіяхъ. Одна страсть, которой уже нѣтъ нынѣ ни въ нравахъ ни въ публичныхъ дѣлахъ, сближала тогда состоянія и людей, это—любовь. Церковь была центромъ всего. Вокругъ нея, подъ ея тѣнью, совершались дѣтскія попытки промышленности. Она указывала часъ работы, она же давала сигналъ къ покою. Когда колоколъ въ церкви Notre-Dame и Сенъ-Мерри звонилъ Angelus, тогда ремесленники прекращали свои работы и весь городъ, засыпавшій рано, ждалъ, пока звонъ въ ближайшемъ аббатствѣ возвѣститъ начало дневныхъ работъ [2]).

Смѣшавшіяся съ религіей корпораціи среднихъ вѣковъ почерпнули въ ней любовь къ таинственнымъ вещамъ и суевѣріе, поэзію невѣжества; но покровительство слабымъ составляло одну изъ самыхъ дорогихъ заботъ христіанскаго законодателя. Онъ внушаетъ соблюдать вѣрность въ мѣрахъ, запрещаетъ трактирщику повышать цѣну на простое вино, составляющее обыкновенное питье простаго народа [3]); онъ желаетъ, чтобы хлѣбъ продавался на открытомъ рынкѣ, чтобы онъ былъ хорошъ, и для того чтобы бѣдный могъ достать себѣ необходимое по дешевой цѣнѣ торговцы уже послѣ всѣхъ другихъ жителей города получаютъ позволеніе покупать жизненныя принадлежности [4]).

Такимъ образомъ духъ любви проникъ въ основаніе этого наивнаго общества, которое видало, какъ св. Людовикъ приходилъ и садился подлѣ Этьена Буало, когда купеческій голова отправлялъ судъ [5]).

---

[1]) Livre des métiers Этьена Буало, въ Documents inédits sur l'histoire de France, titre I, des Talemeliers.

[2]) Livre des métiers.—Правила Lampiers, Charpentiers, Maçons etc.

[3]) Livre des métiers, titre VII, des Taverniers de Paris.

[4]) Ibid., titre X, des Regratiers qui vendent fruit.

[5]) См. ученое введеніе Деппинга въ Livre des métiers.

Безъ сомнѣнія тогда еще не знали этого лихорадочнаго жара къ барышамъ, который иногда производитъ чудеса, и промышленность не имѣла еще того блеска и того могущества, которые ослѣпляютъ насъ нынѣ, но по крайней мѣрѣ жизнь работника не была тогда возмущаема горькою завистью, надобностью ненавидѣть подобныхъ себѣ и желаніемъ разорить ихъ, превзошедши ихъ. Напротивъ какой трогательный союзъ между работниками одинаковаго ремесла! Не избѣгая другъ друга, они напротивъ соединялись между собою, чтобы оказывать взаимныя пособія и взаимныя услуги. Въ мрачномъ и уже старомъ Парижѣ XIII вѣка каждое ремесло составляло особую группу. Мясники жили подлѣ башни св. Іакова. Въ улицѣ Мортеллери собрались каменщики. Корпорація ткачей дала свое имя улицѣ, на которой они жили. Мѣнялы расположились на мосту называемомъ Pont-au-Change, а красильщики по берегамъ рѣки. Но, благодаря принципу ассоціаціи, сосѣдство возбуждало соперничество безъ ненависти. Примѣръ прилежныхъ и искусныхъ работниковъ служилъ возбужденіемъ для честолюбія другихъ. Ремесленники дѣлали другъ другу такъ сказать братскую конкуренцію.

Прибавьте къ этому, что общественный интересъ не былъ упущенъ изъ виду; потому что только съ тою цѣлью, чтобы довести до высшей степени совершенства произведенія искусствъ и промышленности, было поручено старымъ и опытнымъ ремесленникамъ руководить начинающими.

Къ несчастью подлѣ принципа порядка и любви корпораціи ремесленниковъ заключали въ себѣ принципъ исключенія. Въ обществѣ дѣйствительно существовала семья людей работающихъ, но эта семья не принимала въ себя всѣхъ тѣхъ, которые имѣли надобность работать чтобы жить. Это былъ существенный недостатокъ учрежденія. Въ первое время онъ едва былъ замѣтенъ и подлѣ фатальнаго слова «если онъ имѣетъ что-нибудь (s'il a de coi) Livre des Métiers почти на каждой страницѣ повторяетъ слова продиктованныя свободой: «дозволяется всякому, кто пожелаетъ» или еще le puet franchement. Но когда существуетъ гдѣ-нибудь зародышъ тираніи, то единственное средство воспрепятствовать его увеличенію—вырвать его. Духъ братства обиталъ въ зданіи; но скоро у дверей его явился духъ угнетенія. Мало по малу христіанское чувство ослабѣвало, добро уменьшалось, а зло увеличивалось; и то, что было сначала большою школою

для трудящейся молодежи [1]), превратилось наконецъ въ ассоціацію ревнивую къ своему знанію, становившуюся все болѣе исключительною, болѣе и болѣе тиранскою.

Слѣдовало бы противодѣйствовать этому дурному стремленію корпорацій: но короли Франціи изъ жадности поддерживали его. Общинамъ продавали тысячи отвратительныхъ привилегій; имъ позволили за деньги ограничить число учениковъ; дошло до того, что даже продавали за деньги свидѣтельства на званіе мастера, такъ что получавшіе его не обязаны были доказывать свое умѣнье или быть предварительно въ ученьи. Скоро организованный трудъ сталъ представлять для налога легко уловимую добычу, и этотъ рудникъ постоянно рыли до истощенія его. Создавались и продавались многочисленныя должности, которыя должны были оплачиваться цехами, должности синдиковъ. инспекторовъ, смотрителей за мѣрами, ревизоровъ и всякаго рода коммиссаровъ. И такъ какъ эдиктъ Людовика XIV распространилъ на все королевство регламентарный духъ, утвердившійся въ городахъ съ цехами утвержденными въ эдиктахъ Генриха Ш, то вся французская промышленность была такъ сказать закрѣплена за исключительными компаніями. Эти послѣднія въ свою очередь не замедлили взвалить на народъ бремя, возложенное на нихъ королевскою властью, и для этого возвышали цѣну и плату за обученіе ремесламъ. Такъ что къ XVШ вѣку въ цехахъ благородный и плодотворный принципъ ассоціаціи исчезъ за чудовищною смѣсью злоупотребленій и несправедливостей.

Если разсмотрѣть многочисленныя препятствія, какія до революціи долженъ былъ вполнѣ преодолѣть здоровый бѣднякъ, чтобы заняться какой-нибудь профессіей, чтобы достигнуть возможности жить трудомъ, то нельзя не почувствовать боли и даже ужаса.

И прежде всего такъ какъ каждый мастеръ не могъ имѣть болѣе одного ученика [2]), то первою трудностью было найти мастера.

Второю трудностью было ученье. Издержки его простирались до такой значительной суммы, что многіе умирали, не достигши конца ученія. Нужно было, чтобы ученикъ далъ у нотаріуса росписку, кото-

---

[1]) Виталь Ру, Rapport sur les jurandes et maîtrises. 1805.

[2]) Considérations sur les compagnies, sociétés et maîtrises, p. 18.—Это сочиненіе, изданное безъ имени автора, было составлено Клико де Блервашъ подъ вліяніемъ Гурнея. Лондонъ, 1758.

рою онъ обязывался прослужить у своего мастера пять или шесть лѣтъ, не получая отъ него жалованья, а напротивъ платя ему за свои же услуги. Когда эта росписка была засвидѣтельствована въ конторѣ общины, то поступающій ученикомъ долженъ былъ еще уплатить разные сборы на воскъ, на церковь, на братство, на угощеніе; онъ долженъ былъ платить вознагражденіе сторожамъ, присяжнымъ, платить клерку. Поступленіе въ ученики самыхъ неважныхъ профессій стоило не менѣе 500 ливровъ [1]).

Въ теченіи 7 лѣтъ, составлявшихъ средній срокъ ученія, ученикъ обязанъ былъ дѣлать ежегодный взносъ на покрытіе расходовъ общины. До истеченія срока службы онъ не принадлежалъ себѣ. Его мастеръ, если самъ дѣлался боленъ, могъ продать его другому мастеру на время, какое ему еще оставалось служить. Если онъ перемѣнялъ мастера, то переводъ росписки стоилъ 30 ливровъ. Если онъ перемѣнялъ мастерскую, то въ нѣкоторыхъ ремеслахъ долженъ былъ платить и за эту перемѣну. Если мастеръ умиралъ, не оставивъ наслѣдниковъ, то и тогда ученикъ не становился свободнымъ; онъ долженъ былъ идти въ управу и просить себѣ новаго мастера [2]). Наконецъ ему позволено было откупиться за деньги, но не позволено было жениться.

Послѣ ученія начиналось второе рабство, рабство подмастерья. Вполнѣ обученный своему искусству, подмастерье носилъ знаки его. На одной изъ его серегъ въ ушахъ висѣла напр. подкова, если это былъ кузнецъ, наугольникъ и ватерпасъ, если онъ былъ плотникъ, крюкъ и молотокъ, если онъ былъ кровельщикъ [3]); но эти эмблемы, которыми онъ имѣлъ право украшаться и которыя онъ выставлялъ не безъ нѣкоторой гордости, служили только слабымъ утѣшеніемъ въ его порабощеніи; это были видимые знаки соціальной несправедливости, которая, признавая его искуснымъ, запрещала ему однако употреблять свое искусство для самого себя. Въ самомъ дѣлѣ подмастерье не могъ еще имѣть претензіи на званіе мастера. Онъ только получалъ жа-

---

1) Биго де Сентъ-Круа, Essai sur l'abus des priviléges exclusifs; напечатано въ Ephémérides du citoyen, генв. 1775.

2) Titre XL, des Ouvriers de draps de soye, p. 93 и passim. Documents inédits de l'histoire de France.

3) Монтейль, Hist. des Français des divers états, t. X, décade des compagnons.

лованье и въ этомъ положеніи оставался въ теченіи времени вдвое большаго чѣмъ срокъ ученія, а иногда даже втрое [1]).

Наконецъ для подмастерья наступалъ моментъ, когда онъ могъ вступить въ число мастеровъ; но здѣсь его ожидали новыя препятствія, часто непреодолимыя. Патентъ на званіе мастера давалъ исключительное право продавать, фабриковать произведенія отъ своего имени и держать рабочихъ: нужно было платить за засвидѣтельствованіе этого патента, а потомъ платить взносъ королевскій, взносъ полицейскій, взносъ за открытіе лавки, затѣмъ платить вознагражденіе декану, присяжнымъ, старымъ мастерамъ, новымъ мастерамъ, приставу и клерку. Но прежде чѣмъ быть допущеннымъ къ этимъ разорительнымъ формальностямъ, онъ долженъ былъ подвергнуться экзамену, исполнить образцовое произведеніе (chef d'oeuvre), которое назначалось изъ самыхъ трудныхъ работъ профессіи, напр. винтовую лѣстницу, если экзаменъ былъ для плотника. Но не думайте, чтобы всѣ подвергались экзамену: можно было и избѣгнуть экзамена... но только за деньги! Итакъ принятіе въ мастерство было просто денежнымъ дѣломъ и дѣломъ монополіи, процедурой придуманной корпораціями для облегченія тягости ихъ обязательныхъ платъ и для уменьшенія числа мастеровъ въ общинахъ, гдѣ оно не было постановлено неизмѣннымъ. Солидные авторы опредѣляютъ въ двѣ тысячи ливровъ расходы по принятію въ мастера [2]); и такъ какъ при этомъ не забывалось и духовенство, то часть этой суммы шла на просвиры, на свѣчи, на молебны. Въ общинѣ пирожниковъ одинъ титулъ стараго стоилъ 1200 ливровъ [3]). Что сказать еще? Невинная свобода, которою пользовались молодыя дѣвушки, чтобы рвать цвѣты и дѣлать изъ нихъ букеты, также была превращена въ привилегію [4]): въ Парижѣ можно было быть мастерицей букетчицей только заплативши 200 ливровъ.

Вотъ какія препятствія постепенно представлялись по дорогѣ къ труду, по крайней мѣрѣ для иностранца; потому что такъ называли всякаго, кто имѣлъ несчастіе не быть сыномъ мастера: до такой сте-

[1]) Клико де Блервашъ, ubi supra, p. 22.

[2]) Encyclopedie, слово Maîtrises. Статья принадлежитъ Ролану де ла Платьеру, впослѣдствіи министру во время революціи.

[3]) Биго де Сентъ-Круа, Essai sur l'abus des privilèges exclusifs.

[4]) Discours de l'avocat général Séguier, въ засѣданіи съ королевскимъ присутствіемъ 12 марта 1776 г.

пени была глубока граница, отдѣлявшая буржуазію отъ народа! Для пролетарія иностранца всѣ бѣды, а для сына мастера всѣ милости. Если сынъ мастера работаетъ у своего отца до 17 лѣтняго возраста, то отъ него и не требовалось больше и онъ по праву становился подмастерьемъ. Для него въ большей части корпорацій не нужны были ни издержки и формальности ученія, ни представленіе образцоваго произведенія [1]).

Утвердившаяся такимъ образомъ въ однихъ и тѣхъ же семействахъ привилегія фабриковать и продавать издѣлія образовала особенный классъ; и такова была ревнивая гордость этого класса, что вдова мастера теряла свои права, если она брала себѣ втораго мужа внѣ мастерства [2]). Произвольная полиція, которая, сопротивляясь наклонностямъ сердца, побуждала къ разврату или къ прелюбодѣянію! Чудовищное законодательство, которое, будучи тайно введено въ общины, сдѣлалось въ нихъ освященіемъ эгоизма и направлялось къ тому, чтобы окружить буржуазію неприступною стѣною!

Пойдемте до конца въ этихъ горестныхъ изслѣдованіяхъ: какое зрѣлище! Нѣтъ уже больше братства между корпораціями одинаковаго ремесла; нѣтъ больше солидарности между работающими городами одного и того же королевства. Въ корпораціи столяровъ смотрѣли на каретниковъ какъ на какое-нибудь чужое далекое племя. Слесарь Ліона также былъ иностранцемъ въ корпораціи слесарей Парижа [3]), Руана или Лилля, какъ еслибы онъ прибылъ изъ Америки. Подмастерье принятый мастеромъ въ одномъ городѣ, не могъ заниматься мастерствомъ въ другомъ, не подвергаясь новому принятію, не дѣлая новыхъ взносовъ, часто двойныхъ, тройныхъ и даже четверныхъ.

Видя, что общины берутъ столько налоговъ на трудъ, получаютъ деньги столькими путями въ одно время, можно было бы подумать, что онѣ обладали огромными богатствами. А между тѣмъ на дѣлѣ онѣ были обременены долгами частью на огромныя издержки ихъ администраціи, частью на займы, проценты по которымъ было нужно уплачивать, частью на подарки присяжнымъ, которые были такъ велики, что совѣтъ принужденъ былъ ограничить ихъ 800 ливровъ. Тягостны также были конфис-

1) Клико-де-Блервашъ, Considérations sur les compagnies, sociétés et maîtrises, p. 27.

2) См. между прочими правила Bouchers, ст. 13, въ Lettres patentes de février 1587; Ламаръ, Traité de la police, t. II, titre XX.

3) Arrêt du conseil de 1755.

каціи, происходившія вслѣдствіе домашнихъ обысковъ, которые присяжные производили у ремесленниковъ, пересматривая ихъ работы. Но процессы въ общинахъ были одною изъ дѣятельнѣйшихъ причинъ ихъ разоренія. Изъ документовъ ихъ видно, что издержки на судебную процедуру простирались до милліона въ годъ [1]), — что показываетъ, какіе безконечные раздоры смущали область труда. Между книгопродавцами и букинистами была постоянная борьба изъ-за вопроса, какъ отличать старую книгу отъ новой книги; сѣдельники постоянно нападали на каретниковъ; бочары жаловались на кузнецовъ; гвоздильщики не хотѣли, чтобы слесарямъ было позволено дѣлать гвозди, которые были имъ необходимы; даже продавцы стараго желѣза имѣли свой цехъ; а для рѣшенія споровъ между продавцами стараго платья и портными въ процессѣ, продолжавшемся въ теченіи трехъ вѣковъ, произнесено было около 4 или 5 тысячъ приговоровъ, которые все-таки не могли обозначить границу, отдѣляющую новое платье отъ стараго [2]). Это очевидно былъ страшный безпорядокъ и худшій изъ всѣхъ безпорядковъ, потому что онъ имѣлъ свой источникъ въ эгоизмѣ или гордости. Что сталось съ вами, нѣкогда благочестивые и любвеобильные цехи?

Изъ тысячи отличій, о которыхъ мы говорили, родилось чванство буржуазіи, выразившееся даже въ различныхъ формахъ костюмовъ. Среди лавки торговецъ возсѣдалъ какъ царь на стулѣ стоявшемъ выше прочихъ скамеекъ и въ парикѣ, который сдѣлался отличительнымъ знакомъ въ іерархіи цеховъ. Портной долженъ былъ довольствоваться парикомъ оканчивающимся одной буклей; золотыхъ дѣлъ мастеръ позволялъ себѣ двѣ букли; аптекарь до того гордился, что носилъ ихъ три, между тѣмъ какъ самъ мастеръ парикмахеръ осужденъ былъ только на два простые завитка [3]). Смѣшныя претензіи, заключавшія въ себѣ серьезныя послѣдствія!

Можно ли послѣ этого удивляться, что по государству блуждало страшное число бандитовъ? Запереть двери труда столькимъ пролетаріямъ значило насильно вталкивать менѣе честныхъ изъ нихъ въ ужасный промыслъ грабежомъ и убійствомъ. Вслѣдствіе этого вокругъ населенія занятаго развилось населеніе до лихорадки преданное преступ-

---

[1]) Форбонне, Recherches sur les finances, t. I, p. 178.

[2]) Виталь-Ру, Rapports sur les jurandes et maîtrises, p. 24.

[3]) Монтейль, Hist. des Français des divers états, t. IX, décade des artisans.

ленію и заставлявшее государство тратить на маршальства, на тюрьмы и остроги гораздо больше, чѣмъ стоило бы прокормленіе его всего. Отъ этого также происходило добровольное переселеніе изъ отечества множества трудолюбивыхъ и предпріимчивыхъ людей, которые лучше соглашались подвергнуться риску путешествій чѣмъ жить въ странѣ, гдѣ они не могли сдѣлаться мастерами и гдѣ нельзя было жениться, не имѣя въ перспективѣ произвести на свѣтъ нищихъ.

Оставалась еще профессія нищаго; и она въ свою очередь имѣла свои офиціальныя трудности, свои школы, своихъ мастеровъ, мы даже готовы были бы сказать свои цехи. Потому что напр. собираніе подаяній у церковныхъ дверей составляло привилегію, счастливые владѣльцы которой назывались между нищими именемъ царствующихъ (troniers) [1]). Въ теченіи всего XVIII вѣка слышится глухой шумъ, производимый этою постоянною арміею бѣдности. По-временамъ издавались свирѣпые эдикты чтобы сдержать и устрашить ее. «Бродяги или люди безъ видовъ, гласитъ приказъ 1764 г., будутъ присуждаемы, хотя бы они не были уличены ни въ какомъ преступленіи или проступкѣ, люди отъ 16 до 70 лѣтъ на галеры на три года, люди 70 лѣтъ и старше, также какъ больные, дѣвицы и женщины, на заключеніе въ госпиталѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ.» Пришло время, когда прибавили по одному су на ливръ подати и этотъ сборъ былъ употребленъ на постройку рабочихъ домовъ для нищихъ. Они здѣсь работали подъ плетью. Но ихъ трудъ составлялъ конкуренцію нѣкоторымъ цехамъ, которые поэтому стали жаловаться. Кромѣ того скопленные въ грязныхъ помѣщеніяхъ эти люди въ лохмотьяхъ стали страшнымъ затрудненіемъ. Каждое помѣщеніе становилось источникомъ отвратительныхъ болѣзней, театромъ, на который и смерть являлась только съ отчаяніемъ. Но вотъ между этими нищими, которыхъ и не убиваютъ и не позволяютъ имъ жить, многіе перелѣзаютъ стѣны, выламываютъ двери и убѣгаютъ; другіе.... Но что государству дѣлать съ этими лѣнивыми пенсіонерами, которыхъ оно устаетъ наказывать? Оно отсылаетъ ихъ на мѣста родины и отдыхаетъ, пока они не возвратятся еще болѣе мрачными, болѣе грозными чѣмъ прежде. Въ 1767 г. было арестовано до 50 тысячъ нищихъ: это было слишкомъ много для 33 рабочихъ домовъ въ королевствѣ [2]); для излишняго населенія

[1]) Ordonnance contre les mendiants, du 27 juillet 1777.

[2]) Неккеръ, Administration des finances, t. III, chap. XV, p. 164 et suiv.

отворяютъ госпитали, благотворительныя мастерскія, тюрьмы. Спустя два года, вслѣдствіе нѣсколькихъ неурожаевъ, число нищихъ достигло до 1 милліона 200 тысячъ [1]). Тогда-то этимъ стала заниматься философія; заговорили газеты; стали издаваться книги и брошюры о томъ, что милліонъ людей едва можетъ существовать; и простой адвокатъ Ленге [2]) предлагалъ дать изъ своихъ денегъ 50 луидоровъ за лучшее сочиненіе о вопросѣ уничтоженія нищенства. Безполезныя усилія! Тамъ, гдѣ трудъ составляетъ привилегію, никакъ нельзя остановить бѣдность. Тюрьма и заключенія также не удерживаютъ нищихъ: они предпочитаютъ носить свои лохмотья на свободѣ и на солнцѣ, разносить свои раны отъ одного конца Франціи до другаго, воровать или нищенствовать днемъ, спать ночью въ сѣнныхъ амбарахъ, куда ихъ пуститъ гостепріимство, внушаемое страхомъ, бродить наконецъ по дорогамъ и деревнямъ то со стонами то съ угрозами, до тѣхъ поръ пока прибывши въ какой-нибудь центръ населенія они найдутъ въ немъ нищенство организованное въ корпораціи, имѣющее предводителей, волненія, революціи!

Изъ всѣхъ несправедливостей феодальной системы нѣтъ кажется ни одной столь отвратительной какъ дорожная повинность, особенно оскорбительная по своимъ формамъ. Въ извѣстные дни года королевскіе чиновники объѣзжали деревни, отрывали бѣдныхъ крестьянъ отъ ихъ семействъ и гнали передъ собою это стадо людей, чтобы заставить ихъ дѣлать общественныя дороги въ трехъ или четырехъ лье отъ мѣста ихъ жительства.

Невольникъ, если съ нимъ обращаются какъ съ рабочею скотиной, по крайней мѣрѣ получаетъ кормъ отъ своего хозяина; но отбывавшіе казенную барщину должны были питаться во время работъ хлѣбомъ, собраннымъ отъ подаяній во время отдыха. Ихъ хозяинъ былъ неизвѣстенъ, безчеловѣченъ, сурово повелѣвалъ ими, не платя имъ [3]).

Можно себѣ представить, какое негодованіе должно было мало по малу накопляться въ душахъ, которыя еще не вполнѣ отупѣли отъ бѣдности, когда крестьянинъ постоянно долженъ былъ думать и говорить себѣ: «Моя жизнь—это моя плата, а меня заставляютъ трудиться безъ

---

[1]) Монтейль, Hist. des Français des divers états, t. X, décade de Verdeille.

[2]) Annales politiques Ленге, t. III, p. 342. 1778.

[3]) Considérations sur le gouvernement de la France, маркиза д'Аржансона.

платы. Мое семейство разсчитываетъ на мой трудъ, а у меня отнимаютъ мои дни, чтобы заставлять выравнивать большія дороги для колесъ каретъ, для удобства ходьбы купцамъ или духовнымъ или элегантнымъ кавалерамъ. Я не умѣю мостить дороги; но на мое незнаніе не обращаютъ вниманія, и если я сдѣлалъ мое дѣло дурно, у меня черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова потребуютъ мои рабочіе дни, чтобы я поправилъ сдѣланное мною. Я человѣкъ, а между тѣмъ со мною обращаются съ такою жестокостью, отъ которой избавлены даже волы и мулы. Я плачу подати, которыхъ не платитъ ни духовенство ни дворянство, и меня заставляютъ разбивать камни для дорогъ въ пользу духовенства и дворянства, которыя ѣздятъ по нимъ, даже не признавая моего труда. Мнѣ продаютъ соль по 62 ливра за кенталь [1]); меня обкрадываютъ на табакѣ; ко мнѣ ставятъ на постой солдатъ; и когда я отдалъ цѣлую недѣлю моей работы, меня вовсе не вознаграждаютъ за это; и если мой рабочій скотъ падетъ отъ утомленія, то мнѣ также не заплатятъ за него; а если я искалечу себя, то меня безжалостно предоставятъ общественной благотворительности.»

Затѣмъ приходило время стать солдатомъ и брать жребій; отъ военной службы были избавлены постриженные духовные, сборщики, начальники школъ, старшіе сыновья адвокатовъ, королевскихъ совѣтниковъ и откупщиковъ, парижане, слуги дворянъ [2]); а все это конечно увеличивало фатальные шансы бѣднаго крестьянина. И такъ какъ ничто въ его глазахъ не возвышало званія, которое повидимому всѣ презирали, то одно имя милиціонера стало въ храброй странѣ Франціи предметомъ ужаса. Когда приходило время брать жребій, тогда многіе убѣгали въ лѣса, а другіе раздраженные дезертирствомъ, которое уменьшая число берущихъ жребій увеличивало ихъ шансы, бросались за бѣглецами. Происходила яростная борьба. Дрались топорами, выстрѣлами изъ ружей; полевыя работы останавливались; часто приходы брали стороны своихъ членовъ противъ бѣглецовъ другихъ приходовъ и вслѣдствіе этого безпорядокъ становился общимъ, кровь текла, и терроръ овладѣвалъ всею страною [3]). Особенно была отвратительна военная служба для горныхъ жителей, потому что горная страна составляетъ отечество

---

1) См. ниже стр. 409 и слѣд.

2) Hist. des Français des divers états, t. X, décade des soldats provinciaux.

3) Mémoires sur la vie et les ouvrages de Turgot Дюпонъ-де-Немура, p. 5.

богатое приключеніями, живописное, образъ котораго, легко напечатлѣваемый въ памяти, привязывается къ сердцу и никогда его не оставляетъ.

Но мы имѣли бы только недостаточное понятіе о страданіяхъ народа, еслибы не знали, что такое были въ то время налоги (impôts).

Какую картину представила бы Франція въ XVIII вѣкѣ путешественнику, который бы объѣхалъ ее для изученія фискальныхъ законовъ! Онъ увидѣлъ бы, что это прекрасное королевство было разрѣзано во всевозможныхъ направленіяхъ, раздѣлено и размежевано 1200 лье внутреннихъ заставъ [1]); на этой длинной линіи искусственныхъ границъ была организованная война; всѣ проходы были охраняемы 50 тысячами человѣкъ, изъ которыхъ 23 тысячи солдатъ безъ формы [2]), но вооруженныхъ чтобы задерживать или преслѣдовать контрабанду: онъ увидѣлъ бы, что Франція состоитъ изъ провинцій почти чуждыхъ одна другой, различныхъ по законамъ, по нравамъ, раздѣленныхъ таможнями и отличавшихся привилегіями. Сборщикъ податей сказалъ бы ему: «Для меня Франція раздѣляется на страну съ сословными собраніями, на страну выборную и на страну завоеванную; для генеральныхъ откупщиковъ она раздѣляется на провинціи національныя и на провинціи наподобіе иностранныхъ;» юрисконсультъ указалъ бы ему, что одна часть королевства управляется римскимъ правомъ, а другая повинуется обычному праву; президентъ соляныхъ дѣлъ раздѣлилъ бы передъ нимъ провинціи на провинціи большой соляной пошлины и малой, провинціи откупившіяся, провинціи свободныя, провинціи соляныхъ заводовъ и quart-bouillon.... Странныя названія, прискорбные контрасты! Печальное раздробленіе монархіи, которая уже давно стремилась къ единству!

Конечно всѣ эти провинціи платили налогъ государю, во всѣхъ ихъ вся тяжесть его лежала почти исключительно на народѣ, но тѣмъ не менѣе въ этой общей несправедливости царствовала страшная неурядица, среди которой привольно живутъ и дѣйствуютъ тираніи.

Поспѣшимъ прибавить, къ чести принципа представительства, что страны съ сословными собраніями были болѣе счастливы, чѣмъ страны избирательныя, менѣе угнетены и болѣе цвѣтущи [3]). Ихъ

---

[1]) Mémoire de Calonne aux Notables, N VIII.

[2]) Неккеръ, Administration des finances, t. I, chap. VIII, p. 195.

[3]) Бюджетъ доходовъ въ рѣчи Неккера въ учредительномъ собраніи. Засѣданіе открытія.

защищала тѣнь независимости. Въ нихъ представители трехъ сословій періодически составляли провинціальныя собранія, которыя одни имѣли право раскладывать налогъ въ провинціи, давши его королю подъ названіемъ добровольнаго дара (don gratuit),—странное выраженіе, пережившее преданія исчезнувшей свободы. Если налогъ допускалъ какое-нибудь снисхожденіе, какое-нибудь исключеніе, то имъ пользовались только страны съ сословными собраніями. Одни изъ нихъ, каковы Бретань, Артуа, Фландрія, Новарра были изъяты отъ солянаго акциза, другія, какъ Провансъ, Руссильонъ, Лоррень, часть Бургони, были освобождены отъ акциза на напитки.

Король налагалъ подать на избирательныя страны и просилъ ея (demandait) у странъ съ сословными собраніями, и этому различію въ словахъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ нѣкоторый контрастъ на самомъ дѣлѣ. Интенданты были полными владыками вездѣ, но въ странахъ съ собраніями власть ихъ нѣсколько перевѣшивалась нѣкоторымъ вліяніемъ, которое принадлежало собраніямъ. Даже призракъ свободы оказываетъ благотворное дѣйствіе.

Напротивъ того страны избирательныя, подчиненныя капризамъ вицекоролей, которые говорили и дѣйствовали какъ полные господа, оставались нѣмыми, печальными и бѣдными. Самое ихъ имя напоминало ихъ настоящее рабство, потому что они такъ назывались потому, что во времена св. Людовика раскладывали подати свѣдущіе люди избираемые общиной; но со времени Карла VII эти должностныя лица перестали выбираться народомъ и хотя они стали королевскими чиновниками, однако за ними какъ-бы въ насмѣшку осталось названіе избранныхъ [1]).

Весьма часто выбираемые между придворными незнавшими сельскихъ дѣлъ и только руководимые желаніемъ блистать и выслужиться, интенданты были бичами своихъ провинцій. «Люди жили тамъ какъ стада, изъ которыхъ волкъ похищалъ то одного то другаго; господинъ, который есть всеобщій пастухъ, слишкомъ далеко, а посторонніе сторожа, которымъ ввѣрены эти стада, часто сами же пожираютъ ихъ [2]).» Сколько дурныхъ интендантовъ на одного Тюрго! Были между ними

---

[1]) Гюи Кокилль, Hist. de Nevers; приведено у Бальи въ его Histoire des finances.

[2]) Маркизъ Мирабо, Mémoire sur les états provinciaux; онъ напечатанъ въ VI томѣ Ami des hommes.

такіе, которые, имѣя вкусъ къ пышности, строили себѣ блестящіе дворцы, ломали городъ для выпрямленія улицъ и разоряли деревни, чтобы украшать свою собственную резиденцію; другіе, желая понравиться министру, клеветали передъ нимъ на ввѣренное имъ генеральство, представляли его богатымъ рессурсами и способнымъ платить всякія увеличенія налоговъ, какія только угодно взимать съ него [1]). Они знали, что подобныя слова всегда выслушиваются милостиво.

Опредѣленный въ тайномъ совѣтѣ приказъ о налогѣ шолъ къ плательщику однимъ путемъ, а самый налогъ для поступленія въ казну шелъ другимъ путемъ. Онъ прежде всего раскладывался между 32 генеральствами королевства совѣтомъ, между уѣздами генеральства—интендантами, потомъ между приходами каждаго уѣзда—выборными и наконецъ между жителями прихода—сборщиками. Подати, подушные оклады и двадцатины, вообще всѣ прямые налоги доставлялись сборщиками пріемщикамъ податей, которые передавали ихъ генеральнымъ пріемщикамъ, а эти послѣдніе представляли въ казну [2]).

Таковъ былъ этотъ двойной механизмъ; но подъ этой кажущейся простотой сколько вопіющихъ несправедливостей! Кромѣ совѣта никто въ королевствѣ не зналъ общей цифры прямыхъ налоговъ. Деспотизмъ облекался здѣсь непроницаемою тайной, такъ какъ правительство держалось тогда правила, что народъ легко переноситъ всякое несчастіе, только бы его искусно скрыть отъ него [3]). Каждая провинція находилась въ невѣдѣніи относительно участи другихъ и узнавала свою участь только послѣ неизмѣннаго рѣшенія министра. Невозможна была никакая апелляція, никакая жалоба на волю, которая съумѣла сдѣлать призрачнымъ всякій контроль. Еслибы кто-нибудь осмѣлился жаловаться въ первой инстанціи уѣзднымъ трибуналамъ или подать на апелляцію въ палату сборовъ, тотъ рисковалъ бы разориться, еслибы государственный совѣтъ потребовалъ дѣло къ себѣ [4]) и замялъ его въ своемъ секретномъ засѣданіи. Во Франціи ничего не было выше воли короля, исключая только той верховной власти разума, которой повидимому оказывало честь право покорныхъ представленій. Прихоть имѣла противовѣсъ только въ человѣческой со-

---

1) L'Espion anglais, t. V, p. 115, 127. 1777.

2) Неккеръ, Administration des finances, t. I, p. 96.

3) L'Espion anglais, t. V, tableau des impositions; année 1777, p. 119.

4) Remonstrances de la cour des aides. 1770.

вѣсти; единственнымъ ограниченіемъ произвола былъ стонъ народовъ или ихъ болѣе опасный протестъ, молчаніе.

Англійскій экономистъ Адамъ Смитъ посѣщалъ Францію въ 1765 г.; онъ видѣлъ французскихъ тогдашнихъ великихъ людей, изучалъ французскіе финансы и, возвратившись въ свое отечество, сочинилъ свою знаменитую книгу о «Богатствѣ народовъ» и говорилъ въ ней: «самые кровавые законы существуютъ въ странахъ, гдѣ государственный доходъ отданъ на откупъ [1].» Слова эти именно примѣнялись къ Франціи, гдѣ изъ осьми главныхъ источниковъ дохода были отданы на откупъ: акцизъ на соль, акцизъ на напитки, внутреннія таможенныя пошлины, казенныя земли, акцизъ на табакъ,—всѣ непрямые налоги.

Исторія генеральныхъ откупщиковъ была бы мартирологіей плательщиковъ налоговъ. Для откупщиковъ Франція была завоеванною страною; они не только угнетали народъ безжалостною жестокостью, но еще оскорбляли его дерзкою выставкой своихъ быстро нажитыхъ богатствъ. До Неккера весь ихъ сборъ, превышавшій откупную сумму, составлялъ ихъ громадный барышъ. Но послѣ этого министра ихъ принудили дѣлиться четырьмя первыми милліонами чистаго дохода [2] и уступать небольшую часть того, что получалось свыше этого. Такимъ образомъ заинтересованный въ откупѣ и вообще всегда бывшій въ долгу монархъ не смѣлъ отказывать генеральнымъ откупщикамъ въ страшныхъ оружіяхъ, которыя они требовали. Тюремныя заключенія, галеры, висѣлицы и жестокіе трибуналы были предоставлены имъ чтобы угрожать вредителямъ откупа и наказывать ихъ. Ихъ жадность останавливалась только тамъ, гдѣ не было ничего взять, и нельзя безъ содроганія читать постановленіе королевскаго совѣта противъ генеральнаго откупщика Тампле 13 іюля 1700 г.: Есть много людей въ Бургони, которые вовсе не употребляютъ соли.... Бѣдность, въ которой они находятся теперь и которая не позволяетъ имъ покупать не только пшеницу или рожь, но даже овесъ для пропитанія, принуждаетъ ихъ питаться травою и даже погибать отъ голода [3]...

Изъ громадныхъ доходовъ откупщиковъ находившіеся въ милости

---

1) Богатство народовъ, кн. V, гл. II.

2) Неккеръ, Administration des finances, t. I, p. 138.

3) Архивъ сословныхъ собраній Бургони, привед. у Тома въ его Une province sous Louis XIV, p. 64.

придворные получали себѣ тайно значительныя суммы, какъ тайные участники въ предпріятіи, и могли держать на нихъ куртизанку или же давать отступное любовницѣ, которой они не желали болѣе. Наконецъ въ благодарность за помощь государства генеральные откупщики по заключеніи своихъ счетовъ посылали королю большія суммы золотомъ въ бархатныхъ кошелькахъ [1]); и король не считалъ униженіемъ для своего величества эту прибавку къ налогамъ, которые онъ уже получилъ съ опустошеннаго королевства.

Разоренность жителя деревень была столь глубока, что отъ Вобана до Тюрго, отъ Сенъ-Симона до Неккера всѣ смотрѣвшіе глазами, чтобы видѣть, дѣйствительно вездѣ видали мрачныя картины, бѣдность страшную и невыразимую. И это изображеніе бѣдствій народа тѣмъ менѣе подозрительно, что оно сдѣлано знатными же людьми. Это были герцоги, маршалы Франціи, государственные министры, милліонеры [2]), которые нарисовали картину страданій бѣдняка и оставили намъ убійственное перечисленіе его страданій. Говоря объ одной отрасли налоговъ, о таможенныхъ пошлинахъ, Неккеръ выражался такъ: «законодательство по этому предмету дотого запутанно, что едва одинъ или два человѣка на поколѣніе успѣваютъ вполнѣ познакомиться съ нимъ [3])!» Эти простыя слова даютъ понять, какой лабиринтъ представляли во Франціи налоги и почему историкъ долженъ ограничиться только тѣми, которые яснѣе доказываютъ необходимость революціи.

Древнѣйшимъ налогомъ на народъ была подать (taille). Въ странахъ съ сословными собраніями и въ тѣхъ изъ избирательныхъ странъ, которыя имѣли кадастръ, каковы генеральства Монтобана, Гренобля, Парижа, подать основывалась на оцѣнкѣ земель и тогда она была вещественною (réelle). Въ другихъ провинціяхъ она была личною, т. е. бралась со всего имущества лица, съ недвижимой собственности и съ товаровъ. Она основывалась на трудной и почти произвольной оцѣнкѣ состоянія гражданъ. Но была ли подать вещественною или личною, она взималась только съ податныхъ сословій и съ имуществъ находившихся въ пользованіи этихъ сословій [4]).

---

[1]) Монтейль, Hist. des Français, t. X, décade des onze soupers.

[2]) Сенъ-Симонъ, Вобанъ, Тюрго, Неккеръ, Калоннъ и пр.

[3]) Неккеръ, Administration des finances, t. II, p. 173.

[4]) Mémoire sur les impositions en France, t. II, p. 19—65. Парижъ, въ королевской типографіи, 1769.—Это былъ офиціальный трактатъ о предметѣ. Авторъ его Моро де Бомонъ.

Кто бы могъ подумать? Эта французская нація, столь знаменитая въ мірѣ своимъ благородствомъ и своимъ умомъ, была управляема въ дѣлѣ налоговъ двумя принципами равно ненавистными: одинъ изъ нихъ вошелъ въ законъ въ слѣдующей формѣ: на народъ по произволу можно налагать подати и повинности; другой же принципъ вошелъ въ нравы и выразился тѣмъ, что подать была признакомъ податнаго состоянія, безчестіемъ. Подъ предлогомъ сохраненія своего достоинства дворяне и духовные не платили податей и ихъ эгоизмъ здѣсь принималъ видъ и размѣры гордости. Народъ вслѣдствіе этого былъ еще более несчастенъ, потому что его тѣмъ болѣе презирали, чѣмъ болѣе онъ платилъ податей. На немъ въ одно время лежали и тяжесть платежей и позоръ.

Правда, дворянство служило государству своею кровью и считало себя изъятымъ отъ податей, потому что оно было предано военной службѣ; но съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ VII сдѣлалъ подать постоянною, чтобы имѣть средства на содержаніе арміи, ставшей тоже постоянною, дворяне стали служить государству въ правильныхъ войскахъ, получавшихъ жалованье, и такимъ образомъ, получая отъ короля Франціи плату за свою храбрость, теряли всякое право на привилегію. Кромѣ того буржуа и крестьяне также явились на поляхъ сраженій; они составляли прежде милицію стрѣлковъ; при Ришелье, при Людовикѣ XIV народъ оспаривалъ у дворянства монополію оружія; онъ умѣлъ умирать безъ страха и даже безъ извѣстности. И тѣмъ не менѣе на него одного навалили всю тяжесть подати!

Однако духовенство и дворянство было не прямо облагаемо личною податью и вотъ какимъ образомъ: эта подать, когда она примѣнялась къ землѣ, раздѣлялась на подать съ собственности и подать съ эксплуатаціи. Духовенство и дворянство были изъяты отъ первой; но вторая платилась арендаторами ихъ земель, которые конечно вознаграждали себя за это уменьшеніемъ арендной платы и въ концѣ концовъ оказывалось, что собственникъ платилъ часть личной подати своего арендатора; но дворяне, духовные, судебныя лица и вообще нотабли третьяго сословія были освобождены отъ подати эксплуатаціи съ луговъ, виноградниковъ и съ четырехъ десятинъ пахотной земли [1]). Буржуа Парижа и свободныхъ городовъ пользовались такою же при-

[1]) Édit de mars 1667.

вилегіею для своей земли обнесенной заборомъ и для огородовъ при ихъ дачахъ [1]).

Налогъ не имѣлъ жалости только къ бѣдному и на бѣднаго падала тяжесть освобожденія отъ податей высшихъ классовъ. Арендаторъ дворянина и обработывающій землю на свой счетъ находился лицомъ къ лицу съ сборщикомъ податей: всѣ притѣсненія, всѣ прижимки при собираніи подати падали на его долю. Если онъ акуратно заплатилъ этотъ годъ, то на будущій годъ подать съ него будетъ увеличена; потому что сборщики не любятъ акуратности; потому что издержки на протоколы, на понужденія неисправныхъ плательщиковъ, сбавки дѣлаемыя приставами,—все это даетъ доходъ сборщику, который получаетъ до 8 франковъ въ день на расходы непревышающіе одного франка. «Если нѣкоторые приходы захотятъ быть акуратными и платить безъ понужденія, говоритъ маркизъ Мирабо, то пріемщикъ видитъ ясно, что у него отнимается доходъ, и приходитъ въ дурное расположеніе духа, и на слѣдующій годъ онъ, господа выборные, субделегатъ и другіе господа въ этомъ родѣ дѣлаютъ между собою такое соглашеніе, чтобы этотъ акуратный приходъ заплатилъ подать вдвое и впередъ умѣлъ жить [2]).»

Если крестьянинъ не платитъ по истеченіи назначеннаго срока, то тотчасъ начинаются расходы, идетъ въ ходъ понужденіе; сборщикъ бѣгаетъ по деревнѣ и хватаетъ съ кустовъ бѣлье, разложенное на нихъ для сушки; а когда бѣлья бываетъ недостаточно, тогда онъ отправляется въ домъ плательщика, беретъ его постель, беретъ мебель, снимаетъ съ петель двери и даже беретъ крышу дома, если она изъ черепицы. «Довольно обыкновенно бываетъ, говоритъ маршалъ Вобанъ, что экзекуціи доводятъ до того, что берутъ двери домовъ, продаютъ все находящееся внутри ихъ, а иногда разрушаютъ дома, чтобы взять изъ нихъ балки, перекладины и доски, которыя продаются въ шесть разъ дешевле того, сколько бы они стоили за вычетомъ подати [3]).»

Но это не все: было положеніе еще хуже положенія плательщика подати; это былъ сборщикъ податей. Эта обязанность была столь страшна, что собираніе было обязательно поочередно для каждаго жителя. Честный или горячій, сборщикъ всегда находился въ жестокомъ положеніи, не имѣя для раскладки подати никакого другаго основанія кро-

---

1) Mémoires sur les impositions en France, p. 66 et 69, t. II.

2) L'Ami des hommes, t. II, p. 43. De la circulation.

3) Dîme royale, 1707, p. 51 изданія Дера, у Гильомена.

мѣ своего неопредѣленнаго понятія о состояніи каждаго. Отвѣтственный за весь сборъ съ прихода, онъ для большей безопасности увеличивалъ дюлю акуратныхъ плательщиковъ въ пользу неисправныхъ; отвѣчавшій за всѣ сдѣланныя имъ ошибки, онъ дрожалъ на каждомъ шагу, боясь встрѣтить одного изъ тѣхъ многочисленныхъ привилегированныхъ людей, которые, покупая какую-нибудь должность, покупали вмѣстѣ съ тѣмъ изъятіе отъ подати; и горе ему, если онъ дѣлалъ раскладку и на этого привилегированнаго незнакомца, потому что тогда судили его за это прямо какъ частнаго человѣка [1]).

Кромѣ того, вопреки своей совѣсти, сборщикъ былъ все-таки человѣкъ, и сборъ былъ прекраснымъ случаемъ исполнить тайную месть, покровительствовать своимъ друзьямъ и щадить людей знатныхъ; такъ что онъ самъ развращался, привлекая на себя ненависть; такъ какъ сборщикъ былъ проклинаемъ почти такъ же, какъ самая подать, то каждый въ свою очередь бралъ на свою голову проклятія своихъ сосѣдей. Иногда эти обязанности юстиціи исполнялъ крестьянинъ дурной репутаціи; гораздо чаще сборщикъ, не умѣя ни читать ни писать [2]) и не имѣя возможности вести правильнаго счета, становился публичнымъ посмѣшищемъ, ошибался въ раскладкѣ и, оставляя свои собственныя дѣла изъ-за вознагражденія меньшаго, чѣмъ его собственные расходы, былъ принужденъ водить солдатъ изъ двери въ дверь, съ перспективою заплатить за просрочившихъ или даже отправиться въ тюрьму нести наказаніе за недостаточность бѣднаго или за недобросовѣстность богатаго [3]).

Вотъ каково было во Франціи преданіе старыхъ несправедливостей, въ которыя выродился налогъ самый справедливый въ своемъ началѣ и извратился, какъ всѣ другіе. Подушная подать и двадцатина, которыя были сначала пропорціонально равными доходу гражданъ, впослѣдствіи раскладывались съ самою явною несправедливостью. Людовикъ XIV, устанавливая подушную подать, хотѣлъ, чтобы она взималась со всѣхъ, начиная отъ дофина, который платилъ двѣ тысячи ливровъ, и до крестьянина, который платилъ 20 су [4]). Но скоро возникли

---

[1]) Arrêt du conseil du 4 мая 1740. Дѣло директора почтъ Арпажона.

[2]) Mémoires sur la vie de Turgot, Дюпонъ де Немуръ. Филадельфія, 1782.

[3]) См. доклады, представленные собранію провинцій Берри въ замѣчательномъ сочиненіи Жирардо Essais sur les assemblées provinciales, p. 98.

[4]) Déclaration du 18 janvier 1695. Arrêt du 22 février suivant.

привилегіи; духовенству удалось избавиться отъ подушной подати посредствомъ добровольнаго дара, а благодаря невѣрной оцѣнкѣ состояній, въ эту подать вкрался произволъ и сдѣлалъ такой прогрессъ, что народъ, подушная подать съ котораго въ принципѣ составляла только одну шестую часть общей суммы ея, платилъ три четверти ея во время Неккера.

Что касается до двадцатины, то она происходила отъ того знаменитаго налога десятаго динарія, который ввелъ Людовикъ XIV въ эпоху своихъ несчастій и мрачную исторію котораго писалъ герцогъ Сенъ-Симонъ. Первоначально онъ былъ только временнымъ, но налогъ никогда не отступаетъ назадъ. «Нѣтъ ничего, говоритъ Адамъ Смитъ, чему бы правительство научалось скорѣе, чѣмъ искусству шарить въ карманахъ народа [1].» Разъ введенная, двадцатина уже не прекращалась; но что я говорю? ее удвоили [2], утроили [3], къ ней прибавили су на ливръ, и постановленіе совѣта отъ 2 ноября 1777 г. подтверждаетъ, что только одни бѣдные точно платили двадцатину. Дворяне и сильные люди нашли средство, скрывая свое состояніе, дѣлая ложныя объявленія, платить только половину или двѣ трети того, что они должны были бы платить: и они еще возмущались тѣмъ, что ихъ принуждали открывать секреты ихъ семействъ [4].

Придетъ время, когда человѣчество, открывши гармоническіе законы труда и распредѣленія богатствъ, съумѣетъ доставить каждому изъ своихъ членовъ легкую возможность существованія и радостей жизни. Люди этого будущаго времени не повѣрятъ, чтобы была эпоха блиставшая образованіемъ, имѣвшая своими современниками прекраснѣйшихъ геніевъ, когда большинство французовъ едва могло жить; когда самые большіе налоги взимались съ жизненныхъ средствъ первой необходимости; когда хлѣбъ, соль, говядина, вино были дороже своей цѣны; когда одна соль платила акциза 54 милліона, т. е. столько, сколько давалъ налогъ на имущества, представляемый двадцатиной; когда народонаселеніе королевства отъ времени до времени было уменьшаемо голодомъ; когда медики, посланные въ Монтагрисъ для наблюденія тамъ

---

1) Богатство народовъ, кн. V, гл. II.
2) Déclaration du 7 juillet 1756.
3) Edit de février 1760.
4) Сенъ-Симонъ, t. IX.

эпидеміи, заявили, что вся страна больна истощеніемъ, и лечили ее, раздавая бульонъ, рисъ и хлѣбъ [1]).

Солнечные лучи, дѣйствуя на морскую воду, производятъ соль; и этотъ-то продуктъ, столь необходимый для пищи человѣка и животныхъ, имѣлъ право продавать только одинъ король Франціи и притомъ въ 12 разъ дороже его настоящей цѣны. Нужно ли послѣ этого удивляться, что контрабанда солью составляла въ то время для многихъ тысячъ людей единственный рессурсъ ихъ бѣдности, единственное занятіе ихъ храбрости? Въ лѣсахъ скрывались тайные соловары, подвергая себя риску галеръ и даже смерти [2]), чтобы продавать тамъ соль дешевле чѣмъ продавалъ король; вездѣ происходили оскорбительные обыски; домъ каждаго гражданина постоянно долженъ былъ быть открытымъ для обысковъ жестокихъ и презираемыхъ досмотрщиковъ; бывало болѣе 11 тысячъ арестовъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; тюрьмы не вмѣщали въ себѣ арестованныхъ и вслѣдствіе ихъ переполненія подвергались заразительнымъ болѣзнямъ; наконецъ трибуналы или судьи, подкупаемые акцизомъ, рѣшали дѣло на основаніи показаній досмотрщиковъ, которые получали часть захваченнаго, и отправляли на галеры не менѣе 500 человѣкъ каждый годъ [3])... Сколько бѣдствій въ одномъ налогѣ! Почему эта война, почему эта двойная армія контрабандистовъ и досмотрщиковъ? Потому что были провинціи, какъ напр. Бретань, гдѣ на соль не было никакого акциза, и другія, гдѣ на нее акцизъ былъ огромный. Въ Артуа напр. соль стоила четыре ливра или даже 40 су за кенталь, тогда какъ въ Аміени она стоила 62 ливра [4]), потому что Аміень былъ страною большаго солянаго акциза, а Артуа провинціею свободною отъ него. Одно и то же количество соли, стоившее 8 ливровъ въ нижней Оверни, странѣ откупившейся, стоило 34 ливра въ верхней Оверни, подчиненной малому акцизу. Странное королевство, гдѣ несправедливость усложнялась столь большимъ безпорядкомъ, гдѣ не существовало равенства даже въ угнетеніи!

И какую отличную премію для храбрости контрабандиста представляли эти чудовищныя различія въ цѣнѣ! Какую привлекательность

---

[1]) Маркизъ Дюкре, Administration des finances, p. 120.

[2]) Déclaration du 5 juillet 1704.

[3]) Mémoires de Calonne aux Notables, N VIII. Неккеръ показывалъ 300 въ 1784.

[4]) Неккеръ, Administration des finances, t. II, p. 13.

представляла надежда столь быстрой прибыли! Такимъ образомъ соляной акцизъ всегда былъ въ умѣ народа. Въ странахъ безакцизныхъ народъ желалъ воспользоваться выгодой отъ тайнаго провоза соли; въ странѣ акцизной онъ напротивъ думалъ только о томъ, какъ бы достать себѣ контрабандную соль и избавиться отъ подавляющаго налога. Каждый день дѣти слышали въ ихъ семействахъ, какъ жалуются на тягость акциза, какъ проклинаютъ законъ, надсмотрщиковъ; и первою мыслью деревенскаго мальчика, какъ только онъ могъ бѣгать по дорогамъ, было, какъ бы заняться этой контрабандой, которая кромѣ доставленія выгоды имѣла еще привлекательность опасности.

Когда налогъ падаетъ на потребленіе, то онъ, по крайней мѣрѣ, оставляетъ потребителю возможность избавиться отъ него, осудивши себя на болѣе или менѣе суровое лишеніе. Но совершенно другое дѣло было съ налогомъ на соль. Здѣсь лишеніе было запрещено и экономія была невозможна. Приказъ дѣлалъ потребленіе соли обязательнымъ и каждое лицо свыше 7 лѣтъ должно было купить въ королевскомъ амбарѣ 7 фунтовъ соли подъ именемъ обязательной соли (sel du devoir) [1]; но оно не могло употреблять ее для большихъ соленій, потому что 7 фунтовъ назначались только для варки кушаньевъ и для стола. Но по одному изъ тѣхъ неслыханныхъ противорѣчій, которыя были столь рѣзки въ этой прекрасной системѣ, тогда какъ житель акцизной страны принужденъ былъ потреблять соли больше, чѣмъ хотѣлъ, житель странъ откупившихся вовсе не могъ получить соли, когда онъ требовалъ больше положеннаго количества. Одному запрещено было требовать, а другому отказываться [2].

Соляной акцизъ былъ такъ строгъ, что за исключеніемъ дворянъ и духовныхъ граждане должны были лично являться за солью. И однакоже, когда въ извѣстные дни и часы отворялись ворота солянаго амбара передъ столпившимися гражданами, тогда, благодаря множеству покупателей и ихъ движенію, дѣлались тысячи мошенничествъ. Воронка, въ которую насыпалась соль сыпавшаяся потомъ черезъ желобокъ въ мѣру, никогда не наполнялась до верху, для того, чтобы соль отъ тяжести не падала быстро и не ложилась плотно; для той же цѣли, въ то время, какъ мѣрившій соль наполнялъ воронку, клапанъ воронки

---

1) Titre VI de l'Ordonnance des gabelles, 1680.

2) Ibid., titre XVI.

оставался закрытымъ [1]). Наловчившійся чиновникъ производилъ насыпку съ такими предосторожностями, что она располагалась въ мѣрѣ такъ, что оставались пустыя мѣста. Эти безчестныя продѣлки, производимыя въ большихъ размѣрахъ, давали значительный доходъ чиновникамъ. Люди, раздѣлявшіе съ надсмотрщиками результаты такого многократнаго воровства, были судьи соляныхъ амбаровъ, безжалостные чиновники, вооруженные жестокими законами. «Мы желаемъ, говоритъ приказъ, чтобы тѣ, у кого найдется корчемная соль или кто будетъ уличенъ въ томъ, что торговалъ ею, были присуждаемы, если будутъ пойманы съ оружіемъ въ рукахъ, къ галерамъ на 9 лѣтъ и къ 500 ливровъ штрафа, а въ случаѣ вторичнаго преступленія къ повѣшенію и задушенію [2]).»

Однако изъ этихъ соляныхъ законовъ было нѣсколько исключеній. Но эти исключенія были не въ пользу бѣдныхъ, а въ пользу знаменитыхъ сеньоровъ, членовъ парламента и придворныхъ. Король давалъ своимъ фаворитамъ даровыя выдачи соли. И по утонченной низости сановники, получавшіе эту милостыню, еще хвастались ею. Подобно тому, какъ съ платой подати соединялось понятіе о безчестіи, съ освобожденіемъ отъ солянаго акциза соединялось понятіе о почетѣ [3]). Но могло случиться, что куртизанъ, получившій такую привилегію, встрѣтилъ бы несчастное семейство, которое защищало отъ приставовъ нѣсколько сноповъ сжатыхъ дѣтьми. И еслибы посторонній человѣкъ спросилъ о причинѣ этой строгости, то ему отвѣтили бы: это семейство слишкомъ бѣдно, чтобы солить свою пищу, и потому относительно его рѣшено прибѣгнуть къ понужденію пропорціонально количеству соли, которое оно должно было потребить и не потребило!

Казалось казна хотѣла отмстить французской странѣ за милости, какія расточила ей природа. Франція, умѣренный климатъ которой производитъ лучшую соль въ мірѣ, была въ послѣдніе вѣка страною, гдѣ соль была самая дорогая [4]). Вездѣ благодѣянія неба при извращенномъ и стѣсненномъ употребленіи ихъ дѣлали королевскую власть

---

[1]) L'Antifinancier, p. 54. Амстердамъ; 1763.—Это сочиненіе принадлежитъ Дариграну, парламентскому адвокату, который самъ былъ солянымъ надсмотрщикомъ.

[2]) Ordonnance des gabelles, titre XVII, art. 3.

[3]) Неккеръ, Administration des finances, t. II, p. 21.

[4]) Mémoire sur les impositions, t. III, p. 58 Сочиненъ по повелѣнію французскаго двора, 1769. Въ королевской типографіи.

ненавистною. Такимъ образомъ берега моря представляли напр. самое удобное пастбище, а между тѣмъ скоту не дозволено было приближаться къ нимъ изъ опасенія, чтобы его даромъ не поили соленою водою изъ канавъ. Соль здорова какъ для животныхъ, такъ и для людей; отъ нея молока у коровъ бываетъ больше, шерсть барановъ бываетъ нѣжнѣе: но ея большая дороговизна заставляла крестьянъ лишать этой пищи свой скотъ, а сырыя земли лишать удобренія, которое такъ хорошо для нихъ. Въ Провансѣ есть кантоны, гдѣ сама природа производитъ соль: но акцизъ посылалъ туда каждый годъ сторожей, которыхъ называли черным ъ отрядомъ, и которые стерегли мѣсто до тѣхъ поръ, пока дожди не растворяли и не уносили этого естественнаго богатства [1]). Наконецъ Франція есть страна, производящая самыя лучшія и самыя разнообразныя вина въ мірѣ, и однакоже налогъ на напитки былъ столь обременителенъ, особенно со времени приказовъ Людовика XIV, что владѣтели виноградниковъ, разоренные и задолжавшіе, бросали виноградники и принуждали три четверти королевства пить одну только воду. По свидѣтельству Буа-Гилльбера можно было пройти восемь лье по проселочнымъ дорогамъ и не достать чѣмъ утолить жажду [2]).

Здѣсь также невозможно вполнѣ раскрыть передъ читателемъ темное законодательство по акцизу на напитки. Это была какъ-бы громадная машина, колеса которой соединялись въ темнотѣ, благопріятствующей угнетенію. Сами финансовые чиновники знали его только несовершенно, но жадная фантазія акцизныхъ агентовъ помогала недостаточности ихъ знанія. И какъ-бы для увеличенія этой темноты акцизъ изобрѣлъ варварскій языкъ, смыслъ котораго былъ понятенъ только тогда, когда онъ переводился на жестокія дѣйствія.

Прежде чѣмъ дойти до потребителя, вино подвергалось столькимъ налогамъ, что цѣна его была разорительна для народа, хотя и не вознаграждала винодѣла за его обработку и за его затраты. Черезъ шесть недѣль послѣ сбора винограда досмотрщики осматривали погреба, амбары и выжимальни, описывали вино, конфисковали то вино, которое

---

1) Летронъ, Administration provinciale, p. 143.

2) Détail de la France, p. 197 изданія Гильомена. — Анри-Мартенъ въ XIII томѣ своей Histoire de France опровергаетъ историческія показанія Буа-Гилльбера; но этотъ писатель, хотя нѣсколько горячій, тѣмъ не менѣе сохраняетъ авторитетъ для фактовъ чисто экономическихъ.

не было объявлено и такъ какъ частный человѣкъ могъ потреблять только количество вина опредѣленное правилами—родъ рабства вѣроятно безпримѣрный въ исторіи угнетеннаго невѣжества, — то акцизный чиновникъ требовалъ сверхъ того уплаты налога на вино, не достававшее и потребленное самимъ производителемъ. Населеніе городовъ также подлежало тѣмъ же обыскамъ и если было превышено дозволенное потребленіе, то оно считалось корчемной продажей и на этомъ только предположеніи съ него брался налогъ, называвшійся выпитымъ излишкомъ (trop bu) [1])!

Увеличиваемые, видоизмѣняемые, удвояемые, соединяемые вмѣстѣ при различныхъ царствованіяхъ, иногда уничтожаемые, но всегда возстановляемые налоги на напитки, т. е. на вино, пиво и ликеры, представляли страшную номенклатуру. Жизненные припасы не могли сдѣлать ни одного движенія безъ покупки дозволенія на это, безъ платы за него [2]). При ввозѣ въ города и вывозѣ изъ нихъ, при ввозѣ въ извѣстныя провинціи, на дорогахъ, на мостахъ, въ трактирахъ, въ кабакахъ, вездѣ и на каждомъ шагу бочка вина встрѣчала надсмотрщиковъ, обязанныхъ взимать съ нея главный налогъ и увеличенный, прежніе 5 су, новые 5 су, четвертину, городскіе акцизы, добровольные подарки.... плату инспекторамъ за напитками [3]), которые брали су на ливръ, лейтенантамъ акциза, которые брали 12 су за сохраненіе, коммиссарамъ пробовавшимъ вино 10 су за бочку, мѣрявшимъ бочку по 5 су и разнымъ другимъ коммиссарамъ, которые вслѣдствіе странныхъ перемѣнъ въ финансахъ всегда являлись съ требованіемъ новыхъ поборовъ, но всегда подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ [4]).

Пиво также подчинено было обыску, контролю; оно пробовалось особыми чиновниками получавшими 35 су за бочку. И такимъ образомъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы охранять интересы потребителей государственнымъ надзоромъ, ихъ угнетали всевозможными способами; и наконецъ доказали таки, что мало заботятся объ ихъ интересахъ, когда послѣдовательными распоряженіями уничтожены были самыя должности, а налоги для этихъ должностей попрежнему продолжали взимать въ пользу короля.

---

[1]) L'Antifinancier, p. 10.
[2]) Lettres patentes du 13 février, 1723.
[3]) Arrêt du conseil du 24 mars, 1637.
[4]) Déclaration du 10 octobre, 1689.

Но отчего же происходитъ, что въ разсказѣ о происходившихъ несчастіяхъ мы часто находимъ исторію настоящихъ бѣдствій? Какова тайная сила, которая даетъ несправедливости столь долгое существованіе и вслѣдствіе какой невидимой причины долго держатся несправедливости наиболѣе проклинаемыя? Послѣ стольхихъ битвъ, данныхъ отцами нынѣшняго французскаго поколѣнія и на полѣ мысли и на землѣ, которую они оросили своею кровью, отчего и теперь только одинъ бѣдный запряженъ въ иго, обремененъ такою же тяжестью и подвергается тѣмъ же ударамъ? отчего наконецъ подъ названіями безпрерывно измѣняющимися не измѣняется старое угнетеніе?

Такъ какъ налогъ на раздробительную продажу составляетъ самую значительную часть акцизнаго сбора на напитки [1]) и взимался съ каждаго стакана, то главная тяжесть падала здѣсь на простой народъ и тоже самое было относительно другихъ налоговъ изъ категоріи акцизныхъ сборовъ. И тогда, какъ теперь, налогъ на мясо называвшійся для инспекторовъ боенъ былъ одинаковъ для неодинаковыхъ качествъ; богатые имѣли ту привилегію, что свѣжая рыба была обложена такимъ же акцизомъ, какъ и соленая, самое высокое вино—такимъ же какъ и простое вино народа [2]). Акцизное управленіе ежегодно взимало безъ стыда ввозный акцизъ съ нѣсколькихъ корзинъ виноградныхъ выжимокъ, которыя благотворительность давала одному бѣдному семейству дѣлавшему для себя незавидный напитокъ, наливши ведро воды на эти выжимки [3]).

Моральная сторона акцизныхъ сборовъ была самая прискорбная. Они поддерживали въ сердцахъ ненавить къ государству и постоянное желаніе обманывать его. Такимъ образомъ на всѣхъ внутреннихъ заставахъ государства велся постоянный споръ. Изъ 250 тысячъ человѣкъ обязанныхъ взимать различные виды этихъ налоговъ 27 тысячъ были заняты тѣмъ, что мучили гражданъ, шарили въ домахъ ихъ и въ погребахъ, мѣряли ихъ бочки, считали ихъ бутылки. И сколько было западней для плательщиковъ налоговъ, сколько плутовства? Иногда переодѣтый шпіонъ въ видѣ нищаго приходитъ и выпрашиваетъ со слезами стаканъ вина и потомъ доноситъ на этого сострадательнаго гражданина какъ на тайнаго продавца; иногда въ домѣ честнаго граж-

[1]) Mémoires sur les impositions en France, t. III, p. 406.

[2]) Монтіонъ, Particularité sur les ministres des finances, p. 29.

[3]) Даригранъ, l'Antifinancier, p. 17.

данина находятъ корчемный продуктъ, подкинутый сторожами, словамъ которыхъ даютъ полную вѣру. Такимъ образомъ обманъ дѣлался тѣми самыми, которые должны были предупреждать его!

Всѣ страны въ мірѣ приходили къ мысли запирать предѣлы своей территоріи. Только Франціи суждено было устроить внутреннія таможни, сдѣлать провинціи чуждыми одна другой и держать ихъ во взаимной враждѣ и такъ сказать воздвигнуть Пиренеи по всему королевству. Подобный безпорядокъ оскорблялъ умъ Кольбера. Съ цѣлью отодвинуть когда-нибудь таможни къ границамъ, онъ хотѣлъ ввести одинаковый свой страшный и знаменитый тарифъ 1664 г., но половина Франціи, отказавшись повиноваться этому тарифу, составила провинціи считавшіяся иностранными (reputées étrangéres), и другая половина составила провинціи пяти большихъ откуповъ (grosses fermes), и какъ-бы для соотвѣтствія мѣрамъ обезобразившимъ отечество, въ самыхъ названіяхъ произошло измѣненіе и были названы страннымъ именемъ дѣйствительно иностранныхъ (étranger effectif) Эльзасъ, Лорренъ, Три—епископства, которыя свободно сносились съ Германіей, также какъ пять порто-франко, каковы Марсель, Дюнкирхенъ, Байонна, Лоріанъ [1]).

Въ настоящее время мы даже не знаемъ, что разумѣлось подъ словами rêve, haut passage, imposition foraire, trépas de Loire, triple cloison d'Angers, comptablie и пр., которыя до революціи служили для обозначенія различныхъ налоговъ взимавшихся въ провинціальныхъ таможняхъ. Странное дѣло! для того, чтобы затруднить движеніе торговли, было употреблено больше генія, чѣмъ сколько нужно его было для облегченія торговли. Что серьезные люди употребляли всю свою жизнь на то, чтобы распредѣлить по алфавитному порядку въ фоліантахъ всѣ товары земнаго шара отъ алоэ до вероники, отъ гипса до цинка и терпѣливо придумывать, какому налогу подвергнуть обращеніе каждаго изъ этихъ товаровъ [2]),—этому можно уже удивляться и улыбаться,—но какъ понять то, что внутри самой страны между французами торговля жизненными припасами и перевозка ихъ обставлена была безчисленными препятствіями, особенно когда подумать, что этимъ государь думалъ увеличивать свою пользу?

---

[1]) Ordonnance de 1687, titre I, art. 3.

[2]) Неккеръ, Administration des finances, t. II, p. 182.

Французскія рѣчки и рѣки были для торговцевъ опасными путями. На берегахъ Луары напр. стоялъ рядъ конторъ, въ которыхъ надсмотрщики ожидали путешественника, чтобы обдирать его, взимая съ него пошлину во имя государства (traite) и другія пошлины (péages) во имя общинъ или сеньоровъ. Форбонне разсказываетъ, что отъ Сенъ-Рамбера въ Форе до Нанта считалось не менѣе 28 пошлинныхъ заставъ и богатое аббатство Фонтевро брало пошлины ежегодно въ теченіи 15 дней января и 15 дней мая [1]). Ужасныя придирки, иногда чистыя фантазіи силы были источникомъ большей части этихъ пошлинъ. Коннетабль Ледигьеръ собственною личною властью устроилъ на Ронѣ таможню въ Валансѣ для содержанія своего войска, она существовала въ теченіе двухъ вѣковъ, несмотря на жалобы торговли. «Эта таможня, какъ говорили, родилась и росла какъ крокодилъ и въ нѣсколько времени сдѣлалась ужасомъ для всѣхъ путешествовавшихъ водою, также какъ и для купцовъ ѣхавшихъ сухимъ путемъ. Устрашонные купцы бѣжали отъ этого проѣзда, какъ отъ разбойниковъ. Если они попадали туда, то ихъ заставляли пробыть тамъ цѣлыя недѣли до произведенія уплатъ и свобода давалась имъ только тогда, когда ихъ чемоданы и кошельки были опорожнены [2])». Но одна черта достаточна для того, чтобы обрисовать эту безсмысленную тиранію провинціальныхъ таможенъ. Сдѣлавши 3 или 4 тысячи лье, ушедши отъ бурь и отъ пиратовъ, хлѣбъ, привозившійся изъ Китая или Японіи, стоилъ во Франціи въ три или четыре раза дороже того, что стоилъ въ Японіи или Китаѣ; тогда какъ мѣра вина, перевезенная изъ Орлеана въ Нормандію, становилась по крайней мѣрѣ въ 20 разъ дороже чѣмъ на мѣстѣ: если она стоила въ Орлеанѣ су, то за нее платилось въ Нормандіи 20 и даже 24 су; такъ что провинціальныя таможни были въ 6 разъ страшнѣе для торговли напитками, чѣмъ бури и траты при переѣздѣ почти черезъ весь океанъ [3]).

Теперь можно судить, какъ бѣдственно было до революціи положеніе народа. Что собирались дѣлать для измѣненія этого положенія? И какой принципъ сдѣлался оружіемъ мыслителей?

---

1) Летронъ, Administration proinvciale, p. 188.

2) Рѣчь депутата изъ Ліона въ сословномъ собраніи Дофине, у Форбонне, Recherches sur les finances, t. I, p. 41.

3) Factum de la France, Буа-Гилльберъ, p. 312, изд. Гильомена.

Надъ аппартаментами мадамъ Помпадуръ въ Версали была темная антресоль, гдѣ жилъ медикъ фаворитки, Франсуа Кеней (Quesnay), человѣкъ учоный и умный, предававшійся размышленіямъ о земледѣліи, вычислявшій его произведенія и желавшій основать на этихъ вычисленіяхъ новую науку. Въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи, и тогда какъ у ногъ его сплетались интриги политики и любви, Кеней собиралъ за своимъ столомъ философовъ своего времени: Дидро, д'Аламбера, Гельвеція, Бюффона; друзья его скоро стали его учениками, а одинъ изъ нихъ, Тюрго, самъ впослѣдствіи сталъ учителемъ [1]).

Воспитанный въ деревнѣ, Кеней внимательно анализировалъ происходившее передъ его глазами и сохранилъ объ этомъ воспоминаніе, которое давало грацію его рѣчамъ и особенный оттѣнокъ его сочиненіямъ. Авторитетъ его словъ, его опытность, оплодотворенная размышленіемъ, новость его взглядовъ или лучше сказать опредѣленій, систематичность его ума пріобрѣли ему послѣдователей, которые удивлялись его скромности. Скоро онъ образовалъ вокругъ себя школу, которая наполнила вторую половину XVIII вѣка волненіемъ и шумомъ. Видя въ своихъ гостяхъ адептовъ, онъ иногда бралъ ихъ по одиночкѣ и посвящалъ въ свои воззрѣнія, а иногда собиралъ ихъ вмѣстѣ съ пріятною важностью и излагалъ передъ ними теоріи, которыя должны были имѣть огромное вліяніе на ходъ революціи и сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ [2]):

Человѣкъ живетъ матеріальными продуктами. Откуда онъ ихъ получаетъ? Изъ земли. Итакъ матерія составляетъ существенный характеръ богатства и земля есть его настоящій источникъ.

Но что нужно для того, чтобы обратить землю на пользу человѣка?

Прежде всего поле годное для обработки, жилье для пахарей, конюшня для лошадей, магазинъ для плодовъ. Это затраты недвижимыя.

А что нужно потомъ? Скотъ, плуга, различные земледѣльческіе инструменты, сѣмена. Это затраты первоначальныя.

Но ужели это все? не требуется ли еще множество труда на сѣяніе,

---

[1]) Mémoires de Marmontel, t. II, p. 28, 34. Mémoires de madame du Hausset.

[2]) Нижеизложенное составляетъ точное резюме доктринъ Кенея и его учениковъ, Мерсье де Ла Ривьера, Летрона, Бодо и пр.

обработку, уборку? Не нужно ли кормить рабочихъ и домашній скотъ. Это затраты ежегодныя.

Изъ этихъ трехъ затратъ, равно производительныхъ, потому что всѣ онѣ вмѣстѣ производятъ продуктъ, первыя дѣлаются собственникомъ, а послѣднія двѣ обработывающимъ землю.

Теперь предположимъ, что сборъ плодовъ съ земли полученъ: для того, чтобы опять получить новый сборъ, не должны ли вы еще истратить то, что вы истратили для полученія прежняго сбора? Не нужно ли вамъ истратить на сѣмена, на кормъ скота, на жалованье рабочимъ сумму, по меньшей мѣрѣ равную истраченной въ предшествовавшемъ году? И кромѣ того не должны ли вы къ этой суммѣ прибавить еще другую предназначенную на починку испортившагося плуга, или на возобновленіе другихъ орудій, ставшихъ негодными отъ долговременнаго употребленія, или на замѣщеніе лошади уже негодной въ дѣло? Итакъ изъ настоящаго сбора нужно вычесть въ виду сбора будущаго года: 1) всю сумму ежегодныхъ затратъ; 2) сумму нужную для пополненія первоначальныхъ затратъ. Это получаетъ себѣ обработывающій землю, какъ уплату.

Затѣмъ остающійся излишекъ есть процентъ на недвижимыя затраты; это доходъ собственника, это чистая прибыль.

Налогъ не можетъ касаться уплатъ, получаемыхъ воздѣлывателемъ, не нанося смертельнаго удара будущему сбору; потому что если суммы необходимыя для обработки будутъ меньше, то отъ этого пострадаетъ обработка, и если слишкомъ уменьшить законную прибыль занимающихся земледѣліемъ, то они убѣгутъ отъ земледѣлія и обратятся къ городской промышленности. Итакъ есть только одинъ доходъ дѣйствительно свободный, на которомъ можетъ основываться всякій налогъ [1]); это доходъ собственника, чистая прибыль.

Но нужна однако и здѣсь осторожность; если чистая прибыль уменьшаемая налогомъ перестанетъ быть довольно значительною чтобы заинтересовать собственника въ обработкѣ земли, то скоро можетъ случиться, что капиталъ уйдетъ отъ земледѣлія; что обработанныя поля будутъ заброшены и превратятся въ пустыни, и что такимъ образомъ истощится великій источникъ доходовъ, богатствъ и жизни націи. Изъ этого слѣдуетъ, что увеличеніе чистой прибыли есть самая возвышен-

---

1) Кеней, Maximes générales.—Impôt non destructeur.

ная цѣль, какую только можетъ предположить себѣ мудрое правительство. Итакъ пусть оно не боится возбуждать дороговизну жизненныхъ припасовъ [1]). Высокая цѣна хлѣба обогатитъ собственника; собственникъ, обогатившись, привяжется къ землѣ; лучше воздѣлываемая земля умножитъ свои плоды; и когда довольство посредствомъ обмѣна распространится по всей націи, тогда мануфактурный рабочій будетъ получать большую плату, чтобы покупать хлѣбъ сдѣлавшійся болѣе дорогимъ.

Таковы были первые выводы Кенея. И теперь уже легко видѣть, какое значеніе имѣетъ доктрина, съ виду столь простая и невинная. Какъ! спасительный пріемъ, превозносимый какъ открытіе благодѣтельнаго и охранительнаго генія, состоитъ въ возвышеніи цѣны на хлѣбъ? во вздорожаніи того продукта, которымъ бѣдный питается, какъ разъ настолько, чтобы не умереть съ голода? Народу говорятъ, что если его хлѣбъ вздорожаетъ, то его трудъ будетъ также оплачиваться дороже; но какова будетъ его участь въ то время пока не установится это равновѣсіе? И потомъ допуская, что дѣйствительно вздорожаніе хлѣба будетъ вознаграждаться вполнѣ соотвѣтствующимъ повышеніемъ рабочей платы,—что еще подлежитъ спору,—въ чемъ будетъ состоять это вознагражденіе для несчастнаго, который не имѣя работы не получаетъ платы, для работника внезапно ослабѣвшаго или сдѣлавшагося больнымъ? Кеней слишкомъ забывалъ, что выставленныя здѣсь у него цифры представляютъ людей, и что есть положенія, при которыхъ дороговизна хлѣба есть смертный приговоръ. Такимъ образомъ сколько было жалобъ, когда наконецъ былъ открытъ секретъ новой школы! Дурной судья о причинахъ, по словамъ Галіани, но большой знатокъ дѣйствій, народъ трепеталъ, какъ бы не потерять того, что по новой теоріи должно было достаться собственникамъ. Онъ не довѣрялъ теоріи, которая отрицала человѣческую солидарность и духъ которой выдавали слѣдующія неблагоразумныя, непоправимыя слова: только промышленники занимающіеся обработкой земли составляютъ производительный классъ, все же остальное принадлежитъ къ безплодному классу.

И дѣйствительно это и долженъ былъ вывести изъ своего принци-

---

[1]) Кеней, Maximes générales.—«Пусть не стараются понижать цѣну на хлѣбъ.—Пусть не думаютъ, что дешевизна его полезна для самаго народа». Maximes XVIII и XIX.

па лейбъ-медикъ Людовика XV. Провозгласивши, что земля составляетъ единственный источникъ богатствъ, онъ естественно долженъ былъ придти къ тому, чтобы не признавать другаго производительнаго класса кромѣ класса воздѣлывателей земли. Ремесленникъ, купецъ, медикъ, философъ, ученый, артистъ... составляютъ классъ безплодный [1]).

Совершенно справедливо, что у Кенея и его школы слово выражало здѣсь гораздо больше, чѣмъ было въ ихъ мысли. Они признавали пользу различныхъ занятій, которыя повидимому унижала ихъ терминологія; но эту пользу разсматриваемую съ экономической точки зрѣнія они считали второстепенною. Одинъ изъ нихъ, можетъ быть самый остроумный, писалъ къ мадамъ ***, объясняя катехизисъ своей школы: «вы видите, мадамъ, за вашимъ простымъ завтракомъ собранными предъ вашими глазами и подъ вашими руками произведенія всѣхъ климатовъ и обоихъ полушарій. Китай произвелъ эти чашки и это блюдо; этотъ кофе родился въ Аравіи; сахаръ, которымъ вы подслащиваете его, былъ произведенъ въ Америкѣ; металлъ вашего кофейника идетъ изъ Потози; этотъ ленъ привезенный изъ Риги былъ обработанъ голландскою промышленностью; наши деревни дали вамъ только хлѣбъ и сливки [2])». И показавши, какъ вся вселенная помощью чудесъ промышленности и торговли содѣйствовала завтраку мадамъ, авторъ довольствуется только тѣмъ, что называетъ пріятными и считаетъ достойными тѣмъ большей честной платы эти услуги, которыя выражаютъ собою тысячи побѣжденныхъ препятствій, безчисленныхъ опасностей мужественно перенесенныхъ, энергію иногда обманутую но всегда могучую, моря торжественно переплытыя и побѣжденную природу.

А если спросить, на чемъ же основывается абсолютное предпочтеніе даваемое Кенеемъ и его учениками обработывателямъ земли, то будетъ данъ такой отвѣтъ:

«Въ то время какъ ремесленникъ работаетъ, какъ философъ мыслитъ, какъ купецъ перевозитъ богатства, какъ артистъ услаждаетъ нашу жизнь, развѣ имъ не нужно питаться? И откуда они получаютъ средства существованія если не отъ земли? Итакъ земля кормитъ

---

[1]) Кеней, Dialogues sur le commerce et les travaux des artisans.—Collection des économistes, изд. Дера, у Гильомена.

[2]) Аббатъ Бодо, Explication du Tableau économique, § 6, p. 846.

тѣхъ, которые не обработываютъ ее, посредствомъ излишка остающагося отъ прокормленія обработывающихъ ее. Итакъ этотъ излишекъ, эта чистая прибыль оплачиваетъ всѣ туды промышленности, торговли, ума. Собственникъ, владѣлецъ чистой прибыли,—вотъ истинный расходователь щедротъ природы, распредѣлитель сокровищъ земли, высшій кассиръ промышленности. А что касается производителя чистой прибыли или земледѣльца, то кто другой кромѣ него имѣетъ право на честь производства? Безъ сомнѣнія ремесленникъ увеличиваетъ цѣнность матеріи, которую онъ перерабатываетъ, но что же это за важность, если во время своей работы онъ потребляетъ равную цѣнность? Только тотъ одинъ заслуживаетъ имя производителя, кто производитъ одновременно и для себя и для другихъ. А таковъ именно и есть земледѣлецъ, потому что онъ извлекаетъ изъ земли вопервыхъ содержаніе для себя и вовторыхъ чистую прибыль, т. е. цѣнность, которою оплачиваются, источникъ, изъ котораго черпаютъ свои средства купцы, артисты, мануфактуристы, медики, литераторы, адвокаты, учоные, наконецъ всѣ тѣ, которые, не будучи земледѣльцами, составляютъ другую дѣятельную часть человѣчества.»

Такимъ образомъ доктрина Кенея, которую называли физіократіей, господствомъ природы, приводила къ раздѣленію общества на три класса: классъ собственниковъ, составляющій подраздѣленіе производительнаго класса, классъ земледѣльцевъ или классъ собственно производительный и классъ безплодный, обнимающій собою артистовъ, купцовъ, ремесленниковъ.

Хоть бы по крайней мѣрѣ физіократы почтили именемъ производителя того несчастнаго, который трудится и умираетъ надъ проведеніемъ тѣхъ бороздъ, гдѣ созрѣетъ колосъ! Но они боялись оскорбить промышленника воздѣлывающаго землю, который платитъ, возвысивши до него бѣднаго крестьянина, которому онъ платитъ; въ ихъ глазахъ производительный классъ характеризовался не трудомъ, а расходами, затратами.

Замѣтьте хорошо эту исходную точку: вамъ придется вспомнить объ ней впослѣдствіи, когда послѣ засѣданія въ зданіи для игры въ мячъ, среди криковъ энтузіазма выходившихъ изъ народа, воображавшаго себя освобожденнымъ, при громѣ выстрѣловъ противъ Бастиліи учредительное собраніе раздѣлитъ націю на гражданъ активныхъ и на гражданъ неактивныхъ и оставитъ на произволъ случая интересы бѣдности.

Но зато какую завидную, какую блестящую роль приписывали

физіократы собственнику! Ему поставленному на вершинѣ производительнаго класса отдавалась самая высшая изъ соціальныхъ функцій, и для исполненія ея ему нужно было только жить въ свое удовольствіе на счетъ своихъ доходовъ. Онъ одинъ сидѣлъ за столомъ на пиршествѣ и его роль была въ томъ, чтобы спокойно потреблять свои доходы, тогда какъ ремесленники и другіе члены непроизводительнаго класса предлагали ему какъ господину въ обмѣнъ на остатки отъ его пиршества произведенія своей промышленности и своего таланта.

И однакоже случилось такъ, что по странному опасенію испугались этой доктрины именно собственники. Кеней, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы всѣ налоги были замѣнены единственнымъ поземельнымъ налогомъ. Собственники не замѣчали, что та сторона теоріи, которая чрезмѣрно преувеличивала ихъ важность, готовила имъ пышную праздность и стремилась поставить на мѣсто старой военной аристократіи аристократію землевладѣльческую. Они не замѣчали, что то увеличеніе налога, которымъ Кеней повидимому грозилъ ихъ доходамъ, будетъ косвенно уплочено все-таки промышленностью путемъ возвышенія цѣны на хлѣбъ. Поэтому всѣ они стали испускать тревожные крики, и богачъ Вольтеръ написалъ противъ физіократовъ свой разсказъ «Homme aux quarante écus».

Съ другой стороны волненіе было всеобщимъ и между финансистами какъ Форбонне и между партизанами равенства какъ Жакъ-Жакъ Руссо или Мабли. Родившійся въ республикѣ не имѣющей земли и обогатившійся фабрикаціей часовъ, Неккеръ ученіемъ приготовлялся къ спору, и физіократамъ предстояло имѣть дѣло съ итальянскимъ аббатомъ, съ тѣмъ Галіани, смѣхъ котораго былъ почти такъ же страшенъ какъ смѣхъ Вольтера. Арена борьбы открылась, и состязающіеся бросились на нее толпою. Одни бросились на нее руководимые остроуміемъ; другіе тайнымъ желаніемъ волненій; нѣкоторые же сильнымъ страхомъ передъ результатами. Потому что въ сущности здѣсь вопросъ шолъ о томъ, можно ли согласиться терпѣть новую аристократію, послѣ того какъ пала уже одна старая аристократія; не войдутъ ли въ языкъ, отъ раздѣленія общества на производительный и непроизводительный классъ, формулы противныя великому догмату солидарности человѣческой; не будетъ ли странная и непредвидѣнная апотеоза чистой прибыли содѣйствовать тому, что въ управленіи обществъ праздное богатство станетъ на мѣсто чести. Поэтому нападеніе на новую теорію было горячо и настоятельно.

«Откуда—кричали со всѣхъ сторонъ физіократамъ—вы берете смѣ-

лость произвольными раздѣленіями оскорблять величіе ума и плодотворность промышленности? Нѣтъ, богатство составляетъ не одна матерія; оно состоитъ въ матеріи приспособленной къ потребностямъ человѣка, къ его удовольствіямъ и носящей на себѣ его отпечатокъ. Хлѣбъ въ зернѣ былъ ли бы для насъ богатствомъ, еслибы человѣческая промышленность не дѣлала изъ него испеченнаго хлѣба? Сочетаніе человѣка съ природой, соединеніе матеріи съ трудомъ, — вотъ что создаетъ богатство. Вы признаете, что труды мануфактуръ, торговли, ума приносятъ большую пользу; вамъ не непріятно, что ихъ поощряютъ, почитаютъ и даже иногда удивляются имъ... И однакоже всякій, кто не дѣлаетъ затратъ на эксплуатированіе почвы, низводится вами въ непроизводительный классъ! Или ваша доктрина вертится только на пустыхъ тонкостяхъ языка, на игрѣ словъ; или же она имѣетъ серьезное значеніе и въ этомъ случаѣ она очевидно ложна. Какъ! тотъ, кто выломалъ изъ каменоломни кусокъ мрамора для рѣзца Фидіаса, принадлежалъ къ производительному классу, а самъ Фидіасъ принадлежалъ къ классу безплодному! Вотъ поле, по которому ходитъ плугъ чтобы сдѣлать его плодороднымъ: и собственникъ, который конечно не самъ же произвелъ поле, болѣе заслуживаетъ названіе производителя чѣмъ ремесленникъ, который сдѣлалъ плугъ! Поставимъ производителей съ одной стороны, говорите вы, а переработывателей съ другой. Да развѣ же вы не видите, что земледѣльческій трудъ въ сущности есть только извѣстная переработка сообщаемая землѣ? Земледѣліе есть мануфактура почвы, какъ рыбная ловля есть мануфактура морей. Если вы хотите доходить до сущности вещей, то здѣсь на землѣ есть только переработыватели: настоящій производитель одинъ Богъ».

Но физіократы пользовались при дворѣ кредитомъ, который воодушевлялъ ихъ на борьбу. Мадамъ Помпадуръ покровительствовала ихъ учителю своею всесильною дружбою; а Людовикъ XV покровительствовалъ имъ своею беззаботностью. Когда въ концѣ 1758 г. Кеней печаталъ свою Tableau économique, то король своими руками оттискивалъ первые корректурные листы [1]). Скоро къ услугамъ Кенея были горячія и преданныя перья. Физіократы, не говоря о маркизѣ Мирабо, которому у насъ отведено особое мѣсто, послѣдовательно издавали свои сочиненія:

---

1) Дюпонъ изъ Немура, *Notice sur les Économistes*, напечатано въ предисловіи къ *Éloge de Gournay*, Тюрго, изд. Гильомена.

Мерсье-де-Ла-Ривьеръ напечаталъ Ordre naturel des sociétés politiques, Дюпонъ изъ Немура Physiocratie, за которою послѣдовалъ черезъ нѣсколько лѣтъ трактатъ Intérêt social Летрона; это были сочиненія тяжелыя и темныя, которыя мало послужили бы въ пользу доктрины, еслибы она изъ книгъ не перешла въ распространявшіе ее летучіе листки. Кеней одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ въ общественномъ мнѣніи верховную власть новыхъ временъ. Однажды какой-то служащій человѣкъ сказалъ при немъ: «аллебарда правитъ королевствомъ»—А кто же правитъ аллебардой? возразилъ философъ [1]). Поэтому физіократы захотѣли имѣть газеты и имѣли ихъ.

Между тѣмъ образовалась другая школа. Гурней (Gournay), столь же страстно расположенный въ пользу торговли, сколько медикъ мадамъ Помпадуръ былъ расположенъ въ пользу земледѣлія, наблюдалъ одинъ по одному всѣ феномены порожденные старой системой запрещеній, таможенъ, привилегій, цеховъ. Онъ видѣлъ борьбу фабриканта съ текстами указовъ, войну негоціанта съ фискомъ и рабочаго страдавшаго подъ игомъ корпорацій. Сколько законовъ, статутовъ и регламентовъ нужно было знать прежде чѣмъ начать фабриковать простой кусокъ матеріи? Если онъ не былъ правильно разрѣзанъ на опредѣленныя части, если онъ не имѣлъ положенной длины и ширины, тотчасъ же за это штрафы, процессы.... И каковы были эти процессы, при которыхъ фабрикантъ не умѣвшій читать былъ судимъ инспекторомъ не умѣвшимъ фабриковать [2])! Уже давно народы по преимуществу коммерческіе, Англія и Голландія, бросили эти стѣсненія, считавшіяся ими за послѣдніе остатки варварства; и Гурней, то путешествовавшій для пріобрѣтенія свѣдѣній, то ведшій торговлю для прибыли, видѣлъ своими глазами движеніе самой большой торговли въ мірѣ, отъ Кадикса до Гамбурга и въ своемъ долговременномъ опытѣ почерпнулъ ненависть къ принципу авторитета въ дѣлахъ политической экономіи. Нужна была формула для этой начинавшейся власти индивидуализма и Гурней далъ ее: laissez faire, laissez passer.

Понятно, въ чемъ естественно должна была отдѣляться школа Гурнея отъ школы физіократовъ. Какимъ образомъ мыслители, исповѣдывавшіе культъ промышленности и торговли, могли бы согласиться при-

---

[1]) Эженъ Деръ, Notice sur la vie et les travaux de Quesnay, p. 16. Collection des Physiocrates.

[2]) Eloge de Gournay, Тюрго, t. I собранія его сочиненій, p. 268.

знать первенство земледѣлія? Такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ имъ было нѣсколько трудно согласиться. Но обѣ школы имѣли общую тенденцію: индивидуализмъ; и онѣ имѣли общій девизъ laissez faire, laissez passer.

Въ самомъ дѣлѣ въ своей знаменитой теоріи чистой прибыли глава физіократовъ уже требовалъ абсолютной свободы собственника. Онъ хотѣлъ, чтобы обложенный всѣмъ налогомъ собственникъ могъ по своему произволу возвышать цѣну на свой хлѣбъ, копить его вмѣсто того чтобы продавать, вывозить его за границу [1]), употреблять и злоупотреблять, безъ всякаго другаго направленія свободы, безъ всякаго другаго ограниченія ея кромѣ свободы другихъ собственниковъ, т. е. конкуренціи.

Такимъ образомъ два человѣка, выходившіе изъ двухъ различныхъ пунктовъ, одинъ воспитанный на фермѣ, а другой въ торговой конторѣ, ходившіе долго отдѣльно въ области размышленія, встрѣтились наконецъ у дорожнаго столба, на которомъ было написано слово свобода. Нужно было какъ слѣдуетъ понять это слово. И отъ скольких несчастій избавился бы народъ, если бы подъ этимъ словомъ разумѣли братство, безъ котораго слабый находитъ свободу только въ отверженіи! Но принципъ авторитета до такой степени утомилъ міръ, что мыслители почти всѣ сходились въ желаніи побѣды противоположному принципу, въ простомъ и прямомъ освобожденіи личности. Собственникъ или торговецъ, богатый или бѣдный, человѣкъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ. Онъ считался знающимъ свой интересъ лучше чѣмъ кто-нибудь другой; и этой-то гордости, этой страсти личнаго интереса открывали теперь дорогу. Нѣтъ болѣе надзирателей, стражъ, заставъ; нужно было прибавить: нѣтъ болѣе попеченія и защиты. Личность стала господиномъ для себя: laissez faire, laissez passer.

Итакъ эти двѣ школы составляли только одну и подъ общимъ названіемъ экономистовъ обѣ стремились подъ дружественными знаменами [2]) къ двойному торжеству буржуазіи посредствомъ земледѣлія и торговли.

Но въ XVIII вѣкѣ одинъ человѣкъ резюмировалъ экономистовъ,—это Тюрго (Turgot), и одна книга резюмировала ихъ доктрины,—это

---

[1]) Maximes générales. «Пусть не препятствуютъ внѣшней торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ.»

[2]) См. Notice sur les Économistes, Дюпона изъ Немура.

трактатъ Тюрго «Объ образованіи и распредѣленіи богатствъ» (Sur la Formation et la Distribution des richesses).

Напрасно было бы искать въ этомъ трактатѣ какихъ-нибудь изъ тѣхъ новыхъ взглядовъ, изъ тѣхъ неожиданныхъ обобщеній, которыми характеризуются завоеванія сильнаго ума. Почтительный ученикъ Кенея Тюрго, если онъ самъ былъ почтенъ, какъ мы сказали, титломъ учителя, то единственно вслѣдствіе почтенія, внушеннаго его характеромъ и достоинствомъ его жизни. Но историческая важность его сочиненій именно и состоитъ въ вѣрности, съ какою онъ воспроизвелъ всѣ тенденціи, идеи, софизмы всей школы и школы, которая въ экономическомъ отношеніи породила революцію 89 г.

Трактатъ объ «Образованіи и распредѣленіи богатствъ» только повторяетъ уже разсмотрѣнныя нами положенія о раздѣленіи общества на три класса, о первенствѣ земледѣлія, о сущности и происхожденіи чистой прибыли; поэтому мы ограничимся только разсмотрѣніемъ въ книгѣ Тюрго того, принесла ли народу теорія экономистовъ хартію его освобожденія.

Послушайте, что тамъ говорится: «Простой работникъ, который имѣетъ только свои руки и свое ремесло, не имѣетъ ничего, если только ему не удастся продать другимъ свой трудъ. Онъ продаетъ его болѣе или менѣе дорого; но эта цѣна болѣе или менѣе высокая не зависитъ только отъ него одного: она зависитъ отъ соглашенія дѣлаемаго имъ съ тѣмъ, кто платитъ за его трудъ. Этотъ послѣдній платитъ сколько онъ можетъ меньше; такъ какъ онъ можетъ выбирать между множествомъ рабочихъ, то онъ предпочитаетъ тѣхъ, которые работаютъ по низшей цѣнѣ. Итакъ рабочіе принуждены понижать свою цѣну наперерывъ другъ передъ другомъ. Во всякомъ родѣ труда должно произойти и дѣйствительно происходитъ то, что рабочая плата работника ограничивается только тѣмъ, что необходимо для доставленія ему средствъ къ существованію [1].»

Вотъ явленіе описанное съ большою точностью. Такъ дѣло и происходитъ подъ властью индивидуализма; въ обществѣ, гдѣ каждый имѣетъ въ виду только себя, на этомъ состязаніи, въ которомъ побуждаемые конкуренціей несчастные пролетаріи принуждены захватывать себѣ трудъ какъ добычу, рискуя взаимно разорить себя. Но нѣтъ ли во всемъ этомъ безпорядка, несправедливости или насилія? Когда сильный стоитъ на одной сторонѣ, а слабый на другой, тогда свобода сильнаго не есть

1) Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, § 6.

ли принесеніе ему въ жертву слабаго? Глубокіе вопросы, которыхъ не задалъ себѣ Тюрго. Тюрго имѣлъ несчастіе принять принципъ, въ которомъ найдено въ наше время это подлое и жестокое правило: каждый для себя, каждый у себя, и если принципъ разъ принятъ, то что же дѣлать, когда изъ него вытекаютъ мрачныя послѣдствія? Это должно произойти. Да, безъ сомнѣнія должно произойти, чтобы рабочій получалъ только совершенно необходимое, когда за точку исхода взято индивидуальное право; но будетъ ли тоже самое при системѣ братской ассоціаціи?

Тюрго отлично доказываетъ, что трудъ невольниковъ производитъ мало, потому что невольникъ недостаточно заинтересованъ въ дѣлѣ [1]); но онъ забываетъ это соображеніе, когда дѣло идетъ о трудѣ свободнаго работника, свободнаго по праву, но невольника по бѣдности. Что существуетъ вопіющее и несправедливое неравенство въ распредѣленіи труда и вознагражденія при слѣпой диктатурѣ laissez faire, Тюрго этимъ не смущается; онъ видитъ въ этомъ только естественный результатъ хода вещей; онъ описываетъ его и, кажется, боится произнести сужденіе объ немъ.

Нѣтъ ничего столь живаго и лучше прочувствованнаго у Тюрго, какъ перечисленіе и доказательство заслугъ капитала въ промышленности [2]); но подобно всей представляемой имъ школѣ Тюрго дѣлаетъ между капиталомъ и капиталистомъ смѣшеніе совершенно произвольное и ложное для того чтобы придти къ заключенію, что необходимость перваго влечетъ за собою законное преобладаніе втораго. Но кромѣ того если капиталъ необходимъ, то развѣ трудъ менѣе необходимъ? Если капиталъ выражаетъ богатство вчерашняго дня, то не трудъ ли извлечетъ изъ него богатство завтрашняго дня? И когда вамъ говорятъ, что рабочая плата работника должна быть такова, чтобы только не дать ему умереть..., то если на это не находитъ ничего отвѣтить вашъ разумъ, то не отвѣтитъ ли на это ваше сердце? Странныя и печальныя увлеченія логикой въ неполной или ошибочной системѣ! Тюрго человѣкъ совершенно благонамѣренный приведенъ своимъ принципомъ къ теоріи роста. Можно было бы понять его, еслибы онъ провозгласилъ право заимодавца, выведши его изъ общественной пользы; но нѣтъ, это право представлялось Тюрго столь абсолютнымъ, столь независимымъ отъ всякой идеи объ общественномъ благѣ и братской обязанно-

---

[1]) Réflexions sur la formation et la distribution des richesses, § 23.

[2]) Ibid., § 61.

сти, что онъ даже не хотѣлъ принять, что мотивомъ отдачи въ ссуду капитала за проценты можетъ быть услуга оказываемая заемщику [1]. Нѣтъ; для того чтобы заимодавецъ могъ по своему произволу поднять уровень своихъ требованій, «достаточно чтобы деньги принадлежали ему.»

Сколько были благороднѣе и достойнѣе возвышеннаго генія слѣдующія прекрасныя слова Лоу: «Деньги вы имѣете право брать и пропускать черезъ свои руки только для того, чтобы удовлетворить вашимъ потребностямъ и вашимъ желаніямъ, а помимо этого пользованіе ими принадлежитъ вашимъ согражданамъ и вы не можете присвоить ихъ себѣ, не совершая общественной несправедливости и государственнаго преступленія.»

Сравните эти двѣ доктрины и рѣшайте!

Но нужно сказать все: Тюрго провозгласилъ и провозгласилъ въ великолѣпныхъ словахъ право работника! Въ будущемъ это будетъ одною изъ его заслугъ и правъ на почетъ. Прежде окончательнаго паденія системы осмѣлившейся сдѣлать изъ труда помѣщичью или королевскую привилегію, много уже значило и то, чтобы поставить трудъ въ число неотъемлемой собственности.

Но во всякомъ случаѣ не нужно и обманываться: Тюрго не доходилъ до того, чтобы признать право на трудъ. Онъ дѣйствительно хотѣлъ, чтобы бѣдные могли свободно развивать свои способности, но онъ не допускалъ, чтобы общество обязано было доставлять имъ средства для этого. Онъ стремился къ тому, чтобы уничтожить препятствія, могущія возникнуть отъ вмѣшательства авторитета, но онъ не налагалъ на государство обязанности быть попечителемъ бѣдныхъ, сла-

---

1) Вотъ его собственныя слова: «Прибыль, которую можно получить съ денегъ, есть безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ частыхъ мотивовъ заставляющихъ заемщика брать въ заемъ деньги за проценты; это одинъ изъ рессурсовъ, который дастъ ему возможность заплатить эти проценты; но не это дастъ заимодавцу право требовать процентовъ; для этого права достаточно, чтобы деньги принадлежали ему, и это право неотдѣлимо отъ собственности.»

И нѣсколько выше: «Такъ какъ деньги принадлежатъ ему, то онъ можетъ держать ихъ у себя сколько хочетъ; и потому если онъ даетъ ихъ въ ссуду, то можетъ поставить для своей ссуды такія условія, какія хочетъ.» § 74.

быхъ, невѣжественныхъ. Словомъ имъ было допускаемо право рабочаго, а не право на работу: различіе важное, глубина котораго не достигнута еще и до настоящаго времени.

Къ чему было говорить пролетарію: «ты имѣешь право трудиться», когда онъ могъ отвѣтить: «Какъ же вы хотите, чтобы я воспользовался этимъ правомъ? Я не могу засѣвать землю въ свою пользу; потому что когда я родился, то она уже вся была занята. Я не могу заняться ни охотою ни рыбною ловлею; потому что это привилегіи собственника. Я не могу собирать плодовъ, которые рука Божія возрастила на пути людей; они также присвоены въ собственность, какъ и земля. Я не могу рубить деревья, добывать желѣзо, хотя они необходимы для орудій моей дѣятельности: благодаря соглашеніямъ, къ которымъ меня не призывали, эти богатства, которыя природа создала для всѣхъ, сдѣлались частью и достояніемъ нѣкоторыхъ только людей. Итакъ я не могу трудиться иначе, какъ подчиняясь условіямъ, которыя поставятъ для меня люди владѣющіе орудіями труда. Если въ силу того, что вы называете свободою договоровъ, эти условія слишкомъ тягостны для меня, если отъ меня требуютъ, чтобы я продалъ мою душу и тѣло, если меня ничто не защищаетъ отъ бѣдствій моего положенія, или если не имѣя надобности во мнѣ раздаватели труда отвергнутъ меня,... то что же станется со мною? Останется ли у меня еще сила аплодировать паденію тираніи съ человѣческимъ лицомъ, когда я буду напрасно бороться противъ тираніи вещей? Буду ли я считать себя дѣйствительно свободнымъ, когда для меня наступитъ рабство голода? Право на трудъ покажется ли мнѣ драгоцѣннымъ даромъ, когда мнѣ придется умирать отъ безсилія и отчаянія среди моего права?»

Право, разсматриваемое съ отвлеченной точки зрѣнія, было только миражемъ способнымъ поддерживать народъ въ мукѣ надежды постоянно обманываемой. Право, какъ его опредѣляли экономисты XVIII вѣка, какъ его понималъ и провозглашалъ Тюрго, должно было только закрывать собою то, что было несправедливаго въ господствѣ индивидуализма и варварскаго въ отверженіи бѣднаго.

И однакоже такое опредѣленіе свободы приняли революціонеры 89 г.; но для измѣненія его и для составленія лучшаго должны были возстать другіе революціонеры и они заговорятъ другое: «Свобода состоитъ не въ правѣ, но въ возможности данной человѣку упражнять, развивать свои способности подъ властью справедливости и подъ охраною закона.»

Мы видѣли, какъ была ложна и опасна доктрина экономистовъ XVIII

вѣка. Однако не будемъ спѣшить осуждать ихъ. Они приняли съ слѣпою страстью принципъ индивидуализма потому, что реакція противъ противоположнаго ему принципа авторитета составляла необходимость для той эпохи. Когда палка согнута въ одномъ направленіи, то ее выпрямляютъ уже не иначе, какъ опять сгибая ее, но только въ противоположномъ направленіи: таковъ законъ революцій. Будемъ уважать этотъ законъ, страдая отъ него; будемъ справедливы къ тѣмъ, которые ошибались, и признаемъ благотворными ихъ ошибки, если онѣ содѣйствовали разрушенію еще важнѣйшихъ и гибельнѣйшихъ ошибокъ. Но наше уваженіе должно принадлежать только тѣмъ, которые, опередивши свою эпоху, имѣли славу предчувствовать зарю будущаго и мужество привѣтствовать ея приходъ. Потому что возвышать независимый и гордый голосъ въ то время, когда имѣешь противъ себя общественный ропотъ; бороться съ силою, которая оклевещетъ васъ, въ пользу толпы, которая васъ не понимаетъ или не знаетъ; быть самому для себя поощреніемъ, силой, надеждой; съ неукротимой душой и съ святою жаждой правды идти къ цѣли, не заботясь много о томъ, слѣдуютъ ли сзади другіе, и потомъ, достигши высотъ только для того, чтобы указать съ нихъ дорогу своему запоздавшему вѣку, кончить жизнь въ горькомъ уединеніи своего ума и своего сердца,—вотъ что достойно вѣчнаго уваженія и только для тѣхъ людей, которые способны были на такое усиліе, долженъ куриться ѳиміамъ исторіи.

Мы изложили доктрины Тюрго: но его дѣйствія были дѣйствіями благонамѣреннаго гражданина и самоотверженнаго администратора. Бывшій интендантомъ провинціи Лимузена въ то время когда онъ сочинялъ свою книгу, Тюрго заставилъ себя любить и благословлять. Его доходы, употребляемые благороднымъ образомъ, шли на пособіе бѣднымъ. Онъ открылъ пути сообщенія. Онъ научилъ народъ благодѣянію употребленія картофеля [1]). Онъ уничтожилъ повинности въ своемъ интендантствѣ [2]). Но вотъ что особенно замѣчательно! Тюрго могъ совершить все добро, къ которому побуждали его порывы его души, не иначе какъ держась пріемовъ часто противныхъ его сочиненіямъ. «Онъ поражалъ эгоизмъ, говоритъ одинъ изъ самыхъ горячихъ его панегири-

---

[1]) Hugare, t. V, p. 75. Règne de Louis XVI.

[2]) И Монтіонъ прибавляетъ, что онъ сдѣлалъ это неправильнымъ образомъ, употребивши на выкупъ повинностей фонды предназначенные для облегченія налоговъ въ пользу тѣхъ плательщиковъ, которые потерпѣли отъ неурожая. Particularités sur les ministres des finances, p. 181.

ковъ [1]), онъ поражалъ его сильно, и даже принудительными мѣрами.» Не значило ли это идти дальше принциповъ, на которыхъ онъ основывалъ право заимодавца? Онъ организовалъ благотворительныя мастерскія: не значило ли это принимать систему вмѣшательства государства въ дѣла промышленности? Онъ написалъ во главѣ инструкціи данной комитетамъ благотворительности эти трогательныя, удивительныя слова: помощь страдающимъ людямъ есть обязанность всѣхъ и дѣло всѣхъ: не значило ли это осуждать эту теорію конкуренціи, которая предоставляетъ участь бѣднаго на произволъ случая? Такимъ образомъ Тюрго не всегда былъ послѣдователенъ своимъ принципамъ: но не будемъ упрекать ее за это; въ этомъ его слава.

Послѣ этого можно судить объ усиліяхъ, которыя были сдѣланы въ XVIII вѣкѣ въ пользу индивидуальнаго права; но не было недостатка и въ защитникахъ соціальнаго права, хотя ихъ дѣло и не было въ согласіи съ общимъ движеніемъ умовъ.

Въ 1755 г. Морелли (Morelly) въ книгѣ подъ заглавіемъ «Кодексъ природы» (Code de la nature) положилъ основы новой соціальной системы. Необходимо привести здѣсь ея существенные пункты:

«Поддерживать нераздѣльное единство фондовъ и общаго жилища;

«Ввести въ употребленіе общее пользованіе орудіями труда и производствъ;

«Сдѣлать воспитаніе одинаково доступнымъ для всѣхъ;

«Распредѣлять работы по силамъ, а продукты по потребностямъ;

«Сохранять вокругъ города количество земли достаточной для содержанія семействъ живущихъ въ немъ;

«Собрать вмѣстѣ по крайней мѣрѣ 1000 человѣкъ для того, чтобы, давши имъ трудъ по ихъ силамъ и по способностямъ и содержаніе по ихъ потребностямъ и вкусамъ, можно было установить на достаточномъ числѣ личностей среднюю цифру потребленія, не превосходящую общихъ рессурсовъ, и среднюю величину труда, которая бы сдѣлала ихъ достаточно изобильными;

«Не давать таланту никакой другой привилегіи кромѣ того, чтобы управлять работами въ общемъ интересѣ, и при распредѣленіи продуктовъ не соображаться вовсе съ способностями, но только съ потреб-

---

1) Эженъ Деръ, Notice historique sur Turgot, p. XLIV, изд. Гильомена.

ностями, которыя предупреждаютъ своимъ возникновенiемъ всякую способность и переживаютъ ее;

«Не допускать денежныхъ вознагражденiй: 1) потому что капиталъ есть орудiе труда, которое должно оставаться въ полномъ распоряженiи администрацiи; 2) потому что всякое вознагражденiе деньгами или безполезно или вредно: безполезно въ томъ случаѣ, когда трудъ свободно избираемый сдѣлалъ бы разнообразiе и изобилiе продуктовъ большими, чѣмъ наши потребности, а вредно въ томъ случаѣ, когда призванiе и вкусъ не заставляли бы исполнить всѣхъ полезныхъ функцiй; въ этихъ случаяхъ это значило бы давать личностямъ средство не платить долга труда и уклоняться отъ общественныхъ обязанностей, не отказываясь въ тоже время отъ обезпечиваемыхъ обществомъ правъ [1].»

Утопiя, закричатъ при этомъ! мечта мыслителя, который навѣрное размышлялъ въ уединенiи! И въ самомъ дѣлѣ Морелли кажется мало вмѣшивался своею жизнью въ исторiи своего времени, или вслѣдствiе опасенiя преслѣдованiй или вслѣдствiе философскаго отвращенiя. Но замѣчательно то, что эта утопiя также принималась человѣкомъ, который занимаясь общественными дѣлами обнаружилъ въ нихъ рѣдкое искусство. Мабли (Mably) бывшiй секретаремъ у кардинала Тансена, когда этотъ былъ министромъ, много лѣтъ занимался работой, плодами которой пользовался другой; онъ изучалъ депеши всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, велъ важные переговоры и трудолюбивымъ опытомъ прiобрѣлъ практику власти, для которой онъ казалось былъ рожденъ. Какимъ же образомъ, занимавшись столь долгое время управленiемъ людьми и дѣлами, онъ обратился къ культу соцiальнаго порядка столь отличнаго отъ того, въ которомъ ему столь рукоплескали, въ которомъ онъ блисталъ и трудность потрясенiя основанiй котораго онъ зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой? Мабли былъ одаренъ умомъ настолько сильнымъ, что могъ стряхнуть съ себя иго идей слѣпо принятыхъ и ласкаемыхъ съ дѣтства; Мабли имѣлъ благородное сердце: вотъ объясненiе. Такимъ образомъ, припоминая разныя обстоятельства его жизни, мы видимъ его гордымъ съ достоинствомъ, грубымъ по честности, презирающимъ пустыя отличiя, недовѣряющимъ яду богатства, то отвѣчаю-

[1] Мы заимствовали этотъ краткiй и существенный анализъ системы Морелли у его остроумнаго и ученаго издателя Виллегарделля. См. Code de la nature, p. 14. Изд. 1841.

щимъ на заискиванія одного важнаго лица: «я увижу его, когда онъ не будетъ занимать своего мѣста», то отказывающимся принять кресло въ академіи, чтобы не произносить лживой похвальной рѣчи, достигшимъ наконецъ безъ богатства но и безъ упрековъ до преклонныхъ лѣтъ и даже тогда дѣлающимъ экономію на доходѣ въ 3 тысячи ливровъ, чтобы помогать бѣднымъ и увеличить маленькое наслѣдство, которое его признательность назначала старому слугѣ.

Итакъ Мабли, согласно съ умомъ Морелли и чувствомъ Жанъ-Жака, думалъ, что люди неравны по способностямъ и по потребностямъ, но равны по правамъ; онъ думалъ, что такъ какъ каждый изъ нихъ получилъ отъ Бога законъ быть полезнымъ и жить, то всѣ они имѣютъ равное право развивать свои способности и пользоваться условіями существованія. Справедливость, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы требовать болѣе отъ того, кто можетъ больше, и давать больше тому, кому природа навязала больше потребностей. Если моя сила вдвое больше, то я долженъ нести и тяжесть вдвое больше. Если я удерживаю для себя какъ излишекъ то, что необходимо моему сосѣду чтобы пользоваться ему правомъ жить, то я не только вмѣсто идеи общества ставлю идею войны, но и противодѣйствую исполненію божественнаго закона и становлюсь безчестнымъ [1]).

Какъ примѣненіе своихъ принциповъ и согласно съ системою Морелли, своего предшественника, Мабли предлагалъ обществу въ образецъ семейство, гдѣ распредѣленіе обязанностей дѣлается смотря по силамъ, а распредѣленіе продуктовъ смотря по потребностямъ членовъ, семейство, гдѣ существуетъ безкорыстное управленіе со стороны отца, добровольное повиновеніе со стороны дѣтей, увеличеніе заботливости и расходовъ въ пользу слабыхъ и больныхъ.

Что касается самого семейства, то само собою разумѣется, что въ этой системѣ оно религіозно удерживается. Бракъ, по кодексу Морелли, есть ни дѣло соціальнаго приличія ни денежный торгъ: это святой и неразрушимый союзъ двухъ душъ имѣющихъ взаимное влеченіе. Но во всякомъ случаѣ разводъ былъ дозволенъ, только послѣ 10 лѣтъ брака и при соблюденіи извѣстныхъ формальностей совершенно подобныхъ тѣмъ, которыя впослѣдствіи были предписаны въ гражданскомъ кодексѣ [2]). Дѣти получаютъ общее воспитаніе только въ томъ возрастѣ,

---

1) См. всю главу II въ Traité de la législation ou principes des lois. Въ полномъ собраніи сочиненій Мабли, т. IX. 1792.

2) Морелли, Code de la nature, p. 167 et suiv.

когда уже необходимо учить обязанностямъ общества. До тѣхъ же поръ пусть они ростутъ подъ крыломъ родителей: можетъ ли что нибудь сравниться съ тѣмъ, что знаетъ, угадываетъ и чему можетъ научить любовь матери? «Матери сами будутъ кормить своихъ дѣтей» [1]), говоритъ Морелли и принимаетъ только одну причину для освобожденія отъ этой обязанности: абсолютную и доказанную невозможность исполнять ее.

Кромѣ того Морелли и Мабли были убѣждены, что ихъ система братскаго согласія, не дѣлая іерархіи невозможною, была напротивъ единственнымъ средствомъ основать ее на твердыхъ непоколебимыхъ основахъ [2]). Какой интересъ будетъ для посредственности добиваться первыхъ должностей, когда управленіе перестанетъ быть источникомъ привилегій и, не принося большихъ выгодъ, будетъ сопряжено съ большими обязанностями? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый будетъ искать себѣ мѣсто по своему особенному призванію и по своимъ способностямъ въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ занятія будутъ считаться одинаково почетными и будутъ взвѣшиваться на одинаковыхъ вѣсахъ.

Нечего бояться, что лѣность поселится среди общества, которое будетъ лишено возбужденій эгоизма. Морелли и Мабли рѣшительно отрицали, чтобы лѣность была естественнымъ порокомъ человѣка. Лѣность, говорилъ Морелли, происходитъ единственно отъ «отличій, которыя, поставивши однихъ въ праздность и изнѣженность, другимъ внушили нелюбовь и отвращеніе къ принудительнымъ обязанностямъ... До такой степени справедливо, что человѣкъ есть созданіе предназначенное для того, чтобы дѣйствовать и дѣйствовать полезно, что даже тотъ родъ людей, которыхъ называютъ богатыми и знатными, ищетъ шума утомительныхъ удовольствій, чтобы освободиться отъ несносной праздности [3]).» Почему не сдѣлаютъ изъ труда удовольствіе, уничтоживши въ немъ ненавистный характеръ, который придаютъ ему излишество, невозможность выбора и принужденіе? Боятся лѣности! Но пусть ей дадутъ названіе, которое она дѣйствительно заслуживаетъ въ свободной ассоціаціи: пусть назовутъ лѣниваго воромъ. Ужели честолюбіе столь дѣйствительное на полѣ сраженія невозможно ввести въ

1 Ibid., p. 169.

2) De la législation ou principes des lois, полное собр. соч. Мабли, t. IX, chap. II.

3) Code de la nature, p. 79.

мастерской? Довели же людей до того, что въ жертву честолюбію они приносятъ самое дорогое изъ благъ: ужели нельзя довести ихъ до того, чтобы они для чести пожертвовали нѣсколькими часами пошлаго покоя? Ужели лѣность не будетъ изгнана изъ общества въ то время, когда отступленіе передъ трудомъ сдѣлается столь же позорнымъ какъ отступленіе передъ непріятелемъ? Мнѣніямъ Мерсье де Ла Ривьера, Тюрго, всей школы экономистовъ, которые приманку прибыли ставили единственнымъ возбудителемъ человѣческой дѣятельности, Мабли противопоставлялъ воспоминаніе о заведеніи основанномъ въ Парагваѣ іезуитами [1]). Онъ могъ бы привести еще примѣръ Моравскихъ братьевъ, число которыхъ дошло подъ управленіемъ Гуттера до 70 тысячъ и которые по свидѣтельству историковъ нерасположенныхъ къ анабаптистамъ, составляли самое дѣятельное, самое плодотворное общество тружениковъ когда-либо существовавшее на землѣ [2]).

Въ то время какъ затерянные въ толпѣ бросившейся къ индивидуализму нѣкоторые мужественные и убѣжденные люди возобновляли такимъ образомъ негибнущее преданіе сохранявшееся въ теченіи вѣковъ платоновскою философіею, христіанствомъ, альбигойцами, вальденсами, гусситами, анабаптистами,—доктрина становившаяся господствующею встрѣтила себѣ самыхъ искусныхъ и горячихъ противниковъ въ защитникахъ чистаго деспотизма. Школа экономистовъ, на которую Морелли и Мабли нападали во имя братства, подверглась нападеніямъ Ленге опровергавшаго ее во имя системы, послѣднимъ словомъ которой было восточное рабство. Ничего не можетъ быть отвратительнѣе политическаго идеала Ленге; но ничего не могло быть искуснѣе той войны, которую онъ велъ противъ экономистовъ. Можно судить объ этомъ напр. по слѣдующему отрывку: «Невольника кормятъ даже тогда, когда онъ не работаетъ. Но что дѣлается съ работникомъ, часто дурно оплачиваемымъ и въ то время когда онъ работаетъ, въ тѣ времена, когда у него нѣтъ работы? Кто заботится объ его участи? Кому бываетъ убытокъ отъ того, если онъ погибаетъ отъ изнуренія и бѣдности? Кто поэтому заинтересованъ въ томъ, чтобы помѣшать ему погибнуть?.... Невольникъ имѣлъ цѣнность для своего господина вслѣдствіе того, что стоилъ ему денегъ. Но свободный рабочій не стоитъ

---

1) Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés. Полн. собран. сочиненій Мабли, t. II, lettre I.

2) См. Histoire des Anabaptistes, Катру, liv. IV, p. 130. Paris, 1706.

ничего роскошному богачу, который даетъ ему занятіе. Во времена рабства человѣческая кровь имѣла нѣкоторую цѣну; люди стоили по крайней мѣрѣ той цѣны, за какую продавали ихъ на рынкѣ. Съ тѣхъ поръ какъ ихъ перестали продавать, они реально не имѣютъ никакой внутренней цѣнности. Въ арміи меньше цѣнятъ солдата чѣмъ лошадь, потому что лошадь стоитъ дорого, а солдатъ не стоитъ ничего. Вслѣдствіе уничтоженія невольничества этотъ разсчетъ изъ войны перешолъ въ обыкновенную жизнь, и съ тѣхъ поръ нѣтъ буржуа, который бы не разсчитывалъ въ этомъ отношеніи такъ, какъ герои полководцы [1].»

Но теперь еще не пришло время братства, а время деспотизма уже прошло. Напрасно идеямъ соціалистовъ въ XVIII вѣкѣ служили Жанъ-Жакъ Руссо въ своемъ Contrat Social, самъ Гельвецій въ нѣкоторыхъ страницахъ своего Traité de l'homme и Дидро въ нѣкоторыхъ изъ своихъ счастливыхъ вдохновеній. Индивидуализмъ непреодолимо завладѣвалъ обществомъ. Мабли самъ чувствовалъ, и многія страницы его сочиненій [2]) доказываютъ, что онъ не предавался иллюзіямъ на счетъ силы идей, которыя онъ поражалъ.

Да и какъ въ самомъ дѣлѣ можно было ошибиться? Знаменитые философы, любимые литераторы, важные судебные чиновники, большая часть сотрудниковъ Encyclopédie, министры, прелаты были первыми экономистами. Въ числѣ ихъ кромѣ Тюрго отличались Мерсье-де-Ла-Ривьеръ, Дюпонъ изъ Немура, Летронъ, кардиналъ Буажеленъ, Малербъ, Сисе, бордосскій архіепископъ, оба Трюдены, бывшій министръ Энво, знаменитый химикъ Лавуазье, аббатъ Рейналь, Сенъ-Перави и неутомимые застрѣльщики этой новой арміи, горячій журналистъ Бодо, аббатъ Морелле, и наконецъ аббатъ Рубо, тотъ самый, которому Вольтеръ писалъ: «я имѣю къ вамъ почтеніе столь же безграничное, какъ должна быть безгранична по вашему мнѣнію свобода торговли [3]).» Потому что Вольтеръ нуждавшійся въ поддержкѣ скоро сталъ остроумною лестью просить прощенія за нападенія заключавшіяся въ его разсказѣ Homme aux quarante écus. Такъ что доктрина экономистовъ, теперь лучше понятая, не заключала въ себѣ ничего, чѣмъ бы могъ тревожиться сень-

1) Ленге, Théorie des lois civiles, liv. V, chap. 30.
2) См. особенно chap. IV. Legislation, liv. I.
3) Correspondance de Voltaire, t. XXII, lettre CCXLII.

оръ Фернея, онъ, который говорилъ вслѣдъ за Тюрю: «большинство должно жить своимъ трудомъ [1]).»

Не забудемъ также, что школа экономистовъ была поддерживаема или направляема дворянами, большими сеньорами, даже государями. Маркизъ Кондорсе, кавалеръ Жокуръ, Тюрго, происходившій отъ одной изъ самыхъ древнѣйшихъ фамилій Нормандіи, маркизъ Мирабо, вотъ кто были люди, содѣйствовавшіе окончательному паденію французскаго феодализма при аплодисментахъ канцлера Литвы, великаго герцога баденскаго, милорда Лансдауна, эрцгерцога Леопольда и императора Іосифа II [2]).

Какъ обыкновенно бываетъ въ возникающихъ школахъ, которыя стараются гордостью вознаградить себя за непріобрѣтенное еще наслѣдство, экономисты называли наукой то, что было только очень спорной доктриной; они только по имени величали учителемъ медика мадамъ Помпадуръ; и апостолы laissez-faire сами же давали своей полемикѣ тонъ заносчивой нетерпимости. Кромѣ того съ самаго же начала они обнаружили полезную дѣятельность состоявшую въ искорененіи предразсудковъ державшихъ въ оковахъ трудъ, въ разоблаченіи откупщиковъ, въ защитѣ городскаго населенія исключеннаго изъ цеховъ и сельскаго населенія, которое угнетали налоги и которое палками гнали безъ хлѣба, безъ платы на отбываніе дорожной повинности на большихъ дорогахъ. Книги, брошюры, памфлеты, періодическіе листки,—все было употреблено этою сектою на то, чтобы окончательно привлечь на свою сторону эту верховную и уже начинавшую сердиться силу: общественное мнѣніе. Въ одинъ годъ (1765) явились Journal d'agriculture, имѣвшій редакторами Дюпона изъ Немура и аббата Рубо и Ephémérides du citoyen, которые едва только были основаны противъ экономистовъ, какъ сейчасъ же стали служить имъ вслѣдствіе внезапнаго обращенія бывшаго ихъ противника аббата Бодо, редактора этого изданія [3]). Страстно стремившаяся къ распространенію доктрина принимала всевозможныя формы. Сенъ-Ламберъ переложилъ ее на языкъ поэзіи въ своихъ Saisons; она проскользнула на театрѣ французской комедіи въ драмѣ [4]) Albert I; даже

---

1) Вольтеръ, Siécle de Louis XIV.

2) Замѣтка Дюпона изъ Немура, служащая введеніемъ къ Eloge de Gournay, сочиненія Тюрго, т. II коллекціи Гильомена.

3) Notice sur l'abbé Baudeau, Эженя Дера. Коллекціи Гильомена.

4) Игранной 4 февраля 1775 на сценѣ французской комедіи.

персонажи комическихъ оперъ Фавара [1]) должны были популяризовать правила Tableau économique.

Писатель сохранившійся въ потомствѣ подъ именемъ друга людей (Ami des hommes), которое было заглавіемъ его перваго сочиненія, маркизъ Мирабо (Mirabeau), отецъ знаменитаго оратора, уже обильно распространилъ въ цѣломъ рядѣ книгъ идеи Кенея и свои собственныя скоро подчинившіяся дисциплинѣ учителя. Старшій сынъ доктрины, какъ онъ самъ называлъ себя [2]), онъ былъ самымъ ревностнымъ ея распространителемъ; ему принадлежала честь предсѣдательствовать въ собраніяхъ экономистовъ. Онъ принималъ ихъ по средамъ за своимъ столомъ и его характеръ вполнѣ соотвѣтствовалъ его роли. Страстно любившій земледѣліе, защитникъ крестьянина, онъ самъ былъ деревенскимъ дворяниномъ, своего рода дворяниномъ съ Дуная, умилительно говорившимъ о бѣдномъ народѣ, хотя былъ полонъ гордостью своей расы. «Уже пять сотъ лѣтъ терпѣли Мирабо, которые не были созданы какъ другіе», говорилъ онъ, и для того конечно чтобы отличить какъ себя, такъ и своихъ предковъ, онъ старался казаться простымъ среди шитыхъ мундировъ. Онъ металъ молніи противъ завоеваній чернильницы, хотя самъ гордился тѣмъ, что сочинилъ 50 томовъ [3]). Парадоксальный и остроумный юмористъ, онъ вмѣсто того чтобы писать обыкновеннымъ языкомъ надувалъ свой стиль гиперболами и неологизмами. Онъ сваливалъ въ кучу идеи и фразы съ такою странностью, что сдѣлалъ бы смѣшною науку экономистовъ, еслибы съ другой стороны его сочиненія не были живыми, полными иногда истинной оригинальности, усѣянными счасливыми бутадами и яркостями. Даже его недостатки приносили пользу его доктринѣ и давали ей ходъ, столько было рельефности въ его спутанныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ перебирая все но ничего не освѣщая, онъ поддерживалъ то малыхъ противъ знатныхъ, то знатныхъ противъ смутниковъ, поражалъ своимъ презрѣніемъ придворныхъ, которые просили милостыни одѣтые въ нарядахъ и превозносилъ только прежнее дворянство, которое онъ изображалъ слишкомъ много пьющимъ, мало спящимъ, играющимъ въ мячъ

[1]) Des Moissonneurs, дававшіеся въ театрѣ итальянской комедіи.

[2]) Eloge de Quesnay, Мирабо, Ephémérides du citoyen, 1775.

[3]) См. его письмо къ библіотекарю Милана, въ Mémoires, Лукасъ Монтиньи.

или занимающимся своимъ оружіемъ, съ ранняго утра отправляющимся на охоту и ведущимъ жизнь суровую, деревенскую, порядочную [1]).

Маркизъ Мирабо былъ бы почти геніальнымъ человѣкомъ, если бы въ его головѣ былъ порядокъ; но во второмъ поколѣніи этотъ хаосъ разсѣялся и изъ него вышелъ величайшій ораторъ новыхъ временъ.

Амфитріонъ экономистовъ, маркизъ Мирабо, былъ настоящею душою ихъ. Всѣ ихъ идеи еще прежде ихъ онъ уже возбуждалъ въ своихъ книгахъ. Въ то время, когда Кеней писалъ для «Энциклопедіи» свои знаменитыя статьи Grains и Fermiers, Мирабо уже напечаталъ свой трактатъ о народонаселеніи: Ami des hommes [2]); и тамъ уже высказалъ много принциповъ дорогихъ для экономистовъ. Онъ превозносилъ абсолютную свободу торговли хлѣбомъ какъ единственное средство предупреждать голодъ и резюмировалъ свое мнѣніе такимъ образомъ; «чтобы поддержать обиліе въ королевствѣ — что нужно для этого? ничего [3]).»

Въ своей «Теоріи налога» (Théorie de l'impôt), смѣлость которой сильно не нравилась Вольтеру онъ съ безпримѣрною горечью разоблачалъ откупщиковъ, ихъ обманы, мошенничества, тиранію, обвинялъ ихъ въ томъ, что они отяготили города, обобрали деревни и до такой степени истощили землю отъ природы плодоносную, что на ней остались только, такъ сказать, искатели сокровищъ послѣ опустошенія Перу [4]). Повторяя афоризмъ напечатанний рукою самого Людовика XV: непрямые налоги — бѣдные крестьяне; бѣдные крестьяне — бѣдное королевство, онъ сдѣлалъ его болѣе выразительнымъ, сказавши: «прямой налогъ на землю есть самый полезный для земли, такъ какъ она несетъ, ни болѣе ни менѣе, всѣ другіе; но большая разница нести прямо или со стороны [5]).»

Чѣмъ особенно занимался здравый смыслъ маркиза и что дало опору его безпорядочной желчи и его ѣдкой гипорбелѣ, — это былъ вопросъ о дорожной повинности. Деревенскій житель, онъ зналъ лучше чѣмъ кто-нибудь, до какой степени раззорительна эта повинность и для крестьянина отвлекаемаго на три лье отъ своего жилища, осуждаемаго на ра-

---

[1]) Ami des hommes, t. I, p. 141.

[2]) Собственно сочиненіе состоитъ только изъ трехъ томовъ. Оно было издано въ 1756. Впослѣдствіи подъ общее заглавіе Ami des hommes подводили и другія сочиненія Мирабо, не имѣвшія связи съ первымъ.

[3]) Ami des hommes, t. III, Commerce étranger, p. 40.

[4]) Théorie de l'impôt. Entretien V.

[5]) Introduction au Mémoire sur les états provinciaux, p. 72.

боты, которые не давали ни платы ни корму, и для фермера, которому больно было видѣть своихъ лошадей безъ крова вслѣдствіе дурной погоды, и для государства, которое въ обмѣнъ на дороги, которыя были дурно построены и которыя колонія кротовъ могла разрушить въ одинъ годъ [1]), отнимало у земледѣлія безцѣнные дни.

Такимъ образомъ теорія Кенея, прежде чѣмъ Дюпонъ изъ Немура, Мерсье-де-Ла-Ривьеръ, аббатъ Бодо выставили ее на видъ, уже нашла въ маркизѣ Мирабо защитника горячаго, рѣзкаго, безъ ясности, безъ метода, но не безъ рельефности: и онъ открылъ серію работъ, которыя увѣнчала впослѣдствіи съ такимъ блескомъ, исправивши и дополнивши ихъ, книга знаменитаго англичанина Адама Смита.

Таково было движеніе умовъ, когда вдругъ для соперничествовавшихъ доктринъ открылось поле сраженія.

«Въ концѣ 1750 года, говоритъ Вольтеръ [2]), нація, пресытившись стихами, трагедіями, комедіями, операми, романами, романическими исторіями, моральными разсужденіями еще болѣе романтическими, и богословскими диспутами о благодати и конвульсіяхъ, принялась наконецъ разсуждать о хлѣбѣ. Забыли даже виноградники, чтобы говорить только о пшеницѣ и о ржи. Написаны были прекрасныя вещи о земледѣліи: всѣ ихъ читали, исключая хлѣбопашцевъ. Можно было предположить, выходя изъ театра комической оперы, что Франціи предстояло страшно продавать хлѣбъ. Наконецъ вслѣдствіе требованій націи правительство въ 1764 г. дало свободу вывоза.» Тотчасъ же стали вывозить; но наступилъ неурожайный годъ, поднялись жалобы, народъ заволновался, правительство смутилось и вопросъ о свободѣ торговли хлѣбомъ волновалъ умы отъ одного конца Франціи до другаго. Этотъ вопросъ былъ важенъ самъ по себѣ, потому что въ немъ заключалось продовольствіе народа; но интересъ спора усиливался отъ того, и ему придавало настоящій характеръ величія то, что здѣсь сражались двѣ школы взаимно оспаривавшія власть надъ обществомъ.

Въ это время въ толпѣ экономистовъ былъ, хотя и не раздѣлялъ ихъ принциповъ, неаполитанецъ рѣдкаго таланта и полный мыслями, умный человѣкъ, скрывавшій въ себѣ государственнаго человѣка, голову Макіавелли на тѣлѣ шута [3]). Это былъ аббатъ, но аббатъ XVIII вѣка,

1) Ami des hommes, t. I, p. 120.
2) Dictionnaire philosophique, стат. Blé.
3) Mémoires de Marmontel, t. II, p. 121.

т. е. духовный философъ, ловкій на словахъ, съ циническими ухватками, умѣвшій обращаться съ книгами, даже съ бревіаріемъ, углублявшійся во все и умѣвшій внести въ каждый вопросъ свѣтъ ума оригинальнаго и сильнаго. Онъ не пропускалъ ни середъ мадамъ Жоффренъ, ни четверговъ барона Гольбаха, ни легкихъ ужиновъ, за которыми его оригинальность блистала искрами или геніальными выходками. Принятый съ нѣкоторымъ опасеніемъ въ кругъ экономистовъ, онъ то приставалъ къ нимъ съ неожиданными возраженіями и показывалъ имъ какую-нибудь тонкую истину сквозь скандалъ своихъ парадоксовъ; то взобравшись на столъ въ видѣ фигляра [1]) и держа въ рукѣ свой парикъ служившій какъ бы основаніемъ его шутокъ, старался разсмѣшить своихъ слушателей. Но наступалъ моментъ, когда смѣхъ вдругъ прекращался. Всѣ удивлялись и чувствовали смущеніе. Потому что шутъ исчезъ и оставался только Макіавелли; и часто тѣ, которые приходили чтобы только посмѣяться отъ пріятнаго шутника, уходили оцарапанные когтями орла.

Вотъ какой человѣкъ явился противникомъ экономистовъ въ вопросѣ о хлѣбѣ. Они взяли точкой отправленія право индивидуальное: Галіани (Galiani) же выходилъ изъ права соціальнаго. Для того чтобы обезпечить собственнику большія выгоды, открывши для него обширный рынокъ, они превозносили невмѣшательство государства въ дѣло о хлѣбѣ: Галіани же доводилъ ихъ до истинныхъ принциповъ, представляя имъ государственныя соображенія въ связи съ самыми дорогими интересами народа.

Галіани произвелъ между ними невыразимое волненіе, когда въ своихъ «Разговорахъ о торговлѣ хлѣбомъ» (Dialogues sur le commerce des blés) [2]), книгѣ парадоксальной, но удивительной по ясности и силѣ, по живости и глубинѣ, онъ восклицалъ: «Ужели кто-нибудь знаетъ, что во Франціи долженъ быть излишекъ хлѣба? Можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что предложивши хлѣбъ врагу, не лишатъ его своего брата? и какъ можно знать объ этомъ, особенно еще когда Франція изрѣзана внутренними таможнями и обильныя провинціи никогда еще не могли свободно помогать провинціямъ голодавшимъ? Прежде чѣмъ дозволить вывозъ, не было ли бы благоразумно позаботиться о свободной циркуляціи хлѣба внутри государства? Какой мудрый экономистъ можетъ тре-

---

[1]) Mémoires de Morellet, t. I, p. 131.

[2]) Эти Dialogues вращаются около эдикта 1764.

бовать, чтобы дозволили взять излишекъ изъ сосуда, не узнавши напередъ, наполненъ ли онъ [1])?»

Теорія индивидуальнаго права, которое по своей сущности абсолютно, привела экономистовъ къ тому, что они не принимали въ соображеніе при рѣшеніи проблемы различія въ климатѣ, разности въ мѣстностяхъ или обстоятельствахъ: Галіани въ своей книгѣ водитъ своего собесѣдника по всей Европѣ; онъ былъ съ нимъ въ Женевѣ, въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Испаніи, въ Англіи, въ Голландіи, и показывая ему въ одномъ мѣстѣ республики безъ земли, а въ другомъ земледѣльческіе народы безъ морской торговли, училъ его принимать въ соображеніе мѣсто, время, обстоятельства, географію вопроса. «Я согласенъ, говоритъ онъ экономистамъ иронически, что земледѣліе есть вездѣ единственный источникъ богатствъ, даже въ Женевѣ, у которой только и есть пахотной земли, что мостовыя ея улицъ! Вы удивляетесь процвѣтанію Голландіи, гдѣ торговля хлѣбомъ пользуется совершенной свободой; но вы, безразсудные подражатели, не принимаете въ разсчетъ того, что въ безплодной странѣ хлѣбъ вмѣсто того, чтобы быть доходомъ націи есть ея первый расходъ! Снарядивши свои корабли, которые пойдутъ за хлѣбомъ даже на край свѣта, если нужно,—могутъ ли голландцы бояться голода? Ихъ морская торговля открываетъ имъ всемірный рынокъ. Такимъ образомъ говоря о Голландіи, вы приняли расходъ за приходъ и приходъ за расходъ, — недоразумѣніе, конечно, не большое [2])!»

Но, могла возразить сторона экономистовъ, только народъ состоящій изъ невольниковъ можетъ предоставлять своимъ вождямъ заботу о своемъ пропитаніи. Если монахъ всегда въ назначенный часъ находитъ открытыми двери трапезной комнаты, то это потому, что онъ подчиненъ строгой дисциплинѣ. Если солдату не нужно безпокоиться изъ-за своего содержанія, то это потому, что его роль состоитъ въ повиновеніи. «Я буду кормить тебя, а ты будешь служить мнѣ», вотъ договоръ рабства. Съ того времени какъ народъ принимаетъ на себя заботу о своемъ пропитаніи, онъ признается совершеннолѣтнимъ, онъ становится свободнымъ. Эта сторона вопроса не укрылась отъ проницательнаго взгляда неаполитанскаго публициста. Онъ признавалъ, что забота объ изобиліи и дешевой цѣнѣ хлѣба была главною заботой власти во всѣхъ странахъ рабства, въ Каирѣ, въ королевствѣ Мароко,

1) Dialogues sur le commerce des blés, p. 135—138.
2) Ibid., p. 63 et suiv.

въ Константинополѣ; онъ признавалъ, что политика великаго визиря резюмировалась слѣдующими словами: нужно доставить провизію Стамбулу; и ему не было безъизвѣстно, чѣмъ сдѣлался Римъ въ то время, когда императоры говорили: «дадимъ толпѣ хлѣбъ и зрѣлища». По Галіани не думалъ, чтобы нужно было воспретить попечителямъ народа ту предусмотрительность, которую принимаютъ на себя деспоты въ своемъ интересѣ. А Франція находилась ли въ такомъ положеніи, чтобы можно было безопасно предоставить жизнь большинства на произволъ капризовъ эгоизма, поощряемаго независимостью? Ужели можно считать находящимся въ состояніи совершеннаго здоровья тотъ народъ, который еще находится подъ двойнымъ игомъ бѣдности и невѣжества? Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ имѣть снисхожденіе къ выздоравливанью народа и сдѣлать для него постепеннымъ переходъ отъ заключенія къ свободному воздуху. Nil repente, говоритъ Галіани; и въ знаменитомъ эдиктѣ 1764 г. онъ видѣлъ и порицалъ слишкомъ поспѣшную, слишкомъ рискованную уступку духу индивидуализма.

Но вообще нападки Галіани относились только къ преждевременному примѣненію принципа, а не къ самому принципу. Предугадывая на горизонтѣ французскую революцію, онъ предоставлялъ дѣло будущности; и въ своемъ предвѣдѣніи онъ шолъ гораздо дальше либерализма 89 г., когда писалъ: «я ожидаю полнаго кодекса вмѣсто одного только закона. Старая политика, администрація нашихъ отцовъ, полиція, старшая дочь политики, вполнѣ вращались на взаимномъ недовѣріи между народомъ и государемъ. Чтобы на его мѣсто стало довѣріе, нужно измѣнить всю машину. Novus rerum mihi nascitur ordo: новый порядокъ вещей является передъ мною.»

Мы уже сказали, что секта экономистовъ образовалась отъ соединенія двухъ школъ, изъ которыхъ одна, подъ спеціальнымъ названіемъ физіократіи, склонялась къ земледѣлію, а другая къ торговлѣ. Хотя буржуазія въ XVIII вѣкѣ чувствовала уже, что она скоро будетъ въ состояніи основать свою власть на владѣніи частью земли, однакоже настоящимъ рычагомъ возвышавшагося класса было еще движимое богатство; и физіократы вѣроятно не могли бы удержаться, еслибы они не могли слиться съ учениками Гурнея. Буржуазная Франція была по сущности своей мануфактурною; и поэтому она должна была радоваться тѣмъ ударамъ, которые Галіани въ своей книгѣ наносилъ обществамъ чисто земледѣльческимъ: потому что вопросъ о хлѣбѣ былъ для Галіани только случаемъ высказать самые обширные взгляды и возвыситься до удивительнаго изслѣдованія общихъ законовъ политики. Га-

ліани въ своихъ Dialogues начертилъ неожиданную и поразительную картину земледѣльческихъ націй. Здѣсь онъ умѣлъ придать своимъ взглядамъ несравненный блескъ. Онъ скрываетъ сначала свои новыя идеи какъ будто потайной фонарь подъ полою своей одежды, а потомъ неожиданно открывая ихъ и ставя передъ глазами читателя, ослѣпляетъ его. Кто не знаетъ исторіи игрока, его характера благороднаго, его смертельныхъ опасеній, его долговъ и его безразсудствъ, его роскоши смѣшанной съ бѣдностью, его суевѣрій, его почти неизбѣжнаго разоренія? И вотъ эта исторія, по мнѣнію Галіани, есть исторія народа исключительно земледѣльческаго [1]). Посмотрите на земледѣльца: онъ бросаетъ на столъ, т. е. въ землю свертки золота, точно такъ какъ дѣлаетъ игрокъ въ банкъ. Неизвѣстность есть Богъ, котораго всегда призываетъ земледѣльческій народъ. Колеблющійся между страхомъ и надеждою земледѣльческій народъ постоянно можетъ видѣть, какъ судьба разстраиваетъ его разсчеты; онъ вѣритъ заклинаніямъ: онъ суевѣренъ. Съ другой стороны мужественный, закаленный въ трудѣ и естественно гордый онъ не боится битвъ: онъ воинственнъ; но война есть роскошь націй: войною онѣ разоряются, когда у нихъ нѣтъ достаточно мануфактуръ, чтобы покрыть увеличеніе расходовъ вызванное войною. Продаютъ по дешевой цѣнѣ, дѣлаютъ долги за большіе проценты: это эпоха задолжавшаго игрока. У народа земледѣльческаго сильные охотно угнетаютъ слабыхъ и приходитъ время, когда большинство съ отчаянія призываетъ на помощь себѣ деспотизмъ одного; игрокъ въ тюрьмѣ: это монархія.

Такимъ образомъ съ колосомъ хлѣба, который онъ поднялъ на своемъ пути, Галіани написалъ исторію Франціи. И дѣйствительно война, суевѣріе, феодализмъ, деспотизмъ, развѣ не такова была исторія французской націи, пока она оставалась земледѣльческою, т. е. до возникновенія мануфактуръ по сигналу Кольбера?

Въ XVIII вѣкѣ книги были событіями: сочиненіе Галіани произвело громадное и всеобщее впечатлѣніе. Женщины читали его и носили въ своихъ рабочихъ мѣшкахъ. Вольтеръ былъ восхищенъ имъ [2]). Тюрго, обозрѣвая экономистовъ, не находилъ между ними писателя способнаго вести борьбу съ такимъ опаснымъ бойцомъ [3]). Узнавши, что аббатъ

---

[1]) Dialogues sur le commerce des blés, 104—115.

[2]) Correspondance de Voltaire, lettre CCCLXXI, къ графу д'Аржансону.

[3]) Письмо Тюрго къ дѣвицѣ Леспинассъ, отъ 26 января 1770.

Морелле имѣетъ намѣреніе опровергать Галіани, Тюрго съ похвальною откровенностью взялся отговорить его отъ этого предпріятія [1]). Но хотя совѣты Тюрго вообще были приказаніями для его друзей, однако Морелле имѣлъ неблагоразуміе вступить въ борьбу. Опроверженіе Галіани не выходило изъ границъ абсолютнаго, постояннаго права личности надъ своею вещью. Духъ книги и школы внушившей ее весь выражается въ слѣдующемъ мѣстѣ: «человѣкъ дѣлаетъ только простое употребленіе своей собственности, своего дома, когда онъ запирается въ немъ отъ преслѣдованій непогоды, даже не отворяя двери тому, кто страдаетъ внѣ дома [2]).»

Однакоже школа экономистовъ брала перевѣсъ; съ каждымъ днемъ кругъ ея расширялся; и пришелъ наконецъ часъ, когда она завладѣла властью.

Мая 10-го 1774 г. вступилъ на престолъ Людовикъ XVI (Louis XVI); и черезъ три мѣсяца Вольтеръ писалъ: «Если Людовикъ XVI будетъ продолжать, то не будутъ больше говорить о вѣкѣ Людовика XIV. Я слишкомъ уважаю его, чтобы вѣрить, что онъ можетъ сдѣлать всѣ перемѣны, которыми намъ угрожаютъ. Мнѣ кажется, что онъ рожденъ благоразумнымъ и твердымъ; поэтому онъ будетъ великимъ и добрымъ королемъ. Счастливцы тѣ, которые имѣютъ 20 лѣтъ, какъ онъ, и которые долго будутъ вкушать прелести его царствованія [3])!»

Это царствованіе, которое такъ привѣтствовалъ Вольтеръ, началось неблагоразуміемъ. Людовикъ XVI, имѣвшій хорошіе нравы и серьезный характеръ, взялъ себѣ первымъ министромъ и руководителемъ стараго куртизана, въ которомъ фривольность была только лоскомъ систематическаго разврата. Скоро подъ надзоромъ и по волѣ графа Морепа министерство было вполнѣ обновлено. Д'Эгильонъ уступилъ мѣсто графу Верженню, графъ дю-Мюи получилъ военный портфель; Мопеу былъ замѣщенъ Гю-де-Миромениломъ, а Тюрго призванный сначала въ морское министерство скоро сдѣланъ былъ преемникомъ аббата Террея въ министерствѣ финансовъ. Въ лицѣ Тюрго экономисты вошли въ составъ правительства и они не сомнѣвались, что благодаря ревности, безстрашію новаго генеральнаго контролера ихъ идеи получатъ блистательное примѣненіе.

---

1) Mémoires de Morellet, t. I, p. 167.

2) Réfutation des Dialogues sur le commerce des blés, chap. IV, p. 107, 108. Лондонъ, 1770.

3) Correspondance de Voltaire, à madame d'Épinay.

Мы уже изобразили Тюрго какъ писателя и администратора: какой изъ него будетъ министръ?

Тюрго имѣлъ наружность прекрасную и строгую. Воспитанный для духовнаго званія, отъ котораго отвлекла его философія, онъ принесъ съ собою въ свѣтъ скромныя и стыдливыя привычки, которыя, будучи облагораживаемы его гордостью, внушительно дѣйствовали на фривольность ему равныхъ. Еслибы для преобразованія общества, которое чувствовало себя дурно и волновалось, и для успокоенія его достаточно было громадной учености, то Тюрго болѣе чѣмъ кто-нибудь былъ достоинъ блюсти за потрясеніемъ своей страны. Потому что онъ испробовалъ себя изученіемъ во всѣхъ направленіяхъ и въ нѣкоторомъ родѣ сдѣлалъ обходъ каждой науки.

Но его уму не доставало обширности. Онъ не имѣлъ того могучаго взгляда, который съ перваго же раза измѣряетъ важность принципа. Отсюда проистекали его ошибки и его противорѣчія. Несомнѣнно, что онъ любилъ народъ, онъ уничтожившій монополію корпорацій и тиранію дорожныхъ повинностей; и однакоже что онъ предложилъ на мѣсто стараго угнетенія? Достоинство человѣка въ его изолированности, его величіе въ эгоизмѣ, войну между интересами подъ именемъ конкуренціи, заброшенность бѣднаго подъ именемъ свободы, для сильныхъ покровительство laissez-faire, для слабыхъ насмѣшку покровительства случайностей! Не удивляйтесь, что онъ во время своего интендантства показалъ свою отеческую заботливость о народѣ, что провозгласивши въ теоріи законность роста, онъ пытался окольными путями поразить его жестокую и унизительную власть, что онъ декретами предписывалъ благотворительность, послѣ того какъ въ своихъ книгахъ проповѣдывалъ религію индивидуальнаго права, идола, которому принесено было въ жертву столько несчастныхъ..., Тюрго былъ человѣкъ справедливый и потому публицистъ въ немъ былъ множество разъ опровергаемъ добродѣтельнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ самою выдающеюся чертою его жизни былъ этотъ контрастъ между заслугою его дѣйствій и ложностью его взглядовъ.

Кромѣ того его доброта была добротой ума. Его суровое удаленіе отъ женщинъ было его слабостью. Онъ не зналъ той благородной нѣжности сердца, которая согрѣвая умъ оплодотворяетъ и освѣщаетъ его. Онъ не имѣлъ ни той сильной чувствительности, которая устаиваетъ передъ ледянымъ прикосновеніемъ дѣлъ, ни того живаго и правильнаго воображенія, которое посредствомъ увлеченія прекраснымъ ведетъ насъ къ истинѣ столь же вѣрно, какъ и самъ разумъ. Тюрго былъ стра-

стнымъ человѣкомъ, но нѣсколько по подобію сектаторовъ, и не такъ какъ слѣдуетъ быть государственному человѣку. Онъ ставилъ благосостояніе народа въ зависимость отъ математическаго тріумфа школы.

Скажемъ прямо: въ немъ не было ничего вполнѣ великаго, исключая однако его мужества.

И однакоже въ это время не было соперника, котораго бы по праву можно было противопоставить ему, за исключеніемъ Неккера (Necker).

Родившійся въ Женевѣ онъ былъ извѣстенъ до сихъ поръ только своимъ «Похвальнымъ словомъ Кольберу» (Eloge de Colbert), которое было увѣнчано академіей; но въ этомъ сочиненіи изъ-за писателя уже видѣнъ былъ министръ. Несомнѣнно, что Неккеръ очень рано почувствовалъ въ себѣ страсть къ управленію и знавшіе его считали его достойнымъ управлять. Его жена, одаренная благотворительными добродѣтелями и великимъ характеромъ, внушала ему почтеніе соединенное съ нѣжностью; и въ ихъ салонѣ, гдѣ росъ ребенокъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи мадамъ Сталь, царствовала какая-то офиціальная важность, свидѣтельствовавшая о честолюбивыхъ проектахъ.

Если вѣрить Лафатеру, что все показывало въ Неккерѣ государственнаго человѣка и философа. Его важныя рѣчи и спокойствіе его пріемовъ располагали къ мудрымъ мыслямъ. Его любили безъ фамиліарности: его уважали, не стѣсняясь имъ. Лафатеръ увидѣлъ его послѣ одного изъ тѣхъ чувствительныхъ пораженій, которыя обыкновенно наполняютъ смущеніемъ дюжинныя души. Неккеръ же казался серьезнымъ, но спокойнымъ; съ совершенною свободою духа, съ естественною ловкостью онъ принималъ ожидаемаго гостя какъ хозяинъ; но только онъ говорилъ мало, какъ человѣкъ, который въ своей мысли нашелъ себѣ убѣжище противъ бурь жизни. Счастливецъ, еслибы онъ не имѣлъ противъ себя богатства пріобрѣтеннаго слишкомъ быстро, спекуляцій веденныхъ слишкомъ искусно и подозрительнаго генія!

Но ему можетъ быть еще простили бы его богатство; а что никогда не могли ему простить, это его презрѣніе къ пользовавшимся извѣстностью мыслителямъ и независимое превосходство его духа. Потому что онъ разоблачилъ ложь нѣсколькихъ пышныхъ словъ, которыми усыпляли страданія злоупотребляемаго народа; онъ понялъ и осмѣлился сказать, что право жить и быть счастливымъ есть приманка для того, кто не имѣетъ къ тому средствъ, что свобода бѣднаго есть одинъ изъ видовъ невольничества, что всякая претензія личности должна имѣть правиломъ и ограниченіемъ для себя общественное благо, а судьею государство.

Это было настоящимъ преступленіемъ Неккера въ глазахъ экономистовъ. Но въ то время какъ они преслѣдовали его своимъ гнѣвомъ, а нѣкоторые и своею клеветою, въ то время какъ Тюрго унизившій себя до ненависти къ нему старался скрыть отъ самого себя раны своего гнѣва, принимая на себя видъ сильнаго и ложнаго презрѣнія къ своему противнику, Неккеръ старался поражать въ своихъ противникахъ только идеи и, противопоставляя ихъ оскорбленіямъ неизмѣнную вѣжливость, онъ убивалъ ихъ своею умѣренностью.

Кромѣ того по высотѣ своихъ взглядовъ и по силѣ чувства Неккеръ несомнѣнно былъ выше Тюрго.

Но мнѣнія этого послѣдняго особенно облегчали для него тяжесть власти. Разрушать препятствія и потомъ предоставлять дѣла самимъ себѣ (laisser faire)—это значило управлять по мнѣнію Тюрго. И если для этого нужно было мужество человѣка дѣйствія, то можно было обойтись безъ безстрашія мыслителя. Неккеръ хотѣлъ напротивъ, чтобы власть имѣла многотрудное и великое положеніе. Слѣдить за соціальными сплетеніями, слѣдить съ взволнованнымъ и бодрымъ сердцемъ за безпокойнымъ существованіемъ бѣдняка; заботиться о продовольствіи всѣхъ и о томъ, чтобы всякій нашолъ мѣсто въ священной области труда, быть силою для слабыхъ и мудростью для невѣждъ; защищать если не счастье, то по крайней мѣрѣ хлѣбъ большинства противъ жестокой системы конкуренціи и безпорядковъ всеобщаго антагонизма..., вотъ какими заботами и какою заботливостью Неккеръ думалъ заслужить честь управлять королевствомъ.

Но это значило требовать отъ министра качествъ, которыя не соединялъ въ себѣ и Неккеръ. Такимъ образомъ ему суждено будетъ, если онъ когда нибудь будетъ управлять государственными дѣлами, пасть подъ тяжестью своей собственной задачи.

Вооружившись абсолютнымъ принципомъ, предполагая только разрушать и рѣшившись тотчасъ же успокоиться на предусмотрительности частнаго интереса, Тюрго могъ прямо идти впередъ. Но не то было съ Неккеромъ, который былъ одержимъ желаніемъ все направлять и все предвидѣть. Какъ только онъ достигалъ вершины, сейчасъ же начиналъ чувствовать, что его силы и его воля ниже его идеала; онъ боялся быть недостаточнымъ; онъ колебался между стыдомъ быть безполезнымъ или посредственнымъ и страхомъ дѣйствовать слишкомъ отважно и былъ тѣмъ болѣе нерѣшителенъ и смущонъ, чѣмъ дальше впередъ проникалъ его взглядъ; потому что нерѣшительность есть мука предвидѣнія.

Итакъ Тюрго поднимался выше своихъ сочиненій; а Неккеръ опускался ниже своихъ.

Но во всякомъ случаѣ популярность Неккера была громадна, какъ мы увидимъ; и его быстрый тріумфъ имѣлъ все—и возгласы общественной площади и энтузіазмъ женщинъ и эту толпу завистниковъ, которую влечетъ за собою всякій знаменитый человѣкъ, толпу яростную, безсильную и только увеличивающую громкіе крики, которые производитъ слава.

Едва только Тюрго достигъ мѣста генеральнаго контролера, какъ сталъ думать о проведеніи на немъ доктрины экономистовъ; и 13 сентября 1774 г. издано было постановленіе дозволявшее свободную циркуляцію хлѣба во всемъ государствѣ. Вся школа была внѣ себя отъ радости. Тогда-то Неккеръ взялся за перо и о предметѣ, который казалось былъ вполнѣ исчерпанъ Галіани, издалъ замѣчательную книгу, въ которой отъ одного конца до другаго царствовало важное краснорѣчіе, сдержанное волненіе и нѣкоторыя страницы которой могъ бы признать своими какъ государственный человѣкъ такъ и поэтъ. Ища въ вопросѣ о хлѣбѣ только случая поразить въ пользу народа систему индивидуализма и восходя къ основнымъ принципамъ обществъ, Неккеръ подвергъ ихъ изслѣдованію сколько возвышенному столь же и смѣлому.

Тотъ, кто сначала воткнулъ нѣсколько кольевъ вокругъ какого-нибудь участка земли и засѣялъ его, ужели получилъ на этомъ основаніи исключительную привилегію на эту землю для всѣхъ своихъ потомковъ до конца вѣковъ? Нѣтъ и нѣтъ, отвѣчалъ Неккеръ. «Столько выгодъ не могло принадлежать такой ничтожной заслугѣ [1].» Итакъ право собственности въ глазахъ Неккера основывалось только на предположеніи ея общественной пользы; и тѣхъ, которые осмѣливались представлять въ основаніе своего права только это право и больше ничего, онъ спрашивалъ: «Ужели ваше право на владѣніе написано въ небесахъ? Или вы принесли вашъ участокъ земли съ сосѣдней планеты? Имѣете ли вы какую-нибудь силу, которую вы не заимствовали бы отъ общества [2])?»

Съ неменьшею вѣрностью Неккеръ опредѣлялъ и свободу. Неккеръ вовсе не удивлялся тому, что для людей воспитанныхъ въ повиновеніи

---

[1]) Sur la législation et le commerce des grains. par. I, chap. XXVI, p. 173. MDCCLXXVI.

[2]) Ibid., p. 176.

и пораженныхъ зрѣлищемъ ихъ долговременнаго рабства слово, одно слово свобода было привлекательностью, а слово запрещеніе отдавалось въ глубинѣ ихъ души какъ шумъ еще невполнѣ разорванной цѣпи; но отъ него не могло укрыться, что среди всеобщей борьбы и при неравенствѣ оружія свобода есть просто лицемѣріе. Во имя свободы позволите ли вы человѣку сильному улучшить свою участь на счетъ человѣка слабаго? Но, говорилъ Неккеръ, «сильный человѣкъ въ обществѣ это собственникъ, а слабый человѣкъ—это человѣкъ безъ собственности[1]).»

И чтобы лучше доказать, къ какимъ скандаламъ можетъ повести идея права, когда его не истолковываютъ съ участіемъ сердца, онъ прибѣгъ къ поразительной гипотезѣ [2]). Онъ предположилъ, что нѣсколько человѣкъ нашли средство присвоить себѣ въ собственность воздухъ подобно тому какъ другіе присвоили себѣ землю; затѣмъ онъ представляетъ, что они придумали трубы, изобрѣли воздушные насосы, которые давали бы имъ возможность разрѣжать воздухъ въ одномъ мѣстѣ и сгущать его въ другомъ: ужели бы дозволили этимъ людямъ распоряжаться по своему произволу дыханіемъ человѣческаго рода?

Такимъ образомъ не нападая радикально на право собственности и именно потому, что для него дорога была свобода, Неккеръ ставилъ ограниченіемъ для него общественное благо. Примѣняя эти принципы къ вопросу о хлѣбѣ, онъ выводилъ изъ нихъ заключенія діаметрально противоположныя системѣ экономистовъ. Изолированной личности, говорящей: «я хочу дѣлать что мнѣ угодно», онъ противопоставилъ общество говорящее: «я не хочу, чтобы человѣкъ могъ дѣлать то, что вредитъ мнѣ [3]).» Вы утверждаете, что вашъ хлѣбъ принадлежитъ вамъ? «Да, отвѣчаетъ общество, но для того, чтобы онъ шелъ на пользу всѣмъ.»

Можетъ ли сдѣлаться въ извѣстныхъ случаяхъ смертоносною для народа постоянная, абсолютная свобода вывозить хлѣбъ, продавать или не продавать его, употреблять и злоупотреблять имъ? Неккеръ удивлялся, что можно было предлагать подобный вопросъ. Въ дѣлѣ хлѣба излишекъ собственника есть жизнь рабочаго. Предоставить капризу и жадности личнаго интереса распоряженіе столь драгоцѣннымъ излиш-

---

1) Sur la législation et le commerce des grains, chap. XXVI, p. 184.

2) Ibid., part. I, chap. V, p. 225.

3) Ibid. chap. XXVII, p. 181 et 182.

комъ, это значило бы по мнѣнію Неккера давать однимъ людямъ надъ другими право жизни и смерти.

И притомъ здѣсь приходится имѣть дѣло не только съ самыми повелительными потребностями большинства, но съ его воображеніемъ и его тревогами. Вообразите себѣ 100 тысячъ человѣкъ запертыхъ въ тѣсномъ пространствѣ; для ихъ ежедневнаго пропитанія необходимо 100 тысячъ хлѣбовъ, которые торговцы и доставляютъ имъ ежедневно. До тѣхъ поръ пока доставка производится акуратно, условленная цѣна хлѣба не измѣняется; но вотъ въ одинъ день не хватило двухъ хлѣбовъ, только двухъ, недостатокъ, который лишаетъ пропитанія двухъ человѣкъ; страхъ сдѣлаться однимъ изъ этихъ несчастныхъ возбудитъ жаръ къ покупкѣ невообразимый по своимъ дѣйствіямъ; и гдѣ тогда остановятся претензіи торговцевъ?

Свобода вывозить хлѣбъ кажется Неккеру допустимою только при существованіи коммерческаго трактата, который бы обязывалъ иностранцевъ къ точной взаимности; но дозволить Франціи открыть свои житницы для націй, которыя закрывали для нея свои, и это по желанію, по фантазіи или по разсчетамъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, — такое laissez-aller было бы преступнымъ пренебреженіемъ и безразсуднымъ пренебреженіемъ къ интересамъ и жизни народа.

«Вы хотите покровительствовать земледѣлію, говорилъ Неккеръ экономистамъ? Вотъ земли остающіяся невоздѣланными и вы хотите, чтобы ихъ воздѣлывали? Прекрасно, ссуды благоразумно данныя владѣльцамъ этихъ земель, мануфактура построенная въ сосѣдствѣ, временное освобожденіе отъ налоговъ, прорытый каналъ, болѣе приспособленная къ судоходству рѣка, пониженіе процентовъ на деньги вслѣдствіе хорошей администраціи, — вотъ истинныя средства поднять земледѣліе и единственныя средства достойныя государственнаго человѣка. Но связывать покровительство земледѣлію съ предоставленіемъ собственникамъ хлѣба возможности обогащаться посредствомъ внезапныхъ повышеній цѣнъ, отъ которыхъ пострадаютъ тысячи семействъ доведенныя до отчаянія,—это игра полная жестокости и опасностей.»

На томъ основаніи, что рабочая плата всегда будто бы будетъ возвышаться пропорціонально повышенію цѣны на жизненные припасы первой необходимости, физіократы утверждали, что высокая цѣна на жизненные припасы не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго интересамъ

народа: Неккеръ съ волненіемъ опровергалъ этотъ опасный софизмъ. Сегодня хлѣбъ становится дороже; но только черезъ одинъ, два или три мѣсяца увеличится моя рабочая плата! А до того времени я долженъ умереть? И Неккеръ восклицаетъ:

«Спросите у этого человѣка управляющаго плугомъ, спросите у этой толпы жнецовъ, которымъ даютъ наивозможно меньшую плату, желаютъ ли они дороговизны жизненныхъ припасовъ; они безъ сомнѣнія удивились бы, еслибы умѣли читать и понимать, что отъ имени ихъ требуютъ этой дороговизны. Это большое злоупотребленіе пользоваться состраданіемъ къ народу для укрѣпленія прерогативъ собственниковъ: это значитъ почти подражать искусству тѣхъ страшныхъ животныхъ, которыя на берегахъ рѣкъ Азіи подражаютъ голосу дѣтей, чтобы пожирать людей [1]).»

Что касается до внутренней свободы торговли хлѣбомъ [2]), то Неккеръ умно разоблачилъ невыгоды ея, не скрывая впрочемъ и ея выгодъ. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы придти къ уничтоженію этой свободы; онъ ограничивался только указаніемъ правилъ, которыя могли бы воспрепятствовать тому, чтобы она относительно бѣднаго не превратилась въ тиранію. Народъ держится общества только изъ-за своихъ страданій и изъ всего огромнаго пространства, которое называютъ будущностью, онъ видитъ только завтрашній день: изъ этого Неккеръ заключалъ, что обезпеченіе народа на завтрашній день есть самая настоятельная, самая священная обязанность государства. «Какъ! представители общественнаго порядка могутъ принуждать меня тушить пожаръ, умирать на сраженіяхъ, и не хотятъ позаботиться о моемъ продовольствіи! они не могутъ утвердить законовъ, которые бы могли

1) Sur la législation et le commerce des grains, part. I, chap. XXVI, p. 180.

2) Кто бы могъ подумать, что экономисты станутъ обвинять Неккера въ недобросовѣстности за то, что онъ въ своей книгѣ разбиралъ и внутреннюю циркуляцію хлѣба и вывозъ, тогда какъ эдиктъ Тюрго относится только къ внутренней циркуляціи? Какъ будто-бы писатель не имѣетъ права и обязанности, когда онъ занимается вопросомъ этого свойства, разсматривать его со всѣхъ точекъ зрѣнія! Упрекъ этотъ оказывается тѣмъ болѣе несправедливымъ, что если вывозъ и не заключался въ эдиктѣ Тюрго (о которомъ кромѣ того Неккеръ и не говорилъ), то онъ заключался по общему признанію въ доктринахъ, сочиненіяхъ и проэктахъ школы.

гарантировать его! они не могутъ умѣрить возможныя злоупотребленія богатства относительно бѣдности, силы относительно слабости [1].»

Книга оканчивалась слѣдующими глубокими словами [2]:

«Можно было бы подумать, что нѣсколько человѣкъ, раздѣливши между собою землю, составили законы союза и гарантіи противъ большинства, какъ будто-бы они дѣлали въ лѣсахъ защиту отъ дикихъ звѣрей. Между тѣмъ можно смѣло сказать, что установивши законы собственности, юстиціи и свободы, до сихъ поръ еще ничего не сдѣлали для самаго многочисленнаго класса гражданъ. Какая намъ польза отъ вашихъ законовъ о собственности? у насъ нѣтъ никакой собственности, могли бы сказать эти граждане; отъ вашихъ законовъ юстиціи? намъ нечего защищать; отъ вашихъ законовъ о свободѣ? если мы не будемъ работать завтра, то умремъ [3])».

Въ апрѣлѣ (1775) Неккеръ просилъ дозволенія напечатать свою книгу и явился къ генеральному контролеру. Свиданіе этихъ людей имѣло что-то холодное и торжественное. При этомъ присутствовалъ аббатъ Морелле [4]): онъ былъ свидѣтелемъ высокомѣрія банкира и гордости министра. Неккеръ держалъ въ рукѣ свою рукопись и предлагалъ вовсе не печатать ее, если только ее считаютъ могущею нарушить общественный порядокъ. Тюрго отвѣчалъ съ презрительнымъ равнодушіемъ, что онъ не видитъ неудобства въ обнародованіи подобныхъ доктринъ, которыхъ нечего бояться. Оба собесѣдника разстались врагами.

Книга Неккера явилась и успѣхъ ея былъ засвидѣтельствованъ какъ возбужденнымъ ею удивленіемъ, такъ и ненавистью. Дидро привѣтствовалъ ее какъ геніальное произведеніе [5]). Многіе изъ тѣхъ, на идеи и интересы которыхъ она нападала, разразились оскорбленіями [6]); но сочиненіе было посвящено несчастнымъ: женщины, которыя всегда берутъ сторону великодушія, апплодировали ему. Тогда начался между тѣми,

---

[1]) Sur la législation et le commerce des grains, part. I, chap. XXIV, p. 163.

[2]) Поэтому они и были повторены въ Encyclopedie nouvelle, Пьера Леру и Жана Рейно, въ сочиненіи, которое съ такою возвышенностью выражаетъ современное чувство.

[3]) Sur la législation et le commerce des grains, part. III, chap. XII, p. 406

[4]) Mémoires de Morellet, t. I, chap. XI, p. 231.

[5]) Correspondance de Diderot, t. XII Полн. собр. его сочинен., p. 440.

[6]) Башомонъ, Mémoires secrets, t. VIII, p. 31.

которыхъ остроуміе и красоту столь превозносятъ, энтузіазмъ къ писателю, пережившій счастіе министра [1]).

Между тѣмъ Тюрго обнаруживалъ въ своемъ управленіи нетерпѣливость въ реформахъ и безстрашіе, которыя скоро приготовили для него славныя опасности. Несмотря на его сопротивленіе, были возстановлены въ ноябрѣ 1774 г. тѣ парламенты, которые казалось убилъ Мопеу, и ихъ оппозиція планамъ генеральнаго контролера уже стала сказываться глухими нападеніями. Кромѣ того Тюрго имѣлъ противъ себя духовенство, которое не могло простить ему того, что онъ былъ причастенъ «Энциклопедіи», нѣкоторыхъ финансовыхъ людей, скандалезной важности которыхъ онъ благородно угрожалъ, и придворныхъ, которыхъ заставляла краснѣть его гордость и философія. Составлялась лига чтобъ погубить его; и въ нѣкоторыхъ церквахъ съ каѳедры раздавались возмутительныя слова. Урожай 1774 г. былъ плохой; народъ страдалъ; умы были открыты для того неопредѣленнаго безпокойства, которое предшествуетъ революціямъ.... Вдругъ распространились угрожающіе слухи. Народъ насторожилъ уши: было произнесено слово, которое онъ всегда слушалъ съ содроганіемъ, голодъ.

Время было въ концѣ апрѣля. Безпорядки разразились въ Дижонѣ, гдѣ раздраженный народъ напалъ на дома монополистовъ, разрушилъ одну изъ ихъ мельницъ и выбросилъ изъ оконъ ихъ сломаную мебель. Для довершенія раздраженія, говорятъ, у коменданта города вырвалась глупая и жестокая фраза, одна изъ тѣхъ фразъ, комментаріемъ къ которымъ служатъ революціи: «друзья, трава начинаетъ подниматься, подите-ка, потравите ее» [2]).

Мало по малу волненіе охватило окрестности Парижа. Толпа людей вооруженныхъ палками явилась сначала на рынкахъ въ Понтуазѣ, Пуасси, Сенъ-Жерменѣ, волновала, разоряла пекарни, грабила мучные запасы и потомъ явилась 2 мая 1775 г. въ Версаль, выражая намѣреніе на другой день отправиться въ Парижъ. Тревога проникла во дво-

---

1) Подтвердивши этотъ энтузіазмъ женщинъ къ Неккеру, Сенакъ-де-Мейланъ прибавляетъ: «Герцогиня Лозенская, самая тихая и самая робкая изъ всѣхъ женщинъ, напала въ публичномъ саду на одного незнакомца, который дурно говорилъ о Неккерѣ, и до такой степени вышла изъ своего характера, что наговорила ему обидъ.» Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution, p. 181.

2) Заимствовано изъ одного письма изъ Дижона отъ 20 апрѣля 1775 г., напечатаннаго въ тогдашнихъ газетахъ.

рецъ, рѣшотки были заперты и Людовикъ XVI удивленный криками, которыхъ онъ еще не зналъ, приказалъ извѣстить посредствомъ объявленій, что на хлѣбъ назначена такса за фунтъ 2 су. Волненіе тотчасъ же утихло [1]) и молодой король принялся собственноручно писать письмо за письмомъ къ Тюрго находившемуся тогда въ Парижѣ, чтобы увѣдомлять его о принятыхъ мѣрахъ: приняты были мѣры для свободной доставки муки по Сенѣ и Марнѣ; бунтъ прекратился [2]).

Но въ этой новости Тюрго видѣлъ только одно: установленіе таксы на хлѣбъ, т. е. нарушеніе свободы булочниковъ. Онъ поспѣшно прибылъ въ Версаль, представилъ Людовику XVI, что не нужно отступать передъ принципами, что состраданіе здѣсь есть ошибка, и въ тоже мгновеніе получилъ отъ короля повелѣніе булочникамъ продавать хлѣбъ по обыкновенной рыночной цѣнѣ [3]).

Въ Парижѣ впрочемъ все было приготовлено для встрѣчи объявленнаго возстанія, и генеральный контролеръ обѣщалъ, что на этотъ разъ власть не отступитъ. Мушкетеры, швейцарская гвардія, французская гвардія, всѣ войска королевскаго дома были на-готовѣ и должны были охранять рынки подъ начальствомъ маршала Бирона. Но 3 мая возмутители вошли въ Парижъ разомъ нѣсколькими дорогами; и въ то время какъ маршалъ Биронъ терялъ время на освященіе знаменъ,—потому что это былъ день посвященный этой церемоніи,—булочныя были разграблены и бунтъ устроилъ раздачу хлѣба народу. Давали хлѣбъ всякому встрѣчному; каменьщикамъ бросали его на ихъ лѣса. Безпорядокъ продолжался два часа; онъ уже прекратился въ то время, когда маршалъ занялъ посты. Буржуа вышли тогда съ любопытствомъ, чтобы посмотрѣть на бунтъ, но нашли только бунтовщиковъ успокоенныхъ поведеніемъ солдатъ и обмѣнивавшихся съ ними дружескими словами,—знакъ, предвѣщавшій то, что должно было случиться при открытіи революціи [4]).

Между тѣмъ стали безпокоиться по поводу тайнаго источника этихъ волненій. Въ Тюльерійскомъ саду были распространены объявленія на-

---

1) Hугаре, Règne de Louis XVI, t. V, p. 97.

2) Письма Людовика XVI къ Тюрго отъ 2 мая въ Observateur anglais, lettre 1, p. 411, edit. 1777.

3) Извлечено изъ письма изъ Версали отъ 2 мая, приведеннаго въ примѣчаніи въ Relation historique de l'emeute arrivée le 3 mai 1775, p. 259.— Оно напечатано вмѣстѣ съ Mémoires sur l'abbé Terray.

4) Relation historique, p. 258.

полненныя угрозами. Разсказывали, что какіе-то неизвѣстные люди разъѣзжавшіе верхомъ привозили многимъ фермерамъ такія анонимныя объявленія: «не продавайте хлѣба, скоро онъ сдѣлается еще дороже» [1]. Были слухи о бандитахъ схваченныхъ съ карманами набитыми золотомъ, о сожженныхъ хлѣбныхъ амбарахъ, о мукѣ брошенной въ рѣку, о крестьянахъ получавшихъ плату отъ заговорщиковъ священниковъ [2]. Кто знаетъ, можетъ быть бунтъ соотвѣтствовалъ какому-нибудь обширному заговору, составленному агитаторами высшаго ранга. Эти предположенія, основывавшіяся на поразительномъ стеченіи обстоятельствъ, были кромѣ того поддерживаемы экономистами, безпокоившимся изъ-за своей доктрины, подвергшейся случайностямъ народнаго движенія. Они обвиняли книгу Неккера, направленную, какъ они говорили, къ возбужденію страстей толпы и давшую возстанію искомое имъ знамя [3]. Совершенно иной былъ языкъ противниковъ школы экономистовъ. Нужно ли было приписывать таинственнымъ причинамъ то, что имѣло явными причинами бѣдность, начало голода, безпокойства распространенныя слишкомъ знаменитой теоріей *чистой прибыли* и постановленія совѣта, въ которыхъ утверждали, въ которыхъ осмѣлились утверждать, что хлѣбъ долженъ быть дорогъ [4]? Что были совершены акты слѣпой ярости, что были захвачены на мѣстѣ преступленія люди бунтовавшіе по найму, что неудовольствія нѣкотораго числа судебныхъ чиновниковъ, дворянъ и духовныхъ глухо вступали въ союзъ съ бунтомъ—все это были случайности возстанія, а не принципъ его.

Среди этихъ разнорѣчивыхъ криковъ Тюрго показалъ себя горячимъ и раздраженнымъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что тайные руководители бунта хотѣли опозорить систему экономистовъ, сдѣлать ее ненавистною или смѣшною, давши поводъ однимъ думать, что свобода торговли приноситъ съ собою дороговизну хлѣба, а другимъ, что она погубитъ все. Поэтому онъ прибѣгъ къ ненужной роскоши энергіи, дѣятельности, строгости, рѣшившись начать царство свободы государственнымъ переворотомъ. Онъ далъ булочникамъ караулы; онъ жаловался

1) Ibid., p. 278.

2) Instruction aux curés.

3) Видно какъ несправедливъ этотъ упрекъ даже по разсказу самого аббата Морелле, ревностнаго экономиста. Книга Неккера явилась въ день бунта. Итакъ она не вызвала его, даже предполагая, что подобныя сочиненія въ то время читались народомъ. См. также объ этомъ предметѣ Histoire du règne de Louis XVI, Дроза, t. I, p. 165.

4) Башомонъ, *Mémoires secrets*, t. VIII, p. 54.

на слабость маршала Бирона; онъ требовалъ смѣщенія лейтенанта полиціи Ленуара, который по вопросу о торговлѣ хлѣбомъ раздѣлялъ идеи Неккера; онъ отправился на домъ къ Алигру, чтобы предупредить его, что парламенту не нужно вмѣшиваться въ подавленіе бунта; онъ пустилъ въ ходъ секретные приказы объ арестахъ и приказалъ посадить въ Бастилію между прочими Сорена и Думера, завѣдывавшихъ при министерствѣ Террея управленіемъ хлѣбною торговлею [1]). Тюрьмы были наполнены инсургентами или подозрительными, которыхъ замѣтили днемъ и арестовали ночью.

Съ своей стороны парламентъ недовольный на экономистовъ и особенно на Тюрго постановилъ 4 мая опредѣленіе противъ сборищъ и рѣшилъ всенижайше просить короля понизить цѣну на хлѣбъ по таксѣ, соотвѣтствующей потребностямъ народа [2]). Ничего не могло быть чувствительнѣе этого для Тюрго, пораженнаго прямо въ своей системѣ: онъ не задумался употребить противъ своихъ противниковъ диктатуру двора. Едва постановленіе парламента было напечатано, какъ Тюрго послалъ мушкетеровъ, чтобы воспрепятствовать распространенію его и уничтожить наборъ [3]). Листы уже прибитые на стѣнахъ были сорваны по приказанію маршала Бирона, какъ будто-бы Парижъ находился въ осадномъ положеніи; и для большей важности покрыли королевскимъ именемъ приговоръ верховнаго суда, который былъ изданъ безъ помѣтки и безъ подписи и который запрещалъ подъ страхомъ смерти требовать хлѣбъ ниже рыночной цѣны. Въ это время Малербъ, котораго экономисты называли первосвященникомъ, сочинялъ по настоянію своего друга Тюрго декларацію, которая отнимала у парламента право вмѣшиваться въ дѣла, касавшіяся хлѣба. Королевскій приказъ повелѣвалъ парламентскимъ чиновникамъ явиться на другой день 5 мая въ черныхъ костюмахъ въ Версаль на засѣданіе съ королевскимъ присутствіемъ.

Тюрго хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ. Онъ требовалъ, чтобы такой же сдѣлалъ въ нѣсколько дней и военный министръ. Едва только онъ получилъ подпись короля, какъ побѣжалъ самъ ночью въ казармы легкой кавалеріи, разбудилъ постъ крикомъ—отъ имени короля и

---

1) Они были признаны совершенно невинными даже при министерствѣ Тюрго. Bastille devoilée, livraison IV, p. 45—6.

2) Arrêt du 4 mai 1775.

3) Relation historique, p. 266.

представившись солдатамъ въ штатскомъ платьѣ, съ растрепаными волосами передалъ имъ приказаніе выступить; потому что бунтъ снова возникъ въ Понтуазѣ [1]).

Мая 5 парламентъ явился въ Версаль въ назначенный часъ. Но въ промежуткѣ Морепа, который счелъ нужнымъ показаться въ оперѣ въ день самаго грабежа вечеромъ и котораго забавлялъ весь этотъ шумъ, умѣлъ убѣдить Людовика XVI, что нужно ограничиться только тѣмъ, чтобы отнять у парламента наказаніе виновныхъ и передать ихъ превотальному суду, не простирая дальше дѣйствій декларацiи. Сообразно такому рѣшенію мѣры принятыя наканунѣ нужно было измѣнить, парламентъ заставили подождать, приготовивши ему большой обѣдъ [2]), составлявшій странный контрастъ съ голодомъ, о которомъ столько говорили, и въ 5 часовъ началось засѣданіе. Людовикъ XVI объявилъ рѣшеніе выйдти на время изъ обыкновеннаго порядка и дать расширенныя права превотальной юрисдикціи. Онъ отпустилъ членовъ парламента съ слѣдующими словами: я вамъ запрещаю дѣлать какія бы то ни было представленія.

Итакъ парламентскіе чиновники ушли, лишенные права отправлять юстицію въ обстоятельствахъ капитальной важности, но въ сущности восхищенные тѣмъ, что имъ не предстоитъ подвергнуться непопулярности, которую навѣрное вызоветъ наказаніе виновныхъ. Потому что угрожающее положеніе власти видимо не оправдывалось важностью опасности. И въ то время какъ Тюрго составилъ обширный планъ кампаніи, въ то время какъ онъ приводилъ въ движеніе жандармовъ, французскую гвардію и даже инвалидовъ, въ то время, какъ онъ посылалъ горныхъ мушкетеровъ по берегамъ Марны, а сѣрыхъ мушкетеровъ внизъ по Сенѣ, парижане, видя, что миръ возстановленъ, сочиняли и пѣли пѣсенки въ одно время на счетъ генеральнаго контролера, маршала Бирона и его арміи. Женщины уже носили чепцы а-ла-бунтъ, и шутники спрашивали, ужели маршалъ Биронъ получаетъ 24 тысячи ливровъ въ мѣсяцъ за то, что наводитъ пушки арсенала противъ ласточекъ Сены. Странныя шутки, придумываемыя народомъ серьезнымъ и озабоченнымъ! Это были послѣдніе отблески прежней французской веселости въ моментъ кризиса, который вводилъ Францію въ положеніе, дозволявшее только или энтузіазмъ или терроръ!

---

1) Нугаре, Règne de Louis XVI, t. V, p. 101.

2) Ibid., p. 103.

Искали заговора, но не могли его открыть или быть можетъ не осмѣливались обнаружить его. Настоящимъ заговоромъ была инстиктивная протестація бѣднаго противъ свободы среди отверженія; настоящимъ заговоромъ въ этомъ торжественномъ вопросѣ объ общемъ продовольствіи была агитація пролетаріевъ мучимыхъ заботой о существованіи и говорившихъ вмѣстѣ съ Неккеромъ новаторамъ, которые воображали, что освобождаютъ его своимъ laissez-faire: «какая намъ польза отъ вашихъ законовъ о собственности? у насъ нѣтъ никакой собственности; отъ вашихъ законовъ юстиціи? намъ нечего защищать; отъ вашихъ законовъ о свободѣ? если мы не будемъ работать завтра, то умремъ.»

11 мая 1775 двѣ вѣсилицы въ 18 футовъ вышины были поставлены на Гревской площади и представили толпѣ ставшей опять молчаливою зрѣлище двухъ казней. Мы распрашивали объ революціи у одного старика, который пережилъ всю ее; онъ взволнованный до слезъ начиналъ мрачную исторію своихъ воспоминаній разсказомъ объ этой казни. «Казнь этихъ двухъ человѣкъ, говорилъ онъ намъ, надолго оставила по себѣ болѣзненное впечатлѣніе.» Они поплатились жизнью за увлеченіе народною тревогою; и ихъ послѣднимъ возгласомъ обращеннымъ къ народу было то, что они умираютъ за его дѣло [1]).

Тюрго въ этомъ кризисѣ не сохранилъ ни положенія ни веселаго спокойствія государственнаго человѣка [2]); но по крайней мѣрѣ его порывы были порывами сильнаго убѣжденія. Но какъ легко забываютъ ихъ при перечисленіи столькихъ заслугъ, которыя отмѣтили или лучше обезсмертили администрацію Тюрго. Положить конецъ позорнымъ доходамъ, которые получали съ откуповъ придворные любимцы; отмѣнить круговыя понужденія (contraintes solidaires); уничтожить множество мѣстныхъ налоговъ и частныхъ монополій поднимавшихъ цѣну на продовольствіе народа; освободить крестьянина отъ обязанности давать военнымъ конвоямъ по требованію ихъ своихъ лошадей съ своими повозками; отнять у главнаго госпиталя (Hôtel-Dieu) при рукоплесканіяхъ всего Парижа привилегію исключительно продавать говядину во время поста; улучшить внутреннее судоходство; принять мѣры къ улучшенію дорогъ и средствъ къ перевозкѣ; разрушить феодальныя задержки стѣснявшія внутри королевства циркуляцію вина; настаивать на учрежденіи учетной кассы для удешевленія капиталовъ; уменьшить старый дефицитъ съ 22 милліоновъ

[1]) Relation historique, p. 280.

[2]) Бланки самъ соглашается съ этимъ въ своей Histoire de l'Economie politique.

на 15 и это только вслѣдствіе экономіи; оживить кредитъ и честными мѣрами...., это значило сдѣлать больше и лучше въ 20 мѣсяцевъ, чѣмъ дѣлали во время продолжительной карьеры самые сильные и самые смѣлые министры [1]).

Но опираясь на Малерба, котораго онъ провелъ въ совѣтъ, Тюрго съумѣлъ нанести старому соціальному порядку рѣшительный въ другомъ отношеніи ударъ. Среди тогдашняго настроенія умовъ жадныхъ ко всему новому вдругъ явилась брошюра, написанная подъ его внушеніями. Какова была ея цѣль? уничтоженіе дорожной повинности; ея заглавіе? она его не имѣла; ея авторъ? называли Вольтера. Тотчасъ же въ лагерѣ привилегированныхъ поднялся крикъ жалобъ и тревогъ; принцъ Конти негодовалъ, Эпремениль горячился и парламентъ запретилъ книгу. Это значило дѣлать вызовъ Тюрго, и онъ принялъ его; 3 февраля 1776 г. парламентъ получилъ сообщеніе эдикта уничтожавшаго дорожную повинность. Министръ замѣнилъ ее налогомъ на недвижимыя имущества платившія двадцатину, пощадивши такимъ образомъ церковныя имущества, но поразивши имущества дворянъ. Представленія парламента только возбуждали его къ большей настоятельности. «Народъ Франціи обязанъ нести какія угодно подати и повинности, кричали магистраты; это часть конституціи, которую король не можетъ измѣнять.» Съ своей стороны органъ гордаго презрѣнія дворянства, графъ Кочти осмѣлился утверждать, что не дозволительно замѣнять повинность какимъ-нибудь налогомъ, потому что это значило бы стереть съ чела простаго народа первобытное пятно его рабства [2]). Какимъ скандаломъ были подобныя сопротивленія опозориваемыя подобными мотивами! Тюрго удвоилъ твердость. Онъ побѣдоносно отвѣтилъ въ совѣтѣ на возраженіе Мирониля, укротилъ зложелательство Морепа и увлекъ Людовика XVI; и въ засѣданіи съ королевскимъ присутствіемъ происходившемъ 12 марта 1776 г. парламентъ принужденъ былъ внести въ реэстръ эдиктъ, которымъ разомъ уничтожались и повинности и цехи.

Черезъ два мѣсяца опутанный яростной лигой, подвергшійся тайнымъ нападеніямъ своихъ собственныхъ товарищей, лишившійся содѣй-

---

1) Дѣйствія министерства Тюрго подробно изложены и собраны во II томѣ его сочиненій (изданіе Гильомена) отъ стр. 165 до 585; къ нимъ мы и отсылаемъ читателя.—См. также Mémoires sur la vie et les ouvrages de Turgot, Дюпона изъ Немура. Филадельфія, 1782.

2) Observateur anglais, t. III, p. 168.

стія Малерба удалившагося отъ дѣлъ вслѣдствіе утомленія, преданный коварно Морепа, оставленный Людовикомъ XVI Тюрго палъ; и затѣмъ принялись возстановлять разрушенное имъ зданіе... Но революція была уже близка. Принципъ, восторжествовавшій въ философіи и въ политикѣ, одержалъ въ уничтоженіи цеховъ побѣду, которой уже нельзя было поправить. Нужно было, чтобы угнетательную систему ассоціаціи смѣнила конкуренція.

Разсказываютъ, что въ день, когда было рѣшено паденіе корпорацій, въ Парижѣ обнаружились странные и горячіе порывы. Ремесленники толпами оставляли своихъ мастеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣгали по городу совершенно растерявшіеся отъ радости. Другіе же тріумфально прогуливались въ колесницѣ, тогда какъ большая часть, собравшись въ праздничныхъ залахъ, торжествовала на веселыхъ пиршествахъ обѣщанное освобожденіе и повторяла хоромъ столь дорогое и сладкое слово: свобода. Они не знали, что нужно еще пройти мучительную фазу прежде чѣмъ достигнуть совершеннаго истощенія всѣхъ формъ рабства; что оно вновь появится, менѣе тяжелое правда, но все-еще слишкомъ тяжелое, послѣ полувѣка возстаній и похоронъ; что конкуренція подъ другимъ именемъ, подъ другою маскою и въ пользу другаго рода силы явится среди новыхъ обществъ какъ образъ эгоизма нецивилизованныхъ народовъ; что пролетаріатъ свободный и голодающій напишетъ на знамени гражданскихъ войнъ девизъ, который уже никогда не забудется; и что въ глазахъ многихъ тысячъ людей работающихъ только для своего завтрашняго дня laissez-faire станетъ laissez-mourir.

Такимъ образомъ по закону, который кажется закономъ всѣхъ революцій, общества разстаются съ дурнымъ принципомъ только для того, чтобы безъ предусмотрительности и безъ ограниченій предаться принципу совершенно противоположному. Наканунѣ 89 года Франція готова была искать гарантій:

Противъ нетерпимости въ скептицизмѣ;

Противъ абсолютной власти въ конституціонной анархіи;

Противъ монополіи въ изолированности.

Впрочемъ одна только доктрина индивидуализма была достаточно и вполнѣ выработана. Но, какъ мы видѣли, между философами и публицистами не было недостатка въ защитникахъ дѣла братства. Вотъ почему революція состояла изъ двухъ актовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ только протестаціей насильственной и страшной, но возвышенной и необыкновенной.

И не удивляйтесь, если на столѣ, на которомъ писались декреты, заставлявшіе трепетать Францію, и дѣлались вызовы Европѣ, вы увидите одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя обдумывались однимъ опечаленнымъ мечтателемъ расхаживавшимъ по мирнымъ тропинкамъ его уединенія. Потому что, какъ мы увидимъ, эта знаменитая борьба, которую предстоитъ намъ описывать, вполнѣ характеризуется фанатизмомъ идей. Передъ нашими глазами пройдетъ раздраженная толпа, предводительствуемая мыслителями съ безстрастнымъ лицомъ и учоными трибунами; самые смѣлые представители взволнованной сильнымъ гнѣвомъ эпохи явятся намъ среди волнующейся толпы какъ герои отвлеченія; и ихъ энергія почерпнутая въ одномъ только энтузіазмѣ головнаго мозга будетъ такова, что превзойдетъ все, что когда-либо вызывали въ людяхъ бурные порывы, опьянѣнія славой, ненависть, зависть, яростный духъ завоеваній, увлеченія любви.

Такимъ образомъ—чего никогда не могла простить зависть Наполеона I—людямъ неумѣвшимъ управлять лошадью и владѣть шпагою, идеологамъ, суждено было увлекать за собою силу повелительною рукою, приводить въ движеніе побѣду, возвысить и держать диктатуру на высотѣ, отъ которой смутился бы геній Цезаря.

Да, бурный и сосредоточенный культъ принципа, умъ экзальтированный до того, что сталъ самою бушующею страстью,—вотъ въ чемъ выразилась оригинальность французской революціи. Итакъ нужно было прослѣдить, какихъ работъ продолжавшихся изъ вѣка въ вѣкъ она была послѣдствіемъ и какъ-бы взрывомъ.

Но даже и тогда, когда борется верховная власть чистой идеи, мы видимъ кровь, все кровь! Что это за законъ, который условіемъ всякаго большаго прогресса ставитъ какое-нибудь великое несчастіе? Революціи подобно плугу оплодотворяютъ почву только раздирая ее: отчего это? Отчего происходитъ, что постоянный ходъ событій есть ничто иное какъ разрушеніе, которое продолжается и возобновляется? Откуда смерть получаетъ эту силу зарождать жизнь? Когда въ низвергающемся въ пропасть обществѣ гибнутъ тысячи личностей убиваемыхъ его развалинами, то мы говоримъ: что же дѣлать? за то человѣческій родъ идетъ впередъ. Но справедливо ли, чтобы цѣлыя расы были мучимы и уничтожаемы для того, чтобы когда-нибудь впослѣдствіи другія расы явились воспользоваться ихъ трудами и перенесенными бѣдствіями? Это громадное и произвольное принесеніе въ жертву существъ вчерашняго дня существамъ сегодняшняго дня, и существъ сегодняшняго существамъ завтрашняго—не возмущаетъ ли оно совѣсть въ са-

мыхъ глубокихъ ея основаніяхъ? И тѣмъ несчастнымъ, которые падаютъ зарѣзанные передъ алтаремъ прогресса, чѣмъ инымъ можетъ показаться этотъ прогрессъ, какъ не злополучнымъ идоломъ, какъ не гнуснымъ и ложнымъ божествомъ?

Нужно сознаться, что это были бы страшные вопросы, еслибы для разрѣшенія ихъ не было двухъ вѣрованій: въ солидарность расъ и въ безсмертіе человѣческаго рода. Потому что если принять, что все превращается и ничто не разрушается; если вѣрить въ безсиліе смерти; если убѣдиться въ томъ, что послѣдовательныя поколѣнія суть только различные виды одной и той же всеобщей жизни, которая улучшаясь постоянно продолжается; если принять наконецъ это удивительное опредѣленіе, данное геніальнымъ Паскалемъ: «человѣчество есть человѣкъ, который постоянно и безпрестанно учится»,—тогда зрѣлище столькихъ накопившихся катастрофъ теряетъ то, что было въ немъ убійственнаго для совѣсти; тогда прекращается сомнѣніе въ мудрости общихъ законовъ и въ вѣчной справедливости; и тогда можно безъ страха и колебанія слѣдить за этимъ продолжительнымъ и болѣзненнымъ рожденіемъ истины, которое называется исторіей.

Одно только добро абсолютно; одно оно необходимо. Зло въ мірѣ— это громадная случайность. И вотъ почему роль его—постоянно быть побѣждаемымъ. Тогда какъ побѣды добра окончательны и рѣшительны, пораженія зла непоправимы: книгопечатаніе останется на вѣки, но никогда не будутъ возстановлены пытки, никогда не зажгутся снова костры инквизиціи. Даже становится очевиднымъ по ходу вещей и по общему расположенію къ великимъ умамъ, что прогрессъ съ этого времени уже не будетъ совершаться только при насильственныхъ условіяхъ. Уже въ международныхъ отношеніяхъ промышленность показала, что для распространенія идей можно обойтись безъ войны; и въ гражданскихъ отношеніяхъ разумъ болѣе и болѣе доказываетъ, что порядокъ можетъ обойтись безъ палача. Религіи уже перестали дѣлать мучениковъ: нужно, чтобы и политика въ свою очерь перестала дѣлать жертвы.

Здѣсь оканчивается, въ томъ, что касается французской революціи, разсказъ о похожденіяхъ мысли. Теперь сцена измѣнитъ свой видъ; идеи сдѣлаются дѣйствіями; еще разъ книги будутъ сраженіями, а философы гладіаторами.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

Не одному только папству грозило паденіе: кличъ, поднятый Лютеромъ противъ Рима, тысячи голосовъ подняли противъ королей, принцевъ, презрителей народа, угнетателей бѣдныхъ: мы видимъ предъ собою крестьянскую войну; передъ нами открывается прологъ французской революціи.

Доктрина человѣческаго братства провозглашенная среди шума лагерей и публичныхъ площадей; убѣжденія святыя и вмѣстѣ съ тѣмъ дикія, безграничное самоотверженіе, сцены террора, казни, не признаваемые великіе люди, принципы небеснаго происхожденія униженные до ничтожества въ крови ихъ защитниковъ,—вотъ какими чертами сказывалась французская революція въ крестьянской войнѣ; вотъ какимъ воспламененнымъ путемъ мы должны прослѣдить въ исторіи духъ нашихъ отцовъ.

Въ то время какъ Лютеръ скрывался въ своемъ убѣжищѣ въ Вартбургѣ, въ Виттенбергѣ явился другой реформаторъ. Онъ назывался Николай Шторхъ. Онъ имѣлъ меланхолическую наружность, важную осанку; въ его словахъ обнаруживалась невыразимая кротость и во всей его личности было что-то таинственное, указывавшее на глубину въ его мысляхъ. Его ученіе дошло до насъ только въ смѣси съ комментаріями, которые извращаютъ его, или съ сужденіями, которыя клевещутъ на него; мы находимъ только урывки его у писателей зараженныхъ средневѣковыми предразсудками, людей безъ возвышенности и жара, умовъ полныхъ мрака. И однакоже они сказали достаточно для того, чтобы найти въ ихъ сочиненіяхъ живую истину.

Николай Шторхъ или Пеларгусъ стремился ни больше ни меньше какъ къ тому, чтобы распространить и на земные предметы тѣ принципы эманципаціи, которые выставилъ Лютеръ относительно небесныхъ предметовъ. Онъ хотѣлъ разрушить и моральное рабство народа, но также и его матеріальное рабство; создать равенство счастья въ неравенствѣ способностей; замѣнить въ устройствѣ соціальной іерархіи систему принужденія закономъ любви и власть, которую терпятъ, властью, которую принимаютъ; дать семейству размѣры государства; наконецъ уничтожить всѣ привилегіи, которыя, дѣлая рабовъ, подданныхъ, слугъ, бѣдныхъ, превращали до сихъ поръ жизнь человѣчества въ кровавую трагедію и земной шаръ въ громадную бойню [1]). Это была доктрина евангелія. Впослѣдствіи революція пыталась осуществить ее хотя не вполнѣ среди страшныхъ конвульсій, и новыя общества сохраняютъ въ своей глубинѣ ея негибнущее зерно.

Но Шторхъ понималъ, что для достиженія его цѣли нужно было передѣлать воспитаніе людей. Отсюда вытекали его усилія уничтожить въ юношествѣ уваженіе къ ложной наукѣ, заключающейся въ книгахъ докторовъ; отсюда также вытекали его усилія пріучить народъ ставить выше разсчетовъ холоднаго ума порывы благородно вдохновляемаго сердца.

Съ другой стороны не безполезно было этотъ трудный переходъ людей отъ ихъ прежнихъ идей къ идеямъ столь новымъ запечатлѣть какимъ-нибудь религіознымъ освященіемъ, какимъ-нибудь уважаемымъ символомъ. Съ этой высшей точки зрѣнія Шторхъ смотрѣлъ на крещеніе. Лютеръ видѣлъ въ крещеніи только теологическую сторону: Шторхъ же видѣлъ въ немъ сторону соціальную и истинно религіозную. Лютеръ принималъ крещеніе младенцевъ, хотя добродѣтель крещенія по его мнѣнію состояла въ актѣ вѣры, къ которому неспособны младенцы: Шторхъ же принималъ крещеніе для того возраста, когда человѣкъ можетъ уже понимать и любить. Лютеръ дѣлалъ изъ крещенія залогъ спасенія для христіанина: Шторхъ же хотѣлъ сдѣлать изъ него символъ возрожденія міра и искупленія всѣхъ угнетенныхъ.

Такова была доктрина, которую опозорили подъ именемъ анабаптизма.

Шторхъ, какъ мы уже сказали, началъ распространять ее во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ. Она сдѣлала быстрый прогрессъ. Проскользнувши въ частные разговоры, въ тезисы, въ проповѣди, она проникла въ сердце народа и заставила дрожать всѣ его фибры. Ее приняли знаменитые доктора [2]), и между ними Карлштадтъ, Маркъ Цвик-

---

[1]) Ob id enim se peculiari a Deo miraculo ad vindicandam e tenebris Christi doctrinam missum; quo fideles omnes, in unum collectos, ad novum qui brevi sit oriturus orbem deduceret.» Meshovius, Historiae anabaptisticae libri septem, lib. I, p. 5. Кельнъ.

[2]) «Socios Pelargus non vulgaris eruditionis habuit.» Meshovius, Hist. anabap., lib. I, p. 2.

кау, Гавріилъ Дидимъ, Георгъ Моръ. Она нравилась мягкой натурѣ Меланхтона [1]), котораго наконецъ она и пріобрѣла, очаровавши его. Скоро Шторхъ пріобрѣлъ важность пророка и популярность трибуна. Послѣдователи стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Но по обыкновенію ученики стали брать перевѣсъ надъ учителемъ. Съ жаромъ менѣе разумнымъ чѣмъ искреннимъ Гавріилъ Дидимъ и Георгъ Моръ убѣждали молодежь оставить занятіе наукой для механическихъ занятій. Карлштадтъ расхаживалъ по улицамъ Виттенберга отъ двери къ двери и спрашивалъ народъ о смыслѣ священнаго писанія. «Потому что, говоритъ онъ, Богъ часто скрываетъ отъ мудрецовъ тайны своего ученія, и въ сомнительныхъ случаяхъ нужно прибѣгать къ малымъ, которыхъ онъ просвѣщаетъ своимъ свѣтомъ [2]).» Между тѣмъ движеніе все болѣе и болѣе распространялось. Матвѣй Целларіусъ, одинъ изъ самыхъ искусныхъ и горячихъ послѣдователей Лютера, пытался помѣряться съ Шторхомъ, но былъ побѣжденъ и сдѣлался анабаптистомъ.

Что могло бы случиться, еслибы Лютеръ довелъ свое предпріятіе до этихъ крайнихъ границъ? Но поколѣнія еще не были готовы; различныя формы угнетенія еще не были исчерпаны, и въ этихъ отношеніяхъ Лютеръ дѣйствительно принесъ людямъ только новый родъ тираніи.

Поэтому возвратившись въ Виттенбергъ, онъ разразился оскорбленіями и угрозами противъ небесныхъ пророковъ. Онъ сдержалъ народъ, возвратилъ подъ иго своей повелительной дружбы робкаго Меланхтона, устрашилъ саксонскаго курфирста и отказывая другимъ въ свободѣ, которой онъ требовалъ такъ горячо для себя, онъ убѣдилъ изгнать изъ города Георга Мора, Дидима, Николая Шторха и даже стараго Карлштадта, своего прежняго друга [3]).

Въ то время въ Альштедтѣ на границахъ Тюрингіи жилъ человѣкъ способный на самыя отважныя предпріятія. Томасъ Мюнцеръ обладалъ всѣми качествами, которыя увлекаютъ толпу: отвагой, энергіей, дикимъ краснорѣчіемъ, благороднымъ челомъ, гордымъ и вдохновеннымъ взглядомъ. Шторхъ отправился къ нему и они безъ труда согласились между собою. Одно мгновеніе Мюнцеръ надѣялся даже на главу реформаціи; онъ отправился въ Виттенбергъ, потребовалъ свиданія съ Лютеромъ и убѣждалъ его пристать къ дѣлу народа. Лютеръ отказался не безъ заносчивости; споръ разгорячился и эти два горячіе человѣка разстались врагами.

---

[1]) Meshovius. Hist. anab., liv. I, p. 2.

[2]) «Sic aeterno Dei consilio decretum qui quum profunda doctrinae suae mysteria sapientes latere voluerit, parvulos solum quibus ea revelavit in rebus dubiis adeundos praeceperit.» Meshovius, Hist. anabap., liv. I, p. 4.

[3]) «Pelargum, Morum, Didymum, Carlstadium, recepto solum in gratiam Melanchtone, urbe dignitateque summovit ac gravissimo in exsilium edicto pepulit.» Meshovius, lib. I, p. 4.

Начиная съ этого дня Мюнцеръ совершенно отдался демону своего сердца. Стоявшій выше опасностей, недоступный утомленію онъ обходилъ деревни, призывая народъ къ свободѣ. Но онъ любилъ проповѣдывать Бога евангелія не въ церквахъ, а въ хижинахъ, по дорогамъ, подъ зеленымъ сводомъ лѣсовъ: природа служила для него храмомъ, а крестьяне почитали его какъ посланника Христова. Они узнавали его издалека по его бѣлой шляпѣ, по его большимъ волосамъ, по его бородѣ, которую онъ отпустилъ по восточному обычаю; и при появленіи его бросали свои работы и толпами собирались слушать его. Онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ глазами и руками поднятыми къ небу, говорилъ съ ними страшнымъ и глубокимъ языкомъ: «Всѣ мы братья, всѣ дѣти Адама. Справедливо ли, чтобы одни умирали съ голоду, тогда какъ другіе утопаютъ въ богатствахъ?» Потомъ онъ напоминалъ имъ слѣдующее мѣсто изъ Новаго Завѣта: «Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ, и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго. У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ Апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду (Дѣянія Апостоловъ II, 44, 45. IV, 32, 34, 35).» «Такъ жили христіане подъ закономъ первыхъ преемниковъ Христа, продолжалъ Мюнцеръ; а если такъ, то чего же мы медлимъ? До какихъ поръ мы будемъ терпѣть угнетающее царство нечестивыхъ? До какихъ поръ будемъ осуждать себя на жизнь полную столькихъ лишеній и мукъ? Природа не предназначила насъ для рабства: она создала насъ свободными. Итакъ принимайтесь за дѣло, если вы любите свободу, если вы помните Св. Писаніе, если вы уважаете слово Божіе.»

На подобныя рѣчи крестьяне отвѣчали криками энтузіазма и были потрясены ими тѣмъ больше, что они находили въ Мюнцерѣ что-то сверхъестественное и божественное. Потому что онъ имѣлъ внутреннія откровенія, объяснялъ сновидѣнія, онъ чувствовалъ, что жгучая жизнь его мыслей продолжается въ волненіи его ночей, и онъ стремился освободить землю средствами заимствованными имъ у поэзіи невѣдомыхъ странъ. Можетъ быть для того чтобы дѣйствовать на воображеніе людей, а можетъ быть и вслѣдствіе постояннаго броженія чувствъ и идей онъ часто приходилъ въ благочестивый экстазъ, въ которомъ онъ любилъ находиться и въ который совершенно погружался. Но онъ не былъ чуждъ и страданіямъ любви. Его любила красивая и нѣжная дѣвушка; но только обративши ее предварительно къ своимъ вѣрованіямъ, онъ принялъ ее и вовлекъ въ случайности своей судьбы.

Между тѣмъ пожаръ распространялся съ удивительною энергіей. Едва Мюнцеръ возвратился въ Альштедтъ, какъ городъ наполнился простолюдинами привлеченными къ нему тайнымъ и непреодолимымъ инстинктомъ. Къ нему шли изъ Эйслебена, Мансфельда, Галле, Франкенгаузена и изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ.

Тогда-то Лютеръ почувствовалъ страхъ смѣшанный съ гнѣвомъ. Онъ писалъ къ курфирсту саксонскому, что споры на словахъ могутъ быть терпимы, пока они не выходятъ изъ извѣстныхъ границъ, но что ихъ тотчасъ же нужно останавливать, если они доходятъ до того, что приводятъ въ движенiе страсти толпы [1]). Этимъ глава реформацiи подвергалъ Мюнцера ударамъ сильныхъ враговъ.

И въ самомъ дѣлѣ Мюнцеръ принужденъ былъ оставить Альштедтъ. Но, удаляясь, онъ разразился противъ своего преслѣдователя памфлетомъ написаннымъ съ горькимъ и сильнымъ краснорѣчiемъ [2]). Онъ упрекалъ Лютера за его гордость, за его раздражительность, за его завистливую ярость и за то, что онъ сдѣлался другомъ князей, ихъ придворнымъ, ихъ приближеннымъ. Этого мало — кричать безпрестанно: вѣра! вѣра! и наполнять огромные тома только этими словами: имѣть вѣру — это значитъ вѣровать и содѣйствовать облегченiю общественныхъ бѣдствiй, освобожденiю рабовъ, будущему торжеству справедливости на всей землѣ, спасенiю человѣчества. Пусть Лютеръ не говоритъ о преслѣдованiяхъ, которыя онъ вытерпѣлъ: гдѣ эти преслѣдованiя? напротивъ, не видимъ ли мы, что онъ всегда плавалъ въ изобилiи и утопалъ въ удовольствiи? Пусть онъ не хвастается своею твердостью въ Вормсѣ; онъ имѣлъ тамъ покровителями толпу знатныхъ людей, которыхъ онъ возбуждалъ къ ограбленiю монастырей. Такимъ образомъ подобно Исаву онъ будетъ замѣненъ Iаковомъ, потому что онъ продалъ свое право первородства за чечевичную похлебку и изъ-за милостей знати измѣнилъ священному дѣлу народа; онъ будетъ отверженъ за то, что, остановившись на буквѣ Писанiя, не понялъ его живительнаго духа, его освободительнаго смысла и указалъ мiру для поклоненiя только призракъ Бога [3]).

Эти нападенiя вывели Лютера изъ себя. Узнавши, что Мюнцеръ ищетъ убѣжища въ Мюльгаузенѣ, онъ поспѣшилъ написать магистрату: «Берегитесь принимать этого человѣка, кровожаднаго волка, скрывающагося въ овечьей шкурѣ. Онъ вамъ скажетъ, что онъ посланъ учить народъ: спросите его, кѣмъ онъ посланъ, и если онъ отвѣтитъ, что Богомъ, то потребуйте, чтобы онъ доказалъ это чудомъ. Потому что посольство того, кто осмѣливается нарушать естественный ходъ вещей, можетъ быть доказано только чудесами [4]).» Какъ легко было обратить противъ самого Лютера то, что онъ говорилъ здѣсь въ надеждѣ пора-

---

1) Ulenbergius, de Vita praedicantium lutheranorum, cap. XII, p. 225. Кельнъ, 1622.

2) Ibid.

3) «Ipsum revera negare Dei verbum, ejusque quamdam umbram et larvam mundo proponere.» Ulenbergius, de Vita praedic. luth., cap. XII, p. 227.

4) Meshovius, lib. I, p. 10. — Ulenbergius, cap. XII, p. 228. — Боссюэ, Hist. des Variations, liv. I, p. 529 Полнаго собранiя его сочиненiй.

зить своего врага! Но, разъ достигши выгодъ силы, онъ уже пріобрѣлъ ея ослѣпленіе и несправедливость. Съ жестокою готовностью онъ принялъ отъ курфирста Фридриха порученіе распространить въ Саксоніи и Тюрингіи ужасъ къ анабаптистамъ, и дѣйствительно онъ отправился проповѣдывать населеніямъ обязанность терпѣливаго страданія и покорнаго рабства [1]). Странное порученіе для человѣка, который столь смѣло провозгласилъ передъ Римомъ то право сопротивленія тираніи, которое онъ теперь по вопіющей непослѣдовательности хотѣлъ ограничить! Онъ забылъ, что онъ самъ началъ карьеру протестацій слѣдующими убійственными словами: «Такъ какъ мы наказываемъ воровъ висѣлицей, разбойниковъ мечемъ, еретиковъ огнемъ, то почему же намъ не напасть со всѣми оружіями находящимися въ нашемъ распоряженіи на этихъ учителей развращенія, на этихъ папъ, этихъ кардиналовъ, на это логовище римскаго Содома, которое безконечно и безпрестанно развращаетъ церковь Божію? Почему намъ не омыть нашихъ рукъ въ ихъ крови [2])?»

Лютеръ сначала отправился въ Іену и здѣсь гремѣлъ противъ Мюнцера, котораго онъ называлъ духомъ Альштедта, противъ его учениковъ или его почитателей. Здѣсь былъ Карлштадтъ; онъ почувствовалъ вдохновеніе и по окончаніи проповѣди отправился къ Лютеру въ трактиръ Чернаго медвѣдя. «Замѣчательное мѣсто, говоритъ Боссюэ, потому что въ немъ произошло начало борьбы изъ-за таинствъ между новыми реформаторами [3]).» На этомъ свиданіи, котораго только странныя стороны были представлены Бассюэ, но которое до малѣйшихъ подробностей вѣрно изложено Уленбергомъ [4]) и которое важно повторить здѣсь, чтобы показать духъ протестантизма въ его основателѣ, — весь перевѣсъ былъ на сторонѣ Карлштадта. Пожаловавшись сначала на несправедливость и жестокость, съ которыми Лютеръ въ прикрытыхъ выраженіяхъ выставлялъ его соучастникомъ заговорщиковъ, апостоломъ убійства и грабежа, онъ обвинялъ Лютера въ несправедливомъ толкованіи евангелія, именно въ томъ, что онъ принимаетъ въ таинствѣ евхаристіи дѣйствительное присутствіе тѣла Христова. «Но, —прибавилъ

---

[1]) «Ea res monuit electorum Fridericum ut Wittemberga Lutherum in Thuringiam evocaret, quem auctoritate sua facile motus istos sedaturum sperabat.» Ulenbergius, de Vita praedic. luth., cap. XII, p. 228.

[2]) Въ Mémoires de Luther., книгѣ вообще интересной и хорошо составленной, Мишле по поводу приведеннаго мѣста говоритъ (t. I, p. 274): «я не знаю, изъ какого сочиненія Лютеръ Кохлеусъ заимствовалъ эти слова.»

Однако это мѣсто вполнѣ подлинное; оно находится въ первомъ томѣ латинскихъ сочиненій Лютера послѣ полемическаго сочиненія о Сильвестрѣ Пріеріасѣ.

[3]) Hist. des Variations, liv. II, p. 537 Полнаго собранія сочин.

[4]) De Vita praedicantium luth., cap. XIII, p. 231 et sequ.

онъ,—предполагая даже, что ошибка была съ моей стороны, не должны ли были вы какъ христіанинъ вразумить меня частнымъ образомъ, братски, вмѣсто того, чтобы публично пускать въ меня отравленную стрѣлу? Любовь, любовь, говорите вы постоянно въ вашихъ рѣчахъ; а что же это за любовь, которая побуждая васъ дать кусокъ хлѣба нищему, не заставитъ васъ направить на истинный путь вашего брата, котораго вы считаете заблудшимъ?» Лютеръ защищался съ притворнымъ презрѣніемъ, которое покрывало затруднительность его роли. Онъ сталъ увѣрять, что онъ говорилъ Карлштадту о его заблужденіяхъ, что онъ представилъ ему списокъ ихъ отъ имени виттенбергскаго университета. При этихъ словахъ удивленнный и негодующій Карлштадтъ съ горячностью воскликнулъ: «Вы извращаете истину, господинъ докторъ; никогда подобный списокъ не былъ мнѣ представленъ.» Споръ разгорячался больше и больше и Лютеръ воскликнулъ презрительнымъ голосомъ: «ну хорошо же, нападайте на меня гласно. — Я это непремѣнно сдѣлаю. — Извольте, и вотъ вамъ въ залогъ, если хотите, золотая монета.»—И затѣмъ вынувши изъ кармана монету и подавая ее Карлштадту сказалъ: «возьмите и мужественно нападайте на меня [1]).» Карлштадтъ взялъ монету и обращаясь къ присутствующимъ сказалъ: «Вотъ видите: это знакъ, которымъ Лютеръ даетъ мнѣ право писать противъ него.» Затѣмъ они пожали другъ другу руки и по обычаю страны выпили ровные стаканы [2]). «Вы обѣщаете, господинъ докторъ, сказалъ Карлштадтъ, что вы не будете дѣлать мнѣ никакихъ препятствій у моихъ типографщиковъ, и что вы не будете меня безпокоить въ томъ образѣ жизни, какой я намѣренъ вести; потому что какъ только кончится нашъ споръ, я хочу жить только трудами моихъ рукъ и буду пахать землю.»—«Да вѣдь я же вамъ далъ уже въ залогъ золотую монету,—отвѣчалъ Лютеръ.—Не бойтесь ничего и не щадите меня. Чѣмъ суровѣе будетъ война, тѣмъ больше я буду любить васъ.»

Это обязательство было священно; но Лютеръ нарушилъ его. Когда онъ пришелъ въ Орламунде, гдѣ Карлштадтъ былъ пасторомъ, то былъ принятъ сначала съ особеннымъ почтеніемъ; но когда онъ сталъ проповѣдывать передъ собравшеюся толпою, тогда противъ него выступилъ одинъ сапожникъ и вступилъ съ нимъ въ теологическій споръ, вслѣдствіе котораго магистраты города объявили себя въ пользу ремесленника противъ доктора. Итакъ Лютеръ долженъ былъ удалиться, сопровождаемый насмѣшками толпы, съ улыбкой презрѣнія на губахъ и съ мщеніемъ въ сердцѣ. Слѣдствія этого не замедлили обнаружиться. Лютеръ безжалостно оклеветалъ передъ курфирстомъ саксонскимъ и понудилъ изгнать человѣка, которому онъ далъ честное слово, которому пожималъ руку, съ которымъ онъ пилъ въ знакъ дружбы; такъ что

1) «Accipe et fortiter in me fac impetum.» De vita praedic. luth. p. 241.

2) Qui quum aequalem haustum habisset, more germanico». Ibid.

бѣдный старикъ за то, что не вѣрилъ дѣйствительному присутствію въ евхаристіи тѣла и крови Христовыхъ и слишкомъ горячо противился почитанію иконъ, былъ изгнанъ изъ города и преслѣдуемъ изъ убѣжища въ убѣжище и все Лютеромъ [1]).

Все это объясняется тѣмъ, что Лютеръ, какъ мы докажемъ впослѣдствіи, провозгласилъ права совѣсти и теорію свободнаго изслѣдованія только во имя принципа индивидуализма. Но индивидуализмъ рано или поздно ведетъ къ угнетенію; и настоящая исторія, которая будетъ исторіей тріумфа индивидуализма, докажетъ къ несчастью слишкомъ хорошо, что свобода становится обманомъ тотчасъ же какъ только отдѣляютъ ее отъ равенства и братства, ея безсмертныхъ братьевъ.

Въ это время Мюнцеръ былъ принятъ въ Мюльгаузенѣ и пользовался большимъ вліяніемъ. Доктрина человѣческаго братства уже давно не имѣла столь краснорѣчиваго проповѣдника. Новый св. Павелъ, Мюнцеръ, возобновилъ ея смѣлые принципы въ томъ, что было въ нихъ соціальнаго. «Дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ. Но каждому дается проявленіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій тѣмъ же Духомъ Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно. Тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ. Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука; то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу? И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ: то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу. Если все тѣло глазъ, то гдѣ слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе? Но Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему было угодно. А еслибы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна; или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. И которые кажутся намъ менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія. И не благообразные наши болѣе благовидно покрываются; а благообразные наши не имѣютъ въ томъ нужды. Но Богъ соразмѣрилъ тѣло внушивъ о менѣе совершенномъ большее попеченіе, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а всѣ члены одинаково заботились другъ о другѣ. (Къ Коринѳянамъ, XII, 4—25).»

Но Мюнцеръ распространялъ эти идеи съ такимъ благороднымъ жаромъ, въ его личности было столько увлекательности, а въ его словахъ такая смѣсь силы и нѣжности, дикой энергіи и беззавѣтности, что

[1]) Ulenbergius, cap. XIV, p. 254, 255 et 256.

ему достаточно было нѣсколькихъ дней для того, чтобы пріобрѣсти надъ женщинами непреодолимую власть. Магистраты города пытались образовать лигу противъ него; но ихъ свергли [1]). Посредствомъ женщинъ Мюнцеръ завладѣлъ семействами; посредствомъ ихъ онъ получилъ верховную власть надъ городомъ.

Мюльгаузенъ представлялъ тогда зрѣлище, которое стоитъ того, чтобы вспомнить объ немъ въ исторіи тріумфовъ мысли. Безъ пролитія и одной капли крови, безъ вмѣшательства силы и единственно по дѣйствію всеобщаго увлеченія городъ составилъ одно семейство, какъ во времена апостоловъ [2]). Менѣе сильнымъ—менѣе тяжелыя работы и каждому въ соціальной іерархіи свое дѣло сообразное съ его способностями. Всѣ обязанности были одинаково почтенны и между ними не было другой разницы кромѣ разницы въ обязанностяхъ; не было гордости въ повелѣвающихъ, а у повинующихся была добровольная покорность. Вслѣдствіе этого не было никакого повода для происковъ, для жадности. для ненавистныхъ соперничествъ, для отвратительныхъ честолюбій. Это было расширенное семейство.

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что Мюнцеръ, еслибы выборъ зависѣлъ отъ него, предпочелъ бы эту мирную побѣду шансамъ убійственной войны? Но увы! кажется въ условіяхъ всякой революціи стоитъ то, что она должна бороться съ несправедливыми сопротивленіями, которыя вынуждаютъ ее къ крайностямъ путями по необходимости темными и кровавыми. Въ своихъ путешествіяхъ по Саксоніи, Тюрингіи, Франконіи, Швабіи Николай Шторхъ показалъ взорамъ крестьянъ лучъ надежды на близкое освобожденіе и огонь уже распространялся въ Германіи. Города вступали въ союзы, дороги покрылись шумными бандами; въ епархіи Майнца происходили соборы у трактирщика Георга Метцлера; Шварцвальдъ волновался. Чего требовали крестьяне? Того же, чего впослѣдствіи требовали письменныя жалобы (cahiers) во время французской революціи.

Вотъ сокращеніе 12 статей, составлявшихъ программу крестьянъ [3]):

«Чтобы намъ было дозволено выбирать нашихъ пасторовъ.

«Чтобы десятина отъ хлѣба употреблялась на общія нужды, на содержаніе пасторовъ, на пособіе бѣднымъ.

«Повиновеніе властямъ въ дѣлахъ позволенныхъ и христіанскихъ, но безъ всякаго рабства.

«Птицы, рыбы въ рѣкахъ, звѣри въ лѣсахъ должны принадлежать всѣмъ; потому что въ лицѣ перваго человѣка Господь всѣмъ далъ право надъ животными.

---

[1]) Meshovius, lib. I, p. 10.

[2]) «Omnes cives ad vitam apostolicam, bonis in communem massam comportatis». Meshovius, lib. I, p. 20.

[3]) См. подробный текстъ у Gnodalius, Rusticanorum tumultuum vera historia, p. 31 et sequ.

«Не нужно излишнихъ повинностей.

«Чтобы намъ законно дозволено было владѣть землею для своего пропитанія съ нея. Чтобы плата за наши работы была справедливая.

«Уменьшеніе налоговъ.

«Пусть насъ судятъ по формальностямъ прежде предписаннымъ, а не по произволу пристрастія или ненависти.

«Луга и пастбища, несправедливо захваченныя помѣщиками, должны быть возвращены общинамъ. Если же была законная продажа, тогда послѣдуетъ братская сдѣлка съ покупщикомъ.

«Не нужно требовать налоговъ съ вдовъ и сиротъ по смерти отца семейства.

«Если мы въ чемъ-нибудь ошибаемся, то признаемъ свою ошибку, если только это докажутъ намъ словомъ Божіимъ и авторитетомъ Писанія.»

Эти требованія были умѣренны, справедливы, опирались на текстъ евангелія, особенно же были сообразны съ его духомъ: поэтому крестьяне думали, что они могутъ разсчитывать на Лютера [1]). Но, какъ мы уже сказали, реформація внесла въ міръ индивидуализмъ, а не братство. Съ пера Меланхтона сорвалось нѣсколько словъ состраданія смѣшаннаго съ порицаніемъ. Что касается Лютера, то онъ разразился противъ крестьянъ. По какому праву они сопротивляются властямъ? Конечно, ихъ попирали ногами; но ужели они не знаютъ, что дѣлать расправу самому есть преступленіе; что христіанинъ долженъ страдать въ молчаніи; что Іисусъ Христосъ приказалъ нѣкогда Петру вложить мечъ въ ножны; что и умираютъ отъ меча тѣ, которые обнажаютъ мечъ. Власть отняла у нихъ имущества, но отнимая ихъ у нея самопроизвольно, что они сами дѣлаютъ, какъ не воздаютъ узурпаціей за узурпацію [2])? Ихъ желаніе освободиться отъ рабства есть большое безуміе: развѣ Авраамъ и большая часть святыхъ не имѣли рабовъ? ихъ принципъ равенства есть нелѣпость и несообразность [3]).

Вотъ Лютеръ и его большая непослѣдовательность; свобода въ религіи, но въ политикѣ рабство; не нужно папы, но императоръ долженъ остаться.

Въ то же время онъ писалъ государямъ; «Берегитесь. Между требованіями крестьянъ есть и справедливыя. Власть установлена для того, чтобы покровительствовать народамъ, а не доводить ихъ до отчаянія. Если вы не ослабите тираніи, то я предвижу ужасныя несчастія.

---

[1]) «Patronum habituri arbitrabantur.» Gnodalius, Rustic. tumult. hist., p. 41.

[2]) Magistratus adimit vobis possessiones, iniquum est, vos autem jurisdictionem adimitis. Vos ergo nocentiores illis.» Gnodalius, Rustic. tumult. hist., p. 47.

[3]) Vos eospectatis ut omnium siut eadem conditio, sint omnes aequales: hoc autem est absurdum et ineptum. Gnodalius, Rustic. tumult. hist. p. 63.

Мечъ уже надъ вашими головами и революція погубитъ Германію [1].» Это было воззваніе къ чувству страха; но не было ни одного слова вытекавшаго изъ чувства братства.

Безполезно прибавлять, что не признанная умѣренность крестьянъ скоро превратилась въ ярость. Начавшись въ Майнцкой епархіи на границахъ Франконіи, пожаръ скоро распространился далеко. Сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ крестьяне соединились въ одной долинѣ Шварцвальда и выбрали себѣ предводителемъ трактирщика Метцлера, человѣка смѣлаго и горячаго, родъ деревенскаго Катилины [2]. Они выставляли своею цѣлью торжество 12 статей; знакомъ ихъ былъ бѣлый крестъ, а на ихъ знамени было нарисовано колесо фортуны. Они двинулись въ походъ руководимые своею яростью. Они съ негодованіемъ представляли себѣ своихъ братьевъ убитыхъ въ Лейпгеймѣ, — потому что первое возстаніе уже было подавлено въ другой части Германіи; они воодушевляли себя воспоминаніями о тѣхъ, кровь которыхъ окрасила воды Дуная, которые умерли на крестѣ или въ пламени [3]. А они сами развѣ не имѣли обидъ, за которыя имъ нужно было отмстить? Одинъ вспоминалъ о своей невѣстѣ похищенной и обезчещенной. Другой о своемъ полѣ опустошенномъ какимъ-нибудь всесильнымъ и неумолимымъ охотникомъ; третій показывалъ на своемъ тѣлѣ слѣды побоевъ недавно перенесенныхъ; всѣ ссылались на евангеліе, истолкованное въ смыслѣ ихъ гнѣва. Тогда-то разразилась грубыми взрывами гнѣва и насилій эта страсть равенства, столь страшная, когда ее насильственно обращаютъ на служеніе мести. «Теперь наша очередь быть господами,» говорили крестьяне каждому дворянину, попадавшему къ нимъ въ плѣнъ. Дворяне подвергались униженіямъ иногда жестокимъ и почти всегда безполезнымъ. Чтобы избавить отъ грабежа свое имѣніе, два графа Левенштейны должны были идти за арміей Метцлера одѣтые въ мужицкое платье и съ бѣлыми палками въ рукахъ. Счастлива была бы Германія, еслибы этимъ только и ограничилась месть! Но повидимому все содѣйствовало распространенію бѣдствія. На небѣ появились страшныя знаменія, и самъ Лютеръ испугался. Рука держащая мечъ,—вотъ что изображала комета являвшаяся каждую ночь и остававшаяся надъ горизонтомъ пять четвертей часа. Для болѣе фанатическихъ между крестьянами это было знакомъ гнѣва, освящавшаго тотъ гнѣвъ, которымъ они были одушевлены, и экзальтація ихъ вслѣдствіе этого еще больше увеличилась. Швабія и Франконія были опустошены, монастыри превратились въ развалины и пожаръ служилъ знакомъ ужаснаго пути, по которому шолъ бунтъ.

---

[1] «Huc jam accedit ista seditio popularis quae Hermaniam funditus perdet. Gnodalius, Rust. tumult. hist., p. 68.

[2] Auctore Metzlero caupone... Catilinariis facinaribus aptissimo. Gnodalius, Rust. tumult. hist., p. 80.

[3] Gnodalius, Rust. tumult. hist., p. 22.

Многіе историки сохранили для насъ память объ этихъ дняхъ скорби и всѣ они повторяютъ ужасный эпизодъ, послѣдовавшій за взятіемъ Вейнсберга, Графа Гельфенштейна, губернатора города, попавшаго въ руки крестьянъ, послѣдніе вывели на сосѣднюю равнину и изрубили саблями въ глазахъ его рыдавшей жены. Ее самое съ ея пятилѣтнимъ сыномъ везли на телегѣ, накладенной навозомъ, и крестьяне при проѣздѣ ея кричали: «ты въѣхала въ Вейнсбергъ въ позолоченной каретѣ, а выѣзжаешь изъ него покрытая безчестіемъ».—На что она отвѣчала: «я радуюсь, что уподобилась въ этомъ Спасителю, который съ торжествомъ вошелъ во Іерусалимъ, а вышелъ изъ него на Голгофу, неся свой крестъ.» Впрочемъ съ обѣихъ сторонъ были одинаковыя жестокости. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ убійцъ графа былъ пойманъ дворянами и они придумали привязать его къ столбу длинною цѣпью. Потомъ разложивши вокругъ него огонь линіей, составлявшей кругъ, достаточно далеко, чтобы продолжить мученіе и достаточно близко, чтобы сдѣлать его невыносимымъ, они забавлялись варварскимъ зрѣлищемъ несчастнаго напрасно пытавшагося убѣжать отъ жара, который онъ находилъ вездѣ.

Таковы религіозныя войны! И нужно ли удивляться этому? Религія, какова бы она ни была, есть только средство сосредоточивать сильно всѣ способности человѣка, всѣ силы его существа. Когда религія охватываетъ человѣка, она требуетъ, она охватываетъ его всего. Что можетъ быть общаго между этими двумя арміями, которыя сражаются между собою потому, что онѣ не согласны между собою ни относительно права и долга, ни относительно тѣхъ вещей, которыя прекращаются смертью, и вещей, которыя начинаются со смертью? Вы требуете отъ этого солдата вооружившагося за свои религіозныя вѣрованія, чтобы онъ былъ умѣреннѣе и чтобы онъ сдерживалъ себя. О еслибы это было возможно! Но въ той игрѣ, которую онъ ведетъ, онъ ставитъ на карту свое настоящее, свою будущность, тѣ осязательныя блага, которыя онъ получаетъ немедленно, и тѣ, которыя надежда представляетъ ему издалека, и тѣ, которыя заставляетъ его предчувствовать за горизонтомъ жизни непонятное безпокойство нашихъ сердецъ болѣе мучительное и болѣе необходимое чѣмъ надежда.

Государи, курфирсты, дворяне соединились противъ общей опасности, и во главѣ ихъ войскъ шелъ Георгій Трухсесъ, искусный и храбрый предводитель; со своей стороны крестьяне думали найти себѣ военнаго вождя въ лицѣ Геца фонъ Берлихингена, одного изъ послѣднихъ представителей средневѣковаго рыцарства, прозваннаго человѣкомъ съ желѣзной рукой, потому что когда онъ лишился правой руки, то механикъ сдѣлалъ ему желѣзную руку, которою онъ продолжалъ драться. Хотя одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Германіи хотѣлъ обезсмертить Геца фонъ Берлихингена, однако это не былъ вождь, какой нуженъ былъ крестьянамъ. По разсказу, напечатанному Гессертомъ, рыцарь сидѣлъ однажды подлѣ входа въ трактиръ въ Гундельсгеймѣ, какъ вдругъ изъ группы вооруженныхъ крестьянъ отдѣлился Марксъ Штумпфъ и прямо направился къ нему: «ты Гецъ?—Я; что вамъ ну-

жно?—Будь нашимъ предводителемъ.—Возьмите лучше сатану.—Хорошо [1].» Но его сейчасъ окружили и стали принуждать; онъ садится на лошадь и прiѣзжаетъ въ лагерь какъ генералъ и плѣнникъ.... Онъ разсказываетъ, что онъ уступилъ единственно для того, чтобы спасти свою жену, дѣтей и самому избѣжать участи постигшей столькихъ дворянъ въ Вейнсбергѣ. И дѣйствительно его поведенiе во время войны кладетъ на него подозрѣнiе въ измѣнѣ. Его стратегiя состояла въ томъ, чтобы разбрасывать сюда и туда отряды слишкомъ сильные для грабежа и слишкомъ слабые для побѣды, тогда какъ главную армiю онъ погребъ въ лагерѣ, въ который рано или поздно должны были проникнуть упадокъ духа и утомленiе.

Между тѣмъ при шумѣ, который раздался по Швабiи и Франконiи, вздрогнулъ и заволновался Мюльгаузенъ. Возбужденная фанатикомъ, по имени Пфейфферомъ, экзальтацiя толпы распространялась. Мюнцеръ напрасно старался регулировать энтузiазмъ, опасности котораго онъ предвидѣлъ: вихрь увлекъ его самаго. Понявши затѣмъ, что нужно идти до конца чтобы не подвергнуться опасности отступленiя и что въ крайнихъ положенiяхъ нельзя быть ни на половину благоразумнымъ, ни на половину отважнымъ, онъ адресовалъ къ рудокопамъ въ Мансфельдѣ горячiй и дикiй манифестъ, который ставилъ его въ такую альтернативу: успѣхъ вслѣдствiе всеобщаго возстанiя Германiи или смерть. По голосу трибуна рудокопы возстали съ увлеченiемъ; городъ Франкенгаузенъ призывалъ его; изъ всѣхъ окрестныхъ деревень удивленiе внушаемое имъ приводило къ нему солдатъ.

Кто можетъ сказать, какая революцiя вышла бы изъ этого движенiя, еслибы протестантизмъ дѣйствительно былъ для народовъ доктриной свободы? Но нѣтъ: для подавленiя крика потрясшаго Германiю до самыхъ внутренностей, для уничтоженiя анабаптистовъ, для пораженiя Мюнцера католическiе и протестантскiе князья поспѣшили заключить между собою союзъ. Шли подъ одними и тѣми же знаменами и ландграфъ Гессенскiй покровительствовавшiй Лютеру и Георгъ Саксонскiй, горячiй католикъ, сто разъ проклинавшiй и поражавшiй Лютера. Принципъ братства былъ въ одномъ лагерѣ: авторитетъ и индивидуализмъ соединились въ другомъ.

Мюнцеръ расположился недалеко отъ Франкенгаузена на крутой горѣ, обнесши себя укрѣпленiемъ изъ телегъ. Но что могла значить передъ обученной армiей имѣющей пушки и предводимой искусными вождями безпорядочная толпа крестьянъ, между которыми большая часть была невооруженныхъ? При видѣ непрiятеля они смутились и поспѣшили написать князьямъ, что они обѣщаются слѣдовать вѣрѣ Iисуса Христа, что они мирные люди и чтобы имъ было позволено свободно исповѣдывать слово Божiе. «Вы бунтовщики, отвѣчали князья. Вы-

[1]) Извлеченiе изъ рыцарскихъ дѣянiй Геца фонъ Берлихингена, собранныхъ и напечатанныхъ Гессертомъ, с. 119. Пфорцгеймъ, 1840.

дайте намъ Мюнцера и его соучастниковъ: это—условіе нашей милости.» Но Мюнцеръ во всемогуществѣ своего слова имѣлъ надежную охрану. Нѣсколькихъ его словъ было достаточно, чтобы возжечь храбрость. Кромѣ того въ тотъ моментъ, когда онъ говорилъ, вдругъ показалась на небѣ радуга, изображеніе которой крестьяне имѣли на своихъ знаменахъ [1]). Послѣ этого нельзя было больше сомнѣваться, что Богъ желалъ этимъ показать свое покровительство тѣмъ, дѣло которыхъ было справедливо. Крестьяне поэтому стали готовиться къ сраженію; съ своей стороны Филиппъ Гессенскій ходилъ по рядамъ и воодушевлялъ своихъ солдатъ; забили барабаны и началось нападеніе. Это было не сраженіе, а бойня. Въ одно мгновеніе задній спускъ горы и равнины покрылись несчастными, которыхъ страхъ гналъ съ поля сраженія, но не съ поля смерти и которые настигнутые кавалеріей князей гибли тысячами подъ ударами пикъ или подъ ногами лошадей. Тогда произошла странная сцена. Самые убѣжденные и самые религіозные между крестьянами не хотѣли бѣжать, но отказывались сдаваться и не хотѣли сражаться; съ глазами устремленными къ небу и съ поднятыми руками они приняли фатальный ударъ, распѣвая гимнъ признательности и любви къ Богу, который казалось обманулъ и оставилъ ихъ.

Мюнцеръ былъ увлеченъ и отброшенъ въ Франкенгаузенъ суматохою бѣгства. Онъ могъ бы спастись [2]); но силы его истощились и горькое разочарованіе погасило въ немъ навсегда огонь сердца. Слуга одного дворянина нашолъ его больнаго въ домѣ служившемъ ему убѣжищемъ, и онъ былъ привлеченъ передъ своихъ враговъ и преданъ пыткѣ. Когда крайняя боль вызвала у него вздохи, то герцогъ Георгъ сказалъ ему: «вы страдаете; но подумайте о всѣхъ тѣхъ, которые умерли за то, что послушались вашего голоса.» На это онъ отвѣтилъ съ печальной и глубокой улыбкой: «Этого они и желали [3]).» Приведенный на казнь и спрошенный о вѣрѣ, онъ повидимому былъ поглощонъ своими мыслями и проговорилъ только какія-то неясныя слова [4]), потому ли что приближеніе послѣдняго часа дѣйствительно смутило его или же потому, что, удивившись побѣдѣ надъ правдою въ его лицѣ, онъ лучше желалъ усумниться въ самомъ себѣ чѣмъ въ правдѣ Бо-

1) Sed in primis excitabat eos ille de quo dictum est, in coelo consistens arcus.» Gnodalius, Rustic. tumult. vera hist., lib. Ш, p. 248.—Этотъ фактъ такимъ же образомъ разсказывается и у Meshovius въ его Исторіи анабаптистовъ и у Слейдана въ Исторіи реформаціи.

2) «Potuisset interea temporis commodissime evadere.» Gnodalius, lib. III, p. 260.

3) Приводя этотъ отвѣтъ, Гнодалій и Месговій вполнѣ извратили его смыслъ и выставляли его какъ глупость.

4) Это по крайней мѣрѣ утверждаютъ историки нерасположенные къ Мюнцеру, напр. Меланхтонъ, Гнодалій, Месговій и пр. Они прибавляютъ, будто онъ даже отрекся отъ своихъ мнѣній, но это клевета, какъ доказалъ это по документамъ Циммерманъ, приводимый Александромъ Вейлемъ въ его интересной Исторіи крестьянской войны.

жіей. Но во всякомъ случаѣ при видѣ палача онъ вышелъ изъ своей скорбной сосредоточенности, оправился, увѣщевалъ князей щадить бѣдныхъ, по крайней мѣрѣ въ виду собственной безопасности, и умеръ со словами: «помилуйте народъ!»

Мюнцеръ не унесъ съ собою во гробъ судьбу анабаптизма. Анабаптисты, вопреки жесточайшимъ преслѣдованіямъ и самымъ чорнымъ клеветамъ, быстро размножались и распространялись по всей Европѣ.

Но они раздѣлились на двѣ секты, которыя не нужно смѣшивать, одна, руководившаяся Библіей, а другая Евангеліемъ.

Анабаптисты, устроившіеся сообразно съ еврейскимъ преданіемъ, имѣли столицею городъ Мюнстеръ, а королемъ избрали себѣ знаменитаго Іоанна Лейденскаго. Они обезсмертили себя въ исторіи чудесами постоянства, мужества, безстрашія, но предавались полигаміи, грубому матеріализму и свою храбрость запятнали варварствомъ.

Анабаптисты слѣдовавшіе христіанскому преданію интересуютъ насъ главнымъ образомъ. Утвердившіеся въ Германіи въ 1530 году подъ управленіемъ Гуттера и Габріеля, они извѣстны подъ именемъ Моравскихъ братьевъ и число ихъ простиралось до 70 тысячъ, составлявшихъ одно семейство.

Чтобы дать понятіе объ этой необыкновенной ассоціаціи, мы приведемъ только слѣдующее мѣсто одного изъ самыхъ горячихъ противниковъ анабаптизма [1]):

«Мѣстопребываніемъ перекрещенныхъ братьевъ или Моравскихъ братьевъ была деревня въ помѣстьяхъ моравскихъ дворянъ, которые находили выгоднымъ отдавать ихъ въ аренду колоніи анабаптистовъ. Послѣдніе давали всегда помѣщикамъ, у которыхъ они снимали землю, по крайней мѣрѣ вдвое противъ того, что платилъ обыкновенный фермеръ. Когда помѣстье отдавалось имъ, они поселялись въ немъ всѣ вмѣстѣ, въ особомъ помѣщеніи.

«Каждое особое хозяйство имѣло свою избушку построенную безъ украшеній, но внутри ея соблюдалась такая чистота, что пріятно было смотрѣть. Среди колоніи устраивались общественныя зданія, предназначавшіяся для дѣлъ общины. Здѣсь была столовая, въ которую всѣ собирались въ извѣстное время. Здѣсь же были устроены залы для занятія въ нихъ тѣми работами, которыя обыкновенно производятся въ тѣни и подъ навѣсомъ. Тамъ же было мѣсто, гдѣ кормились маленькіе дѣти колоніи.... Въ другомъ отдѣльномъ мѣстѣ устроена была общественная школа, гдѣ юношество училось правиламъ своей секты и наукамъ, которыя приличны его возрасту.

«Такъ какъ все имущество было общее, то экономъ, смѣнявшійся ежегодно, одинъ принималъ доходы колоніи и произведенія труда. Онъ также одинъ долженъ былъ удовлетворять нуждамъ общины. Проповѣдникъ и архимандритъ имѣли родъ надзора надъ распредѣленіемъ имущества и надъ благочиніемъ.

[1]) Катру, іезуитъ, Histoire des anabaptistes, liv. IV, p. 273 et suiv.

«Первымъ правиломъ было—не терпѣть между братьями людей лѣнивыхъ. Съ утра послѣ молитвы, которую каждый совершалъ тайно, одни расходились по полямъ для обработки ихъ, другіе занимались въ общественныхъ мастерскихъ ремеслами, которымъ ихъ обучили: никто не былъ освобождаемъ отъ работы.

«Жизнь Моравскихъ братьевъ была умѣренная, а трудъ ихъ былъ усиленный и прилежный.... Отсюда происходили богатства, которыя каждая колонія копила секретно. Въ нихъ отдавался отчетъ только первому главѣ всей секты; излишки колоній употреблялись въ пользу всей секты. Часто случалось, что покупались въ собственность земли бывшія въ арендѣ....

«Можно сказать, что въ колоніяхъ всѣ пороки были изгнаны изъ общества. Жены ихъ отличались скромностью и вѣрностью выше всякаго подозрѣнія.... Употреблялись только духовныя средства для наказанія или предупрежденія безпорядковъ. Самыми страшными наказаніями у нихъ были публичное покаяніе и лишеніе причастія. Иногда впрочемъ удвояли работы и требовали болѣе тягостныхъ трудовъ отъ тѣхъ, которые были уличены въ легкихъ проступкахъ. Относительно болѣе виновныхъ принимали мѣру, состоявшую въ томъ, что ихъ возвращали міру или, говоря ихъ выраженіями, ихъ изгоняли изъ рая сладости, такъ какъ они становились недостойными его за свое неповиновеніе....

«Повидимому все соединилось для покровительства Моравскимъ братьямъ. Дворянство страны находило свою выгоду въ томъ, чтобы ихъ земли обработывались людьми неутомимыми и вѣрными. Нельзя было вовсе жаловаться на общество, всѣ правила котораго повидимому не имѣли другой цѣли кромѣ общественной пользы. Однако религіозная ревность взяла верхъ въ сердцѣ Фердинанда, римскаго короля и пр. и пр....» Вслѣдствіе этого начались преслѣдованія и войны кончившіяся разрушеніемъ учрежденія, основаннаго Гуттеромъ и Габріелемъ. Но духъ анабаптизма продолжалъ жить.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.		Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
16	сн.	18	Эдгаръ Кире	Эдгаръ Кине
22	св.	12	теперь и	теперь, и
59	сн.	11	Онъ то	Онъ, то
68	св.	14	521 года	1521 года
94	сн.	16	жалѣть	не жалѣть
95	сн.	9	Глава VI.	Глава IV.
147	сн.	12	Тройеса,	Труа,
149	сн.	5	Троя	Труа
187	сн.	13	цѣли	цѣпи
235	св.	18	всѣхъ	всѣхъ,
321	св.	1	статьи	статья
328	сн.	15	(Jean-Jaque	(Jean-Jaques
346	св.	11	Вовенарта,	Вовенарга,
373	св.	6	Esprit de lois.	Esprit des lois.
379	св.	4—5	корые	которые

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНІЯ Н. П. ПОЛЯКОВА:

СОЧИНЕНІЯ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора; переводъ В. Зайцева. Цѣна перваго тома 2 р. Содержаніе 1-го тома: Программа работниковъ. Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія.—Процессъ Лассаля по поводу «Программы работниковъ» (I. Наука и работники; защитительная рѣчь.—II. Стенографическій отчетъ объ уголовномъ судопроизводствѣ надъ Лассалемъ. — III. Приговоръ первой инстанціи, съ критическими примѣчаніями Лассаля.—IV. Приложеніе къ процессу.) — Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ. — Гласный отвѣтъ центральному комитету, учрежденному для созванія германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ.—По рабочему вопросу; лейпцигская рѣчь Лассаля. — Книга для чтенія рабочимъ. — Къ Берлинскимъ работникамъ; воззваніе отъ имени работниковъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. — Процессъ противъ Лассаля по обвиненію въ государственномъ преступленіи.—Агитація Общаго Германскаго Рабочаго Союза и обѣщаніе Прусскаго короля. — О сущности конституціи.—Что-же теперь? (вторая рѣчь о сущности конституціи).— Сила и право.

СОЧИНЕНІЯ ЛЮДВИГА БЁРНЕ, въ переводѣ П. Вейнберга. Въ двухъ томахъ. Со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Цѣна за два тома 3 р. 50 к. Содержаніе I тома: Жизнь и литературная дѣятельность Людв. Бёрне (статья П. Вейнберга).—Объявленіе автора объ изданіи избранныхъ сочиненій его.— Менцель французоѣдъ.—Сумасшедшій въ гостинницѣ «Бѣлаго Лебедя», или нѣмецкія газеты. — Изъ моего дневника. — Романъ.—Въ защиту евреевъ. — Достопримѣчательности Франкфуртской цензуры. — Критическія статьи. — Содержаніе II тома: Парижскія письма 1830— 1833 гг.—Афоризмы и отрывочныя замѣтки.—Смѣсь (Надгробное слово Жанъ-Полю Рихтеру. — Объявленіе объ изданіи журнала «Вѣсы».— Гамлетъ.—Къ нѣмецкимъ ученымъ.—Искусство въ три дня сдѣлаться оригинальнымъ писателемъ).

ИСТОРІЯ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ, Луи Блана. Томъ первый. Переводъ М. А. Антоновича. Цѣна I-го тома 1 р. 50 к.

